

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ**

Кемеровский государственный университет
Музей-заповедник «Томская Писаница»
Администрация Кемеровской области
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук
Институт археологии Российской академии наук
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ICOFOM

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ)**

**Кемерово
2016**

УДК 902/904 (51 + 571.1) (063)
ББК Т4 (2 Рос) – 4я 431
А87

*Издание сборника осуществлено в рамках выполнения государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К,
при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект №16-11-42501), Администрации Кемеровской области, Кемеровского
государственного университета, Музея-заповедника «Томская Писаница»*

Отв. редактор: докт. ист. наук, проф. **В. В. Бобров**

Редактор английского текста: канд. филол. наук, доц. **Т. А. Логунов**

Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / под ред. В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – 360 с. ISBN 978-5-202-01364-5

А87 В сборнике публикуются материалы международной научной конференции «Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)», проведённой 19–21 октября 2016 г. в г. Кемерово. Авторы статей рассматривают актуальные проблемы изучения дописьменной истории Сибири и Центральной Азии, документирования и интерпретации памятников древнего искусства, сохранения и использования объектов археологического наследия. Отдельный тематический раздел «Музей и наука: актуализация историко-культурного и природного наследия Сибири и Центральной Азии в музеях» посвящён 40-летию со дня основания музея «Археология, этнография и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета.

Издание адресовано археологам, этнографам, историкам науки, музейоведам, культурологам и всем, интересующимся вопросами изучения и сохранения археологического наследия.

ISBN 978-5-202-01025-5

ББК Т4 (2 Рос) – 4я 431
А87

*На обложке: петроглифы в горах Оглахты, Хакасия;
оленный камень Хуцуутийн тал, Монголия.
Фото: Е. Миклашевич*

© Авторы статей, 2016

© Кемеровский государственный университет, 2016

Kemerovo State University
Museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa"
Administration of Kemerovo region
Federal Research Centre for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Siberian Association of Prehistoric Art Researchers
Committee for Museology of Asian and Pacific Countries of ICOFOM

**ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
OF SIBERIA AND CENTRAL ASIA
(PROBLEMS OF INTERPRETATION AND PRESERVATION)**

**Kemerovo
2016**

Editor: Doctor of History, prof. **V. V. Bobrov**

Editor of English text: Candidate of Philology **T. A. Logunov**

Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation): Proceedings of the International Conference / Ed. by V. V. Bobrov. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016. – 360 p.
ISBN 978-5-202-01364-5

The collection contains proceedings of the International Scientific Conference "Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)" held on 19–21 October, 2016 in Kemerovo. The authors of the articles discuss urgent issues in the study of prehistory of Siberia and Central Asia, documenting and interpreting the ancient art, as well as preservation and management of archaeological heritage. A separate section "Museum and Science: actualizing cultural and natural heritage of Siberia and Central Asia in museums" is dedicated to the 40th anniversary of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University.

The publication is addressed to archaeologists, ethnographers, historians of science, experts in museum and culture studies and to all who are interested in study and preservation of archaeological heritage.

ISBN 978-5-202-01025-5

© Authors, 2016

© Kemerovo State University, 2016

Содержание

<i>Предисловие</i>	12
--------------------------	----

Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Сибири и Центральной Азии

<i>Бобров В. В.</i> Современное состояние знаний о новокаменном веке контактной зоны Северной и Центральной Азии (Южная Сибирь)	13
<i>Васютин С. А.</i> «Дружинные погребения»: критерии и интерпретации (на примере раннесредневековых памятников Саяно-Алтая и Центральной Азии)	19
<i>Гирченко Е. А.</i> Традиции питания неолитического населения среднего Янцзы и связанные с этим демографические процессы	24
<i>Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П., Дроздов Д. Н.</i> Гео-археологические исследования в Туве (история, проблемы, перспективы)	29
<i>Кузьминых С. В., Вдовин А. С., Гален Г.</i> Из истории российских археологических коллекций за рубежом: собрание И. П. Товостина в Музейном Ведомстве Финляндии	36
<i>Кузьминых С. В., Салминен Т. А. М.</i> Тальгрэн – редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua»	40
<i>Медведев В. Е.</i> К проблеме воссоздания культурно-исторических процессов в эпоху неолита в Приамурье	45
<i>Рогожинский А. Е.</i> Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи	53
<i>Савинов Д. Г.</i> Легенды и действительность о значении железа в социальной истории кочевых империй	64
<i>Сапрыкина И. А., Кузьминых С. В., Пельгунова Л. А., Холмквист Э.</i> Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника: итоги и перспективы	69
<i>Сапрыкина И. А., Томантера Л.</i> Радиографическое исследование бронзовых предметов из коллекции Ананьинского могильника из хранения Музейного ведомства Финляндии	73
<i>Серёгин Н. Н.</i> Общие и особенные характеристики погребального ритуала раннесредневековых тюрок Монголии	77
<i>Соёнов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В.</i> Аварийные работы на могильнике Курайка (Южный Алтай) в 2015 году	82

Документирование и интерпретация памятников древнего искусства

<i>Бернацкая Ю. Э.</i> О символике власти в изображениях на стелах майя: опыт реконструкции	89
<i>Дэвлет Е. Г., Пахунов А. С., Дэвлет М. А.</i> О документировании плит Каракола: изображения быкоголовых и их детали	94
<i>Дэвлет Е. Г., Фахри А. И.</i> Были ли каменные изваяния одетыми?	98
<i>Заика А. Л., Вдовин А. С., Конохов В. А.</i> Результаты исследования писаниц на юге Красноярского края в 2015 году	104
<i>Зинченко С. А.</i> Образ Πότνια Θηρῶν в художественных культурах начала – второй половины I тыс. до н.э.: к вопросу о функционировании «сквозных сюжетов»	109
<i>Бородовский А. П.</i> Петроглифические местонахождения западного склона хребта Сальджар (Горный Алтай)	115
<i>Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.</i> К характеристике одного интересного изображения на керамическом сосуде с Гонур-депе	121
<i>Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.</i> Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки	129

Ковалёв А. А. Гравированные каменные пластинки из чемурчекского ритуального комплекса Хар чулуут 1 и гипотеза западноевропейского происхождения чемурчекского феномена	136
Мухарева А. Н. Писаница на утёсе Городовая Стена: история изучения и современное состояние	144
Кретэн К., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В. Молодин В.И., Женест Ж.-М. Возможности изучения петроглифов в ходе их документирования (на примере памятника Калгутинский Рудник, Горный Алтай)	148
Марсадолов Л. С. Отражение календарных представлений в курганах и «искусстве» кочевников Евразии в VIII–VI вв. до н.э.	155
Новоженков В. А. Петроглифы Золотой Степи: вид сверху	166
Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии)	173
Ожередов Ю. И. Гравированный бивень мамонта из «Парусинки»	182
Советова О. С. Проблемы и перспективы исследования петроглифов Тепсея	193
Солодейников А. К. Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства	200
Тишкин А. А. Изображения на «оленных» камнях Монгольского Алтая как источник для реконструкции материальной культуры аржано-майэмирского времени	211
Фахри А. И. Традиция почитания камня и стелы майя	215
Чикунова И. Ю. Зооморфная и антропоморфная металлопластика городища Усть-Васьёган 1 (Северное Приобье)	217
Швец И. Н. К вопросу интерпретации солнцеголовых изображений как шаманских в наскальном искусстве Центральной Азии	221

Сохранение и использование объектов археологического наследия

Каплунов В. А., Покровская А. Ф. Проблемы использования археологического наследия в туристическом бизнесе	225
Котов В. Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) как объект Всемирного наследия	230
Леванова Е. С., Грешников Э. А., Пахунов А. С., Фахри А. И., Гринько А. Е., Ульянов А. А., Кириллова К. В., Колье А. А. Вопросы номинирования памятников наскального искусства в Список всемирного наследия ЮНЕСКО	239
Макулов В. И., Дроздов Н. И. Сохранение объектов археологического наследия при строительстве крупных гидротехнических сооружений на территории Красноярского края	243
Молодин В. И. Роль археологического наследия Сибири в реконструкции историко-культурных процессов и воспитании патриотизма	251
Радаев А. А., Тимофеева А. С., Фахри А. И., Леванова Е. С., Ульянов А. А., Колье А. А., Дэвлет Е. Г. Наскальные росписи Сьерра-де-Сан-Франсиско: история объекта всемирного наследия ЮНЕСКО	255
Конончук К. В. Первые шаги направления. Реставрационные мероприятия на Томской писанице в 1960–1970-х гг. История и оценка	260
Ласкин А. Р. Петроглифы Сикачи-Аляна. Перспективы включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО	265
Миклашевич Е. А. Памятники наскального искусства Оглахтинского хребта: Перспективы номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО	268

<i>Позднякова О. А.</i> Использование объектов археологического наследия в туристическом и инвестиционном продвижении регионов	274
<i>Широков В. Н.</i> О современном состоянии Игнatieвской пещеры	280

**Музей и наука:
актуализация историко-культурного и природного наследия
Сибири и Центральной Азии в музеях**

<i>Белоусова Н. А.</i> Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета – центр актуализации историко-культурного и природного наследия Сибири (к 40-летию со дня основания)	285
<i>Боброва Л. Ю., Умеренкова О. В.</i> К проблеме археологической реконструкции в музейном пространстве (по материалам памятника Новый Белоярск I)	289
<i>Андреев В. В.</i> Проблемы сохранения нематериального историко-культурного наследия русских муниципальными музеями Кемеровской области	295
<i>Боголепова Л. З.</i> Дмитрий Васильевич Кацюба – кузбасский учёный и краевед (к 95-летию со дня рождения)	298
<i>Гарелик П. Д., Глушкова П. В.</i> Актуализация семейно-родовых культов шорцев в музее «Археология, этнография и экология Сибири»	303
<i>Глушкова П. В., Белоусова О. Ф.</i> Актуализация советского быта посредством презентации коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	306
<i>Гридаева Л. В.</i> Историко-культурный и природный потенциал музея как фактор развития малого города	310
<i>Ишжамиц Б.</i> Музеефикация объектов историко-археологического наследия (на примере Орхонского аймака, Монголия)	313
<i>Кимеева Т. И.</i> Анимистические образы на культовых предметах шорцев	315
<i>Кравцова Л. А.</i> Выставочная деятельность Музея угля ФИЦ УУХ СО РАН в реализации стратегии интеграции в социокультурное пространство региона	320
<i>Патрушева Г. М.</i> Каталогизация музейных коллекций в музеях Западной Сибири на современном этапе	325
<i>Полевод В. А.</i> Пяденицеобразные чешуекрылые музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: формирование и формы работы с коллекцией	330
<i>Родионова Д. Д.</i> Использование информационно-коммуникационных технологий в студенческих проектах для музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета	334
<i>Сальникова И. В.</i> Отражение в экспозиции новых научных концепций	338
<i>Самбалхундев Х.-Э.</i> Этнокультурное пространство России и Монголии	342
<i>Труевцева О. Н.</i> Международное музейное сотрудничество в Сибири	346
<i>Челухоев В. В.</i> Сохранение историко-культурного наследия телеутов в историко-этнографическом музее «Чолкой»	352
<i>Шрайбман О. Б.</i> Экспозиция отдела природы и экологии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета: современное состояние и перспективы использования	355

Contents

<i>Foreword</i>	12
-----------------------	----

Urgent issues in the study of Prehistory of Siberia and Central Asia

<i>Bobrov V. V.</i> The current state of knowledge on the New Stone Age of the contact area between North and Central Asia (South Siberia)	13
<i>Vasyutin S. A.</i> 'Bodyguard Burial Mounds' – criteria and interpretations (illustrated by the Early Middle Ages findings from the Sayan and Altai Mountains and Central Asia)	19
<i>Girchenko E. A.</i> Subsistence economy traditions and related demographic processes of the Neolithic inhabitants of the Middle Yangtze	24
<i>Drozdov N. I., Makulov V. I., Chekha V. P., Drozdov D. N.</i> Geo-Archaeological Research in Tuva (history, problems, prospects)	29
<i>Kuzminykh S. V., Vdovin A. S., Halen H.</i> From the history of Russian archaeological collections abroad: I.P. Tovostin's Collection in the National Board of Antiquities (Finland)	36
<i>Kuzminykh S. V., Salminen T. A. M.</i> Tallgren – editor of the journal «Eurasia Septentrionalis Antiqua»	40
<i>Medvedev V. E.</i> The problem of reconstructing the cultural and historical processes in the Neolithic of Amur region	45
<i>Rogozhinskiy A. E.</i> Signs of property and power of the ancient and medieval nomads of Kazakh steppes	53
<i>Savinov D. G.</i> Legends and reality in the significance of iron in the social history of nomadic empires	64
<i>Saprykina I. A., Kuzminykh S. V., Pelgunova L. A., Holmquist E.</i> Study of the chemical composition of non-ferrous metal from Ananyino burial ground: results and perspectives	69
<i>Saprykina I. A., Tomantera L.</i> Radiography of bronze objects of Ananyino burial ground collection from National Board of Antiquities of Finland (Museovirasto)	73
<i>Seregin N. N.</i> General and special characteristics of the funeral rite of Early Medieval Turks in Mongolia	77
<i>Soyonov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V.</i> Archaeological fieldwork in erosion zone of Kurayka burial ground (Southern Altai) in 2015	82

Documenting and interpreting ancient art

<i>Bernatskaya J. E.</i> On the symbols of power in the imagery of ancient Maya stelae: a reconstruction	89
<i>Devlet E. G., Pakhunov A. S., Devlet M. A.</i> Regarding the documentation of the Karakol burial slabs: bullhead figures and their details	94
<i>Devlet E. G., Fakhri A. I.</i> Could stone monuments have been dressed?	98
<i>Zaika A. L., Vdovin A. S., Konohov V. A.</i> Investigation of rock art sites in the south of Krasnoyarsk territory in 2015	104
<i>Zintchenko S. A.</i> Image of Πόρνια θηρῶν in the artistic cultures of the beginning – the second half of the 1st millennium BC: to the functioning of "cross-cutting themes"	109
<i>Borodovsky A. P.</i> Rock art sites in the western slope of the Saldzhar range (Gorny Altai)	115
<i>Dubova N. A., Sataev R. M., Fribus A. V., Grushin S. P.</i> Features of a peculiar image on a ceramic vessel from Gonur-Depe	121

Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D.	
Some results of studying Early Iron Age sculpture from Saryarka	129
Kovalev A. A. Engraved stone plaques from the ritual complex of Khar Chuluut 1 and the hypothesis of Western European origin of Chemurchek (Qiemuerqieke) phenomenon	136
Mukhareva A. N. Rock art site on Gorodovaya Stena cliff: history of studying and its current state	144
Crétin C., Zotkina L.V., Cheremisin D.V., Molodin V.I., Geneste J.-M.	
Possibilities of the rock art research during its documentation (on the example of Kalgutinsky Rudnik site, Gorny Altai)	148
Marsadolov L. S. Reflection of calendar representations in barrows and «art» of Eurasian nomads in the 8-6th centuries BC	155
Novozhenov V. A. Petroglyphs of the Golden Steppe: seen from above	166
Rusakova I. D. To the dating of the Iron Age petroglyphs (on the example of the Boyary ridge petroglyphs)	173
Ozheredov Y. I. Engraved mammoth tusk discovered in "Parusinka"	182
Sovetova O. S. Challenges and perspectives of studying Tepsey petroglyphs	193
Solodeynikov A. K. Strategies and tactics in documenting rock art sites	200
Tishkin A. A. Images on «deer» stones of Mongolian Altai as a source for reconstruction of material culture of Arzhan-Mayemir period	211
Fakhri A. I. The tradition of veneration of stone and the Mayan stela	215
Chikunova I. Y. Zoomorphic and anthropomorphic metal objects from Ust-Vasyegan 1 settlement (North Priobye)	217
Shvets I. N. On interpretation of "Sun-ray head" figures as shamanic in the rock art of Central Asia	221

Preservation and management of archaeological heritage

Kaplunov V. A., Pokrovskaia A. F.	
The problems of using archaeological heritage in tourism business	225
Kotov V. G. The Shulgan-Tash (Kapova) cave sanctuary as an object of the World Heritage	230
Levanova E. S., Greshnikov E. A., Pakhunov A. S., Fakhri A. I., Grinko A. E., Ulianov A. A., Kirillova K. V., Kolye A. A. Rock art sites in the UNESCO World Heritage List	239
Makulov V. I., Drozdov N. I. Preservation of archeological heritage objects in conditions of construction of large hydrotechnical facilities in Krasnoyarsk Territory	243
Molodin V. I. The role of the Siberian archaeological heritage in reconstruction of historical and cultural processes and in patriotic education	251
Radaev A. A., Timofeeva A. S., Fakhri A. I., Levanova E. S., Ulianov A. A., Kolye A. A., Devlet E. G. Rock art of Sierra de San Francisco: the history of the UNESCO World Heritage site	255
Kononchuk K. V. The first steps of the direction. Restoration activities at Tomskaya Pisanitsa in 1960–1970s. History and evaluation	260
Laskin A. R. Petroglyphs of Sikachi-Alyan. Prospects of inscribing into UNESCO World Heritage List	265
Miklashevich E. A. Rock art sites of the Oglakhty ridge: Perspectives for inscription on the UNESCO World Heritage List	268
Pozdnyakova O. A. The use of archaeological heritage objects in the tourist and investment promotion of regions	274
Shirokov V. N. The current state of Ignatievskaya cave	280

Museum and Science: actualizing cultural and natural heritage of Siberia and Central Asia in museums

Belousova N. A. Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia» in the Kemerovo State University as a center for updating historical, cultural and natural heritage of Siberia (to the 40th anniversary of the founding)	285
Bobrova L. Yu., Umerenkova O. V. The problem of archaeological reconstruction in the museum space (on the material of Novyi Beloyarsk I site)	289
Andreev V. V. Problems of preservation of intangible historical and cultural heritage of the Russians by the municipal museums of Kemerovo region	295
Bogolepova L. Z. Dmitry Katsyuba – the researcher of the local history of Kuzbass (to the 95th anniversary)	298
Garelik P. D., Glushkova P. V. Actualization of family and tribal cults of the Shors in Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia'	303
Glushkova P. V., Belousova O. F. Actualization of the Soviet everyday life by means of presenting the collection of Kemerovo University Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia'	306
Gridaeva L. V. Historical, cultural and natural potential of a museum as a factor for development of a small town	310
Ishjamts Bulgan. Museumification of historical and archaeological heritage objects (on the example of Orkhon aimak, Mongolia)	313
Kimeeva T. I. Animistic images on cult objects of the Shors	315
Kravtsova L. A. The exhibition activity of Coal Museum of FRS CCC SB RAS in implementing the strategy of integration into socio-cultural space of the region	320
Patrusheva G. M. Cataloging museum collections in the museums of Western Siberia at present	325
Polevod V. A. The Geometroid Moths in the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University: formation of the collection and ways of dealing with it	330
Rodionova D. D. Application of information and communication technology in student projects for the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University	334
Salnikova I. V. Reflection of new scientific concepts in museum exposition	338
Sambalkhundev Kh.-E. Ethnocultural space of Russia and Mongolia	342
Truevtseva O. N. International museum cooperation in Siberia	346
Chelukhoyev V. V. Preservation of historical and cultural heritage of the Teleuts in the historical and ethnographic museum 'Cholkoy'	352
Shraybman O. B. Exposition of the Department of Nature and Ecology of the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University: its current state and perspectives of utilization	355

Предисловие

Проблемы изучения и сохранения археологического наследия находятся в центре внимания мирового научного сообщества. Это определено, прежде всего, фундаментальным направлением исследований, которое сопровождает развитие методического арсенала и теории археологической науки. Результаты изучения истории дописьменного периода имеют не только научно-познавательное и прикладное значение, но и востребованы в политике и идеологии. Примером тому являются современные события в Европейском Сообществе и на Украине. Вместе с тем, проблема сохранения археологического наследия касается не только профессиональной среды. Она давно приобрела социально-экономическое значение. Злободневность этого значения для стран СНГ и, в частности, для Российской Федерации особенно очевидна. Достаточно отметить рост так называемых чёрных археологов и географию их распространения, передачу в частную собственность земли, на которой находятся археологические памятники, низкий профессиональный уровень использования археологических памятников, включённых в туристическую инфраструктуру. Данные негативные явления особенно распространены, за редким исключением, во многих районах Сибири.

Проблемы изучения и сохранения археологического наследия в азиатской части России актуализируют несколько важнейших факторов. Во-первых, на этом пространстве, но особенно в пограничье Северной и Центральной Азии, расположено огромное количество археологических памятников. Некоторые из них имеют мировое значение (Денисова пещера в Горном Алтае, Тартас 1 в Барабе, Барсовая Гора в Зауралье, Сулекская писаница в Хакасии и многие др.). Во-вторых, в пределах Южной Сибири, Монголии и Казахстана степень концентрации недвижимых памятников древнего и средневекового искусства такова, что равной ей нигде нет в мире. Нижнетомский очаг (Кузбасс) составляет периферию южносибирского ареала памятников наскального искусства. В-третьих, Сибирь и Центральная Азия стали полигоном для испытания новых научных подходов и методов исследования археологических памятников и источников. В качестве примера достаточно привести мультидисциплинарный подход к изучению древностей, который развивает научная школа академика В. И. Молодина, и методы исследования монументальных памятников и наскального искусства, разрабатываемые школой кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Данный фактор существенно расширяет возможности исторической интерпретации археологических источников, но и требует периодической апробации. В-четвёртых, современная Сибирь переживает очередной этап промышленного и хозяйственного освоения (Кузбасс выдал нагора 200 млн. тонн угля в год, прокладка гигантского трубопровода «Сила Сибири», строительство автодороги, связывающей центр европейской России с Дальним Востоком и т. д.). Заметное место в этом процессе занимает развитие туристической инфраструктуры. Эта сфера деятельности особенно активно развивается в Кузбассе, Горном Алтае, Хакасии, Байкальской Сибири. Данный социально-экономический фактор актуализирует, прежде всего, проблему сохранения и использования археологического наследия. Это направление предполагает два подхода – научный и прагматический. Первый ориентирован, прежде всего, на документирование памятников наскального и монументального искусства (недвижимые памятники), хранение разных видов копий которых в музейных архивах обеспечивает их сохранность. Проблема заключается в достоверности копии изображения и композиции. От неё в значительной степени зависит уровень объективности археологической и исторической интерпретации. Решение этой проблемы осложняется расширением задач при исследовании недвижимых памятников искусства на современном этапе развития археологической науки. Свидетельством тому открытие в Новосибирском исследовательском университете совместно с зарубежными специалистами лаборатории «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии». Методы и технологии документирования наскальных изображений активно разрабатывают специалисты кафедры археологии КемГУ, которые прошли проверку в музее-заповеднике «Томская Писаница» и на ряде памятников на территории Хакасии и в Горном Алтае. Достижения последних двух-трёх лет в области изучения и научного аспекта сохранения недвижимых памятников древнего и средневекового искусства требуют коллегиального обсуждения и тиражирования.

Прагматическое направление сохранения археологического наследия ориентировано на проблемы развития музейного дела, особенно в вузах, где существует специализированная подготовка археологов, и музеефикации памятников археологии, их включение в инфраструктуру туристического бизнеса. Для Кузбасса это актуально в связи с созданием Шестаковского историко-природного заповедника.

Foreword

Problems of studying and preservation of archaeological heritage are now in the focus of attention of the world academic community. This is primarily due to the fundamental nature of the research in this field, which is accompanied with the development of the methodology and theory of archaeology. The results of studying the ancient history are not of scholarly and applied importance only, they are also essential in politics and ideology. The recent developments in the European Community and Ukraine are demonstrative examples to this. Moreover, the problem of the archaeological heritage preservation is acute not only for the professionals. It has long gained social and economic significance. The urgency of this is obvious for the CIS countries and, in particular, for the Russian Federation. Suffice it to mention the ever growing “black archaeology”, transferring lands containing archaeological sites to private owners, low professional level of the touristic use of the archaeological objects, etc. These negative effects are particularly common for Siberia (with rare exceptions).

Several important factors make the issues of studying and preservation of the archaeological heritage in Asian part of Russia especially pressing. Firstly, in this area (especially on the border between North and Central Asia) there are a huge number of archaeological sites. Some of them are of world importance (Denisova cave in Gorny Altai, Tartas-1 in Barabinskaya Steppe, Barsova Gora in Western Siberia, Sulek rock art site in Khakassia, etc.). Secondly, the territory of South Siberia, Mongolia and Kazakhstan is unmatched with any other region of the world in terms of concentration of sites and monuments of ancient and medieval art, the lower Tom region (Kuzbass) being a peripheral one of the South Siberian rock art area. Thirdly, Siberia and Central Asia have become a sort of testing area for the new scientific approaches and methods of studying archaeological sites and sources. As an example one can mention a multidisciplinary approach to the study of antiquities, which is being developed by the academician V. I. Molodin’s school, as well as the methods for rock art research, which are being developed by the Archaeology Department in Kemerovo State University. This factor expands the possibilities for historical interpretation of archaeological sources significantly, though it also requires regular application and approval. Fourthly, nowadays Siberia is experiencing a new stage of industrial and economic development. Touristic sphere takes a prominent place in this process. This sector is particularly active in Altai Republic, the Republic of Khakassia, Kemerovo and Irkutsk regions. This social and economic factor, first of all, makes the problem of preservation and management of archaeological heritage a particularly urgent one.

This direction suggests two approaches: scientific and pragmatic. The first one is focused primarily on documenting objects of monumental and rock art (immovable sites) and storage of the resulting records in the museums. Keeping various kinds of copies and other types of documentation in museums and archives is one of the ways for preserving this part of our heritage. However, there is a problem of authenticity and accuracy of these records, the level of objectivity in archaeological and historical interpretations being dependent on it. At the present stage of archaeology development the tasks in the study of ancient art objects have been expanded. It has resulted in the recent establishment of the Laboratory “Multidisciplinary Research in the Prehistoric Art of Eurasia” in Novosibirsk Research University in collaboration with foreign specialists. Methods and technologies for rock art documentation are actively being developed by the specialists of the Archaeology Department in Kemerovo State University. Their methods have been successfully applied and approved in the process of recording numerous rock art sites in the Tom region, the Yenisey region, the Altai mountains, Mongolia, Western Siberia, etc. The achievements of the most recent years in the study and scientific preservation of ancient and medieval art monuments require panel discussions and dissemination of the experience.

The pragmatic approach for preservation of the archaeological heritage is aimed at the problems of development in museum sphere (especially in the universities which train archaeologists) and in the field of management of archaeological sites and their inclusion into tourism business. This is especially urgent for Kemerovo region in connection with the establishment of Shestakovo historical and natural reserve.

***Актуальные проблемы изучения дописьменной истории
Сибири и Центральной Азии***
Urgent issues in the study of Prehistory of Siberia and Central Asia

УДК 902/904

В. В. Бобров
*Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемеровский государственный университет
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Кемерово, Россия
e-mail: bobrov@kemsu.ru*

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЙ О НОВОКАМЕННОМ ВЕКЕ
КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЮЖНАЯ СИБИРЬ)**

В статье представлен краткий обзор состояния знаний о неолите Южной Сибири. Различия в развитии отдельных регионов (Забайкалья, Западных Саян, Горного Алтая и лесостепного Приобья) в эту эпоху, по всей вероятности, отражают степень изученности данного периода в каждом из них. Но возможно, они – результат особенностей историко-культурного развития.

Ключевые слова: *неолит, Южная Сибирь, Прибайкалье, Забайкалье, Приобье.*

V. V. Bobrov
*Institute of Human Ecology of the Federal Research Centre for Coal and Coal Chemistry
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Kemerovo State University
Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**THE CURRENT STATE OF KNOWLEDGE ON THE NEW STONE AGE
OF THE CONTACT AREA BETWEEN NORTH AND CENTRAL ASIA (SOUTH SIBERIA)**

The article provides a brief overview of the state of knowledge on the Neolithic Age of South Siberia. The difference in the development of individual regions (Transbaikalia, Western Sayan Mountains, Gorny Altai Mountains and the forest-steppe Ob region) in that period is likely to reflect the degree of knowledge about the period in each of them. However, it can be possible, it is the result of the peculiarities of historic and cultural development.

Keywords: *the Neolithic Age, South Siberia, Cisbaikalia, Transbaikalia, the Ob region.*

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К

Неолит – заключительный период эпохи камня – ознаменован значительными достижениями в области материальной и духовной культуры. Важнейшим среди них является изобретение керамической посуды, в которой можно было готовить горячую жидкую пищу, используя простую технологию, сохранившуюся до наших дней. С неолитом связано изобретение ткани, а также широкое внедрение в производство орудий таких технологических приёмов, как шлифование, сверление и пиление, которые существенно повысили эффективность орудий. Это хрестоматийные истины. На мой взгляд, существенным достижением на территории азиатской части России являлось изобретение неолитическими охотниками сложносоставного лука. Его технические данные трудно переоценить. О значительных изменениях в сфере духовной культуры свидетельствует появление орнаментальной графики, особенно характерной для неолитических охотников и рыболовов Западной Сибири, а также искусства малых форм. Всё же

общепризнанно, что главным достижением неолитической эпохи было создание керамической посуды. В конце XX в. одним из выдающихся открытий отечественной археологической науки явилось открытие древнейшего очага гончарного производства, включающего дальневосточные регионы, в том числе Российское Приморье.

Процесс изучения эпохи неолита на территории азиатской части России проходил неравномерно. Это было обусловлено объективными причинами. К их числу относятся огромные пространства и невысокая, если не сказать редкая, плотность населения. Не случайно интерес к археологическим памятникам возник и существовал в старейших университетах Сибири и крупных музеях, которые являлись центрами любителей древностей. Но к середине 30-х гг. XX-го столетия они практически прекращают свою деятельность [Китова, 2007]. Иная ситуация в изучении неолита складывалась на юге Средней Сибири. В Иркутске объединение археологов произошло при ВСОРГО. Это объединение во главе с Б.Э. Петри дало отечественной археологической и антропологической науке таких выдающихся исследователей как М. М. Герасимов, А. П. Окладников и Г. Ф. Дебеч. Небезынтересно то, что кружковцы Б. Э. Петри были ориентированы преимущественно на изучение памятников эпохи камня. Это привело к тому, что в пределах азиатской России первая периодизация развития неолита была предложена для Прибайкальского региона, благодаря работам А. П. Окладникова. В настоящее время неолит Байкальской Сибири является самым изученным на территории Северной Азии. Эти знания являлись репером для изучения неолита сопредельных территорий, в частности, лесостепной Бурятии и Юго-Восточного Забайкалья, которые составляют пограничную зону с районами Центральной Азии. Но только на период 60–70-х гг. прошлого столетия приходится целенаправленное изучение неолита на территории Бурятии [Ивашина, 1979], Юго-Восточного Забайкалья [Окладников, Кириллов, 1980; Константинов, 1994; Сёмина, 1986]. Знания о неолите бассейна р. Витим сформированы благодаря исследованиям В.М. Ветрова [1992].

Г. Ф. Дебеч одним из первых провёл систематику неолитических материалов Забайкалья и выделил даурскую культуру, ареал которой включал территорию от Байкала до Амура [1930]. А. П. Окладников обозначил другую линию развития, которая соответствовала тенденции развития неолита Прибайкалья. Отметим, что процесс накопления археологических источников неолита в Забайкалье только начинался. Качественного уровня для обобщения он достиг только к 70-м гг. прошлого столетия. Практически одновременно появляются периодизации неолита Юго-Восточного Забайкалья и лесостепной Бурятии и обе основаны на концепции А. П. Окладникова. Так Л. Г. Ивашина в неолите лесостепной Бурятии выделяет мухинский, нижнеберезовский и бухусанский этапы [1979]. А для районов Онона и Ингоды по И. И. Кириллову ранний неолит представляют памятники чиндантского этапа, развитый неолит – будаланского, а поздний – амоголонского [1969]. Эта же его идея нашла отражение в совместной с А. П. Окладниковым монографии [1980]. Последователем данной схемы развития неолита региона являлся И. В. Асеев. Культурно-хронологическую периодизацию неолита Юго-Западного Забайкалья предложила Л.В. Сёмина, выделив 3 этапа: ранний неолит в пределах 6,5 – 5,5 тыс. л.н., средний неолит – 5,5–4,5 тыс. л.н. и поздний – 4,5–3,8 тыс. л.н. [Сёмина, 1986, с. 6, 7]. Что же касается происхождения неолитической культуры Юго-Западного Забайкалья, то она считает её результатом непрерывного развития студёновской культуры эпохи мезолита [там же, с. 14]. Идентичную схему периодизации неолита восточного региона Забайкалья предлагает М. В. Константинов [1994, с. 153–157]. Особый интерес представляет собой концепция Ю. С. Гришина, который разделяя принцип географического районирования Забайкальского региона, проводит корреляцию выделенных специалистами этапов. Он разделяет точку зрения о правомерности выделения раннего и среднего неолита и их синхронном существовании в Юго-Западном и Восточном Забайкалье. Но если поздний неолит в юго-западных районах заканчивается, по его мнению, в первой трети II тыс. до н.э., то в этом нет такой уверенности относительно амоголонского этапа [Гришин, 2000, с. 101–103]. Аргументируя уязвимость хронологической принадлежности памятников бухусанского этапа, Ю.С. Гришин убирает его из своей схемы и заменяет переходным к палеометаллу и раннебронзовым этапом – фофановским. Моя точка зрения близка концепции Ю. С. Гришина. То, что неолит в разных районах Забайкалья

получил неоднозначное развитие, сомнения нет. Но это своеобразие имело локальный характер в рамках развития одной культуры. Исключение составлял район Витима. Специфика лесостепной Бурятии заключалась в присутствии прибайкальской линии развития неолита.

Неолит северных районов Забайкалья (бассейн р. Витим) представлен усть-каренгской культурой, выделенной В. М. Ветровым [1985; 1986]. Полученные радиоуглеродные даты позволили ему датировать начало неолита 5 тыс. до н.э. в пределах данной территории. В первое десятилетие XXI столетия получена серия дат из памятников Витима, содержащих керамику, которые дали основания датировать ранненеолитические комплексы 7–8 тыс. до н.э.

До настоящего времени существенной проблемой является изучение неолита Южной Сибири, знания о котором не только незначительные, но и неравномерные. В качестве примера можно привести центральные районы Западных Саян, где выявлено и исследовано менее десяти памятников. Их материалы позволили выделить поздненеолитическую культуру [Семёнов, 1992]. Что же касается неолита восточных и западных районов Саян, то он практически неизвестен. Ареал культуры пока не определён, памятники локализуются по берегам Енисея в пределах водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (поселения Тоора-Даш, Усть-Кантегир, Сосновка-Джойская, Хадынных I, пещера Куйлуг-Хем). В. А. Семёнов считает, что с верхнеенисейской культурой связан процесс так называемой неолитизации на территории Западных Саян. В связи с этим заключением следует обратить внимание на две проблемы. Во-первых, появление неолита в горной системе на границе с Центральной Азией в более позднее время, чем на сопредельных территориях. Во-вторых, он связан с гребенчатой орнаментальной традицией, истоки и причина появления которой остаются непознанными.

Знания о неолите Среднего Енисея ещё более скудные. Они ограничены материалами достоверно неолитического поселения Усть-Унюк, исследованного Л.П. Зяблиным в конце 60-х гг. прошлого столетия [Зяблин, 1973; Зяблин, Виноградов, 1991]. Хотя Э. Б. Вадецкая приводит список из 29-ти памятников [1986, с. 13, 14]. Следует признать, что целенаправленный поиск неолитических памятников Л. П. Зяблиным и Н. Ф. Лисициным не привёл к формированию корпуса источников, которые послужили бы основой знаний об этом историко-культурном периоде. Немногим лучше были результаты исследований А. В. Виноградова, открывшего ряд памятников в районе оз. Вьюжное. Любопытно то, что унюкский неолитический комплекс находит аналогии, особенно в керамике, среди материалов Прибайкалья и Красноярско-Канской лесостепи. Вполне возможно, что этот комплекс отражает культуру какой-то группы пришлого населения. В этой связи возникает вопрос: а существовала ли в среднеенисейском регионе автохтонная линия развития неолита? Небезынтересен тот факт, что в пределах этого географического пространства – насыщенного памятниками наскального творчества – практически нет изображений неолитического времени.

На территории Горного Алтая представление о неолите дают материалы немногочисленных памятников по берегам р. Катунь, прежде всего, среднего и нижнего её течения. Комплексы новокаменного века обнаружены в голоценовых отложениях Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994], на поселениях Эдиган V, Куюм, Майма III и XVIII. Среди исследованных памятников особо следует выделить стратифицированные поселения, в частности, Тыткескень 2 и 6 [Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2008; Кирюшин, 2008; Кирюшин и др., 2013]. Достоверно к неолиту относятся захоронения в пещерах Нижний Тыткескень и Искра [Кирюшин и др., 1995; Маркин, 2000]. Именно на основании материалов стратифицированных памятников Ю. Ф. и К. Ю. Кирюшины выделяют ранний и развитый неолит, а поздний период развития неолита характеризует среднекатуньская культура. По их мнению, культура населения раннего неолита испытала влияние культуры Средней Азии и Казахстана. Общая схема развития неолита Горного Алтая, к сожалению, не даёт относительно целостного представления о данном историко-хронологическом периоде.

Другим районом Южной Сибири, где шёл процесс формирования корпуса неолитических источников, являлось Верхнее Приобье. Географически он включал в себя лесостепной Алтай, прибрежные районы лесостепи Новосибирской области, отчасти Кузнецкую котловину. Во второй половине XX столетия изучение неолита был связано с работами как местных специа-

листов (В. И. Матющенко, Н. А. Чернышев), так и академической экспедиции под руководством М. П. Грязнова в зоне будущего водохранилища Новосибирской ГЭС. С 1970-х гг. проблемами неолита лесостепного Приобья и Барабы занимается В. И. Молодин [1975; 1977; 1985; 2001], а несколько позже В. А. Зах [1990; 2003], Ю. Ф. Кирюшин, Н. Ю. Кунгурова, Б. Х. Кадиков [2000], А. В. Шмидт [2005] и В. В. Бобров [1988; 1998]. Но первая обобщающая работа, посвящённая неолиту Приобья, принадлежит перу В.И. Матющенко [1973].

Познание заключительного периода эпохи камня на территории Приобья складывалось совершенно по иному сценарию, чем в других областях Южной Сибири. Одним из факторов, вызвавших это своеобразие, явилось обоснование более раннего возраста нижней хронологической границы эпохи палеометалла, которая стала общепризнанной к середине 1970-х гг. Тенденция эта продолжается до настоящего времени. Это не только привело к значительному сокращению неолитических источников, а также к трансформации археологических критериев, характеризующих такие хронологические периоды, как поздний неолит и ранняя бронза.

Сценарий изучения неолита лесостепного Приобья. В небольшой статье, опубликованной в 1956 г., М. Н. Комарова предложила следующую схему развития неолита в лесостепном Приобье: кипринский и ирбинский этапы [1956]. К концу 1960-х гг. практически одновременно были представлены две концепции. В. И. Матющенко выделил и дал характеристику верхнеобской неолитической культуре [1969], а М. В. Аникович на этой же территории выделяет группу памятников, происхождение комплексов которых связывает с прибайкальским неолитом [1969]. В. И. Матющенко принял точку зрения коллеги, но, тем не менее, рассматривал эту группу в составе материальной культуры верхнеобского неолитического населения и предлагал два хронологических этапа её развития [1973]. Более конкретная позиция отражена в работах В. И. Молодина, который, уточнив периодизацию М. Н. Комаровой, предложил 2 этапа в развитии верхнеобской культуры на территории Новосибирского Приобья – завьяловский и кипринский, а также существование инокультурной группы памятников [1975; 1977]. В 1978 г. на основании этой группы вместе с материалами Турочакской и ранних изображений Томской писаниц была выделена кузнецко-алтайская культура [Окладников, Молодин, 1978]. Со второй половины 80-х гг. представления о культурной и хронологической принадлежности неолитических памятников этой культуры подвергнуты сомнению или изменению. Своёобразие керамические комплексы ряда поселений лесостепного Алтая позволили Ю. Ф. Кирюшину выделить большемышскую культуру, которую он датировал энеолитом и к которой отнёс погребения Иткульского могильника [1986]. Этот памятник содержал все характерные признаки погребений кузнецко-алтайской культуры. Соответственно, Ю. Ф. Кирюшин внёс сомнение о правомерности существования данного археологического образования. Затем произошёл отказ от датировки неолитом наскальных изображений кузнецко-алтайской культуры [Молодин, 1993; Ковтун, 1993]. Несколько ранее М. Ф. Косарев высказывает и развивает точку зрения о принадлежности кипринского этапа к переходному времени от неолита к бронзовому веку. При этом он предлагает ему новое название – новокусовский этап [1981; 1986]. Наконец, В. А. Зах предлагает свою точку зрения, которая сводится к существованию в лесостепном Приобье одной верхнеобской культуры с двумя этапами развития – изылинским (вместо завьяловского) и кипринским [1990, с. 6; 2003]. Таким образом, на современном уровне знаний можно констатировать «потери» в источниках и существование концепций о признании одной или двух неолитических культур [Молодин, 1999, с. 36–57] на территории региона. Всё же, несмотря на полемику, имеющую относительно субъективный характер, следует признать своеобразие развития неолита в верхнеобском бассейне.

Представленный краткий вариант состояния знаний о неолите Южной Сибири (сознательно не затрагивались проблемы содержания, происхождения, хронологии и др.) демонстрирует различные тенденции в эпоху неолита на территории Забайкалья, Западных Саян, Горного Алтая и лесостепного Приобья. Не исключено, что они отражают степень изученности этого историко-культурного периода в конкретных областях Южной Сибири. А может быть, они – результат особенностей историко-культурного развития?

Список литературы

- Аникович М. В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. – Новосибирск, 1969. – С. 62–64.
- Бобров В. В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Т. I. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 50–58.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986.
- Ветров В. М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985.
- Ветров В. М. Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников верхнего Витима // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. – Улан-Удэ, 1986.
- Ветров В. М. Каменный век верхнего Витима. – Автореф. канд. дис. – Новосибирск, 1992. – 17 с.
- Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: ИА РАН, 2000. – 128 с.
- Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом фак-те МГУ. Т. III. № 2а. – 1930. – С. 151–169.
- Деревянко А. П., Молодин В. И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 262 с.
- Зах В. А. Неолит и бронзовый век Присалаирья. – А.к.д. – Кемерово, 1990. – 22 с.
- Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла Присалаирья и Верхнего Приобья. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 65–73.
- Зяблин Л. П., Виноградов А. В. Неолитическое поселение Унюк на Енисее // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 109–121.
- Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979.
- Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 272 с.
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья. – Автореф. докт. дис. – Новосибирск, 1986. – 35 с.
- Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень 2 (итоги работ 1988–1994 гг.) – Барнаул, 2008. – 335 с.
- Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., Семibrатов В. П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень VI // Археология, этнография, антропология Евразии. № 4 (56). 2013. – С. 65–72.
- Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Неолит Горного Алтая // История Республики Алтай. Т. 1. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. – С. 85–91.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология Нижнетыткескеньской пещеры. – Барнаул: АлтГУ, 1995. – 152 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – 117 с.
- Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово, 1993.
- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 179 с.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.
- Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. Археология. – М.: Наука, 1996. – С. 253–269.
- Матющенко В. И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. Вып. 1. – Новосибирск, 1969. – С. 60–61.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышского междуречья. – Автореф. канд. дис. – Новосибирск, 1975. – 16 с.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.
- Молодин В. И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1985. – С. 3–17.
- Молодин В. И. Ещё раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – С. 4–25.
- Молодин В. И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита Западной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 36–57.

- Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 128 с.
- Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980.
- Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978.
- Семёнов В. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. – Л., 1992.
- Сёмина Л. В.* Эпоха неолита и палеометалла Западного Забайкалья. – А.к.д. – Л., 1986.
- Шмидт А. В.* Неолит Приобского плато. – Автореф. канд. дис. – Барнаул, 2005. – 24 с.
- Bobrov V. V.* On the problem of interethnning relation in South Siberia in the third and early second millennia B.C. // Arctic anthropology. – V. 25. № 2. – 1988. – p. 30–46.

С. А. Васютин

Кемеровский государственный университет. Кемерово, Россия

e-mail: vasutin2012@list.ru

**«ДРУЖИННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ»: КРИТЕРИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
САЯНО-АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

В статье рассматриваются проблемы выявления погребений дружинников среди ранне-средневековых захоронений Саяно-Алтая и Центральной Азии. Анализ предложенных в научной литературе критериев выделения дружинных захоронений показывает отсутствие универсальных черт у таких погребальных комплексов, недостаточную обоснованность исследователями своих интерпретаций и слабую связь с историко-социологическим пониманием статуса дружинника. С учётом специфики погребальных традиций раннего средневековья предложен ряд маркеров дружинных погребений.

Ключевые слова: «дружинные погребения», раннее средневековье, Саяно-Алтай, Центральная Азия, интерпретация археологических материалов.

S. A. Vasyutin

Kemerovo State University. Kemerovo, Russia

**'BODYGUARD BURIAL MOUNDS' – CRITERIA AND INTERPRETATIONS
(ILLUSTRATED BY THE EARLY MIDDLE AGES FINDINGS
FROM THE SAYAN AND ALTAI MOUNTAINS AND CENTRAL ASIA)**

The article deals with issues of identifying burial mounds of bodyguards among Early Middle Ages burial mounds in the Sayan and Altai Mountains. The analysis of the identification criteria for bodyguard burial mounds suggested in the research literature shows the lack of universal characteristics of such burial mounds, insufficient foundation for such interpretations by the researches and weak connection with historical and sociological concept of the status of bodyguard. A range of markers of bodyguard burial mounds have been proposed according to the specific characteristics of funeral traditions.

Key words: 'bodyguard burial mounds', the Early Middle Ages, the Sayan and Altai Mountains, Central Asia, interpretation of archaeological materials.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К

Для тюрко-уйгурского периода состав и функции дружинно-гвардейской среды известны нам лишь в общих чертах. В китайских источниках в отношении тюрков упоминаются *Fu-li*, которые в разных переводах интерпретировались как телохранители [Бичурин, 1950, с. 229] или гвардейцы [Liu Mau-tsaï, 1958, с. 9]. Их хронисты называли лютыми и безжалостными [Бичурин, 1950, с. 229], что подчеркивалось происхождением китайского *Fu-li* от тюркского термина *Böri* (волк). Разбор Ю. А. Зуевым ряда должностных терминов тюрков в китайской передаче позволил выявить обозначение главы гвардии как Бори-шада [Зуев, 1998, с. 154, 157, 158]. Известные персонажи больших рунических текстов, такие как Бильге до своей интронизации, Кюль-тегин и Кули-чур представлены, скорее как командиры и образцовые воины-герои [Малов, 1951, с. 38, 40–42; 1959, с. 20, 21, 23, 28, 29], чем как дружинники. В памятниках тюркской письменности военно-иерархическое и социальное пространство между лидерами Второго Тюркского каганата и рядовыми воинами-эрами заполнено командирами разного ранга, но такие понятия как гвардия или дружина в больших тюркских текстах практически отсутствуют (исключо-

чение: «стража Аркуй» [Малов, 1951, с. 69]). Можно лишь условно причислять к военному окружению каганов тех, кто обозначен в тюркских текстах дефинициями «молодежь», «приказные», «огланы» [там же, с. 33, 36, 43, 75]. В существующих переводах малых надписей Алтая, Монголии и Тувы дефиниция «дружина» звучала, но подобные трактовки были в основном отвергнуты современными специалистами [см., например: Васильев, 2013, с. 51, 52, 86, 87].

В рунических памятниках Уйгурского каганата имеется более предметное указание на каганскую гвардию, численностью в «три сотни гвардейцев», во главе которой стояли «начальники гвардии» доблестный Атачук и Бегзик Эр-чигши, а также бага-тарканы, по всей видимости возглавлявшие отдельные подразделения [Кляшторный, 1980, с. 93; 2010, с. 42]. Военно-дружинное окружение уйгурских правителей включало верховных военачальников (девять буюруков), руководителей разных уйгурских отрядов (похвалы в Терхинской надписи заслужили Бильге Кутлуг Таркан-сенгун и Урушу Кутлуг таркан-сенгун), командиров из племён, входивших в состав каганата и даже представителей оседлых общин согдийцев и китайцев [Кляшторный, 2010, с. 42, 43]. Но вопрос о том, кого из них, кроме гвардейцев, можно причислить к дружине, остаётся открытым!

В итоге приходится констатировать, что сведения письменных источников не дают чётких представлений о составе и функциональном назначении дружинников тюркских и уйгурских каганов.

В социологических реконструкциях на основе анализа археологических памятников раннего средневековья попытки выявления дружинных погребений предпринимаются не так часто, отсутствуют специальные исследования по рассматриваемой проблеме. Это, прежде всего, определяется сложностью идентификации захоронений дружинников. Трудно выделить погребение дружинников из состава мужских захоронений, в которых представлены основные категории защитного и наступательного вооружения. Необходимо учитывать, что в социально-историческом аспекте погребально-культовые традиции воинов-ополченцев были близки ритуально-погребальной культуре дружинной среды. Чёткие отличия имели только захоронения правителей и верховной военной аристократии. Поэтому погребения дружинников возможно и не обладали особыми устойчивыми признаками по сравнению с основной массой мужских захоронений VI–X вв.

Определённый опыт трактовки погребальных комплексов кочевников как дружинных погребений имеется в отношении археологических памятников степей Евразии периода раннего железа, прежде всего, на скифских и сарматских материалах. По мнению А. И. Мелюковой, в раннескифский период отличительной чертой погребений дружинников было наличие в составе инвентаря мечей. В IV в. до н. э. с ростом значения дружины их представителей стали хоронить в курганах рядом с царскими курганами либо на отдельных некрополях. Дружинные захоронения отличали не только размеры насыпи, но и богатый набор наступательного и защитного вооружения, конские уборы, редко встречавшиеся в курганах рядовых кочевников [Мелюкова, 1950, с. 31, 32, 34–36]. Д. Б. Шелов добавил ещё один критерий – наличие в могиле дружинника защитной паноплии, недоступной воину ополченцу [Шелов, 1972, с. 77].

При изучении сарматских памятников также ставился вопрос о выявлении захоронений дружинников. Первым примером была трактовка К. Ф. Смирновым материалов кургана № 8 курганной группы Пятимары I, где семью вождя сопровождали два воина-телохранителя. Их привилегированное положение подчёркивали находки длинных всаднических мечей, золотые ворворки от портупей, золотые серьги и пр. [Смирнов, 1961, с. 9; 1975, с. 154]. Близкий случай был зафиксирован в кургане № 1 могильника Сынтас [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 141–147]. В современных исследованиях сарматских материалов дружинным захоронениям уделено особое внимание. К примеру С. А. Яценко, основываясь на анализе трёх полностью раскопанных дружинных могильников (Чертовичский I в верховьях Дона, цепочка некрополей «Золотого кладбища» на Средней Кубани и погребения в Новых Бедражах у р. Прут), расположенных на границе с поселениями земледельцев, выявил закономерность между составом военного инвентаря «дружинников» и боевым потенциалом соседей. Если на Дону в погребениях в основном найдены мечи (чаще короткие) и луки со стрелами, так как жители преимущественно неукреп-

лённых поселений находились в подчинении у кочевников, то на Кубани номадам противостояли хорошо вооружённые племена меотов, в связи с чем в некрополях «Золотого кладбища» представлены захоронения тяжеловооружённых катафрактариев в доспехе, вооружённых копьём, длинным мечом и кинжалом, а также луком и стрелами. Полная экипировка всадника-катафрактария отсутствовала в могилах высшей знати и была характерна именно для погребений дружинников [Яценко, 2015, с. 94–97].

По восточному ареалу евразийских степей группу погребений «родовой дружинной аристократии» выделил А. Д. Грач, отличая её от царских монументальных курганов (Пазырык, Башадар, Туэкта) и могил людей низших социальных групп, зачастую безы Inventарных. Основание для такой трактовки дали раскопки богатых неограбленных захоронений могильников Саглы-Бажи II, IV, V, Хемчик-Бом III, Дужерлинг-Ховузу I в Туве [Грач, 1980, с. 46–48].

Как дружинные охарактеризовал В. А. Кочеев захоронения пазырыкской культуры, в составе инвентаря которых присутствовали три вида оружия (меч-акинак и кинжал, чекан, лук и стрелы, в отдельных случаях остатки щита) [Кочеев, 1989, с. 70, 71]. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский предложили методику изучения пазырыкского общества, построенную «на основе анализа всей совокупности признаков погребального обряда номадов». В рамках этого подхода помимо вооружения учитывались особенности погребальных конструкций (масштаб, конструкции) и наличие сопроводительных захоронений коней. На основе исследования внутримогильных сооружений была выявлена внутренняя дифференциация дружинного слоя («военачальники» и воины-профессионалы) [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 216–218].

Все указанные интерпретации имеют свои основания в археологических материалах периода раннего железного века. Речь идёт о курганных полях с доминирующими захоронениями вождей и аристократов, окружённых предположительно погребениями представителей родственных клановых групп, военно-дружинных страт и других приближённых (Башадар, Аржан, Пазырык и др.). В то время как памятники правящих элит раннего средневековья, таких как погребально-поминальные комплексы на Орхоне и в Налайхе, курганные захоронения племенных вождей Шорон Дов (Шороон Бумбагар I) и Шороон Бумбагар II (Майхан-уул) [Данилов и др., 2010; Очир и др., 2013; Эрдэнэболд, Цэрэндорж, 2015], киданьские склепы [Крадин, Ивлиев, 2014, с. 93–116] не сопровождалась отдельными курганами с захоронениями дружинников и приближённых лиц. Это, пожалуй, одна из ключевых проблем в изучении дружинных погребальных комплексов V–X вв. в Центральной Азии и Саяно-Алтая. Отсутствие территориальной «привязки» могил дружинников к захоронениям каганов и вождей может указывать на определённый социальный барьер между правящей элитой и дружинной средой. Тем самым поиск захоронений представителей военно-дружинной среды ограничивается семейно-клановыми некрополями и отдельными памятниками, что сужает возможности установления чётких критериев для дружинных погребальных комплексов.

На сегодняшний день наиболее комплексной попыткой изучения социальной структуры раннесредневекового населения Саяно-Алтая на археологических материалах являются социально-археологические исследования Н. Н. Серёгина. Показательно, что несмотря на изучение довольно значительного числа мужских захоронений тюркоязычного населения Саяно-Алтая (133 могилы), Н. Н. Серёгин не упоминает в своих интерпретациях дружинников, говоря лишь о профессиональных воинах или командующих военными подразделениями «определённого уровня» (V и VI социальные модели в его типологии) [Серёгин, 2013, с. 101, 102, 124, 132, 135].

Следует учесть, что методика выявления социально-типологических групп имеет определённые исследовательские ограничения, так как не учитывает, что в разных районах Центральной Азии и Саяно-Алтая у кочевников могли различаться имущественные возможности, представления о ранжировании общества, существовали свои особенности в погребальном обряде. В этом случае более конкретную информацию можно получить при детальном изучении отдельных могильников с выявлением планиграфических позиций и комплексным анализом «социальных маркеров» по каждому кургану или погребению. Такой опыт уже имеется у российских учёных. В частности, подобная методика была реализована А. А. Тишкиным и В. В. Горбуновым в отношении раннесредневековых курганов № 5 и № 6 могильника Усть-Бийке III, которые

составляли отдельную группу на курганном поле с захоронениями разных эпох. В состав инвентаря воина, погребённого в кургане № 5, входило оружие (фрагмент однолезвийного меча, сложносоставной лук, наконечники стрел, берестяной колчан), детали пояса, нож, оселок, снаряжение верхового коня. По мнению исследователей, погребённый в кургане № 5 принадлежал младшему командному составу («сотник», «десятник»), а в кургане № 6 был захоронен престарелый дружинник [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 137–145].

Анализируя материалы захоронений в подбоях некрополей Аймырлыг V и VIII, Б. Б. Овчинникова отметила, что лица, погребённые в данных курганах, были лишь «несколько выше в иерархической лестнице, по сравнению с погребениями рядовых мужчин-воинов, исследованных на этом же могильнике» [Овчинникова, 1983, с. 61, 62, 65; 2013, с. 119, 120]. Такая трактовка гипотетически относила погребённых в подбоях к низшим стратам дружины.

Не исключено, что «дружинный характер» носили кенотаф (курган № 2) могильника Узунтал I, захоронение в кургане № 4 могильника Узунтал V, некоторые погребения некрополей Аргалыкты I и IX, Кара-Тал I [Савинов, 1982, с. 103–107, 109, 110, рис. 2, 6, 7, 9; Трифонов, 1971, с. 115–122; 2013, с. 19–22, 28–32, 33–35] и другие памятники.

Но в целом, когда мы имеем дело с выделяющимися по своим характеристикам захоронениями в составе некрополя или с особыми отдельно стоящими памятниками, то исследователи трактуют их или как погребения военных предводителей [Тетерин, 1999, с. 118–121; Кубарев, Кубарев, 2003; Кубарев, 2005, с. 381], или как погребально-поминальные комплексы знатных аристократов [Кубарев, 2015].

Подводя итоги, следует отметить сложность идентификации для раннесредневекового периода дружинных погребений археологическими средствами, неразработанность как археологических, так и историко-социологических критериев, которые бы давали возможность научно обоснованно трактовать те или иные захоронения как «дружинные». Во многом скромные «успехи» исследователей в решении данной проблемы объясняются спецификой археологических памятников рассматриваемой эпохи, слабой ранжированностью погребальных комплексов, заисключением захоронений правителей, вождей и верховной аристократии, незначительным количеством исследований социальной специфики отдельных могильников.

Несмотря на указанные «сложности» изучения дружинных страт Центральной Азии и Саяно-Алтая в VI–X вв., мы можем обозначить ряд уже доступных и перспективных решений по проблеме дружинных захоронений. Во-первых, в историческом, социологическом и социально-археологическом плане не стоит жёстко разделять аристократию и дружинную среду. Примеры исследования дружины у монголов и киданей позволяют утверждать, что эти две социальные группы могли во многом пересекаться, особенно если учесть выполнение старшими дружинниками престижных функций при дворе и руководство ими крупными военными подразделениями. Во-вторых, провести более или менее чёткую черту между рядовыми захоронениями и памятниками представителей военно-социального окружения верховных правителей и местных вождей. Приведённые в статье примеры показывают положительные результаты исследования «военизированных» захоронений на разных некрополях Саяно-Алтая. Проводя палеосоциологические изыскания по материалам отдельных могильников, в дальнейшем можно выявить более отчётливую группу погребений, связанную с профессиональными воинами и постоянной военной службой правящим элитам. В-третьих, в погребально-поминальной практике наряду с «комплексом власти» и «комплексом богатства» (обоснование Н. Н. Серёгина) следует выделить «комплекс профессиональных воинов», что позволит сфокусироваться на социальных маркерах (критериях) и характеристике захоронений с определённым инвентарным комплексом и погребальными практиками такой социальной группы как дружина.

Список источников и литературы

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 380 с.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: ТОО «ProsperPrint», 2013. – 268 с.

- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Данилов С. В., Бураев С. В., Саганов Б. В., Очир А., Эрдэнболд Л., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: БГУ, 2010. – С. 254–257.
- Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алматы; М.: Гылым, 1998. – С. 153–161.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов сарматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 137–156.
- Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – 328 с.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо. – М.: Наука; Восточная литература, 2014. – 351 с.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 401 с.
- Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа в Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 136–150.
- Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 64–82.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: АН СССР, 1951. – 447 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 109 с.
- Мелокова А. И. Войско и военное искусство скифов (главы из диссертационной работы) // М.; Л.: АН СССР, 1950. – С. 30–41.
- Овчинникова Б. Б. Захоронения в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: ОмГУ, 1983. – С. 60–68.
- Овчинникова Б. Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-тувинской экспедиции): коллективная монография. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 115–138.
- Очир А., Эрдэнболд Л., Журжайбай С., Жантегин Х. Эртний нуудэчдийнбунхант булшны матлага, судалгаа (Булган Аймгийн Баянуур сумын Улаан хэрмийн Шороон Бумбагарын малтлагын тайлан). – Улаанбаатар, 2013. – 290 тал.
- Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
- Серёгин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: АлтГУ, 2013. – 206 с.
- Смирнов К. Ф. Особенности общественного строя савроматов // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1960 г. – М.: АН СССР, 1961. – С. 6–10.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Тетерин Ю. В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 113–128.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – 430 с.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: АлтГУ, 2005. – 200 с.
- Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Вып. XV. – Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1971. – С. 112–122.
- Трифонов Ю. И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-тувинской экспедиции): кол. монография. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 13–114.
- Шелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества // Вопросы истории. – 1972. – № 3. – С. 63–78.
- Эрдэнболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Пугу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 455–462.
- Яценко С. А. Группы элит у сарматов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. – Барнаул: АлтГУ, 2015. – С. 86–98.
- Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – В. I. Texte. – 484 s.

Е. А. Гирченко

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

e-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЯНЦЗЫ И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Среднее Янцзы представляет собой неоднородный в ландшафтном отношении регион, где в западной части преобладает гористая местность, а на востоке – равнины. В связи с этим различался как рацион питания древних обитателей этой местности, так и уровень развития древнего земледелия. Статья рассматривает особенности хозяйственного уклада запада и востока в среднем – позднем неолите и связанные с этим миграционные процессы, что привело в итоге к созданию сложной демографической ситуации.

Ключевые слова: *среднее Янцзы, поздний неолит, натуральное хозяйство, демографическое давление.*

E. A. Girchenko

*Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia*

SUBSISTENCE ECONOMY TRADITIONS AND RELATED DEMOGRAPHIC PROCESSES OF THE NEOLITHIC INHABITANTS OF THE MIDDLE YANGTZE

The middle reaches of the Yangtze river is inhomogeneous in terms of landscape, the western part is dominated by mountains, the eastern one by plains. In this regard, food ration of the ancient inhabitants of the regions within the area differed, the level of agriculture development was unequal as well. The article considers the peculiarities of the economic life of east and west in the middle-late Neolithic and the related migration processes, which eventually led to the creation of a complex demographic situation.

Key words: *middle reaches of the Yangtze, the Late Neolithic, subsistence economy, population pressure.*

Масштабные раскопки на среднем Янцзы начались ещё в 50-х гг. прошлого века, однако до сих пор не выработано единой и общепризнанной схемы преемственности археологических культур неолита. Оставим этот вопрос для отдельной дискуссии [Гирченко, 2015] и будем ориентироваться на схему, предложенную Чжаном Сюйцю в работе «Обзор культур эпохи неолита среднего Янцзы» [Чжан Сюйцю, 1992]. Проблемы хозяйственного уклада древних людей, демографии региона и её влияния на миграционные процессы центрального и южного Китая мы будем рассматривать в контексте трёх сменяющихся культур – Даси (4400–3000 гг. до н.э.), Цюйцзялин (3100–2700 гг. до н.э.), Шицзяхэ (2600–2000 гг. до н.э.).

Натуральное хозяйство подразумевает использование древним коллективом в целях пропитания тех природных ресурсов, которыми он располагает; соответственно, на ранней стадии – только занимаясь собирательством, на поздней стадии – осваивая навыки выращивания культурных растений и разведения домашних животных. Исходя из географических условий обитания или степени овладения природными ресурсами отдельным коллективом, уровень развития земледелия в восточных и западных районах среднего Янцзы разный. Также отличается и соотношение продуктов земледелия, животноводства и рыболовства в рационе каждого отдельного древнего коллектива.

Среднее Янцзы – регион неоднородный, гористая местность с речными ущельями Восточно-Сычуаньского плато постепенно сменяется равнинами современного Хубэя [Ван Хунсин, 1998, с. 53, 54].

Гористая местность это, в первую очередь, восток среднего Янцзы – ущелье Санься (граница между Чунцином и Хубэем), р. Ханьшуй и её притоки. Рыболовство и охота здесь играют ведущую роль, земледелие – вспомогательную. Памятники данной территории расположены по берегам рек или в местах их пересечения на речных террасах, часто достаточно обособленно друг от друга, что обусловлено природными границами в виде гор и рек. Жизненное пространство здесь ограничено, соответственно, земель, пригодных для земледелия, крайне мало, что не позволяло данному виду хозяйственной деятельности получить широкое распространение и развитие. В данных условиях было распространено подсечно-огневое земледелие. Тем не менее, богатые леса и речные долины создавали вполне достаточную основу для жизни. На самых крупных памятниках позднего неолита района Санься – Даси, Чаотьяньцзуй, Люлиньси, Чжунбаодао, Гунцзядаоу, Циншуйтань, Янцзявань – в большом количестве находят как кости рыб, так и животных.

Анализ костей животных вышеназванных памятников показал, что они принадлежали тиграм, лошадям, пандам, оленям, барсукам, кабанам, обезьянам, собакам, лисам, волкам, слонам, быкам, леопардам, носорогам, что говорит о наличии достаточно богатой фауны на территории верхнего-среднего Янцзы в то время. Кости животных находят и непосредственно в жилищах, большая их часть очевидно связана с питанием. В особенности много находят костей рыб, как в жилищах или в мусорных кучах, расположенных на территориях стоянок концентрированно, так и в погребениях. В рацион входили осётр, карась, толстолобик, карп, а также моллюски и устрицы [Ван Цзядэ, 1994, с. 52–55].

Все вышесказанное подтверждают и многочисленные находки орудий труда – наконечников стрел, копий, дротиков, рыболовных крючков, деталей рыболовных сетей, грузиков. Так, например, на памятнике Хуанляньшу (уезд Сичуань) периода Цюйцзялин таких орудий охоты и рыболовства было найдено 170 экземпляров, что составляет 24% от общего числа орудий; там же, но в более позднее время (период Шицзяхэ), таких орудий обнаружено 79, что составляет 21,3% от общего числа [Хэнань Сичуань..., 1990, с. 26, 27]. В Сичуань есть и другой памятник времени Шицзяхэ – Сяванган, где было найдено всего 112 орудий, это каменные и костяные наконечники, дротики в количестве 53 штук, что составляет 47,3%. На памятнике Даси (в Ушани) количество раскопанных предметов охоты и рыболовства составляет 50%, а именно 148 предметов [Го Лисинь, 2006, с. 34].

Свидетельства земледелия немногочисленны. На памятнике Гунцзядаоу культуры Даси (уезд Цзыгуй) обнаружены зёрна посевного риса [Цзыгуй Гунцзядаоу, 1984, с. 19, 20]. В более позднее время, на памятнике культуры Цюйцзялин первого периода Хуанляньшу в одном из жилищ (F11) были найдены как зёрна риса, так и просо, что подтверждает наличие рисоводства в горных районах, хоть и в небольших масштабах. Этот рис преимущественно поливной, вероятно, это связано с отсутствием больших площадей, пригодных для земледелия в долинах рек, склоны, как правило, засаживались суходольными зерновыми культурами. Кроме того, местные краснозёмы неплодородные, легко подвергаются эрозии. До появления террасированных полей выращивание поливного риса было очень трудоёмким процессом.

Одним из характерных орудий культуры Даси раннего периода региона Сяцзян являются каменные топоры большого и среднего размеров. На памятнике Хунхуатао (уезд Иду) был найден подобный топор, в длину составляющий 43,1 см, ширина обуха 14,5 см, ширина лезвия 17,6 см, толщина 4,7 см. Предмет отшлифован со всех сторон, форма выверена и симметрична, на лезвии заметны мелкие царапины – следы использования [Го Лисинь, 2006, с. 34]. Такие мощные топоры были пригодны для рубки леса. При подсечно-огневом земледелии предполагаемый период восстановления леса занимает около 40–60 лет. На позднем этапе Даси количество находок больших топоров в регионе Санься сокращается. Если в ранних захоронениях Даси (примерно среднего периода) таких топоров много, и более маленькие топоры или тёсла практически не встречаются, то на позднем этапе ситуация меняется, и резко возрастает как количество маленьких по размеру орудий труда, так и их вариативность. Примером могут служить находки памятника Чжунбаодао (уезд Ичан) [Ичан Чжунбаодао..., 1987, с. 45]. Существует теория, озвученная китайскими исследователями, что исчезновение больших топоров

как раз таки связано с ограниченностью лесных территорий и невозможностью выдерживать положенный срок в полвека для роста леса. Соответственно, деревья вырубались раньше, не достигнув полного восстановления, и, таким образом, необходимость в громоздких орудиях отпадала. Невозможность выждать положенный срок могла быть связана и с увеличением численности населения. На позднем этапе носители культуры Даси региона Санься уже не могли прокормиться в таких скудных природных условиях, что привело к расширению контактов с сопредельными территориями, преимущественно с восточными земледельцами.

Что касается равнинного земледелия на востоке, то это, в первую очередь, территории равнины Дунтин, котловины Наньян, окружённые со всех сторон низкими холмами. Памятники равнинного типа располагаются по берегам рек и многочисленных для данной территории озёр, также на возвышенностях. Эта местность со всех сторон окружена реками, питающими плодородные почвы, что способствовало естественному развитию земледелия. Появление поливного рисоводства обусловлено разливами рек и озёр. Соответственно, неудивительно, что именно здесь доля зерновых в рационе была значительно выше по сравнению с продуктами охоты или рыбной ловли. Это подтверждают, начиная с эпохи Даси, и археологические свидетельства. Это время становления приёмов окультуривания дикорастущих растений, что разнообразило рацион древнего обитателя востока среднего Янцзы [Сян Аньцян, 1995, с. 44–46]. Причём на памятниках встречаются зёрна как скороспелого (длиннозёрного) риса, так и посевного, считающегося его производной. На более поздних памятниках этого региона, уже в Цюйцзялин и Шицзяхэ, встречаются зёрна только посевного риса, что подтверждает постоянное совершенствование технологий рисоводства в позднем неолите Янцзы, а соответственно и рост объёмов производства [Дин Ин, 1959, с. 32, 33]. Таким образом, в период Даси поливное рисо-сеяние достигло большого развития на востоке среднего Янцзы, что связано, в первую очередь, с благоприятными природными условиями, так как этот процесс требует определённых климатических условий и влажности почв. Рис – не хладостойкое растение, при температуре менее 18°C рост замедляется, а слишком высокие температуры приводят к избыточному росту самих растений, а не ростков. Оптимальной является температура около 23°C. Даже в современном мире поливное рисоводство остаётся преимущественно ручным трудом. Другим важным фактором является вода и почва. Разливы рек Янцзы и Ханьшуй, насыщающие почву влагой, субтропический муссонный климат с сильными дождями летом создавали хорошие условия для рисоводства. Кроме того, важным аспектом успешного рисоводства является наличие земляных гребней для постоянного удержания воды на участке, а также борьба с сорняками, которых очень много в мягком климате, что тоже требует большой концентрации рабочей силы в земледелии.

Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о достаточно раннем появлении траншей для подачи воды (например, в культуре Пэнтоушань). Ко времени Даси эта технология уже была широко известна. Прямоугольные вытянутые траншеи зафиксированы на памятнике Чэнтоушань. От них также отходили каналы для подачи воды от ближайшего водоёма шириной около 1 м. Внутри обнаружены были зёрна [ГуХайбинь, 1996, с. 86]. В период Цюйцзялин появилась технология запруд на небольших речках. В Шицзяхэ использовалась технология изменения русла речек в хозяйственных целях.

Для производства поливного риса уже использовался прообраз системы «*хо гэншуй ноу* (огнем пахать, водой полоть)», когда сжигалась трава и поле засаживалось рисом. Когда рис достигал высоты в 7–8 цуней, на поле пускали воду. Сорняки, таким образом, уничтожались, а рис вырастал, и поле не требовало дополнительной прополки. Среди найденных орудий земледелия этого восточного региона встречаются ножи и серпы, массивных предметов не найдено, это связано с тем, что местные мелкозернистые глинистые почвы легко проницаемы для воды и плодородны в отличие от суходолов, срок восстановления земли был короче. На равнине Дунтин орудия для рубки – это маленькие топоры и тёсла, большие встречаются редко. Берега местных рек богаты тростником, который легко подсекался и поэтому, возможно, серьёзные орудия требовались для рубки леса, но не использовались для земледелия.

В регионе Санься период Даси – это расцвет земледелия; большое количество людей, занятых в полевых работах и обрабатывающих определённый участок в течение долгого времени, уже не могли отказаться от богатых стабильных урожаев, что способствовало оседлости населения. Сытая жизнь способствовала и увеличению численности населения; если раньше в среднем на женщину приходилось 4–5 детей, то теперь это количество возросло до 6–9 детей, что превышало природные возможности для комфортного проживания такого большого количества населения. В поздний период Даси за счёт прироста населения увеличивается и ареал культуры, поселения теперь расположены более концентрированно [Го Лисинь, 2005, с. 84–86]. В ранний период неолита насчитывается 45 известных крупных стоянок, к культуре Даси относятся порядка 160 стоянок, к Цюйцзялин – 190 стоянок, а к Шицзяхэ их количество достигает 760, увеличиваются и их размеры. В период Даси прирост населения составил 3%, в период Цюйцзялин – 29%, в период Шицзяхэ – 68%. Таким образом, население увеличилось соответственно в 12; 116; 272 раза. Население к концу неолита увеличилось более чем в двести раз. Период Даси характеризуется небольшим количеством памятников с небольшими площадями, маленьким населением. В этот период не приходится говорить о перенаселённости. Но уже в позднем Даси – раннем Цюйцзялин население увеличивается в три раза, а в последующий период – почти в 10 раз [Го Лисинь, 2006, с. 36, 37].

Табл. 1. Рост численности населения в неолите среднего Янцзы [по Го Лисинь, 2006].

Период	Количество стоянок	Средняя площадь (м ²)	Средний показатель численности (чел.)	Доля прироста населения	
до Даси	45	8000	120	0,25%	1
Даси	160	17000	254	3%	12
Цюйцзялин	190	48000	716	29%	116
Шицзяхэ	760	43000	640	68%	272

Увеличение численности населения оказало большое влияние на становление общества, людям приходилось менять традиционный уклад жизни. В связи с вовлечённостью каждого отдельного индивида в глобальные процессы, требующие массового труда, отношения в человеческом коллективе становились ближе, нужно было поддерживать их в течение достаточно долгого времени. Новые условия меняли отношения внутри коллектива (часто расширенного до нескольких поселений). Общество расслаивалось, что является основным признаком его усложнения. Но увеличение численности населения вело и к другой проблеме – борьбе за ресурсы, а соответственно к социальной напряжённости. Пути разрешения этого конфликта следующие – либо сокращение населения на определённой территории путём внешних миграций, либо изобретение новых путей питания населения, таких как сокращение сроков восстановления полей, интенсификация в других сферах, разделение труда, регулирование производственных отношений, увеличение количества работников, увеличение продолжительности работы [Го Фань, 1992, с. 56–58]. Оба способа применялись на всём отрезке от заката Даси и до раннего Цюйцзялин, при этом в регионе Санься доминировало сокращение сроков восстановления земель, а на равнине Дунтин применялись методы интенсификации хозяйства. В Цюйцзялин существенно разрастается ареал расселения на данной территории. Численность населения, а именно, демографическая перенаселённость решалась за счёт военных конфликтов и миграций. На среднем Хуанхэ – это период заката культуры Яншао, что позволило значительно расширить культурный ареал Даси (тип Юцзылин [Го Лисинь, 2004, с. 70], который встречается вплоть до Юньмэнцзэ на Цзянханьской равнине), а затем и Цюйцзялин, памятники данной культуры встречаются и на юге Хэнани, и на севере Хубэя, что демонстрирует наличие широких миграций носителей этой культуры [Гирченко, 2015, с. 23]. Естественно, что эти территории уже были заселены и активные миграции с юга проводили к неизбежным конфликтам.

Увеличение численности населения и связанные с этим неудобства, под которые приходилось приспособляться, являлись двигателем прогресса первобытного общества. В Шицзяхэ мы видим уже совершенно другое устройство древнего поселения. Если бы в период поздней Даси – ранней Цюйцзялин не были выработаны методы сдерживания активного роста населения, то ситуация в Шицзяхэ была бы совсем иной. Именно новые методы хозяйствования позволили увеличить и прокормить население, выросшее с начала Даси почти в 12 раз.

Список источников и литературы

Ван Хунсин. Чанцзянчжуньюдицзюйсиньшицишидаичжифэньбугуйлой, вэньхуачжунсин дэ чжуань-июйхуаньцинбяньцян дэ гуаньси [Связи между закономерностями расселения, миграциями в центрах культур и климатическими изменениями в неолите среднего Хуанхэ] // Цзянханькаогу. 1998. №1. – С. 53–61,76 (на кит. языке).

Ван Цядэ. Шилунь Чанцзян Саньсядицзюйдасивэньхуа дэ юаньшиюйле [Примитивные охота и рыбалка в культуре Даси региона Санься на р. Янцзы] // Цзянханькаогу. 1994. №3. – С. 52–55 (на кит. языке).

Гирченко Е.А. Проблемы позднего неолита среднего течения Янцзы в работах китайских исследователей // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 10: Востоковедение. – С. 22–29.

Го Лисинь. Таньсоюй лунь чанцзянчжуньюйсиньшицишидаиваньци дэ вэньхуапуси [Исследование и обсуждение иерархии поздненеолитических культур среднего течения р. Янцзы] // Цзянханькаогу. 2004. № 3. – С. 69–74 (на кит. языке).

Го Лисинь. Лунь Чанцзянчжуньюдицзюйсиньшицишидаиваньци дэ шэнцицизтнцзиюйжэнькоуяли [Источники существования и демографическая перенаселенность в позднем неолите среднего Янцзы] // Хуасякаогу. 2006. №3. – С. 33–39, 53 (на кит. языке).

Го Лисинь. Чанцзянчжуньюдицзюйчуцишэхуэйфуцзахауаяньцзю (4300–2000 BC) [Исследования по первоначальному усложнению общества в районе среднего Янцзы (4300–2000 л. до н.э.)]. – Шанхай: Изд-во «Шанхай гуцзи», 2005. – 366 с. (на кит. языке).

Го Фань. Цзюйгогуймоуюйжэнькоуцзэнчжанцзюйшитуйцэ – чанцзянчжуньюдицзюйсиньшицишидай гэ фачжаныцзедуань дэсяндуйжэнькоушулян дэ яньцзю [Типы поселений и тенденции роста населения – исследования относительной численности населения на каждом этапе неолита на среднем Янцзы] // Наньфанвэнь, 1992, №1. – С. 55–60 (на кит. языке).

Гу Хайбинь. Чэнтоушаньгуичжишуйдаоцицилэйсин [Древний памятник рисоводства Чэнтоушань и его типы] // Каогу. 1996. № 8. – С. 81–89 (на кит. языке).

Дин Ин. Цзянханьпиньюаньсиньшицишидайхуншао ту чжун дэ даогудяоча [Исследования неолитических зерен риса из жженой земли на равнине Цзянхань] // Каогусюэбао. 1959. № 4. – С. 31–34 (на кит. языке).

Ичан Чжунбаодаосиньшицишидаичжи [Неолитический памятник Чжунбаодао в уезде Ичан] // Каогусюэбао. 1987. № 1. – С. 45–84. (на кит. языке).

Сян Аньцян. Чанцзянчжуньюдицзюйшицяньдаоцзюйцунь дэ фасяньюйяньцзю [Открытие и исследования доисторических памятников рисоводства на среднем течении Янцзы] // Цзянханькаогу. 1995. № 4. – С. 38–47. (на кит. языке).

Хэнань Сичуань Хуанляньшуйчжифацзюэбаогао [Доклад о раскопках памятника Хуанляньшу в уезде Сичуань провинции Хэнань] // Хуасякаогу. 1990. №3. – С. 24–30, 47–50 (на кит. языке).

Цзыгуй Гунцзядагоуичжи дэ дяочашицзюэ [Раскопки на памятнике Гунцзядагоу в уезде Цзыгуй] // Цзянханькаогу. 1984. № 1. – С. 3–20,111–112 (на кит. языке).

Чжан Сюйцю. Чанцзянчжуньюйсиньшицишидаивэньхуагайлунь [Обзор неолитических культур среднего течения р. Янцзы]. – Ухань: Хубэйкэсюэцзюйшучубаньшэчубань, 1992. – 329 с. (на кит. языке).

Н. И. Дроздов

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Университет Российского инновационного образования. Красноярск, Россия*

В. И. Макулов

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Университет Российского инновационного образования. Красноярск, Россия*

В. П. Чеха

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.*

Красноярск, Россия

Д. Н. Дроздов

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Красноярск, Россия*

ГЕО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУВЕ (ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ)

В статье рассматривается краткая история гео-археологических и палеогеографических исследований в Туве с середины XIX века до настоящего времени, подводятся итоги, определяются проблемы и перспективы дальнейших комплексных работ по изучению территории Южной Тувы и разновременных археологических памятников.

Ключевые слова: Тува, Саяны, Танну-Ола, геологические исследования, археологические памятники, палеолит.

N. I. Drozdov

*Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
University of Russian Academy of Innovative Education. Krasnoyarsk, Russia*

V. I. Makulov

*Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
University of Russian Academy of Innovative Education. Krasnoyarsk, Russia*

V. P. Chekha

*Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Russia*

D. N. Drozdov

*Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Krasnoyarsk, Russia*

GEO-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN TUVA (HISTORY, PROBLEMS, PROSPECTS)

The article presents an overview of a short history of geo-archeological and paleogeographic research in Tuva from the middle XIX century to the present time. The authors sum up the results so far and identify the problems and prospects of the further complex studies on the territory of Southern Tuva and on archeological sites heterogeneous in time.

Key words: Tuva, the Sayans, Tannu-Ola, geological research, archaeological sites, Palaeolithic.

Изучение геологии, геоморфологии и археологии современной территории Тувы российскими исследователями началось в середине XIX века. Столь позднее включение этой территории в сферу научных исследований объясняется рядом существенных причин. Во-первых, географической обособленностью и труднодоступностью региона, который не входил тогда в состав Российской империи. Во-вторых, значительную роль играло отсутствие транспортных путей, в связи с тем, что основную площадь региона представляют горные районы Саяно-Алтая и закрытые узкие межгорные долины. В-третьих, играла свою роль значительная удалённость от российских научных и административных центров. В-четвёртых, геология, археология,

этнография и география в то время переживали период становления, в рамках которого шёл процесс постепенного накопления знаний, освоения и изучения новых, так называемых закрытых территорий мира, к которым относился Урянхайский край (Тува).

Начало научных геологических и географических исследований в Туве было положено экспедицией географа П. А. Чихачёва, проведённой в 1842 г. в долине р. Хемчик и на его крупном притоке р. Алаш. Работы являлись составной частью исследований, проведённых П. А. Чихачёвым в 1842–45 гг. на Алтае, в Западном и Восточном Саяне, Минусинской котловине, и послужили основой для составления первой геологической схемы обследованных регионов.

Значительный вклад в обследование и описание территории Тувы внесла Сибирская экспедиция Русского Географического общества под руководством Л. Э. Шварца. Экспедиция имела целью составление подробной карты Юго-Восточной Сибири, изучение геологического строения и минеральных запасов. Она работала по четырём маршрутам, один из которых возглавлял сам руководитель, а три других были успешно пройдены военными топографами: прапорщиком И. С. Крыжиным, А. Усольцевым и И. Орловым. В 1858 г. они произвели обследование некоторых районов Урянхайского края, собрали значительную геологическую коллекцию и произвели первую топографическую съёмку центральной и восточной частей Восточного Саяна, осмотр встречающихся археологических объектов (как правило каменных изваяний, стел и курганов).

В 1877 и 1879 гг. в Монголии и соседнем Урянхайском крае, включая окрестности озера Убсу-Нур, южные отроги хребта Западный Тану-Ола и долину р. Торгалык (Южный), работала экспедиция под руководством географа Г. Н. Потанина. Участники экспедиции собрали большой объём сведений по геологии, географии, топографии, археологии, этнографии, биологии и зоологии.

В экспедиции впервые участвовал молодой археолог и этнограф А. В. Адрианов. В 1881 г. он самостоятельно продолжил исследования территории Западной Тувы, возглавив первую археологическую экспедицию. В плане археологического изучения его в первую очередь привлекали видимые памятники, относящиеся к периоду от палеометалла до позднего средневековья: курганы, каменные изваяния, древние наскальные рисунки и письмена. Эти объекты были широко представлены на обследованных территориях, а о некоторых исследователь получал сведения из рассказов местных жителей. Специальными поисками памятников древнего каменного века в Туве А. В. Адрианов не занимался, поскольку в то время в России изучение каменного века ещё только делало свои первые шаги. В 1883 г. А. В. Адрианов совершил свою третью экспедицию в Туву, также занимаясь изучением видимых памятников. Самой плодотворной для А. В. Адрианова явилась четвёртая поездка в Туву в 1915–1916 гг. Во время этой 16-ти месячной поездки исследователь провел обширнейшие исследования и первые в Туве археологические раскопки городища, фрагмента Чингисхановой дороги, нескольких курганных могильников, произвёл осмотр и фотографирование царского кургана Аржан, изучение каменных стел с руническими и древнетюркскими письменами, часть из которых он отправил по Енисею в Минусинский музей. К сожалению последовавшие революционные события и гражданская война, в горниле которой он погиб, не позволили учёному ввести в научный оборот материалы последней экспедиции. Это было осуществлено другими исследователями, в том числе Л. Р. Кызласовым в 1960-е годы.

Последователем А. В. Адрианова в изучении археологических памятников Тувы явился археолог и этнограф Д. А. Клеменц, путешествовавший по её западным районам в 1885, 1887, 1891 и 1892 гг. Как и его предшественники, он отмечал местоположения видимых археологических объектов, относящихся к эпохе палеометалла и средневековья. Одновременно исследователь проводил геологические, географические и другие виды обследований.

Тем не менее, при всех успехах отдельных исследователей, к началу XX века Тува оставалась слабо изученным регионом во всех областях науки.

В начале XX в. интенсивность исследований территории Тувы, проводимых геологами, географами и археологами, значительно увеличилась. Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение региона, можно отметить И. П. Рачковского, Б. М. Порватова, Г. Е. Грум-Гржимайло и др. По мнению В. И. Кудрявцева, «первое упоминание о наличии памятников

каменного века в северо-западной Монголии ("без ближайшего, однако, указания местности") принадлежит известному географу Г. Е. Грум-Гржимайло и сделано им ещё в начале XX в.» [Кудрявцев, 2002, с. 142].

Значительный вклад в изучение Тувы, в том числе её южных районов, в годы Первой мировой войны внесли красноярские учёные А. Я. Тугаринов и А. П. Ермолаев, которые были командированы с другими сотрудниками в Урянхайский край Красноярским подотделом РГО. Они осуществили прохождение сложнейших протяжённых маршрутов по территории Тувы и по возвращении «передали в фонды музея большое количество бронзовых и железных топоров, ножей, сбруйные украшения, фрагменты орнаментированной керамики» [Макаров, 1989, с. 140; Вдовин и др., 2001, с. 39].

В советский период значительный вклад в изучение геологии и географии Тувы внесли: З. А. Лебедева, В. А. Кузнецов, М. В. Кириллов, С. В. Обручев, И. С. Гудилин, И. Г. Нордега, Л. Д. Шорыгина, И. И. Белостоцкий, В. П. Маслов, Э. М. Мурзаев и др. Работы многочисленных экспедиций АН СССР носят комплексный характер. Особый размах они приобрели в 50–80 гг. после вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г.

Археологические исследования в этот период также интенсифицируются, приобретая упорядоченность и планомерность. Но ещё раньше в Туве было сделано значительное открытие – выявлены памятники каменного века, в том числе, относящиеся к эпохе палеолита. Их открывателем является советский археолог С. А. Теплоухов, который в 1926, 1927 и 1929 гг. участвовал в работах Монгольской экспедиции АН СССР, проводившей исследования на территории Монголии и Тувы. Первое местонахождение каменных предметов было найдено С. А. Теплоуховым в Центральной Туве на песчаных выдувах террасы р. Ангачи, недалеко от оз. Чедер [Монгуш, 1980; Абрамова и др., 1991, с. 6]. Теплоухов находил их сходство с изделиями палеолитических стоянок Монголии, которые он, вероятно, тоже обследовал. Однако материалы не были опубликованы автором открытия и не привлекли внимания археологов. Собранная коллекция позднее была частично опубликована Г. П. Сосновским [1940] и Л. Р. Кызласовым [1958] и по достоинству оценена специалистами. Академик А. П. Окладников, характеризуя результаты работ Теплоухова, писал: «Пионером археологических исследований в Туве был, как известно, выдающийся советский археолог С. А. Теплоухов, которому мировая наука обязана фундаментальной периодизацией археологических памятников Южной Сибири, являющейся и до настоящего времени основой всех дальнейших работ. С. А. Теплоухов в своих раскопках и разведочных поисках впервые приоткрыл завесу над загадочной в то время археологией Тувы. Он не только установил факт наличия в Туве памятников скифо-сибирского облика, ввёл их в общую систему истории культуры степных племён Евразии, но и первым обнаружил здесь следы деятельности человека несравненно более раннего времени – нашёл каменные орудия. Его поиски, открытия и выводы в полной мере сохраняют своё значение. Так началась уже в 20-х гг. нашего века научная, на уровне самых высоких мировых стандартов, археологическая работа в Туве» [Окладников, 1980, с. 4].

В начале 1950-х гг. в Туве начали работу две археологические экспедиции. Одна была организована Тувинским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы (ТНИИЯЛИ). С 1951 по 1958 гг. её руководителем был С. И. Ванштейн, а с 1960 по 1980 гг. её возглавлял М. Х. Манай-оол [История Тувы, 2001, с. 5]. Экспедицией проведены обширные исследования и сделаны значительные открытия, среди которых особое место принадлежит раскопкам уникального погребального комплекса «царского» кургана Аржан. Также были открыты несколько палеолитических стоянок в различных районах Тувы, включая южные.

Вторая экспедиция была организована Московским государственным университетом и работала в Туве с 1953 по 1980 гг. под руководством Л. Р. Кызласова [История Тувы, 2001, с. 5]. Экспедиция достигла значительных успехов в изучении памятников бронзового, железного веков и средневековья, а также существенно расширила данные о палеолитических местонахождениях Тувы.

В период 1959–1963 гг. работы по изучению древнего металлургического производства Тувы и разработке рудных месторождений провел исследователь из Абакана Я. И. Сунчугашев.

Им были открыты и обследованы несколько центров древней металлургии и месторождений руд, которые интенсивно разрабатывались в древности и являлись сырьевой базой для развития местного металлургического производства.

В 1957 г. начала работу Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Л. П. Потапова. Исследования вели сразу несколько отрядов, которыми руководили С. И. Ванштейн, В. П. Дьяконова и А. Д. Грач. Одним из наиболее важных итогов работы экспедиции было открытие в долине р. Саглы первого палеолитического местонахождения с археологическим материалом леваллуа-мустьерского облика [Абрамова и др., 1991, с. 8].

Наиболее масштабные археологические исследования проведены в Туве в 1960–90 гг. Саяно-Тувинской экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии (ЛО ИА) АН СССР под руководством А. Д. Грача [Грач, 1976]. Экспедиция на протяжении двадцати полевых сезонов проводила охранно-спасательные археологические работы в зоне ложа водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, раскопав несколько тысяч курганных и грунтовых погребальных комплексов, стоянок каменного века, поселений и городищ более позднего времени, изучив десятки местонахождений наскальных рисунков и древних писем. Параллельно осуществлялись масштабные геолого-геоморфологические работы, проводимые красноярским геологом А. Ф. Ямских [Астахов, Ямских, 1995]. Работы экспедиции, в составе которой был выделен палеолитический отряд под руководством С. Н. Астахова, знаменовали качественно новый этап в изучении палеолита Тувы. Отрядом были открыты и частично обследованы десятки стоянок каменного века в различных её районах: на южных склонах Восточного и Западного Танну-Ола, в долинах рр. Саглы, Торгалык, Хемчик, Ус, Енисей, охватывающих хронологический период от раннего палеолита до неолита [Астахов, 1986; 2014; Абрамова и др., 1991; История Тувы, 2001, с. 5]. Основные итоги исследований были обобщены в десятках научных статей и ряде монографий, где наряду с характеристикой археологических материалов дана их хронологическая интерпретация. Автором открытий особо отмечалось поверхностное расположение археологических материалов, что не даёт возможности привлечь для их интерпретации и датирования геостратиграфию [Астахов, 1990, с. 40]. В то же время С. Н. Астахов находит много общих черт в облике археологических коллекций местонахождений Южной Тувы и Монголии.

В 1970–90 гг. около 90 памятников каменного века были выявлены В. И. Кудрявцевым на различных участках котловины озера Убсу-Нур [Кудрявцев, 2002, с. 144]. В эти же годы несколько десятков палеолитических и неолитических местонахождений на юге Тувы и в прилегающих районах Монголии были открыты отрядами ИИФиФ СО АН СССР, работавшими совместно с археологами Тувы и Монголии [Худяков и др., 1988; Дервянко и др., 1986; 1987; 1990]. В 1990–1991 гг. в устьевом участке р. Шалаш значительную коллекцию верхнепалеолитического инвентаря собрал геолог В. А. Попов. Он же сделал ряд единичных находок на других местонахождениях в долине р. Торгалык [Кудрявцев, 2002]. В 1999 г. протяжённый рекогносцировочный маршрут по южным районам Тувы был проведён отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. П. Дервянко. В процессе исследований были открыты несколько новых палеолитических местонахождений и обследованы уже известные памятники [Кудрявцев, 2002].

Весьма существенные работы по учёту и картографированию археологических памятников Тувы были осуществлены группой тувинских учёных. Определённым итогом этих исследований явилось составление и публикация Свода археологических памятников Республики Тува, включающего описание сотен археологических объектов, в том числе относящихся к эпохе палеолита и неолита [Свод..., 1994].

Сегодня археологические, геоморфологические, палеогеографические исследования в Туве продолжают вести исследователи из различных научных и образовательных центров Санкт-Петербурга, Кызыла, Новосибирска, Красноярска, Германии. В частности, огромный комплекс работ по изучению разновременных и разнокультурных памятников, включающих памятники каменного века, по трассе железной дороги Курагино – Кызыл уже несколько лет проводит Тувинская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН из Санкт-Петербурга под руководством В. А. Семёнова. Ранее совместной Российско-Германской

экспедицией под руководством К. В. Чугунова был раскопан «царский» курган Аржан 2. В течение нескольких полевых сезонов осуществлялись раскопки уйгурской крепости Пор-Бажын, открытой в 1891 г. Д. А. Клеменцем и расположенной на острове посреди озера Тере-Холь, проведенные под патронатом Русского Географического общества.

В 2003–2005 гг. на юге Тывы совместными отрядами Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН и Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева были проведены комплексные геолого-геоморфологические, палеогеографические и археологические исследования, оценка обследованной территории с точки зрения перспектив открытия новых местонахождений палеолита. Была исследована северная окраина Убсунурской впадины, примыкающая к хребтам Западной и Восточной Танну-Ола, а также низкогорья указанных хребтов на протяжении около 500 км (от п. Самагалтай на востоке до п. Саглы на западе).

В 2003–2004 гг. в процессе работ были открыты и вновь обследованы более 20 разновременных палеолитических стоянок, расположенных в долине р. Тес-Хем, вблизи устья её правого притока р. Тьттыг-Хем (Тес-Хем 1–3), в устье р. Ирбитей (Ирбитей 1–6), в долине р. Торгалык (Торгалык 1–4), в долине р. Улатай (Улатай 1, 2), в долине р. Борщоо-Гол (Борщоо-Гол), группа местонахождений в долине р. Саглы [Дроздов и др., 2003; 2004; 2005].

В 2005 г. исследования продолжены вдоль южного фаса хребтов Западного и Восточного Танну-Ола на юге Тувы, которые являются в системе гор Южной Сибири мировым водоразделом и разделяют бессточную область Центральной Азии и бассейн Северного Ледовитого океана. Вдоль южного фаса указанных хребтов расположен ряд небольших впадин – Саглинская, Хандыгайтинская, Торгалыкская. В пределах Торгалыкской впадины в 1988 г. С. Н. Астаховым было выявлено ашельское местонахождение Торгалык А [Астахов, 1990], а также ряд мустьерских местонахождений.

В 2005 г. нами была детально исследована восточная часть Торгалыкской впадины, получены новые материалы по геолого-геоморфологическому строению и археологии этого района. Впадина является линейной, вытянутой вдоль хребта Танну-Ола на 40 км. Ширина её около 10 км. Ландшафты в пределах впадины представлены сухими, опустыненными степями с покровом каштановых почв. Рельеф впадины равнинный с абсолютными высотами около 1500 м с отдельными останцами палеозойских пород в виде гряд, холмов. По происхождению равнина относится к аллювиальной и выполнена разновозрастными речными отложениями. Формирование равнины было обусловлено поднятиями хребта Танну-Ола и интенсивным выносом грубообломочного материала по долинам рек Торгалык, Элегест и характерными для рек аридного климата при выходе их на равнины многорукавностью и множественными перестройками русел.

Выразительной чертой равнины является её террасированность. В краевых частях террасы сочленяются с пролювиальными шлейфами. Выделяются следующие уровни террас (средняя часть впадины): I – 1–1,5 м, II – 2–3 м, III – 5 м, IV – 7–8 м. Для II и III террас характерен ярко выраженный грядово-ложбинный рельеф поверхности, фиксирующий русла бывших водотоков. Гряды сложены галечно-валунным материалом, а в понижениях вскрываются лессовидные субаэральные супеси мощностью до 1 м, подстилаемые галечниками и валунами. IV терраса имеет другой облик. В отличие от сероцветного супесчаного заполнителя грубообломочного аллювия II и III террас заполнитель здесь красновато-коричневый. Грядово-ложбинный рельеф отсутствует, галечники и валуны рассеяны по поверхности. Окатанные породы представлены кварцитами, кремнями, роговиками. Они имеют гораздо более древний облик по сравнению с аллювием II и III террас – сильно выветрелы, несут следы активной коррозийной обработки, корочки пустынного загара.

Ниже и выше по течению р. Торгалык высота террас повышается. В районе сочленения равнины с хребтом Танну-Ола р. Торгалык сливается с р. Шалаш. В междуречье прекрасно выражен комплекс надпойменных террас: I – 4 м, II – 7 м, III – 10–20 м, IV – 40 м, V – 50 м. Первые три террасы сопоставляются нами с I, II, III террасами, а IV, V террасы с IV террасой на равнине. Верхние террасы (IV и V) сложены валунно-галечниковым материалом. Аллювий перекрывается маломощными (0,5–1,0 м) серовато-коричневыми супесями.

Вопрос о возрасте террас является дискуссионным. Предположительно (по высоте, по характеристике аллювия, по общим геологическим соображениям) можно полагать, что IV терраса (на равнине) и IV и V террасы (в предгорьях) не моложе среднего плейстоцена. На площадках указанных террас обнаружены впервые местонахождения палеолита, которые по геолого-геоморфологическим соображениям можно относить к среднеплейстоценовым.

В ходе работ 2005 г. были открыты и вновь обследованы местонахождения: Торгалык 1–9; Гора Торгалык 1–3; Арыг-Бажи 1–5; Шалаш 1–3; Улатай 1–2; писаницы Гора Торгалык 1, Арыг-Бажи 1, 2, Шалаш 1.

Проведённые исследования позволяют сделать ряд выводов:

1. Обследованный район является чрезвычайно перспективным для выявления и оценки местонахождений палеолита, как мустьерских, так и раннепалеолитических, а также позднепалеолитических памятников.

2. В отличие от ранее существовавшего взгляда о приуроченности палеолитических местонахождений к поверхностям пролювиально-делювиального шлейфов, выявлена определённая связь местонахождений с речными террасами. Судя по тому, что на отрезке бассейнов рек Ирбитей – Саглы обнаружены разновременные палеолитические местонахождения, во всех имеющихся долинах рек, стекающих с хребтов Танну-Ола, можно предполагать интенсивные миграции древнего населения вдоль фаса хребтов.

3. Открыты местонахождения нового типа – расположенные в пределах фрагментов древней речной сети, не связанной с современной, что рассматривается в качестве рабочей гипотезы и требует дополнительных исследований.

4. Палеолит Южной Тувы различного возраста является галечным и связан с террасами средне – позднеплейстоценового и более раннего возраста [Дроздов и др., 2005].

5. Впервые *in situ* найдены среднепалеолитические материалы на комплексе стоянок Шалаш.

6. Обнаружена микроиндустрия на местонахождении Торгалык 1 (возможно, среднепалеолитическая).

7. Обнаружен каменный инвентарь раннего палеолита и более позднего времени на местонахождениях Торгалык 3–9, и комплексе стоянок Арыг-Бажи. При этом необходимо отметить, что определённую сложность при хронологической интерпретации инвентаря представляет его поверхностное залегание, что не позволяет осуществить геостратиграфическую привязку.

8. Выявлены новые наскальные рисунки времени неолита, бронзового и железного веков, характеризующие некоторые элементы духовной культуры древних племён, населявших южные районы современной Тувы и Северной Монголии, и позволяющие проводить историческую реконструкцию отдельных элементов материальной культуры этих этнических образований.

Результаты исследований 2003 – 2005 гг. позволяют говорить о перспективности и необходимости дальнейших детальных комплексных исследований памятников каменного века Южной Тувы.

Список литературы

Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф. Палеолит Енисея. – Л.,: Наука, 1991. – 160 с.

Астахов С. Н. Палеолит Тувы. – Новосибирск: Наука, 1986. – 174 с.

Астахов С. Н. Открытие древнего палеолита в Туве // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С. 40–43.

Астахов С. Н. Этапы исследования палеолита в Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Кызыл, 2014. – С. 9–13.

Астахов С. Н., Семёнов В. А. Палеолит и неолит Тувы (по материалам Саяно-Тувинской экспедиции) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 17–35.

Астахов С. Н., Ямских А. Ф. Новые данные о палеолите Тувы // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 4–9.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.

- Грач А. Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // Археологические открытия 1965 г. – М.: Наука, 1966. – С. 22–23.
- Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др. Археологические исследования в Монголии. Убсунурский аймак, Тэс-сомон, Гурвалзагал, Сагил-сомон (препринт). – Новосибирск, 1986.
- Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др. Археологические исследования в Монголии в 1986 году. Общие сведения (препринт). – Новосибирск, 1987.
- Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др. Археологические исследования в Монголии. Местонахождения Хубсугульского, Булганского, Завханского и Убсунурского аймаков (препринт). – Новосибирск, 1987.
- Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др. Каменный век Монголии: палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Дроздов Н. И., Дроздов Д. Н., Макулов В. И., Чеха В. П. Геолого-геоморфологическая характеристика и палеолит Южной Тувы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX., ч. 1. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 120–126.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П. Геолого-геоморфологические исследования на территории Южной Тувы // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. Вып. 4. Т. 1. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – С. 37–48.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П. Новое в Палеолите Южной Тувы // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – С. 21–23.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П., Заика А. Л. Комплексные исследования в Южной Туве // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Том 2. – Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 2005. – С. 41–44.
- История Тувы. Т. 1. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. С. И. Ванштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Кудрявцев В. И. История исследования каменного века Убсу-Нурской котловины // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества (научные труды ТувИКОПР СО РАН). – Кызыл, Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 2002. – С. 142–160.
- Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. №4. 1958. – С. 71.
- Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1989. – С. 131–189.
- Манай-оол М. Х. Археологические памятники Тувы. – Кызыл, 1964.
- Монгуш В. Т. Исследование памятников каменного века в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 36–42.
- Окладников А. П. Археология Тувы (итоги и проблемы) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 3–16.
- Свод археологических памятников Республики Тыва / Гл. ред. Ю. Л. Аранчын, сост. И. У. Самбу. – Кызыл, Изд-во ТувНИИЯЛИ 1994. – 192 с.
- Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. Вып. VII. – М.: Л., 1940. – С. 87.
- Худяков Ю. С., Плотников Ю. А., Данченко Г. П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл-Самагалтай-Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. – Новосибирск, 1988. – С. 54–89.

С. В. Кузьминых

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

А. С. Вдовин

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
e-mail: vdovin2002@bk.ru

Г. Гален

Институт азиатских и африканских исследований Университета Хельсинки, Финляндия
e-mail: harry.halen@yahoo.com

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ЗА РУБЕЖОМ: СОБРАНИЕ И. П. ТОВОСТИНА В МУЗЕЙНОМ ВЕДОМСТВЕ ФИНЛЯНДИИ

Статья посвящена истории формирования знаменитой частной коллекции минусинских древностей И. П. Товостина и её продажи в Финляндию. Покупка древностей была для Товостина одним из путей вложения капитала. В условиях начавшейся в 1914 г. мировой войны стоимость коллекции неминуемо падала. Минусинский торговец стремился поскорее расстаться с собранием, но, конечно, за приемлемую сумму. Два года шли переговоры, сначала с Й. Р. Аспелином, а после его смерти с А. М. Тальгреном. В итоге стороны пришли к соглашению, и коллекцию в 1916 г. приобрел доктор Карл Хедман, который предоставил её для публикации А. М. Тальгрёну. В дальнейшем она была выкуплена Национальным музеем Финляндии. Коллекция Товостина является крупнейшим собранием минусинских древностей за пределами России.

Ключевые слова: Минусинская котловина, скупка древностей, частные коллекции, И. П. Товостин, Й. Р. Аспелин, А. М. Тальгрён, К. Хедман, Национальный музей Финляндии.

S. V. Kuzminykh

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

A. S. Vdovin

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Russia

H. Halen

Institute for Asian and African Studies, University of Helsinki. Finland

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS ABROAD: I. P. TOVOSTIN'S COLLECTION IN THE NATIONAL BOARD OF ANTIQUITIES (FINLAND)

The article discusses the history of a well-known collection of antiquities from Minusinsk region assembled by I.P. Tovostin and its further selling to Finland. The purchase of antiquities was a major source of investment for I.P. Tovostin. After the First World War broke out in 1914, the price of the collection dropped considerably. The Minusinsk merchant desperately tried to sell the collection for a considerable price. For two years he negotiated, first with J.R. Aspelin, and after his death with A.M. Tallgren. At last the two parties reached an agreement and the collection was sold to Dr Karl Hedman, who provided A.M. Tallgren with an opportunity to publish it. The collection was later purchased by the National Museum of Finland. The collection is one of the largest collections of antiquities from Minusinsk region outside Russia.

Key words: Minusinsk depression, purchase of antiquities, private collections, I.P. Tovostin, J.R. Aspelin, A.M. Tallgren, K. Hedman, the National Board of Antiquities.

В начале XX века одна из крупнейших частных коллекций на территории Енисейской губернии принадлежала торговцу и владельцу «мастерской инородческих серебряных изделий»* Ивану Петровичу Товостину, который с конца 1870-х гг. скупал предметы у крестьян для пере-

* Так указано на штемпеле почтовых отправлений И. П. Товостина 1905 и 1908 гг.

продажи Й. Р. Аспелину (в годы его сибирских экспедиций 1887–1889 гг.) и И. П. Кузнецову-Красноярскому. Из писем [Архив МВ-АО, Товостин – Аспелину; 18.05.1905, 3.06.1908] известно, что их знакомство состоялось в с. Каптырево Шушенской волости, где жил в конце 1870-х гг. будущий коллекционер. К этому времени он уже занимался скупкой древностей и, как сам отмечал в первом письме Аспелину, «я Вам продавал по два года чутция [чудские] древние вещи».* Знакомство с финским археологом, судя по всему, заметно стимулировало собирательскую деятельность Ивана Петровича. Аспелин, кроме того, просил Товостина «усматривать плиты с надписями». Товостин и «усматривал» – в письмах 1908 г. как раз и идёт речь о четырёх таких плитах. Минусинский торговец надеется получить вознаграждение за информацию о писаницах, указывая, что около 20 лет занимался их разысканием. После 1908 г. и вплоть до 1915 г. Товостин не предпринимал попыток связаться с Аспелином по поводу покупки его собрания «чудских» древностей, которое в эти годы заметно увеличилось. Торговец активно собирал древние вещи, разъезжая по Минусинскому уезду, а также скупал их при помощи объявлений, размещённых в местной газете и вывешенных в людных местах Минусинска.

О цене этих вещей в конце XIX в. сохранилось свидетельство шведского исследователя Ф. Р. Мартина, проводившего в 1891 г. археологические раскопки под Минусинском: «Сегодня находки встречаются немного чаще, однако крестьяне, к счастью, начинают осознавать их стоимость. Несмотря на это, цены на них пока ещё низкие. За красивый кинжал или топор из бронзы просят 1 рубль, за бронзовый нож – от 20 до 30 копеек. Железные наконечники стрел, которые находят в огромном множестве, оцениваются от 2 до 10 копеек. То тут, то там встречаются даже небольшие собрания, которые имеют достаточно высокие цены» [Мартин, 2004, с. 38]. Близкие цены держались и десятилетием раньше. Аспелин, ведя позднее торг с Товостиным по поводу покупки его коллекции, отмечал: «Так напр[имер] в бытность мою в Сибири за ножи, кинжалы и пр. я уплачивал по 15–60 коп. за штуку, и ни в коем случае не выше 1 рубля» [Архив МВ-АО, Аспелин – Товостину; 20.04.1915]. Товостин старался покупать у крестьян предметы ниже цен, отмеченных Мартином и Аспелином, – по 10–50 копеек за штуку, а продавал их путешественникам, чиновникам и прочим лицам, интересующимся древностями, за 15–20 рублей. В итоге в канун Первой мировой войны он стал обладателем значительной коллекции археологических предметов из минусинских степей. С целью продать её дороже, он опубликовал даже «Каталог чудских древностей» [Товостин, 1913].

В 1913 г. часть предметов у Товостина купил Музей Императора Александра III в Петербурге,** однако продать коллекцию целиком не удалось. Важно отметить, что Товостин не предлагал её Минусинскому или другим сибирским музеям. Напротив, он сторонился каких-либо отношений с Минусинским музеем, а своих финских корреспондентов призывал не афишировать контакты с ним. Ему не хотелось широкой огласки о своей коллекции из-за боязни её кражи. Кроме того, торговец хорошо сознавал, что «перебегает дорогу» Н. М. Мартьянову – основателю и распорядителю Минусинского музея, скупая вещи, которые могли быть принесены для продажи или дарения в музей. Иван Петрович также понимал, что местные музеи не дадут за коллекцию ту цену, на которую он рассчитывал, обращаясь в столичные и зарубежные музеи.

Разразившаяся в 1914 г. мировая война внесла коррективы в собирательские планы Товостина: дальнейшее пополнение коллекции уже не несло финансовой выгоды. Будучи человеком практичным, её владелец сознавал, что в условиях затянувшейся войны и при падении курса рубля обесценивается и его коллекция – и Иван Петрович торопился продать её. В начале 1915 г. он написал в Гельсингфорсе Аспелину с просьбой о помощи – найти покупателей за границей. Обращение не было случайным: государственного археолога Финляндии (одна из официальных должностей Аспелина тех лет) Товостин знал со времени экспедиций 1887–1889 гг., а позднее состоял с ним в переписке. «Для сбора таковой коллекции, – сообщает Иван Петрович, – мною утрачено много времени и денег; коллекция оригинальная, но продать тако-

* Они отражены в обзоре коллекций с территории России, хранящихся в Музейном ведомстве Финляндии [Tallgren, 1928].

** Ныне эта коллекция хранится за № 3975 в Эрмитаже. Художественные бронзы из неё опубликованы М. П. Завитухиной [1983].

вую я решил по случаю моей старости. Прошу Вас, не имеете ли Вы сведения относительно Швеции и её музеев, которые не пожелают ли купить мою коллекцию» [Архив МВ-АО, Товостин – Аспелину; 9.01.1915]. Но истинная цель обращения, скорее всего, заключена в последних строках этого письма: «Для Вашего музея не предлагаю свою коллекцию, потому что Вами собрано много предметов древности во время Вашего проезда по Минусинскому округу, а в прочим [впрочем] могу и Вам продать, ежели в цене сойдемся».

Иван Петрович, зная об интересе финских учёных к минусинским древностям, не ошибся в выборе адресата: Аспелин в ответном письме выразил желание приобрести эту коллекцию в Финляндию. Начинается длительная переписка и торг о покупке коллекции: первоначальная цена в 3350 р., запрошенная Товостиным за 700 предметов, была чрезмерной и для Исторического (ныне Национального) музея Финляндии. Чтобы придать ценность коллекции, владелец часто отмечает в письмах, что в её собирание он вложил 20, 25, 30 лет тяжкого труда и немало средств, что в его коллекции нет дубликатов, что все вещи «разнокалиберные» [Кузьминых, Вдовин, 2007, с. 89]. Аспелин, после получения фотографических снимков, предлагает цену значительно меньшую – 1250 р., отмечая при этом, что в июне в Минусинск для археологических исследований придёт секретарь Исторического музея А. М. Тальгрэн, который сможет оценить научную значимость коллекции. С предложенной ценой Иван Петрович не согласился и сообщил в Гельсингфорс, что будет ждать приезда в Минусинск Тальгрэна [Архив МВ-АО, Товостин – Аспелину; 4.04.1915].

В конце мая 1915 г. государственный археолог Финляндии умер. Известие о его смерти застало Тальгрэна на Урале: ученик Аспелина был уже в пути в ходе трёхмесячной поездки в Россию, конечной целью которой являлось проведение археологических исследований в Абаканской степи [Kivikoski, 1954, p. 94, 95]. В Минусинске наряду с изучением богатейших фондов музея финский археолог лично ознакомился с коллекцией Товостина, оценил научную значимость собранных им древностей, подробно описал их и дал положительное заключение в Археологическую комиссию Исторического музея о необходимости приобретения данной коллекции.

Осенью 1915 г., по возвращении из поездки в Россию, Михаил Маркович (так величали Тальгрэна в России) по поручению комиссии продолжил переписку с Товостиным о покупке коллекции и в то же время стал искать покупателя в Финляндии (Исторический музей в то время не располагал средствами для её приобретения). После отказа одного из меценатов приобрести это собрание и преподнести его в дар Финскому обществу древностей, он опубликовал в журнале «*Nuori Suomi*» («Молодая Финляндия») статью об уникальной сибирской коллекции [Tallgren, 1915]. Эта статья в первых числах января 1916 г. попала на глаза другому меценату – Карлу Хедману,* который проявил интерес к приобретению коллекции Товостина и попросил Тальгрэна быть посредником при её покупке [Архив МВ-АО, Хедман – Тальгрэну; 4.01.1916]. К счастью для Хедмана и Тальгрэна, коллекция к этому времени ещё не была продана, хотя Товостин получил в 1915 г. предложения о её покупке от представителей университетов Оксфорда и Филадельфии как раз во время пребывания Тальгрэна в Минусинске. Причём последнего Иван Петрович просил о содействии в осуществлении покупки, но в силу занятости Тальгрэн не смог (а может быть и не захотел) вовремя помочь Товостину [Архив МВ-АО, Тальгрэн – Хедману; ? .01.1916]. Теперь, когда Хедман выразил желание приобрести коллекцию и был готов предоставить её Тальгрэну для научного описания, каталогизации и публикации, Михаил Маркович искренне радовался, что эта ценная частная коллекция сибирских древностей не отправилась за океан, в Филадельфию. В переписке Тальгрэн и Хедман обсудили все важные детали и нюансы покупки и доставки коллекции в Петроград или в Хельсинки. Хедман ставил вопрос о понижении стоимости собрания до 2000 рублей, но в итоге согласился с Тальгрэном, что сумма в 2500 рублей, которая ранее была оговорена с Товостиным, не является чрезмерной. В конце 1916 г. переговоры вступили в заключительную фазу. Товостин, упаковав

* Hedman Karl Gustaf Wilhelm (23.9.1864 – 29.4.1931), доктор медицины, профессор, 2-й городской врач г. Васа.

1056 предметов в два больших ящика по пяти пудов каждый, сам доставил их железной дорогой в Петроград для передачи доверенному лицу Тальгрена (В. А. Тайвалант) и оформления банковского перевода денег.

На другой год Тальгрэн оперативно опубликовал материалы вновь приобретённой коллекции Национального музея, включив в книгу и результаты собственных раскопок тагарского кургана под Абаканом [Tallgren, 1917, p. 14–17]. Экземпляр книги с собственным портретом на первой странице (Ibid, fig. 1) Иван Петрович получил в числе первых. При этом он настоятельно просил Михаила Марковича пока не дарить книгу в Минусинский музей, дабы не навлечь на себя «негодование каждого минусинского гражданина» [РОНБФ. Coll. 230.14; 6.05.1917]. Переписка Товостина с Тальгреном продолжалась в течение всего 1917 года, пока не прервались почтовые сношения России и Финляндии.

С момента продажи коллекции Иван Петрович продолжил сбор и скупку древностей. Весной и летом 1917 г. он предлагал Тальгреноу приобрести его новую коллекцию. Михаил Маркович отвечал согласием, но предложенные им варианты передачи вещей через Петроград или Красноярск Товостин считал рискованными. Торговец решил «коллекцию удержать у себя до благоприятного времени и по возможности пополнять её новыми экземплярами, на которые, я надеюсь, не буду считаться с дороговизной древностей, за которые крестьяне дорожатся при настоящем положении при падении курса рубля» [РОНБФ. Coll. 230.14; 16.09.1917]. В итоге Иван Петрович прогадал: в октябре свершилась новая революция, и вопрос о продаже коллекции отпал сам по себе. В 1920-е гг. многие владельцы или их наследники «добровольно» передавали свои собрания в столичные и местные музеи; сибирские – не исключение [Вдовин и др., 2015, с. 86]. В 1929 г. Товостин расстался – и явно не по воле души – со своей новой коллекцией. История продажи его первой коллекции в Финляндию в 1916 г. к тому времени уже явно была известна властям, а не только музейщикам. У бывшего торговца и скупщика древностей не было иного выбора. В фонды Минусинского музея поступили 101 бронзовый и 11 железных предметов [АМКМ, оп. 1, д. 749 (Книга поступлений); д. 775 (Инвентарная книга записи экспонатов)]. Позже часть вещей была передана в Абаканский краеведческий музей (по акту от 15.08.1950 г.). Сам Товостин – и вовремя – после 1929 г. покинул Минусинск. В 1960–70-е гг. археологу Минусинского музея Н. В. Леонтьеву писал из Казахстана или Киргизии сын Ивана Петровича, которого интересовала судьба отцовской коллекции.

Такова краткая история уникального собрания И. П. Товостина, имя которого, благодаря книге А. М. Тальгрена [Tallgren, 1917], вошло в историю российской и финской археологии. Спустя сто лет эта коллекция, безусловно, заслуживает новой современной публикации.

Список источников и литературы

Вдовин А. С., Дэвлет М. А., Кузьминых С. В. Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен // Очерки истории отечественной археологии. – Вып. IV. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 64–96.

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее (скифское время). Публикация одной коллекции. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1983.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург; Сургут, 2004.

Товостин И. П. Каталог чудских древностей. Памятники металлических эпох. – Минусинск, 1913.

Kivikoski E. A. M. Tallgren // *Eurasia Septentrionalis Antiqua. Supplementary Volume.* – 1954. – P. 77–121.

Tallgren A. M. Tovostinin muinaisesinekokoelma [Товостинская коллекция древностей] // *Nuori Suomi.* – Helsinki, 1915. – P. 247–255.

Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. – Helsingfors, 1917.

Tallgren A. M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – 1928. – Т. III. – S. 141–164.

АМКМ – Архив Минусинского краеведческого музея

МВ-АО – Музейное ведомство Финляндии, археологический отдел

РОНБФ – Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии

С. В. Кузьминых

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Т. Салминен

Институт философии, истории, культуры и искусствоведения Университета Хельсинки.
Финляндия
e-mail: timo.salminen@pp3.inet.fi

А. М. ТАЛЬГРЕН – РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «EURASIA SEPTENTRIONALIS ANTIQUA»

Идея издания журнала возникла у А. М. Тальгрена после длительной научной поездки в Россию в 1915 г. Реализовать ее удалось лишь в 1920-е годы. В 1926–1938 гг. вышли 12 номеров ESA. Цель проекта – объединить исследования специалистов по археологии и этнографии Северной Евразии с непременно участием учёных из СССР, и Тальгрену это удалось. Он был не только научным редактором, но одновременно секретарём, рецензентом, корректором. Без его подвижнической деятельности журнал попросту бы не состоялся. Издание ESA стало пиком научной карьеры финского археолога.

Ключевые слова: *А. М. Тальгрэн, Eurasia Septentrionalis Antiqua, археология и этнография Северной Евразии.*

S. V. Kuzminykh

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

T. Salminen

Department of Philosophy, History, Culture and Art Studies, University of Helsinki. Finland

**A. M. TALLGREN – EDITOR OF THE JOURNAL
«EURASIA SEPTENTRIONALIS ANTIQUA»**

The idea of publishing a journal came to A. M. Tallgren as a result of a long-term research trip to Russia in 1915. Its implementation turned out possible only in the 1920s. In 1926–1938 12 issues of ESA were published. The purpose of the project was to combine the study of experts in archaeology and ethnography of Northern Eurasia with the indispensable participation of the USSR researchers, and Tallgren managed to achieve this goal. He was not only the academic editor, but simultaneously the secretary, the reviewer, and the proofreader. Without his selfless activity the journal would simply not have appeared. The publication of the ESA was the peak of academic career of the Finnish archaeologist.

Ключевые слова: *A. M. Tallgren, Eurasia Septentrionalis Antiqua, archaeology and ethnography of Northern Eurasia*

Аарне Михаэль Тальгрэн (1885–1945) – одна из ключевых фигур в истории европейской археологии первой трети XX века. Нам ещё предстоит оценить огромный вклад финского учёного в историю русской и советской археологии 10–40-х гг. XX века. Особенно это касается его роли в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Требуется углубленного изучения деятельности Михаила Марковича (так обращались к нему в личном общении и в переписке коллеги из России и СССР, а иногда и западные археологи Э. Миннз, Г. Мергарт, Э. Лайд и др.) в качестве редактора журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (ESA) и прежде всего аспект, связанный с привлечением к сотрудничеству советских археологов.

В настоящей статье мы как раз попытаемся раскрыть деятельность Тальгрена на посту редактора ESA. Идея издания периодического журнала возникла у финского учёного ещё после длительного путешествия по России в 1915 г., когда перед ним открылась поразившая его панорама евразийской археологии. В июле 1916 г. он вместе с этнологом У. Т. Сирелиусом представил

в Совет Финского археологического общества предложение – обратиться с ходатайством в Сенат Великого княжества Финляндского о выделении ежегодного гранта для основания и издания журнала, посвящённого археологии и этнографии Восточной Европы и Западной Сибири [Kokkonen, 1984, p. 5, 6]. Инициатива была обсуждена и одобрена Обществом в октябре того же года. Однако все дальнейшие действия по осуществлению проекта были прерваны из-за русских революций 1917 г. Кроме того, в 1920 г. Тальгрэн приступил к преподавательской деятельности в университете Тарту. С отъездом в Эстонию проект ESA пришлось отложить, хотя в феврале того года идея издания журнала была вынесена на суд финской общественности [Tallgren, 1920]. Психологическое состояние его в то время, как свидетельствуют очевидцы [Kivikoski, 1954, p. 101], было подавленным, и уже годом спустя он считал эту идею мёртворожденной [Kokkonen, 1984, p. 6].

В 1924 г. с возвращением в университет Хельсинки, где Тальгрэн стал профессором финской и скандинавской археологии, возобновились его поездки в Россию. В том году он провёл исследования в музеях Ленинграда и Москвы. В 1925 г. ему удалось побывать в Киеве, Харькове, Саратове, Казани и Костроме. Исследовательскими результатами поездок Михаил Маркович, безусловно, был доволен. Финский учёный не мог не заметить, что наряду с проблемами в экономике и в гуманитарной сфере в России стала меняться к лучшему ситуация в археологии [Tallgren, 1925]. Поездки 1924 и 1925 гг. придали заметный импульс научным занятиям Тальгрэна и ещё больше укрепили в намерении начать издание ESA. В значительной степени эти планы были связаны с реализацией его давней мечты – создать новый журнал, посвящённый урало-алтайской археологии и этнографии. Для успешного продвижения данного проекта необходимо было заручиться поддержкой как европейских археологов, так и – самое главное – привлечь к работе в журнале коллег из Советской России. Несмотря на финансовые трудности, идея выглядела более перспективной, нежели при первой попытке основания журнала в 1916 г. Кроме того, её осуществлению способствовали личные контакты и возросший научный авторитет финского археолога. Не случайно Г. Чайлд писал в сентябре 1925 г. Тальгрэну: «Нам надо надеяться, что большевики примут Ваше предложение» [цит. по: Kokkonen, 1984, p. 6]. Другой целью Михаила Марковича был сбор материалов для его работы по бронзовому и раннему железному веку Восточной Европы, Урала и Сибири. В итоге в ходе поездок 1924 и 1925 гг. ему удалось укрепить дружеские отношения с давними коллегами в России, наладить контакты с более молодым поколением советских археологов и привлечь их к совместной работе в журнале. Во время поездки 1925 г. он получил уже ряд готовых и заказал дополнительные статьи для 1-го выпуска ESA (вышел в 1927 г.).

В феврале 1924 г. Финское археологическое общество подало заявку в Министерство образования Финляндии на государственный грант для осуществления проекта ESA. В те годы получить грант было не просто, учитывая обострение застарелой вражды и даже ненависти к России после гражданской войны в Финляндии. В апреле 1924 г. в газете «Helsingin Sanomat» Тальгрэн выступил со статьёй «Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)» в обоснование и поддержку данного проекта [Tallgren, 1924]. В 1925 г. грант был получен, и вскоре вышел первый том серии (второй по общей нумерации) – книга об эпохе бронзы Северного Причерноморья [Tallgren, 1926a]. В сентябре 1926 г. Тальгрэн проинформировал общественность Финляндии о начале осуществления проекта ESA [Tallgren, 1926b].

Журнал «Eurasia Septentrionalis Antiqua» издавался в 1926–1938 гг. Всего вышло 12 номеров. Цель проекта была одна – объединить исследования широкого круга специалистов по археологии и этнологии Северной Евразии с непременным участием учёных из СССР. Тальгрэн безвозмездно выполнял функции секретаря, научного редактора, рецензента и даже корректора. В его рабочем архиве в Музейном ведомстве Финляндии отложились подготовительные материалы, иллюстрации и фотографии, рукописи и машинописи, корректуры как собственных статей, библиографических обзоров и рецензий, опубликованных в ESA, так и многочисленных авторов журнала. Содержание многих номеров в значительной степени составляли работы самого редактора. Вначале Тальгрэн разделял редакторские функции с этнологами У. Т. Сирелиусом (до 1929 г.), а после его смерти с И. Манниненом, но с 1935 г., после кончины последнего, рабо-

тал самостоятельно, поскольку этнография из журнала фактически «ушла». Можно согласиться с Эллоу Кивикоски: «“Eurasia” была по-настоящему его (Тальгрена. – авт.) журналом» [Kivikoski, 1954, p. 107]).

Журнал быстро завоевал популярность в европейском научном сообществе. Его издание стало пиком научной карьеры финского археолога. Начало 1920-х гг. было довольно благоприятно для расцвета международных научных связей, и Тальгрэн использовал этот шанс. Он поддерживал тесные контакты с коллегами, научными обществами и музеями, прежде всего, Европы и СССР, но также США, Японии, Китая, Турции и других стран, вёл обширнейшую переписку и обмен литературой не только с профессионалами, но и откликался на заказы провинциальных музеев и краеведческих организаций Советской России. Если судить по эпистолярному архиву учёного в Национальной библиотеке Финляндии, просьбы о присылке литературы поступали из самых отдалённых уголков СССР, и пик таких писем приходится именно на 1920-е годы.

Первые номера журнала были более чем наполовину заполнены статьями советских авторов. Вот их имена в алфавитном порядке – Б. В. Александров, А. Е. Алихова, В. В. Арндт, О. Н. Бадер, Н. Н. Бортвин, Г. Ф. Дебец, Е. И. Горюнова, Б. Н. Граков, В. И. Громов, П. А. Дмитриев, М. Егоров, Б. С. Жуков, А. А. Захаров, А. В. Збруева, М. М. Ивашенко, О. А. Кривцова-Гракова, А. Т. Кузнецова, Б. А. Латынин, Н. Е. Макаренко, Т. М. Минаева, Г. К. Ниорадзе, Т. С. Пассек, А. А. Потапов, С. Ф. Преображенский, Е. Г. Пчелина, В. И. Равдоникас, П. Д. Рау, П. С. Рыков, В. В. Сергеев, А. С. Сидоров, В. Ф. Смолин, С. П. Толстов, И. В. Фабрициус, М. Г. Худяков, А. В. Шмидт, Л. И. Якунина-Иванова. Среди них наиболее активными авторами ESA были Захаров (6 статей), Граков, Макаренко и Шмидт (по две).

Именно благодаря ESA работы многих советских археологов в 1920-е – начале 1930-х гг. стали известны в Европе и в мире. Однако 1929 год – «год великого перелома» – привёл к переходу от лозунгов к практическим действиям по переводу археологии на марксистские «рельсы», и в итоге на рубеже 1920–30-х и в первой половине 30-х гг. связи с зарубежными научными центрами заметно ослабли. Редактируемый Тальгреном журнал, после того как он выступил с критическими замечаниями и оценками об опасных тенденциях развития гуманитарных наук в Советской России [Tallgren, 1928; 1931; 1932; 1936], был назван фашистским [Быковский, 1932; Равдоникас, 1932], и все печатавшиеся в нём приравнивались к врагам народа. Сочувствие к судьбе учёных в СССР и негативная оценка сложившейся ситуации в советской науке в целом вылились со стороны финского археолога в 1928 г. в открытое письмо в Главнауку с критикой преследования ученых [Tallgren, 1928]. «Дело академика С. А. Жебелёва» получило международный резонанс. В прессе Советского Союза и в академических верхах на Жебелёва и Тальгрена посыпались обвинения во всех смертных грехах [Тункина, 2000]. К счастью, Сергея Александровича не коснулся молох репрессий, но Михаилу Марковичу его выступление обошлось дорого: он стал персоной *non grata* в СССР.

Это выступление в защиту Жебелёва и в целом советских учёных весьма красноречиво характеризует Тальгрена как человека, для которого «было свойственно публично выражать свои мнения и убеждения, отстаивая то, что он считал правильным и справедливым» [Kivikoski, 1954, p. 114]. Отлучение от поездок в Советский Союз его не остановило. Убеждаясь, что в советской археологической литературе аргументы и доказательства всё более подменяются цитатами на труды классиков марксизма и «новое учение о языке» академика Н. Я. Марра, редактор ESA выступил с критикой коллег из ГАИМК – С. Н. Быковского, В. И. Равдоникаса, И. И. Смирнова, В. Б. Аптекаря, М. Г. Худякова, работы которых особенно «грешили» начётничеством [Tallgren, 1932]. Им были противопоставлены труды П. П. Ефименко, А. А. Иессена, М. П. Грязнова, А. А. Миллера, В. В. Гольмстен и других сотрудников Академии, написанные, по мнению Михаила Марковича, на высоком методическом уровне [Tallgren, 1932, p. 205].

В 1935 г. Тальгрэн вновь посетил СССР. По следам поездки был опубликован обзор «Археологические исследования в Советской России» [Tallgren, 1936], в котором «содержатся его путевые заметки, информация о коллекциях и музейных собраниях, комментарии о выставках, отчёты о раскопках и обзоры литературы, новости о судьбе российских археологов, разнообраз-

ные личные впечатления» [Kivikoski, 1954, p. 110]. Среди новостей о судьбах советских коллег сообщается о смерти А. А. Миллера, С. А. Теплоухова и Б. С. Жукова; неизвестной остаётся для финского археолога судьба многих других ученых – Г. И. Боровки, И. В. Фабрициус, М. П. Грязнова, В. Е. Козловской, М. Я. Рудинского, А. А. Захарова, Н. Е. Макаренко [Kivikoski, 1954, p. 149]. Не встретив в музеях и университетах многих репрессированных коллег, Тальгрэн вновь публично осудил советский режим: «Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями?» [Tallgren, 1936, p. 149].

Год 1929 и последующие стали во многом переломными в судьбе ESA. Многие корреспонденты Тальгрэна и авторы журнала из СССР прервали с ним переписку и отношения или совсем, или на несколько лет, до 1935 г., когда увидели, что с финского учёного снято табу на поездки в Советский Союз. В 1935–1936 гг. Михаилу Марковичу ещё писали или отвечали на его письма М. М. Иващенко Г. К. Ниорадзе, В. Н. Чернецов, П. С. Рыков, М. Г. Худяков; авторами статей в ESA осмелились быть В. В. Арендт, А. А. Захаров и Н. Е. Макаренко. Тальгрэну ещё удавалось заполнить последние номера журнала статьями европейских коллег и собственными, но становилось всё очевиднее, что ESA не может быть проводником и связующим звеном между западной и советской археологией. Журнал уже не мог выполнять ту изначально начертанную для него роль, как она виделась его редактору в начале 1920-х.

Второй причиной, которая привела Тальгрэна к решению прекратить издание ESA в 1938 г., было то, что рост новостроечных работ в СССР привел к лавинообразному увеличению археологических источников, которые в новой экономической и политической реальности Михаил Маркович уже не мог отследить, а тем более опубликовать. Время требовало новых решений и инструментов, и в итоге на смену тальгрэновскому журналу пришли альманахи «Советская археология» (с 1936 г.) и серийное монографическое издание «Материалы и исследования по археологии СССР» (с 1940 г.)

Третьей и, скорее всего, важнейшей причиной завершения проекта ESA стали для финского учёного серьёзные проблемы со здоровьем. По словам Эллы Кивикоски, «Тальгрэн работал безостановочно, работа была его жизненной необходимостью, наркотиком, по словам матери» [Kivikoski, 1954, p. 117]. К пятидесяти годам этот «наркотик» физически и морально подорвал его здоровье и жизненные силы. В 1937 г. Тальгрэн вынужден был долгое время оставаться в постели из-за серьёзного расстройства кровообращения. Перенес инфаркт, он выздоровел, но два года спустя ему пришлось пойти на операцию, и после неё он до конца так и не оправился [Kivikoski, 1954, p. 118]. Сил для издания ESA уже не было.

Журнал «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», благодаря личности и неизбывной энергии его редактора, воссоздал разрушенный в годы послереволюционного лихолетья мост, соединявший ранее многими и прочными нитями русскую и западную археологию. Инициатива финского учёного позволила первому поколению советских археологов выйти со своими трудами и достижениями на европейскую и мировую научную арену. Казалось бы, журнал не может быть памятником деяниям человека, но не в случае с Тальгрэном. Прошли десятилетия, настали новые времена – и тальгрэновский проект и опыт оказались востребованными. Речь идёт об альманахе «*Eurasia Antiqua*», который с 1995 г. издается Евразийским отделом Германского археологического института. Первый номер альманаха посвящён памяти великого евразийца А. М. Тальгрэна. В этой связи пророческими являются слова учёного, выбитые на его могильной плите: «То, что сделано, продолжает жить».

Список литературы

- Быковский С. Н.* Археология и политика. По поводу недоразумений проф. А. М. Тальгрэна // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – № 7–8. – 1932. – С. 40–43.
- Равдоникас В. И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – № 9–10. – 1932. – С. 12–23.

- Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. II. – СПб., 2000. – С. 116–161.
- Kivikoski E. A. M.* Tallgren // *Eurasia Septentrionalis Antiqua. Supplementary Volume.* – 1954. – P. 77–121.
- Kokkonen J.* Aarne Michaël Tallgren and *Eurasia Septentrionalis Antiqua* // *Fennoscandia archaeologica.* – Vol. II. – 1985. – P. 3–10.
- Tallgren A. M.* Suuri muinaistieteellinen tehtävä [Великая археологическая задача] // *Helsingin Sanomat* 28.2.1920.
- Tallgren A. M.* Muinais- ja kansatieteellinen suunnitelma (*Eurasia*) [Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)] // *Helsingin Sanomat* 13.4.1924.
- Tallgren A. M.* Neues über russische Archäologie // *Fennoscandia archaeologica, Anzeiger.* – Bd. XVII. – 1925. – S. 1–40.
- Tallgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – T. II. – 1926a. – 248 p.
- Tallgren A. M.* Uusi tieteellinen aloite kotimaassa (*Eurasia*) [Новая научная инициатива в Финляндии (Евразия)] // *Helsingin Sanomat* 26.9.1926b.
- Tallgren A. M.* Tiedemiesten vaino Neuvosto-Venäjällä [Репрессии учёных в Советской России] // *Helsingin Sanomat* 16.12.1928.
- Tallgren A. M.* Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sovjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – T. VI. – 1931. – S. 181–209.
- Tallgren A. M.* Zur russischen archäologischen Literatur // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – T. VII. – 1932. – S. 202–205.
- Tallgren A. M.* Sur la méthode de l'archéologie préhistorique // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – T. X. – 1936. – P. 16–24.

К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ НЕОЛИТА В ПРИАМУРЬЕ

Анализируемые материалы из раскопок неолитических поселений Нижнего Приамурья демонстрируют своеобразие и стабильность пяти древних культур. В финале плейстоцена появляется керамика, древнейшие жилища-полуполземлянки, искусству свойственна полиэikonичность и полисемантическая объёмной каменной скульптуры. В малышевской культуре (IV тыс. до н.э.) отмечено проникновение на Амур обитателей северо-тихоокеанских и южно-тихоокеанских побережий. Это повлияло на характер культурно-исторических процессов, придав облику амурских культур среднего и позднего неолита особый колорит.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, неолитические культуры, тихоокеанский мир, лабретки, чуринги.*

THE PROBLEM OF RECONSTRUCTING THE CULTURAL AND HISTORICAL PROCESSES IN THE NEOLITHIC OF AMUR REGION

The analyzed materials from the excavations of Neolithic settlements in the Lower Amur region demonstrate originality and stability of five ancient cultures. Ceramics, ancient half-dugout shelters appear in the late Pleistocene, the ancient art of the period is characterized with multiple images and polysemy of volumetric stone sculpture. Malyshevo culture (IV cent. BC) was marked by infiltrations of the inhabitants of the North Pacific and South Pacific coasts. It affected the cultural and historical processes endowing the Amur cultures of the Middle and Late Neolithic with its special features.

Keywords: *the Lower Amur, Neolithic cultures, Pacific world, Labrets, Tjurunga.*

Исследования Института археологии и этнографии СО РАН последних двух–трёх десятилетий в Приамурье, прежде всего в его нижней части, позволили определить и охарактеризовать ряд принципиально важных явлений, осуществлявшихся при формировании неолитических культур. Установлено, что в регионе функционировали не три, как считалось до этого, а пять археологических культур. Наиболее ранняя, отнесенная нами к начальному неолиту, осиповская культура, рассматривавшаяся определённое время как мезолитическая, обеспечена серией радиоуглеродных дат группы памятников (Гася, Хумми, Гончарка 1 и др.) и помещается в хронологический диапазон 9890–13260 л. н. (калиброванная дата: ок. 12330–16450 л. н.).

Вслед за осиповской культурой существовала мариинская культура непосредственно раннего неолита, отодвинув с этой позиции в ходе исследований в конце 1990-х гг. малышевскую культуру. Мариинская культура, материалы которой выявлены на территории региона от озера Удыль на северо-востоке до Нижнего Приуссурия на юго-западе, определяется абсолютным возрастом в пределах 8585±65 л. н. – 7180±120 л. н., то есть IX–VII тыс. до н. э. Культура эта исследована пока относительно недостаточно, однако, есть основания рассматривать её хронологически в известной мере восприимчивой осиповской культуры. Самой поздней культурой неолита в Нижнем Приамурье считается вознесенская культура, представляющая заключительный временной отрезок, включая также финальный, нового каменного века (преимущественно середина III – последняя четверть II тыс. до н.э. [Медведев, 1993; 2006].

Анализ новых, а также переосмысление уже известных источников по неолитическому искусству Нижнего Приамурья позволяет утверждать о проявлении культа плодородия как главного у племён данного географического ареала. Установлено, что этот культ отчётливо

в различных формах и вариантах выражается главным образом материализованно в объёмной, круглой каменной и глиняной скульптуре уже в осиповской культуре, а позже практически во всех культурах неолита. Отмечен он и в живописной передаче, что наблюдается на ряде петроглифов Сакачи-Аляна на берегу Амура. Оказалось, что искусству нижнеамурского неолита свойственна ярко выраженная полиэйконичность и полисемантичесность. В ряду антропоморфных изображений много двуполых (андрогинных) скульптур, в эту же группу входят антропозооморфные изображения. Вполне определён, что антропоморфная, антропозооморфная и вообще вся объёмная скульптура осиповской культуры относится к древнейшей не только в Приамурье, но и на всём Дальнем Востоке России [Медведев, 2011].

При поиске культурно-исторических корней данного явления – древнейшего нижнеамурского искусства, главным образом его антропоморфных (в т. ч. гибридных) и антропозооморфных образов, а также двойных фаллических изображений в круглой объёмной скульптуре выясняется, что прототипы или аналогии названным материалам в древнем искусстве других регионов Дальнего Востока отсутствуют. Лишь в Среднем Приамурье в памятниках селемджинской позднепалеолитической культуры, с которой, как считают исследователи, имеет «генетическую связь» осиповская культура, найдено каменное объёмное скульптурное изображение рыбы [Деревянко и др., 1998, с. 77, 100, 101; рис. LXXVI], относящееся к числу полисемантических и трактуемое многими как рыба-змея. Обнаружен также каменный «жезл» [там же, с. 32, 33; рис. XCIX], представляющий собой объёмное скульптурное фаллическое изображение, аналогичное подобным предметам культур среднего и позднего неолита нижнего Амура. Для более углубленных аргументированных заключений о связи искусства неолитических культур, прежде всего ранних, Нижнего Приамурья и селемджинской культуры (её позднего этапа) необходимы дополнительные источники, раскрывающие более полно последнюю.

Накопленные в ходе раскопок неолитических памятников в низовьях Амура материалы демонстрируют своеобразие и стабильность развития древних обществ. В регионе исключительно рано появляется керамика, производство посуды из обожжённой глины, чему способствовал оседлый образ жизни людей в поселениях, обеспеченных древнейшими жилищами-полуземлянками. Открытые многочисленные остатки населённых пунктов носителей осиповской культуры свидетельствуют о сравнительном демографическом их благополучии. Основными видами хозяйства у них были охота и речное рыболовство. Последнее включало в себя сетевой промысел и в целом являлось едва ли не основной частью экономики. Осиповцы начального неолита при изготовлении каменных орудий, украшений, предметов искусства использовали технику шлифования, пиления, пикетаж. Если коротко, то о них можно говорить как о первых или одном из первых социумах, приобретших в финале плейстоцена практически все признаки неолитичности.

При всей несомненной оригинальности материальной и духовной культуры обитателей эпохи неолита (особенно начального и раннего) Нижнего Приамурья они на протяжении многих тысячелетий не могли существовать изолированно и не испытывать влияния как в форме прямых инфильтраций, внешних проникновений, так и кратковременных контактов с древними обществами.

Проблема влияния в древности культур Тихоокеанского бассейна, прежде всего его южной части, на районы нижнего Амура рассматривалась в работах многих отечественных исследователей [см., к примеру: Штернберг, 1933; Окладников, 1971; 1979; Кабо, 1975]. Хотя научные разработки большей частью строились на историко-этнографических источниках, художественных традициях, а древности Нижнего Приамурья освещались без подразделения их на конкретные культурно-хронологические периоды, тем не менее, они снабжены большим фактическим материалом, важными наблюдениями, сделанными при работе с коллекциями в музеях и экспедиционных поездках. Они характеризуются общностью взглядов на протекавшие сложные этнокультурные процессы в прибрежных тихоокеанских материковых и островных районах Азии, а также Австралии и на северо-западе Северной Америки [Окладникова, 1979, с. 117, 118]. В частности, Л. Я. Штернберг, характеризуя айнов, предки которых (протоайны) многими специалистами считаются основным населением Японских островов эпохи дзёмон, они также

занимали определённые территории нижнего Амура, обосновал положение об их южном происхождении, родственности с населением Полинезии, Меланезии, Австронезии и др. областей Тихого океана [1933, с. 567–577 и др.]. А. П. Окладников, поддерживая и развивая данную идею, используя богатейшие материалы по петроглифам, в особенности амурским, предложил считать эти пространства большой тихоокеанской культурной общностью или тихоокеанской провинцией [1971, с. 121; 1979, с. 47].

Недавно в своих последних публикациях И. Я. Шевкомуд, повествуя о неолите Нижнего Приамурья, несколько неожиданно заявил, что на всём протяжении этой эпохи «фиксируется только два достоверных случая инокультурного вторжения» в названный ареал. Первый – приход носителей белькачинской культуры из Якутии в IV тыс. до н. э. на позднем этапе малышевской культуры, второй – появление в позднем неолите (вознесенская культура) создателей раковинной технологической традиции отощения керамики, происходящих, скорее всего, с Сахалина [Шевкомуд, 2014; 2015, с. 153].* С подобным мнением можно согласиться лишь частично, и то с оговорками. Действительно, представители белькачинской культуры бродячих охотников проникли с севера на Амур на заключительном этапе малышевской культуры (III тыс. до н. э.) и могли какое-то время с ней сосуществовать, оставив после себя характерную шнуровую керамику. Это надёжно зафиксировано при наших раскопках на о. Сучу и подробно описано [Медведев, 2006, с. 290]. Что касается «создателей раковинной... традиции отощения керамики», то этот вопрос из-за противоречивости данных ещё далёк от своего решения. Таким образом, в названных статьях кроме спорадических контактов или влияний соседних культур на амурское оседлое население в самом конце среднего – позднем неолите ничего не сказано о более ранних культурных проникновениях с тихоокеанских пространств, с которыми соседствует бассейн нижнего Амура. Не упомянуто, в том числе и о тех влияниях на Приамурье, которые исходили, как уже указывалось здесь, в неолите со стороны южно-тихоокеанского мира и других районов Великого океана.

Между тем, среди ископаемых реалий из неолитических памятников Нижнего Приамурья имеются весьма специфические образцы, обладающие первичным контекстом, свидетельствующие о более ранних, чем поздний этап среднего неолита (малышевская культура), связях амурского населения с культурами тихоокеанских побережий. Речь идёт о лабретках и чурингах.

Лабретки – своеобразные украшения (чаще из мягкого светлого камня, реже кости, рога), крепившиеся обычно через проделанные отверстия в углах рта и на губах, некоторые разновидности лабреток – в носовой перегородке (существуют данные этнографии, например, по алеутам, что крупные лабретки было принято прикреплять к декоративным маскам или идолам). Лабретки найдены не менее чем на пяти неолитических памятниках, включая культовые центры, нижеамурского региона и до наших исследований в историко-археологических трудах юга Дальнего Востока России специально не рассматривались. Освещаемые изделия из амурских памятников – культовых центров на о-ве Сучу и в устье р. Гур представляют собой линзовидные в сечении подпрямоугольные шлифованные предметы с расширяющимися концами длиной до 7,8–9,7 см. Аналогичные лабретки меньших размеров найдены на поселениях Воскресенское, Кольчём 2 и Кольчём 3 (рис. 1, 1–13).

Основные районы бытования лабреток этнографической современности – Меланезия и Полинезия, территория расселения индейцев Северной и Южной Америки, западных эскимосов и алеутов – были обозначены в публикациях за рубежом ещё в конце XIX в. Э. Тэйлор привел сведения о ношении лабреток аборигенами Бразилии [1939, с. 131]. Сообщается также о лаб-

* Статьи И. Я. Шевкомуда одного содержания и направлены они, по его словам «на концепцию, реконструированную на основе всех имеющихся источников». В данном случае мной не ставится задача подробного их анализа, хотя в силу своей дискуссионности и полемичности они заслуживают внимания. Замечу лишь, что автор допускает неточные трактовки, такие как «всех имеющихся источников» и «неолит всего Нижнего Приамурья». Это не так. Во-первых, источники в публикациях освещаются далеко не все, а преимущественно полученные И. Я. Шевкомудом, во-вторых, анализируемые материалы происходят в основном из памятников северо-восточных районов Нижнего Приамурья. Всё это не позволяет считать многие выводы автора репрезентативными.

ретках коренных обитателей Австралии [Народы..., 1956, с. 49]. Археологические лабретки обнаружены преимущественно на памятниках гораздо севернее экватора. Они локализованы в основном на побережьях и островах Охотского и Берингова морей. Найдены неолитические лабретки возрастом в пределах III тыс. до н. э. на Таймыре [Хлобыстин, 1975, с. 103, 104]. Сводкой данных о лабретках является статья С. Кодама и Т. Оба [1958]. Эти авторы разделяют лабретки на типы – эллипсовидные, пробкообразные, шляпковидные и др., описывают способы крепления их [там же, с. 275–277]. Авторами подчеркивается связь этих украшений с религиозными обычаями. Широко распространённые у алеутов лабретки быстро выходят из моды в начале XX в.

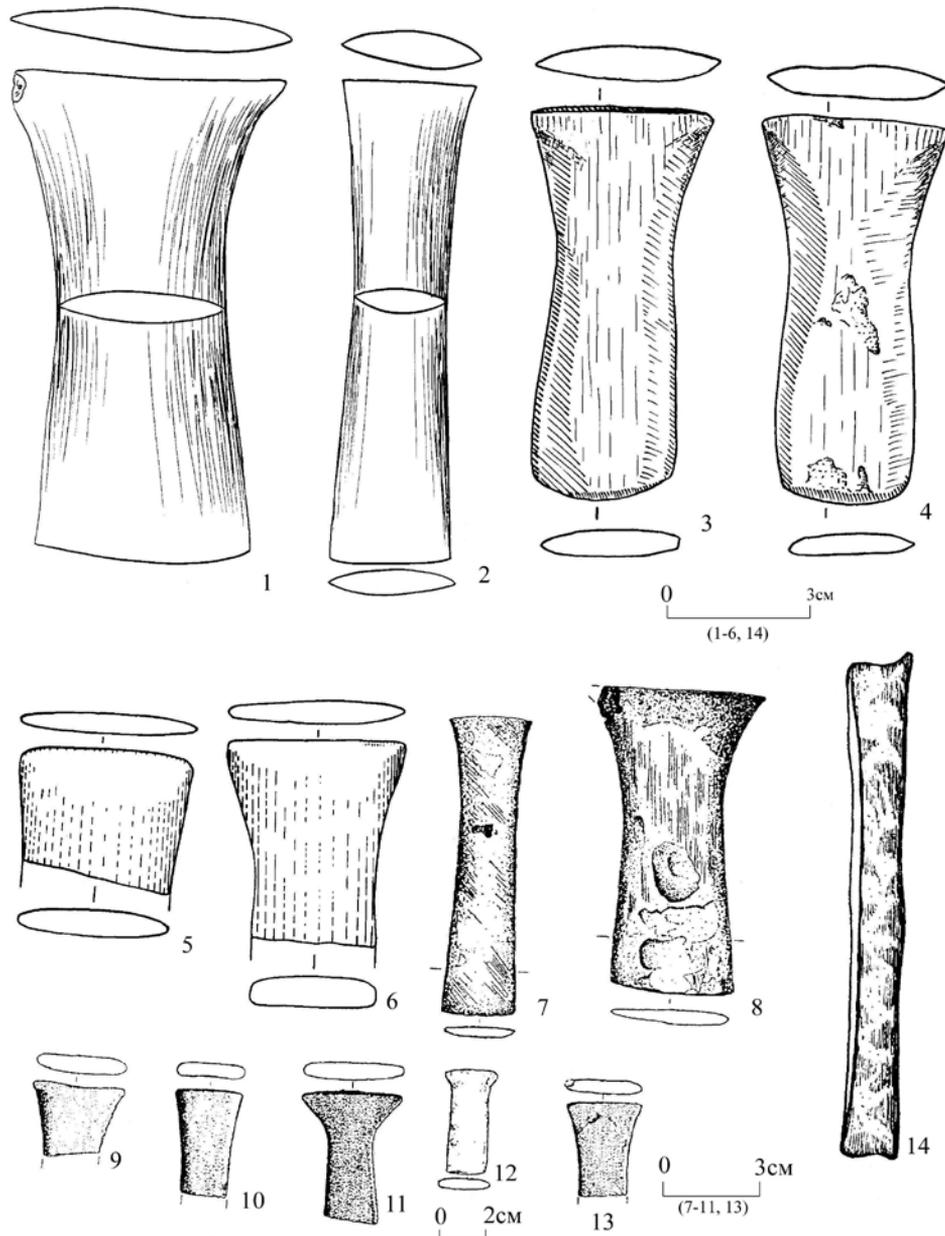

Рис. 1. Лабретки из камня (1–13) и кости (14). 1, 2 – устье р. Гур; 3, 4 – святилище на о-ве Сучу; 5, 6 – жилище № 1 на о-ве Сучу; 7, 8 – поселение Воскресенское; 9 – 12 – поселение Кольчём 3; 13 – поселение Кольчём 2; 14 – поселение Чалука на о-ве Умнак. 1–13 – Приамурье; 14 – Алеутские острова. 7–13 – по: [Шевкомуд, 2004]; 14 – по: [Aigner, 1966].

При раскопках поселения Чалука на алеутском о-ве Умнак были найдены лабретки, в том числе прямоугольно-удлинённой формы (**рис. 1**, 14). Наиболее ранние из них датируются по радиоуглероду около 4 тыс. л. н. [Aigner, 1966, p. 59–82].

На Южной Камчатке экспедицией Н. Н. Дикова были найдены каменные лабретки, датируемые 3450 ± 100 л. н. (стоянка Авача) и 4380 ± 70 л. н. (участок III мыса Лопатка [Дикова, 1983, с. 217]). Самые древние лабретные украшения на Камчатке возрастом 10760 ± 110 л. н. и 10360 ± 350 л. н. [Диков, 1977, с. 244; 1979, рис. 21, 7] выявлены на стоянке Ушки 1. По этому поводу Н. Н. Диков предположил, что обладавшая лабретками этническая общность имеет отношение к древнейшим эскоалеутам [1979, с. 280]. Подробно камчатские, главным образом неолитические, лабретки исследованы Т. М. Диковой. Она подразделила украшения по форме на несколько типов, объяснив при этом их разнообразие принадлежностью изделий к различным племенам или родам [1983, с. 214, 216].

В настоящее время есть основания говорить о двух основных районах северо-востока Азии, где найдены значительные серии ранних лабреток. Большинство рассматриваемых украшений с Камчатки и все лабретки из низовий Амура датируются в диапазоне IV–III – перв. пол. II тыс. до н. э. Для ушковских лабреток есть дата: более 10 тыс. л. н. Лабретки из нижнеамурского региона в целом близки по возрасту, но порой различаются по форме. Камчатские украшения заметно разнообразнее, хотя среди них почти нет лабреток в виде крупных пластин с расширенными концами, как на Амуре (**рис. 2**, 1–19). Можно согласиться с мнением о связи форм камчатских лабреток с тем или иным этнокультурным обществом. Наличие же на Амуре однотипных лабретных украшений, скорее всего, отражает этнокультурную стабильность и цельность в период функционирования малышевской и вознесенской культур и подтверждает данный тезис.

Есть основания предполагать, что рассматриваемые необычные украшения – лабретки, обладающие особым этнографическим признаком, были созданы обитателями Крайнего северо-востока Азии и Крайнего северо-запада Америки (подтверждение тому – находки на стоянке Ушки 1 возрастом более 10 тыс. л. н.), где и сегодня водятся стада клыкастых моржей. Видимо, эти внушительные животные производили на человека столь сильное впечатление, что он хотел быть хотя бы чем-то похожим на моржей. В этой связи обращают на себя внимание неоднократные сообщения русских землепроходцев XVIII в. об эскимосах, у которых, как писали путешественники, помимо своих природных зубов, есть «зубы, из моржовых зубов (лабретки. – В.М.) вырезанные» [Марков, 1976, с. 434].

Возникшие у жителей Тихоокеанского Севера лабретки со временем распространились на огромной территории и приобрели местную специфику. В Нижнее Приамурье они могли проникнуть в результате прихода каких-то групп людей в неолите с Камчатки и соседних районов на развитом этапе малышевской культуры до появления в регионе таёжных кочевников – носителей белькачинской культуры, что подтверждается стратиграфическими и другими данными раскопанных жилищ.

Чуринги нижнеамурского неолита – это пластинчатые предметы из глины круглой, овальной или другой формы диаметром 5,5–10,3 см и толщиной 0,4–1,5 см, [Медведев, 2002], иногда в форме шара диаметром 6,6–6,7 см (**рис. 3**). Найденные в жилищах и слоях малышевской культуры на о. Сучу чуринги имеют с одной или двух сторон рельефный желобчато-валиковый орнамент (у шаров поверхность декорирована полностью). Основные виды рисунков на чурингах: спирали, концентрические круги, овалы, меандр, зигзаги, иногда ромбы, треугольники, кольца. В орнаментальных мотивах, также как и в самой форме чуринг отчётливо просматривается солярная символика. Большинство названных орнаментов являются определяющими для малышевской культуры.

В материальной и духовной жизни её представителей наблюдаются черты, не имеющие корней в предшествующих культурах Амурского региона, но получившие распространение в последующее время. Среди таких элементов, к примеру, жилища-землянки и полуземлянки большой площади (до 150–180 м²), глубиной свыше 1,5 м (некоторые с несколькими ступенями вдоль стен). Широким технико-типологическим разнообразием характеризуется каменный

Рис. 2. Лабретки южной Камчатки (по: [Дикова, 1983, табл. 74]).

Рис. 3. Глиняные чуринги малышевской культуры (средний неолит). Остров Сучу.

инвентарь, типологическое богатство и оригинальность орнаментики демонстрирует керамика. Многие сосуды мальшевской культуры украшены желобковым меандром и различными вариантами спиралей. Подобного узора, выполненного зубчатыми орнаментами, не было на российском Дальнем Востоке ни до, ни после этой культуры. Из дальневосточной этнографии хорошо известно, что в основе спирального декора – реалистическое изображение змеи. Особенно это характерно для культуры айнов, у которых змей ассоциировался с солнцем, диском. Отчётливо выраженное своеобразие духовного мира мальшевцев, их религиозно-мифологических представлений, воспринятых, надо полагать, от пришельцев – носителей южно-тихоокеанских неолитических культур, в особенности протоайнов, проявилось в не имеющих аналогов в дальневосточном неолите художественно-обрядовых реалиях, включая представленные чуринги. Интерпретируя две найденные в Приморье чуринги, Д. Л. Бродянский обоснованно проводит аналогии между древними чурингами и чурингами, известными из этнографии, в частности Австралии, где эти предметы признавались священными, считалось, что с ними связаны души предков и здравствующих представителей племён [Бродянский, 1987, с. 218].

Амурские неолитические чуринги известны пока в одной культуре – мальшевской (их возраст в основном начало IV – середина III тыс. до н. э.), на памятниках других культур эпохи неолита Амурского бассейна они неизвестны. С указанной нижней датой, скорее всего, следует связывать появление чуринг в низовьях Амура.

Таким образом, помимо вторжений в амурский мир в конце среднего – в позднем неолите таёжников-белькачинцев и, возможно, «создателей раковинной технологической традиции» с Сахалина, в его пространства ещё ранее, в начальных фазах мальшевской культуры, проникали обитатели северо-тихоокеанских (особенно предки ительменов с Камчатки), о чём свидетельствуют лабретки, так и южно-тихоокеанских побережий (протоайны), что подтверждается многими культурными элементами южного происхождения, в том числе, чурингами. Всё это повлияло на характер культурно-исторических процессов в Нижнем Приамурье, придав облику культур среднего и позднего неолита особый колорит.

Список литературы

- Бродянский Д. Л.* Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 274 с.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон.* Селемнджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 336 с.
- Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 252 с.
- Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
- Кабо В. Р.* Север Тихого океана: этногенетические проблемы // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: СО АН СССР, Институт истории, филологии и философии, 1975. – С. 142–153.
- Кодама С., Оба Т.* О лабретках // Хоппо бунка кэнкю-хококу. Хоккайдо до Дайгаку. – 1958. – Вып. 13. – С. 271–293 (на япон. яз.).
- Марков С. Н.* Земной круг. Книга о землепроходцах. – М.: Современник, 1976. – 623 с.
- Медведев В. Е.* К вопросу об открытии керамики в восточных районах азиатской части России и в поселении Гася // Открытие керамики в прибрежных районах Японского моря. – Ниигата, 1993. – С. 1–11 (на япон. яз.).
- Медведев В. Е.* Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 76–94.
- Медведев В. Е.* Амурские чуринги // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 3. – С. 11–15.
- Медведев В. Е.* О культурогенезе в эпоху неолита в Нижнем Приамурье // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 288–291.

- Народы Австралии и Океании.* – М.: АН СССР, 1956. – 852 с.
- Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников А. П.* Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 41–49.
- Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1979. – 135 с.
- Тэйлор Э.* Первобытная культура. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. – 568 с.
- Хлобыстин Л. П.* Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 100–110.
- Шевкомуд И. Я.* Поздний неолит нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.
- Шевкомуд И. Я.* Неолит и палеометалл в Нижнем Приамурье. Сценарий палеокультурного развития // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 373–378.
- Шевкомуд И. Я.* Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015. – С. 140–176.
- Штернберг Л. Я.* Айнская проблема // Гиляки, орочи, гольды, нигедальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Aigner J.* Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. – 1966. – Vol. 3, № 2. – P. 57–83.

ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Статья посвящена достоверительным знакам народов, обитавших в степях Казахстана с конца эпохи бронзы до позднего средневековья. Рассматриваются памятники двух видов – знаки, нанесённые на скалы, и знаки на мемориально-культурных сооружениях. Выделяются знаки нескольких периодов: второй половины II тыс. до н. э., «поздней античности» (последние века до н. э. – первые века н. э.), древнетюркского (конец VI–VII в.), тюркешского (первая половина VIII в.), огузского (середина VIII – XI в.), карлукского и раннекараханидского (вторая половина VIII – начало XI в.), а также послемонгольского (XIV–XV вв.).

Ключевые слова: *Казахстан, тамга, петроглифы, эпиграфика, тюрки, огузы, тюркешы, карлуки.*

A. E. Rogozhinskiy

Research and restoration laboratory «Ostrov Krym». Almaty, Kazakhstan

SIGNS OF PROPERTY AND POWER OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL NOMADS OF KAZAKH STEPPES

The article is devoted to identification signs of nomadic people who lived in Kazakh steppes from the end of Bronze Age to the Late Medieval period. The monuments of two kinds are examined: signs carved on rocks and signs found on memorial-cult buildings. The signs can be related to the several periods: the second half of II mill. BC.; the 'Late Antiquity' (last centuries BC – first centuries AD); the Ancient Turkic period (end of 6 – 7 cent.), the Turgesh period (the first half of 8 cent.), the Oguz period (mid 8 – 11 cent.), the Karluk and Early Karakhanids period (the second half of 8 – early 11 cent.) and post-Mongolian period (14–15 cent.).

Keywords: *Kazakhstan, tamga, petroglyphs, epigraphy, Turks, Oguz, Turgesh, Karluk.*

Никогда прежде целенаправленное изучение достоверительных знаков народов, населявших земли Казахстана в древности и средневековье, не имело такого размаха, как теперь – в эпоху общественно-политического обновления, смены идеологических парадигм, актуализации «национальной идеи», активных изысканий в области национальной истории и поиска новых объединяющих ориентиров на почве межэтнической толерантности и национального возрождения. Именно тамги средневековых и древних кочевников, как наиболее массовый, разнообразный и доступный для непосредственного истолкования материал, воспринимаются *a priori* в качестве важнейшего ресурса для постижения этнической истории казахов, объяснения генеалогических связей, происхождения отдельных племён и выяснения их роли в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы. Откликом на вызов нашего времени стал неоднородный информационный поток по тамговой тематике; одни авторы черпают силы в доступных источниках разного достоинства, смело направляя их в русло автохтонизма, другие – в критическом анализе добытых ранее данных, в кропотливом сборе новых полевых материалов, в поиске эффективных приёмов изучения тамгопользования как феномена культуры. Преимущественно в этом направлении автору довелось трудиться в последнее десятилетие в рамках многих научных проектов Казахского НИИ по проблемам культурного наследия номадов (Алматы). Ниже предлагается обзор основных результатов изучения достоверительных знаков на территории Казахской степи от эпохи бронзы до средневековья включительно.

География, типология и хронология. Интенсивный поиск недвижимых памятников тамгопользования, осуществлявшийся в последние годы разными группами исследователей, способствовал формированию солидного корпуса источников, который в географическом измерении охватывает пространство от Алтая до Каспия, включая отдельные районы Сарыарки, долины Чу

и Таласа до их верховий в пределах Кыргызстана. Обилием находок наскальных изображений знаков отличаются районы Чу-Илийского междуречья (Западное Семиречье) и область Талас-Сырдарьинского водораздела (Каратау и отроги Западного Тянь-Шаня). Это объясняется не только наибольшей степенью изученности, но и принадлежностью территорий к маргинальным экологическим зонам с высокой плотностью оседлого, полукочевого и кочевого населения, сложной системой природопользования [Масанов, 2011, с. 46–47], не исключавшей конкурентную борьбу номадов всех эпох за наилучшие условия эксплуатации ресурсов, которая и стимулировала практику тамгопользования.

Удостоверительные знаки, зафиксированные на территории Казахстана и соседних областей региона, представлены на памятниках тамгопользования двух категорий: на портативных предметах и на недвижимых памятниках археологии и архитектуры. В свою очередь, на портативных объектах знаки присутствуют: 1) на монетах древних государств Трансоксианы (Хорезм, Кушанская Бактрия), вассальных владений средневековых тюрков в Средней Азии, городских центров Чуйской и Таласской долин; 2) на предметах культовой и бытовой утвари, воинского снаряжения, на престижных изделиях (дорогая посуда, печати). Знаки на недвижимых объектах составляют самую многочисленную категорию памятников. Они встречаются: 1) на монументальных сооружениях мемориально-культового назначения (стелы, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмовые постройки), а также 2) на открытых скалах: а) в составе обособленных скоплений петроглифов («святых мест»); б) вблизи стационарных стоянок; в) в виде особых собраний тамговых знаков («тамгалытас»). Нередко изображения знаков на скалах сопровождают эпиграфические тексты.

В горностепных ландшафтах страны зафиксировано около 200 местонахождений древних и средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей сложности до 500 изображений знаков, в ряде случаев образующих собрания тамг нескольких видов – от двух-трех до 10-12 разновидностей. Крупнейшими среди известных к настоящему времени в Казахстане и Средней Азии являются скопления тамг в храмовом комплексе Байте III на Устюрте (121 знак, около 80 типов [Яценко, 2001, с. 70]) и на «камне Тамгалытас» в урочище Тамгалыжар в западной части Бетпакадалы (более 60 знаков, 19 типов). К этим находкам следует добавить группу местонахождений знаков (одиночных и серий) на памятниках мемориально-культовой и городской архитектуры Южного (Сидак, Культобе, Арпаозен), Юго-Восточного (Когалы, Жайсан) и Центрального (Косбатыр) Казахстана.

В хронологическом отношении ныне уверенно выделяются древние тамгообразные знаки эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и «позднего античного» периода (последние века до н. э. – первые века н. э.) вместе с сопутствующим им изобразительным комплексом петроглифов. Количество идентифицированных древних знаков-петроглифов пока невелико, но в типологическом плане вся серия репрезентативна (10-12 форм знаков). Численно преобладают тамги-петроглифы средневековой эпохи. Выделяется до 40 основных форм знаков, некоторые из которых имеют несколько производных вариантов. Среди знаков этой группы есть изображения, датируемые концом VI–VII в., тюркешским (первая половина VIII в.), карлукским и раннекараханидским периодами (вторая половина VIII – начало XI в.), а также послемонгольским временем (XIV–XV вв.). На юге и юго-востоке Казахстана выявлена серия огузских знаков середины VIII – XI в.

Методы изучения. В основе современных исследований лежит комплексный подход, предусматривающий изучение недвижимых памятников тамгопользования как значимых элементов археологических ландшафтов, в которых знаки-тамги присутствуют в палеокультурном пространстве наряду с другими объектами: петроглифами, надписями, стоянками, могильниками, мемориальными сооружениями, остатками традиционных коммуникаций и др. Этим определяются приёмы документирования и систематизации знаков, нацеленные на выявление их археологического контекста – сопряжённого изобразительного комплекса и эпиграфики, а также других видов памятников и отдельных находок. При наличии нескольких знаков в скоплении очередность их создания устанавливается выработанными в петроглифоведении методами: наблюдениями над техникой, состоянием патины, анализом стратиграфии и планиграфии как самих знаков, так и сопутствующих гравюр.

Важным этапом исследования является определение групп устойчиво сочетающихся форм знаков в составе отдельных местонахождений. Корреляция результатов группирования знаков и сопряжённого изобразительного комплекса (и/или эпиграфики) даёт возможность обнаружить синхронные серии знаков и выяснить их релятивные позиции. Датировка тамговых серий устанавливается, исходя из информативности изобразительного комплекса (и эпиграфики), археологического контекста в целом, а также по данным нумизматики и письменных памятников («Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари; «Танхуйао», критику публикации источника см.: Рогожинский, 2012, с. 101–102, табл. 3), включая монументы с эпиграфикой, которые содержат важные сведения для идентификации знаков (напр., Бомбогор в Монголии).

Одним из главных методов исследования выступает региональное картирование знаков, которое рисует картину территориального распространения разных типов тамг, ареалов устойчиво сочетающихся серий знаков, позволяет определить динамику и вероятные направления перемещения групп тамгопредъявителей и т. д. Всё это служит целям идентификации достоверительных знаков и интерпретации источников.

Древнейшие тамгообразные знаки. К таковым в настоящее время можно отнести довольно представительную серию знаков двух форм: в виде Y («бакан») и прямого равностороннего креста. Оба знака связаны с предметными находками в закрытых комплексах эпохи бронзы в Прииртышье, Притоболье и Сарыарке, а также воспроизведены порознь и вместе на открытых скалах в составе нескольких местонахождений петроглифов – в Каратау (Сауыскандык, Арпаозен) и Чу-Илийских горах (Кулжабасы).

Знак-«бакан» присутствует на двух сосудах из мавзолея-ограды 11 мог. Дандыбай и как орнаментальный мотив в декоре сосуда из ограды 24 могильника Измайловка, а также на бронзовом орудии типа кельта с открытой втулкой (рис. 1: 5–8), найденном в долине р. Кучук в Алтайском крае [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016, рис. 6]. Сходный способ нанесения знака на поверхность ножки кубка из Дандыбая и на стенки сосуда из Измайловки – орнаментиром, использовавшимся для украшения тех же изделий, – даёт основание связывать саму форму знака с носителями данной производственной традиции (бегазинской). Вряд ли можно рассматривать знаки в качестве личного клейма мастера, равно обладавшего искусством бронзолитейщика и гончара, или владельца перечисленных вещей (ритуальной посуды и ценного металлического изделия), оказавшихся столь удалёнными друг от друга по месту находки. Устойчивое воспроизведение непростой формы знака исключает также случайное совпадение рисунков на разных портативных предметах.

Знак в форме креста зафиксирован в двух памятниках андроновского круга Северного и Центрального Казахстана: на каменной плитке, найденной во рву кургана 2 на мог. Новоильновский (раскопки Э. Р. Усмановой), и на двух плитах ограды кургана в мог. Бесоба (рис. 1: 1; раскопки И. А. Кукушкина [Бедельбаева, Новоженев, Новоженева, 2015, с. 88, рис. 106]). В последнем случае один из знаков представляет восьмилучевую фигуру (удвоение креста). Крестовидные знаки-петроглифы отмечены на скалах в долине Байконур на юго-западе Сарыарки [Новоженев, 2002, с. 20, табл. 20] и в ущелье Сауыскандык на севере Каратау – среди изображений с характерными чертами сейминско-турбинской художественной традиции. На западе Семиречья в Кулжабасы знак креста входит в композицию петроглифов эпохи бронзы вместе с изображением зеркала с боковой рукоятью. Однако чаще знаки-символы изображены изолированно или в сочетании с другими геометрическими фигурами. Важно отметить, что в Арпаозен дважды и в Сауыскандык многократно изображения креста нанесены на скалы, вблизи которых обнаружены поселения эпохи бронзы (в двух пунктах в верховье Сауыскандыка автором собрана керамика, а на поселении Арпаозен IV проводились раскопки; см. Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, с. 89, 90). Наконец, в петроглифах Каратау обнаружены и знаки типа «бакан»: в Арпаозене – один знак в сочетании с колесницей и зооморфными фигурами поздней бронзы; в Сауыскандыке – три гравюры на одной плоскости рядом со знаком-крестом (рис. 1: 3, 4). Судя по расположению фигур на поверхности, здесь можно предполагать последовательное создание знаков – сначала крест, затем знаки типа «бакан».

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют с уверенностью говорить о появлении в эпоху бронзы особых знаков идентичности, устойчиво сохранявших свою форму в разных

вещественных воплощениях (на предметах, погребальных сооружениях, гравюрах на скалах) на обширной территории в ареалах определённых историко-культурных образований. Представленные новые находки допускают предположение о связи знака-креста с андроновским (федоровско-алакульским) культурным массивом Центрального и Южного Казахстана. Для идентификации знака-«бакана» наиболее значимыми остаются помеченные такой тамгой предметные находки из памятников бегазинского круга (Дандыбай, Измайловка). Неоднократно зафиксированные на удалённых территориях факты создания на скалах единообразных знаков обоих видов вблизи древних поселений или в составе «святилищ» с разными сериями петроглифов эпохи бронзы также убеждают в правомерности их выделения как маркёров не групповой (клановой), а этнокультурной идентичности.

Знаки «позднего античного» периода. В своё время Б. И. Вайнберг, анализируя известия письменных источников и монетные материалы древнего Хорезма, пришла к важным выводам: 1. «о происхождении хорезмийской династии, чеканившей монету, из одного из кочевых племён, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии. Судя по тамгам, это племя или племена, объединяемые названием “юечжи дома Чжаову”, были “сарматского” в самом широком смысле этого слова происхождения»; 2. «в Среднюю Азию оно могло попасть из более восточных районов», при этом «археологические и исторические данные... указывают на Юго-Западную Монголию как на один из районов первоначального (до II в. до н. э.) обитания племён «сарматского круга»,... принимавших участие в передвижении кочевых племен в Среднюю Азию во II в. до н. э.» [Вайнберг, 1977, с. 76, 77]. Сегодня эти рассуждения находят зримое подтверждение в новых открытиях геральдических знаков на территории Казахстана.

В 2014 г. в западной части Семиречья, в Чу-Илийских горах, автором открыта своеобразная галерея наскальных рисунков, среди которых обнаружена небольшая, но весьма выразительная серия знаков (тамги №№ 1–3). По компетентному мнению С. А. Яценко, ознакомившегося с памятником *de visu*, для определения принадлежности тамги № 3 (**рис. 1: 10**) «в Евразии этого времени нам известен только один идентичный знак – на монетах ранней Кушанской империи, связанный с аристократией юечжи» [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, p. 115]. Тожественный комбинированной тамге № 1 (**рис. 1: 9**) знак обнаружен на скале в каньоне Каракабак на Мангыстау, а её центральный S-овидный элемент дважды встречен среди петроглифов в горах Жельтау к северу от Балхаша (**рис. 1: 18**). Он имеет также сходство с тамгой на монетах Хорезма начала нашей эры и со знаком «аристократического клана аланов Нижнего Дона, обладатели которого были в числе наиболее политически активных в Сарматии» во II в. н.э. [*ibid.*, p. 113–114, fig. 5]. Наконец, «распространение знака № 2 (**рис. 1: 11**) в иранском кочевом мире наглядно отражает миграции ряда этнических групп на запад»: не позднее начала I в. до н. э. этот знак чеканился на монетах Хорезма; в ранне- и среднесарматское время он присутствует среди других тамг на стенах храма Байте III на Устюрте; в I–II вв. н. э. такая тамга появляется на скульптуре льва № 2 из Ольвии, и «во всех случаях, где такие знаки в Казахстане или в Украине размещены в группе, они занимают самое почётное место в центре композиции» [*ibid.*, p. 114]. Таким образом, вся серия найденных знаков обнаруживает тождество или сходство главных элементов с тамгами на монетах кушанского и хорезмийского чекана, со знаками «сарматского круга», зарегистрированными для периода поздней античности далеко к западу – от Прикаспия до Причерноморья.

Вместе с тамгами №№ 1–3 выявлена серия уникальных петроглифов (около 150 гравюр), представляющая позднесакский изобразительный комплекс; его ядро образует ряд высокохудожественных гравюр (изображения тигра, волков, фантастических зооморфных персонажей и др.), тождественных образцам прикладного искусства из пазырыкских памятников Ак-Алаха 1, 3, Пазырык 4, 5, Ташанта I, возраст которых не позднее середины III в. до н. э. [Слюсаренко, 2011]. Кроме того, в составе серии выделена немногочисленная группа рисунков, стилистические аналогии которым обнаружены в предметах искусства из Тувы (Саглы-Бажи VI, Суглуг-Хем II) начала «эпохи сюннской экспансии в Центральной Азии» [Семёнов, 2003, с. 76, 77], а также из северных и северо-западных областей Китая (Ордос и Ганьсу); эти петроглифы определяют верхнюю дату комплекса. В целом, в репертуаре и стиле гравюр, найденных в Семиречье, доминируют удалённые региональные связи, в то время как «местные» семиреченские изобразитель-

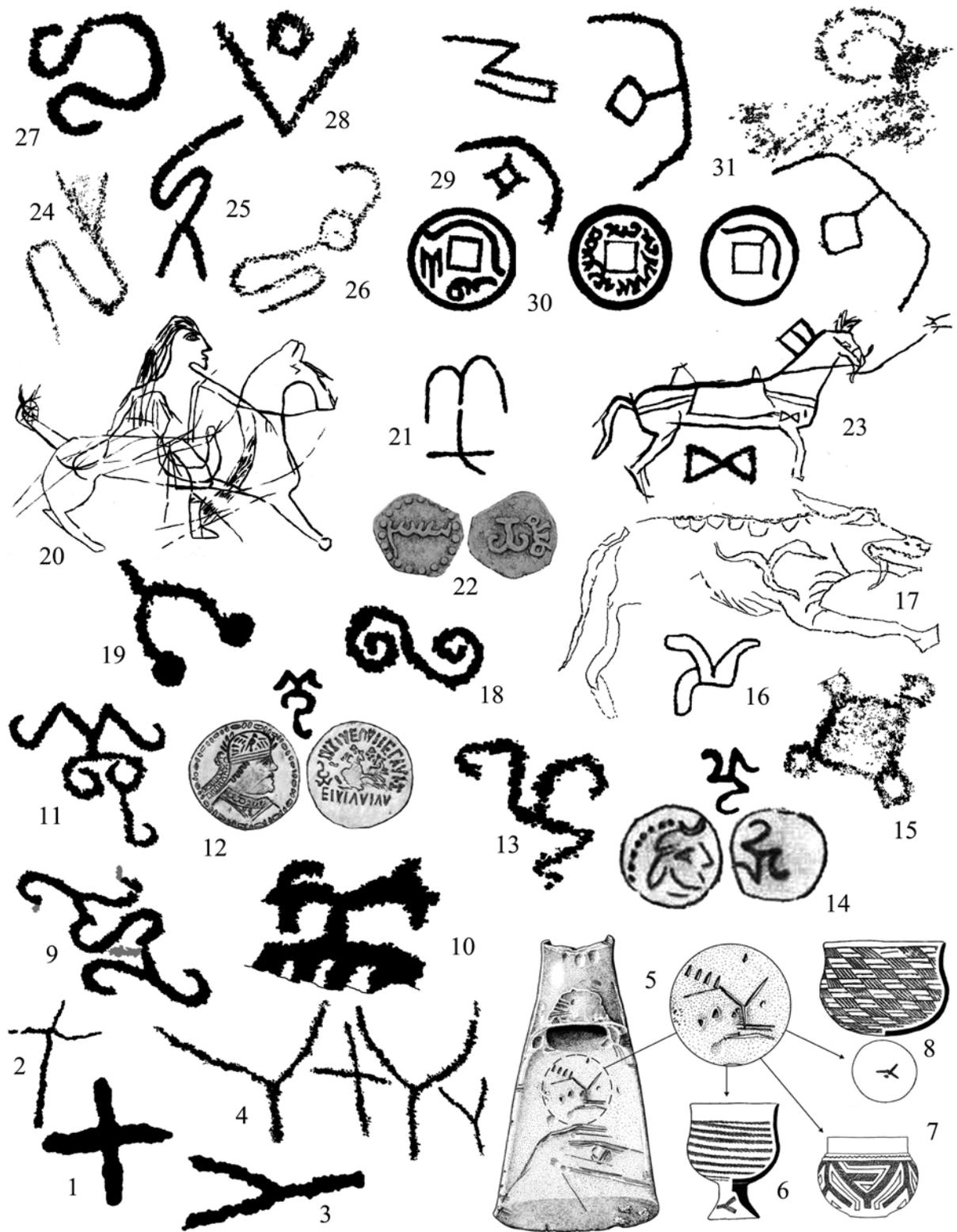

Рис. 1. Знаки-петроглифы Казахстана и аналогии.

1 – мог. Кособа (по: [Новоженков, 2015]); 2, 3 – Арпаозен; 4 – Сауыскандык; 5 – долина р. Кучук (Алтайский край), 6, 8 – мог. Дандыбай, 7 – мог. Измайловка (по: [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016]); 9–11, 19 – Чу-Илийские горы; 12, 14 – знаки на монетах Хорезма (по: [Вайнберг, 1977]); 13, 18 – Северное Прибалхашье; 15 – Тарбагатай; 16 – мог. Орлат; 17, 23 – Ешкиолмес; 20, 21 – Коголы; 22 – знак на монете Чача (по: [Кузнецов, Шагалов, 2006]); 24, 25, 28 – Кулжабасы; 26 – Тамгалы; 27 – Актерек; 29, 31 – Котыр; 30 – знаки на монетах Семиречья (по: [Камышев, 2002]).

ные материалы дают единичные примеры сходства. Вся серия выступает как чужеродная, инкорпорированная в сложившийся ранее художественный контекст, о чём свидетельствуют и палимпсесты с перекрытием рисунков эпохи бронзы и сакского времени. Очевидно, появление в Чу-Илийском междуречье позднесакского святилища с тамгами №№ 1–3 и своеобразными петроглифами следует связывать с перемещением сюда групп кочевников из ареала пазырыкской и саглынской культур Саяно-Алтая, а также из северо-западных областей Китая.

Самые значительные скопления позднесакских петроглифов зафиксированы к северо-востоку от Семиречья на местонахождениях Цагаан-Сала/Бага-Ойгур и Шивээт-Хайрхан в Монгольском Алтае [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 94–106, № 40–42, 1055–1059 и др.; Кубарев, 2009, № 310, 311, 907–909 и др.]. К западу от Семиречья петроглифы данного комплекса и аналогичные тамги обнаружены в Таласском Алатау (Жалтыракташ), Каратау (Сауыскандык, Кемер), в долине Зеравшана (Сармишсай и Биронсай, горы Нурата), на Устюрте и Мангистау. Этими находками отмечен дальнейший путь перемещения обладателей клановых символов и позднесакской изобразительной традиции. Важно отметить, что присутствие в горах Каратау и Нурата, на Устюрте и Мангистау тех же тамг и петроглифов данного комплекса исключает их связь с усунями письменных источников, область расселения которых не доходила до Сырдарьи, Зеравшана и Прикаспия. Вероятно, инициативу создания в Чу-Илийских горах святилища с наскальными шедеврами и тамгами, ставшими позже эмблемами правящих кланов Кушанской Бактрии и Хорезма, нужно связывать с кратковременным пребыванием на этой территории разных групп саков и юечжей, которые под натиском хунну и усуней около 162 г. до н. э. [Боровкова, 2005, с. 48–50] вынуждены были покинуть этот край.

Тамги-петроглифы периода «поздней античности» обнаружены в ряде других пунктов на юго-востоке и востоке Казахстана. Так, сделанные в Чу-Илийских горах открытия позволили пересмотреть датировку известной гравюры бегущего волка из Ешкиольмеса с процарапанным замысловатым знаком (рис. 1: 16, 17), который идентичен тамге на крупе коня одного из всадников на пластине из Орлата [Ильясов, 2005, рис. 1]. Ещё один сопоставимый по форме знак-петроглиф, известный в монетном чекане Хорезма конца III – начала IV в. н. э. [Вайнберг, 1977, с. 35], обнаружен в горах Калмакэмель в Северном Прибалхашье (рис. 1: 13, 14). На северо-западном склоне Тарбагатая в урочище Томар найдена композиция с зооморфными изображениями и знаком-тамгой специфической формы (рис. 1: 15); «идентичные знаки со II–I вв. до н. э. известны на территории западного соседа Усунь – “кочевой империи” Кангюй» и присутствуют в материалах ранней цитадели Туркестана до II–III вв. н. э. [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, p. 119, fig. 15]. С. А. Яценко указывает также на западные аналогии знаку – на миниатюрных бронзовых зеркалах-подвесках из сарматских/аланских женских погребений в Крыму и Приазовье сер. II – сер. III в. н. э. [*ibid.*].

Итак, известные к настоящему времени знаки-петроглифы «позднеантичного» периода многочисленны, не создают серий однотипных форм на какой-то отдельной территории, их местонахождения удалены друг от друга на значительные расстояния. Преобладают одиночные знаки, включённые в контекст обособленных скоплений наскальных рисунков («святилищ»), в то время как тамги, связанные своим расположением со стоянками той же эпохи, пока не удалось обнаружить. Около половины знаков идентифицированы как эмблемы кушанских и хорезмских правителей или представителей привилегированных кланов кочевников «сарматского круга». Сделанные наблюдения позволяют рассматривать тамги-петроглифы этого времени как знаки власти отдельных аристократических родов, возглавлявших разные группы номадов в ходе их перегруппирования и расселения на новых территориях в переломную эпоху «поздней античности».

Безусловно, возникновение данной категории знаков идентичности следует относить к более раннему историческому времени, о чём напоминает и комбинированная форма некоторых эмблем, состоящих из двух-трёх самостоятельных фигур. Например, тамга № 3 из Чу-Илийского междуречья является законченной формой одного из ранних знаков правителей Хорезма, как принято считать, относившихся к «юечжи дома Чжаову»; основным её элементом, неизменяемым почти при всех известных в хорезмской нумизматике вариациях, является знак в форме М. Учи-

тывая происхождение позднеасакского комплекса петроглифов Семиречья, можно отметить сходство основного элемента тамги № 3 со знаком на золотой гривне «царя» и на обломке рогового псаля из кургана Аржан 2 в Туве [Чугунов, 2011, с. 49, рис. 5, 1в]. Впрочем, как полагает К. В. Чугунов, «что это – знак родовой принадлежности или нечто другое – говорить пока рано» [там же]; временной разрыв в полтысячелетия, отделяющий оба памятника, также заставляет воздержаться от дальнейшего обсуждения вопроса, пока в пределах Тувы, Алтая или Западной Монголии не отыщутся промежуточные формы «хорезмской» тамги из Семиречья.

Тамги средневекового периода. Знаки этой исторической эпохи особенно многочисленны, разнообразны и представлены всеми выделенными типами памятников тамгопользования. Знаки-петроглифы у стоянок – самая представительная группа памятников, обладающая наряду с тамгами на мемориальных объектах наибольшей информативностью при выяснении традиций землепользования, территориального расселения и дальних передвижений средневековых кочевников. Кроме того, есть немало изображений знаков в виде тавра на скаковых животных, входящих в охотничьи или ритуальные сюжеты на скалах «святилищ». Ценность таких гравюр особенно высока, поскольку они помогают установить связь некоторых знаков, как маркеров этнокультурной или этнополитической идентичности, с определёнными сюжетно-стилистическими сериями средневековых петроглифов.

К наиболее ранним гравюрам относятся выполненные в технике резьбы изображения таврѐных лошадей из Ешкиольмеса и Когалы в Семиречье (**рис. 1: 20, 23**). В первом случае на теле лошади показана тамга в форме смыкающихся вершинами двух треугольников («бантик»). Иконография и стиль гравюр (фигура коленопреклонѐнного спешившегося всадника, колчан и налучье, седло с чепраком, и др.) обнаруживают сходство с рисунками на «кудыргинском валуне». Ареал битреугольной тамги охватывает в основном Алтай, Тарбагатай и всё Семиречье, но отдельные находки известны в предгорьях Каратау. Датированные алтайские аналогии имеет тамга, вырезанная на крупе коня под всадником из Когалы в Чу-Илийских горах. Здесь же обнаружено изящное изображение осѐдланного коня без наездника; круп животного украшает «якоревидная» тамга с подставкой – знак редкий, не встречающийся нигде в качестве метки возле рядовых стойбищ кочевников (**рис. 1: 21, 22**). Тождество знака с тамгой на монетах чачского чекана, которые содержат титул «каган» и личное имя «Тарду», позволяет принять датировку уникального рисунка из Когалы, отстаиваемую Г. Бабаяровым для монет данного выпуска: кон. VI – нач. VII в. [Бабаяров, 2007, с. 24–26] Похожий знак, но без «подставки», ещё дважды встречается в Чу-Илийском междуречье (Каракыр, Жайсан); его можно сопоставить с «рунообразной тамгой» на монетах Панча первой половины VII в. [Смирнова, 1981, с. 46–47, рис. 29].

Выделяется группа знаков, которые имеют широкий ареал распространения и нередко выступают в сочетании с тамгами других типов и разновидностей; как правило, такие знаки доминируют в собраниях тамг – они более крупных размеров, занимают центр или высокую позицию в поле обзора, тем самым обозначая определённую иерархию знаков разного облика. К тамгам данной категории можно отнести три знака: № 1 – в форме извивающейся змеи (**рис. 1: 24–26**), № 2, – напоминающий греческую «омегу» (**рис. 1: 27**), и № 3 – в виде угла с окружностью между лучами (**рис. 1: 28**). Ареалы этих знаков в значительной части совпадают, хотя единого неразрывного пространства не образуют, возможно, в связи с неравномерной изученностью разных территорий: от Западной Монголии и Российского Алтая до Чу-Илийского междуречья и Восточной Ферганы.

Тамга № 2 насчитывает не менее пяти разновидностей, образованных с помощью добавления к неизменяемой форме знака диакритических элементов – линий или точек. Наибольшая концентрация таких производных знаков и основной тамги наблюдается в Прииссыккулье, Чу-Илийском междуречье и горах Кетмень (отроги Северного Тянь-Шаня), то есть в пределах левобережья Или и правобережья Чу до Иссык-Кульской котловины включительно. Западнее и южнее этой области находки омегообразной тамги единичны: на севере Каратау (Сауыскандык) и в предгорьях Алая (Булолу), где зафиксировано её сочетание с тамгой № 3, но производные знаки здесь не встречаются. На предполагаемой исходной территории расселения обладателей данной тамги – к северо-востоку от Семиречья – омегообразный знак неоднократно зафиксирован на

западе Монголии [Gunerі, 2010, fig. 2: 1] и в Российском Алтае (Сооктыг, долина Чаган; находки Д. В. Черемисина, любезно ознакомившего авторас неопубликованными материалами). Производные формы тамги № 2 и здесь как будто не выявлены, поскольку знак на стеле из Уландрык IV относится В. Д. Кубаревым к скифскому времени [1987, рис. 3, табл. LXVII], хотя в непосредственной близости от пазырыкской группы памятников им исследован к. 5 в мог. Уландрык III (вторая пол. VIII–IX в.), а выше по течению – к. 1 на мог. Уландрык I, для которого получена дата 542–653 гг. [там же, с. 155, 183, табл. I; Кубарев Г. В., 2005, с. 139–140, 366–367]. В любом случае, достоверительный знак на стеле возле кургана из Уландрыка даже условно нельзя относить к «посетительским» меткам [Азбелев, 2010, с. 28, 29]. Нет сведений о находках тамги № 2 в Тарбагатае и Джунгарском Алатау (Жетысу), где часто встречается тамга № 3; возможно, путь обладателей омегообразной тамги от Алтая в западную часть Семиречья проходил с востока через Илийскую долину.

Знак № 3 тоже можно рассматривать как основную тамгу, инвариантной основой которой является V; от неё происходит много производных форм, при сочетании с которыми в известных случаях основная тамга занимает более «почётное» место. Обилие сыновних форм обоих знаков (тамги №№ 2 и 3) и частичное совпадение их ареалов предполагают, по-видимому, существование множества родственных подразделений, входивших в два крупных племенных объединения, занимавших в близкое время (одновременно или последовательно) некоторые общие территории – первоначально Алтай, затем Чу-Илийское междуречье. В отличие от этих примеров, тамга № 1 не имеет производных форм; разнообразие её представления ограничивается поворотом знака на 180° и двумя вариантами изображения «головы» змеевидной фигуры – развилкой или окружностью с «отпятнышем» наподобие «змеиного языка». Возможно, тамгу № 1 следует рассматривать как знак корпоративной идентичности – клановой или сословной. Заманчиво связать её с клановой символикой Ашидэ, но для такого утверждения имеющихся данных недостаточно. Ареал змеевидной тамги в целом совпадает с областью распространения омегообразного знака, с которым часто соседствует в собраниях тамг.

Сочетание всех трёх знаков известно только на памятниках Монгольского Алтая: в петроглифах Цагаан-Салаа IV [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 235, рис. 379] и на мемориальной стеле комплекса Бомбогор. В замечательном собрании из Бомбогор тамги №№ 1–3 изображены в нижней части стелы и образуют ряд, отделяющий группу однотипных знаков, не известных в Казахстане, от 14-ти тамг иных форм, 12 из которых входят в число наиболее распространённых в Притяньшанье. Содержание рунического текста на стеле, в котором упоминаются басмылы и карлуки [Баттулга, 2005, с. 122–128; User, 2011], позволяет соотнести тамги №№ 1–3 с карлукским племенным объединением. Датированные образцы знака № 3 известны на Алтае: на пряжке ремня из к. 9 мог. Барбургазы (катандинский этап) и на костяных застёжках для конских пут из к. 10 мог. Уландрык I, по инвентарю и радиоуглеродной дате (542–653 гг.) относящегося к кудыргинскому этапу [Кубарев Г. В., 2005, с. 97, 137–140, табл. 3: 12, 13; 33: 15; 83: 11, 12, 13, 17]. Однако в семиреченском ареале датировка знаков №№ 1–3 и производных от них форм вряд ли может оказаться ранее втор. пол. VIII в. Условия нахождения знаков в Чу-Илийском междуречье (обычно возле стоянок, в сочетании со знаками других типов) отражают обострение «земельной тесноты» и усиление межплеменной борьбы кочевников в период расцвета городской культуры в предгорьях Северного Тянь-Шаня в IX–X вв.

Тамги тюргешей идентифицируются по хорошо известным монетным аналогиям (рис. 1: 29–31). Наскальные изображения таких знаков неоднократно встречены в Чу-Илийском междуречье, где им сопутствует ряд выразительных петроглифов, стратиграфия которых позволяет выделить, в свою очередь, серию рисунков и тамг «дотюргешского» возраста, вероятно, связанных с «десятистрельным» объединением западных тюрков [Рогожинский, 2014, с. 541, рис. 2]. Особую ценность представляет местонахождение знаков в долине Котыр (рис. 1: 31), где встречено сочетание тамги тюргешей и тамги одного из племен огузов (букдуз), уверенно идентифицируемой по рисунку из «Диван лугат ат-турк» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93]. Сходство техники исполнения и других параметров знаков убеждает в их одновременности. Уникальный памятник тамгопользования не только впервые документирует присутствие на западе Семиречья

части огузов около середины VIII в., но и раскрывает, по-видимому, их союзнические отношения с тюркешами в канун массового переселения карлукских племен на земли Он Ок.

Тамги огузов численно преобладают на западе и юге Казахстана. В археологическом комплексе Арпаозен своеобразная тамга племени байундур (по Махмуду ал-Кашгари) дважды выбита на крупной фигуре верблюда эпохи бронзы, а также воспроизведена на обеих сторонах стелы, установленной на старинном казахском некрополе в близлежащем урочище Дарбут (по мнению В. Н. Настича, любезно сообщённому в письме автору, окружающая знак эпитафия выбита на стеле не ранее XIX-го или в первой половине XX в.). В долине Сауыскандык неоднократно встречены тамги племени салгур (салыр), вождем которого принадлежала власть в государстве сырдарьинских огузов в IX – сер. X в. [Агаджанов, 1969, с. 135–137]. Знаки синхронизируются с выразительной группой петроглифов, включающей изображения конных воинов и охотника с птицей. Возле известной композиции с изображениями двух крытых повозок, запряжённых быками, тоже имеется тамга одного из огузских племен.

На западной окраине Бетпакдалы в урочище Тамгалыжар, известном с XIX в. как «камень Тамгалытас», среди множества знаков и надписей позднего происхождения, выявлено крупное собрание более древних тамг. Они образуют несколько групп, расположенных на разных обнажениях песчаника вблизи единственного пресного источника в этом пустынном районе. Всего выделено 19 разновидностей простых и сложных знаков, образующих начальный, «анэпиграфический», этап истории памятника. Сопоставление их с тамгами современных и средневековых кочевников региона обнаружило наибольшую степень сходства (90%) с достоверными знаками средневековых огузов [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93–94] и тюркских народностей Ирана (кашкаев) [Новоженков, 2014]. Значительно меньше совпадений с тамгами туркмен (78%), башкиров (68%) и казахов (63%), доля которых складывается в основном за счёт сходства простейших форм знаков. Учитывая географическое расположение памятника, время возникновения здесь крупнейшей «энциклопедии» огузских тамг следует отнести к IX–X вв. [Агаджанов, 1969, с. 157–162], во всяком случае, до сер. XI в., когда «вместо названия области “Муфазат-атгузз”, т. е. “Степь гузов”, употребляется название “Дашт-и Кыпчак”, т. е. “Степь кипчаков”» [Муканов, 1974, с. 55].

Серия тамгообразных знаков раннекараханидского времени выделяется благодаря исследованиям памятников Таласской долины. Прочтение согдийских надписей из Терексая и Кулансая выполнено В. А. Лившицем, который установил даты создания трёх из них: 906, 1002 и 1026 гг. [Лившиц, 2004, с. 144–147] Тексты содержат перечень тюркских личных имён, мужских и женских, некоторые из которых сопровождаются титулами «тегин» и «хатун»; делается вывод о принадлежности мемориантов к «верхушке карлукской племенной знати». Вместе с надписями на скалах выбиты различающиеся в деталях две тамги в форме развёрнутого вниз гребня («тарак»). В Кулансае рядом с согдийскими текстами сохранились строки рунического письма с ещё одной разновидностью «тарак»-тамги; по мнению В. А. Лившица, дата создания тюркских надписей и тамги не позже IX – перв. пол. X в. [там же, с. 148] На городище Садыр-курган такими же знаками отмечены слитки серебра, тарная посуда и текст X–XI вв., выполненный на камне куфическим письмом [Камышев, 2009, с. 284–289, рис. 1, 2]. Знаки того же типа присутствуют на ряде местонахождений петроглифов Кыргызского и Таласского Алатау [Табалдиев, Белек, 2008, рис. 2, 12–20], на монетах посттюркешского чекана и керамике. Судя по характеру и территориальной локализации этих находок, знак «тарак»-тамги обладал высоким статусом, сопоставимым с государственной символикой одной из ветвей династии Караханидов.

Тамги послемонгольского периода. Выявление на юге Казахстана недвижимых памятников тамгопользования этой исторической эпохи – наиболее сложная задача современных исследований. Предположительно к ним можно отнести знак, выбитый на строительном камне, отмечающем вход погребальной ограды, которая входит в группу аналогичных сооружений на могильнике в ур. Шолакжартастас, к югу от Тамгалы. Такие ограды были исследованы на могильнике Каракудук в 1957 г.; безынвентарные одиночные и коллективные захоронения, совершённые по мусульманскому обряду, А. Г. Максимова датировала XIV–XV вв., связав их со временем утверждения ислама в среде кочевого населения позднего средневековья [Максимова, 1968,

с. 153–158, рис. 2). Тот же знак – окружность с отходящей вниз линией, пересечённой двумя поперечными линиями, – зафиксирован в 20 км к западу (Асык); здесь имеется пять изображений тамги на скале у стоянки. Среди знаков кочевников домонгольской эпохи тамга такой формы не встречается на юге Казахстана, зато в более позднее время очень похожий знак отмечает на юге Каратау, в северных предгорьях Кыргызского хребта и Чу-Илийском междуречье места стоянок казахов Старшего жуза – дулатов и сарыулысынов. Возможно, с дальнейшим накоплением материалов по памятникам тамгопользования кочевников позднего средневековья удастся идентифицировать тамги дулатов и других племен улуса Чагатая, вошедших в состав казахов Старшего жуза.

Список источников и литературы

- Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.
- Азбелев П. П.* Кудыргинский сюжет. – СПб.: изд-во «ЛЕМА», 2010. – 60 с.
- Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). – Ташкент: изд-во Нац. библиотеки Узбекистана, 2007. – 120 с.
- Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Т. 1. – Улаанбаатар: National University of Mongolia – Centre for Turkic Studies, 2005. – 237 с.
- Бедельбаева М. В., Новожинов В. А., Новожинова Н. В.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганды: Сарыаркинский археологический институт, 2015. – 252 с.
- Боровкова Л. А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 315 с.
- Вайнберг Б. И.* Монеты Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1977. – 220 с.
- Ильясов Дж. Я.* Орлатское тавро // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. – СПб.: ИИМК РАН, 2005. – С. 102–103.
- Камышев А. М.* Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2009. – № 1 (268). – С. 284–292.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 420 с.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Сала и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 640 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Лившиц В. А.* Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). – Бишкек: Илим, 2004. – С. 117–148.
- Максимова А. Г.* Средневековые погребения Семиречья. – Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 146–158.
- Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.
- Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. – 1288 с.
- Муқанов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 200 с.
- Новожинов В. А.* Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002. – 125 с.
- Новожинов В. А.* Тюркские петроглифы и тамги на развалинах Пасаргад в Иране // Материалы и исследования по археологии и этнографии Казахстана. – Алматы: Изд-во КазНУ, 2014. – Вып. V. – С. 21–36.
- Рогожинский А. Е.* Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник мат-лов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ. – Алматы: «Аруна», 2011. – С. 28–46.
- Рогожинский А. Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 217–225.
- Рогожинский А. Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвящённый 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 534–547.

- Рогожинский А. Е., Аубекеров Б. Ж., Сала Р.* Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: «Искандер», 2004. – С. 45–92.
- Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб: «Петербургское востоковедение», 2003. – 240 с.
- Слюсаренко И. Ю.* Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica». – Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 239–251.
- Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М.: Наука, 1981. – 548 с.
- Табалдиев К. Ш., Белек К.* Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). – Бишкек: Учкун, 2008. – 336 с.
- Тишкин А. А., Мерц И. В., Фролов Я. В.* Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2 (14). – Барнаул: изд-во Алтайского гос. университета, 2016. – С. 123–134.
- Чугунов К. В.* Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб.: «Нестор-История», 2011. – С. 39–60.
- Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Восточная литература, 2001. – 190 с.
- Guneri A. S.* The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (ОТАК)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб.: «Инфо-ол», 2010. – С. 264–270.
- Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A.* The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road. Editor: Daniel C. Waugh. – Vol.13. – 2015. – P. 109–125.
- User H.* Bömbögör Yaziti: bir Türk Kunçiyunun Mezar Taşı (Inscription of Bombogor, a Tombstone of a Turkish Princess) // Dil Araştırmaları. – Bahar, 2010. – Sayı (Volume) 7. – S. 61–73.

Д. Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ О ЗНАЧЕНИИ ЖЕЛЕЗА В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

В статье рассматриваются археологические материалы и данные письменных источников об особом значении железа и железных предметов вооружения в период становления кочевых империй, созданных хуннами, древними тюрками и монголами. Дается анализ легендарных сведений об обладании железом как факторе социально-культурного доминирования в истории раннесредневековых обществ.

Ключевые слова: *железо, оружие, империя, завоевания, хунны, древние тюрки, монголы*

D. G. Savinov

Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia

LEGENDS AND REALITY IN THE SIGNIFICANCE OF IRON IN THE SOCIAL HISTORY OF NOMADIC EMPIRES

The article deals with the archaeological materials and written sources on the special significance of iron and iron weapons during the formation of the nomadic empires created by the Xiongnu, the ancient Turks and Mongols. The author analyzes legendary information about the possession of iron as a factor of social and cultural domination in the history of early medieval societies.

Keywords: *iron, weapon, empire, conquests, the Xiongnu, the ancient Turks, the Mongols.*

Общераспространённое мнение об относительно одновременном переходе к эпохе раннего железа (в русле формационной теории развития общества и культурогенеза; по хронологии кавказских древностей, начиная с VIII в. до н. э.) применительно к Центральной Азии и Южной Сибири требует существенной корректировки. Как основной производственный материал, бронза сохраняет здесь своё значение, в первую очередь, для изготовления предметов вооружения, ещё несколько столетий. При этом первоначально, скорее всего, железо, как новый материал, имело престижное значение. Примером этого в раннескифское время (середина VII в. до н. э.) являются замечательные находки из кургана Аржан 2 в Туве – железные кинжалы и наконечники стрел с золотыми накладками и инкрустациями. И, наоборот, позднее известны случаи инкрустации золотых украшений вставками из железа (могильник Урбюн 3, также в Туве).

Первые, но относительно редкие полноразмерные железные кинжалы и чеканы появляются на позднем этапе развития пазырыкской культуры Горного Алтая (не ранее сер. VI в. до н. э.). То же самое касается саглынской (или уюкской) культуры Тувы. В памятниках периода расцвета тагарской культуры Минусинской котловины (сарагашенский этап, ориентировочно – V–III вв. до н. э.) все изделия, относящиеся к предметам вооружения – кинжалы, чеканы, ножи и др. – изготовлены из бронзы. Массовое же распространение здесь железных предметов вооружения связано уже с культурой тесинских грунтовых могильников, что отличает их от материалов позднетагарских курганов-склепов с бронзовыми миниатюрами, и, по всей видимости, связано с образованием на Среднем Енисее одной из северных провинций Хунну [Савинов, 2009].

Оснащение армии железными предметами вооружения, по своим боевым качествам и эффективности превосходящими бронзовые и обеспечивавшими победоносные завоевания их обладателям, можно рассматривать в двух исторических ракурсах – действительном (для первого имперского образования Хунну) и легендарном (для раннесредневековых кочевых империй Древних тюрков и Монголов).

Первым народом, целиком перестроившим свою экономику, в том числе вооружение армии, на железоделательное производство, были хунны. Именно они, а не какие-то абстрактные «племена» должны быть признаны создателями и «держателями акций» нового арсенала предметов вооружения, обеспечивших успех их завоеваний на обширных пространствах степной Евразии и – в конечном счёте – создание кочевой империи. Комплекс предметов вооружения хуннов, основанный исключительно на создании железных изделий, включает уже сформировавшийся и наиболее эффективный в боевом применении набор изделий: знаменитый хуннский лук с железными трёхперыми и ярусными наконечниками стрел, продолжавшими использоваться во все последующие времена, палаши и наконечники длинных копий, панцирные доспехи, кирасы и пр. [Худяков, 1986, с. 25–52]. Соответственно, изменились структура военной организации и тактика ведения военных действий. По словам Ю. С. Худякова, «данный комплекс вооружения, сформировавшийся к концу III в. до н. э., принёс... хуннам успехи в войнах с кочевниками Центральной Азии, Южной Сибири и Восточного Туркестана» [там же, с. 48]. Как известно, не менее успешными были военные действия хуннов в Китае, в Средней Азии и в других областях прежнего скифо-сакского мира.

Такое понимание культурно-исторических процессов, связанных с созданием кочевой империи Хунну и основанное на анализе многочисленных археологических материалов, находит подтверждение в сведениях китайских письменных источников, повествующих о первых годах становления будущей империи Хунну (отметим, что обычно реконструкция исторических событий производится в обратной последовательности: сначала – сведения письменных источников, а затем, в подтверждение им – соответствующие материалы археологических памятников). В данном случае имеется в виду известный рассказ о северном походе главы хуннского племенного союза шаньюя Маодуня в 201 г. до н. э., в результате которого был завоеван ряд владений, после чего «старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признали его мудрым» [Бичурин, 1950, с. 50; Таскин, 1968, с. 39]. Указанные при этом названия покорённых Маодунем «владений» (этнонимы), независимо от точной локализации, обычно идентифицируются с населением Саяно-Алтайского нагорья, что служит достаточно веским основанием при определении верхней даты соответствующих (местных) археологических культур.

Причины похода Маодуня на север, практически вскоре после прихода его к власти, на наш взгляд, правильно интерпретируются Л. Р. Кызласовым, по мнению которого приведённое сообщение «указывает на экономические причины гуннского завоевания Саяно-Алтайского нагорья и Южного Забайкалья, чрезвычайно богатые месторождениями железа, меди, золота, олова и т. п.» [Кызласов, 1979 с. 83]. Среди названных металлов на первое место, на наш взгляд, следует поставить железо, так как золото и серебро в достатке хунны получали в виде военной добычи при захвате городских центров Китая и Средней Азии. Железо – «вот причина того, что оформившийся в конце III в. до н. э. гуннский (то есть, хуннский. – Д. С.) племенной союз, захватив всю Центральную Азию, около 201 г. до н. э. ринулся на завоевание северных районов, богатых месторождениями рудного сырья» [там же]. Возможно, не случайно поэтому узкий проход, ведущий на запад в эту благословенную страну (Джунгарский проход), в древнетюркских письменных источниках носит образное название Темир-Капыг («Железные ворота»).

В число захваченных тогда владений на «севере», несомненно, входила и территория современного Кузбасса, рудно-угольная база которого могла использоваться уже с того давнего времени. Другие мотивировки северного похода Маодуня, в том числе получение земледельческой продукции [Николаев, 1992], не исключают предложенную Л. Р. Кызласовым, но представляются менее вероятными (или второстепенными). Значение хуннского завоевания как решающего события в этнополитической истории населения лесостепной тагарской культуры установлено археологическими исследованиями А. И. Мартынова и других исследователей кемеровской школы археологии [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1979; и др.].

Что касается бронзы, то в хуннском металлопроизводстве она как бы отходит на «второй план» и применяется главным образом для изготовления украшений, некоторых культовых изделий и предметов социального назначения. К последним, в первую очередь, относятся художественно оформленные поясные ажурные пряжки, по всей видимости принадлежавшие

представителям хуннской администрации «на местах» и в целом очерчивающие границы владений государства Хунну [Савинов, 2005]. При этом все предметы вооружения хуннского времени уже делались из железа. В этом противопоставлении двух металлов (бронза – традиционное, более знакомая «на местах»; железо – новая воинская субкультура, средство завоевания и принуждения) видится нечто символическое.

Исходя из всех имеющихся материалов (как письменных источников, так и археологических), можно с уверенностью утверждать, что модель имперского образования Хунну во многих отношениях явилась прообразом двух других великих кочевых империй, созданных в эпоху раннего средневековья Древними тюрками и Монголами. В равной степени это касается и мобилизующего фактора использования железа (а точнее – железных предметов вооружения). Однако в отличие от хуннской истории, это приобретает теперь легендарный характер и может быть представлено в виде двух наиболее показательных, сохранившихся в письменных источниках эпизодов, относящихся к периодам возвышения того и другого народа (древних тюрков и монголов).

Эпизод первый. Согласно периодизации древнетюркской истории, предложенной С. Г. Кляшторным, ранняя история племени Тюрк делится на два периода: ганьсуйско-гаочанский (III в. – 460 г.) и алтайский (460–552 гг.) [Кляшторный, 1965]. Далёкими предками древних тюрков были южные хунны, поселившиеся в Гаочане, от которых, возможно, и перешли к ним навыки в обработке железа. Рубежом между этими двумя периодами служит событие, происшедшее в 460 г., когда основоположник древнетюркской правящей династии Ашина Асянь-шад, «человек с великими способностями», после разгрома его ставки (жуань-жуанями?) был вынужден бежать на Алтай и «поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жуань-жуаней». Если эти сведения, приведённые в виде предания, исторически верны, то они знаменуют факт переселения побеждённого народа на новое место обитания, что достаточно часто встречалось в этнополитической истории народов Центральной и Восточной Азии (и не только!) в эпоху средневековья и новое время.

Однако после переселения на Алтай потомок Асянь-шада, а фактически основатель Первого тюркского каганата Тумынь, «полагаясь на свою силу и многочисленность», просил руки дочери кагана жуань-жуаней Анахуаня. В сложившейся системе социально-этнического подчинения, реакция Анахуаня была весьма показательна: «Анахуань крайне разгневался и послал нарочного с таким ругательным ответом: “Ты мой плавильщик: как осмелился сделать такое предложение”» [Бичурин, 1950, с. 221]. В примечании Н. Я. Бичурина по этому поводу говорится ещё более резко: «предки Тукюе... жили на южной стороне Алтая и добывали железо для жуань-жуаньского хана; и посему хан сказал: ты мой плавильный невольник» [там же, с. 228].

Приведённый отрывок, как и комментарий Н. Я. Бичурина, весьма показательны с точки зрения оценки этнополитической ситуации на севере Центральной Азии в период, непосредственно предшествующий образованию Первого тюркского каганата. Тюрки зависимы от жуань-жуаней, поскольку плавят (очевидно, добывают и обрабатывают) для них железо. Отсюда высокомерный и даже возмущённый ответ Анахуаня на предложение Тумыня, просившего руки его дочери. Но совершенно очевидно, что Анахуань не учёл главного: в руках алтайских тюрков волею судеб оказалось производство важнейшего (а для всех кочевых империй, по-видимому, решающего) компонента культуры – оружия.

Это решило проблему совсем иначе, чем это представлялось Анахуаню. «Тумынь также рассердился и убил посланного (от жуань-жуаней. – Д. С.); после сего прервал связь и просил брака у Западного Дома Вэй» (одной из имперских династий Китая. – Д. С.), что и благополучно состоялось. Заручившись таким образом поддержкой Западного Дома Вэй и воспользовавшись силами теле, в 552 г. «Тумынь послал войско на жужань и совершенно разбил жуань-жуаней... Анахуань предал себя смерти» [Бичурин, 1950, с. 228], то есть, покончил жизнь самоубийством. Началась эпоха древнетюркских завоеваний, за последующие 15 лет дошедших до Боспора.

Эпизод второй – из начальной истории монголов. В знаменитом «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина рассказывается о пребывании прародителей монгольских племен нукуз и киян (монголов «царских») на их легендарной прародине – в горнолесной долине Эргунэ-кун (по

всей вероятности, среднее течение р. Аргунь [Зориктуев, 2011, с. 11]) и о том, как они покинули Эргунэ-кун. Последнее описание настолько интересно, что его следует привести полностью. По Рашид-ад-дину, «когда среди гор и лесов этот народ размножился и пространство (занимаемое им) земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучше способом ... выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода. И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь... зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали (из них) кузнечные мехи. Затем сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали это место, что разом этими семидесятью мехами стали раздувать (огонь под дровами и углем) до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное (количество) железа и (вместе с тем) открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 154].

С этого началась эпоха монгольских завоеваний. Монголы успешно разгромили всех своих противников (кереитов, меркитов, найманов, тайджиутов и др.), о чём так красочно повествует «Сокровенное сказание» (или «Тайная летопись монголов»), и сами стали степным и самым воинственным народом.

К сказанному можно сделать несколько добавлений. Судя по всему, монголы первоначально были лесным народом, занимались охотой и рыболовством [Кызласов, 1975], и выход на историческую арену для них был ознаменован двумя совпадающими событиями: широким использованием железа и освоением кочевого скотоводства. По мнению некоторых исследователей, «Эргунэ-кун находился в верховьях Хайлара, на месте его слияния с р. Тура. Название Хайлар возникло от слова хайл, что значит "плавка". Оно возникло тогда, когда монголы, по преданию, расплавили гору и вышли из Эргунэ-куна» [по: Зориктуев, 2011, с. 10]. Следует отметить также, что все предметы вооружения из погребений монгольского времени (или монгольских воинов), независимо от того, где они найдены – на Алтае, в Средней Азии или в Забайкалье, – исключительно железные, унифицированные, наиболее эффективные и уже лишённые каких-либо этнических различий. Их производство было явно поставлено «на поток», а обладание им, скорее всего, представляло необходимое состояние монгольского воина (независимо от его собственной этнической принадлежности).

Интересно, что такое отношение к железу, по всей видимости, стало своего рода национальной идеей монголов. Как рассказывает тот же Рашид-ад-дин, поскольку родословная Чингиз-хана восходит к легендарным прародителям из Эргунэ-кун, «вследствие этого (люди) не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингиз-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они расплавляют немного железа и, положив (его) на наковальню, бьют молотом и вытягивают (в полосу) (то есть имитируют изготовление меча? – Д. С.) в благодарность за свое освобождение» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 155]. Таким образом, с плавкой железа и изготовлением железного меча (?) у монголов (как, вероятно, и у ранних тюрков) ассоциировались понятия свободы, успешных завоеваний и, по всей вероятности, социального доминирования в окружающем степном пространстве.

Несмотря на разделяющие их столетия, приведённые рассказы о легендарных причинах возвышения тюрков Ашина и монголов Чингиз-хана на глубинном уровне – плавка железной руды и изготовление железных предметов вооружения как условия освобождения и начала будущего покорения степи – совпадают. Это совпадение отмечено уже в классическом труде Н. Я. Бичурина, где, в связи с рассказом о древних тюрках, приводятся «сведения о разных племенах, искони обитавших в Средней Азии, в том числе о выходе ранних монголов из закрытой горной долины Эргунэ-кун» (здесь Иргана-кон. – Д. С.). «Оба вышеприведённые сказания имеют историческое основание, на котором при свете китайской истории легко в самих вымыслах приметить истину» [Бичурин, 1950, с. 224–225]. Лучше не скажешь! Очевидно, в данном случае истина заключается в том, что в степной имперской традиции существовала устойчивая мифологема об особом – факторном – значении железа и железных предметов вооружения, как

условий и символов господства и доминирования, имеющая реальную основу в исторических событиях периода возвышения Хунну.

Возможно, что к этому имеют отношение и некоторые другие указания письменных источников, говорящие об особом (статусном) значении предметов железного вооружения. Так, причиной победы сяньбийцев над хуннами, помимо всего прочего, послужило то, что «у них оружие острее и лошади быстрее, чем у хуннов» [Бичурин, 1950, с. 157]. Или, видя в енисейских кыргызах возможных союзников в период обострения отношений с уйгурами, китайские хронисты объясняют их право на такое содружество тем, что кыргызы-хягасы «делают оружие, крайне острое; постоянно вывозят к тукюе» (к тюркам. – Д. С.) [там же, с. 352], то есть с этой точки зрения являются достойными внимания со стороны имперского Китая. Возможно, что таким же образом могут быть интерпретированы и некоторые другие сведения письменных источников, а также ещё не привлекавшиеся к этой теме фольклорные материалы.

Список источников и литературы

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. – 379 с.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Восточная литература, 2011. – 277 с.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племен тьярк (ашина) // Новое в советской археологии / МИА. № 130. 1965. – С. 171–178.

Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / История и культура Востока Азии. Т. III. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. – С. 170–175.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (От палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 206 с.

Николаев Н. Н. Культурно-исторические аспекты хуннского влияния в степях севера Центральной Азии // Научн. конфер. памяти Н. М. Ядринцева. Секция этнографии и археологии. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 36–38.

Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Конец скифской эпохи в Южной Сибири // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: КемГУ, 1979. – С. 33–35.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т. 1, кн. 1. – М.: АН СССР, 1952. – 219 с.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб: ЭлекСис, 2009. – 224 с.

Савинов Д. Г. Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте // Вестник КемГУ. Вып. 2. Археология и История. – Кемерово, 2015. – С. 145–150.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. – М.: Наука, 1968. – 177 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 266 с.

И. А. Сапрыкина

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия

e-mail: dolmen200@mail.ru

С. В. Кузьминых

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия

e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Л. А. Пельгунова

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. Москва, Россия

e-mail: lubo4ka007@bk.ru

Э. Холмквист

Институт археологии Университета Хельсинки, Финляндия

e-mail: veholmqvist@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

База данных химического состава цветного металла Ананьинского могильника в настоящее время насчитывает более 750 проб, полученных в разные годы с помощью различных методов исследования. Сравнение результатов, полученных с помощью методов ОЭСА, РФА и TXRF показали, что выборка разбивается на два крупных блока: к группе «классических» ананьинских сплавов относятся кельты, втоки, чеканы, наконечники стрел и др., а группа высоколегированной оловянной бронзы, свинцово-оловянной бронзы, латуней представлена, в основном, разнообразными типами украшений и деталей одежды. С одной стороны, эти различия оказались тесно увязанными с использованными методами исследования: химический состав металла классических форм ананьинских предметов изучался с помощью методов ОЭСА и TXRF, в то время, как металл разнообразных украшений исследовался преимущественно с помощью РФА. С другой стороны, такое разделение выборки может быть связано с характером использованного сырья и специфики самой выборки, где украшения и предметы одежды датируются в том числе временем за пределами существования Ананьинского могильника; однако значительный процент предметов, датированных I тыс. до н.э., изготовлены из высоколегированных бронз.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, ранний железный век, Ананьинский могильник, бронза, химический состав.

I. A. Saprykina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

S. V. Kuzminyh

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

L. A. Pelgunova

A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution. Moscow, Russia

E. Holmquist

University of Helsinki, Institute of Archaeology. Helsinki, Finland

STUDY OF THE CHEMICAL COMPOSITION OF NON-FERROUS METAL FROM ANANYINO BURIAL GROUND: RESULTS AND PERSPECTIVES

There are presently more than 750 samples in the database of chemical composition of nonferrous metals, obtained at different times with application of various research methods from Ananyino burial ground. Comparison of results obtained with OES, XRF and TXRF has shown that sampling is divided into two main groups: the first one is a group of "classical" Ananyino alloys, including celts, gavel-axes, arrowheads and etc; the second one is a group of high-alloy tin bronze, lead-tin bronze and brass consisting mostly of various types of jewelry and clothing parts. On the one hand, these points

of difference are closely connected with research methods applied: chemical composition of classical Ananyino metal objects was studied with OES and TXRF, while metal of jewelry was principally studied with XRF. On the other hand, such division of sampling may be caused by nature of the raw materials used and by specifics of the sampling itself – some jewelry and clothing objects are dated by the period outside the time existence of Ananyino burial ground, however, a significant percentage of the objects of I millennium BC were often made of high-alloy bronzes.

Keywords: *the Late Bronze Age, the Early Iron Age, Ananyino burial ground, bronze, chemical composition*

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00348а
«Ананьинский могильник – публикация, исследование, каталог: воссоединение коллекции».

Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника, хранящегося в музеях России и Финляндии,* выполнялось с помощью различных методов и разной приборной базы. Так, часть коллекции была изучена еще в 1970–90-е гг. методом полуколичественного ОЭСА на анализаторах ИСП-28 и СТЭ-1 [Кузьминых, 1983, с. 35–40]; неисследованная в те годы часть проанализирована в 2014–2015 гг. методом неразрушающего РФА на приборах S1 Titan, M1 Mistral (Bruker) и методом TXRF-анализа на анализаторе S2 PICOFOX (PicoTax) (Bruker) [Сапрыкина и др., 2016, с. 26].

Методика проведения анализа по методу ОЭСА, как и погрешности метода, многократно опубликованы (см. например: [Черных, 1966, с. 27–34; и др.]). Метод неразрушающего безэталонного РФА также достаточно хорошо апробирован при анализе археологических предметов; его методика тоже опубликована в иностранной и отечественной литературе. В нашем случае мы использовали несколько РФА-спектрометров: стационарный Bruker M1 Mistral и портативный РФА-спектрометр Bruker S1 Titan с кремниевым дрейфовым детектором (SDD), принадлежащим Университету Хельсинки.** Результаты исследований спектрометром M1 опубликованы в составе сводной работы [Сапрыкина и др., 2016]. Портативный прибор оснащен Rh-мишенью, анализы проводятся после калибровки по медным сплавам, максимальное время измерения достигает 120 с. Расчет спектров производится в специальной программе XSpec. Итоговые результаты измерений по каждому из образцов должны состоять из 3–5 проб, снятых с освобожденной от коррозии поверхности предмета (размер 8 мм). Соблюдение этих принципов позволяет добиться высокой разрешительной способности РФА метода при использовании портативного спектрометра.

Сравнительно новым для исследования химического состава цветного металла в отечественной археометрии является использование метода TXRF-анализа. Сущность данного метода, позволяющего выполнять определение качественного и количественного содержания элементов, заключается в облучении образца мягким гамма-излучением и регистрацией вторичного характеристического рентгеновского излучения каждого присутствующего в образце элемента. Абсолютная чувствительность метода составляет 10–10%. Основное отличие от традиционного РФА-анализа – использование монохроматического излучения и оптики для полного отражения (TXRF). Для проведения количественного анализа образцы измельчались до размера не менее 50 мкм и смешивались с 1% раствором TRITON X100. Анализ спектра выполнялся как в автоматическом режиме, так и «вручную»; расчет спектра выполнялся с помощью программного обеспечения Spectra 501.

Таким образом, в настоящее время в аналитической выборке Ананьинского могильника насчитывается более 750 проб, полученных с помощью различных методов исследования.

* Национальный музей Республики Татарстан, Государственный Исторический музей, Музей антропологии МГУ, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Государственный Эрмитаж, Музейное ведомство Финляндии.

** Пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю и глубокую признательность Департаменту археологии университета Хельсинки за предоставленную возможность использования приборной базы, а также лично – профессору Мике Лавенто и Анти Лахельма за помощь и содействие.

Статистическая обработка результатов выполнена по принятой стандартной методике, где порог легирования сплава определён в 1,0% (с небольшими отклонениями в ту или иную сторону).

К основным типам сплавов Ананьинского могильника мы можем отнести: сурьмяно-мышьяковистые сплавы; «чистую» медь; оловянную бронзу, в том числе высоколегированную; свинцово-оловянную бронзу; латуни; сплавы с серебром. В аналитической выборке представлены наконечники стрел и копий, кельты, втоки, чеканы, секиры, ножи и кинжалы, единичные образцы конской упряжи, а также разнообразные типы украшений, датируемые в широких хронологических пределах от VIII–VII вв. до н. э. до первых веков н. э.

Судя по результатам проведённых исследований, наиболее вероятным источником меди являются комплексные полиметаллические руды, традиционные источники поступления которых в безрудные районы Восточной Европы связаны с месторождениями Урала, Саяно-Алтая, Казахстана и Северного Кавказа. Значительные вариации в содержании как основных легирующих компонентов сплавов, так и в наборах микропримесей не позволяют остановиться на каком-то одном регионе поступления руды для ананьинской цветной металлообработки: И. А. Сапрыкина связывает рудные источники с Северным Кавказом, а С. В. Кузьминых – с горно-металлургическими центрами Казахстана и Саяно-Алтая.

И. А. Сапрыкина считает, что косвенным признаком поступления металлического сырья из Северокавказского региона может служить наличие в выборке Ананьинского могильника большого процента высокооловянной бронзы (с содержанием олова выше 10%), что позволяет говорить о намеренном легировании бронзы оловом. В северокавказской цветной металлообработке с V–III вв. до н. э. господствует оловянная и оловянно-свинцовая бронза с широкими вариациями содержания олова (1–30%) и свинца (1–12%) [Барцева, 1974]. Этими же характеристиками исследователи описывают рецептурную базу скифоидных культур Северного Причерноморья [Барцева, 1981, с. 88; 1982, с. 40, 41]. В последующее время этот тип сплава вытесняет все остальные рецептуры в цветной металлообработке.

С. В. Кузьминых исходит из того, что сурьмяно-мышьяковистые сплавы (химико-металлургическая группа ВК – волго-камская) были отнесены к категории искусственных бронз в ранних работах Е. Н. Черных и его собственных достаточно условно [Бобров и др., 1997, с. 50; Черных, 2007, с. 94]. Для металла этой группы зафиксировано повышенное содержание мышьяка, сурьмы, никеля, серебра и висмута (в десятых и сотых долях процента). Древнейшие изделия из этой бронзы, как правило, легированные оловом или полученные в ходе металлургического передела (когда концентрат касситерита добавляли при выплавке к полиметаллической руде), вошли в обиход производящих центров Евразийской (но не Кавказской) металлургической провинции вместе с распространением памятников сейминско-турбинского типа и использовались на протяжении всей эпохи поздней бронзы. В раннем железном веке в большинстве очагов металлообработки, функционировавших на территории прежней системы Евразийской провинции, эти сплавы по-прежнему доминировали, но они в большей степени, чем в эпоху бронзы, были легированы оловом [Кузьминых, 1983, табл. 1, 2; 2009, рис. 5; Барцева, 1987; 1989]. Образцы ананьинской низкомышьяковой или сурьмяно-мышьяковой меди следует отождествлять, вероятнее всего, с группой естественных комплексных сплавов меди с мышьяком и сурьмой. Рудные источники этой меди, а также большей части оловянных и оловянно-мышьяковых бронз связаны, как и в бронзовом веке, с производящими центрами Казахстанской и Саяно-Алтайской ГМО.

Одним из неожиданных моментов нашего исследования оказалась выявленная корреляция между категорией анализируемого предмета, типом сплава и методом анализа, с помощью которого исследовался химический состав. Эта корреляция возникла при сопоставлении результатов анализов, выполненных с помощью ОЭСА и частично TXRF-анализом, с результатами, выполненными с помощью РФА-метода. Так, предметы, исследованные ОЭСА и TXRF, оказались в группе «классических» ананьинских сплавов, известных по предшествующим публикациям [Кузьминых, 1983]: это «чистая» медь, сурьмяно-мышьяковистые сплавы, частично оловянная бронза. При этом надо иметь в виду, что в этой выборке анализировались по преимуществу орудия и оружие (кельты, наконечник). Предметы, исследованные с помощью РФА,

показали совершенно иную картину: они попадают в группу высоколегированной оловянной бронзы, свинцово-оловянной бронзы, латуней. Основу данной выборки составляют украшения, детали конской сбруи, изделия в зверином стиле и др. Но такое различие может быть связано и с разрешительной способностью использованных методов анализа: РФА исследует поверхностный слой на глубину не более 20 мкрн, в то время как для выполнения ОЭСА и TXRF теоретически возможно отобрать пробу на любой глубине образца. При анализе предметов, подвергавшихся в течение длительного времени воздействию коррозии, это имеет немаловажное значение.

На наш взгляд, к одной из перспектив дальнейшего исследования химического состава цветного металла Ананьинского могильника можно отнести сопоставление полученных данных более тонкими методами анализа, к примеру ICP-MS. Это позволит в будущем корректировать данные, получаемые с помощью различных методов исследования.

Список литературы

- Барцева Т. Б.* Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // Советская археология. – 1974. – № 1. – С. 24–37.
- Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепро-Донское левобережье. – М.: Наука, 1981. – 128 с.
- Барцева Т. Б.* Спектроаналитическое изучение цветного металла скифского времени (Днепровская левобережная степь) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. – М.: МОИП, 1982. – С. 39–42.
- Барцева Т. Б.* Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987. – С. 65–83.
- Барцева Т. Б.* Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественные научные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 109–117.
- Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О.* Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 99 с.
- Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 257 с.
- Кузьминых С. В.* О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 202–212.
- Сапрыкина И. А., Кузьминых С. В., Пельгунова Л. А.* Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника // Поволжская археология. – 2016. – № 1(15). – С. 26–40.
- Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. (Материалы и исследования по археологии. № 132). – М.: Наука, 1966. – 144 с.
- Черных Е. Н.* Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 200 с. (Каргалы; Т. V).

И. А. Сапрыкина

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия

e-mail: dolmen200@mail.ru

Л. Томантера

Национальный музей Финляндии. Хельсинки, Финляндия

e-mail: leena.tomantera@mba.fi

**РАДИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АНАНЫНСКОГО МОГИЛЬНИКА
ИЗ ХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ВЕДОМСТВА ФИНЛЯНДИИ**

Результаты радиографического исследования, выполненные для предметов из коллекции Ананьинского могильника, хранящейся в Museovirasto, показали, что все они, за редким исключением, были изготовлены методом долива. Рукояти ножей в зверином стиле, отлитые вместе с железным сердечником, несут следы особых условий отливки и охлаждения, которые позволили мастерам доработать изделие при неполном затвердевании металла. Копьё и одно из зеркал имеют характерные следы литья методом долива; у второго зеркала с помощью радиографии были выявлены следы доработки зубильцем. Радиография позволяет «увидеть» совершенно неожиданные истории создания предмета, навыки и «хитрости» мастера, изготовившего его.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, ранний железный век, Ананьинский могильник, бронза, радиография

I. A. Saprykina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

L. Tomantera

National Museum of Finland. Helsinki, Finland

**RADIOGRAPHY OF BRONZE OBJECTS
OF ANANYINO BURIAL GROUND COLLECTION
FROM NATIONAL BOARD OF ANTIQUITIES OF FINLAND (MUSEOVIRASTO)**

Radiographic analysis for items from Ananyino burial ground, which are currently stored in Museovirasto, had been done and revealed that they, with a rare exception, were made with topping casting technique. Knife handles in animal style were cast with an iron core and bear traces of special casting and cooling conditions, which allowed artisans to modify the product before the metal cooled down. The spear and one of the mirrors bear characteristic traces of casting with topping technique: radiographic investigation of the second mirror revealed the traces of completion with a chisel. Utilization of radiography method allows us to "see" the hidden story of an item, to "learn" of skills and techniques of the artisan who made it.

Keywords: the Late Bronze Age, the Early Iron Age, Ananyino burial ground, bronze, radiography.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00348а

«Ананьинский могильник – публикация, исследование, каталог: воссоединение коллекции».

В рамках подготовки к публикации коллекции Ананьинского могильника [Сапрыкина, Кузьминых, 2014, с. 263, 264], было проведено радиографическое исследование отдельных предметов из цветного металла из коллекции могильника, хранящейся в Музейном ведомстве Финляндии (Museovirasto). Исследование выполнялось на приборной базе лаборатории консервации и реставрации Национального музея Финляндии; дополнительно методами РФА и TXRF был изучен химический состав металла анализируемых предметов. Методика проведения радиографического анализа опубликована [Middleton, Lang, 2005], особенности радиографического исследования металлических предметов также опубликованы [Lang, 2005].

Радиография позволяет фиксировать области больших или меньших плотностей в структуре металлического объекта, наличие скрытых объектов, надписей, орнаментов под слоем коррозии, а также технических (технологических) особенностей изготовления предметов, являясь при этом неразрушающим методом исследования. В случае исследования предметов из коллекции Ананьинского могильника (это клевец в зверином стиле 1400:175; рукояти ножей, выполненные в зверином стиле: 1400:354, 5381:86; массивные зеркала с петелькой в центре: 1400:474, 475; гривна 1400:374; детали узды 1400:174, 173; кельты 1400:14, 16, 21; долото 1400:17; наконечник копья 1400:26; нож с петельчатым ушком 5381:4) основной целью анализа являлось выявление скрытых дефектов и технологических особенностей литья, а также выявление участков орнамента, скрытых под коррозионным слоем и изготовленных в технике тауширования.

Радиографическому исследованию предшествовало изучение способов изготовления предметов стандартным методом визуального анализа, многократно апробированным и описанным в специальной литературе; результаты исследования техники изготовления коллекции Ананьинского могильника представлены в публикации [Сапрыкина, Кузьминых, 2014]. Все предметы из публикуемой выборки были выполнены с помощью литья, при этом техника литья для каждой из групп предметов имеет свои особенности, в частности, при литье методом долива.

Так, рукояти ножей, выполненные в зверином стиле (5381:86; 1400:354), по данным радиографии выполнены в технике долива из сплава цветного металла (оловянная бронза, оловянно-свинцовая бронза); литьё велось в литейную форму с железным сердечником, роль которого выполнял черенок ножа. Судя по результатам визуального анализа поверхностей, наличие множества газовых пор и каверн на поверхности бронзовых рукоятей, выемка отливки из литейной формы была выполнена при неполном охлаждении и затвердевании отливки; однако внутри таких дефектов литья при радиографии не зафиксировано. Это косвенно свидетельствует об особых условиях литья и охлаждения, а также конструкции литейной формы, обеспечивавшей максимальное удаление воздуха из формы. На радиографическом снимке удалось выявить участки доработки отливки с целью наиболее плотного прилегания бронзовой рукояти к железному сердечнику в виде продольных полос металла, не видимых на поверхности (**рис. 1**).

Исследование деталей узды и наконечника копья с целью выявить следы тауширования или иного способа орнаментации предметов, показали, что никакого орнамента на эти предметы не наносилось. Однако при исследовании наконечника копья 1400:26 была выявлена интересная деталь: втулка копья состоит из двух деталей, плотно подогнанных друг к другу (**рис. 2**). При визуальном осмотре этого не было зафиксировано; визуально были зафиксированы только крупные по форме каверны, расположенные как раз на конце втулки, на одной из её половин. На основной части отливки никаких дефектов литья зафиксировать в процессе исследования не удалось. Вполне возможно, наконечник копья (в частности, его втулка) в какой-то момент «наращивался» методом долива. Обращают на себя внимание крупные «затёки» металла, по форме напоминающие «шип», расположенные в нижней части втулки копья.

Незначительные по объёму внутренние дефекты литья удалось зафиксировать на одном из исследованных кельтов ананьинского типа (1400:14) и на долоте (1400:17): здесь газовые поры и каверны концентрируются на участках наибольшего натяжения металла, возникавшего при отливке этих изделий в составных формах с вкладышем. Эти участки соответствуют тонким стенкам на литых изделиях, причём крупные агломерации газовых пор и каверн расположены в середине отливки и в верхней части, на участках подвода литников. В то же время, при визуальном обследовании этих предметов дефектов литья зафиксировать не удалось. Так, визуальное и радиографическое исследование кельта 1400:16 из коллекции показало отсутствие каких-либо значимых дефектов изготовления; здесь можно отметить лишь равномерное распределение мелких газовых пор по поверхности предмета, что свидетельствует о корреляции между температурным режимом литья, конструкцией литейной формы, временем и условиями охлаждения отливки.

Наиболее интересные результаты удалось получить в результате радиографического исследования двух зеркал с петелькой в центре и с высокими профилированными бортиками по краю

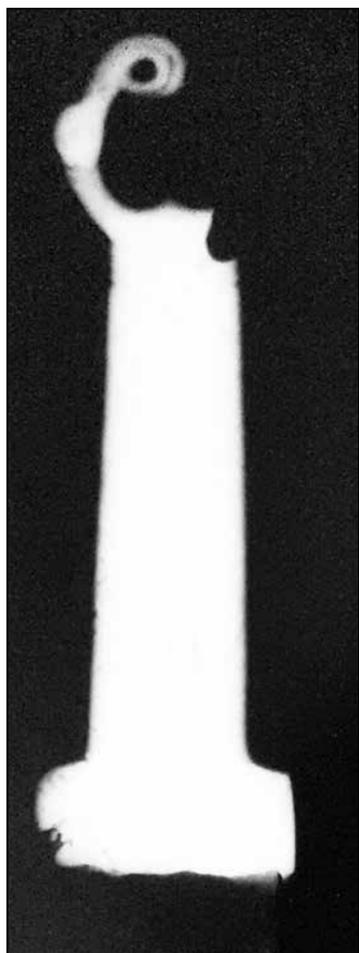

Рис. 1. Следы доработки рукояти ножа в зверином стиле 5381:86 (продольные полосы металла, зафиксированные с помощью радиографии).

Рис. 2. Дефекты литья, место соединения (?) двух частей втулки литого наконечника копья 1400:26.

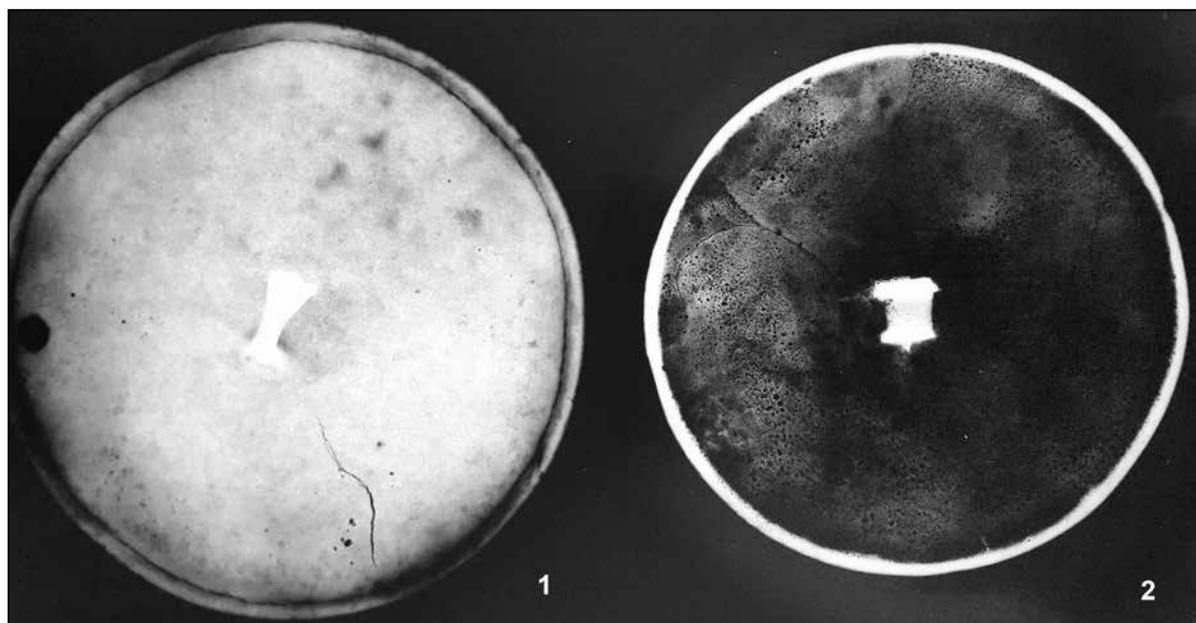

Рис. 3. 1 – следы доводки зубильцем угла бортиков зеркала из коллекции Ананьинского могильника (1400:475); 2 – газовые поры и участки преждевременной кристаллизации сплава (зеркало 1400:474).

(1400:474, 475), изготовленных из оловянной бронзы и датированных предположительно претанским периодом (III–VI вв. н. э.). Оба зеркала изготовлены в технике литья, при визуальном обследовании критических различий в технике их изготовления замечено не было. Однако, бортики зеркала 1400:475 были выполнены путём гибки краевой части зеркала (само зеркало и петелька в середине отливались одномоментно), вероятно, в процессе послелитейной кузнечной доработки; угол изгиба бортика был доработан с помощью зубильца, следы которого отчетливо фиксируются по внутренней стороне изгиба («шаг» рабочего края зубильца составляет 4–5 мм) (рис. 3,1).

Исследование второго зеркала с высокими бортиками и петелькой в середине (1400:474) показало, что отливка его выполнялась методом долива (?), причём он выполнялся с временным интервалом, когда металл из первой «порции» успевал начать процесс кристаллизации (затвердевания), который выражается в первичном затвердевании «внешнего» слоя металла. На радиографическом снимке отчётливо видны границы затвердевания разных порций сплава (рис. 3, 2); в то же время нужно отметить, что то количество газовых пор и каверн, которые мы наблюдаем на радиографическом снимке поверхности зеркала, косвенно может свидетельствовать и в пользу брака самой литейной формы, при котором возможен и неравномерный процесс кристаллизации, и проникновение в отливку большого количества воздуха (кислорода).

На наш взгляд, использование метода радиографии при изучении техники изготовления археологических предметов – очень перспективное направление, предоставляющее исследователю информативные снимки как скрытых дефектов, так и составных элементов анализируемого образца, что позволяет «увидеть» совершенно неожиданные истории создания предмета, навыки и «хитрости» мастера, изготовившего его.

Список литературы

- Сапрыкина И. А., Кузьминых С. В. Предварительные результаты исследования техники изготовления предметов из цветного металла Ананьинского могильника (из коллекции Музейного ведомства Финляндии) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. (Археология Евразийских степей. Вып. 20). Отв. ред.: С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. – Казань: Отечество, 2014. – С. 263–275.
- Lang J. Metals // Radiography of Cultural Material. Ed. by Lang J. and Middleton A. – Elsevier Butterworth-Heinemann. – 2005. – P. 49–75.
- Middleton A., Lang J. Radiography: theory. // Radiography of Cultural Material. Ed. by Lang J. and Middleton A. – Elsevier Butterworth-Heinemann, 2005. – P. 1–19.

Н. Н. Серёгин

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ

Представлены итоги изучения особенностей погребального ритуала, зафиксированных в ходе исследований погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Приведены результаты анализа материалов раскопок более 30 объектов, демонстрирующих различные традиции обрядовой практики кочевников региона во второй половине I тыс. н.э. Выделены две основные группы памятников – погребения с лошадью и «одиночные» захоронения. Выявленные сочетания показателей находят аналогии в материалах раскопок тюркских комплексов на территории Алтае-Саянского региона.

Ключевые слова: раннее средневековье, тюркская культура, Монголия, традиции, погребальный ритуал.

N. N. Seregin

Altai State University. Barnaul, Russia

GENERAL AND SPECIAL CHARACTERISTICS OF THE FUNERAL RITE OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN MONGOLIA

The article summarizes the study of the funeral rite recorded during research in burial complexes of early medieval Turks conducted in Mongolia. The author analyses the materials of excavation of more than 30 objects that demonstrate various traditions of nomads' ceremonial practice in the region under consideration in the second half of I millennium CE. Emphasis is made on identification of two main groups of sites – graves with a horse and «single» burials. The noted combination of indicators finds analogies in the materials of excavation of Turkic burials in Altai-Sayan region.

Keywords: the early Middle Ages, Turkic culture, Mongolia, funeral rite, traditions of ceremonial practice

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

К настоящему времени на территории Монголии известно до 30 погребений раннесредневековых тюрок [Серёгин, 2014]. Несмотря на незначительность данной цифры по сравнению с результатами раскопок синхронных памятников на сопредельных территориях, анализ имеющихся материалов позволяет охарактеризовать некоторые особенности обрядовой практики населения региона во второй половине I тыс. н. э.

Погребальный ритуал традиционно рассматривается как один из наиболее важных элементов обрядовой практики древних и средневековых обществ. Консервативный характер таких показателей, как способ захоронения (ингумация, кремация и др.), ориентировка умершего человека в определённый сектор горизонта, обычай помещения рядом с погребённым животного и т. д., определяет их особое значение для исследования мировоззренческих представлений конкретных социумов, а также выделения признаков, отличавших отдельные этнокультурные группы.

Исследование материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволяет выделить два основных варианта погребального ритуала. Первый, наиболее распространённый, представлен захоронениями человека в сопровождении лошади.

Ко второму варианту отнесены «одиночные» погребения (без сопроводительного захоронения животного). Совокупность показателей погребального ритуала раннесредневековых тюрок Монголии рассмотрена далее с учётом выделения этих двух групп памятников.

Погребения по обряду ингумации в сопровождении лошади являются одним из отличительных показателей обрядовой практики раннесредневековых тюрок. К настоящему времени на территории Монголии известно 18 таких комплексов. В большей части могил находилось одно животное (11 объектов, 61 %). В остальных погребениях (7 захоронений, 39 %) рядом с умершим обнаружены две лошади.

Почти во всех могилах покойный был уложен в вытянутом положении на спине. Отклонения от этого стандарта, характерного для абсолютного большинства захоронений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, носят единичный характер. Согласно замечанию авторов раскопок погребения, исследованного на некрополе Овор-Хавцал, умерший человек лежал в вытянутом положении на животе [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, т. 125–126].* Интересно, что такое же положение отмечено при исследовании двух могил кургана № 3 комплекса Джаргаланты [Евтюхова, 1957, с. 216, 217], предположительно датированных ранним средневековьем. Ещё одна нетипичная ситуация зафиксирована в ходе раскопок впускного захоронения на памятнике Бурхан-толгой. По информации авторов исследований, умерший человек был помещён в могилу стоя [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 107–108]. К сожалению, в данном случае текстовое описание не сопровождается подтверждающими эту редкую ситуацию иллюстрациями.

Положение лошади, находившейся в могиле рядом с умершим человеком, также весьма унифицировано. Судя по имеющимся данным, в большинстве погребений раннесредневековых тюрок Монголии животное было уложено на животе с подогнутыми ногами.

Более вариабельным показателем погребального ритуала раннесредневековых тюрок Монголии является ориентировка умерших людей по сторонам света. В известных захоронениях с лошадью количественно преобладает традиция направления погребённых головой в восточный сектор горизонта (61 %). При этом выделяется группа объектов, при изучении которых отмечена меридиональная, в большинстве случаев северная, ориентировка людей (28 %).** Отметим, что почти идентичное соотношение данных показателей зафиксировано в ходе анализа материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрок на территории Алтая и Тувы [Серегин, 2013б, с. 42–46].

Важной характеристикой обрядовой практики раннесредневековых тюрок являлось взаимное расположение в могиле умершего человека и находившейся рядом лошади. Для большинства известных раннесредневековых комплексов Монголии характерна разнонаправленная ориентировка человека и животного – 12 объектов (67 %). Значительное реже зафиксировано направление покойного и лошади в одну сторону (17 %).

Общее сопоставление рассмотренных показателей позволяет выделить среди тюркских захоронений с лошадью, раскопанных на территории Монголии, две группы объектов. **Первая группа** характеризуется устойчивым сочетанием следующих показателей: ориентировка человека в восточный сектор горизонта, направление лошади в противоположную сторону и расположение животного (животных) слева от умершего. Комплекс этих признаков зафиксирован при исследовании девяти захоронений раннесредневековых тюрок (50 %) [Боровка, 1927; Евтюхова, 1957; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Турбат, 1998, 2014, рис. 1–5; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 108–109; Кубарев и др., 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010; и др.]. Обозначенные показатели могут рассматриваться как некий «стандарт» погребального ритуала, характерный для большинства захоронений раннесредневековых тюрок, раскопанных

* Представленная в статье иллюстрация [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, з. 3] не подтверждает данное описание. Это может быть связано как с качеством рисунка, так и с неточностью, допущенной при подготовке публикации. Благодарим за консультацию по этому вопросу антрополога, к.и.н. С. С. Тур.

** Ещё в двух случаях (11 %) ориентировка умерших людей не установлена.

в разных частях центрально-азиатского региона [Серегин, 2013б, с. 42–46].* *Вторая группа* тюркских захоронений Монголии [Сэр-Оджав, 1970, т. 24–25; Наван, Сумьябаатар, 1987; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 108, 271; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004; Гунчинсурэн и др., 2005; Олзийбаяр, 2007; Цэвендорж и др., 2008, с. 175, 176] характеризуется меридиональной ориентировкой человека и животного, причём лошадь зачастую расположена справа от умершего (28 % объектов).

Помимо погребений с устойчивыми характеристиками обрядовой практики, на территории Монголии известен ряд специфичных объектов раннего средневековья, которые могут быть отнесены к культуре тюрков. Своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследований на памятнике Загал. Судя по описанию авторов публикации [Худяков, Лхагвасурэн, 2002, с. 96], в центре могилы находился умерший человек, а с обеих сторон от него располагались лошади, ориентированные в разные стороны – по направлению к ногам и к голове покойного. Близкие аналогии данному погребению зафиксированы на памятниках раннесредневековых тюрков Алтая [Гаврилова, 1965, табл. XXIII; Соловьев, 1999, с. 24, рис. 4, 2]. При исследовании нескольких тюркских погребений отмечено отсутствие черепов у умерших людей и захороненных рядом животных [Боровка, 1927; Худяков, Турбат, 1999; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 109, 110, 274; Кубарев и др., 2007]. Вероятно, в большинстве случаев это обусловлено ограблением или осквернением могил.

Особую группу памятников раннесредневековых тюрков Монголии составляют *«одиночные» погребения*. Их отличительной особенностью является отсутствие сопроводительного захоронения лошади, традиционно рассматриваемого как характерный признак обряда кочевников обозначенной общности [Серегин, 2013а]. На территории Монголии такие объекты раскопаны на комплексах Арцат Дэл, Бурхан-толгой, Жаргалант Хайрхан, Рашаантын Ам; Тарималт, Шивээт Цанхир-I [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 107–108, 271; Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1–2; Гунчинсурэн и др., 2005; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010]. Большую часть обозначенных «одиночных» погребений составляют скальные захоронения. Кроме того, в двух случаях отсутствие лошади в могиле зафиксировано при исследовании курганных объектов.

При исследовании «одиночных» захоронений в Монголии отмечена как характерная для раннесредневековых тюрков восточная ориентировка умершего, так и выделенная традиция направления погребённого головой в северный сектор горизонта. В трёх объектах зафиксировано конское снаряжение, уложенное рядом с человеком [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010].

Рассмотрение гораздо более многочисленных «одиночных» захоронений раннего средневековья, исследованных в Алтае-Саянском регионе, позволило предложить несколько вариантов их интерпретации [Серегин, 2013а, с. 105, 106]. Сделанные выводы дают некоторые основания для объяснения распространения данной традиции на территории Монголии. Погребения без лошади, зафиксированные на комплексах Бурхан-толгой и Тарималт, раскопаны в одной группе со «стандартными» захоронениями раннесредневековых тюрков [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 107, 108, 271; Гунчинсурэн и др., 2005]. Это подтверждает заключение о том, что такие объекты относятся к рассматриваемой общности, и их специфика связана с какими-либо особенностями прижизненного положения человека. Не исключено, что отсутствие лошади могло объясняться низким социальным статусом умершего. При исследовании обозначенных погребений зафиксирован довольно «бедный» сопроводительный инвентарь, не включающий «престижных» категорий предметного комплекса.

Вместе с тем, данное объяснение не может быть предложено при интерпретации скальных захоронений Монголии. В двух таких объектах зафиксирован весьма представительный сопроводительный инвентарь, включающий редкие и ценные изделия [Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010]. При этом два других подобных погребения были разрушены до обследования археологами, что не позволяет судить о первоначальном составе предметного

* Исключение составляют погребальные комплексы, исследованные на территории Минусинской котловины. Данные памятники могут рассматриваться в рамках особого локального варианта культуры раннесредневековых тюрков [Худяков, 2004; Серегин, 2013б, с. 47, 48].

комплекса [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1, 2]. В случае со скальными объектами нельзя исключать наличие особых традиций ритуальной практики, которые и определили необходимость захоронения человека в отдалённом месте, а также отсутствие лошади. Отметим, что на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона известны скальные погребения с разнообразным инвентарём и сопроводительным захоронением животного [Кызласов, 1986; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996].

Наряду со «стандартными» и «одиночными» погребениями, на территории Монголии известен ряд раннесредневековых комплексов, интерпретация которых представляется неоднозначной. Одним из таких объектов является «ритуальный» курган № 10 памятника Хар-Ямаатын-Гол, отличающийся отсутствием могильной ямы и каких-либо следов погребения под наземной конструкцией. Важно отметить, что данный комплекс исследован в одной группе с захоронением тюркской культуры [Кубарев и др., 2007; Цэвендорж и др., 2008]. Помимо характерной для рассматриваемой общности планиграфии, указанный объект характеризуется идентичным, по сравнению с соседним «стандартным» курганом, устройством наземной конструкции. Кроме того, в ходе разбора насыпи обнаружен бронзовый перстень, а также придонная часть лепного керамического сосуда. Таким образом, данный объект, несомненно, относится к культуре тюрков и пополняет список атрибутированных «ритуальных» курганов раннесредневековых кочевников.

Вопрос о семантике подобных комплексов до сих пор остаётся открытым. На наш взгляд, наиболее обоснованным представляется рассмотрение «ритуальных» курганов как своего рода «поминальных» кенотафов [Серёгин, 2010]. При этом целый ряд характеристик сближает «ритуальные» курганы не только с кенотафами, но также с «поминальными» объектами раннесредневековых тюрков. Для каменных оградок и «ритуальных» курганов достаточно распространённым признаком является наличие рядом, чаще всего с восточной стороны, нескольких балбалов. При исследовании одной из «пустых» насыпей были встречены части доспеха [Илюшин, 1990, рис. 1], обнаруживаемые почти исключительно в кенотафах и «поминальных» оградках тюркской культуры. Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к ранним этапам развития рассматриваемой общности – второй половине V–VI вв. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных объектов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах развития тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Следы погребения человека также отсутствовали в раннесредневековых объектах, раскопанных на комплексах Ваарт и Наймаа-Толгой в Центральной Монголии. В первом случае при исследовании херексура была зафиксирована отдельная яма, в которой находился небольшой деревянный ящик с золотыми изделиями и фрагментами шёлка внутри [Dorjsuren, 1967, p. 429, 430]. На памятнике Наймаа-Толгой под насыпью кургана обнаружены кости лошади, элементы конского снаряжения, а также наконечник ремня [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, fig. 41]. Не исключено, что данный объект представляет собой кенотаф.

Таким образом, анализ особенностей погребального ритуала раннесредневековых тюрков Монголии позволил выделить несколько групп объектов. Отмеченное сосуществование нескольких устойчивых традиций обрядовой практики, безусловно, не является случайным. Выявленное сочетание показателей находит аналогии в материалах раскопок тюркских погребений на территории Алтае-Саянского региона. На наш взгляд, распространение нескольких традиций, выявленных среди погребений с лошадьёю, а также «одиночных» захоронений демонстрирует неоднородность раннесредневекового населения. Не исключено, что археологические материалы отражают существование нескольких групп в составе культуры раннесредневековых тюрков, обусловленных сложными процессами формирования и развития данной общности.

Список источников и литературы

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 43–88.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

- Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. – 2005. – Т. XXIII. – Т. 104–112.
- Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. – №2. – С. 207–217.
- Илюшин А. М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 117–119.
- Кубарев Г. В., Со Гилсу, Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Лхундэв Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 298–303.
- Кызыласов И. Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 100–129.
- Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. – Улаанбаатар: Б.и., 1987. – 155 т.
- Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. – 2007. – Т. XXXVII. – Т. 26–31.
- Серёгин Н. Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2010. – Вып. IV. – С. 78–83.
- Серёгин Н. Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. – 2013а. – Вып. 2(8). – С. 100–108.
- Серёгин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул Изд-во Алт. ун-та, 2013б. – 206 с.
- Серёгин Н. Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – №1 (9). – С. 101–114.
- Соловьёв А. И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. № 4. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – С. 123–133.
- Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). – Улаанбаатар: Б.и., 1970. – 115 т.
- Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. – 1998. – Т. XVIII. – Т. 130–134.
- Турбат Ц. Турэгийн үеийн археологийн соёл // Талын морьтон дайчдын ов соёл. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. – Т. 27–43.
- Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. – 295 с.
- Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. – С. 264–265.
- Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 152 с.
- Худяков Ю. С., Кочев В. А., Моносов В. М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 46–53.
- Худяков Ю. С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. – №8. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – С. 94–105.
- Худяков Ю. С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 82–87.
- Хурэлсүх С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. – 2008. – Т. XXVI. – Т. 293–310.
- Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. – 2004. – Т. V. – Т. 20–30.
- Цэвэндорж Д., Кубарев В. Д., Лхундэв Г., Кубарев Г. В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. – 2008. – Т. XXVI. – Т. 262–273.
- Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. – Улаанбаатар: Б.и., 2008. – 239 с.
- Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю. С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. – С. 175–181.
- Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны түрэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. – 2010. – Т. X. Fasc. 9. – Т. 125–132.
- Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. – 1967. – Т. XIX. – P. 429–430.
- Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. – 1967. – Т. XIX. – P. 335–370.

В. И. Соёнов

*Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов
Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, Россия
e-mail: soyonov@mail.ru*

Н. А. Константинов

*Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск, Россия
e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru*

С. В. Трифанова

*Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов
Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, Россия
e-mail: trifanovasv@mail.ru*

АВАРИЙНЫЕ РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КУРАЙКА (ЮЖНЫЙ АЛТАЙ) В 2015 ГОДУ

В работе публикуются результаты аварийных раскопок на могильнике Курайка, проведённые экспедицией ГАГУ в 2015 году. Было раскопано четыре погребения, находящиеся под угрозой разрушения в результате водной эрозии террасы, на которой находится памятник. По особенностям погребального обряда и радиоуглеродного датирования погребения датируются втор. пол. III – IV вв. н. э. и относятся к кок-паишскому типу булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, могильник Курайка, гунно-сарматское время, булан-кобинская культура, кок-паишский тип погребений.

V. I. Soyonov

*Research Centre for History and Culture of the Turkic Peoples
of Gorno-Altai State University. Gorno-Altai, Russia*

N. A. Konstantinov

Gorno-Altai State University. Gorno-Altai, Russia

S. V. Trifanova

*Research Centre for History and Culture of the Turkic Peoples
of Gorno-Altai State University. Gorno-Altai, Russia*

ARCHAEOLOGICAL FIELDWORK IN EROSION ZONE OF KURAYKA BURIAL GROUND (SOUTHERN ALTAI) IN 2015

The paper presents the results of excavations of Kurayka cemetery in 2015. There were excavated four burials that are under the threat of destruction as a result of water erosion. The peculiarities of the burial rite and radiocarbon dating of burials allowed us to date them by the second half of the 3rd – 4th century AD and attribute them to the Kok-Pash type of the Bulan-Koby culture.

Keywords: Altai, Kurayka cemetery, Hunno-Sarmatian period, Bulan-Koby culture, Kok-Pash type

Введение. Во время разведочных работ совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Гентского университета (Бельгия) на правом берегу р. Барбургазы от главы Курайского сельского поселения А. П. Кордоева нами были получены сведения о разрушающихся курганах, находящихся на размываемом берегу реки Курайка. По окончании разведочных работ был организован выезд в Курайскую котловину с целью оценки ситуации с указанными разрушающимися объектами. После осмотра берега реки выяснилось, что под непосредственной угрозой разрушения находятся четыре кургана могильника Курайка. Курганы 40 и 41 расположены в северо-восточной части могильника на линии высокого и крутого обрыва берега реки Курайка. Курган 40 был разрушен наполовину, обвалилась восточная часть

его насыпи. Насыпи курганов 41 и 40а расположены на самом краю обрыва. Поскольку объекты находились под непосредственной угрозой разрушения, было принято решение произвести их зачистку. В августе сотрудниками Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов ГАГУ организован выезд и произведены аварийные работы.

Кош-Агачский район Республики Алтай относится к зоне распространения преимущественно ветровой эрозии почвы. Однако из-за сыпучего основания террас по долинам притоков Чуи также сильна водная эрозия, особенно проявляющаяся в периоды паводка. В отношении сохранности объектов археологического наследия в большей степени страшна именно водная эрозия, поскольку многие объекты располагаются на прибрежных участках. Во время работ на могильнике Курайка было обсуждено состояние сохранности археологических памятников Кош-Агачского района с представителями районной и сельской администрации и Дирекции развития территории традиционного природопользования Кош-Агачского района. В ходе обсуждения достигнута договорённость о продолжении и активизации работ по полевому изучению аварийных объектов археологического наследия района и планировании мероприятий по обеспечению их сохранности. Все стороны выразили озабоченность состоянием сохранности объектов археологического наследия региона. Отсутствие федеральных и региональных государственных программ по сохранению археологических памятников и абсолютное бездействие региональных органов охраны памятников историко-культурного наследия делают практически невозможным организацию постоянных систематических обследований. Тем не менее, нами была оформлена заявка и получен региональный грант РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай на организацию полевых работ по обследованию археологических памятников Курайской котловины, что в какой-то степени позволит решить эту проблему.

В данной статье представлены результаты исследований четырёх аварийных объектов на могильнике Курайка в 2015 году.

История изучения памятников Курайской котловины. Археологические памятники Курайской котловины впервые были обследованы и охарактеризованы в последней трети XIX в. Н. М. Ядринцевым [1883, с. 195]. В 1924 г. произведена разведка экспедицией Русского музея под руководством А. Н. Глухова [Савинов, 1982, с. 102]. Однако наиболее масштабные работы в Курайской котловине реализованы в 1935 г. отрядом Саяно-Алтайской экспедиции ГИМ под руководством С. В. Киселёва: обследована практически вся территория Курайской котловины и произведены раскопки на девяти могильниках [Киселёв 1936; 1941; 1951, с. 328, 352, 353, 513, 530–533, 536–540, 545, 551; Евтюхова, Киселев, 1941; Евтюхова, 1952]. В результате работ экспедиции ГИМ территория Курайской котловины была объявлена археологическим заказником [Евтюхова, Киселёв, 1941, с. 75].

Следующий этап интенсивных исследований археологических памятников Курайской котловины наступил во второй половине 1970-х гг., когда здесь начал работать Алтайский отряд Южносибирской экспедиции КемГУ. В 1977 г. Н. М. Зиняков обнаружил в котловине четыре памятника железодельного производства и произвёл раскопки пяти сырдутных печей в урочище Тётё и на реке Тörgүн, а в 1978 г. А. И. Мартынов обследовал могильник у с. Курай, состоящий из свыше 400 курганов [Зиняков, 1978; Мартынов, Абсалямов, 1979].

С 1978 г. изучение археологических объектов Курайской котловины начал Восточно-Алтайский отряд Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством В. Д. Кубарева [Кубарев, Кадиков, Чевалков, 1979; Кубарев, 1980, 1985]. В течение ряда лет здесь обнаружена целая серия изваяний и произведены раскопки различных объектов. В 1979 г. раскопана тюркская оградка в урочище Тörgүн, в 1982 г. найдены шесть тюркских каменных изваяний на левом берегу реки Ак-Тура (Актру), а на правом берегу в урочище Куу-Тобё зафиксировано палеолитическое местонахождение [Кубарев, 1984, с. 128–132]. В 1983 г. Восточно-Алтайский отряд и отряд экспедиции АлтГУ производили аварийные работы в зоне строительства мелиоративных систем в Курайской степи в междуречье Тётё и Ак-Тура. Были вскрыты восемь курганов эпохи «ранних кочевников», одна раннесредневековая тюркская оградка и одна стела в оградке скифского времени, а также найдены два тюркских изваяния на памятниках Чичке 1 (Актру) и Тётё 4 [Кубарев, Шульга, 2007, с. 188].

В 1980 г. в окрестностях села Курай произведена разведка экспедицией АлтГУ под руководством Ю. Ф. Кирюшина. Было выявлено несколько групп каменных курганов, общее число которых составляло около 200. Курганный могильник обнаружен также в урочище Кезек-Жалан [Кирюшин, Масленникова, Шамшин, 1981]. В 1983 г. отрядом АлтГУ произведены раскопки пяти курганов и семи ритуальных сооружений на памятниках Чичке 1 и Чичке 2 [Мамадаков, 1985; Мамадаков и др., 1999].

В последующие годы работы по изучению памятников Курайской котловины продолжены В. Д. Кубаревым и В. А. Кочеевым. Были зафиксированы неизвестные ранее тюркские изваяния [Кубарев, Кочеев, 1988].

В 1994 г. экспедиция ГАГУ под руководством В. И. Соёнова и А. В. Эбеля проводила исследования по правобережным притокам Чуи – рекам Курайка и Кызыл-Таш. На обнаруженном могильнике Курайка были вскрыты 19 курганов гунно-сарматского времени, на могильнике Кызыл-Таш – шесть курганов скифского времени и две раннетюркские оградки [Соёнов, Эбель, 1996; 1998а; 1998б].

В 2001–2007 гг. в Курайской котловине осуществлялись исследования дендрохронологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством И. Ю. Слюсаренко и Е. С. Богданова. В 2001 и 2003 гг. отрядом для получения образцов древесины были сделаны вторичные раскопки исследованных в 1994 г. курганов Курайки. Кроме того, в 2003 г. произведены археологические работы в долине реки Ак-Тура и зарегистрированы два могильника и петроглифическое местонахождение в местности Коол. Объекты фиксировались при помощи тахеометрической съёмки [Богданов, 2004]. На могильнике Коол 1 вскрыто несколько объектов. В 2005 г. дендрохронологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством Е. С. Богданова и И. Ю. Слюсаренко на могильнике Коол 2 произведены раскопки четырёх объектов [Богданов, Слюсаренко, 2007], а на могильнике Курайка совместно с экспедицией ГАГУ изучено пять аварийных объектов [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2007]. В 2007 г. дендрохронологическим отрядом осуществлены раскопки ещё двух объектов на могильнике Курайка.

В 2007–2009 гг. Н. И. Быковым, Е. П. Крупочкиным, И. А. Хрусталёвой [2010] проводились работы по фитоиндикационному датированию археологических памятников Алтая, в том числе, памятников Курайской котловины.

В 2011 г. здесь реализованы разведочные исследования Чуйского отряда ИАЭТ СО РАН под руководством Г. В. Кубарева и И. Ю. Слюсаренко [2011], проводившиеся в рамках археологического обследования трассы проектируемого магистрального газопровода «Алтай». Работы осуществлялись в северо-западной части Курайской котловины, на правом берегу реки Чуя.

В 2014 г. во время археологической практики студентов ГАГУ А. В. Эбель произвёл зачистку одного разрушенного погребения на могильнике Курайка. В 2015 г. нами были произведены аварийные раскопки четырёх погребений на могильнике Курайка [Константинов, 2016].

Описание и культурно-хронологическая принадлежность объектов. Могильник Курайка находится в северной части Курайской межгорной котловины, в 2 км к северо-востоку от села Курай (рис. 1). Могильник расположен на узкой высокой правобережной террасе реки Курайка. Терраса прилегает к склону одного из западных отрогов Курайского хребта. Высота центральной части могильника над уровнем моря составляет 1600 м (по балтийской системе высот). Береговой край террасы в северо-восточной части могильника подмывается рекой в периоды паводка и представляет собой крутой обрыв высотой не менее 10 м. В остальной части береговой террасы подмыванию края препятствуют деревья, которыми порос крутой склон берега. Могильник открыт В. И. Соёновым в 1994 г. В том же году под его руководством раскопано 19 погребений в северо-восточной части могильника и по всему краю террасы. В 2005 и 2007 гг. в северо-восточной части могильника были раскопаны ещё семь курганов И. Ю. Слюсаренко, Е. С. Богдановым и В. И. Соёновым.

Исходя из конфигурации объектов и линии обрыва, была обозначена площадь зачистки. Раскоп имел трапециевидную форму, основанием которой являлся неровный разрушенный край террасы, и сужался с юга на север. После зачистки насыпей курганов выяснилось, что к этим объектам пристроены два небольших детских погребения, получивших обозначения как

курганы 40а и 41а. Насыпи курганов 40 и 41 имели прямоугольную форму, насыпи детских погребений – подовальную. С западной стороны насыпей находились большие плоские камни, под которыми отсутствовали какие-либо структуры и находки. Могильные ямы расширялись ко дну. Такая конструктивная особенность ям, скорее всего, связана с сыпучестью песчаной основы террасы, подстилающей поверхностный слой почвы, представленный суглинком. При сооружении погребения песчаные стенки ям ниже суглинка постоянно осыпались, поэтому яма получалась шире в нижней части. Погребения совершены в деревянных колодах, перекрытых деревянными досками, уложенными поперёк или вдоль колоды. Умершие были уложены в коло-

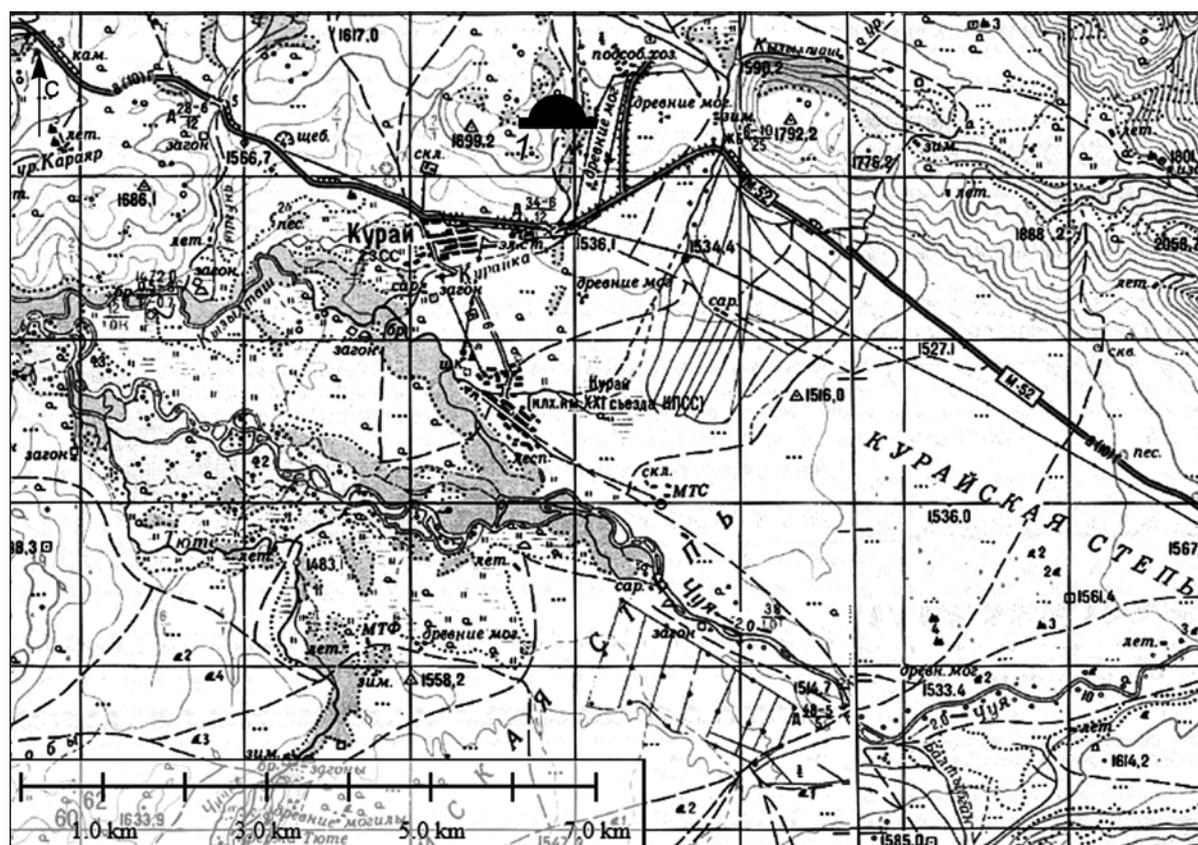

Рис. 1. Расположение могильника Курайка (1) на карте Курайской котловины.

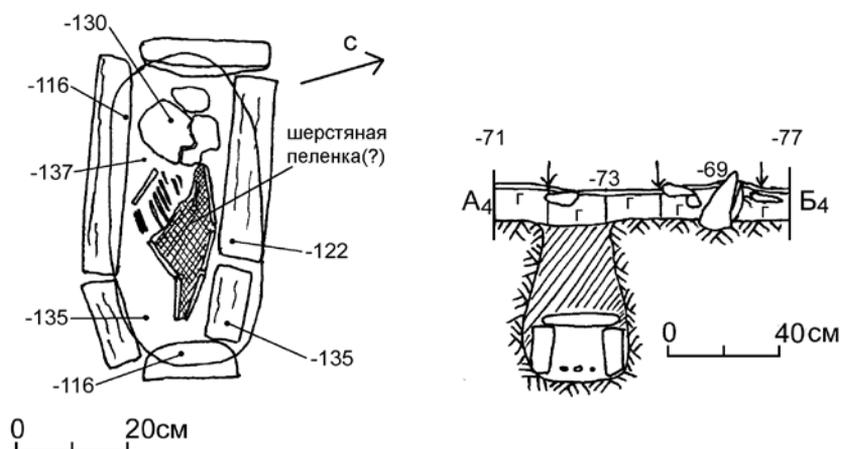

Рис. 2. Могильник Курайка. Курган 41а. План и профиль погребения ребёнка в каменном ящике.

ды вытянуто на спине головами в западный сектор. Погребение младенца в кургане 41а было совершено в каменном ящике, перекрытом каменными плитками. Зафиксирована шерстяная (?) пелёнка, в которую был завернут погребённый ребёнок (рис. 2). Нужно отметить, что из 31 погребения, исследованного на могильнике Курайка, погребение в каменном ящике зафиксировано впервые. Инвентарь в погребениях отсутствовал, за исключением деревянного блюда в кургане 41, на котором лежали небольшие фрагменты костей животных. Блюдце находилось у головы погребённого.

Исследованные в 2015 г. объекты по своим характеристикам, также как и раскопанные в предшествующие годы курганы, относятся к кок-пашскому типу булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени. Памятники, относящиеся к этому типу, локализованы в Юго-Восточном Алтае. Основными отличиями от других булан-кобинских погребений являются прямоугольные каменные или каменно-земляные надмогильные конструкции; преимущественно деревянные внутримогильные конструкции (колоды или ящики); отсутствие сопроводительных захоронений лошадей [Соёнов, 2003, с. 53].

Такие характеристики в чистом виде присущи только для памятников Курайка, Аккол 1 и Кальджи 6, расположенных в пределах Кош-Агачского района Республики Алтай. Сам могильник Кок-Паш, давший название этому типу погребений, возможно, оставлен смешанным населением – пришлыми «кок-пашцами» и местными «булан-кобинцами» [Соёнов, 1997, с. 20, 21]. Вероятно, такая же ситуация была характерна и для хронологически близких Кок-Пашу погребений Балыктуюльского могильника, совершённых под округлыми насыпями в ямах с заплечиками. Погребённые были уложены в деревянные колоды [Сорокин, 1977]. Объекты этих могильников имеют ряд общих с курайкинскими погребениями черт – отсутствие сопроводительных погребений лошадей; деревянные внутримогильные конструкции; наличие прямоугольных надмогильных сооружений. Условно «булан-кобинскими» чертами на этих могильниках можно обозначить округлые или овальные надмогильные сооружения и устройство каменных ящиков в могильных ямах.

Первоначально хронологию памятников кок-пашского типа А. С. Васютин и В. Н. Елин обозначили в рамках III–V вв. н. э. [Васютин, Елин, 1987]. Позднее А. С. Васютин пересмотрел хронологию в сторону омоложения и отнёс кок-пашский комплекс наряду с другими памятниками к V–VI вв. [Васютин, 2000, с. 206].

На основании аналогий обнаруженного инвентаря могильник Курайка при первой публикации также был отнесён к III–V вв. [Соёнов, Эбель, 1998б]. Полученные в ходе работ 2001–2007 гг. образцы древесины послужили основой для создания локальной плавающей дендрохронологической шкалы. Для привязки этой шкалы к календарным датам образцы древесины были датированы радиоуглеродным методом с применением процедуры «wiggle-matching». Благодаря этой методике хронология изученных погребений была установлена в пределах втор. пол. I – перв. пол. III вв. н. э. [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008, с. 47]. С учётом утраты внешних древесных колец при изготовлении внутримогильных конструкций и сильной деградации их поверхности на момент раскопок, могильник датирован в рамках середины III – IV в. [Соёнов, Штанакова, 2011, с. 184]. Возможно, даже эта дата в некоторой степени занижена. Скорее всего, могильник нужно датировать в пределах конца III – начала V в. Новые радиоуглеродные AMS-даты образца кости человека из кургана 41 не противоречат такой датировке.

Заключение. Полученные в ходе аварийных работ новые материалы в значительной степени расширяют сведения по археологии предтюрокского времени Алтая. Несмотря на практически полное отсутствие инвентаря в исследованных погребениях, результаты раскопок имеют несомненную актуальность. Главным образом эти материалы важны для уточнения существующей хронологии памятников гунно-сарматской эпохи и в определённой степени позволяют охарактеризовать особенности этнокультурных процессов, происходивших на территории Алтая в гунно-сарматское время.

В заключение нужно отметить, что на сегодняшний день остро стоит проблема разрушения археологических памятников Республики Алтай в результате природного воздействия. В ходе естественных эрозионных процессов могут быть безвозвратно утрачены важные материалы, необходимые для реконструкции этнокультурных процессов, проходивших на территории региона в древности и средневековье.

Список источников и литературы

- Богданов Е. С.* Отчёт об исследованиях в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2003 году (долина р. Актру). – Новосибирск, 2004. Архив АКИН.
- Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю.* Работы дендрохронологического отряда в долине реки Актру // Археологические открытия 2005 года. – М., 2007. – С. 426–427.
- Быков Н. И., Крупочкин Е. П., Хрусталева И. А.* Фитоиндикационное датирование археологических памятников Алтая // Вестник ТюмГУ. – 2010. – № 3. – С. 141–147.
- Васютин А. С.* Хронология Берели и верхние даты предкудыргинских памятников Горного Алтая // Сохранение и исследование культурного наследия Алтая. Вып. XI. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 203–206.
- Васютин А. С., Елин В. Н.* О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: КемГУ, 1987. – С. 85–90.
- Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии. № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 72–120.
- Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Отчёт о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции // Труды Государственного исторического музея. – М., 1941. – С. 75–117.
- Зиняков Н. М.* Исследование памятников чёрной металлургии в Горном Алтае // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 231–232.
- Кирюшин Ю. Ф., Масленникова Г. В., Шамшин А. Б.* Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 181–182.
- Киселёв С. В.* Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. Т. I. – 1936. – С. 282–284.
- Киселёв С. В.* Курайская степь и Старо-Бардинский район, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. – М.; Л.: Наука, 1941. – С. 298–304.
- Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: АН СССР, 1951. – 643 с.
- Константинов Н. А.* Отчёт об археологических разведках в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2015 году. – Горно-Алтайск, 2016. Архив НИЦ ИКТН ГАГУ.
- Кубарев В. Д.* Разведки и раскопки на Алтае // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 212–213.
- Кубарев В. Д.* Исследования на Алтае // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 215–216.
- Кубарев В. Д., Кадиков Б. Х., Чевалков Л. М.* Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 237–239.
- Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 282 с.
- Кубарев Г. В., Слюсаренко И. Ю.* Археологическая разведка в долине реки Чуи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 409–413.
- Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В. Д., Кочеев В. А.* Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. – С. 202–222.
- Мамадаков М. Т., Марсадалов Л. С., Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б., Демин М. А.* Исследования в урочище Чичке на юго-востоке Алтая // Древности Алтая. № 4. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – С. 111–123.
- Мамадаков Ю. Т.* Раскопки памятников Горного Алтая // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 223–224.
- Мартынов А. И., Абсалямов М. Б.* Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 248.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.

- Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соёнов В. И.* Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – С. 42–57.
- Соёнов В. И.* Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997 – 22 с.
- Соёнов В. И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003а. – 160 с.
- Соёнов В. И., Штанакова Е. А.* Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. – 2011. – С. 177–186.
- Соёнов В. И., Эбель А. В.* Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 115–118
- Соёнов В. И., Эбель А. В.* Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998а. – С. 88–97.
- Соёнов В. И., Эбель А. В.* Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998б. – С. 113–135.
- Сорокин С. С.* Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. – Л.: Аврора, 1977. – С. 57–67.
- Ядринцев Н. М.* Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. IX. – Вып. 2–3. – М., 1883. – С. 181–205.

Документирование и интерпретация памятников древнего искусства

Documenting and interpreting ancient art

УДК 902

Ю. Э. Бернацкая

Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

e-mail: Imbirnaya.vishnya@gmail.com

О СИМВОЛИКЕ ВЛАСТИ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА СТЕЛАХ МАЙЯ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются основные иконографические элементы на стелах древних майя классического периода (III–IX вв. н.э.). В ходе изучения типологии изображений делается вывод о том, что использование символов власти (самыми распространёнными из которых были «небесная полоса» и скипетр к'авиль) в рельефах на стелах не только служило для прославления отдельного царя, но и привело к формированию канона изображения правителя. Изменения в нём связываются не с эстетическими, а в первую очередь с общественно-политическими и религиозными причинами.

Ключевые слова: *майя, иконография, стела, изображение, символы власти.*

J. E. Bernatskaya

Russian State University for Humanities. Moscow, Russia

ON THE SYMBOLS OF POWER IN THE IMAGERY OF ANCIENT MAYA STELAE: A RECONSTRUCTION

This article analyses the basic iconographic elements on stelae of the ancient Maya during Classic period (III–IX CE). Through studying the typology of the images it is concluded that the use of symbols of power (the most common of which were the “ceremonial bar” and the scepter k'awil) in the reliefs on stelae not only served to glorify a particular king, but also led to the formation of certain canon of ruler image. Changes in it are not associated with aesthetic, but primarily with political and religious reasons.

Keywords: *Maya, iconography, stelae, images, symbols of power.*

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда
(проект № 15-18-300045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя
в контексте современных теорий социальной эволюции»).

Искусство во многих древних культурах являлось одним из важнейших способов проекции власти. Произведения монументального искусства в камне дают большие возможности для изучения представлений о власти, поскольку являются одними из лучше всего сохранившихся образцов искусства.

Стела как форма монументального искусства была одним из привилегированных средств для передачи идей власти в обществе древних майя, особенно в классический период (III–IX вв. н. э.). Причины и место возведения стелы и ритуалы, сопровождающие её установку, сделали её саму по себе символическим объектом [Stuart, 1996]. Появление стел у майя исследователи обычно связывают с началом династического правления, которое требовало новых форм

представления и располагало для этого необходимыми ресурсами [Беляев, 2000а; Сафронов, 2015]. Отсутствие стел обычно рассматривается как показатель ослабления власти и политического упадка, хотя не все исследователи разделяют эту точку зрения.*

Для правителя, наделённого божественной властью или получившего санкцию какого-либо божества на власть, было важно транслировать идею власти и создать её благоприятный образ в глазах подданных. Этому служили различные объекты монументального искусства, приобретающие порой особо пышные формы и гипертрофированные размеры.

Можно выделить 4 типа стел у майя: 1) гладкие стелы без какого-либо рельефного изображения; 2) стелы, где вырезан только иероглифический текст; 3) стелы с только резным изображением; 4) стелы с изображением и текстом. В данной статье рассматриваются только последние два типа.

Воздействие монументального изображения правителя майя классического периода (III–IX вв. н. э.) имеет три уровня, связанных, во-первых, с соотношением размеров объектов с человеческим ростом; во-вторых, с наличием в изображении правителя и сцены в целом определённых канонизированных элементов – позы, одеяния, окружающих предметов и пр. Третий уровень воздействия – это надпись, текст, сообщающий о славных подвигах правителя.

Обычно на стеле майя представлено резное изображение правителя и текст. Одной из задач иероглифических надписей было запечатлеть историю как серию ритуальных действий, совершаемых правителем и обеспечивающих процветающее настоящее и существование будущего [Беляев, 2000б]. Перед резчиками стояла задача прославления царей и элиты, увековечивания их деяний; необходимо было не только зафиксировать исторические события, но и показать их как результат одобренных богами действий правителя. Даже если тексты не содержат такую информацию, имплицитно они всё равно исходят из представления о правителе, как организующем начале, воспринимая его как персонажа, устанавливающего связь с божественным миром посредством ритуала [Беляев, Пакин, 2009]. На изображениях появляется царь со всеми символами власти, в парадных, богато украшенных одеждах. По контексту можно видеть, что все объекты в подобных сценах несут символическое значение, которым обладают эти элементы. Так, появление в сцене рядом с правителем поверженного пленника говорит об идее царя-воина, а одушевлённая гора отсылает к предкам и идеям преемственности власти [Ершова, 2003]. Правитель, одетый в юбку с узором в виде ромбов, отделанную жадовыми бусинами, воплощает собой бога маиса, который именно так изображается [Le Fort, 2001]. Подобных элементов-символов в искусстве майя очень много. Изменение в каноне изображения правителя свидетельствует об изменении идеи, которую хочет передать царь.

Некоторые представленные предметы могут быть сгруппированы в зависимости от символического значения, которое они несут, передавая идею о власти царя. Например, царь-жрец (с предметами для отправления культа), царь-воин (с оружием и пленниками), царь-правитель (с инсигниями власти). Исследование групп значимых элементов помогает лучше понять природу власти у майя с точки зрения социального и космологического порядка.

Использование определённых символов привело к формированию канона изображения правителя, который приобретал особый смысл в рамках сложившейся ритуальной традиции [Bogowicz, 2003]. Сообщение, зашифрованное с помощью универсального символического кода, становилось ясным и недвусмысленным для адресата. Изменения в устоявшемся каноне могли повлечь за собой потерю ясности в понимании привычных значений, однако такие изменения неизбежно происходили практически во всех древних городах майя: когда иконографический канон уже не отвечает социально-политическим требованиям, когда символы, которые характеризуют ритуальное действие, теряют свою эффективность и когда появляется необходи-

* Так, археологи А. и Д. Чейз, руководящие археологическим проектом в Караколе (Белиз), в ряде статей высказали иную точку зрения, основываясь на археологических данных. По их мнению, отсутствие стел в Караколе в VIII в. связано не с политическим упадком, а с формированием так называемой каракольской идентичности и повышением уровня благосостояния всех слоёв общества [Chase 1992, Chase, Chase 2001, 2004, 2008].

мость дополнить образ власти или изменить его, тогда происходит изменение канона изображений на монументах. Так, в Копане (Гондурас) в архитектурном убранстве храмовых комплексов постепенно появляются теотиуаканские черты [Фахри, 2016]. Хотя основатель династии, живший в начале V в., происходил из майя, его потомки наделяют его теотиуаканскими чертами, всеми способами подчёркивая иноземное происхождение своей династии. На более поздних зданиях, надстроенных над гробницей основателя, присутствует талуд-табlero и другие центрально-мексиканские элементы, хотя к VII в. н. э. Теотиуакан давно не представлял реальной власти.

Аналогичные изменения происходили и в изображениях на стелах, что можно проследить на примере монументов из Караколя (Белиз). Монументы V – первой половины VI вв. характеризуются стремлением правителя подчеркнуть преемственность своей власти и связь с предками, их изображения находятся внутри священной горы и занимают большую часть сцены (стела 20). Начиная с конца VI в., иконографический канон меняется. Рядом с правителем появляется карлик со скипетром-к'авилем в руках – одним из символов власти – и связанный пленник. Предки изображаются в верхнем регистре стел, будто наблюдающими за правителем, чья фигура теперь доминирует в сцене. Такие изменения могли быть следствием переориентации внешней политики Караколя во второй половине VI в. и успешных военных кампаний. В начале IX в. изобразительный канон вновь подвергается переосмыслению. В первую очередь, исчезают изображения предков, что также сопровождается отсутствием указаний на родственные связи в текстах. Возникает новый мотив парных сцен. Сначала пары персонажей появляются на алтарях – это изображения пленников, затем их заменяет изображение двух правителей-союзников, один из которых каракольский. Удачные военные походы в начале IX в. и новые дипломатические союзы способствовали позднему расцвету Караколя, что нашло отражение в искусстве.

Таким образом, говоря о стелах, на которых представлены сцены, отражающие социально-политические и космологические представления майя, можно сделать вывод, что любые изменения в каноне изображений являются следствием и концептуальных изменений в представлениях.

Причинами изменения иконографической программы были не эстетические, а в первую очередь общественно-политические и религиозные требования. Наряду с иероглифическими текстами, изображения на стелах предоставляют информацию о динамике социально-политических изменений.

В раннеклассический период (250–550 гг.) стела стала главным элементом репрезентации царской власти, основной функцией монумента было прославлять и публично анонсировать важность лидеров в обществе [Stuart, 2010]. Божественная власть царей майя подчёркивалась посредством образов и символов [Гуляев, 1972]. Одним из неизменных атрибутов власти правителя майя была небесная полоса.

Небесная, или церемониальная, полоса – это предмет вытянутой формы, который держит в руках правитель, изображённый на монументах. Обычно это симметричная полоса, декорированная перекрещивающимися лентами, скрученными или завязанными узлами, из которых получается сегментированный узор, с двух сторон заканчивающаяся своеобразными «заглушками», которые украшены большими змеиными головами с широко раскрытыми челюстями. Они вытянуты, верхняя часто украшена огненными символами, завитками дыма и подобными элементами. В пасти змей часто изображены лица предков или богов, обычно без тел. Сами же змеиные головы представлены в различных вариациях, однако никогда не изображаются натуралистически – это устоявшийся стилизованный образ змеи в иконографии майя с присущим ему завитком у рта и завитком в глазу [Clancy, 1994]. Правитель может держать небесную полосу горизонтально или под углом, от этого её длина варьируется. Каждое изображение небесной полосы уникально, при этом сохраняется её общая логика и форма, предмет остаётся легко узнаваемым.

Небесная полоса появляется на монументах с начала раннего классического периода (стела 29 из Тикаля, 292 г. н. э.) и продолжает оставаться важным иконографическим элементом на протяжении всего классического периода вплоть до середины IX в., когда она представлена послед-

ний раз на стелах 9 и 10 из Сейбаля в 849 г. Ритуал «взятия небесной полосы»* обозначает восхождение на трон, а она сама является одним из символов политической власти правителя [Давлетшин, 2006].

Наряду с церемониальной полосой, важным атрибутом царской власти является скипетр – небольшой жезл, который в изображениях на монументах часто держит в руках правитель [Гуляев, 1993]. Верхняя его часть выполнена в виде фигуры бога К’авиля, а рукоять сделана в виде змеиного тела со змеиной головой [Velazquez García, 2005]. Изображения этих скипетров появляются на монументах в начале позднеклассического периода, на рубеже VI–VII вв. и в некоторых городах полностью вытесняют небесные полосы. Эти два объекта были в некотором роде тождественны: скипетр К’авиль – также один из символов политической власти, ритуал взятия К’авиля в текстах является метафорой восхождения на трон.

Стела – это публичная демонстрация важности правителя и его действий, которые, как таковые, придают смысл существованию Вселенной. Установление стелы являлось универсальным, и в тоже время достаточно персонализированным и наделённым большим информативным потенциалом, способом подчеркнуть собственную важность. Как и фасад зданий, стела неразрывно связана с архитектурным пространством, объединяя правителя с монументальными комплексами и церемониальными площадями. Кроме того, стела обладает некоторой мобильностью и может быть перемещена на другое место, что придает ей особое значение как средству передачи информации, благодаря записанным на ней текстам. Ритуальное погребение, разрушение и порча изображений и текстов на монументах (как например, стела 31 из Тикаля, которая была перезахоронена в древности) указывает на то, что эти объекты были олицетворением власти, которая пережила отпущенный срок правителя, их установившего. Это были изображения власти, которые ясно демонстрируют власть изображений.

Возведение стел являлось не только и не столько прославлением царской родословной. Тексты и изображения на монументах не могут быть проанализированы без общего контекста идей майя о политической власти и её роли в жизни общества. Символическое представление о власти также органично интегрировано в восприятие места (церемониальная платформа, алтарь для ритуала), предмета (царская повязка, инсигнии, паланкин [Давлетшин, Беляев, 2005]) или другой идеи, например, связанной с мифологическим предком, легитимирующей существующую династию. Образы власти не только и не столько отражают идею власти конкретного правителя, сколько идею управления вообще, становясь универсальным средством трансляции своей власти для правящей элиты. Представители общества древних майя легко узнавали эти образы и безошибочно понимали передаваемую идею.

Список литературы

Беляев Д. Д. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные // Альтернативные пути к цивилизации (под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши). – М.: Логос, 2000. С. 186–196.

Беляев Д. Д. Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н. э.). Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. – М., 2000.

Беляев Д. Д. Царские генеалогии в древней Мезоамерике // Древнейшие государства Восточной Европы. Мат-лы и исслед. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. – М.: Вост. литература, 2004. – С. 38–51.

Беляев Д. Д. Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н. э. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2012. – № 3. – С. 8–22.

Беляев Д. Д., Пакин А. В. Правитель и его подданные в государствах древних майя // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. – М.: Институт Африки РАН, 2009. – С. 123–151.

Беляев Д. Д., Токовинин А. А. Сакральная власть майяских царей (III–IX вв. н.э.) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. – М., 2005. – Ч. 1. – С. 146–160.

* Выражение *’u-ch’am’wk’awil* (букв. «он взял к’авиль») в иероглифических текстах майя являлось одной из метафор для описания воцарения [Беляев, Токовинин, 2005].

- Гуляев В. И. Атрибуты царской власти у древних майя // Советская археология. 1972. № 3. – С. 116–134.
- Гуляев В. И. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя // Вестник древней истории. 1993. № 4. – С. 45–60.
- Давлетшин А. И. Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. – М., 2006. – С. 148–172.
- Давлетшин А. И., Беляев Д. Д. Паланкины в иконографии и иероглифических текстах древних майя // «Ломоносов-2005». Труды научной конференции молодых учёных и аспирантов. – М., 2005. – С. 132–136.
- Дэвлет Е. Г. Центральноамериканские элитные художественные изделия из камня // Развитие цивилизации в Новом Свете. – М., 2000. – С. 99–114.
- Дэвлет Е. Г. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. – М., 2000. – 248 с.
- Ершова Г. Г. Погребальный обряд как отражение модели мира (на материалах Мезоамерики) // Древние цивилизации Старого и Нового Света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций. – М., 2003. – С. 96–106.
- Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. – М.; Л., 1963.
- Сафронов А. В. Формирование раннего государства майя в Вашактуне // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 239. – М., 2015. – С. 112–131.
- Фахри А. И. Об особенностях изображений трона правителя в монументальной скульптуре майя второй половины I тыс. н. э. из Пьедрас-Неграс, Гватемала // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 239. – М., 2015. – С. 140–148.
- Фахри А. И. Особенности иконографии К'инич-Йаш-К'ук'-Мо' и создание образа великого основателя династии Копана // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» (Отв. ред: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов). [Электронный ресурс]. – М., 2016.
- Borowicz J. Images of power and the power of images: Early Classic Iconographic Programs of the carved monuments of Tikal in The Maya and Teotihuacan. Reinterpreting Early Classic Interaction. Ed. Geoffrey E. Braswell. – Austin: University of Texas Press, 2003. – P. 217–234.
- Chase, Arlen F. Elites and the Changing Organization of Classic Maya Society // Mesoamerican Elites: An Archaeological Assessment (ed. by Diane Z. Chase and Arlen F. Chase). – University of Oklahoma Press, Norman, 1992. – P. 30–49.
- Chase A., Chase D. The Royal Court of Caracol, Belize: Its Palaces and People // Royal Courts of the Ancient Maya (ed. by Takeshi Inomata and Stephen D. Houston). – 2001. – P. 102–137.
- Chase D. Z., Chase A. F. Archaeological Perspectives on Classic Maya Social Organization from Caracol, Belize. Ancient Mesoamerica 15, 2004. – P. 111–119.
- Chase D. Z., Chase A. F. Que no nos cuentan los jeroglíficos?: arqueología e historia en Caracol, Belice. Mayab, Num. 20 (2008). – P. 93–108.
- Clancy Flora S. The Classic maya ceremonial bar // Anales del Instituto de Investigaciones estéticas, UNAM, México, Num. 65, 1994.
- Coggins C. The Manikin Scepter: Emblem of Lineage // Estudios de Cultura Maya. Vol. XVII. – México, 1983. – P. 123–158.
- Houston S. D., Stuart D. Of gods, glyphs and kings: Divinity and rulership among the classic maya // Antiquity. 70. 1996. – P. 289–312.
- Le Fort G. Costume et royautésacréeschez les Mayas de la périodeclassique: le costume «en treillis» // Peter Eeckhout et Jacques Malengreau (eds.) ItinérairesbelgesauxAmériques. Actes du premier colloque de la Société des Américanistes de Belgique (Bruxelles, mars 2000), Civilisations L. 2001. (1-2) – P. 115–127.
- Martin S., Grube N. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. – London, 2008.
- Stuart D. Kings of stone: a consideration of stelae in ancient maya ritual and representation. En Res 29/30, Anthropology and aesthetics. – 1996. – P. 148–171.
- Stuart D. Shining Stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya Stelae // J. Guernsey, J. Clark, and B. Arroyo (Eds.) The Place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition (Pre-Columbian Symposia and Colloquia). – Washington D.C.: Dumbarton Oaks, 2008. – P. 283–298.
- Velazquez García E. El pie de serpiente de K'awiil // Arqueología Mexicana, Vol. XII, № 71, 2005. – P. 36–39.

Е. Г. Дэвлет

*Институт археологии Российской академии наук
Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования
первобытного искусства Евразии»
(Новосибирский государственный университет - университет Бордо)*

*Москва, Россия
e-mail: eketek@yandex.ru*

А. С. Пахунов

*Институт археологии Российской академии наук
Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования
первобытного искусства Евразии»
(Новосибирский государственный университет - университет Бордо)*

*Москва, Россия
e-mail: science@pakhunov.com*

М. А. Дэвлет

*Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: ia-ran@yandex.ru*

О ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПЛИТ КАРАКОЛА: ИЗОБРАЖЕНИЯ БЫКОГОЛОВЫХ И ИХ ДЕТАЛИ

Росписи и петроглифы на каменных ящиках Каракола, выдающегося памятника бронзового века Алтая, представлены несколькими эпизодами рисования. Для вторичного использования были преднамеренно выбраны и обработаны фрагменты камня с более древними изображениями. На основе нового документирования, проведённого в музее народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, рассмотрены особенности техники исполнения так называемых быкоголовых антропоморфных персонажей с петлеобразными головными уборами. Детальная съёмка в косом свете позволила выявить новые детали изображений.

Ключевые слова: петроглифы, росписи, Каракол, эпоха бронзы Алтая, техническая фотосъёмка, фотосъёмка в косых лучах.

E. G. Devlet

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
LIA ARTEMIR Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia
Moscow, Russia*

A. S. Pakhunov

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
LIA ARTEMIR Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia
Moscow, Russia*

M. A. Devlet

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

REGARDING THE DOCUMENTATION OF THE KARAKOL BURIAL SLABS: BULLHEAD FIGURES AND THEIR DETAILS

The article focuses on the characteristics of painted images, and pecking on the panels used for the construction of the stone burials of Karakol, Altai. Among them are the anthropomorphs with a headdress of peculiar form with characteristic loop-like shape. These headdresses shape can be compared to the Altai petroglyphs of bulls with horns of the similar loop-like form coincidentally that's why they are named "bullhead figures". The research presents an analysis of the technological features of rock art and specific texture of rock surface released by raking light on Karakol burial stones.

Keywords: petroglyphs, paintings, Karakol, Altai Bronze Age, technical photography, raking light imaging.

Исследование выполнено при поддержке проекта РГНФ 16-01-00418

На плитах, использованных для сооружения каменных ящиков погребений Каракола, представлены широко шагающие или бегущие персонажи в своеобразных головных уборах, сопоставимых с алтайскими наскальными изображениями быков с характерной петлеобразной

формой рогов, что и дало название этим фигурам [Кубарев, 1988; 2013]. Другие иконографические особенности не имеют отношения к миру копытных – это динамичные антропоморфные персонажи со специфично развёрнутым корпусом, с трактованными в профиль раскинутыми ногами и обозначенными ступнями. В единственной руке или около неё у завершённых фигур показан округлый атрибут [Дэвлет, Дэвлет, 2005].

Выразительные изображения на каракольских плитах выполнены сочетанием технических приёмов с переиспользованием «скальных полотен» – росписи часто перекрывают ранее нанесённые петроглифы, которые также бывают показаны в палимпсесте. В то же время гравировка используется вместе с чёрной и красной красками, в частности для компенсации отсутствия белого пигмента, заменённого просто процарапыванием.

Комплексная техника, применённая при создании изображений на плитах в каракольских погребениях, в качестве которых использованы в частности и фрагменты ранее декорированных камней, обусловила необходимость поиска новых методов документирования для выдающихся материалов изобразительной деятельности населения Алтая эпохи бронзы [Молодин, 2006]. Исследовательская фотосъёмка материалов из Каракола (плиты 1, 2 и 3 из погребения 2, курган 2; плита 1 из погребения 3, курган 2; плита 1 из погребения 5) и Озёрного (плита из кургана 1, погребение 4, а также стела с быками) выполнена в Музее народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН [Молодин, Погожева, 1990; Молодин, 2006; Кубарев, 1988; 2013; Дэвлет, 2015] (рис. 1–4). Применение усиления цветового контраста фотографий в видимом свете эффективно для выявления деталей, слабо различающихся по оттенку при традиционной фотосъёмке; ввиду различия цвета на поверхности камня и в следах пикетажа контрастнее становятся и следы выбивки. Методы фотограмметрии и многоугловой теневой фотосъёмки дают возможность фиксировать и цвет, и рельеф поверхности одновременно, что на материалах Каракола позволило уточнить детали изображений, порядок их выполнения, объективизировать последовательность палимпсестов. Также методом многоугловой теневой фотосъёмки эффективно выявлены детали изображений на стеле с зооморфными фигурами из Озёрного [Молодин, Погожева, 1990], документированы различные приёмы удаления материала, в особенности многообразные при проработке контура головы, рогов, глаза, других деталей.

Озёрное. Помимо изображённой красным антропоморфной фигуры, других эпизодов рисования на плите из кургана 1, погребение 4 не выявлено; следы выбивки или гравировки на поверхности после усиления отражательной способности материала методом многоугловой теневой фотосъёмки не обнаруживаются.

Каракол. Фигуры быкоголовых антропоморфных персонажей В. Д. Кубарев [1988] относил ко второму основному периоду формирования изобразительного ряда каракольских плит. Три фигуры быкоголовых (одна из них в эскизе) известны на плите 1 из погребения 3, курган 2 (рис. 2), а также несколько аналогичных персонажей представлены на плитах и в других погребениях [Кубарев, 2013, рис. 35, 37–40, 42, 43, 46, 47, 54, 55, 75, 77]. Одна фигура выявлена в процессе документирования (рис. 3: 4). Все быкоголовые несколько отличаются деталями (рис. 4): в одном варианте петлеобразный головной убор удваивается, в другом случае элементы петлеобразности соседствуют с «солнцеголовой» версией (рис. 4: 7). Рассмотрим отдельные варианты трактовки быкоголовых антропоморфных персонажей, а также некоторые из сопутствующих им фигур и следов изобразительной деятельности, отмеченных на плитах Каракола.

Плита 1 (погребение 3, курган 2) имеет выраженный рельеф и дугообразный участок естественной прокраски (большое количество железа – 30–40 масс. % – является признаком железосодержащего минерала (гётита), лежащего на поверхности плотным слоем) [Пахунов и др., в печати]. Расположение фигур с этими особенностями не связано, пикетажем нанесены две завершённые и один парциальный эскиз фигур быкоголовых, очковидный знак и два отрезка. Плита каменного ящика была развернута так, что фигуры располагались горизонтально, верхний в погребении край плиты отмечен красной полосой (рис. 2).

Две завершённые фигуры быкоголовых (рис. 1: 2-1, 2-2) выполнены сплошным плотным пикетажем, удары перекрывают друг друга, внешний конур фигур не имеет дополнительного углублённого желобка, его край варьирует – местами он неровный, фестончатый, но на отдель-

ных участках может быть весьма чётким и ровным. В фигурах сочетается контурная и силуэтная манеры – голова левой верхней фигуры нанесена контуром, в то время как у расположенной правее и ниже – силуэтом. На фигурах не выявлено дополнительного прочерчивания, разметки эскиза гравировкой или использования других технических приёмов. Ниже имеется незавершённое изображение, которое по пропорциям и характерному абрису может быть эскизом фигуры быкоголового – сохранилась только её верхняя часть. Нижняя часть плиты, к которой примыкает часть неполной эскизной фигуры быкоголового, была сколота.

Вблизи обеих завершённых фигур, местами заходя на них, а также на свободных участках поверхности плиты имеются следы ударов – 6 (номера соответствуют проставленным на **рис. 2**), отличающиеся от выбивки на фигурах быкоголовых. Местами эти выбоины следуют внешнему контуру головного убора фигуры 2 (**рис. 4: 2**). Отдельные сколы красочного слоя, отличающиеся по глубине от выбивки 6, обнаружены на красочной линии 8 и появились уже после вскрытия погребения. Сплошным плотным пикетажем выполнено очковидное изображение 5 и два параллельных выбитых отрезка – 4, край которых менее ровный, чем на очковидном знаке.

Нарисованная красной краской линия 8 имеет 10–20 мм в ширину, оттенок краски существенно светлее той, которой нанесена дугообразная полоса, и состоит из красной охры, что было установлено с использованием рентгеновского микроанализа. Это фрагмент опоясывающей каракольские погребения красной каймы, которая выполнялась после оформления всего сооружения и являлась своего рода «финальным штрихом».

Быкоголовые персонажи на фрагменте плиты преднамеренно развернуты горизонтально, но они не были перекрыты другими образами и сюжетами. Можно предполагать важность использования каракольцами плит с уже имеющимися изображениями быкоголовых, преднамеренный акцент на размещении фигур быкоголовых именно в поверженной позиции. Этому предположению не противоречит тот факт, что на плите 2, погребения 2, кургана 2 быкоголовый расположен на оборотной стороне плиты, где он также мог быть доступен для обзора, но акцентировался его подчинённый статус (**рис. 3: 6-1, 6-2**).

Плита 1 (погребение 2, курган 2). Ещё одно изображение быкоголового выявлено в горизонтальном положении, однако от рассмотренных выше оно отличается техникой, а также тем, что перекрыто другой антропоморфной фигурой, нанесённой краской (**рис. 3: 1-2**).

Под фризом росписей в горизонтальной позиции представлена фигура быкоголового, выполненная сочетанием выбивки и гравировки – поверхностной на эскизе и глубокой на головном уборе. Около передней ноги обнаружена подготовительная разметка, нанесённая гравировкой – по-видимому автор отказался от своего замысла и изменил пропорции. Возможно, что фигура так и не была завершена – отсутствует рука, детализация слабая. Наличие эскиза позволяет предположить, что и прочие сходные фигуры выполнялись по предварительной разметке – эскизу, что подтверждается многообразием гравированных набросков в петроглифах Алтая [Миклашевич, 2012]. Следует отметить разницу в соотношении частей этой фигуры с деталями быкоголовых из кургана 2, погребение 3, плита 1 – ноги расположены иначе, рука и шар отсутствуют, головной убор проработан двумя глубокими параллельными гравированными линиями, но пространство между ними не выбрано, наклон головы несколько иной.

Эту фигуру перекрывают единообразные следы ударов, нанесённых, по-видимому, металлическим инструментом. Следы этого пикетажа могли бы быть трактованы как разметка следующего изображения, если бы аналогичные удары не уходили на скол камня, при том, что вокруг имеется подходящая ровная поверхность. Перекрывает фигуру быкоголового и следы нерегулярного пикетажа изображение, выполненное красным пигментом, который прокрасил как точки нерегулярной выбивки, так и участок тела быкоголового.

Плита 3 (погребение 2, курган 2). В сложном палимпсесте представлен эскиз петлеобразных рогов (**рис. 3: 2-1; 2-2**) [Кубарев, 2013, рис. 40, 42, 43]. Первым был выполнен меньший по размеру контур, а следом второй, больший по размеру (**рис. 4: 5**). Трудно судить, относились ли они к антропоморфным быкоголовым или к изображениям быков – второе вполне возможно, поскольку ниже расположена фигура быка с петлеобразными рогами.

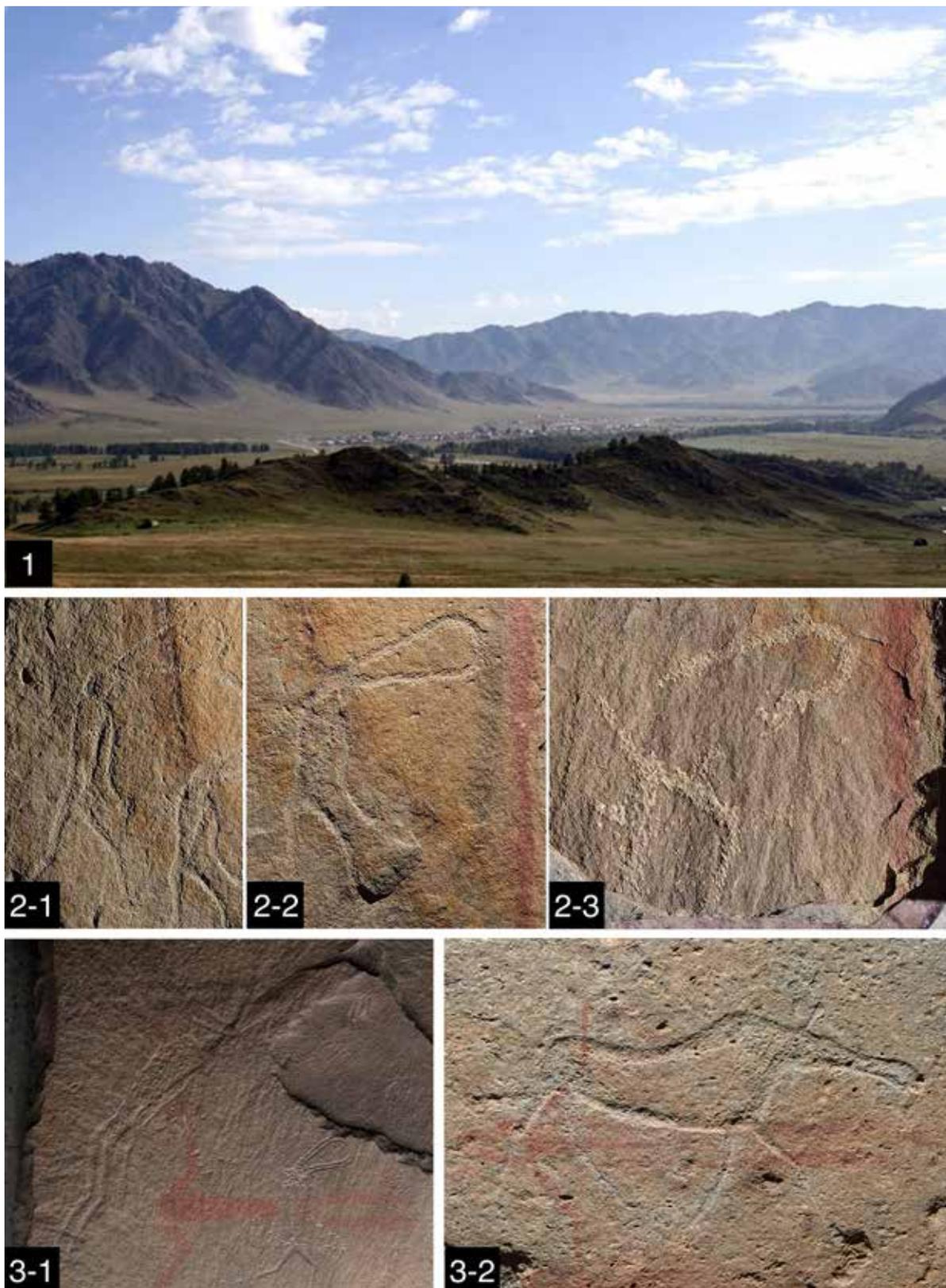

Рис. 1. Изображения на плитах подкурганных погребений в с. Каракол

1. Вид на село Каракол (фото Е. Миклашевич). 2-1. Курган 2, погребение 3, плита 1. 2-2, 3. Погребение 5, плита 1. Изображения отдельных фигур. 3-1. Курган 2, погребение 2, плита 1. Выбитое изображение, частично перекрытое рисунками, выполненными краской. 3-2. Погребение 5, плита 1. Выбитое изображение лося, перекрытое красочным рисунком. Плита перевернута на 90° против часовой стрелки.

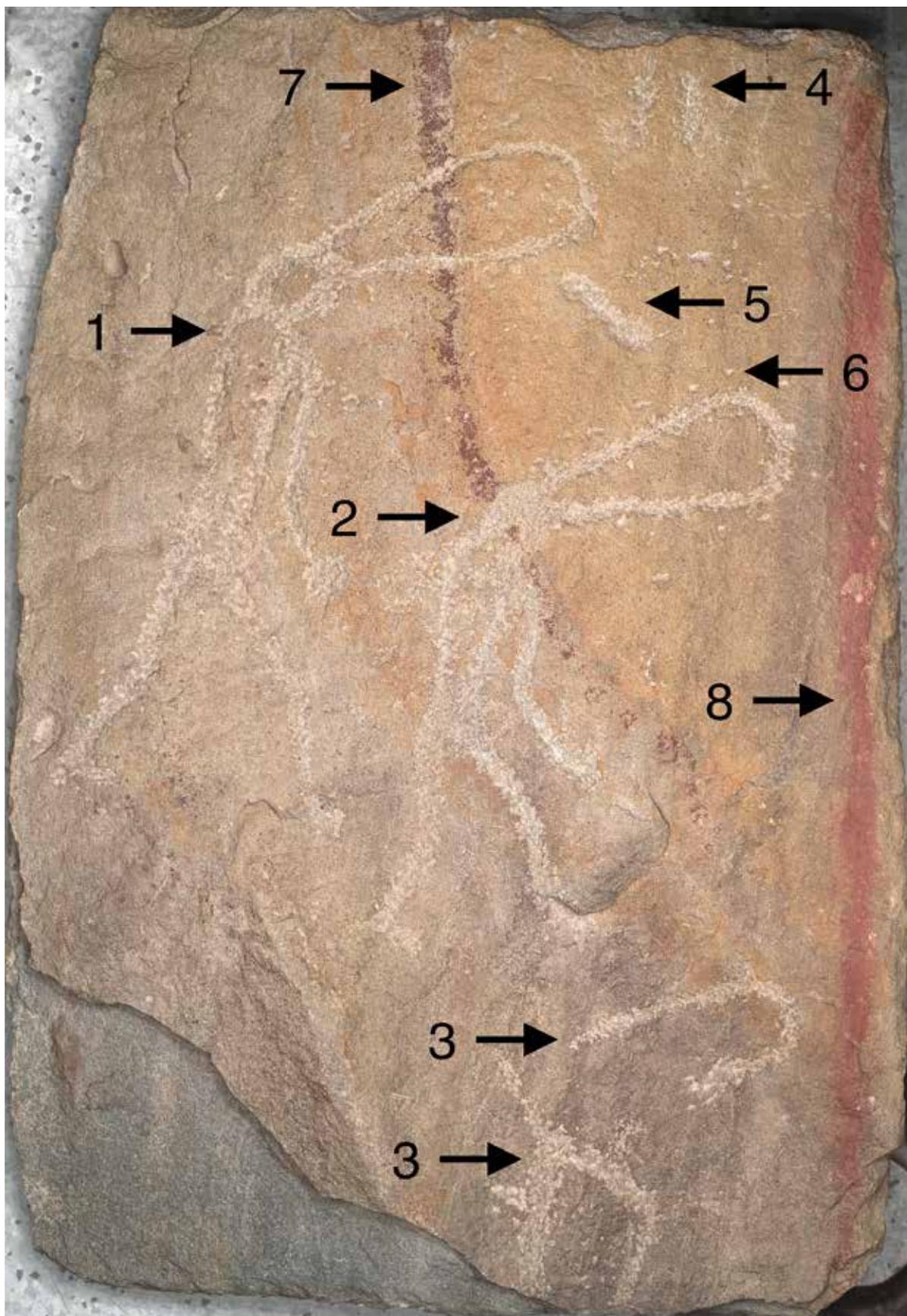

Рис. 2. Каракол, курган 2, погребение 3. Общий вид плиты 1 с указанием номеров фигур и линий.

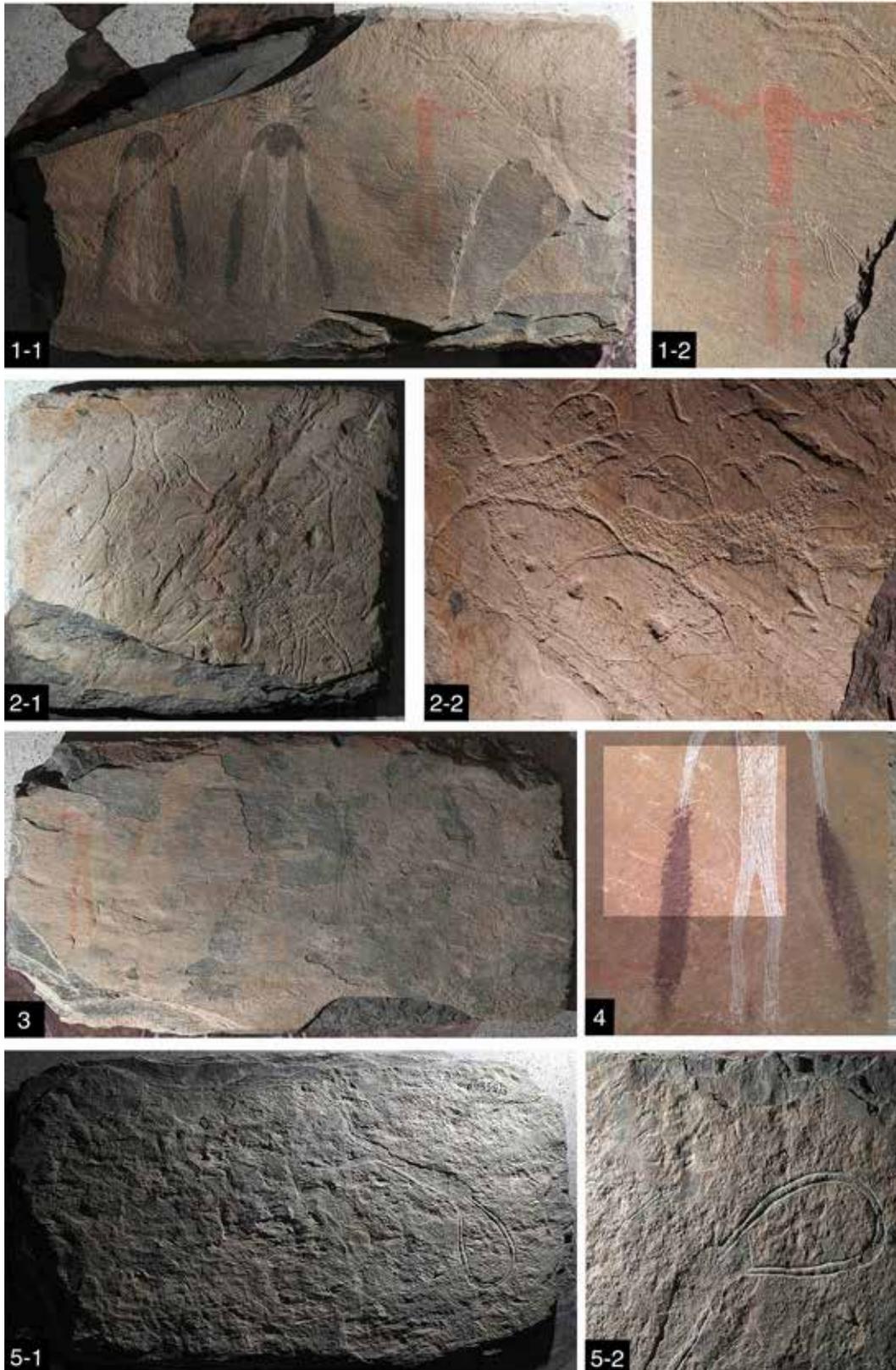

Рис. 3. Фотографии декорированных плит Каракол и их фрагментов.

1-1. Курган 2, погребение 2, плита 1. Общий вид. 1-2. Фрагмент рис. 1-1. 2-1. Курган 2, погребение 2, плита 3. Общий вид. 2-2. Фрагмент рис. 2-1. 3. Курган 2, погребение 2, плита 2. Общий вид лицевой стороны. 4. Курган 2, погребение 2, плита 1. Фрагмент с выявленной фигурой. 5-1. Курган 2, погребение 2, плита 2. Общий вид оборотной стороны. 5-2. Фрагмент рис. 5-1.

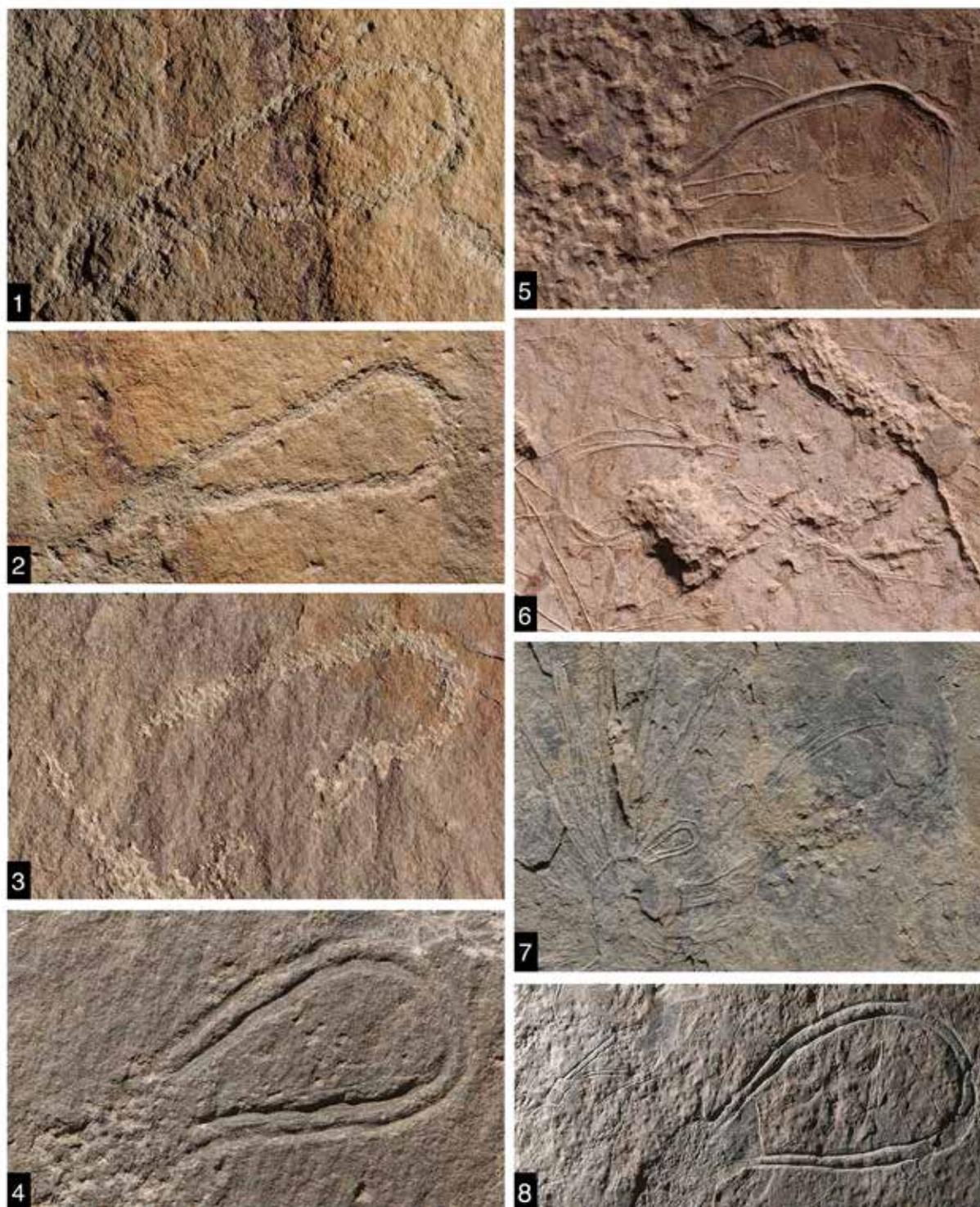

Рис. 4. Изображения петли на быкоголовых фигурах Каракола.

1, 2, 3. Курган 2, погребение 3, плита 1. 4. Курган 2, погребение 2, плита 1. 5, 6. Курган 2, погребение 2, плита 3. Общий вид. 7, 8. Курган 2, погребение 2, плита 2.

Исключительность материала плит из Каракола и других примеров изобразительной деятельности носителей каракольской культуры [Молодин, 2006] ещё не раз будет обращать на себя внимание исследователей и стимулировать к поиску новых методов, позволяющих раскрыть свойства и специфику удивительной иконографии и особенность ритуальной изобразительной деятельности создателей каракольских петроглифов и росписей. В настоящее время выявлены линии гравированных эскизов при выполнении фигур быкоголовых, признаки ранее утраченной раскраски на этих фигурах не обнаруживаются.

На плитах каракольские быкоголовые размещены горизонтально, некоторые фигуры были частично сколоты при оформлении погребения, есть пример размещения на внешней стороне, которая в большинстве случаев не декорировалась изображениями, сопровождавшими создание погребальной конструкции. Подобное расположение после переиспользования, по-видимому, предполагало возможность увидеть быкоголовых, но не подразумевала комфортного разглядывания потенциальными зрителями в тот момент, когда декоративное оформление погребения было завершено. Скорее эта низвергнутая позиция подразумевала и символизировала превосходство того социума, который в погребениях своих сородичей изображал других героев – костюмированных персонажей с раскрашенными масками, обрамлёнными лучами или завершающимися двумя «ушами-перьями» и пр. Этому не противоречит и факт наличия изображения быкоголового на внешней (оборотной – с точки зрения оформления погребального каменного ящика) стороне.

Для документирования каракольских плит оказались востребованными многоугольная теневая фотосъёмка, съёмка в видимом свете и в отраженных инфракрасных лучах. В совокупности с методами усиления цветового контраста при компьютерной обработке изображений, эти способы документирования позволили выявить детали петроглифов, уточнить случаи перекрытия фигур и особенности использования разных техник, в том числе разделить этапы изобразительной деятельности.

Авторы выражают благодарность акад. В. И. Молодину, к. и. н. И. В. Сальниковой, к. и. н. Г. В. Кубареву за предоставленную возможность работать с материалом из Каракола и Озёрного и дружескую помощь.

Список литературы

- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Москва: Алетейа, 2005. – 472 с.
- Дэвлет Е. Г.* Новая реальность наскального искусства // Наука из первых рук. – 2015. – № 5/6 (65/66). Декабрь. – С. 108–125
- Кубарев В. Д.* Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука. 1988. – 172 с.
- Кубарев В. Д.* Загадочные росписи Каракола. – Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2013. – 75 с.
- Миклашевич Е. А.* Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. (Труды САИПИ. Вып. IX). – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.
- Молодин В. И.* Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб, 2006. – С. 273 – 282.
- Молодин В. И., Погожева А. П.* Плита из Озерного (Горный Алтай) // Российская археология. – 1990. № 1. – С. 167–177.
- Пахунов А. С., Дэвлет Е. Г., Молодин В. И., Картеев И. А., Дороватовский П. В., Калоян А. А., Подурец К. М., Благоев А. Е., Яцишина Е. Б.* Сравнительный анализ красных красок на плитах погребений каракольской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

Е. Г. Дэвлет

*Институт археологии Российской академии наук
Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования
первобытного искусства Евразии»
(Новосибирский государственный университет - университет Бордо)*

*Москва, Россия
e-mail: eketek@yandex.ru*

А. И. Фахри

*Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: fakhri.amina@gmail.com*

БЫЛИ ЛИ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ОДЕТЫМИ?

В статье рассмотрен вопрос о возможности использования одежды и раскраски в каменных изваяниях Старого и Нового Света. Помимо материалов статуйных памятников Евразии, привлечены данные о культуре стелы у майя, в том числе эпиграфические материалы, относящиеся к описанию стел и традиции возведения каменных скульптур. Сделан акцент на использовании текстильных материалов для ритуального одевания и обвязывания каменных монументов.

Ключевые слова: каменные стелы, скульптура, Евразия, майя, доколумбовая Америка.

E. G. Devlet

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
LIA ARTEMIR Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia
Moscow, Russia*

A. I. Fakhri

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

COULD STONE MONUMENTS HAVE BEEN DRESSED?

The article deals with the possibility of using clothes and color in decorating the stone sculptures in Eurasia and the Americas. In addition to the materials from Eurasia examples from the Maya area are discussed. We summarize the epigraphic material relating to the description of Maya stela cult and their construction placing emphasis on the use of textile materials for the ritual of dressing and binding of the stone monuments.

Keywords: stone stela, sculpture, Eurasia, Maya, Precolombian America.

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 15-31-01015a1

При исследовании статуарных памятников Евразии многие аспекты реконструкции их внешнего вида, первоначального назначения, особенностей использования и переиспользования остаются безусловными в силу специфичности источника.

Согласно обширным евразийским этнографическим материалам, камни и скалы могли почитаться как воплощения реальных предков, символические заместители мифических родоначальников или покровители родовых объединений, как вместилища божеств и различных духов, в том числе духов предков и душ живых людей [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 45]. Совокупность этих данных используется при интерпретации археологических материалов – наскальных изображений, стел, изваяний, стоящих отдельно и использованных в погребальном контексте и пр.

Были ли изучаемые монументальные изваяния эпохи бронзы – раннего железного века, античные памятники и средневековые балбалы Евразии одеты, задрапированы, изображались ли они намеренно обнажёнными или предполагалось, что ткани «прикроют наготу»? Надевали ли на них текстильные повязки и одежды по важным ритуальным, праздничным, церемониальным поводам? Или элементы раскраски передавали все те текстильные, кожаные и прочие элементы, которые могли найти обязательное или эпизодическое применение на протяжении всей истории их использования или на её отдельных этапах? На основании сопоставления

археологических и этнографических представляется вероятным применение текстиля для обвязывания или украшения монументов.

Эстетически у современного потребителя произведений античной культуры вызывает внутренний протест тот факт, что отрешённые в своей чистоте мраморные классические скульптуры были пёстро раскрашены. Выставка, суммирующая материалы реконструкции облика античной скульптуры, прошла с ошеломляющим успехом [Panzanelli, Schmidt, Kenneth, 2008]. В её каталоге «Красочные боги» [Brinkmann, 2007] наиболее полно представлены научные реконструкции кроя и цвета одежды изображённых богов и героев, властителей и воинов, основанные на остатках пигментов в порах и на поверхности камня, а также культурно и хронологически сопоставимых изображений одеяний, представленных на других декорированных предметах – плафонах, сосудах, элементах вооружения и пр.

В последние годы появились важные исследования, связанные с достоверной реконструкцией раскраски каменных изваяний и стел в культурах Евразии, и новые материалы, демонстрирующие элементы раскраски на различных статуарных памятниках [Есин и др., 2013]. Немало опубликовано о раскраске монументальной скульптуры южноамериканского Сан-Агустина и изваяний майя [Sánchez, 2011; Houston, 2009].

Конечно, трудно рассчитывать на сохранность в археологическом документированном контексте даже фрагментов реальных одежд или украшений, предназначенных для каменных изваяний. Поэтому для решения интересующего нас вопроса о применении одежд, повязок, текстильных лент, драпировок в ходе использования каменных монументов важно, помимо иконографических, привлечь данные этнографии и лингвистики.

Семантическая синонимичность монументальных каменных изваяний самой широкой хронологии (от изваяний энеолита\эпохи бронзы до средневековья) позволяет обращаться к различным материалам Евразии. Стало уже традиционным и сопоставление изобразительных материалов Старого и Нового Света, в особенности в контексте сходства некоторых культурных проявлений в тихоокеанском регионе, которое в последнее время привлекает всё большее внимание [Васильев и др., 2015; Табарев, 2012]. Эта тенденция связана не только с вполне очевидными и разноплановыми проявлениями иконографического сходства изобразительной деятельности, с попыткой оценки его генетического или конвергентного происхождения, но и с богатством материала центральноамериканских культур, обращение к которым даёт возможность задействовать череду сопряжённых археологических, этнографических и лингвистических данных, в том числе касающихся традиции монументальных изваяний.

Стелы майя появляются в доклассическую эпоху (1000 г. до н. э.– 250 г. н. э.), наиболее ранние экземпляры имеют форму призмы и часто бывают гладкими, отполированными. Именно гладкость поверхности и блеск каменной фактуры высоко ценились в стеле, а применённая дополнительная обработка должна была подчёркивать эти качества. Стела майя одновременно и ритуальный объект, который представлял собой нечто наделённое особыми сверхматериальными характеристиками свечения, гладкости, каменности, и платформа для развёрнутой политической программы правителя, которая представляла его подданным незыблемость и неуязвимость власти, приобретённой с божественной санкции. Для майя классического периода (250–900 гг.) стела становится средством пропаганды, развёрнутой платформой демонстрации власти царя, его заслуг и деяний. Стела собственным долговечным материалом и изобразительными средствами указывает на божественное происхождение власти, на то, что царь является своего рода посредником между миром богов и людей. Заказывая свой образ, увековеченный в камне, правители майя нацеливались на достижение эффекта вечного присутствия в жизни социума, невозможного в физическом облики. Стела являлась не только памятником правителю или хроникой его деяний, но и функционировала как участник общественной и политической жизни города долгое время после кончины самого правителя, продлевая его присутствие и влияние, обнаруживая суперспособность царя: в своём каменном образе правитель переступал пределы времени и пространства, сосуществуя одновременно в разных мирах, приобретая бессмертие [Stuart, 1996, с. 150].

Особое церемониальное значение в Мезоамерике приобрёл ритуал «обёртывания» камня. Использование ткани или бумаги, особенно в качестве материала «упаковки» для священных предметов и свёртков, представлено как в древней, так и в современной традиции [Guernsey, 2006, с.15]. Можно предполагать, что идея «обёртывания» в ткань или заключения камня в ритуальном архитектурном пространстве (что является семантическим развитием заворачивания в текстиль) происходит от гораздо более древнего шаманистского представления о священной сущности, заключённой в кристалле, драгоценном зелёном камне (жаде) и пр. Эта традиция сохранилась у современных индейцев киче и называется *baraj* [Schele, 1993, с. 226; Tedlock,

Рис. 1. Прорисовка рельефа с черепа пекари №1 92-49-20/С201 из гробницы 1 Копана (по: [Б. Фэш, 1989]).

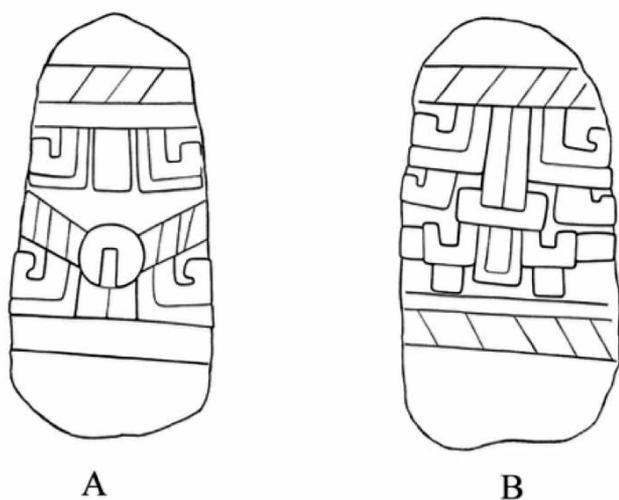
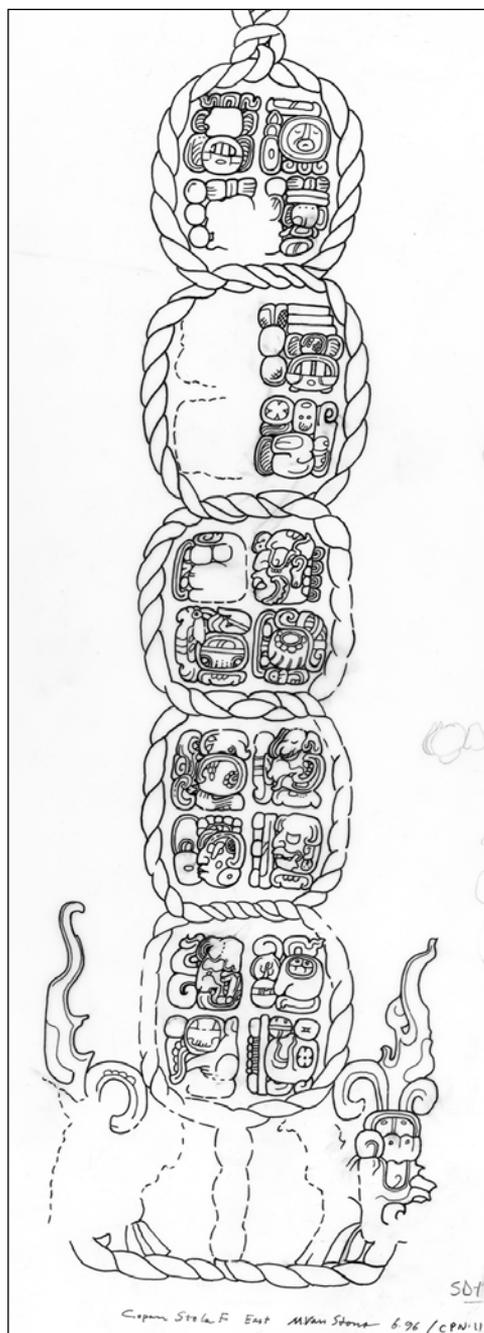

Рис. 3. Прорисовки стелы 19 (А) и стелы 20 (В) из Исапы, Мексика (по [А. Морено, New World Archaeological Foundation]).

Рис. 2. Прорисовка детали с восточной стороны стелы F из Копана, Гондурас (по: [М. ван Стоун, 1996. LACMA Linda Schele Drawing Collection]).

1985, с. 81]. Аналогичные верования в священную сущность камня распространены значительно шире в ранних религиозных системах.

Д. Стюарт предполагает, что обряд «обвязывания» стелы представлен на черепе пекари из гробницы 1 Копана (**рис. 1**) [Stuart, 1996, с. 156]. Судя по этому рельефу, ритуал заключался в своеобразном обёртывании стелы кусками материи. В центре композиции в картуше изображена стела, отмеченная иероглифом TUN («камень»), который указывает на вечную, незыблемую и непреходящую долговечность камня и является знаком «каменности». Представленный в центре объект, имеющий форму прямоугольника, обёрнут крест-накрест верёвками, связанными в узлы. Под стелой изображён алтарь зооморфного облика, подобный тем, что расположены на Главной площади Копана. Иероглифическая надпись, сопровождающая сцену, гласит: «1 Ахав 8 Ч'ен было повязание камня [имя правителя]» что соответствует дате 21 октября 376 года. За этим ритуалом наблюдают два знатных человека. В Копане стела F украшена мотивом, состоящим из переплетённых веревок с узелками, которые создают эффект «перевязанного» камня (**рис. 2**). Предположительно камни, укутанные в материю, позднее освящались ритуалом кровопускания правителя – когда он осуществлял важный в сакральной жизни майя обряд, совершая надрезы на половом члене или в языке и пропуская через эти органы церемониальную верёвку, добивался кровотечения, в результате кровь пропитывала материю/бумагу, которая впоследствии сжигалась на алтаре [Joralemon, 1974, с. 70; Davletshin, 2003].

Основываясь на сведениях о важности тканевых обёртываний и почитания священных свёртков [Benson, 1995, с. 36] в Мезоамерике, можно полагать, что целью обряда обёртывания, названного «k'altun», была защита и удержание божественной сущности камня, который сам по себе служил воплощением времени и его круговорота. Этот обряд вырастает из шаманистского ритуала [Benson, 1995, с. 55], имеющего архаические корни.

Архитектурной метафорой обвязывания может служить стела 63 из святилища Папагайо, которая была «заключена» в фундамент главного здания в Копане, буквально «завёрнута» в него. Стела была погребена на этапе закладки нового здания 10L-26 и становилась частью многослойного пирамидального комплекса, посвящённого основателю династии Копана – К'инич-Яш-К'ук'-Мо [Fash, 1998, с. 226; Фахри, 2016, с. 1]. Изображения «связанных» стел также встречаются и на других городищах позднего доклассического периода (400 г. до н. э. – 250 г. н. э.) [Guernsey, 2006, с. 122]. К примеру, на рельефе стел 19 и 20 из Исапы (**рис. 3**) показано, будто бы они обёрнуты по горизонтали лентами ткани, а в центре нижнего регистра размещён узел. Можно предполагать, что таким образом обозначалась вечность этого обряда и неоспоримость факта правления данного царя, а также утверждалась священность собственно каменной стелы, которая была осенена священной повязкой, символом власти [Stuart, 1996, с. 152; Guernsey, 2006, с. 123; Guernsey, Kappelman, 2010, с. 134]. Этот ритуал имел дуальную сущность, с одной стороны олицетворяя и подчёркивая связь стелы с календарными циклами, течением времени, с другой – с возвеличиванием правителя, также выступающего гарантом незыблемости и устойчивости миропорядка [Reilly, 1989, с. 13].

Изучение стел майя указывает на сосуществование традиции почитания и возведения гладких и фигуративных монументальных изваяний, как сосуществующих, так и наследующих друг другу. Стелы, как и правители, обладали божественным качеством «священной сущности» – «k'uh» [Stuart, 1996, с. 152; Houston, Stuart, 1998, с. 78].

Рассмотренный материал позволяет реконструировать те утраченные сегменты материального и духовного мира, которые соотносятся с использованием легко деградирующих материалов и с ритуалами торжественного оборачивания, пеленания, укутывания каменных стел. Почитание каменных объектов, как гладких, так и декорированных, противопоставляемых в своей долговечности легко утрачиваемым материалам – одно из фундаментальных в сакральном мире майя. Это почитание имело самый широкий временной диапазон, известно по крайней мере с 750 г. до н. э. (стелы Эль Наранхо [Arroyo, Pereira, 2007, с. 45]) и прослеживается в культуре в рудиментарном варианте и поныне.

Известно, что в древности майя почитали и сохраняли на протяжении столетий каменные изваяния. Это позволяет предположить, что более старые, проверенные временем скульптуры

Рис. 4. «Одетые» изваяния и могильные плиты. Нара, Япония.

осознавались персонифицированными посланниками из прошлого, ценились за их древность, происхождение, устойчивость воздействию времени, олицетворяли связь с прошлым и священными предками. На евразийском пространстве утрата понимания важности и значения древних изваяний на наших глазах периодически сменяется тенденцией к актуализации их значения. Проявлениями этого служат обряды повязывания лент в священных местах у тюрков Евразии, в том числе на древних изваяниях и каменных стелах. В 1881 г. А. В. Адрианов так описывал знаменитую статую, называемую тувинским населением «Чингис-хан»: «Вся статуя была выбелена, усы, эспаньолка, брови и глаза вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом; на груди разрисованы красной краской соски самые груди, и выемка на горле. На голову надета шапочка, сшитая из миткаля, а на туловище – рубаша из того же материала; на шапке сделаны кружки и мазки красной краской, а на рубаше выведены ребра» [Адрианов, 2007, с. 135]. «Одевание» статуй и погребальных плит (как с фигурами, так и с надписями) можно видеть в Наре, древней столице Японии (рис. 4). Деревянные идолы народов Севера, стоявшие в лесах, нередко были одеты в пышные одежды и головные уборы [Иванов, 1970].

Список источников и литературы

- Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Урянхай. Антология в семи томах. Т. 3. – М.: Слово, 2007. – 608 с.
- Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 680 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.
- Есин Ю. Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф.* Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // *Российская археология*. 2014. № 3. – С. 79–88.
- Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX века. – Ленинград: Наука, 1970. – 296 с.
- Табарев А. В.* Змеи, маски и танцующие шаманы: на перекрестках неолитических миров древней Пацифики // *Дальневносточно-сибирские древности*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 96–109.
- Фахри А. И.* Особенности иконографии К'инич-Йаш-К'ук'-Мо' и создание образа великого основателя династии Копана // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛЮМОНОСОБ-2016» [Электронный ресурс]*. – М., 2016.
- Arroyo B., Peirera K., Cossich M., Aragón L., Arévalo., De León M., Galindo C., Quiroa F.* Proyecto de Rescate Naranja: Nuevos Datos del Preclásico en el Valle de Guatemala // *XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*. – Guatemala City, 2007. – P. 1081–1100.
- Benson E. P., de la Fuente B. (Eds.)* Olmec Art of Ancient Mexico. – Washington, D.C.: National Gallery of Art, 1996. – 288 p.
- Brinkmann V. (Ed.)* Gods in Color – Painted Sculpture of Classical Antiquity. – Biering & Brinkmann, Munich, 2007. – 224 p.
- Davletshin A.* Glyph for Stingray Spine. 2003. Mesoweb: www.mesoweb.com/features/davletshin/Spine.pdf.
- Fash W. L.* Dynastic Architectural Programs: Intention and Design in Classic Maya Buildings at Copan and Other Sites // *Function and Meaning in Classic Maya Architecture*, ed. Stephen D. Houston. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks. 1998. – P. 223–270.
- Guernsey J., Reilly K.* Sacred Bundles: Ritual Acts of Wrapping and Binding in Mesoamerica. – Boundary End Archaeological Research Center, Barnardsville. 2006. – 292 p.
- Guernsey J.* Ritual and power in stone: The performance of rulership in Mesoamerican Izapan style art. – University of Texas Press, Austin, TX, 2010. – 229 p.
- Houston S., Stuart D.* The Ancient Maya Self: Personhood and Portraiture in the Classic Period. // *RES: Anthropology and Aesthetics* 33: 1998. – P. 73–101.
- Houston S. (Ed.)* Vieded brightness: A history of Ancient Maya color. University of Texas press. 2009. – 168 p.
- Joralemon D.* Ritual Blood-Sacrifice Among the Ancient Maya: Part I // *Primera Mesa Redonda de Palenque*. Pebble Beach, California. 1974. – P. 59-76.
- Panzanelli R., Schmidt E., Lapatin K. (Eds.)* The Color of Life: Polychromy in Sculpture from Antiquity to the Present. Getty Research Institute, Los Angeles, 2008. – 256 p.
- Reilly K.* The Shaman in Transformation Pose: A Study of the Theme of Rulership in Olmec Art. Record of the Art Museum, Princeton University. 1989. 48 (2). – P. 4–21.
- Sánchez E.* El mundo del arte en San Agustín. Bogotá, 2011. – 240 p.
- Schele L., Miller M.* The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art. Fort Worth: Kimbell Art Museum. 1986. – 336 p.
- Stuart D.* Kings of stone: a consideration of stelae in ancient Maya ritual and representation. En *Res* 29/30, *Anthropology and aesthetics*. 1996. – P. 148-171.
- Tedlock B.* Hawks, Meteorology, and Astronomy in Quiché Maya Agriculture. *Archaeoastronomy*. 8 (1–4): 1985. – P. 80–88.

А. Л. Заика

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
e-mail: zaika_al@mail.ru*

А. С. Вдовин

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия
e-mail: vdovin2002@bk.ru*

В. А. Конохов

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
e-mail: vladimir.konohov@mail.ru*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСАНИЦ НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2015 ГОДУ

В 2015 г. были проведены исследования памятников наскального искусства на территории южных районов Красноярского края. Обнаружены новые петроглифы, дополнена информация об известных местонахождениях с наскальными рисунками. Петроглифы охватывают период неолита – нового времени, свидетельствуют о широких межкультурных связях древнего населения региона. Памятники требуют дальнейших исследований и проведения мероприятий по их сохранению и музеефикации.

Ключевые слова: Минусинская котловина, петроглифы, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье, хунну.

A. L. Zaika

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Russia

A. S. Vdovin

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Russia

V. A. Konohov

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Russia

INVESTIGATION OF ROCK ART SITES IN THE SOUTH OF KRASNOYARSK TERRITORY IN 2015

In 2015, field investigation was conducted of rock art sites in the southern districts of Krasnoyarsk Territory. New petroglyphs were discovered, information on known locations of rock art was supplemented. The petroglyphic datings range from the Neolithic Age till the Modern Era, demonstrating broad cross-cultural relations of the ancient population of the region. The sites require further studies and activities on their preservation and management.

Keywords: Minusinsk Basin, petroglyphs, the Neolithic Age, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages, the Xiongnu.

Археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева летом и осенью 2015 года были проведены исследования памятников наскального искусства на территории южных районов Красноярского края. В результате работ уточнена информация об известных памятниках и выявлены новые писаницы.

Ужурский район. История археологических исследований на территории района насчитывает порядка 300 лет, вместе с тем, памятники древнего наскального искусства к настоящему времени оставались слабо изученными. Первые сведения поступают от М. А. Кастрена, который, повторяя маршрут П. С. Палласа в 1847 г., обнаружил наскальные изображения на горе над оз. Учум и дал им подробное описание: фигуры людей (с мечом, кнутом, луком), животных (собаки, коровы, олени, дикие козы, кабан, медведь, верблюд, львы, заяц, журавль, горный

баран, за которым охотится человек, 2 хищника в схватке), сосуды, знаки. К сожалению, материалы исследований были опубликованы только в 1901 г. [Aspelin, 1901, S. 7]. Данные по наскальным изображениям на горе Учум впоследствии были учтены Г. П. Сосновским в его карте, кратко представлены в своде археологических памятников Среднего Енисея [Вадецкая, 1986, с. 161]. Но поиски петроглифов вплоть до настоящего времени не приносили ожидаемых результатов. Участниками Сибирской экспедиции ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в рамках проекта «Охрана культурного наследия Северо-Западной части Минусинской котловины (петроглифы, изображения на плитах курганов)» были зафиксированы две орнитоморфных фигуры на горе Змеиная. На горе Учум не было обнаружено каких-либо древних изображений, за исключением одного тамгообразного знака. Однако, по устному сообщению Е. А. Миклашевич, ею были найдены остатки изображений на скале к северу от оз. Учум [Красниенко, Субботин, 2013, с. 36]. Таким образом, вопрос о наскальных изображениях на оз. Учум оставался неоднозначным. Более того, складывалось мнение, что М. А. Кастрен в своем сообщении вёл речь о петроглифах на Сулекской писанице, расположенной южнее.

В июле 2015 г. были исследованы петроглифы на оз. Учум и горе Змеиная. На памятниках проведены работы по снятию горизонтального и вертикального контура скальных обнажений, фотофиксации и копировке наскальных рисунков.

Писаница Учум 1. Петроглифы обнаружены в 2015 г. Объект расположен в 2,7 км к ЮЗ от центра п. Златоруновск, в 1,8 км к СВ от восточного берега оз. Учум, на южном склоне скальных обнажений горы Писаная в 200 м к ВСВ (аз. 108°) от водозаборной станции. Скала сложена девонскими песчаниками. В ходе осмотра скальных выходов на нижнем ярусе скалы обнаружена плоскость с рисунками, выполненными в технике выбивки и гравировки. Плоскость высотой 0,6 м и длиной 1 м – вертикальная, под небольшим положительным наклоном обращена на юг (аз. 260°). Представлены тамговидные знаки эпохи средневековья и фрагменты изображений животных и воинов, выполненных гравировкой в таштыкское время. Привлекает внимание фигура копытного животного с ветвистыми рогами (олень?), выполненная путём гравировки и протира. Необходимо обратить внимание на изображения воинов, у которых прослеживаются навершия головных уборов в виде дугообразных линий. Подобные изображения – явление довольно редкое в наскальном искусстве региона и находит аналогии на писанице Хызыл-Хая на р. Уйбат (Хакасия), где всадники в подобных развесистых головных уборах изображены среди котлов, которые по мнению ряда исследователей характерны для культуры сюнну/хунну Ордоса, Внутренней Монголии (Китай) [Эрди, 1999].

Писаница Змеиная. Судя по опубликованным иллюстрациям, петроглифы обнаружены участниками археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) на двух плоскостях горы Змеиная [Изображения на плитах..., 2003, с. 64, рис. 68, таб. 67; Красниенко, Субботин, 2013, табл. 16]. Но объективная информация о памятнике не освещалась. Памятник находится в 11,6 км к востоку от г. Ужур (здание районной администрации) по северную сторону автодороги Ужур – Шарыпово на юго-восточном склоне горы Змеиная. Скала сложена девонскими песчаниками. В ходе осмотра скальных выходов, на двух ярусах скалы обнаружено четыре плоскости с рисунками, выполненными в технике выбивки и гравировки.

На верхнем ярусе, на высоте 0,2 м от подножия расположена одна плоскость шириной 0,8 м, под небольшим отрицательным углом наклона (12°) она обращена на юго-восток (аз. 160°). В центре плоскости выявлено гравированное контурное изображение профильной антропоморфной фигуры. У человека показаны голова с выступающим носом, прямая спина, большой округлый живот с косыми линиями в нижней части (жировые складки?), короткие, согнутые в коленях ноги. Шея и ступни слабо выделены, верхние конечности отсутствуют.

Второй ярус скалы расположен на 13 м ниже. В ходе осмотра скальных выступов на нижнем ярусе скалы были обследованы три плоскости с рисунками.

Плоскость № 2 находится на расстоянии 18 м к юго-востоку (аз. 160°) от плоскости № 1 верхнего яруса и представляет собой выступающий блок скалы на высоте 1 м от подножия. Плоскость вертикальная, длина её 0,7 м, высота 0,3 м, ориентирована на юго-восток (аз. 30°). В левой части

плоскости неглубокой частой выбивкой изображён тамговидный знак орнитоморфного вида. Его частично перекрывает современная надпись, датированная 1968 г.

Плоскость № 3 расположена на расстоянии 0,4 м к юго-западу от плоскости № 2 на высоте 1,1 м от подножия. Плоскость длиной 0,4 м, шириной 0,3 м, под отрицательным углом наклона (20°) обращена на юго-восток (аз. 50°). В центре плоскости редкими глубокими ударами инструмента с треугольным рабочим краем выбита трудноопределимая фигура (человек, птица, знак?).

Плоскость № 4 расположена на расстоянии 1,1 м к юго-западу от плоскости № 3 на высоте 1,3 м от подножия. Плоскость длиной 0,6 м, шириной 0,35 м, ориентирована на юго-восток. В левой части плоскости на фрагментарно сохранившейся поверхности, путём лёгкой неглубокой выбивки изображён тамговидный знак орнитоморфного вида. Знак перекрыт современной надписью «МАРКО».

Известно, что тамги распространены на определённых территориях. Орнитоморфные знаки в большей степени располагаются в бассейне верхнего Чулыма на западе Назаровской и Чулымо-Енисейской котловины, а также встречаются на Енисее у Абакана-Перевоза и на Усть-Тубе [Изображения на плитах..., 2003, с. 117]. Часто они изображены на каменных плитах курганов тагарской культуры. Учитывая, что они могли быть нанесены на курганные камни и в более позднее время, тамговидные знаки на горе Змеиной предварительно можно датировать эпохой раннего железного века – средневековья. Гравированный рисунок человека на плоскости № 1 отражает индивидуальные черты определённого персонажа и, по всей видимости, выполнен в новое время.

Минусинский район. Одним из объектов исследования на территории района являлись археологические памятники в окрестностях с. Кривинское. Впервые археологическое обследование района с. Кривинского было произведено в 1928 г. С. В. Киселёвым, который проводил разведку в Минусинском районе с целью выявления и учёта памятников археологии [Киселёв, 1929, с. 1–3]. В 1943 г. учёт археологических объектов у с. Кривинского производит В. П. Левашова [1943, л. 8–15]. В 1970 г. исследование данного района проводил Н. В. Леонтьев, им была произведена работа по паспортизации объектов [Леонтьев, 1970], в 1974 г. обследованы наскальные рисунки на горе Полосатая [Вадецкая, 1986, с. 165, Ковалёва, 2011, с. 82]. В конце XX – начале XXI вв. археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического института (с 1994 г. – университета) здесь также проводились работы по паспортизации археологических памятников.

Писаница Полосатая 1 находится в 1,2 км к северу от д. Кривинской на правом берегу протоки р. Енисей, на юго-западном участке горы Полосатая. Скала сложена девонскими песчаниками. Петроглифы выявлены на юго-западном и южном склонах скальных обнажений, встречаются на протяжении 120 м, дислоцированы на трёх ярусах скалы. Всего выявлено 26 плоскостей с рисунками, которые выполнены в технике выбивки, гравировки, реже – шлифовки. Представлены изображения животных, антропоморфных фигур, тамговидных знаков. Присутствуют изображения жилищ. Основной комплекс петроглифов охватывает период раннего железного века и средневековья. На нижнем ярусе скалы зафиксированы изображения эпохи поздней бронзы. Встречаются на писанице этнографические рисунки.

Писаница Кривинская 1 находится в 0,7 км к ССВ от д. Кривинской на правом берегу протоки р. Енисей, на юго-западной оконечности безымянной горы, в 0,5 км к югу от писаницы Полосатая 1, представляет собой каменный останец, сложенный девонскими песчаниками. Объект обнаружен в июле 2015 г. Петроглифы дислоцированы на трёх плоскостях скалы, которые обращены на юг, юго-восток, восток. Рисунки выполнены в технике выбивки, гравировки, реже – шлифовки. Представлены изображения животных, антропоморфных фигур, тамговидных знаков. Фигуры людей формируют горизонтальные композиции, напоминающие «хоровод». Основной комплекс петроглифов охватывает период раннего железного века и средневековья.

Состояние объектов аварийное – наблюдается отслоение внешней корки плоскостей и интенсивное осыпание пород. Плоскости с рисунками покрыты лишайниками, современными надписями, некоторые изображения перекрыты глубокими резными линиями.

Курагинский район. Пойловская писаница. В октябре 2015 г. были получены сведения о наскальных рисунках в окрестностях с. Пойлово Курагинского района. В результате проверки данной информации нами были обнаружены изображения широкого хронологического спектра (от неолита до средневековья). На памятнике проведены работы по снятию горизонтального контура скальных обнажений, фотофиксации петроглифов. Копировка наскальных изображений по причине низких температур не проводилась. Объект расположен в 3 км к ЮЗ от центра с. Пойлово на правом берегу р. Тубы, на верхних ярусах западной части скального массива «Пятая гора». В ходе осмотра скальных выходов выявлено порядка 15 плоскостей с рисунками, выполненными в технике выбивки, реже – гравировки, которые встречаются на протяжении 100 м.

Плоскость 1 длиной 2 м находится на западной окраине писаницы, обращена на ЗЮЗ (аз. 165°). Рисунки выполнены в технике выбивки и сосредоточены в левой верхней части плоскости. Изображены три силуэтные фигуры копытных животных, обращенных в левую сторону. Животные показаны в статичной позе. Датировка рисунков пока не ясна.

Плоскость 2 длиной 2,9 м, обращена на ЗЮЗ (аз. 175°), имеет в центральной части изображения копытных животных (всего 4). Два верхних изображения силуэтные, нижние – контурные. Головы обращены вправо. Присутствует также фронтальная антропоморфная фигура, выбитая поверх нижнего животного. Изображения сохранились фрагментарно вследствие осыпания скальных пород. Рисунки разновременные, могут относиться к эпохе неолита и бронзы. Поверх древних рисунков нанесены выбивкой и краской современные надписи.

Плоскость 3 длиной 2,5 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на юг (аз. 90°). На ней находятся несколько трудноразличимых выбитых изображений, также в центральной части плоскости выявлено контурное изображение копытного животного, выполненного в технике гравировки. Данный рисунок может соответствовать эпохе средневековья.

Плоскость 4 длиной 1,9 м, имеет небольшой положительный наклон, обращена на ВЮВ (аз. 195°). В верхней части представлены два изображения верблюда следующих друг за другом, головы их обращены вправо, выполнены они в технике выбивки. Ниже имеется фронтальная антропоморфная фигура, выполненная в технике выбивки. Часть плоскости утеряна, ниже утерянной части изображена другая фронтальная антропоморфная фигура. Изображения можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 5 находится под навесом, длина её 0,5 м, обращена на юг (аз. 95°). В центральной части плоскости имеются три фронтальные антропоморфные фигуры, расположенные в ряд. Изображения выполнены в технике выбивки, их можно отнести к эпохе средневековья.

Плоскость 6 имеет небольшой положительный наклон и находится под навесом, выше которого расположены плоскости 7, 9. Плоскость длиной 1,5 м, обращена на ЮЗ (аз. 135°). Изображения расположены в правой части плоскости, представлены три фронтальные антропоморфные фигуры расположенные в ряд, выполненные в технике выбивки. Правая фигура заметно крупнее двух других. Изображения предположительно можно отнести к эпохе раннего железного века – средневековья.

Плоскость 7 находится под навесом и имеет небольшой отрицательный наклон. Длина её 1,1 м, обращена она на юг (аз. 95°). На плоскости выявлены многочисленные антропоморфные изображения и фигуры животных. Представлена композиция из трёх контурных изображений животных, два из них изображены в статичной позиции, голова верхнего направлена вправо, голова нижнего – влево. Голова скачущего животного обращена вправо. Также в композиции представлены три фронтальные антропоморфные фигуры, расположенные в ряд. Правая фигура изображена с луком и стрелой, поражающей скачущее животное. Также присутствуют многочисленные знаки (не менее четырёх). Все изображения выполнены в технике выбивки, некоторые из них имеют следы более позднего прочерчивания. В нижней части плоскости представлены два силуэтных изображения рогатых животных, головы которых обращены влево, выполнены они выбивкой. Предположительно изображения датируются эпохой средневековья

Плоскость 8, смежная с плоскостью 7, имеет значительный отрицательный наклон, вогнутая. Длина её 1,2 м, обращена она на запад (аз. 180°). На плоскости представлены четыре фронтальные

тальные антропоморфные фигуры, стоящие в один ряд, выполненные в технике выбивки. Над левой фигурой имеется выбивка в виде правильного прямого креста. Изображения занимают правую часть плоскости. Их можно отнести также к эпохе средневековья.

Плоскость 9 длиной 1,2 м, обращена на юг (аз. 95°), вогнутая. Зафиксированы два контурных изображения животных, выполненных редкой точечной выбивкой. Изображения в значительной степени утрачены, вследствие разрушения поверхности плоскости. Голова левого животного обращена вправо. Идентификация контуров правого животного затруднительна. Рисунки выполнены в традициях, характерных для минусинского стиля. Предположительно изображения относятся к эпохе неолита.

Плоскость 10 длиной 1,75 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на ЗЮЗ (аз. 155°). Плоскость сильно пострадала от осыпания внешней скальной корочки. В нижней правой части камня сохранился фрагмент выбитого рисунка в виде скобочки, которая могла моделировать голову копытного животного, ориентированного в правую сторону. Датировка рисунка не ясна.

Плоскость 11, смежная с плоскостью 10, длиной 4,2 м, под небольшим отрицательным наклоном обращена на ЮВ (аз. 65°). Плоскость по всей площади сильно пострадала от осыпания внешней скальной корочки. В центральной части камня сохранились фрагменты выбитых контурно фигур копытных животных, ориентированных в правую сторону. Предварительно рисунки можно датировать эпохой неолита – ранней бронзы.

Помимо описанных плоскостей, петроглифы встречаются на других участках скалы. Визуально просматриваются изображения лошадей, оленей и других животных, антропоморфных фигур. Таким образом, можно говорить о новом, ранее не изученном объекте наскального искусства в данном регионе.

В результате работ 2015 г. обнаружены новые петроглифы, дополнена информация об известных местонахождениях с наскальными рисунками. Выявленные изображения охватывают широкий временной интервал от эпохи неолита до нового времени, свидетельствуют о широких межкультурных связях древнего населения региона. Памятники требуют дальнейших исследований и проведения мероприятий по их сохранению и музеефикации.

Список источников и литературы

- Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Государственного Музея имени Н. М. Мартянова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. Т. 6. Вып. 2.– С. 2–162.
- Ковалёва О. В.* Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 160 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В.* У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. – СПб., 2013. – 200 с.
- Левашова В. П.* Отчёт об археологических обследованиях, проведённых летом 1943 г. / Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Оп. 4. Д. 121. – Л. 8–15.
- Леонтьев Н. В.* Отчёт Минусинского отряда по паспортизации памятников Минусинского района. 1970 г. / Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Оп. 1. Д. 823.
- Семёнов В. А, Кидуновская М. Е, Красниенко С. В., Субботин А. В.* Изображения на плитах тагарских курганов. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 121 с.
- Эрди М.* Анализ петроглифов сюнну/хунну бассейна среднего Енисея // Труды международной конференции по первобытному искусству. – Кемерово, 2000. Т. I. – С. 195–203.
- Aspelin I. R. M. A.* Castren Anzeichnungen über die Altertümer in Kreise, Minusinsk. – SMYA, 1901, N 21, – S. 1–54.

**ОБРАЗ ΠΟΤΝΙΑ ΘΗΡῶΝ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КУЛЬТУРАХ
НАЧАЛА – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н. Э.:
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ «СКВОЗНЫХ СЮЖЕТОВ»**

Рассмотрение основных процессов функционирования «сквозных сюжетов» в художественных культурах в I тыс. до н.э. проведено на базе анализа образа Πότνια θηρῶν («Владычицы зверей»). Во-первых, были сформулированы критерии отбора образцов для анализа, основанные на выявлении и способов репрезентации функции основного действующего лица. Во-вторых – сделаны выводы о причинах популярности образа в VII—середине VI вв. до н.э. и границах его распространения, что позволяет представить не только специфику функционирования данного типа, но определить роль, место и способы репрезентации «сквозных сюжетов» в художественных культурах в I тыс. до н.э.

Ключевые слова: «сквозные сюжеты», архетип, Πότνια θηρῶν («владычица зверей»), художественные культуры Древнего мира, художественные универсалии.

S. A. Zintchenko

National Research University Higher School of Economics, School of History. Moscow, Russia

**IMAGE OF ΠΟΤΝΙΑ ΘΗΡῶΝ IN THE ARTISTIC CULTURES
OF THE BEGINNING – THE SECOND HALF OF THE I MILLENNIUM BC.:
TO THE FUNCTIONING OF "CROSS-CUTTING THEMES"**

The paper considers the basic processes of functioning of the cross-cutting themes in the artistic cultures in the I millennium BC on the basis of Πότνια θηρῶν image analysis (Lady of the beasts). Firstly, the sample selection criteria were formulated for the analysis based on the identification and methods of representation of the primary actor. Secondly, conclusions were made about the reasons for the popularity of the image in the middle VII–VI centuries BC and the boundaries of its area that allows us to represent not only the specifics of the functioning of this type, but to define the role, place and methods of representation of cross-cutting themes in the artistic cultures in the I millennium BC.

Keywords: cross-cutting themes, archetype, Πότνια θηρῶν (Potnia Teron), the artistic cultures of the Ancient World, artistic universals.

«... устойчивые, повторяющиеся средства художественного выражения, «общие места» являются строительным материалом для писателей различных эпох и разных направлений» [Храпченко, 1977, с. 33].*

«Сквозные сюжеты/темы» часто выделяются на очень широком и по временному, и по географическому охвату материале, что связано, вероятно, с тем, что «доминирование коллективного начала, относительная простота образа мира и ориентация во всех действиях на мифически окрашенные прообразы приводило к созданию формально и содержательно устойчивых и однотипных конфигураций во всех сферах культуры» [Антонова, 2011, с. 11]. Выявление «сквозных сюжетов/тем» и их анализ важны с точки зрения обоснования появления того или иного образа в определённой художественной культуре и/или анализа причин «долгожительств» отдельных образцов. Проявление, дальнейшее развитие, а подчас и трансформацию «сквозных сюжетов» в художественных культурах начала – второй половины I тыс. до н. э. охарактеризовать в нескольких тезисах не представляется возможным, ибо «... как долг путь от первого знака к первому символу, иначе говоря, от детства знака-индекса до его символоподобной зрелости» [Файт, 1993, с. 64].

* Этот тезис М. Б. Храпченко высказал, анализируя результаты и методы работы крупнейшего исследователя исторической поэтики А. Н. Веселовского.

Безусловно, причины этого в целом обусловлены предпосылками сложения и особенностями формирования художественных культур в означенные временные рамки. Попытки выделить «сквозные сюжеты» в процессах усвоения тех или иных образов и мотивов Ближнего Востока и античности в художественных культурах в I тыс. до н. э., так же как и попытки дифференцировать разные «стадии», фазы в вышеупомянутых процессах усвоения важны для реконструкции функционирования того или иного типа изображений в означенных временных рамках. Временные рамки (начало – вторая половина I тыс. до н. э.) выбраны не случайно, так как широкие кросс-культурные контакты, проявляющиеся неоднократно, в разных направлениях, а иногда и по принципу маятника, стали неотъемлемой составляющей этого времени.

Проблемы, ставшие предметом исследования данной статьи, неизбежно возникают при анализе и описании художественных образов, повторяющихся либо «всплывающих» на протяжении длительного времени и в пространстве разных культур. При столкновении с внешне близкими образами, относящимися подчас к разным культурам и периодам, возникает необходимость выбора методов для анализа художественных процессов и определения в них места того иного типа изображений путём соотнесения анализируемого варианта с найденными ему аналогиями. Важно отметить, что работа с аналогиями, подобранными в результате исследования конкретного изобразительного памятника, во многом связана с пониманием и обоснованием их (аналогий) «степени родства» друг другу.

Одной из популярных «сквозных тем» является тема Πότνια θηρῶν («Владычицы зверей»). А. И. Зайцев, анализируя антропоморфные изображения в минойской культуре, так описывает один из типов изображения божества, называемого им владыка или владычица зверей (Πότνιος или Πότνια θηρῶν) «... мужская или чаще женская фигура помещается между двух животных, чаще всего львов, нередко грифов, сфинксов или других фантастических животных. Руки божества обычно лежат на головах животных, которые изображены в позах зависимости, поклонения» [Зайцев, 2005, с. 54].

Точно проследить где и когда рождается анализируемый образ, пока не представляется возможным, ибо данный вариант, как полагают ряд исследователей, относится к универсальным, слагаясь ещё, вероятно, на достаточно ранних стадиях развития художественной культуры. По мнению Я. А. Шера, «Potnia Teron – очень ранний мифологический персонаж, восходящий к эпохе праиндоевропейского единства, если не к ещё более древней – ностратической» [1993, с. 21].

Дж. Мелларт при описании находок из Хаджилара VI (около 5600 г. до н. э.) и из горизонта VI Чатал Хююка (около 6000 г. до н. э.) указывает на ряд черт, вошедших впоследствии в основной набор иконометрических признаков Πότνια θηρῶν, а именно, – связь с кошачьими хищниками.* Е. В. Антонова, исследуя материалы вышеперечисленных комплексов, обращает также внимание на то, что в ряде изобразительных памятников присутствует та же связь.** Акцентирование связи между женским божеством и кошачьим хищником, отмечаемое уже на ранних этапах, возможно, соотносится с тем, что данные виды хищников входили в состав «общечеловеческих знаков силы, агрессивного преобладания», а также традиционных знаков могущества во всём мире [Антонова, 2003, с. 123]. Передача женскому образу знаков силы, превосходства над самыми агрессивными силами природы – вот это, возможно, и есть главное в акцентировании выше отмеченных связей, т.к. наглядно передаёт иерархию и выстраивает систему соподчинения, зависимости между персонажами. Как полагает Е. В. Антонова, «все эти представления, вернее их элементы, существовали и прежде, но у настоящих оседлых земледельцев

* Так Дж. Мелларт отмечает, что «богиня показана сидящей на одном или двух леопардах или стоящей с детёнышем леопарда на руках» [Мелларт, 1982, с. 99]. Кроме того, анализируя находки из горизонта VI Чатал Хююка (около 6000 г. до н. э.), Дж. Мелларт обращает внимание на то, что «в некоторых случаях богиня не изображалась, и её место занимали два леопарда, стоящие мордами друг к другу...» [там же, рис. 38].

** Е. В. Антонова указывает на то, что «женщина представлена рожающей, при этом в одном случае (скульптура) она это делает, опираясь на леопардов... Ассоциация женщины с леопардом находит подтверждение в другом центральноанатолийском поселении, Хаджиларе, где обнаружены глиняные фигурки женщин, сидящих на леопардах, держащих на руках их котят или облаченных в одежду из шкуры леопарда, иногда с хвостом. На одном, плохо сохранившемся рельефе, голова женщины увенчана чем-то вроде ушей, быть может, тоже леопардовых» [Антонова, 2003, с. 124, 125].

они уже отлились в формы, которые дошли до нас благодаря античным источникам, хотя персонажи мифов неолитических людей ещё не стали богинями и богами» [Антонова, 2003, с. 126].

Варианты, содержащие близкие компоненты по отдельным слагаемым содержательной и изобразительной программ образам из оседлых неолитических культур Анатолии, представлены и в памятниках, происходящих с других территорий, и связанных с другими культурами, так как «сходство иконографии женских фигур в различных регионах объясняется не только непосредственными и опосредованными контактами древнего населения, но скорее всего общностью древнейших мифологических воззрений» [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 141].

Так, ряд черт, которые принято связывать с Πότνια θηρῶν, встречаются на крайне широкой территории и отмечены не только в круглой скульптуре, но и в петроглифах. Прежде всего, к этим чертам относят присутствие рядом с женским изображением животных (и не только, и не столько хищных) в подчинённом состоянии, поза оранты, длинное со специфическим декором платье, наличие крыльев и т. п. Исследователями принято связывать эти черты в целом с образом женщины-прародительницы, матери-прародительницы [там же, с. 139–141; Кубарев, 2011, с. 47, 49; 2013, с. 36, рис. 98, 1, 4, 7)]. Но образ женщины (матери)-прародительницы, даже если он и обладает большим количеством схожих качеств, насыщен многими разными аспектами, не позволяющими чётко выделить лишь одну присущую этому образу и его характеризующую, маркирующую функцию, в связи с тем, что «этот образ (матери-прародительницы. – С. 3.) предстаёт синкретичным и по своей семантической сущности и по иконографическому воплощению» [Хлобыстина, 1978, с. 158].

Возникает правомерный вопрос о том, насколько широк «спектр» идентификационных элементов, соотносимых с образом Πότνια θηρῶν, или же можно сузить круг потенциальных претендентов на эту «роль»? И есть ли возможность определения чётких иконометрических компонентов, анализируя которые можно говорить о жизни в пространстве определённого времени и определённой культуры именно этого конкретного «сквозного сюжета».

С одной стороны – все эти образы слагаются и существуют в пространстве фольклорной традиции, и надо помнить о том, что «фольклорная коммуникация – это коммуникация прямая (от человека к человеку) и устная. Поэтому текст... ориентирован на слушателя и предполагает использование кода, которым владеет слушатель, – естественный язык, система поэтических стереотипов, традиционные сюжеты, традиционные обрядовые нормы и т. п.» [Чистов, 1993, с. 91]. С другой – при всей изначально присущей фольклорной традиции метафоричности, важные образы, к которым, безусловно, относится Πότνια θηρῶν, наделены достаточно точно прописанными функциями, то есть назначением, действием основного персонажа. Так, описывая и выделяя основные черты-качества Πότνια θηρῶν, А. И. Зайцев подчёркивал, что «часто высказываемое мнение, будто минойская владычица зверей представляет собой лишь одну из форм чуть ли не универсального существа, является необоснованным» [Зайцев, 2005, с. 54].*

Итак, возможно предположить, что ещё в пространстве II тыс. до н. э. Πότνια θηρῶν обладала в сознании определённых культур уже той долей самостоятельности, которая могла быть зафиксирована в создании отдельного от других образа. Как полагают Т. Фишер-Хансен и Б. Польсен, в бронзовом веке иконография Πότνια θηρῶν уже присутствует со всеми своими элементами [Fischer-Hansen, Poulsen, 2009, p. 34]. На присутствие специфических черт в облике Πότνια θηρῶν позднеминойского периода обращает внимание также и Ю. В. Андреев [2002, с. 299].

Какие критерии будут считаться обоснованными для выделения отдельных персонажей из всего океана образов, связанных с женскими изображениями в конкретный образ/сюжет – Πότνια θηρῶν?

* Приведённое мнение, высказанное А. И. Зайцевым, следует дополнить высказываниями Ю. В. Андреева: «минойский пантеон... кажется довольно аморфным и внутренне очень слабо дифференцированным. Его внешние очертания и внутренняя структура остаются как бы размытыми и почти не поддаются сколько-нибудь точной фиксации. Его... центральная фигура – так называемая Великая богиня всё время как бы дробится на множество ипостасей. При ближайшем рассмотрении каждая такая ипостась может оказаться самостоятельным божеством, хотя все они, по-видимому, не так уж сильно между собой различались... Однако все эти различия не дают вполне надёжной опоры для решения основного вопроса: кого имели в виду создававшие эти изображения – целый сонм божественных индивидов или всего лишь разные воплощения одного и того же божества?» [Андреев, 2002, с. 274, 275].

В. Я. Пропп, рассматривая волшебную сказку, предложил в качестве неизменной, постоянной величины, позволяющей понять морфологию, обозначить её (сказки) составные части, считать функции* действующих лиц [Пропп, 1969, с. 23]. Выделяя устойчивые элементы сказки, В. Я. Пропп отмечает, что «указанная закономерность касается только фольклора» [там же, с. 26]. Принимая во внимание гипотезу о том, что фольклор не исчерпывается лишь памятниками вербальными, но также проявляется в памятниках изобразительных, позволим высказать допущение, связанное с тем, что, возможно, в основу отбора, компоновки между собой и сохранения определённых иконометрических элементов также мог быть положен принцип фиксации определённой функции/поступка, через анализ которых могут: 1) реконструироваться основные, неизменные (маркерные) представления о том или ином божестве; 2) реконструироваться процессы функционирования «сквозных сюжетов».

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы принимается предположение о том, что одним из оснований отбора из огромного количества близких на первый взгляд образов может выступать определение функции персонажа. В случае с Πότνια θηρῶν эта функция связана с покровительством, господством над природой, её силами и сознательным их подчинением. Природы, понимаемой и как зона сознательной стихии агрессии, силы как реальной, так и фантастической (на что указывает подчинение женскому персонажу хищников, прежде всего, кошачьих и фантастических монстров). И природы, понимаемой как единая модель, объединяющая в себе различные зоны (тогда в качестве маркера, отмечающего владычество женского персонажа над всеми зонами, вероятно, вводится мотив водоплавающей птицы, а также крыльев у Πότνια θηρῶν). А далее, как следствие закрепления того, что важно с точки сохранения содержания, следует необходимость фиксации маркерной функции с применением определённых приёмов построения изображения, как-то, композиционных, атрибутики и т. п.

Выделим те иконометрические черты, которые будут слагать тип Πότνια θηρῶν, популярный в изобразительных памятниках начала – второй половины I тыс. до н. э. Для этого типа характерно применение приёма зеркальной симметрии, объединение персонажей в геральдическую (антитетическую) композицию, где центральный персонаж (Πότνια θηρῶν) на вытянутых напряжённых руках держит либо за задние лапы свисающих мордой вниз зверей, либо за шеи птиц (чаще всего водоплавающих);** наличие крыльев у Πότνια θηρῶν, богато украшенного платья, иногда – головного убора.

К выделенному типу Πότνια θηρῶν относятся большое количество памятников, происходящих в основном с территории Эгейского мира. Первые образцы, в которых начинает проявляться уже основной комплекс качеств, связанных с Πότνια θηρῶν, относят к позднеминойскому времени (см. подробнее: [Андреев, 2002, с. 297–317]).

Далее, воспроизводя, хоть и не дословно, правила репрезентации Πότνια θηρῶν, выделяется самая яркая серия достаточно близких (а порой и однотипных) памятников, происходящих опять с территории Эгеиды в достаточно ограниченный период с VII в. до н. э. – по середину VI в. до н. э.*** Этот временной промежуток отмечен не только репрезентативным количеством памятников, но и использованием при их создании различных металлов и сплавов,**** керами-

* В. Я. Пропп отмечает, что «под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [1969, с. 25].

** Как ещё один вариант, также популярна схема, составленная из стоящей в центре Πότνια θηρῶν, фланкированной привставшими на задние лапы животными.

*** Важно отметить, что при этом основной массив памятников приходится на VII в. до н. э.

**** Золотая подвеска с о-ва Родос (650–600 гг. до н. э.) из Художественного музея Кливленда; деталь электровой пекторали (ок. 630–620 гг. до н. э.) из собрания Лувра и электровая пластинка (640–630 гг. до н. э.) из собрания музея изящных искусств в Бостоне, происходящие из некрополя Камирос (о-в Родос); деталь бронзовой обшивки (ок. 600 г. до н. э.), возможно, работы мастерских о-ва Самос из собрания Национального Археологического музея в Афинах; ушные подвески (ок. 600 г. до н. э.) с о-ва Родос или из Синдоса (Македония) и др. См. также аналогии, используемые В. А. Киселём при анализе изображения на Келермесском зеркале [Кисель, 2003, с. 169–171, рис. 88–92].

ки,* слоновой кости.** Популярен этот сюжет был в вазописи,**** оформлении рельефных сосудов.**** Приведённые примеры изготовлены как памятники мобильного искусства, которое легко преодолевало границы, позволяя этому сюжету стать действительно «сквозным», распространяясь сквозь пространство культур и время.*****

Возможно, популярность образа Πότνια θηρῶν в рассматриваемый период связана с формированием представлений о таком важном женском божестве в пространстве Эгеиды как Артемиды. Хотя следует отметить, что, по мнению А. И. Зайцева, в восточной части Греции, «в Ионии её (Артемиды. – С. 3.) культы характеризуются чертами, говорящими скорее за сравнительно позднее, вторичное распространение» [Зайцев, 2005, с. 121]. Многие исследователи отмечают крайнюю близость между Πότνια θηρῶν и Артемидой. По мнению Т. Фишера-Хансена и Б. Польсена, Артемиды есть Πότνια θηρῶν [Fischer-Hansen, Poulsen, 2009, p. 11], а Г. Ч. Гусейнов персонаж, изображённый на ручках «Вазы Франсуа» называет Артемидой [Гусейнов, 1988, с. 124]. Культ Артемиды где-то, в отдельных составляющих, действительно генетически близкий Πότνια θηρῶν, где-то просто совпавший в силу близости функций и, следовательно, традиции их визуализации, превратил местную иконографическую схему, известную ещё с позднеримского времени в «сквозной сюжет». Следы популярности этого сюжета выходят за пределы Эгейского мира, встречаются, пусть подчас эпизодически, практически на всех пространствах Древнего мира. Важно напомнить и о скорости культурных обменов, которая существенно отличалась по темпам в I тыс. до н. э., и о разнонаправленности векторов культурных процессов, чем также отличалось это тысячелетие.

В искусстве евразийских номадов начала – второй половины I тыс. до н. э. данный тип представлен, прежде всего, изображением на Келермесском зеркале [Галанина, 1997, с. 230, табл. 1]. Сходство женского образа с образцами Πότνια θηρῶν, происходящими из восточнотетрапольского региона, отмечал ещё В. А. Кисель [1993, с. 114, 115]. Изображения, подобные келермесскому, редки на огромной территории евразийских степей. Возможно, «сквозной сюжет» оказался для данной культуры не столь уж необходимым, может и предназначенным для записи своего узнаваемого, но не вполне подошедшим. Данный образ либо остался в качестве образца чистого цитирования, либо, вероятно, неоднократно пытался трансформироваться в то, что будет востребовано. Как попытку усвоить и переработать данный «сквозной сюжет», можно попытаться рассмотреть бляшки с изображением так называемой Rankenfrau из кургана Куль-Оба и аналогичные ей изделия [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 102; кат. 21; табл. 11, 21]; изображение на гребне из Гаймановой могилы [Золото степу. Археологія України, 1991, с. 123, рис. 1] или же изображение на золотом налобнике из кургана Цимбалка [там же, с. 152, рис. 1].

При этом, описанные выше процессы ни в коем случае не означают того, что Πότνια θηρῶν получила своё развитие на территории евразийских степей. Если в качестве основополагающей функции главного персонажа принимать функцию господства, владычества над природной стихией, то, наверное, можно предположить, что данная функция может транслироваться по-разному, в зависимости от того, что та или иная культура понимает под знаком-символом сти-

* Керамический антефикс с фасада храма В из Museo della Civitella в г. Кьети; терракотовая пластина, происходящая из Локры или Таранто из собрания Лувра и др.

** Прежде всего, votivные предметы, происходящие из святилища Артемиды Орфии в Спарте из собрания Национального Археологического музея в Афинах (см. подробнее: [Андреев, 2008, с. 66–76]); основной корпус памятников датируется третьей четвертью VII в. до н. э. [там же, с. 72].

*** Амфора из Беотии (ок. 680 г. до н. э.) из собрания Национального Археологического музея в Афинах; алабастр ок. 600 г. до н. э. из Национального музея в Варшаве и чрезвычайно близкие ему коринфские алабастры конца VII в. до н. э. из Археологического музея на о-ве Делос.

**** Пифос, найденный в Фивах (ок. 625–600 гг. до н. э.), возможно производства мастерских с Наксоса, из собрания Национального Археологического музея в Афинах; рельефная ваза с Крита середины VII в. до н. э. из собрания Музея Израиля в Иерусалиме.

***** Этрусская золотая шпилька с изображением Πότνια θηρῶν из коллекции маркиза Кампана (около 630 г. до н. э.) из собрания Лувра и серебряный сосуд № 158 из Рогозенского клада (втор. пол. IV в. до н. э.) из собрания Городского исторического музея г. Врацы [Маразов, 1996, с. 145–159]. Изображение Πότνια θηρῶν на ручках чернофигурного кратера, так называемая Ваза Франсуа (около 570–560 гг. до н. э.) работы вазописца Клития из собрания Археологического музея (Флоренция) [Beazley Archive Number 300000].

хийно-природного. Так, как отмечает О. С. Советова, «для наскального искусства Минусинской котловины характерен особый вариант ... – т. н. сюжет «Господин коней» (Оглахты, Куня), датированный раннескифским временем, удивительнейшим образом перекликающийся с изображениями греческой вазописи рубежа VIII–VII вв. до н. э., когда в качестве «мирового древа» выступает реалистическая антропоморфная фигура. Практически больше нигде он в таком "чистом виде" не встречается» [Советова, 2011, с. 387; см. также: Шер, 1993].

Ещё раз, возвращаясь к особенностям функционирования «сквозных сюжетов» и подводя итоги, важно помнить о необходимости понимания правила ретрансляции и усвоения образцов, которое заключается в необходимости дать возможность прочтения необходимых ассоциативных рядов в чужом (а подчас и в совершенно незнакомом) образце, для того, чтобы он (образец) был принят и усвоен, так как «изобразительный текст не просто выражал обозначенную идею, но передавал практически всю многозначность связанного с ней мировоззренческого смысла и ... был понятен людям, говорившим на разных языках» [Раевский, и др. 2013, с. 158].

Безусловно, изложение проблемы в данной статье носит предварительный характер. Более детальное исследование, с привлечением методов количественного и качественного анализов, позволит говорить о причинах востребованности тех или иных сюжетов/тем как в рамках культурного пространства в целом, так и отдельной культуры.

Список литературы

- Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – 870 с.
- Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 342 с.
- Антонова Е. В. Люди и природа в неолитической Анатолии (некоторые итоги исследований в 1990-х годах) // Восток (Oriens). 2003. № 1. – С. 120–126.
- Антонова Е. В. К интерпретации вещественных источников: синхрония и диахрония // Вестник древней истории. 2011. № 4. – С. 8–29.
- Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М., 1987. – 270 с.
- Гусейнов Г. Ч. «Ваза Франсуа» и некоторые проблемы античной мифографии // Мат-лы научной конференции «Вишперовские чтения - 1985» (вып. XVIII). – М.: «Советский художник», 1988. – С. 116–125.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.
- Журавлёв Д. В., Новикова М. С., Шемаханская М. С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. – М.: Исторический музей, 2014. – 352 с.
- Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2005. – 208 с.
- Золото степи. Археология Украины. – Київ: Інститут археології АН України; Шлезвіг: Археологічний музей. – 438 с.
- Кисель В. А. Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // Вестник древней истории. 1993. №1. – С. 111–125.
- Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.
- Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.
- Кубарев В. Д. Загадочные росписи Каракола. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 75 с.
- Маразов И. Съкровището от Рогозен. – София: ИК «Секор», 1996. – 327 с.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Древнего Востока. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
- Пропт В. Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
- Раевский Д. С., Куланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 274 с.
- Советова О. С. Геральдические (антитетические) композиции в наскальном искусстве // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. 1. – СПб.; М.; Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, 2011. – С. 386–388.
- Файт В. Иконичность ранних форм в искусстве // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 1993. – С. 61–80.
- Хлобыстина М. Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // У истоков творчества (Первобытное искусство). — Новосибирск: Наука, 1978. – С. 155–163.
- Храпченко М. Б. Природа эстетического знака // Семиотика и художественное творчество. – М.: Наука, 1977. – С. 3–41.
- Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 1993. – С. 91–100.
- Шер Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб., 1993. – С. 17–22.
- Beazley Archive [Электронный ресурс]: University of Oxford / The Classical Art Research Centre. – Электрон. дан. – [Oxford]: Classical Art Research Centre. – Режим доступа: <http://www.beazley.ox.ac.uk/index.htm>
- Fischer-Hansen T., Poulsen B. From Artemis to Diana: The Goddess of Man and Beast. – Museum Tusulanum Press, 2009. – 585 p.

А. П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия***ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
ЗАПАДНОГО СКЛОНА ХРЕБТА САЛЬДЖАР (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)**

Общее количество петроглифов в урочище Сальджар составляет несколько тысяч. В этом урочище для наскальных изображений существует преемственность в их развитии на протяжении почти пяти последних тысячелетий. К таким петроглифическим комплексам на Горном Алтае относятся – Бичикту-Бом в бассейне реки Урсул, Калбак-Таиш на слиянии рек Катунь и Чуя, Елангаиш и Чаганка в бассейне р. Чуя и высокогорное плато Укок на границе России с Китаем и Монголией

Ключевые слова: *Горный Алтай, Сальджар, петроглифы, сюжеты охоты на животных.*

A. P. Borodovsky

*Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia***ROCK ART SITES IN THE WESTERN SLOPE OF THE SALDZHAR RANGE
(GORNÝ ALTAI)**

The total amount of petroglyphs on the western slope of the Saldzhar Range amounts to thousands of images. This mountain area demonstrates an obvious succession in the development of rock paintings for almost last five thousand years. The representativity of the Saldzhar petroglyphs allows bringing it into line with the previously well-known, large-scale rock art sites. Such locations of petroglyphs in Gorny Altai include Kalbak-Tash on the Katun, Elangash and Chaganka in the Chuya catchment as well as the highland plateau of Ukok on the Russian-Chinese-Mongolian border.

Keywords: *the Altai Mountains, the Saldzhar, petroglyphs, hunting scenes.*

Горы Алтая – это одна из обширных естественных галерей древних наскальных рисунков на территории Евразии. Поиск их и изучение продолжается уже больше 150 лет. При всей многочисленности наскальных рисунков Горного Алтая, они встречаются далеко не повсеместно. Есть обширные территории, где случаи выявления петроглифов вообще пока не известны, тогда как на других скальных участках отмечается высокая плотность размещения древних изображений. Одним из таких мест, богатых на древние наскальные изображения, является труднодоступное урочище Сальджар на правом берегу Катунь у западного склона одноимённого горного хребта [Borodovskiy, 2015]. Он расположен на территории современного Онгудайского района Республики Алтай и входит в сложную орографическую структуру Северо-Восточного Алтая, находясь на южном участке этого горного района. Буквальный перевод с алтайского топонима «Сальджар» означает «берег с разветвлениями, рукавами, притоками» [Молчанова, 1979, с. 281]. От места стыка нескольких горных хребтов у Красных ворот Сальджар ориентирован на запад. Максимальная высота этого горного хребта составляет 2340 м. Западный склон хребта Сальджар упирается в естественно изолированный участок правобережной части долины р. Катунь, где ещё в начале XX века проходил колёсный Чуйский тракт, построенный во времена Российской империи с двумя переправами у кордона Кур Кечу (Кор кечу) и Малого Яломана. Ранее (1898 г.) на этом участке существовала дорога, которая проходила по катунскому побережью, затем поднималась на Сальджарский перевал и проходила далее по реке Карасу, выходя затем на Чуйский тракт в районе современной деревни Иня Онгудайского района [Бородаев, Контев, 2007, с. 120, 121].

Одно из первых описаний территории вдоль западного склона хребта Сальджар было сделано П. А. Чихачёвым ещё в первой половине XIX века. Он отметил, что «21 мая (2 июня) при-

мерно полтора часа мы шли вдоль правого берега реки Катунь. Крутые берега скрывают реку от наших глаз, но глухой рёв воды постоянно передает её близость. Мы пересекли скалы, преграждавшие нам путь, и очутились в прекрасной долине (долина Сальджара). Местами она чрезвычайно живописна, особенно там, где открывается вид на Сальджарские горы, которые в бытность мою ещё были покрыты снегом» [Чихачёв, 1974].

В начале XX в. известный знаток Русского Алтая профессор В. В. Сапожников так описывал эту местность: «Прямая дорога левым берегом Катунь невозможна, так как на довольно большом протяжении к реке подходят обрывистые скалы. Здесь проходила довольно трудная вьючная тропа с перевала Юркошь (верблюжьих колючек), но о проведении здесь колесной дороги не могло быть и речи. У Кор-кечу другая дорога спускается с высокой террасы к берегу Катунь прямо на паром.... На правом берегу опять крутой подъём на террасу и к вашим услугам ровная дорога по довольно широкой степной долине с мелкой травкой... Около 3-х часов вы едете прекрасной ровной дорогой по красноватой степи. Перед хребтом Сальджар, упирающимся в правый берег Катунь из боковой долины выходит речка Сальджар, которая разведена арыками по небольшому участку степи, засеянному хлебом. Пшеничный хлеб, выращенный на степной почве Катунской террасы, редкой белизны и отличного вкуса. К сожалению, боковых речек слишком недостаточно, чтобы оросить всю степь между Кор-кечу и Сальджаром... Немного выше устья Большого Еломана хребет Сальджар выходит к Катунь, образуя Боозолу – бом, где дорога проходит по скальному карнизу; к которой примыкает высокая терраса; в последней откопана дорога в виде узкого карниза, которая спускается к небольшой пойме реки и приводит ко второму перевозу через Катунь на левый берег между бомом Кынгарь и устьем р. Малый Еломан» [Сапожников, 1912, с. 65].

В настоящее время (как и в конце XIX в.), на этот обширный участок Катунского правобережья ведёт только одна грунтовая дорога по долине р. Карасу за селом Малая Иня, а затем, через горный перевал высотой более 1750 м, которая спускается в ущелье, где и берёт свое начало одноимённый с хребтом ручей Сальджар.

Отсутствие хороших дорог и естественная изолированность прикатунских территорий Сальджара вплоть до настоящего времени существенно усложняли возможности для археологических работ. В конце прошлого столетия здесь проводили исследования лишь немногие из археологов. Среди них В. А. Могильников (Москва) [Могильников, 1981, с. 197, 198], Е. П. Маточкин, В. Д. Кубарев (Новосибирск) [Кубарев, Маточкин, 1992] и О. В. Ларин (Горно-Алтайск) [Ларин, 2005]. Проведённый автором в 2012–2013 гг. тотальный учёт расположения различных археологических памятников на этой территории, включая петроглифы, открывает широкие возможности для их культурно-исторической атрибуции.

Основная часть древних рисунков Сальджара располагается на горных склонах, хорошо освещённых в утренние и вечерние часы, поскольку имеют они преимущественно юго-восточную экспозицию. Изображения на скалах размещены ярусами, в зависимости от наличия подходящих ровных скальных поверхностей. Часть петроглифов нанесена на скальные выходы в глубине горных массивов, другие выбиты на утёсах, обрывающихся у р. Катунь (рис. 2: 1, 2, 7). Довольно много наскальных изображений можно обнаружить на большом количестве массивных скальных блоков, составляющих своеобразные «сады камней». В целом, для территории западного склона хребта Сальджар представлено несколько разновидностей петроглифических местонахождений. Среди них: петроглифы на скальных плоскостях (Малый Мигуля 2, Большой Мигуля 9, Аных, Кара Корум 16, Убан Кобы 8, 9 и 10, Аныйак 5, 7 и 12, Ручей Сальджар 7 и 10, Кор Кобы I, II, III, 2, 8, 15, 16 и 21, Кор Кобы Бажи 2 и 5), петроглифы на отдельных скальных блоках (Каракорум, Кара Корум 1а, Убан Кобы 1, Кайну Кобы 4, Кор Кобы III и 8, Сальдьяр Бел 1), петроглифы на гальках («мобильное искусство») (Сальдьяр-Катунь), петроглифы на каменных погребальных конструкциях (Сальдьяр 1). В настоящее время общее количество выявленных петроглифических местонахождений составляет более 40 объектов археологического наследия.

Общее количество петроглифов в урочище Сальджар составляет несколько тысяч. Среди основных наскальных изображений представлены козлы и бараны (рис. 2: 6). Следует отметить, что часть петроглифов имеет отчётливые стилистические признаки (гипертрофированные рога

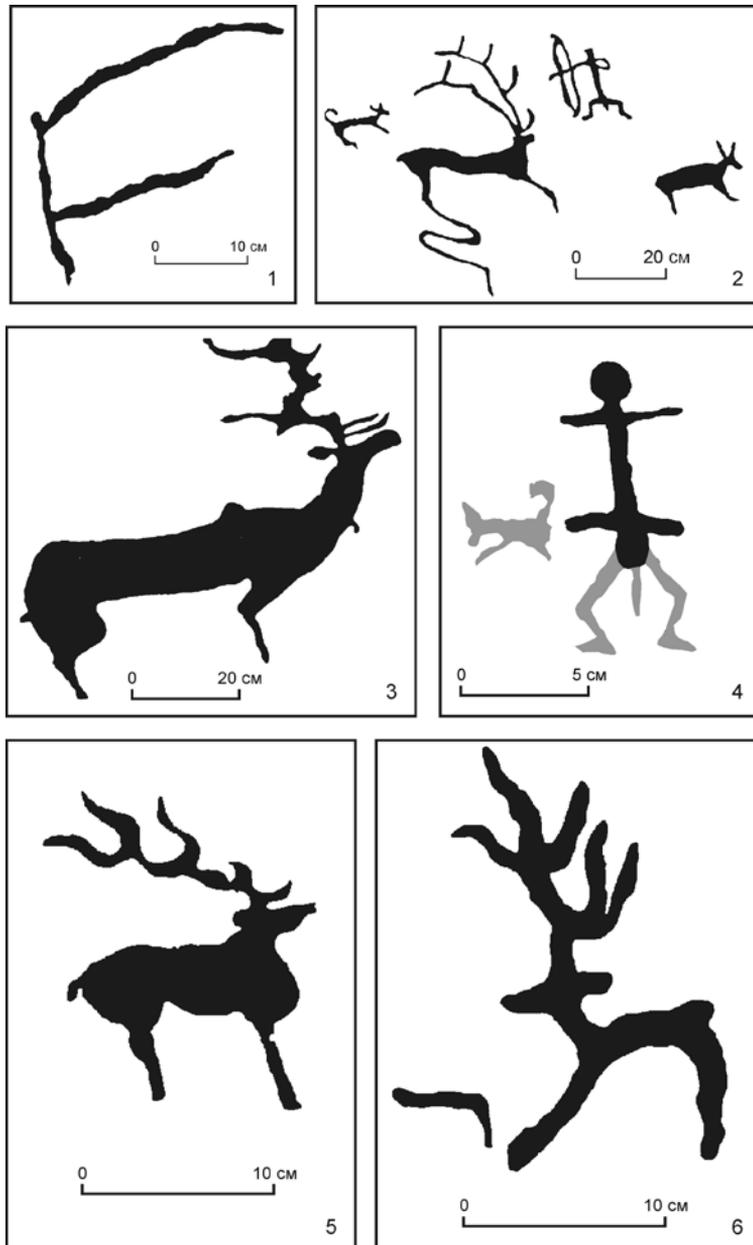

Рис. 1. Петроглифы Сальджара: 1, 3 – Сальджар-прижим; 2 – Убан Кобы 9; 4 – Убан Кобы 10; 5, 6 – Кара Корум.

с рельефными валиками, геометрический орнамент на туловище), позволяющие отнести их к эпохе развитой бронзы (Убан Кобы 9).

Другие образы (быки, олени, лошади, кабаны) немногочисленны, но достаточно разнообразны. Изображения быков (Аныхах) с длинными направленными вперёд рогами имеют явные аналогии среди петроглифов Центральной Азии (Тамгалы, Сауыскандык в Казахстане) эпохи бронзы [Самашев, 2006, с. 27, 28] (рис. 2: 3, 4). Некоторые фрагменты изображений быков или оленей (рис. 1: 1), возможно, относятся к эпохе энеолита [Кубарев, 2003, с. 52, рис. 1]. Значительная часть изображений оленей Сальджара относится к различным периодам эпохи раннего железа (рис. 1: 3, 5, 6). Такую периодизацию возможно установить, исходя из особенностей рогов, позы животного (с вытянутыми или подогнутыми ногами), а также параллелей с аналогичными изображениями на оленных камнях и металлопластике ранних кочевников.

типов рогов оленей на петроглифах Сальджара эпохи раннего железа соответствует их общей типологии для Горного Алтая [Базайченко, 2009, с. 13]. Часть этих животных изображалась очень больших размеров с огромными и непропорциональными естественным размерам рогов и мордой, чем-то напоминающей птичий клюв (**рис. 2: 5**). Такая стилистическая манера сформировалась в заключительный период эпохи бронзы на территории Забайкалья и Монголии в оформлении оленных камней и получила своё широкое распространение вплоть до территории Горного Алтая [Черемисин, 2012]. Выявление петроглифических изображений «в стиле оленных камней» [Савинов, 1990] является одной из особых тем петроглифических исследований [Черемисин и др., 2013, с. 372]. Следует отметить, что для Сальджара, так же, как и для всего Горного Алтая отсутствовали «статуарные прототипы с образцами этого стиля, хорошо известными на территории Горного Алтая» [там же, с. 373]. Подчеркнём, что единственный фрагмент оленного камня, обнаруженный автором на перевале Сальджар, имел на своей плоскости только несколько параллельных черт [Бородовский, 2016, с. 5, 6, рис. 3]. Стилистика изображения оленей Сальджара (Кор Кобы III) (**рис. 2: 5**) близка к третьему изобразительному комплексу Тувы скифского времени [Килуновская, 2001, с. 180, 181]. Не менее важным было и то, что другие изображения оленей (Каракорум) Сальджара (**рис. 2: 5**) имели явные параллели с металлопластикой раннескифского времени из Аржана 2 в Туве [Миклашевич, 2010, с. 138, Табл. II, 1,3; Cugunov, Parzinger, 2010, S. 359, taf. 33, 1] и некоторыми петроглифами из конструкции этого элитарного погребального комплекса [Cugunov, Parzinger, 2010, S. 135, Abb. 114, 1; S. 141, Abb. 121].

Среди петроглифов Сальджара эпизодически встречаются и антропоморфные изображения, часть из которых представлена всадниками и активными участниками охотничьих сцен с участием собак (Убан Кобы 9, 10) (**рис. 1: 2, 4**). В некоторых случаях этот сюжет может перекрывать более ранние изображения рожениц (Убан Кобы 10) (**рис. 1: 4**).

Не менее интересным является единичное изображение (Аныйяк 5) одноколёсной повозки. На Горном Алтае такой петроглиф имеет определённые аналогии с наскальными изображениями транспортных колёсных средств Сары-Сатака [Окладников и др., 1982, табл. 102, 7]. Среди петроглифов Казахстана (Сауыскандык) такие изображения интерпретируются как «шатровые телеги» [Самашев, 2006, с. 124, 134]. Считается, что хронология таких петроглифических изображений относится к рубежу эр [Мухарева, 2011, с. 76; Мухарева, Советова, 2012, с. 70].

Важное значение для культурно-хронологической интерпретации как самих наскальных рисунков, так и для выяснения их роли в погребальной обрядности, имеет их наличие на деталях конструкций надмогильных сооружений. На некрополе Сальдьяр 1, исследовавшемся с 1988 по 1991 гг. О. В. Лариным [2005] в 2012 г. в ходе работ по трассе газопровода «Алтай» были осмотрены два петроглифических изображения. Также в раскопе кургана был обнаружен фрагмент плиты с ещё несколькими наскальными рисунками. В первом случае на узких камнях-блоках кромлеха афанасьевского кургана (ограда № 15) на северо-западной стороне нанесены изображения двух фигур горных козлов теке. Фотография этих петроглифов присутствует в полевом отчёте О. В. Ларина. В монографическом издании приведено следующее описание указанных наскальных изображений: «Плиты были впущены в материк и прорезали слой погребенной почвы. На двух камнях ограды с северо-восточной стороны были выбиты изображения животных (архар!?) и человек с луком» [Ларин, 2005, с. 17]. При недавнем осмотре описанных наскальных изображений фигуру лучника не удалось идентифицировать. Поэтому приведём краткую характеристику этих петроглифов. На камнях кромлеха у одного из животных рог изображён в виде массивных дуг, что соответствует манере изображения рогов козлов в эпоху бронзы. Манера нанесения и скальный загар описанных изображений имеет явное сходство с петроглифами, находящимися в непосредственной близости от афанасьевского некрополя Сальдьяр 1 на соседних скальных поверхностях, расположенных северней могильника [Ларин, 2005, с. 10, 37, рис. 2]. Аналогичные изображения козлов с сильно закрученными рогами нанесены также на достаточно близко расположенном петроглифическом местонахождении Аныхах. Однако однозначно установить время нанесения петроглифов на поверхность камней кромлеха афанасьевского кургана достаточно проблематично, поскольку край камней не был перекрыт грунтом, относящимся к афанасьевской погребальной конструкции. Об этом достаточно отчёт-

ливо свидетельствует различие цвета камня в погребённой и непогребённой частях. Сложности с выявлением лучника на петроглифической композиции связаны не только с проблемами его визуальной идентификации на конкретной скальной поверхности, но и его хронологической атрибуцией. Для урочища Сальджар в целом достаточно хорошо представлен такой охотничий сюжет, который уверенно можно относить к эпохе развитой бронзы и раннему железу, но не к эпохе энеолита.

Другие петроглифические изображения, на обломке плиты, обнаруженном в раскопе этого же кургана Сальдьера 1, не упомянуты ни в отчете О. В. Ларина, ни в его монографии. Они имеют незаконченный характер. Только в одном случае можно однозначно установить, что изображена фигура копытного. Однако манера нанесения и насыщенность скального загара этих изображений несколько иная, чем на петроглифах на камнях погребальной конструкции (ограда № 15). Поэтому следует рассмотреть два варианта расположения скального обломка с петроглифами в кургане. Во-первых, это сколотая или естественно разрушенная скальная поверхность, которая могла быть помещена в качестве строительного материала при сооружении афанасьевского кургана. Во-вторых, это более поздние петроглифы, попавшие в разрушенном состоянии на поверхность более древнего кургана. Такие факты неоднократно выявлялись при исследовании каменных погребальных сооружений эпохи палеометалла на территории Горного Алтая. Например, находки петроглифов на каменных насыпях встречены в Чуйской степи [Бородовский, 2003, с. 38]. На территории горной долины нижней Катунь в каменной закладке детского погребения одного из курганов скифского времени Чултукова Лога 1 был также обнаружен петроглиф, имеющий явные аналогии с отдельными наскальными изображениями Сальджара.

Таким образом, интерпретация связи описанных петроглифических изображений с афанасьевского могильника Сальдьера 1 будет далеко не однозначна. Однако если рассматривать их принадлежность с точки зрения стиля как индикатора культурно-хронологической принадлежности, то очевидны два факта. В первом случае, изображения козлов на каменной конструкции кургана вполне соответствуют, эпохе бронзы и возможно могут быть использованы для идентификации афанасьевского пласта среди многочисленных петроглифов урочища Сальджар на правом берегу р. Катунь. Во втором случае, скальная плита с изображениями из раскопа кургана, если она также была выполнена в афанасьевское время, может быть тоже использована для приведённой выше культурно-хронологической идентификации петроглифов. Разница между этими случаями заключается лишь в том, что изображения горных козлов на камнях ограды афанасьевского кургана Сальдьера 1 достаточно типичны для эпохи бронзы, а вот изображение животного на плите из раскопа этого памятника без привязки к афанасьевскому погребальному комплексу было бы очень сложно соотносить с указанным временем. Если такое положение верно, то можно говорить ещё об одном образе в петроглифических изображениях, соотносимых с эпохой бронзы.

В целом, выявленные петроглифы в афанасьевском кургане могильника Сальдьера 1 представляют собой ещё один из возможных прецедентов культурно-хронологического соотношения многочисленных писаниц урочища Сальджар с погребальными комплексами определённого периода. Этот подход приемлем и для других эпох (развитая бронза, раннее железо, средневековье и этнографическое время). Таким образом, можно говорить о реальной возможности корреляции различных типов археологических памятников (петроглифы и курганы) урочища Сальджар как инструмента для выявления культурно-хронологических периодов освоения этой территории верхней Катунь.

Для петроглифов Сальджара можно отметить ещё одну особенность. В этом урочище для наскальных изображений характерна отчётливая преемственность развития на протяжении нескольких тысячелетий. К таким петроглифическим комплексам на Горном Алтае относятся: Бичикту-Бом в бассейне реки Урсул, Калбак-Таш на слиянии рек Катунь и Чуя, Елангаш и Чаганка в бассейне р. Чуя и высокогорное плато Укок на границе России с Китаем и Монголией. Многочисленность, стилистическое многообразие и различная хронология наскальных изображений Сальджара открывает широкие возможности для создания ещё одной относительной культурно-хронологической колонки для петроглифов Горного Алтая.

Список источников и литературы

- Базайченко А. В. Наскальное искусство скифской эпохи Горного Алтая. Автореф. канд. дис. – Кемерово, 2009. – 19 с.
- Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2007. – 216 с.
- Бородовский А. П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XIII. – Барнаул, 2003. – С. 33–39.
- Бородовский А. П. Каменные изваяния правобережья Катуня у западного склона хребта Сальджар // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Вып. 2. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2016. – С. 5–7.
- Киуновская М. Е. Типология и хронология памятников искусства скифского времени Тувы // Евразия сквозь века. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. – С. 179–182.
- Кубарев В. Д. Алтай-Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. – № 10. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 46–61.
- Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 124 с.
- Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул, 2005. – 208 с.
- Миклашевич Е. А. Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 135–147.
- Мозильников В. А. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 197–198.
- Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1979. – 398 с.
- Мухарева А. Н. Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2011. – С. 72–78.
- Мухарева А. Н., Советова О. С. О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IX. – М., Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 67–75.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.
- Савинов Д. Г. Петроглифы в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 174–181.
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006. – 200 с.
- Сапожников В. В. Пути по Русскому Алтаю. – Томск, 1912. – 170 с.
- Чихачёв П. А. Путешествие в Восточный Алтай. 1842 г. – М.: Наука. 1974. – 360 с.
- Черемисин Д. В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 310–315.
- Черемисин Д. В., Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIX. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 369–373.
- Borodovskiy A. P. Petroglyphs of Saldzhar // International multidisciplinary scientific conferences on social science & arts. 26 August – 9 September 2015, Bulgaria. SGEM conference on anthropology, archaeology, history, philosophy. – Albena, 2015. – P. 269–274.
- Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasian 26, Steppenvolker Eurasian 3, – Mainz, 2010. – 424 S.

Рис. 2. Петроглифические местонахождения Сальджара:

- 1 – скальная плоскость с петроглифами (Убан Кобы 9); 2 – петроглифическое местонахождение Убан Кобы; 3 – изображение быка (Аньях); 4 – изображение быка (Аньйак-5); 5 – изображение оленей (Кор Кобы III); 6 – изображения козлов (Убан Кобы); 7 – общее расположение петроглифических местонахождений (Убан Кобы 8, 9, 10) у одного из скальных прижимов Сальджара.

Изображения на
керамических
сосудах Гонур-депе.
Рис. 1–5 к статье
Н. А. Дубовой,
Р. М. Сагаева,
А. В. Фрибуса,
С. П. Грушина.

Н. А. Дубова

*Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
Москва, Россия*

Р. М. Сагаев

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
Москва, Россия*

А. В. Фрибус

*Кемеровский государственный университет. Алтайский государственный университет
Кемерово, Россия*

С. П. Грушин

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОДНОГО ИНТЕРЕСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИЧЕСКОМ СОСУДЕ С ГОНУР-ДЕПЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом изображений на керамических сосудах с известного памятника эпохи бронзы Средней Азии – Гонур-депе. Предлагаются основные подходы к классификации таких изображений по технике исполнения и содержанию. Более детально анализируется фрагмент сосуда с изображением «храмовой постройки» с раскопа 12, исследованного в 2014 г. На основе широкого круга аналогий доказывается, что помещённое на нём изображение в деталях повторяет широко распространённый на Ближнем Востоке «архитектурный» сюжет, особенно часто встречающийся на стеатитовых изделиях. В данном случае, это его местная, бактрийско-маргианская интерпретация, выполненная не в камне, а на керамике, в технике, типичной для Гонур-депе. Это ещё одно свидетельство близости ритуально-мифологических представлений населения Маргианы, Бактрии и более южных территорий в конце III – нач. II тыс. до н.э.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Средняя Азия, археология, Туркменистан, Гонур-депе, изображения на керамике, древнее искусство, ритуал, антропология.

N. A. Dubova

*N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

R. M. Sataev

*N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

A. V. Fribus

Kemerovo State University. Altai State University. Kemerovo, Russia

S. P. Grushin

Altai State University. Barnaul, Russia

FEATURES OF A PECULIAR IMAGE ON A CERAMIC VESSEL FROM GONUR-DEPE

The article deals with issues related to the analysis of images on ceramic vessels from the famous Central Asian Bronze Age site – Gonur-Depe. The authors propose main approaches to the classification of such images by the technique of execution and their content. They give a detailed analysis of a vessel fragment with the image of 'a temple construction' from excavation 12, investigated in 2014. On the basis of a wide range of analogies it is proved that the image on it repeats in detail a widespread in the Middle East 'architectural plot', especially common on steatite objects. In this case, it was a local, Bactrian-Margiana, interpretation made not in stone, but in ceramics, the technique typical of Gonur-Depe. This is another evidence of the similarity of ritual and mythological concepts of the population of Margiana, Bactria and farther southern areas in late III – early II millennia BC.

Keywords: the Bronze Age, Middle Asia, archaeology, Turkmenistan, Gonur-Depe, images on ceramics, ancient art, ritual, anthropology.

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-01-00288, тема «Палеоантропологическое изучение памятника эпохи бронзы Гонур депе (Туркменистан)» и поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Гонур-депе («Серый холм» или в другом переводе с туркменского языка «бурый холм») – один из крупнейших и хорошо известных памятников эпохи бронзы Средней Азии, предполагаемый столичный город Древней Маргианы (страны Маргуш) [Сарианиди, 1990; 2001; 2002; 2006; 2008 и др.]. Памятник располагается в песках Юго-Восточных Каракумов в 85 км к северу от г. Байрамали (Марыйский вেলাят Республики Туркменистан). Наряду с другими поселениями древней дельты р. Мургаб, Гонур-депе исследуется с начала 1970-х гг. Маргианской археологической экспедицией, организованной Институтом археологии АН СССР (в настоящее время ИА РАН), а ныне проводящей свои работы в рамках Соглашения о сотрудничестве между Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. С основания экспедиции до самой своей кончины в 2013 г. её бессменным руководителем оставался В. И. Сарианиди.

Общие особенности Гонур-депе вполне соответствуют характеристике, озвученной Ю. В. Берёзкиным в отношении другого известного и уникального памятника Алтын-депе: «Обычно исследователь имеет дело с культурами, фазами, горизонтами, традициями и т. п., представленными множеством памятников. Крупные ближневосточные телли являют собой исключение, поскольку каждый из них и по количеству обитателей в эпоху функционирования, и по длительности существования, и по своеобразию вещевых наборов сопоставим скорее с целой культурой, нежели с отдельным поселением или могильником где-нибудь в лесной полосе» [Березкин, 2005, с. 8]. К такой категории «памятников–культур» следует относить и Гонур-депе.

Площадь гонурского поселения составляет более 70 га, а мощность культурного слоя доходит местами до 5 м. Памятник включает многочисленные монументальные постройки, выполненные из сырцового кирпича, и состоит из двух основных объектов: Северного Гонура – административно-культурного центра с примыкающим могильником и «царским некрополем» и Южного Гонура («теменос», с примыкающим небольшим «могильником теменоса») [Сарианиди, 2004; 2006; Дубова, 2004; Дубова, Мурадова, 2008 и др.]

Кроме того, в 2007–2009 гг. к юго-востоку от теменоса были выявлены несколько полей скопления обломков керамических сосудов, сконцентрированных вокруг разрушенных гончарных печей. В плане они имеют форму вытянутых по оси север–юг неправильных овалов, располагающихся на некотором отдалении друг от друга. С севера на юг описанные объекты простираются более чем на 1,5 км. Было сделано предположение, что обнаруженные памятники являются сателлитными поселениями Гонур-депе, что подтвердилось проведёнными здесь раскопками [Сарианиди, Дубова, 2012, с. 39–45, 51, 52].

В центре Северного Гонура находится дворец – предполагаемая резиденция правителя и его семьи, которая включает парадные, административные, подсобные помещения и «комплекс погребальных ритуалов». Эти постройки, формирующие своеобразный кремль, обнесены мощной стеной, укреплённой башнями. Кремль окружали культовые сооружения, ограждённые по всему периметру вторым рядом стен – каре. За пределами каре располагались постройки разного назначения, в том числе так называемая «площадь общественных трапез», большой и несколько малых бассейнов. Снаружи эти сооружения, занимающие площадь около 25 га, защищены невысокой обводной стеной. На расстоянии около 350 м к югу от дворцово-храмового комплекса, был возведен «теменос» («священный участок») выстроенный несколько позже основания кремля – ориентировочно во II тыс. до н. э. [Сарианиди, 1994; 1997]. В 300 м западнее кремля располагался Большой некрополь [Сарианиди, 2001; Sarianidi, 2007].

Материалы, демонстрирующие высокий уровень развития культуры, искусства, архитектуры, ремёсел древнего населения, позволяют охарактеризовать Гонур-депе как типичный объект

Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, который объединяет памятники Мургабских оазисов (Древняя Маргиана), сапаллинской культуры и северного Афганистана (Бактрия) [Сарианиди, 1990; 2001; 2002 и др.], а также ряд известных поселений в Кермане, Белуджистане и на южных отрогах Копетдага.

Хронологические рамки существования гонурского поселения, согласно серии радиоуглеродных дат, определяются к настоящему времени в рамках 2500 – 1500 лет до н. э., при наиболее интенсивном его использовании на рубеже 2000 г. до н. э. [Зайцева и др., 2008]. При этом по данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования выделяется несколько периодов функционирования древнего города [Сарианиди, 2007]: 1) со времени основания и до «Большого пожара» (2300/2250–1800 гг. до н. э.); 2) 200-летний период после пожара (1800–1600 гг. до н. э.); 3) уход правящей элиты вслед за перемещающейся на запад водой р. Мургаб и постепенное запустение жизни на поселении (около 1600 гг. до н. э.). Согласно последним радиоуглеродным датам первый период длился не дольше, чем до 2000–1900 гг. до н. э., а второй (после «Большого пожара») – с 1900 по 1700 гг. до н. э. Окончательно поселение прекратило свое существование к 1500 г. до н. э.

Основой жизнеобеспечения древнего населения Гонур-депе являлось орошаемое земледелие, придомно-отгонное животноводство, ремесленное производство. В ранний период существования поселения орошение имело примитивный лиманный характер [Sataev, Sataeva, 2014]. Позднее стало развиваться ирригационное орошение. Главными возделываемыми видами являлись пшеница и шестирядный ячмень, также выращивались другие зерновые, бобовые, садовые, бахчевые культуры [там же]. Было развито виноделие. Население содержало 8 видов домашних животных: овец, коз, крупный рогатый скот, свиней, верблюдов, ослов, лошадь и собаку [Сатаев, 2006; 2008 и др.]. Заметное место в жизни гонурцев занимало ремесло: гончарство, металлообработка, деревообработка, обработка камня, скорняжное и текстильное производство.

В целом, стоит отметить, что богатый, нередко сенсационный археологический материал позволяет достаточно аргументированно реконструировать религиозные представления древнего народа, социальное устройство общества, планировку поселений, искусство, архитектуру и условия их жизни, торговые и культурные контакты древнего населения Гонура [Сарианиди, 1990; 1997; 2001; 2002; 2004; 2008; 2010 и др.; Сарианиди, Дубова, 2012; Дубова, 2004; Дубова, Мурадова, 2008; и др.]. Нельзя не подчеркнуть, что палеоантропологический материал, полученный благодаря раскопкам этого памятника, достаточно чётко показал реальную миграцию в дельту р. Мургаб населения из более юго-западных районов [Бабаков и др., 2001; Дубова, 2014; Dubova, Rykushina, 2004, 2007].

Однако, учитывая большой объём материала, полученного за много лет раскопок Гонур-депе, далеко не все аспекты материальной культуры получили своё отражение в научных публикациях. Среди них изображения на керамических сосудах. Принимая во внимание, что сосуды гонурцев (как изготовленные на гончарном круге, так и лепные) преимущественно не орнаментировались (крайне редко встречается ангоб, кольцевые линии или грубо выполненная сетка), эти изображения представляют отдельный интерес. Данная работа, безусловно, не является полным анализом всех известных изображений, это лишь первый опыт обобщения и анализа таковых.

В общем виде все изображения на керамических сосудах БМАК можно разделить по технике исполнения на *объёмные – скульптурные* (на самом Гонуре целые сосуды с таковыми не встречены, но известны с маргианского памятника Тоголок 1; на Гонуре имеются отдельные фигурки, которые полностью аналогичны найденным *in situ* тоголокским), *рельефно-выпуклые* («барельефные», в виде налепов на поверхности сосуда) (**рис. 1**) и *контррельефные* (углублённые – вырезанные на сырой глине). В свою очередь, контррельефные изображения могут быть «штампованными» (оттиски) и «мануальными» (нанесёнными вручную). Кроме того, среди изображений выделяются «предметные» (один образ, знак или символ), «орнаментальные» (повторение нескольких одинаковых элементов) и «композиционные» (сочетание разных, в том числе и по технике исполнения, изображений). Встречающиеся мотивы характеризуются, как «геомет-

рические» (символы, знаки) (рис. 2, 4), «антропоморфные» (на Гонуре единичны), «зооморфные» (рис. 1), «фитоморфные» (рис. 3), «сюжетные» (например: «процессия скульптурных фигурок в виде животных, птиц и людей» [Сарианиди, 1990, с. 44] или достаточно многочисленные «козлы, фланкирующие древо жизни»). При этом функциональное назначение сосудов с изображениями, как и собственно самих изображений на них могло быть разным. Исключительно для использования в ритуалах предназначались сосуды с налепными фигурками по венчику (насаженные на венчик) [Сарианиди, 1990, с. 44; Антонова, 2004, с. 193], а также сосуды с комбинированными (рельефно-выпуклыми и контррельефными), композиционными, сюжетными изображениями. Типичными представителями последних являются обнаруженные на Гонуре сосуды с носиками-сливами, «оформленными в виде бычьих голов с изогнутыми рогами и налепными миндалевидными глазами» [Сарианиди, 2006, с. 269], а также сосуды с налепными фигурами «козлов» (в двух случаях верблюдов), сочетающимися с прочерченным «древом жизни». В свою очередь, отдельные элементы таких композиций – «козлы» (уже достаточно условные и грубо выцарапанные) и «древы жизни» встречены даже на горшках явного хозяйственного назначения. Заметим, что «древы жизни» или «мировые древа» (в понимании В. Н. Топорова) [Топоров, 1980, с. 396–204] встречаются на керамике Гонур-депе наиболее часто и представлены двумя основными формами: «ветвистые» и «пирамидальные». Среди «геометрических» изображений одни, вероятно, представляли собой «знаки принадлежности» (личной или коллективной) – своеобразные «тамги», другие – имели «техническое» назначение, а третьи выполняли сакральную функцию.

В ходе раскопок 2014 г. на раскопе 12 был обнаружен фрагмент сосуда (рис. 5) с изображением «фасада постройки» – мотив, ранее известный на Гонур-депе и других памятниках Древней Маргианы только на каменных изделиях. Его можно определить, как *архитектурный* (*культурно-архитектурный*). В свою очередь, этот мотив хорошо известен на Ближнем Востоке (см. напр.: [Basafa, Rezaei, 2014, p. 196–200]) и находит некоторые параллели в Древнем Египте [Шеркова, 2002, с. 93]. Учитывая уникальность данной находки, она заслуживает подробного обсуждения.

Участок, где был обнаружен фрагмент сосуда с изображением, находится на юго-западе комплекса, за пределами основной обводной стены (третьего ряда стен) памятника. На самом раскопе 12 имеется фрагмент сырцово-глиняной стены, по своему устройству (ширина около 1 м, наличие пилястров) аналогичной обводной. Но этот фрагмент расположен далеко на запад от «основного хода» обводной стены. Все попытки найти её связь с другими комплексами и стенами памятника, предпринимавшиеся В. И. Сарианиди в течение ряда лет, не дали результатов. Помещения 53, 54, где раскопки проходили осенью 2014 г., находятся с наружной стороны этого фрагмента стены, между раскопами 12 и 16. В непосредственной близости от данной территории располагается поздний искусственный канал [Сарианиди, Дубова, 2008, с. 34; Сатаев, 2008а], являющийся условной северо-восточной границей раскопа 16.

Участок, выбранный для изучения жилых помещений на раскопе 12, располагался к западу от помещения № 40, раскопанного в 2012 г. Раскоп выявил два помещения, обозначенных как 53 и 54.

Помещение 53 имело четырёхугольную форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ, и размеры 360 × 230 см. Постройка была сооружена к западу от помещения 40 и имела с ним общую кирпичную стену, в которой имелся проход между комнатами шириной 60 см. Восточная стенка имела проход в помещение 54 шириной 100 см. Позднее он был заполнен слоем золы, сверху уложен двойной ряд кирпичей. Северо-западный угол помещения был разрушен впускным захоронением ребёнка (№ 4423).

В восточной стенке оформлена трапециевидная ниша шириной 40 см, высотой 35 см, углублённая в стену на 50 см. В северной стенке постройки оформлена открытая ниша размерами 50 × 30 см. В юго-восточном углу помещения 53 расположена двухкамерная печь, состоящая из топки и духовки. Духовка четырёхугольной формы имела размеры 78 × 105 см. Площадка была вымощена фрагментами крупного керамического сосуда и имела уклон в северную сторону. Она была сооружена на высоте 40 см от уровня пола помещения. Перед духовкой в северной части обнаружено углубление округлой формы диаметром 70 см, глубиной 20 см. В яме ле-

жало два кирпича и фрагменты стенки довольно крупного сосуда с венчиком с изображением постройки. К востоку от духовки располагалась камера – топка, отделённая от духовки глиняной перегородкой шириной 15–20 см. Топка имела вид вытянутого желоба шириной 40 см, длиной 110 см, глубиной 15–20 см, камера была открыта к северу в сторону помещения. Стенки, дно и пространство вокруг топки были прокалены и имели яркий оранжевый цвет.

Помещение 54 располагалось к западу от помещения 53 и имело с ним общую стену. Размеры постройки 320 × 360 см. Пол имел глиняную обмазку и постепенно переходил в стены. Со стороны помещения 54 на этом участке была оформлена ниша шириной 50 см, высотой 30 см. Стены ниши выступали вглубь помещения на 40 см и были выложены кирпичом. К северу от ниши, также в восточной стенке помещения была сооружена печь размерами 55 × 45 см. Под глиняной обмазкой пола, мощностью 10 см, был зафиксирован слой золы мощностью 5–7 см, ниже – слой суглинка.

На исследованном участке фиксируется как минимум четыре фазы его обитания: 1-я фаза – ранняя, до начала строительства построек, представлена слоем золы и суглинка; 2-я фаза связана со строительством помещения 54; 3-я фаза характеризуется прекращением функционирования постройки и засыпкой помещения золой и мусором; 4-я фаза связана со строительством поздней стены. Таким образом, на исследованном участке зафиксировано два строительных горизонта. В целом, по имеющимся находкам и общей архитектуре обоих помещений, можно говорить, что эти строения носили жилой и/или хозяйственно- жилой характер. Все они могут быть отнесены (пока датировки по С14 находятся в процессе анализа) далеко не к самой ранней, но и не к последней стадии обживания Гонура: по схеме, которой придерживался В. И. Сарияниди, – ко второму строительному периоду.

Место обнаружения фрагмента керамического сосуда с прочерченным на нём изображением храма весьма интересно. Двухкамерные ритуальные очаги – одни из интереснейших конструкций памятника (см., например: [Сарияниди, 2010, с. 36–38]). По мнению В. И. Сарияниди, они устраивались таким образом, чтобы «чистая стихия» огонь, разжигавшийся в топке, не мог соприкоснуться с «ритуально-чистым», но потенциально опасным в связи с возможным его осквернением, кровавым мясом. Для этого между топкой и «духовкой» (где размещалось мясо для ритуалов) делались уступ или стенка в виде валика, высотой не менее 10–15 см. У части подобных двухкамерных очагов (как и случае такового в помещении 53) перед топкой имелся выгреб в виде грунтовой ямы, иногда ограниченный по верхнему краю глиняным же валиком. В ряду случаев (как и в помещении 53) вся поверхность «духовки» была устлана фрагментами керамики, нередко обмазанными сверху слоем глины. Специальной выкладки керамическими фрагментами выгребов не отмечено. Поскольку данное помещение, как и многие вокруг него, было заброшено и, возможно (учитывая состояния имеющихся там погребений), ограблено, логичнее предположить, что данный фрагмент с изображением «храма» первоначально мог находиться на поверхности «духовки» или же является частью сосуда, стоявшего непосредственно в выгребе. Полностью исключать и случайное попадание именно данного фрагмента в выгреб двухкамерного очага тоже нельзя. В то же время для нашего исследования причина обнаружения этого изображения в описанном контексте не столь и важна. Намного более интересен сам рисунок на сосуде.

Прямые аналогии подобным изображениям ранее были почти не известны в материалах БМАК. Они представлены только на каменных изделиях. Однако этот характерный и узнаваемый сюжет хорошо знаком специалистам по материалам ряда памятников Иранского плато и сопредельных регионов к западу и востоку от него. Речь идёт главным образом о нескольких категориях каменных (стеатитовых и хлоритовых) изделий с характерными «архитектурными мотивами». Наиболее представительную серию составляют цилиндрические сосуды, плакетки с ручками в виде сумочки (так называемые «гири»), косметические шкатулки, каменные «идолы», косметические флаконы, а также миниатюрные флаконы-вазы с подставкой, представляющей собой модель здания.

Анализируя иконографию изображений на хлоритовых сосудах долины р. Халилруд в Джирофте, происходящих в основном из несанкционированных раскопок и хранящихся в

частных коллекциях, среди других групп изображений иранские исследователи Х. Басафа и М. Х. Резаи выделяют и архитектурные мотивы. Последние представлены в данной выборке примерно в 16 % случаев (Basafa, Rezaei, 2014, p. 196–200, fig. 2). Этот сюжет, как правило, отражает определённый стереотип: воспроизводится не конкретное здание, а своего рода образ постройки вообще. Выделяются изображения двух типов. Первый – фасад постройки с двумя «шпилями», образующими вогнутую кровлю в виде полумесяца (как и в случае Гонур-депе). При этом показаны двери, часто открытые. Встречаются ряды фасадов, разделённые колоннами. Второй тип изображений – ступенчатая пирамида, напоминающая постройку, похожую на зиккурат. В некоторых случаях оба мотива могут сочетаться на одних и тех же предметах, образуя ритмически организованные орнаментальные схемы.

При интерпретации данных сюжетов многие авторы признают ритуальный характер как самой изображаемой постройки, так и композиций, связанных с ней. Существование реальных прототипов подобных архитектурных форм подтверждается находками сходных по конструкции ритуальных сооружений на ряде памятников Ближнего Востока и Центральной Азии (Гале-Коочак, Мундигак, Алтын-депе) (Casal, 1961, Pl. XI–XV; Dumarcay, 1984, P. 47–66; Vallat, 2003, p. 92–97). Глиняные модели подобных «построек» найдены в погребениях некрополя «А» Шахдада [Nakemi, 1986, p. 45–49, fig. 7–11]. Из могил в Шахдаде также происходят изображения-пиктограммы на керамике, выполненные в более упрощённой и грубой манере, но сохраняющие общую узнаваемую канву «архитектурного мотива» [ibid., fig. 12–17]. Аналогичные сюжеты в орнаментации керамики известны в Бампуре [Didier, 2007, p. 36, fig. 23; 3,4 и др.].

Необходимо сказать, что изделия из хлорита и стеатита имеют очень широкое распространение – Месопотамия, Сузиана, долина Инда, Бактрия и Маргиана, южная и северная часть Персидского залива, побережье Арабского моря. Однако, по мнению некоторых исследователей, важным центром по производству таких изделий во второй половине III тыс. до н. э. могла являться провинция Керман в юго-восточном Иране. Здесь они в большом числе найдены в Тепе-Яхья и Шахдаде. Неподалеку от Тепе-Яхья К. Ламберг-Карловским были обнаружены древние выработки по добыче стеатита и хлорита. На самом памятнике исследованы также мастерские по обработке камня [Lamberg-Karlovsky, 1970, Fig. 25, 26; Сарияниди, 1990, с. 65; Kohl, 2001, p. 211, fig. 9.1]. Всё это позволило предположить, что Керман был одним из основных центров Ближнего Востока по добыче мягких пород камня и производству изделий из хлорита и стеатита, которые могли являться одним из объектов престижного импорта в другие регионы, включая Месопотамию [Nakemi, 1997, p. 11–40]. При этом, по мнению автора, особое сходство обнаруживается между сосудами, происходящими из двух регионов – Кермана и Бактрии [ibid., p. 11].

На Гонур-депе изделия из стеатита представлены сосудами разных форм, косметическими флаконами, биконическими бусами и пряслицами. Использовался этот камень и при изготовлении характерных для БМАК составных статуэток и печатей-амулетов. Большая часть рассматриваемых изделий (за исключением пряслиц и бус) происходит из материалов некрополей. В. И. Сарияниди уже в ранних работах, посвященных БМАК, указывал на особое сходство маргианских стеатитовых сосудов с аналогичными изделиями из Тепе-Яхья и Шахдада. Близость прослеживается в формах и, особенно, в стилистике резного орнамента. При этом Виктор Иванович считал, что вряд ли такие изделия являются прямым импортом из Керманского оазиса. По его мнению, наряду с крупными международными центрами типа Тепе-Яхья, могли существовать и независимые от них локальные, в том числе и в Маргиане [Сарияниди, 1990, с. 65, 66].

Декор стеатитовых изделий, найденных в Маргиане, довольно разнообразен и представлен как орнаментальными мотивами, так и композициями. Все они имеют аналогии в восточно-иранских материалах. Тем не менее, сюжеты, в основе которых лежит изображение фасада постройки или башни с кровлей в виде полумесяца, широко распространённые на памятниках Ближнего Востока, на стеатитовых сосудах Маргианы пока не встречены. Здесь, правда, хотелось бы обратить внимание на одну чрезвычайно интересную находку, сделанную не так давно на Гонуре. Речь идет о косметическом флаконе, найденном в верхнем слое раскопа 22 [Отчёт о работах Маргианской археологической экспедиции..., 2013, с. 23, 24]. Стеатитовый косметичес-

кий флакон декорирован «изображением гор» и тюльпана (довольно популярный сюжет в искусстве БМАК). Однако наибольший интерес представляет его форма, живо напоминающая «модели зданий», найденные в Кермане.

Кроме этого, необходимо упомянуть цилиндрическую печать, происходящую из женского погребения № 1393 некрополя Гонура. На ней помещена сложная сюжетная композиция, явно мифологического характера. Композиция разбита на два регистра: в верхнем изображены фантастические персонажи (птицы-андрокефалы, двуглавый человек, двуглавая змея). В нижнем регистре рядом с фигурой человека, сидящего на земле с подобранными под себя ногами, помещён стилизованный «архитектурный сюжет» или «фасад храма» [Сарианиди, 2001, с. 66, 67, рис. 34; Sarianidi, 2007, p. 106, fig. 181]. Это пока единственные, хоть и не столь очевидные аналогии рассматриваемому изображению, происходящие непосредственно с Гонур-депе.

Таким образом, находка керамического сосуда с изображением «фасада храма» является ещё одним подтверждением того, что население Маргианы было вовлечено в орбиту развития высоких цивилизаций Ближнего Востока. В. И. Сарианиди не раз писал о близости материальной и духовной культуры, исторических судеб БМАК с памятниками Кермана и Сиро-Анатолии [Сарианиди, 1990, с. 80–89 и др.]. Здесь можно вспомнить о гипотезе, связывающей население БМАК с мархаша клинописных текстов, в то время как Керман ассоциируется с Араттой или Симашки [Франкфор, 2006, с. 193, 194; Francfort, Tremblay, 2010]. Многочисленные находки на Гонуре изделий, сходных с таковыми из долины Инда и Элама позволяют говорить о БМАК как о стране, находившейся в центре, на перекрёстке мировых торговых путей. Что касается гонурского керамического сосуда из помещения 53 раскопа 12, он, очевидно, не мог являться предметом импорта. Помещённое на нём изображение в деталях повторяет широко распространённый на Ближнем Востоке сюжет, особенно часто встречающийся на стеатитовых изделиях. В данном случае, это его местная, бактрийско-маргианская интерпретация, выполненная не в камне, а на керамике, в технике, типичной для Гонур-депе. Это ещё одно свидетельство близости ритуально-мифологических представлений населения Маргианы, Бактрии и более южных территорий в конце III – нач. II тыс. до н. э. Кроме того, краткий анализ только этого одного изображения показывает, насколько важные выводы может дать подробное изучение других знаков и изображений, встречающихся на сосудах Маргианы в целом и Гонур-депе в частности.

Список источников и литературы

- Антонова Е. В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию В. И. Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 193–201.
- Березкин Ю. В. Раскопки Алтын-депе – проблемы и результаты // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии. Погребения Алтын-депе. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 7–9.
- Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. к статей к 75-летию В.И. Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 254–281.
- Дубова Н. А., Мурадова Э. А. «Могильник теменоса» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М.: Старый сад, 2008. – С. 105–111.
- Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М.: Старый сад, 2008. – С. 166–179.
- Отчет о работе Маргианской археологической экспедиции в весеннем полевом сезоне 2013 г. – М., 2013.
- Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад: Ылым, 1990. – 316 с.
- Сарианиди В. И. Маргиана на Древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19. – С. 6–32.
- Сарианиди В. И. Теменос Гонура // Вестник древней истории. 1997. №1. – С. 148–168.
- Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М.: Масс-Медиа, 2001. – 246 с.
- Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад: Türkmen döwlet neşir ýatgullugy, 2002. – 359 с.
- Сарианиди В. И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию В. И. Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 229–253.
- Сарианиди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов. – Ашхабад: Miras, 2006. – 327 с.

- Сарианиди В. И.* Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. 2007. № 1. – С. 49–63.
- Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. – Ашхабад: Türkmen döwlet neşirýatgullugy, 2008. – 344 с.
- Сарианиди В. И.* Задолго до Заратуштры. – М.: Старый сад, 2010. – 200 с.
- Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы на юго-западе Гонур-депе (раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М.: Старый сад, 2008. – С. 28–49.
- Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. – М.: Старый сад, 2012. – С. 29–55.
- Сатаев Р. М.* Животноводство древнего населения Гонур-депе (Туркменистан) // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 133–135.
- Сатаев Р. М.* Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М.: Старый сад, 2008. – С. 143–160.
- Сатаев Р. М.* Раскопки древнего ирригационного канала // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М.: Старый сад, 2008а. – С. 65–66.
- Топоров В. Н.* Древо Мировое // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – С. 398–406.
- Франкфор А.-П.* Цивилизация Окса (БМАК) и местоположение Мархаши (2300–1800 до н.э.) // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. – Ашхабад, 2006. – С. 193–194.
- Шеркова Т. А.* Семь павианов в одной лодке. Иконография в контексте культовой принадлежности святилища в Тель Ибрагим Аваде // Древнеегипетский храм в Тель Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в Дельте Нила. – М.: АЛТЕЙА, 2002. – С. 82–96.
- Basafa H., Rezaei M. H.* A comparative study of chlorite vessels iconography discovered from Halilrud basin // Sociology and Anthropology 2 (5), 2014. – P. 196–200.
- Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Vol. II: Figures at planches. Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. – Paris, 1961.
- Didier A.* Archéologie des confins indo-iraniens: Etude de la production céramique du Kech-Makran (Pakistan) dans la première moitié du IIIe millénaire av. J.-C. Thèse de doctorat nouveau régime. vol. II: Figures. – Paris, 2007.
- Dubova N. A.* Gonur Depe: A New Glimpse at the Processes of the Formation of the Anthropological Originality of the Population of Central Asia // Bulletin of Miho Museum. Vol. 15. October 2014. – P. 72–79.
- Dubova N. A., Rykushina G. V.* Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. Сб. статей в честь 75-летия В. И. Сарианиди. – М., 2004. – С. 317–336.
- Dubova N. A., Rykushina G. V.* New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. – Athens, Kapon Editions, 2007. – P. 296–329.
- Dumarcay J.* L'architecture de Mundigak // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 73, 1984. – P. 47–66.
- Francfort H.-P., Tremblay X.* Marhaši et la civilisation de l'Oxus. Iranica Antiqua. Vol. XLV, 2010.
- Hakemi A.* Les maquettes de Shahdad: modeles de batiments sacres du troisieme millenaire a.v. J.C.? // Fragmenta Historiae Elamicae. Ed. Recherche sur les civilization. – Paris, 1986. – P. 45–49.
- Hakemi A.* Kerman: the original place of production of chlorite stone object's in the 3rd millennium B.C. // East and West. Vol. 47, Nos 1-4. December, 1997. – P. 11–41.
- Kohl P. L.* Reflection on the production of chlorite at Tepe Yahya: 25 years later // Excavations at Tepe Yahya, Iran: 1967 – 1975. Ed. by C. C. Lamberg-Karlovsky. – Harvard, 2001. – P. 209–228.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe-Yahya. Iran. – Cambridge, 1970.
- Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. – Athens: Kapon editions, 2007. – 340 p.
- Sataev R., Sataeva L.* Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. – P. 369–372.
- Vallat P. J.* La Ziggurat // Dossiers de Archéologie, Jiroft fabuleuse découverte en Iran (complete issue on Jiroft with articles by archaeologists, coordinated by J. Perrot and Y. Madjidzadeh), October, 2003. – P. 92–96.

Л. Н. Ермоленко

Кемеровский государственный университет. Кемерово, Россия

e-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

Ж. К. Курманкулов

Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, Казахстан

e-mail: kurmankulov@gmail.com

А. Д. Касенова

Кемеровский государственный университет. Алматы, Казахстан

e-mail: asema_94@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ИЗВАЯНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА САРЫАРКИ

В статье обобщаются результаты пятилетнего исследования каменных изваяний раннего железного века (сакской эпохи), выявленных в Сарыарке и датированных в пределах VII–V вв. до н. э. Характеризуются их изобразительные особенности и реалии, способ установки и проблемы изучения. Публикуется реестр изваяний сакской эпохи, включающий 19 экземпляров. Приводятся сведения об изваяниях, отнесённых исследователями к другим эпохам, которые обнаруживают элементы сходства с изваяниями раннего железного века.

Ключевые слова: каменные изваяния, изобразительные особенности, проблемы изучения, ранний железный век, Сарыарка.

L. N. Ermolenko

Kemerovo State University. Kemerovo, Russia

Zh. K. Kurmankulov

A. H. Margulan Institute of Archaeology. Almaty, Kazakhstan

A. D. Kasenova

Kemerovo State University. Almaty, Kazakhstan

SOME RESULTS OF STUDYING EARLY IRON AGE STATUES FROM SARYARKA

The paper summarizes the results of five-year long studies of the Early Iron Age (the Saka Period) stone statues, found in Saryarka and dated to the 7th – 5th centuries BC. The authors characterize its depictive features and realia, modes of erecting and issues of its studying. The paper contains the list of Saka period statues, including 19 items. Besides, the authors give some information on the statues attributed by researchers to other periods but demonstrating similarities to the Early Iron Age statues.

Keywords: stone statues, depictive features, issues of studying, Early Iron Age, Saryarka.

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
№33.1175.2014/К*

До начала второго десятилетия XXI в. почти все известные науке каменные антропоморфные изваяния Сарыарки считались памятниками средневековых кочевников времён Тюркских каганатов и периода доминирования кыпчаков. С тех пор в научный оборот введены 16 изваяний раннего железного века [Акишев, Хабдулина, 2011; Ермоленко, Курманкулов, 2011а; 2011б; 2012; 2013; 2015; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015] и пересмотрена атрибуция трёх изваяний, относимых прежде к другим эпохам [Ермоленко, Курманкулов, 2014; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 29, рис. 5]. Цель настоящей статьи – подвести итоги непродолжительного изучения изваяний раннего железного века (сакской эпохи) Сарыарки, публиковавшихся по отдельности или небольшими сериями.

Композиционные особенности. Все изваяния рассматриваемой группы характеризуются частичным воспроизведением человеческой фигуры. Около половины из них (8–9 экз.) составляют полуфигурные (поясные) изображения, в том числе такие, на которых ниже пояса показаны

телесные и/или вещественные атрибуты. Жесты рук не связаны с высеченными на изваяниях предметах и, очевидно, значимы сами по себе. Фиксируются две основных разновидности положений рук.

1. Кисть одной руки «прижата» к груди, другой – к животу (точнее, к области живота над поясом) (рис. 1: 1, 2). При этом кисти размещены одна над другой и близко друг к другу, пальцы слегка расставлены. Как парциальный вариант этой разновидности можно расценивать жест «однорукого» изваяния из кургана 2 могильника Бегазы. Кисть его согнутой правой руки тоже находится на груди, однако пальцы сомкнуты.

2. Кисти рук сведены на поясе. Варианты: а) пальцы выпрямлены и расположены горизонтально, концы их сближены (рис. 1: 3); б) (слегка согнутые?) пальцы направлены под наклоном вверх; кисти соприкасаются под углом, причём правая расположена немного выше левой (рис. 1: 4).

О позиции рук ещё двух полуфигурных изваяний судить сложно. В нечётком и фрагментарном барельефе рук на одном из них (из г. Степногорска) как будто угадывается жест второй разновидности. На другом изваянии (с р. Жангабыл) очертания рук проследить не удалось. Полуфигурным могло быть также обломанное изваяние из Карагандинского музея, на котором различаются плечевые участки рук.

Остальные изваяния представляют собой изображения головы (иначе – погрудные изваяния, бюсты) и антропоморфные стелы. К погрудным можно причислить обломок изваяния с кургана Жиланды. На нём так же, как на погрудном изваянии из могильника Байдалы, передняя грань в профиль расширится книзу.

Особенности моделировки. Почти трети изваяний, у которых сохранилась голова, свойствен специфический абрис профиля, демонстрирующий сочетание плоской или вогнутой поверхности лица с довольно реалистично оформленными макушкой и затылком (рис. 2: 1, 2, 4, 5). Этот изобразительный приём встречается на изваяниях разной композиции (полуфигурных, погрудных, антропоморфных стелах). Среди анализируемых изваяний есть несколько экземпляров с круглыми и с длинными лицами. Поверхность круглых лиц всегда плоская. Около половины изваяний раннего железного века Сарыарки имеют широкую боковую грань.

Особенности изображения деталей лица и головы. Едва ли можно усмотреть стилизацию, декоративность в передаче деталей лица анализируемых изваяний. Наиболее распространён способ воспроизведения глаз углублениями, чаще всего, округлыми. Нос показан обобщённо, без детализации крыльев. Редко нос составляет Т-образную фигуру с надбровьями. Усы изображались нечасто, форма их дугообразная (дуга концами вниз). Дуга, направленная концами вверх, могла обозначать также рот. Уши имеют разную конфигурацию, на некоторых изваяниях они непропорционально большие.

Детали на голове: прядь и «шишкообразный» (полусферический) выступ на макушке. Причёска в виде пряди волос на макушке (чуб, айдар) изображена на трёх изваяниях: полуфигурных и погрудных. На одном из них – изваянии из г. Степногорска – исследователи первоначально констатировали наличие «шишкообразного выступа» [Хабдулина, Ярыгин, 2013, с. 178]. Прядь показана либо изогнутой, уложенной на правую или левую сторону, либо прямой, спускающейся на затылок.

«Шишкообразный» выступ является более распространённым (8 случаев) атрибутом, но отмеченным только на погрудных изваяниях и антропоморфных стелах. Выпуклость в плане округлая, диаметром 6–7 см, или овальная, размерами 7–9,5 × 10–11 см. Высота составляет 1–2,5 см, однако границы интервала достаточно условны, поскольку на многих изваяниях характеризуемая деталь повреждена сколом. Л. Н. Ермоленко отметила, что прядь (её основание) и «шишкообразный» атрибут коррелируют по месту в композиции изваяния [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 39]. Предположив взаимосвязь обоих атрибутов, автор высказала гипотезу о том, что «шишкообразный» выступ воспроизводил футляр, в который укладывалась прядь, или часть головного убора, вмещающую футляр с прядью [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 30].

Причёска, отождествляемая с косами – реалией древнетюркской (преимущественно, западнотюркской) скульптуры – показана на изваянии из урочища Жылысай. Найдённое возле комплекса древнетюркских оградок, оно было причислено нами к группе скульптур раннего железного века по признакам моделировки головы и способам ваяния деталей лица [там же, с. 35]. При этом причёска была расценена как поздний элемент, свидетельствующий о переоформлении изваяния в средневековье.

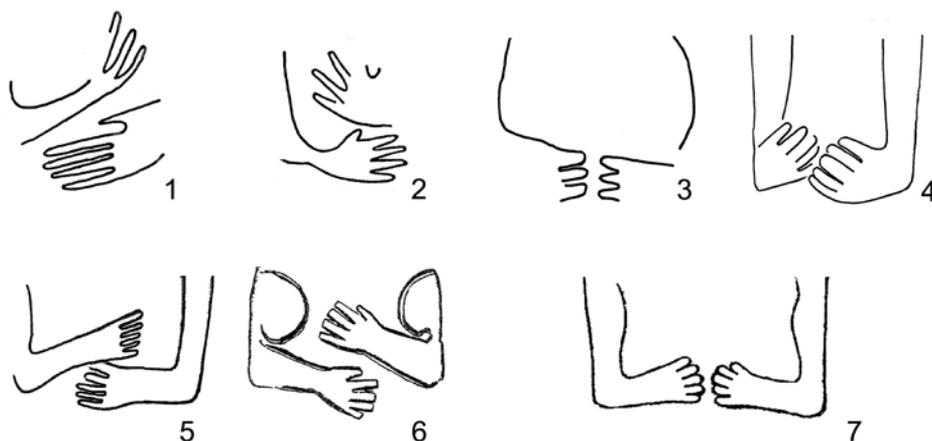

Рис. 1. Позиции рук изваяний сакской эпохи (1 – 4) в сравнении со скифскими изваяниями (5 – 7).

1 – первое сартоганское изваяние [Ермоленко, Курманкулов, 2011б, рис. 1, 4]; 2 – курган 6 могильника Айбас дарасы 3 [Ермоленко, Курманкулов, 2015, рис. 2]; 3 – Шетский районный археолого-этнографический музей [Ермоленко, Курманкулов, 2013, рис. 1]; 4 – курган 2 могильника Кособа [Бейсенов, 2014, рис. 4]; 5 – Кожемяки [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 20]; 6 – Куцеволовка [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 45]; 7 – Замай-Юрт [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 82, 140].

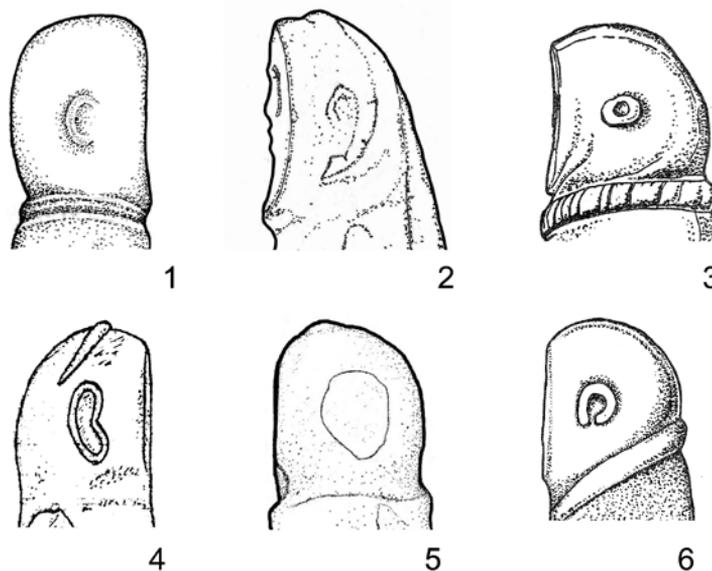

Рис. 2. Особенности моделировки головы изваяний сакской эпохи Сарыарки (1, 2, 4, 5) в сравнении со скифскими изваяниями (3, 6).

1 – курган 2 могильника Кособа [Бейсенов, 2014, рис. 4]; 2 – Степногорск [Хабдулина, 2015, рис. 2]; 3 – Куцеволовка [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 45]; 4 – Карагандинский областной историко-краеведческий музей [Ермоленко, Курманкулов, 2011б, рис. 1, 1]; 5 – Каракенгир [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, рис. 3]; 6 – Манычская [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 89].

Вещественные атрибуты (пояс, чекан, кинжал, гривна) высечены только на полуфигурных изваяниях. Пояс обозначен в виде барельефной полосы на двух изваяниях. Чекан изображён на трёх изваяниях, всегда на правом боку, рукоятью вниз, бойком или обушком к передней грани. Он показан висющим на ремешке, который отходит от пояса, или его положение предполагает такую подвеску. В двух случаях соотношение бойка и обушка чекана составляет 2:1, в одном – около 1,5:1.

На пяти изваяниях, три из которых с чеканом, показан кинжал. Он размещён на передней грани слева (реже – посередине), как правило, горизонтально, рукоятью вправо. При этом приспособления, обеспечивающие эту позицию: пояс и подвесной ремешок, визуализированы только на одном (первом сартоганском) изваянии. Исключение составляет способ ношения кинжала косо заткнутым за пояс, который, по всей видимости, продемонстрирован на изваянии из Степногорска.

Три изображённых кинжала имеют рожковидное навершие и только у одного из них обозначено широкое со скруглёнными концами перекрестие. Брусковидные навершие и перекрестие (тоже со скруглёнными концами) детализированы на одном кинжале. Рукоять одного кинжала без навершия, перекрестье слабо выступает с одной стороны. На изваянии из Шетского музея намечен узкий предмет, интерпретируемый нами как кинжал, висящий горизонтально на двух ремешках.

Гладкая одновитковая гривна воспроизведена только на изваянии из кургана 2 могильника Кособа.

Телесные атрибуты (фаллос с тестикулами, ягодицы, лопатки и ложбина позвоночного столба) представлены в разных сочетаниях на трёх изваяниях. Деталь, ассоциирующаяся с фаллосом, обозначена на изваянии из могильника Айбас дарасы 3.

Изваяния в контексте сооружений. Около половины характеризуемых изваяний Сарыарки (без учёта тех, условия находки которых не документированы) обнаружены возле курганов раннего железного века и в их насыпях. Почти все они или сдвинуты или перемещены с места первоначальной установки, кроме изваяния, вкопанного в средней части кургана № 6 могильника Айбас дарасы 3. Насыпи курганов каменно-земляные, реже каменные. Размеры их разные, диаметр самых крупных около 30 м, высота 2–3 м. Нередки случаи расположения изваяния с юго-восточной стороны кургана или соответствующей направленности его лицевой поверхности. Исследованные раскопками курганы датированы по радиоуглероду и/или на основании аналогий погребальному инвентарю. Радиоуглеродные даты укладываются в рамки VIII–V вв. до н. э. [Бейсенов, 2014, с. 15, 16; Ермоленко, Курманкулов, 2015, с. 31], археологические – в пределы VII–V вв. до н. э. [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 35–37]. Археологическим датам курганов в основном соответствует хронология изваяний, установленная на основании вещественных и изобразительных аналогий их реалиям, а также параллелей в иконографии скифской скульптуры.

Три изваяния найдены возле конструкций, входящих в комплекс кургана с «усами» – гряд, курганообразных выкладок [Хабдулина, Ярыгин, 2013, с. 177; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 26, 29]. «Усы» отходят от сооружений, расположенных с восточной стороны кургана раннего железного века (Жиланды), на котором найдено ещё одно изваяние [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 39]. Из указанных четырёх изваяний три с полусферическим выступом на макушке. Факты неоднократного выявления изваяний раннего железного века на территории комплексов с каменными грядами нельзя признать случайными, и они должны быть учтены в дискуссии о времени возведения курганов с «усами» [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 31].

Проблемы изучения изваяний сакской эпохи Сарыарки. Открытые до сих пор изваяния раннего железного века, в основном, сосредоточены на территории современной Карагандинской области (**рис. 3**). Эти памятники не отличаются иконографическим однообразием. В иконографии многих из них обнаруживаются элементы сходства со скифской скульптурой «ранней (VII–VI и VI–V вв. до н. э.) хронологической группы» [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 71]. Подобие проявляется в положении рук (**рис. 1**: 5–7), топографии и составе атрибутов, абрисе (**рис. 2**: 3, 6), приёмах изображения некоторых деталей лица (например, усов) и т. д. Однако разновидности форм предметов вооружения специфичны. Изучение оружия, высеченного на

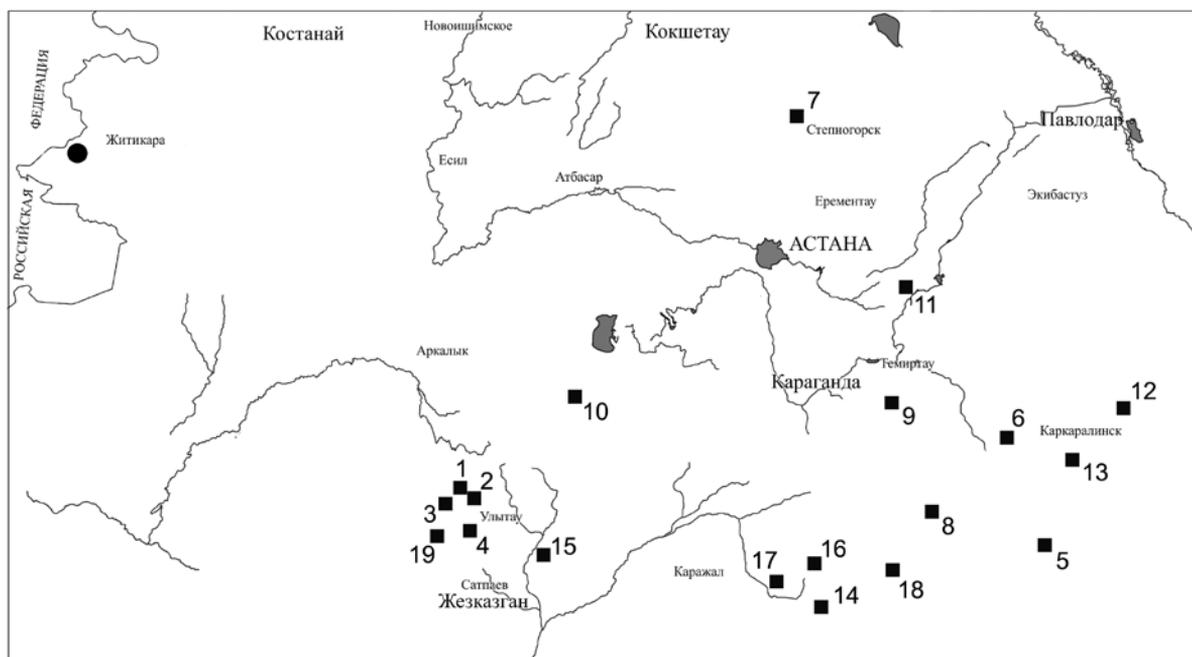

Рис. 3. Карта распространения изваяний сакской эпохи. Номера изваяний на карте соответствуют нумерации в реестре. Кругком обозначено изваяние из Костанайской области.

изваяниях сакской эпохи, затрудняется тем, что на основной (центральноказахстанской) территории их распространения пока не найдены аналогичные изделия. Хотя кинжалы с рожковидным навершием и чекан близких пропорций обнаружены в памятниках улубаевско-гасмолинской культуры Северного Казахстана [Хабдулина, 1994, табл. 14, 4, 52, 7, 9; Хабдулина, 2015, с. 374].

Специфическими реалиями сарыаркинских изваяний являются прядь волос (чуб, айдар) и полусферический («шишкообразный») выступ на макушке. Изваяния с такими элементами характеризуются небольшими размерами (до 1 м в длину). Для более надёжной атрибуции изваяний и антропоморфных стел с «шишкообразной» деталью, лишённых изображений датирующих предметов, необходимо продолжить их исследование в составе сооружений. Единственный раскопанный курган, в котором найдено подобное изваяние (курган 7 могильника Талды 2), погребения не содержал и не был датирован радиоуглеродным методом.

Кроме загадки изобразительного разнообразия изваяний раннего железного века, требует изучения и проблема появления этого феномена в Сарыарке. Ввиду «скифского следа» в иконографии части изваяний, их происхождение может быть связано с проникновением в Сарыарку носителей «скифских» культурных традиций [Ермоленко, Курманкулов, 2015, с. 33]. Иначе к проблеме генезиса изваяний сакской эпохи подходит М. К. Хабдулина. По её мнению, изобразительные особенности изваяния из Степногорска восходят к антропоморфной скульптуре малых форм, существовавшей в эпоху бронзы [Хабдулина, 2015, с. 375]. Поиск «местных» истоков обоснован, но сравнение плоскорельефного изваяния из Степногорска с объёмно моделированным навершием нурина песта не очень убедительно.

Реестр изваяний сакской эпохи (рис. 3: 1–19)

1. *Первое сартоганское изваяние* [Ермоленко, Курманкулов, 2011а; 2011 б, рис. I, 4, с. 158; 2012, с. 89–91].

2. *Второе сартоганское изваяние* [Ермоленко, Курманкулов, 2012].

3. *Изваяние из кургана № 6 могильника Айбас дарасы 3* [Ермоленко, Курманкулов, 2011а, рис. 2, с. 255; 2015].

4. *Изваяние из долины р. Жангабыл (курган №2 могильника Жангабыл)*. При новом документировании изваяния в 2015 г. авторами данной публикации зафиксированы изображения чекана (на правом боку), кинжала с брусковидными навершием и перекрестием, а также «очковидной» фигуры, обозначающей тестикулы.

5. *Изваяние из кургана 2 могильника Бегазы* [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 36, рис. 2].
6. *Изваяние из кургана 2 могильника Кособа* [Бейсенов, 2014; Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 34–36, рис. 1].
7. *Изваяние из окрестностей г. Степногорска (правый берег р. Аксу)* [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 56/182; Ярыгин, 2014, рис. 5, 2, 6, с. 281, 282; Хабдулина, 2015].
8. *Изваяние из Шетского районного археолого-этнографического музея* [Ермоленко, Курманкулов, 2013].
9. *Изваяние из Карагандинского областного историко-краеведческого музея* [Ермоленко, Курманкулов, 2011б; Ярыгин, 2014, с. 281, 282].
10. *Изваяние из с. Егинды* [Ермоленко, Курманкулов, 2012, с. 92, рис. 6; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, рис. 6, 1 (рисунок схематичный)].
11. *Изваяние из могильника Байдалы* [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 38, рис. 4].
12. *Изваяние с кургана Жиланды* [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 39, рис. 5].
13. *Изваяние из кургана 7 могильника Талды 2* [Бейсенов, 2010, с. 77, фото 1; Бейсенов, Ермоленко, 2014, рис. 3, с. 37].
14. *Изваяние с р. Атасу* [Ермоленко, 2004, с. 82, рис. 17, 35 (ошибочно отнесено к древнетюркским); Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 29, рис. 5].
15. *Изваяние из с. Каракенгир* [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 26, 27, рис. 3].
16. *Изваяние с правого берега р. Темир* [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 26, рис. 1].
17. *Антропоморфная стела из местности Косагалы* [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 27, рис. 2].
18. *Антропоморфная стела из урочища Жанатурмыс* [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 28, рис. 4].
19. *Изваяние № 5, найденное возле комплекса древнетюркских оградок в урочище Жылысай* [Маргулан, 2003, рис. 14.6, 15.1, 2; Ермоленко, Курманкулов, 2014].

Изваяния, возможно, принадлежащие к группе скульптур раннего железного века. Одно из них – изваяние из Житикаринского района Костанайской области, которое С. Г. Боталов отнёс к ранним памятникам «населения кыпчакского союза племён», датированным временем с X (конца IX?) по XII в. [Боталов, 1996, рис. 13, 1, с. 218, 229] (**рис. 3**). Очевидно, что позиция рук данного изваяния соответствует первой разновидности жестов, запечатлённых на изваяниях сакской эпохи Сарыарки. В средневековой скульптуре западного региона степей Азии не зафиксировано экземпляров, на которых левая рука размещалась бы на груди, выше правой. Исключение составляет древнетюркское изваяние с сосудом в правой руке [Шер, 1966, табл. XIII, 53]. Атрибут в правой руке костанайского изваяния, определённый С. Г. Боталовым как сабля, может быть сопоставлен с напоминающим палку предметом (плеть, по В. С. Ольховскому), изображённым на скифском изваянии из станицы Манычской [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 89, с. 39]. Характерен и «горбатый» профиль анализируемого изваяния, наблюдаемый также на степногорском изваянии. Однако линия, намечающая границу волос на лбу и по бокам головы, и барельеф кос (жгутов?) на тыльной стороне изваяния из Костанайской области позволяют предположить, что оно могло быть переоформлено позднее. Как отмечалось выше, косы являются характерным атрибутом западнотюркской скульптуры. Сведениями о том, что данное изваяние, подобно жылысайскому, было переиспользовано в контексте древнетюркских оградок, мы не располагаем (как и данными о его нахождении возле какого-то сооружения.) Следует указать, что сообщённая С. Г. Боталовым информация о годе, месте, и обстоятельствах находки [Боталов, 1996, с. 232], неточна. Согласно документации Костанайского областного историко-краеведческого музея, в котором экспонируется изваяние, оно было обнаружено в 1987 г. В. Н. Логвиным во время разведочных работ на землях совхоза Чайковский.

Если предложенная нами атрибуция костанайского изваяния верна, то границы ареала скульптуры сакской эпохи расширяются в сторону южноуральских степей, которые признаются исследователями одним из основных восточных направлений «скифского» культурного импульса [Таиров, 2007, с. 130, 131; Гуцалов, 2011, с. 166].

В предыдущих статьях нами были высказаны требующие обоснования предположения о принадлежности к раннему железному веку некоторых опубликованных А. Х. Маргуланом изваяний Сарыяки [Маргулан, 2003, ил. 1, 35, 36; Ермоленко, Курманкулов, 2013, с. 33; 2014, с. 34, 35; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 30, 31] и о сходстве со скульптурой сакской эпохи отдельных изваяний из Западного Казахстана [Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 223, 272; Ермоленко, Курманкулов, 2011а, с. 253, 255]. Рассмотренная в статье группа памятников в дальнейшем может пополниться ещё несколькими изваяниями, пока не опубликованными [Ермоленко, Курманкулов, 2014, с. 33; Ярыгин, 2014, с. 281].

Список источников и литературы

- Акишев К. А., Хабдулина М. К.* Древности Астаны: городище Бозок. – Астана, 2011. – 260 с.
- Бейсенов А. З.* К изучению особенностей раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010. – Актобе, 2010. – С. 77–79.
- Бейсенов А. З.* Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 7–16.
- Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н.* Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 3. – С. 34–40.
- Боталов С. Г.* Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 210–244.
- Гуцалов С. Ю.* Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI–V вв. до н. э. // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т. 2. – С. 166–173.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Изваяние раннего железного века из музея Улутауского заповедника (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2011. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011а. – С. 253–256.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. – Вып. 25. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011б. – С. 156–161.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // Археология, этнография и антропология Евразия. – 2012. – №4 (52). – С. 86–94.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* К вопросу об атрибуции непапортизованного изваяния из Шетского музея // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. – Астана, 2013. – С. 30–34.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Переоформленное древнее изваяние из средневекового культового комплекса в урочище Жылысай // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: АлтГУ, 2014. – С. 32–35.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – Т. 6. – С. 29–34.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Новые данные о специфической разнovidности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 3. – С. 26–32.
- Маргулан А. Х.* Каменные изваяния Улытау // Маргулан А. Х. Сочинения: В 14 т. Т. 3–4 / Сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – С. 20–46.
- Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. – М., 1994. – 188 с.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы, 2007. – 400 с.
- Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М. К.* Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 372–375.
- Хабдулина М. К., Ярыгин С. А.* История изучения раннего железного века Сарыарки // Археологические исследования степной Евразии. – Караганда: «TENGR Ltd», 2013. – С. 173–182.
- Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Ярыгин С. А.* Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана I могильника Шагалалы IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен // Всадники Великой Степи: традиции и новации. Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV. – Астана, 2014. – С. 279–289.

**ГРАВИРОВАННЫЕ КАМЕННЫЕ ПЛАСТИНКИ ИЗ ЧЕМУРЧЕКСКОГО
РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ХАР ЧУЛУУТ 1 И ГИПОТЕЗА
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕМУРЧЕКСКОГО ФЕНОМЕНА**

В 2015 г. А. А. Ковалевым и Ч. Мунхбаяром в Баян-Ульги аймаке Монголии был исследован ритуальный комплекс Хар чулуут 1, относящийся к чемурчекскому культурному феномену (XXVI–XVIII вв. до н. э.). При раскопках был обнаружен «клад» из 79 каменных пластинок, многие из которых были украшены гравированными изображениями. Ближайшими аналогиями найденным миниатюрам являются гравированные каменные пластинки из мегалитических памятников Иберийского полуострова (XXXI–XXVII вв. до н. э.), а также антропоморфные стелы типа Сьон-Аоста (XXIX–XXVII вв. до н. э.), что подтверждает гипотезу западноевропейского происхождения чемурчекского феномена. Схожие гравировки на гальках и сланцевых пластинках, по мнению автора, распространяются в Саяно-Алтае в результате воздействия культурных традиций пришлого чемурчекского населения.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, чемурчекский культурный феномен, антропоморфные изображения, мегалитическое искусство.

А. А. Kovalev

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia*

**ENGRAVED STONE PLAQUES FROM THE RITUAL COMPLEX OF KHAR CHULUUT 1
AND THE HYPOTHESIS OF WESTERN EUROPEAN ORIGIN
OF CHEMURCHEK (QIEMUERQIEKE) PHENOMENON**

In 2015, the ritual complex of Har Chuluut 1 in Bayan-Olgii aimag of Mongolia was investigated by A. Kovalev and Ch. Munhbayar. This site belongs to Chemurchek (Qiemuerqieke) cultural phenomenon (26–18 c. BC). During the excavation, a 'treasure' of 79 engraved and not-engraved stone plaques was found. The closest analogies of these engraved plaques are engraved anthropomorphic plaques from megalithic monuments of the Iberian Peninsula (31–27 c. BC.), as well as statues-menhirs of Sion-Aosta type (29–27 c. BC), which supports the hypothesis of Western European origin of Chemurchek phenomenon. Similar anthropomorphic engravings on pebbles and slate plates, according to the author, were distributed in the Sayan-Altai region as result of expansion of cultural traditions of Chemurchek people.

Keywords: Early Bronze Age, Chemurchek (Qiemuerqieke) cultural phenomenon, anthropomorphic figurines, statues-menhirs, Megalithic Art.

В июне-августе 2015 г. отряд Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции под руководством А. А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра по заданию Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов провел масштабные исследования на чемурчекском ритуальном комплексе Хар чулуут 1, расположенном в высокогорной части Монгольского Алтая, на правом берегу реки Годон-гол – одного из верхних притоков реки Кобдо (Ховд) (Уланхус сомон Баян-Ульги аймака Монголии) [Ковалев, Мунхбаяр, 2015].

До начала раскопок сооружение представляло собой сильно занесенную лёссовыми отложениями и задернованную каменную прямоугольную платформу шириной 24 м, длиной около 35 м, обнесённую по краям вертикальными каменными плитами, возвышавшимися над современным горизонтом на 0,2–0,4 м (далее – западная постройка). Далее к востоку прослеживались линии каменной выкладки на древнем горизонте (далее – восточная постройка).

Восточная постройка была исследована полностью, раскопом размерами 37×26 м. Эта постройка представляет собой в целом подпрямоугольную каменную выкладку, сложенную из окатанных глыб диаметром 0,2–0,4 м. Камни постройки в древности частично перемещены. Восточная постройка, как и платформа, ориентирована длинной осью по линии запад-восток с отклонением в 10 градусов против часовой стрелки. Начинается это сооружение в одном метре от восточной стенки западной постройки. Длинная ось сооружения совпадает с длинной осью западной постройки. Северную и южную стороны восточной постройки составляют, соответственно, два параллельных ряда валунов длиной по 36 м. От их восточных концов, соответственно, на север и на юг-юго-восток отходят по одному ряду валунов длиной по 11 м, образуя «выпуклый» к востоку контур. Концы этих рядов оставляют между собой зазор в 3,5 м. От этих концов к западу отходят, соответственно, по одному ряду камней длиной по 15 м. Два ряда валунов длиной по 11 м на продолжении этих линий к западу отходят от центральной части восточной стороны ограды западного сооружения. Между этими двумя коридорами-порталами находится выложенный из валунов в один ряд прямоугольник размерами $7 \times 3,5$ м, ориентированный длинной осью в меридиональном направлении.

Западная постройка (вытянутая длинной осью с запада на восток прямоугольная платформа длиной 35, шириной 24 м) была исследована частично, раскопом шириной (с севера на юг) 26 м, длиной 25 м. Платформа удерживалась по краям стенкой-оградой из вертикально установленных каменных плит, вкопанных в материк на глубину до 0,8 м, высотой от уровня древнего горизонта до 1 м. Плиты вкапывались на различную глубину с целью вывести их верхний край на примерно одинаковую высоту, верхние и боковые грани плит часто были обработаны. У середины восточной стенки снаружи были вкопаны две каменные стелы, одна из которых представляла собой глыбу гранита высотой от древнего горизонта 1,2 м, шириной 1 м, наибольшей толщиной 0,6 м, а другая, обнаруженная в ходе зачистки, имела ширину 0,6 м, толщину 0,3 м и была обломана в древности.

В ходе работ на западной постройке было зафиксировано и собрано около 150 обломков плит с изображениями. Часть они сохранились *in situ* в составе ограды, частью лежали с внутренней стороны ограды на поверхности платформы, частью залежали с наружной стороны. Все лежащие близ ограды обломки, как и многие фрагменты, найденные нами вне контекста, относились к композициям, выбитым на плитах ограды. Как уже говорилось выше, ряд обломков с особо сложными композициями был собран в центральной, свободной от забутовки, части платформы. Эта часть, видимо, имела особое ритуальное значение. Обломки плит с изображениями здесь лежали в один-два слоя на различных уровнях. Кроме того, более сотни фрагментов плит с изображениями, происходящих из ритуального комплекса, были собраны в окрестностях памятника.

Архитектура прямоугольной платформы в композиции со стелой в точности соответствует стандарту чемурчекских памятников китайской части Монгольского Алтая [Ковалев, 2011, с. 184]. Наибольшая концентрация таких сооружений наблюдается собственно в волости Чемурчек (Чемерчек) городского уезда Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, откуда до места наших раскопок по известной издревле горной дороге через перевал Урмогайты (Ирмэгтийн даваа) будет не более 100 км [Сапожников, 1949, с. 360–373]. Ритуальные площадки с выложенными камнем по контуру прямоугольниками и порталами были выявлены с востока от чемурчекских курганов при раскопках в Ховд аймаке Монголии [Тишкин и др., 2012; Тишкин и др., 2015, Ковалёв и др., 2015]. На основании этих аналогий, а также аналогий найденным рисункам, ритуальный комплекс можно предварительно отнести к XXIV–XXII векам до н. э.

В ходе работ были осуществлены прирезки к западу извне ограды с южной и северной сторон шириной по 1,5 м, длиной по 10 м, в рамках которых полностью исследовались периферия платформы и плиты ограды. В результате этих работ были дополнительно выявлены многочисленные изображения на плитах ограды, а также клад, включающий 79 фрагментов и целых сланцевых пластинок, как с изображениями, нанесёнными в технике гравировки, так и без изображений. К сожалению, только часть пластинок удалось зафиксировать *in situ*, однако можно констатировать, что уложены они были в 30 см от ограды горизонтально, компактно, в 5–6 слоёв,

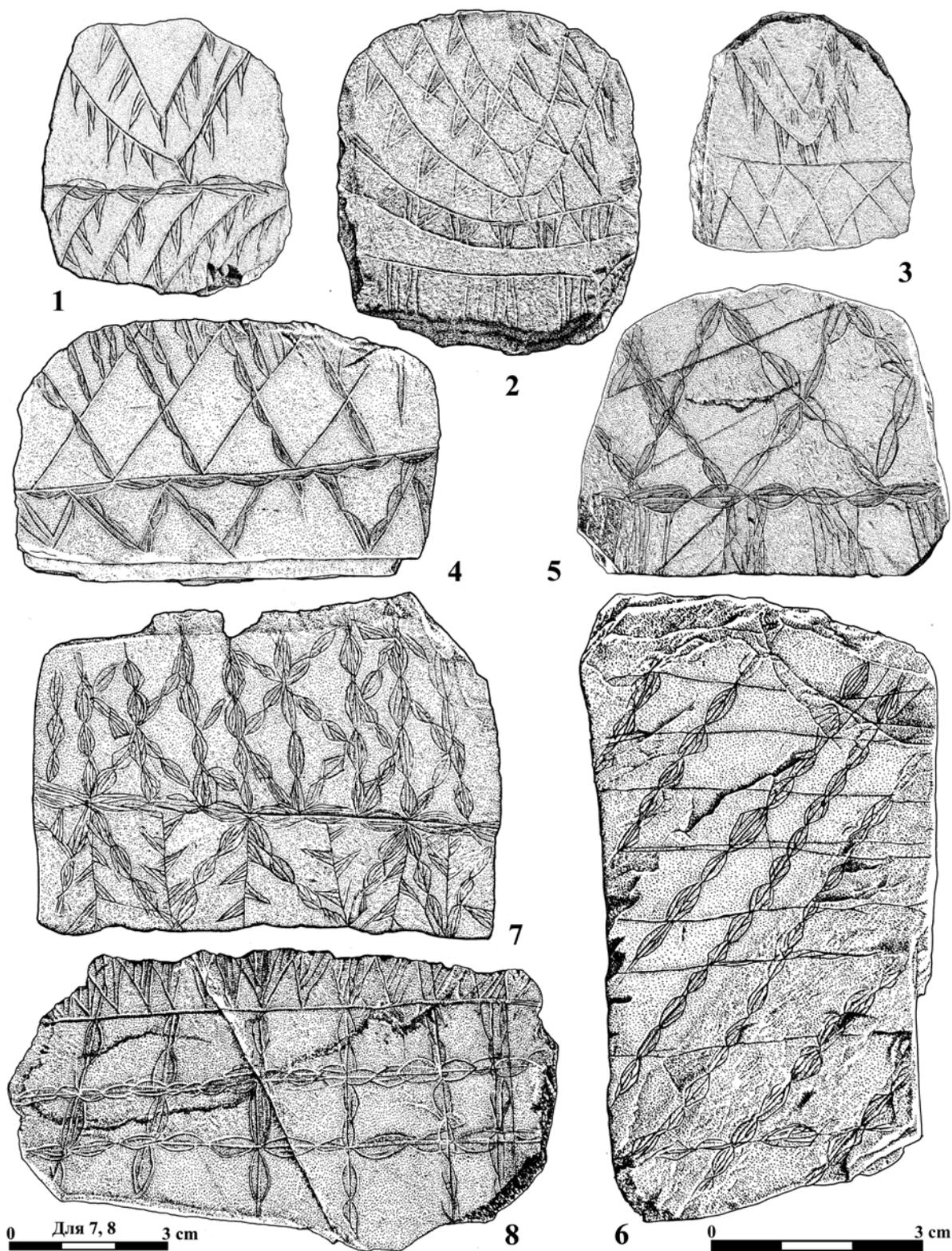

Рис. 1. Ритуальный комплекс Хар чулуут 1. Гравированные каменные пластинки № 10, № 1, № 2, № 12, № 7, № 4, № 5, № 3 (по: [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]).

на уровне на 5–10 см ниже древней дневной поверхности. Целые пластинки имеют симметричную форму, украшены изображениями рядов треугольных фестонов и гирлянд из листовидных фигур, а также прямых параллельных линий. Края всех этих пластинок подработаны для придания им симметрии, округлого верхнего абриса либо достижения общей трапецевидной формы. Толщина камней от 1 до 3 мм. С помощью орнаментального пояска фигура разделяется по вертикали на верхнюю и нижнюю части. Линии из листовидных фигур часто составляют сетку. Сетка может быть составлена и из прямых линий. Линии с подвешенными треугольными фестонами в нескольких случаях образуют два-четыре ряда «ожерелий» в верхней части предмета. В нижней части орнамент составлен из вертикальных линий, образующих полосы, либо из косых линий, образующих зигзаг или сетку. При общей антропоморфности лицо не изображается.

Подобные треугольные фестоны и «низки» листовидных фигур были выгравированы и на трёх плитах фасада западной постройки, что в том числе свидетельствует о захоронении пластин в период функционирования комплекса.

В статье приводятся прорисовки восьми наиболее выдающихся миниатюр (**рис. 1**).

По характеру изображений найденные плитки более всего напоминают произведения мегалитического искусства Западной Европы первой половины 3 тыс. до н. э.: стелы типа Сьон-Аоста (юго-западные Альпы) и гравированные пластинки из мегалитов юго-запада Иберийского полуострова. Сланцевые гравированные пластинки из Южной Испании и Португалии (**рис. 2: 10**) бытуют с XXXI по XXVII века до н. э. [Buonaventura, 2011, p. 167–169]. Они, как правило, имеют подтрапецевидную форму (в поздний период распространяются пластинки с выделенным контуром головы), в верхней части (как бы на месте лица) остаётся подтреугольный неорнаментированный участок (то же самое мы видим и на наших пластинках 1, 2, 10), ограниченный прорезанными линиями или поясками, нижняя часть пластинки отделена пояском или горизонтальной линией [Lilios, 2008]. Основными элементами композиции являются ряды заштрихованных треугольников, вписанные друг в друга параллельные зигзаги, заштрихованные квадраты, расположенные в шахматном порядке. На стелах типа Сьон-Аоста, изготовление которых относится к первой трети 3 тыс. до н. э. [Ковалёв, 2012, с. 153, 154] мы видим многорядные ожерелья из «висящих» треугольных фестонов, линии и гирлянды из листовидных фигур с дополнительными прочерченными контурами внутри (как вариант – ряды из концентрических ромбиков), вертикальные линии, отходящие вниз от пояса, параллельные вписанные друг в друга зигзаги, косую сетку из ромбов [Dei di pietra, 1998, p. 166, 167, 174–177, 180, 181, 186, 187; Corboud, 2009, Favre *et al.*, 1986] (**рис. 3**). Похожие «ожерелья» и ряды фестонов украшают статуарные памятники Испании [Ковалёв, 2012, с. 154].

Эти типы произведений древнего искусства относятся к более раннему времени, чем возможный период функционирования комплекса Хар чулуут 1, и входят в общий круг мегалитических памятников, с которыми связано происхождение чемурчекского феномена. Кроме того, использование ожерелий из рядов свисающих треугольных фестонов является характерным признаком чемурчекской скульптуры, восходящим именно к альпийским или иберийским прототипам [Ковалёв, 2011, с. 200, 201]. Таким образом, можно предполагать западноевропейские корни традиции изготовления сланцевых пластинок Хар чулуута.

Тем не менее, необходимо указать, что в Саяно-Алтае обнаружено несколько местонахождений орнаментированных гравированными изображениями галек и сланцевых пластинок, относящихся к очень раннему периоду. Так, к неолиту, по утверждению автора раскопок, относятся несколько пластинок с орнаментом в виде косой сетки, обнаруженных в слое поселения Корначак 2 в Верхнем Причумышье [Кунгуров, 1997, рис. 1, 13]. К неолиту автор раскопок Н. Ю. Кунгурова относит жилище на поселении Усть-Куюм, на дне которого найдены уложенные уложенные гальки с рядами заштрихованных треугольных фестонов [Кунгурова, 2002] (**рис. 2: 4, 5**). Неолитический возраст усть-куюмской находки оспаривается [Савинов, 2003], само поселение имеет сложную стратиграфию, на нём представлены материалы как более ранних, так и более поздних эпох [Эпоха энеолита и бронзы, 2006, с. 117]. Сланцевая антропоморфная пластинка с изображениями двух заштрихованных дугообразных полос (гривны?) входит в число находок комплекса 5А поселения Тыткескенъ 2 – мешаного слоя с материалами от позднего неолита до брон-

зового века [Кирюшин, Кирюшин, 2008, с. 15, 98]. К. Ю. Кирюшин относит эту находку к эпохе энеолита [там же, с. 98, 99]. В то же время рядом, на поселении Тыткескень VI, около тридцати галек и сланцевая плитка с подобными орнаментальными композициями были обнаружены совместно с керамикой раннего бронзового века в верхнем горизонте, залегающем выше материалов энеолитической большемысской культуры [Кирюшин и др., 2006] (рис. 2: 1–3). Судя по опубликованным рисункам, эти находки близки нашим находкам как принципами вертикального деления, так и изображением ожерелий, рядов треугольных фестонов, зигзагов, вертикальных полос в нижней части. Три обломка сланцевых пластинок с изображением рядов треугольных

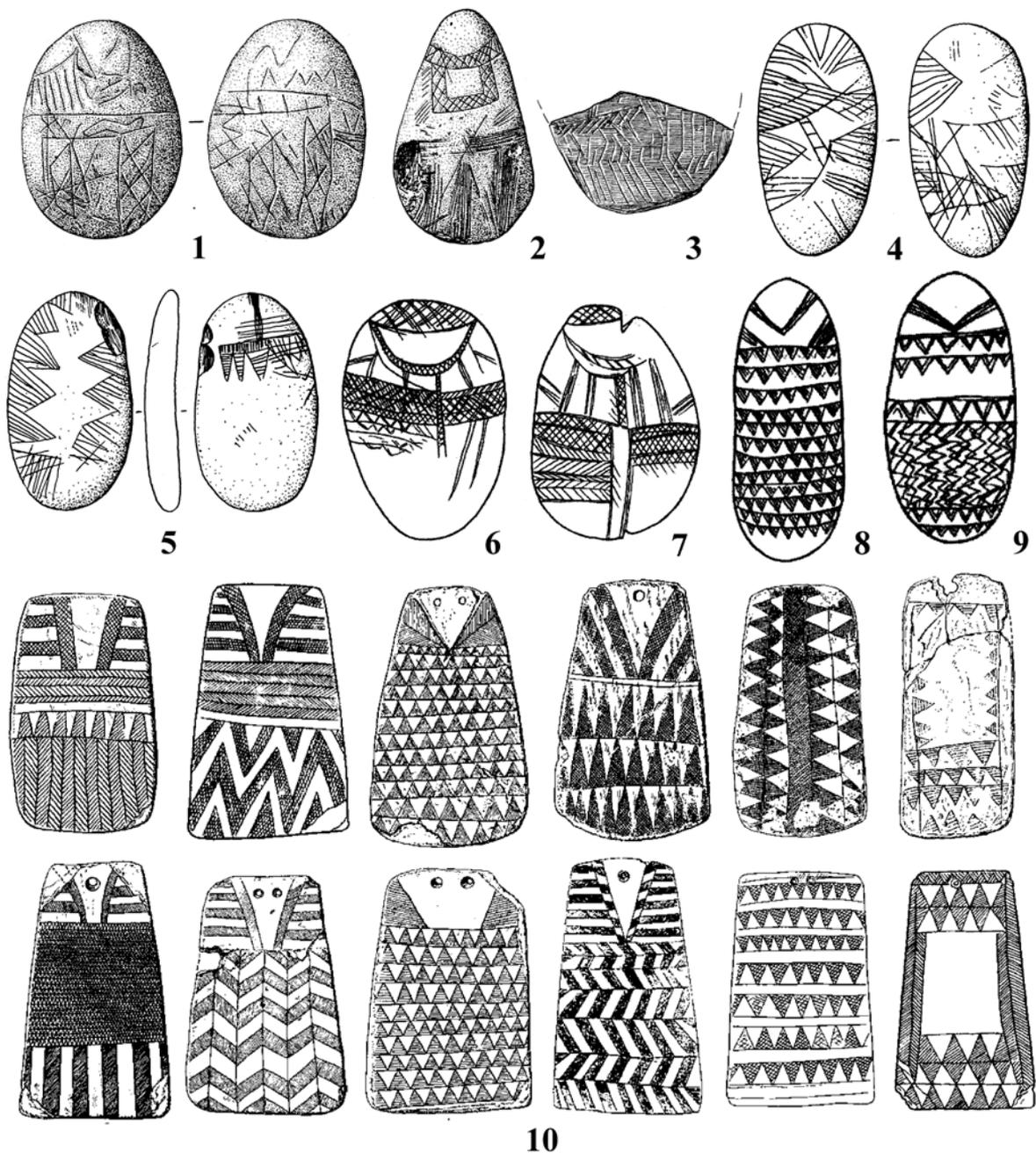

Рис. 2. Аналогии гравированным каменным пластинкам из комплекса Хар чулуут 1.

1–3 – Горный Алтай, Тыткескень 6, гальки, пластинка (по: [Кирюшин, Кирюшин 2008]); 4–5 – Горный Алтай, Усть-Куюм, гальки (по: [Кунгурова 2003]); 6–9 – Тува, Этекшил, гальки (по: [Семёнов, 2007]); 10 – памятники финального неолита Иберийского полуострова, пластинки (по: [Lilios, 2008]). Без масштаба.

фестонов и полос, заполненных крестиком, найдены на поселении Кара-Тенеш в Горном Алтае [Эпоха энеолита и бронзы, 2006, с. 22, рис. 24]. Эти находки происходят из мешаного слоя, содержащего керамику как афанасьевской культуры, так и бронзового века [там же, с. 18, 19]. В Туве, на стоянке Хадынных-1 «в слое, содержащем афанасьевскую и окуневскую керамику» была найдена орнаментированная галька, затем гравированные гальки и «плитки слоистого песчаника» были найдены на стоянке Тоора-Даш «в слоях с окуневской керамикой, а также в слоях предскифского и раннего скифского времени» [Семёнов, 1992, рис. 19, 3, 4, 6, 8, 10, 11; 2007, с. 70]. Двадцать четыре гальки с гравировками найдены в Туве на дюнах развее-

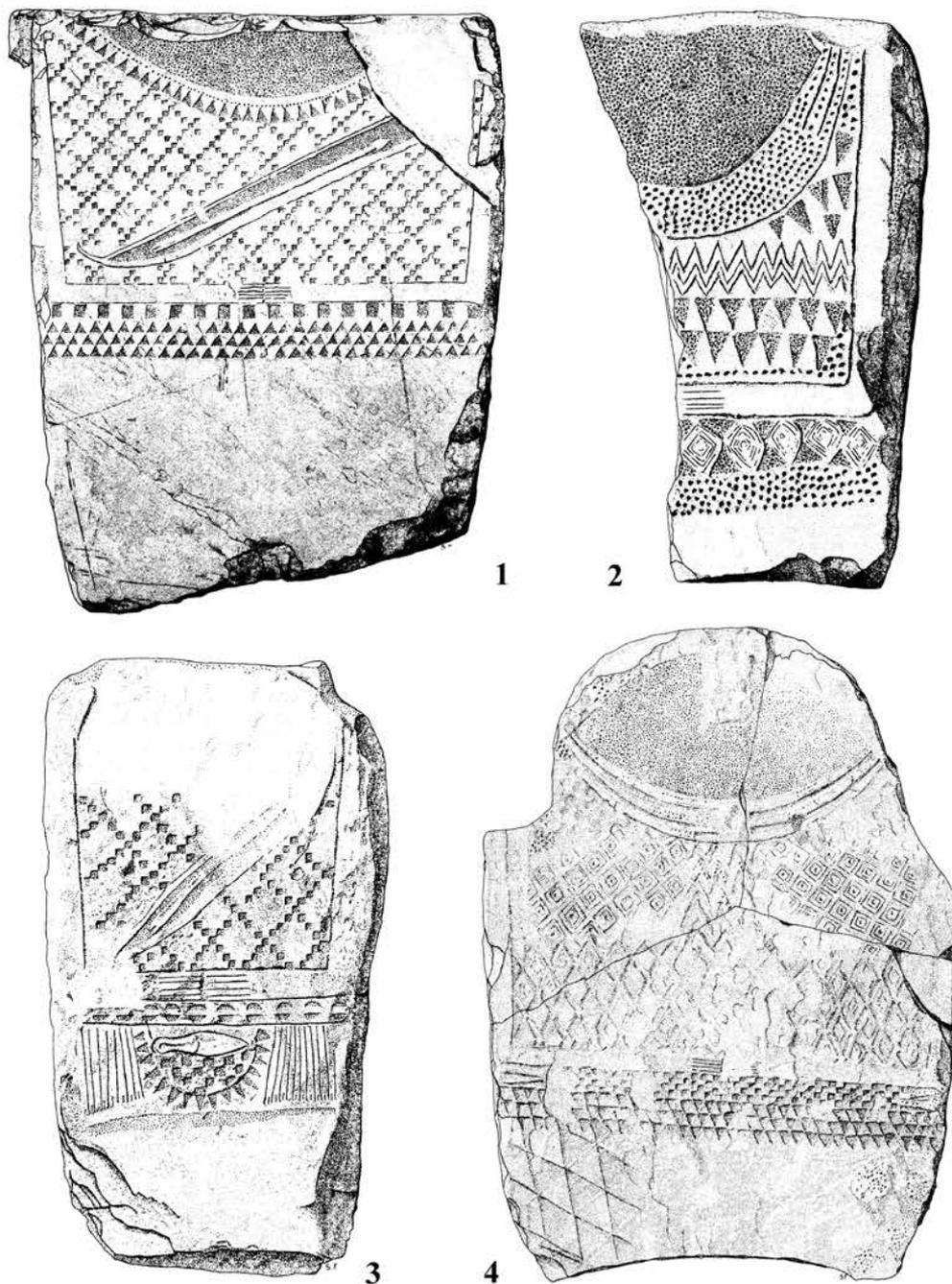

Рис. 3. Антропоморфные стелы типа Сьон-Аоста (мог. Пти-Шассер, Швейцария) (по: [Favre et al., 1986]). Стелы № 20, № 5, № 18, № 15. Без масштаба.

ной стоянки Этекшил вместе с керамикой эпохи бронзы («второго этапа окуневской культуры» по В. А. Семёнову) [Семёнов, 1992, рис. 19, 1, 2, 5, 7, 9; 2007] (рис. 2: 6–9). Опубликованные В. А. Семёновым прорисовки тувинских галек показывают аналогичное нашим вертикальное членение, дуги-гривны или подтреугольные контуры вокруг предполагаемого лица, изображения рядов треугольных фестонов, зигзагов, косой сетки, «ёлочки», заштрихованных полос.

Рассмотревший недавно все эти материалы К. Ю. Кирюшин делает вывод о существовании единой «традиции орнаментации плиток и галек», зарождающейся в эпоху неолита, и развивающейся вплоть до поздней бронзы – появления орнаментированных галек позднекарасукского поселения Торгажак в Хакасии [Кирюшин, Кирюшин, 2008, с. 99]. Однако антропоморфные гальки и пластинки с выделением места отсутствующего лица, вертикальным членением и вышеуказанными особенностями орнаментации в достоверном контексте появляются только в период ранней бронзы (Хар чулуут 1, Тыткескень VI, Тоора-Даш, возможно, Этекшил). Эти предметы имеют несомненное сходство с западноевропейскими, о которых говорилось выше. Можно отметить, что одна из этекшильских галек попросту идентична «типовой» португальской сланцевой пластинке – треугольное обрамление «лица» двумя рядами полос и двенадцать горизонтальных рядов заштрихованных треугольных фестонов [Семёнов, 2007, рис. 1, 5] (ср. рис. 2: 8 и 10). Таким образом, независимо от существования в Центральной Азии местных традиций орнаментирования небольших камней, идея создания портативных антропоморфных «идолов» с характерной зональной гравировкой могла прийти в этот регион из Западной Европы с носителями чемурчекского культурного феномена в середине 3 тыс. до н. э.

С этой точки зрения простая косая штриховка на бесформенных плитках с поселения Корначак 2 может быть никоим образом не связана с более поздней традицией. Находки из мешанных слоёв на поселениях Тыткескень 2 и Кара-Тенеш можно связать с комплексом периода ранней бронзы, датировав их второй половиной 3 тыс. до н. э. На гальках с поселения Усть-Куном, хотя и присутствуют ряды заштрихованных треугольных фестонов, нет характерных признаков антропоморфности. К сожалению, обстоятельства этой находки, однозначно подтверждающие связь клада галек с неолитической эпохой, не полностью обнародованы. Близкой аналогией композиций с усть-куюмских галек являются рисунки с зеркально-симметричными композициями на орнаментированных путовых костях лошади, найденных на энеолитическом поселении Ботай [Даниленко, 1985, с. 45, 46].

Список источников и литературы

- Даниленко Т. А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 34–47.
- Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Семибратов В. П., Кунгуров А. Л., Грушин С. П. Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI на Средней Катуне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 370–373.
- Ковалёв А. А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. № 1. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2011. – С. 183–244.
- Ковалёв А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. – СПб.: МИСР, 2012. – 158 с.
- Ковалёв А. А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут I в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. – СПб.: МИСР, 2015. – С. 155–214.
- Ковалёв А. А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Тишкин А. А., Ожередов Ю. И. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. – СПб.: МИСР, 2015. – С. 100–141.

- Кунгуров А. Л.* Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. – Барнаул, 1997. – С. 98–104.
- Кунгурова Н. Ю.* Графические изображения на гальках Усть-Куюма // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. – С. 81–84.
- Савинов Д. Г.* Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2(14). – С. 48–71.
- Сапожников В. В.* По Алтаю. – М.: ОГИЗ-Географгиз, 1949. – 579 с.
- Семёнов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб: ЛНИАО, 1992. – 152 с.
- Семёнов Вл. А.* Гравированные гальки из Тувы. Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии (Труды САИПИ 3). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. 2007. – С. 70–73.
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалёв А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д.* Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул: «Пять плюс», 2012. – С. 104–114.
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалёв А. А., Мунхбаяр Ч.* Исследования чемурчекских памятников в долине реки Буянт (Ховд аймак Монголии) в 2007–2008 годах // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. – СПб: МИСР, 2015. – С. 6–41.
- Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая.* Часть 1 / Погожева А. П., Рыкун М. П., Степанова Н. Ф., Тур С. С.; под ред. В. И. Молодина. – Барнаул: АзБука, 2006. – 234 с.
- Buonaventura R.* Chronology of megalithism in South-Central Portugal // Menga. Revista de prehistoria de Andalusia. Monográfico № 1. – 2011. – P. 159–190.
- Corboud P.* Les stèles anthropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) // Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines. T. XX. – 2009. – P. 1–89.
- Dei di pietra.* La grande statuarìa antropomorfa nell' Europa del III millennio a. C. Dieux de pierre. La grande statuaire anthropomorphe en Europe au IIIe millénaire avant J. C. / Belley A.M., Mezzena F., Renda A., Zidda G. – eds. – Milano: Skira, 1998. – 222 p.
- Favre S., Gallay A., Farjon K., De Peyer B.* Stèles et monuments du Petit-Chasseur, un site neolithique du Valais (Suisse). – Geneve, 1986.
- Lilios K. T.* Heraldry for the Dead. Memory, Identity, and the Engraved Stone Plaques of Neolithic Iberia. – Austin: University of Texas Press, 2008. – 218 p.

А. Н. Мухарева
Кемеровский государственный университет
Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия

ПИСАНИЦА НА УТЁСЕ ГОРОДОВАЯ СТЕНА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье рассматриваются история изучения и современное состояние наскальных изображений памятника Городовая Стена (Новосёловская писаница), расположенного в северной части Минусинской котловины, на правом берегу Енисея, в Новосёловском районе Красноярского края, недалеко от районного центра с. Новосёлово. Впервые изображения на утёсе Городовая Стена были зафиксированы еще в XVIII в. (Первая академическая экспедиция). Однако в последующем исследователи долгое время не уделяли должного внимания этим рисункам. Известность памятнику принесло открытие Н. В. Леонтьевым в начале 1980-х гг. рунической надписи, нанесённой на один из скальных выходов, расположенных в верхней части массива и уцелевших после сооружения Красноярского водохранилища. Кроме рунической надписи сохранились и несколько плоскостей с разновременными изображениями, как выбитыми или выгравированными, так и крашеными. Между тем, губительное воздействие Красноярского водохранилища способствует тому, что оказавшаяся незатопленной часть памятника интенсивно разрушается и может быть утрачена в ближайшее время.

Ключевые слова: наскальные изображения, руническая надпись, раннее средневековье, Городовая Стена, Минусинская котловина.

A. N. Mukhareva
Kemerovo State University
Historical, Cultural and Natural Museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa»
Kemerovo, Russia

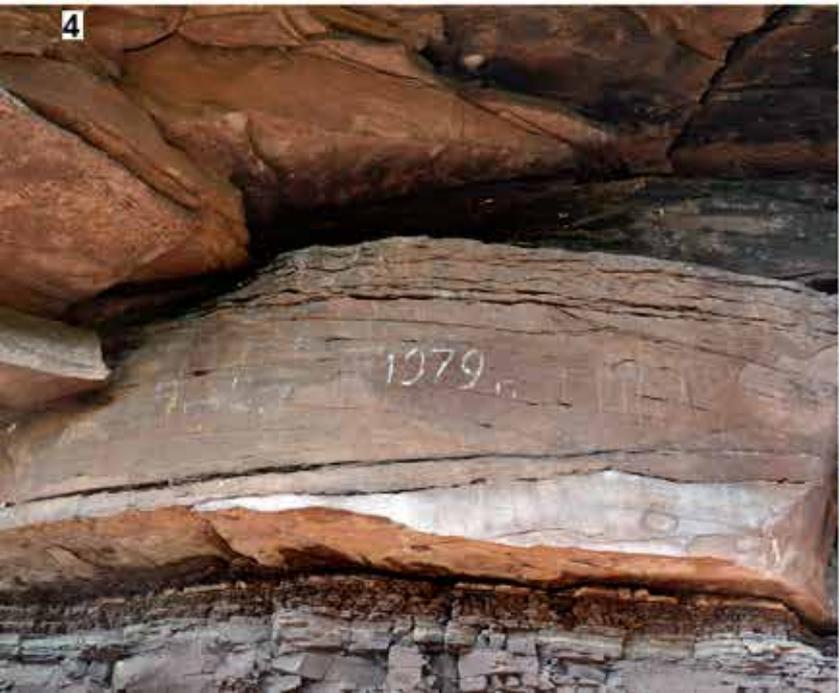
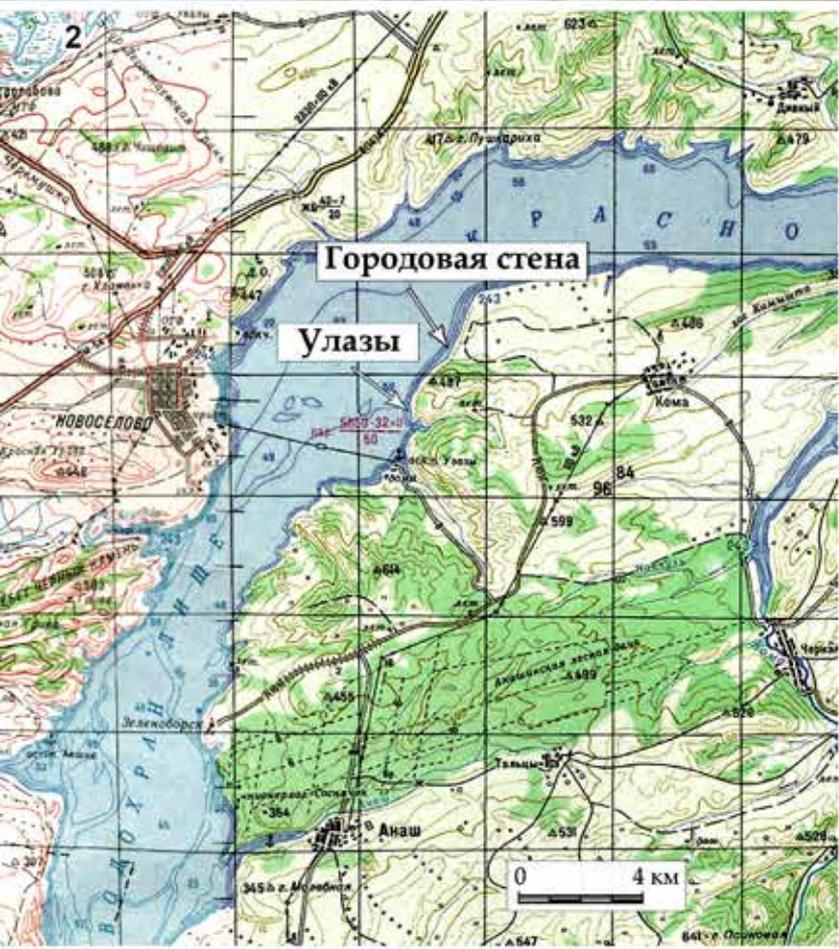
ROCK ART SITE ON GORODOVAYA STENA CLIFF: HISTORY OF STUDYING AND ITS CURRENT STATE

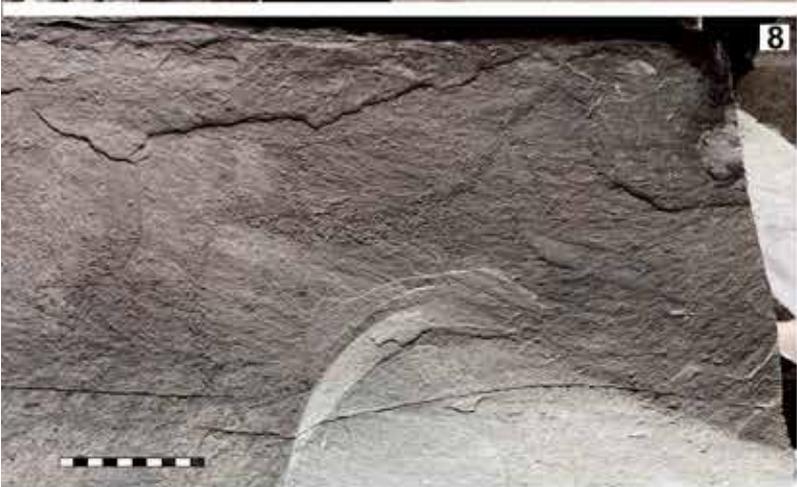
The article discusses the history of studying and the current state of rock drawings in the site of Gorodovaya Stena (Novosyolovskaya pisanitsa) located in the north of Minusinsk basin on the right coast of the Yenisei, in Novosyolovo district of Krasnoyarsk Territory, near the district center – the settlement of Novosyolovo. Images on the cliff Gorodovaya Stena were first recorded in the 18th century (the First Academic expedition). However, it wasn't studied by the subsequent researchers for a long time. It became famous after the discovery of runic inscription by N.V. Leontyev in the early the 1980s. That inscription was made on one of the rocky outcrops located in the upper part of the massif which avoided flooding as a result of construction of the Krasnoyarsk reservoir. Besides the runic inscription, several panels with images created in different periods of time, both pecked or engraved and colored have also survived the construction. Meanwhile, pernicious influence of the Krasnoyarsk reservoir contributes to the process of intensive destruction of the unsubmerged part of the site, which can be lost in the nearest future.

Keywords: rock art, runic inscription, Early Middle Ages, Gorodovaya Stena, Minusinsk basin.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01271а2
 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего средневековья на памятниках
 Алтае-Саянского региона и Монголии»).

Городовая Стена или Новосёловская писаница (**рис. 1**), расположенная на правом берегу Енисея, в Новосёловском районе Красноярского края, недалеко от с. Новосёлово (**рис. 2**), стала одним из первых памятников наскального искусства Сибири, привлёкших внимание исследователей. Крашенные рисунки Городовой Стены дважды в ходе поездки (18 февраля и 26 сентября 1722 г.) были осмотрены участниками Первой академической экспедиции, после того, как они «услышали, что на “Городовой Стене”, т. е. на возвышенном и крутом берегу Енисея, вырезаны

разные языческие надписи». В своём дневнике Д. Г. Мессершмидт описывает утёс как чрезвычайно высокий, бурый, скалистый берег, довольно похожий на большую стену, от которой он и получил своё название. «На этой отвесной скалистой стене мы... заметили несколько знаков и фигур, в незапамятные времена начертанные ярко-красною и неизгладимою краскою, на высоте примерно 4-х саж. над поверхностью воды» [Мессершмидт, 1888, с. 17, 18]. Участники экспедиции, «прибыв туда, ...увидели только несколько изображений...», тем не менее, 18 февраля художник «Карл Шульман срисовал их» [там же, с. 15], а 20 мая рисунки эти были отправлены в Петербург [там же, с. 18].

Несмотря на интерес, проявленный участниками Первой академической экспедиции к рисункам на Городовой Стене, в последующем исследователями долгое время не уделялось должного внимания этому памятнику. Тем не менее, упоминания о Новосёловской писанице встречаются в работах чиновника И. Скороговорова, учителя Н.И. Попова, основателя Минусинского музея Н. М. Мартянова [Дэвлет, 1996, с. 31, 37, 43].

К сожалению, зарисованные К. Шульманом изображения до настоящего времени, вероятно, не сохранились. Также не представляется возможным установить, как много рисунков первоначально было на береговых скалах Городовой Стены и к каким периодам они относились. Грандиозные проекты по сооружению на Енисее ГЭС привели к появлению в 1960-е гг. Красноярского водохранилища, затопившего наряду со многими другими объектами, ту часть памятника, где были нанесены описанные выше изображения.

После образования водохранилища над водой осталась лишь верхняя часть скалистого утёса, которая в начале 1980-х гг. была обследована Н. В. Леонтьевым. Будучи сотрудником Минусинского краеведческого музея, в 1982 г. он проводил в этом районе полевые работы на расположенном поблизости комплексе наскального искусства Улазы [Леонтьев, Миклашевич, Мухарева, 2005] (рис. 2). На северной оконечности скального массива Улазы, в небольшом логу, спускающемся в залив, им были обнаружены неизвестные ранее изображения Городовой Стены. В 1983 г. Н. В. Леонтьев впервые наиболее полно исследовал наскальные изображения на утёсе Городовая Стена, зафиксировав восемь плоскостей с выбитыми, гравированными и крашеными рисунками. Семь из них было скопировано на кальку, сделаны пометки о технике нанесения изображений и датировке некоторых петроглифов, приведены краткие описания скального массива [Коллекция..., НВФ 7929–7937].

Помимо разновременных изображений Городовой Стены, особое внимание Н. В. Леонтьева привлекла раннесредневековая руническая надпись, вырезанная двумя горизонтальными строками на одном из скальных выходов утёса. Как и наскальные изображения, она была скопирована исследователем. В том же 1983 г. эту надпись повторно копирует И. Л. Кызласов [2013, с. 272]. Практически сразу прорисовка рунической надписи Н. В. Леонтьева и соответствующая ей транслитерация текста были изданы Д. Д. Васильевым [1983, с. 46, 81], который несколько позднее вновь возвращается к прочтению «самой северной рунической надписи на Енисее» [1986]. Также неоднократно обращался к тексту этой надписи И. Л. Кызласов [1985; 1994, с. 191–193; 2013]. Однако, несмотря на интерес тюркологов к рунической надписи на утёсе Городовая Стена, наскальные изображения этого местонахождения по-прежнему не встречаются в публи-

Писаница Городовая Стена.

Рис. 1. Общий вид скального массива. Фото 2012 г.

Рис. 2. Расположение памятника на карте в контексте комплекса наскального искусства Улазы.

Рис. 3. Плоскость с рисунками, оказавшаяся недоступной из-за разрушения нижних слоёв скального массива (стрелка показывает место нахождения плоскости). Фото 2015 г.

Рис. 4. Плоскость с рисунками, испорченная современными надписями. Фото 2016 г.

Рис. 5. Упавший блок с петроглифами (стрелки указывают на его первоначальное местонахождение и на грани, которыми блок прилегал к скале). Фото 2016 г.

Рис. 6. Упавшие скальные блоки с петроглифами на утёсе Городовая Стена (стрелки указывают местонахождение обнаруженных блоков с рисунками). Фото 2016 г.

Рис. 7, 9, 10. Петроглифы на отдельно лежащих блоках.

Рис. 8. Фрагмент грани с изображением под № 7.

Рис. 11. Микалентная копия изображений под № 10.

кациях. Краткое упоминание об этой писанице фигурирует лишь в своде Э. Б. Вадецкой [1986, с. 162], где она обозначена под № 41 как «Новосёловская». Материалы Н. В. Леонтьева, оставаясь неопубликованными, в 2003 г. были переданы им в фонды музея-заповедника «Томская Писаница», где хранятся по настоящее время [Коллекция..., НВФ 7929–7937].

Писаница Городовая Стена вновь была обследована лишь в 2004 г. сотрудниками лаборатории археологии Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева в рамках исследований петроглифов правого берега Красноярского водохранилища в районе с. Новосёлово [Заика, Дроздов, Макулов, 2005, с. 159]. Исследователями было выявлено семь плоскостей с наскальными изображениями, датированными ими в широком хронологическом интервале – от эпохи неолита до средневековья [там же]. Помимо общего описания скального массива, особое внимание было уделено рунической надписи [там же, рис. 1], а также отмечена «рисованная красной охрой окуневская личина с сердцевидным абрисом, показанная в перевёрнутом виде» [там же, с. 159].

Автором статьи петроглифы на утёсе Городовая Стена впервые были осмотрены в 2012 г. (пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Л. Л. Бове и Е. А. Миклашевич, благодаря которым было проведено исследование памятника.) При последующем осмотре массива в 2015 г., кроме рисунков на скальных плоскостях, изображения были выявлены на одном из крупных камней (рис. 7), в большом количестве лежащих у подножия. Предварительно изучив материалы Н. В. Леонтьева в фондах музея-заповедника «Томская Писаница, в 2016 г. мы начали документирование наскальных изображений этого местонахождения.

Всего в 2016 г. было зафиксировано одиннадцать плоскостей с изображениями на скалах и три – на отдельно лежащих каменных блоках. Сохранность рисунков далеко не всегда удовлетворительная. На одних плоскостях с петроглифами можно наблюдать активно развивающиеся процессы отслоения скальной корки, другие повреждены вследствие падения камней, некоторым из-за сильного растрескивания угрожает выпадение фрагментов. Значительная часть сохранившихся скальных выходов с рисунками расположена по правому борту залива, в целом ориентированному на юг-юго-запад и только один – по левому. Эта плоскость с изображением выбитой антропоморфной фигуры была выявлена в ходе обследования скального массива с воды с помощью лодки. Расположена она достаточно высоко и в настоящее время недоступна из-за разрушения нижележащих карнизов.

Похожая ситуация наблюдается и с некоторыми другими плоскостями памятника. Так, некоторые из них уже в начале 1980-х гг. были труднодоступны. Например, судя по фотографии 1983 г., для «эстампирования» рунической надписи исследователи использовали лестницу [Кызласов, 2013, ил. 5], без которой было невозможно достать до плоскости. При кратком описании Н. В. Леонтьевым другого скального выхода с рисунками, расположенного левее «границы с руникой», сделана пометка «труднодоступно», хотя тогда ему удалось скопировать эти изображения на кальку [Коллекция..., НВФ 7935]. Нами, между тем, ещё при первом посещении памятника в 2012 г. было отмечено, что какие-либо карнизы, по которым было бы возможно подобраться к этой плоскости без специального снаряжения, отсутствуют, и плоскость уже недоступна для изготовления контактной копии (рис. 3).

Все обследованные скальные выходы с рисунками на утёсе Городовая Стена в настоящее время расположены над водой и не затапливаются даже при самом высоком её уровне. Тем не менее, их сохранности угрожает то обстоятельство, что водами Красноярского водохранилища периодически затапливаются нижние ярусы, которые с каждым разом всё сильнее вымываются и выкрашиваются. Их разрушению также способствуют волны, которые довольно сильно ударяются о скалы, часто поднимаясь в глубоком заливе, образовавшемся в этом месте после затопления, при сильном ветре. Постепенно скальные блоки верхних ярусов, не имея больше под собой опоры, отделяются от основания и падают, в результате чего весь берег усеян мелкими камнями и большими глыбами. На трёх таких каменных блоках, в настоящее время лежащих у подножия массива, были выявлены рисунки (рис. 6–11). Один из камней (рис. 10) пришлось перевернуть, используя автомобильный домкрат, поскольку он упал петроглифами вниз, а при обследовании близлежащих выходов удалось установить место его первоначального расположения (рис. 5).

В 1983 г. Н. В. Леонтьевым были скопированы рисунки на двух блоках (рис. 7, 10) из трёх, причём во время его работы на памятнике эти глыбы ещё не были отделены от скального массива, поскольку на соответствующих копиях [Коллекция..., НВФ 7931, 7934] стоят пометки «нижний ярус». Аналогичные указания можно встретить ещё на нескольких копиях, сделанных с плоскостей, которые пока ещё, как и в 1983 г., находятся в составе массива. Соответственно, падение этих блоков произошло в период между 1983–2012 гг. То, что при осмотре памятника в 2012 г. они уже лежали у подножия массива, подтверждают сделанные в тот момент фотографии.

Следует отметить, что последние несколько лет петроглифы Городовой Стены в качестве одной из основных достопримечательностей района активно показываются туристам во время водных прогулок по Красноярскому водохранилищу. В 2012 г. на памятнике даже находилась лестница для желающих поближе осмотреть труднодоступные плоскости. Несмотря на это, не наблюдается появления новых надписей и современных рисунков, а те, что имеются (рис. 4), были нанесены, предположительно, в 70–90-е гг. прошлого столетия.

Вероятнее всего, что сохранившиеся к настоящему времени изображения – это лишь малая часть того, что когда-то было оставлено древним и средневековым населением северной части Минусинской котловины на скалистом утёсе. Однако даже эти несколько плоскостей с рисунками демонстрируют широкий хронологический интервал в традиции нанесения наскальных изображений и всё многообразие технических приёмов их выполнения. Принимая во внимание интенсивность разрушения скального массива, очевидна необходимость полного документирования сохранившихся изображений в ближайшее время. При этом может оказаться перспективным дальнейшее обследование памятника при низком уровне воды в водохранилище с помощью лодки.

Список источников и литературы

- Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983. – 128 с.
- Васильев Д. Д.* Самая северная руническая надпись на Енисее // *Turcologica* 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – С. 53–56.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: ИА РАН, 1996. – 250 с.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И.* Новоселовские писаницы (итоги археологических исследований 2004 г.) // *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия.* – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 159–161.
- Коллекция Н. В. Леонтьева «Городовая Стена: прорисовки наскальных изображений на кальке» / Музей-заповедник «Томская Писаница, научно-вспомогательный фонд №№ 7929–7937.*
- Кызласов И. Л.* Институт отшельничества в Древнехакасском государстве (Енисейские надписи нового жанра) // *Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений.* – Ашхабат: Отд-ние лит-ры и языка Академии наук СССР, 1985. – С. 352–354.
- Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей – М.: Восточная литература, 1994. – 327 с.
- Кызласов И. Л.* Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // *Труды Государственного Эрмитажа. Т. 62. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006).* – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 266–294.
- Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н.* Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // *Археология Южной Сибири. Вып. 23.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 120–132.
- Мессершмидт Д. Г.* Извлечение из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта // *Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. (Материалы по археологии России. № 3).* – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1888. – С. 9–19.

К. Кретэн

Национальный центр первобытной истории. Перигё, Франция

Л. В. Зоткина

Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии. Новосибирск, Россия

Д. В. Черемисин

Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии. Новосибирск, Россия

В. И. Молодин

Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии. Новосибирск, Россия

Ж.-М. Женест

Зеркальная российско-французская лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии. Лез-Эйзи, Франция

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ В ХОДЕ ИХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА КАЛГУТИНСКИЙ РУДНИК, ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Работа посвящена такому важному аспекту документирования наскального искусства, как фиксация изображений, выполненных на сложных поверхностях. Как показывают наблюдения, иногда некоторые детали петроглифов не только нелегко зафиксировать при помощи имеющихся в распоряжении исследователей средств, но даже разглядеть эти детали невооружённым глазом не представляется возможным. В некоторых случаях это касается и целых изображений. Это может быть обусловлено спецификой субстрата, особенностями состояния его сохранности, а также в некоторых случаях своеобразием технических приёмов исполнения петроглифов.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, документирование, трасология петроглифов, Калгутинский рудник, Горный Алтай.

C. Crétin

Centre national de la Préhistoire. Périgueux, France

L. V. Zotkina

Mirror Lab 'Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia'. Novosibirsk, Russia

D. V. Cheremisin

Mirror Lab 'Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia'. Novosibirsk, Russia

V. I. Molodin

Mirror Lab 'Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia'. Novosibirsk, Russia

J.-M. Geneste

Mirror Lab 'Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia'. Les Eyzies de Tayac, France

POSSIBILITIES OF THE ROCK ART RESEARCH DURING ITS DOCUMENTATION (ON THE EXAMPLE OF KALGUTINSKY RUDNIK SITE, GORNY ALTAI)

This paper is devoted to the documentation of rock art on difficult surfaces. According to our observations, sometimes a few details of petroglyphs are not so remarkable and it can be quite complicated to trace them: not only to document but sometimes even to see them. In some cases it concerns entire representations. These can be caused by substrate specifics and particularities of its state of preservation, and in some cases by special technical features of petroglyphs themselves.

Keywords: rock art, petroglyphs, documentation, traceology of petroglyphs, Kalgutinsky Rudnik, Gorny Altai.

В середине 90-х гг. прошлого века в ходе масштабных археологических работ на плоскогорье Укок были открыты петроглифы в верховьях р. Калгуты. Памятник получил название Калгутинский рудник. Изображения животных на скале по правому берегу реки отличались своеобразием, выделяясь среди известных по другим многочисленным петроглифическим

памятникам Алтая. Также отличались и скальные поверхности – в отличие от других памятников, где, как правило, петроглифы нанесены на сланцевые скальные выходы, здесь субстратом служили риолиты. Гипотеза о глубокой древности петроглифов Калгутинского рудника (каменный век, не исключая верхнепалеолитического возраста) была сформулирована В. И. Молодиным и Д. В. Черемисиным [1999].

Очевидные трудности при документировании этих «древнейших» фигур были связаны с тем, что ряд изображений было трудно различить на скальных поверхностях, они фиксировались лишь при определённом освещении, практически не проявлялись на фотографиях, и в контактном копировании также были трудно уловимы глазом. Некоторые фигуры, выбитые достаточно глубоко, были скопированы маркерами на прозрачные материалы таким образом, что отмечался общий контур, абрис фигур, а некоторые так, что переносился каждый след от удара, который удавалось зафиксировать.

Спустя два десятилетия памятник снова стал объектом изучения в рамках российско-французского исследовательского проекта. На основе цифровой фотографии, фотограмметрии, трасологического изучения были осуществлены новые подходы к определению своеобразия и выяснению возраста калгутинских изображений. В статье представлены некоторые результаты, полученные в ходе проведённого исследования.

Петроглифы Калгутинского рудника выполнены на очень твёрдой горной породе, которая называется риолит. Поверхность субстрата была очень интенсивно зашлифована в результате движения ледника, оставившего многочисленные следы. Этот фактор столь же важен, как и твёрдость породы, ведь при изучении петроглифов на калгутинских риолитах исследователи сталкиваются со следующими сложностями. Поверхность довольно тёмная, при этом блестящая, отражающая свет. В большинстве случаев наличие изображения на такой поверхности можно зафиксировать только по присутствию матовых участков (видоизменённой верхней прочной корки субстрата) на тёмном заполированном фоне. При этом в ряде случаев, именно благодаря твёрдости и износоустойчивости этой породы технологические характеристики изображений, даже при условии хорошей сохранности, могут быть также зафиксированы с большим трудом.

Методы фиксации петроглифов требовали, таким образом, некоторой адаптации к этим специфическим особенностям памятника Калгутинский рудник – как к особенностям собственно следов выбивки, так и к сложностям их восприятия.

В более широком смысле, методы документирования определялись исследовательскими целями: разведка; привязка петроглифов к системе ГИС; геоморфологическое изучение контекста (долины реки) и выходов риолита, формирующих местонахождение; описание и формально-стилистический анализ изображений (общие сведения о размерах, расположении, контексте и пр.); технолого-трасологический анализ петроглифов. Практически все задачи на разных уровнях решаются благодаря применению техники трёхмерной реконструкции – фотограмметрии: от фиксации общего вида на памятник для позиционирования фигур друг относительно друга до документирования отдельных фрагментов наскальных изображений для трасологического анализа.

Наскальные изображения Калгутинского рудника расположены на горизонтальных плоскостях, на так называемых «бараньих лбах», вследствие чего они весьма доступны, но при этом и сильнее, чем обычно, подвержены природно-климатическому воздействию в суровых условиях плато Укок. Так, на петроглифы влияют всевозможные разрушающие факторы, такие как эоловые и гидрологические. Кроме того, значительно воздействие микроорганизмов и лишайников, а также антропогенный фактор.

В связи с тем, что изображения в естественных условиях подвергаются всем этим вредным воздействиям, ввиду специфического расположения плоскостей, было решено, что контактная фиксация петроглифов на прозрачную плёнку не может нести в себе дополнительный разрушающий эффект, что, например, недопустимо при исследованиях пещерного искусства, где порода, как правило, гораздо мягче, а микроклиматические условия памятников таковы, что в некоторых случаях даже простое соприкосновение с поверхностью изображений может уничтожить часть важной информации о них. Это последнее ни в коем случае не может быть отнесено

к петроглифам Калгутинского рудника. Итак, применённые методы документирования отвечали не только целям, поставленным в ходе исследований, но и особенностям состояния сохранности местонахождения.

Одним из фундаментальных аспектов при фиксации является освещение. Как и в других случаях, наиболее приемлемыми для восприятия калгутинских петроглифов являются утренние и вечерние часы, косой свет. Надо сказать, что из более чем 120 изображений, зафиксированных на данный момент на памятнике, чуть меньше половины были выявлены не как цельные фигуры, а как примеры нехарактерной для естественных воздействий трансформации поверхности – скопления следов. Они фиксируются, скорее, по изменению цвета, текстуры, микрорельефа поверхности. Но не как отдельные произведения, а, скорее, как факт наличия искусственного воздействия на субстрат. Во многих случаях при простом осмотре не было ясно, во что складываются такие серии следов. Эту разновидность изображений, чаще всего фиксирующихся только при определённом освещении (матовые следы на блестящей поверхности) было решено называть «figures-fantômes», то есть, изображения-«фантомы» («призраки»). Прямой или рассеянный свет, когда небо затянуто облаками, не позволяет увидеть очертания таких фигур. При таком освещении допустимо изучать только следы, о которых уже известно, и только при достаточно больших увеличениях (20 крат).

Специфика этих изображений-«фантомов» ещё и в том, что сфотографировать их целиком, то есть, когда камера расположена перпендикулярно плоскости, иногда просто не представляется возможным, поскольку даже простое наблюдение в некоторых случаях требует изменения позиции (под углом) относительно скалы для того, чтобы просто увидеть все детали. Это связано с тем, что часто такие петроглифы выполнены на выпуклых поверхностях, из-за чего свет распространяется на разные их участки не одинаково. Даже подходящее боковое освещение может сделать видимыми определённые детали, но не всё изображение в целом. Поэтому один общий вид зафиксировать при помощи *фотографии* с одной позиции не всегда возможно.

Другой современный способ документирования, который довольно часто применяется в ходе реализации разных исследовательских задач на Калгутинском руднике – это *фотограмметрия*. Эта техника основана на фиксации объекта с разных ракурсов, что позволяет получать объёмные изображения (ортофотографию и 3D-реконструкции) [Plisson, Zotkina, 2015]. Однако в случае с изображениями-«фантомами» эта техника также не даёт желаемого результата, так как направлена на фиксацию, прежде всего, рельефа. В случае с «фантомами» следы являются очень поверхностными, едва заметными матовыми участками, отличными от заполированной ледником естественной скальной корки. По сути, рельеф этих следов, составляющих изображения, настолько незначителен, что выполнение объёмной реконструкции общих видов этой разновидности петроглифов на современном этапе не представляется возможным. Эти наблюдения были сделаны в ходе нескольких сезонов в процессе разведки и изучения уже найденных таких фигур.

Таким образом, в ходе многочисленных попыток применения всех доступных современных технологий фотофиксации, был сделан вывод о том, что эту задачу документирования (получения общего вида изображений-«фантомов») можно решить посредством прорисовки с применением дополнительных увеличительных оптических инструментов.

В ходе четырёх сезонов исследований была выявлена и зафиксирована целая серия изображений-«фантомов», едва заметных на скальной поверхности (деградировавших в ходе естественных изменений и/или частично исчезнувших) [Черемисин и др., 2015]. Во многих случаях, когда речь идёт о таких едва заметных следах, схожих иногда и с результатами естественных трансформаций поверхности – случайных повреждений, различных видов выветривания, возникает закономерный вопрос, насколько видение исследователя в ходе фиксации повлияло на выявленный образ. Не являются ли изображения-«фантомы» результатом нашего воображения или они действительно существуют?

Итак, с одной стороны, возникла важная методическая задача – проверить адекватность и объективность выбранной исходя из описанных выше причин методики документирования. С другой стороны – убедиться существует ли эта разновидность изображений на самом деле.

Для этого было выполнено несколько прорисовок одних и тех же петроглифов разными исследователями с использованием разных вспомогательных средств. Учитывая вышесказанное, этот способ представляется наиболее оптимальным для того, чтобы поделиться полученными наблюдениями.

Таким образом, выполнение прорисовок было направлено на решение следующих задач:

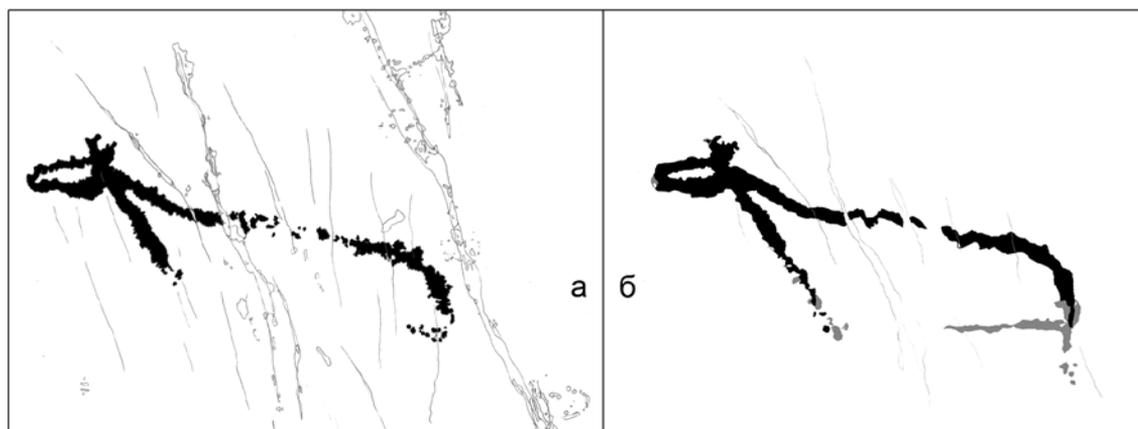
- воспроизведение изображений целиком;
- получение неискаженных общих видов изображений в масштабе 1:1;
- верификация и уточнение контуров изображений;
- анализ технологических характеристик изображений, выявленных в ходе документирования;
- противопоставление прочтений/интерпретаций, выполненных разными исследователями, и/или разные варианты прочтений, выполненные одним исследователем в разные сезоны.

В ходе выполнения прорисовок определяются границы изображений, а также различные детали и нюансы, которые почти всегда неочевидны для поверхностных петроглифов-«фантомов». Поэтому в данном случае прорисовку можно считать не только средством документирования, но и инструментом наблюдения, анализа и осмысления. И в том числе, прорисовки хорошо демонстрируют, как эволюционируют взгляды одних и тех же исследователей в процессе более глубокого понимания специфики памятника.

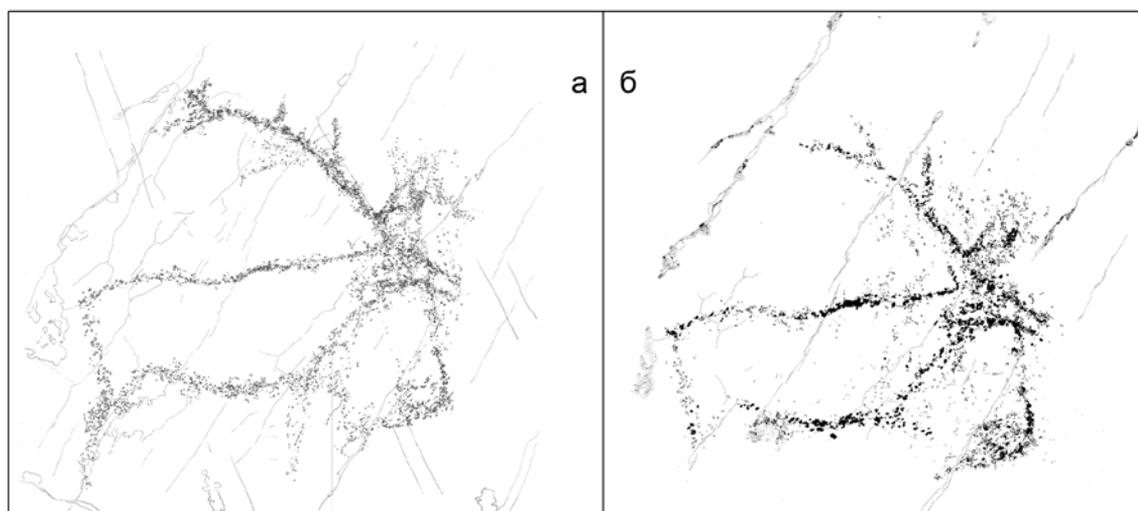
Очертания первых изученных в 2013 г. изображений, ранее опубликованных, в том числе лошадей №№ 9 и 10 [Молодин, Черемисин, 1999, рис. 25–28], были определены на основании непрерывных контуров выбивки. Учитывая, что порода является довольно специфической, и в начале работ у исследователей ещё не было чёткого представления о механизмах изменения поверхности, было выделено несколько критериев, позволивших охарактеризовать технологические признаки, указывающие на искусственное воздействие на скалу. Именно они фиксировались на прорисовках. В их число вошли следы, которые не ассоциируются напрямую с непрерывной линией пикетажа, но могут также соотноситься с фигуративными контурами изображений и при этом свидетельствовать об искусственной обработке камня. Это довольно поверхностные, не проникающие глубоко в структуру породы следы, но открывающие светлые, серые гранулы риолита. Как показывает сопоставление с имевшимися прорисовками, этот вид следов на изображениях лошадей, выполненных сплошной, непрерывной линией пикетажа, не рассматривался ранее как продолжение контуров петроглифов.

Фигуры оленя и быков, №№ 2, 3 и 4 по нумерации В. И. Молодина и Д. В. Черемисина [1999, рис. 13–19], выполненные не сплошной линией выбивки, где следы не такие чёткие, менее очевидные, чем в первых случаях, требовали изучения всех следов в скоплениях, выделения основных критериев описания и анализа этих следов и их сопоставления с естественными изменениями поверхности. Тем не менее, в данном случае свидетельства пикетажа достаточно ярко выражены, несколько углублены в поверхности камня, и их нельзя отнести к «фантомам». При определённом освещении, эти изображения можно увидеть целиком, однако, чтобы зафиксировать некоторые анатомические детали, всё-таки было необходимо отмечать расположение каждого следа в ходе прорисовки. Не все участки были хорошо читаемы, например, ноги животных. Иногда это было связано с большой рассеянностью следов, образующих контуры (например, как на петроглифах №№ 2 и 3) или с плохой сохранностью в результате деятельности лишайников (как № 4). Таким образом, уже для этих фигур стала очевидной необходимость более внимательного и детального анализа при помощи луп различного увеличения.

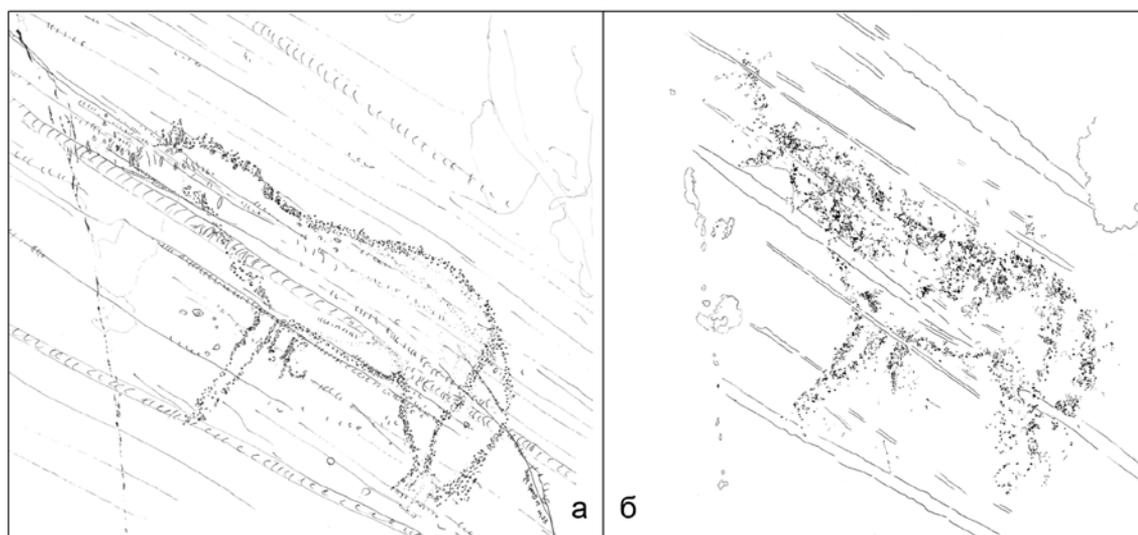
В результате было отмечено, что такие изображения в целом состоят из огромного количества мельчайших деталей, часто рассеянных и не всегда чётко концентрирующихся следов, которые практически не заметны для восприятия исследователя сегодня (эти следы тёмные, как естественная поверхность), и не вооружённым глазом не отслеживаются как составляющие изображений, но при взгляде на совокупности таких следов на прорисовках отмечаются тенденции, определённые зоны сосредоточения таких следов, которые часто формируют важные фигуративные детали образов, создавая ранее не заметные глазу контуры. Иногда эти скопления выявляются именно на тех участках, где, учитывая весь контекст и все изображения «положено» появиться линии.

1

2

3

Рис. 1. 1 – Прорисовки изображения лошади/лося с первого участка: а – прорисовка 2013 г.; б – прорисовка 2015 г.

2 – Прорисовки изображения оленя с первого участка: а – прорисовка, выполненная в 2015 г. с использованием 5-кратной лупы; б – прорисовка, выполненная в 2016 г. с использованием бинокулярного микроскопа с 10-кратным увеличением.

3 – Прорисовки изображения лошади с подогнутой ногой с первого участка: а – прорисовка 2013 г.; б – прорисовка, выполненная в 2016 г. с использованием бинокулярного микроскопа с 10-кратным увеличением.

Таким образом, обращаясь к изображению №10, можно отметить присутствие как линий, так и намеченных контуров живота, задней и передней ног (**рис. 1: 1**). Эти утверждения подтверждаются при использовании лупы с увеличением в 5 раз и бинокулярного микроскопа с десятикратным увеличением. В ходе изучения изображения оленя № 2 был установлен факт наличия другой фигуры, пересекающей с ним (**рис. 1: 2**).

Другое очень значимое в технологическом и стилистическом плане изображение, однако, вызывавшее большие трудности при его документировании – это изображение № 5, передающее яркий образ лошади с подогнутой ногой [Молодин, Черемисин, 1999, рис. 20, 21] (**рис. 1: 3**). Оно довольно сложно для восприятия. Как таковые признаки пикетажа здесь практически не фиксируются при простом взгляде на фигуру. Не вполне очевидно, такое состояние следов, формирующих изображение, связано с процессами выветривания, и мы имеем дело с очень выветренным петроглифом, или такой характер следов связан с особенностями техники исполнения. Параллельно с изучением этого изображения были обнаружены несколько других, которые были ещё более «рассеянными», ещё менее чёткими.

Для всех подобных непростых случаев, требовавших очень тонкого анализа и, очевидно, особых способов фиксации, о которых сказано выше, было введено понятие изображения-«фантомы», то есть, такие, которые не были даже заметны невооружённым глазом, без особого освещения, а при боковом освещении иногда были видны едва проявлявшиеся матовые участки поверхности, далеко не всегда сразу выводившиеся в определённые фигуративные образы.

Поэтому, в некотором смысле, прорисовки выполнялись «вслепую», поскольку при работе с относительно большими увеличениями целиком фигура не видна. И только когда съёмка завершена, становилось возможным определить, что именно удалось выявить как цельный образ. Часто результат становился сюрпризом, когда обнаруживались какие-либо новые анатомические детали. В том числе, благодаря дополнительному увеличению, практически во всех случаях изображений-«фантомов» удалось зафиксировать тончайшие линейные следы, которые могут быть отнесены к важнейшим трасологическим признакам, указывающим на вероятность применения совершенно отличной от пикетажа техники – шлифовки или скобления. Такие серии следов были обнаружены на изображении лошади № 5, которая тоже была отнесена к «фантомам» (**рис. 1: 3**).

Прорисовка участков концентрации этих «стигматов», указывающих на специфическую технику исполнения петроглифов, ближе к технологическому анализу изображения, чем к простому описанию наблюдений за контурами петроглифов и их фиксации. При этом не стоит полагать, что такой вид прорисовки обязательно позволяет лучше документировать сами контуры изображений. Скорее, разные виды прорисовки решают разные задачи. В случае с калгутинскими петроглифами сочетание разных видов прорисовки даёт возможность продемонстрировать принципиальные различия техник.

В ходе документирования калгутинских петроглифов в 2016 г. был проведён своего рода методический эксперимент. Двумя исследователями независимо друг от друга были выполнены прорисовки одной поверхности с изображениями-«фантомами», при этом были применены различные инструменты – пятикратное и десятикратное увеличение. Полученный результат подтверждает как существование фигуративных образов, так и оптимальность применяемой методики документирования, так как на обеих прорисовках совпали даже мельчайшие детали [Молодин и др., 2016].

Кроме того, важнейшей задачей было понять специфику трасологических признаков изображений-«фантомов». В первую очередь, с чем связан поверхностный характер образующих их следов. В случае с такими изображениями отмечаются довольно нестройные, прерывающиеся, но при этом часто образующие тенденции или направления тончайшие линейные следы, которые весьма отличны от гораздо более чётких, довольно протяжённых гравировок – другого типа следов, но также и от следов пикетажа. Эти мельчайшие линейные следы фиксируются на уровне микрорельефа, и часто, образуя серии, гораздо менее отчетливы, не выделены в отдельные, хорошо отмечающиеся участки отчётливо изменённой скальной поверхности. Часто эти нестройно расположенные мельчайшие линейные следы переходят просто в матовые области (где

снят самый поверхностный блестящий слой скальной корки), форма которых неопределённая. Эти признаки хорошо соотносятся с теми, которые были получены экспериментальным путём в ходе скобления камнем в 2014 г.

Таким образом, уверенно можно говорить о том, что изображения-«фантомы» в большинстве своём были выполнены в этой технике, однако, довольно сложно сказать, серии указанных следов были нанесены в один приём или между их выполнением был временной разрыв. Учитывая состояние сохранности поверхности, сложно также сказать, сколько всего жестов было выполнено в каждом конкретном случае.

Существуют также объективные ограничения для прорисовки при различных увеличениях, связанные с различной сохранностью поверхности. Например, лишайник уничтожает естественную заполировку скалы, появившуюся в результате движения ледника. Кроме того, на участках, где присутствовал лишайник, микрорельеф часто напоминает следы плотной выбивки, однако, очевидно, что такие трансформации поверхности являются результатом деятельности организмов. Поэтому никакие технологические «стигматы» на такой поверхности зафиксировать нельзя. В некоторых случаях бывает довольно сложно отличить естественные нарушения целостности верхнего поверхностного слоя скальной корки от преобразований в результате применения техники шлифовки. К сожалению, не во всех случаях можно отличить естественные и искусственные изменения скальной поверхности, так как в обоих случаях это механические процессы, и нарушение целостности поверхности на некоторых участках изображений может быть результатом её естественной деградации уже после того, как были нанесены линии петроглифов. Учитывая это обстоятельство, не все нарушения целостности поверхности должны быть выполнены на прорисовке. Именно этот фактор осложняет процесс уточнения контуров изображений такого типа.

Тем не менее, важно отдавать себе отчёт в том, что информация о технике и технологиях создания петроглифов не должна подменять и искажать наше понимание того, как изображение выглядело и воспринималось, поскольку технологический аспект, безусловно, имеет вторичное значение в наскальном искусстве. Таким образом, важно понимать, что восприятию была доступна информация, которая легко может быть получена невооружённым глазом, то есть, в первую очередь, не следы инструмента, а общие контуры петроглифов. Поэтому не стоит забывать, что прорисовка с целью выявления технологических стигматов – это один из инструментов анализа технологической информации, а не более эффективная замена других, традиционных способов фиксации, дающих достаточно полную информацию о контурах изображения в целом.

Список источников и литературы

Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск, Наука, 1999. – 160 с.

Черемисин Д. В., Зоткина Л. В., Плиссон Х., Кретан К., Женест Ж.-М., Деланнуа Ж. Ж., Раванель Л., Делин Ф. Исследование петроглифов Российского Алтая в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 441–446.

Молодин В. И., Черемисин Д. В., Кретэн К., Мильников В. П., Зоткина Л. В., Женест Ж.-М. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок российско-французской экспедицией в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016 (в печати).

Plisson H., Zotkina L. V. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2015. – Vol. 2. Issues 2–3. – P. 102–119.

ОТРАЖЕНИЕ КАЛЕНДАРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КУРГАНАХ И «ИСКУССТВЕ» КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В VIII-VI ВВ. ДО Н. Э.

Во многих археологических работах ранее были высказаны ценные наблюдения и выводы о сакральных изображениях на предметах из золота, бронзы, а также на петроглифах Евразии. Между разными регионами наблюдается сходство не только в образах животных, но и в календарных идеях, заложенных в них. Привлекая сумму современных методов исследований, на материалах сакральных образов в искусстве кочевников Евразии можно реконструировать заложенные в древние предметы основы искусства, астрономии, математики, философии и многих других отраслей знания.

Ключевые слова: *Евразия, кочевники, искусство, календарь, знания, курган, Аржан, Келермес, бронза, золото.*

L. S. Marsadolov

The State Hermitage Museum. Saint-Petersburg, Russia

REFLECTION OF CALENDAR REPRESENTATIONS IN BARROWS AND «ART» OF EURASIAN NOMADS IN THE 8-6th CENTURIES BC.

Many archaeological papers have contributed the studies with valuable observations and conclusions about sacral images on objects made of gold, bronze and in rock art of Eurasia. The resemblance between different regions is observed not only in images of animals, but also in calendar concepts they bear. Applying a complex of modern research methods to the materials of Eurasia one can reconstruct the foundation of Art, Astronomy, Maths, Philosophy and many other branches of knowledge laid in ancient objects.

Ключевые слова: *Eurasia, nomads, art, calendar, knowledge, barrow, Arzhan, Kelermess, bronze, gold.*

Введение. В небольшой статье трудно рассмотреть всё многообразие календарных представлений у многих народов Евразии, сохранившееся до сих пор – западный, восточный, астрологический, астрономический, православный, мусульманский, буддийский и иные календари. При этом в одном регионе, как правило, в зависимости от разных религиозных предпочтений, могут одновременно функционировать несколько календарей.

Необходимость согласования ежегодных хозяйственных, социально-демографических циклов с сакральными, природными и небесными явлениями неизбежно приводила к идее создания календаря. Знание точного времени наступления начала года, сезона, того или иного праздника было необходимо для его подготовки, проведения и достижения максимальных результатов. Кочевникам были известны основные зодиакальные созвездия, которые часто изображались в виде животных, божеств или их символов.

В археологии Центральной Азии, изучающей изобразительные памятники I-й пол. I тыс. до н. э., накоплено много ценных фактов, которые могут быть рассмотрены и в календарном аспекте. «Оленные» камни [Волков, 2002; Кубарев, 1979; Савинов, 1994; Марсадолов, 2007; и др.], материалы из больших курганов – Аржана 1 [Грязнов, 1980] и Аржана 2 [Chugunov, Parzinger, Nagler, 2010] в Туве, Чиликты 5 в Казахстане [Черников, 1965], Большого Полтаковского кургана в Хакасии [Курочкин, 1993]; многочисленные петроглифы [Шер, 1980; Советова, 2005; и др.], изображения на бронзовых бляхах, наперсниках и других сакральных предметах [Бобров, 1973; Марсадолов, 1982, 1999, 2013б; Миклашевич, 2010; Тишкин, 2011] позволяют проследить становление новых календарных представлений у древних кочевников Евразии на основе традиций эпохи бронзы, дополненных новыми инновациями.

От немногочисленных образов эпохи поздней бронзы, отразившихся на петроглифах и предметах (конь, козёл, олень, хищник, бык, человек, солярные символы и др.), начиная с VIII в. до н. э. (Аржан 1, «оленные» камни) идёт постепенное нарастание как общего числа изображений, так и новых образов (рыб, кабанов, сайги, птиц, грифонов и др.) (**рис. 1**).

Не только в оседлых цивилизациях были пирамиды и обсерватории, но и кочевники в конце II – первой пол. I тыс. до н. э. имели свои крупные курганы-храмы, в том числе и мегалитические курганы-пирамиды, а также наблюдательные астропункты и карты звёздного неба [Марсадоллов, 2013а]. После интенсивных военных, политических и культурных контактов с Передней Азией и Китаем в VIII–VII вв. до н. э., осмысления достигнутых результатов, с VIII в. до н. э. можно констатировать сложение высоко развитого сакрально-научного календаря у евразийских кочевников на основе достигнутой суммы астрономических знаний.

Календарные идеи в различные исторические периоды частично сохранялись в виде традиций, но часто и забывались (особенно при миграциях), а иногда и дополнялись новыми астрономическими знаниями.

Ориентация сакральных направлений по Солнцу и Луне. На материалах из археологических памятников Саяно-Алтая I тыс. до н. э. можно проследить пространственные и временные представления о 4-х направлениях «путей-дорог», в основном ведущих от Земли на Небо. Сакрально-навигационные идеи основывались на осознании объёмных пространственных координат – вертикальной (верх-низ), горизонтальной (вперёд-назад или право-лево) и двух диагональных:

1) с востока на запад, линия ежедневного восхода–захода Солнца, а также весеннего и осеннего равноденствия (горизонтальная линия);

2) с юга на север, от ежедневной высокой точки Солнца в полдень на юге к наивысшей неподвижной ночной точке в области незаходящих звёзд на севере, из тепла в холод (это направление хорошо выражено в пазырыкских памятниках Алтая);

3) с юга-запада на северо-восток, из низшей точки захода Солнца в день зимнего солнцестояния до высшей точки восхода солнца в день летнего солнцестояния, из холода к теплу (диагональная линия), прослеживается в самом большом в Центральной Азии кургане Аржан 1 в Туве (VIII в. до н.э.);

4) с юго-востока на северо-запад, из точки восхода низкой Луны на ЮВ к точке захода высокой Луны на СЗ (диагональная линия в Салбыке).

Даже титул правителя хуннов: «Рождённый Небом и Землёю, поставленный Солнцем и Луною, Хуннский Великий шаньюй...» [Бичурин, 1950, с. 58], позволяет скоррелировать как минимум 3 важных доминанты: пространственную (вертикальную) – Небо (верх) и Земля (низ); временную – Солнце (день) и Луна (ночь) и социальную – Великий Шаньюй (правитель) над рядовыми кочевниками хуннами. Основания для такого титула сложились гораздо раньше и отразились в археологических памятниках Центральной Азии и других регионов [Марсадоллов, 2010а, с. 42–45].

С идеями суточного, годового и многолетнего движения Солнца, Луны и Созвездий были связаны разные по своей ориентации направления и сакральные пути-дороги.

Кони и календарные числа. В кургане Аржан 1 (VIII в. до н.э.), с круговой и спиральной планировкой деревянных срубов-камер (**рис. 2: 1**) [Грязнов, 1980], не во всех секторах и не на всех направлениях были совершены жертвоприношения людей и коней. Вождь союза племён, его жена (или наложница?), а с ними 8 знатных человек и 6 коней были захоронены в центральной, наиболее сакральной части кургана, на уровне древней дневной поверхности. Дополнительные погребения людей расположены: в примыкающей с севера камере № 9 (2 человека) и в противоположных точках: на СВ (2 человека и 10 коней) – самой высокой точке восхода летнего солнца и на ЮЗ (4 человека и 7 коней) – самой низкой точке захода в день зимнего солнцестояния [Марсадоллов, 1989; 2009]. Следует отметить, что чем больше в одном срубе захоронено людей, тем меньше коней. Вероятно, это не всегда зависело и определялось общими размерами камеры, хотя в целом деревянные срубы-камеры в восточной части гораздо больше по размерам, чем в других секторах кургана (**рис. 2: 2**). В проходах между секторами срубов также были

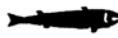
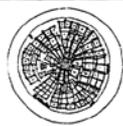
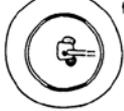
Образ / Дата	8 век до н.э.		8-7 века до н.э.		Кон. 8-го в. до н.э.	2-я пол. 7 в. до н.э.	
	Аржан-1, Тува	ОК, Тува	ОК, Алтай	ОК, Монголия	Чиликта, Казахстан	Аржан-2, Тува	Б. Полтаковский
Баран							
Олень				 (часто)			
Пантера (тигр)							
							
Кабан							
Козёл	нет	 (редко)	+ (редко)	 (редко)			
Орёл / птица	нет	На «оленных» камнях изображений птиц нет, но «клюв» оленей?			 		
Конь							
Рыбы	нет			 (редко)	 (редко)	 (редко)	
Соляные символы							
+ другие образы	нет	+ (редко)	+ (редко)	+ (редко)	+ (редко)	верблюд, сайга, бык и др.	
№№	1	2	3	4	5	6	7

Рис. 1. Изобразительные образы и символы на «оленных» камнях (ОК) и предметах, найденных в курганах Центральной Азии. По материалам М. П. Грязнова (1), Л. С. Марсадолова (2, 3), В. Д. Кубарева (3, 4), В. В. Волкова (4), С. С. Черникова (5), К. В. Чугунова, Г. Панцингера, А. Наглера (6); Г. Н. Курочкина (7).

совершены жертвоприношения коней: 8 и 18 в южном секторе, 5 – в северном и $2 + 2 + 13 = 17$ коней – в СЗ секторе.

Число коней, погребённых в отдельных камерах кургана Аржан, вероятно, также отражает определённую символику. По два раза встречаются только следующие числа: **2** (оппозиции типа восход-заход, день-ночь, весна-осень и т. п.); **7** (лунная неделя) и **30** коней (1 месяц). Наибольшее количество захороненных коней находится в восточной части кургана: $30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90$ коней = 3 месяца (**рис. 3**). Всего в Аржане погребено около 160 коней + 15–20 хвостов коней под полом центральной камеры = около **180** = полгода.

С помощью дендрохронологии установлено, что курган Аржан был сооружён в августе–сентябре. В связи с этим (сентябрь ± полгода), не исключено, что у кочевников Саяно-Алтая в VIII в. до н. э. счёт дней в году начинался в марте, возможно, в день весеннего равноденствия [Марсадоллов, 1989].

Курган Аржан является одним из самых ранних объектов, но не единственным памятником в евразийских степях, в котором определена идея, согласно которой 1 конь равен 1 дню (или году; см. письменные источники, в которых отмечается, что день богов равен году людей). Эта идея также нашла отражение в числе захороненных коней в курганах Прикубанья, раскопанных Н. И. Веселовским: **360** коней = 1 году (VI в. до н. э.; Ульский Аул, 1898 г. [Лелеков, 1980, с. 120]; **30** коней = 1 месяцу (IV в. до н. э.; станица Воронежская, курган № 19, 1903 г.) [Марсадоллов, 2009] (**рис. 2**: 3, 4).

Именно между Кубанью и отдельными районами Центральной Азии прослеживается много культурных связей на протяжении длительного времени, когда наблюдался отток воинственных кочевников из Малой и Передней Азии: в VII в. до н. э. – во время борьбы Мидии, Фригии и Лидии с Ассирийской державой (Чиликта – Келермес – Аржан 2); в V в. до н. э. – во время греко-персидской войны (Семибратние курганы, Пазырык, Филипповка) и т. д. Район Прикубанья, позднее заселённый кубанскими казаками, вероятно, неоднократно служил базой для сбора военных сил перед походами на Кавказ и далее, к югу [Марсадоллов, 2013б]. Вероятно, в районе Прикубанья находились места концентрации евразийских кочевников перед походами через Кавказ в Малую и Переднюю Азию.

Геродот, описывая обряды массагетов (обычно локализуемых на территории Приаралья), отмечал: «Из богов почитают только солнце, которому они приносят в жертву коней. Смысл этого жертвоприношения таков: самому быстрому из богов они отдают самое быстрое из смертных существ» [Геродот, I, 216]. Этот обряд, очевидно, был распространён гораздо шире территориально – не только в Приаралье, но и в других регионах, а истоки его уходят в глубь времён [Марсадоллов, 2002].

Келермесское зеркало-календарь. Отдельные изобразительные образы и их комплексы у кочевников Центральной Азии (**рис. 1**) приобретают особый смысл и находят объяснение на сакральном зеркале из Келермесского кургана в Прикубанье, на котором отразилась сумма научных достижений мудрецов степных народов и жрецов-учёных Передней Азии, Кавказа и соседних регионов (**рис. 3**).

Уникальный предмет 2-й пол. VII в. до н. э. – круглое серебряное зеркало, диаметром около 17 см, с обломанной ручкой и с вертикальным бортиком на тыльной стороне, украшенное 8 накладками из электра с разнообразными изображениями, было найдено археологом-любителем Д. Г. Шульцем в 1904 г. в кургане № 4/III у станицы Келермесской, близ города Майкопа в Предкавказье. Большинство исследователей считают, что в верхней части зеркала должно находиться изображение крылатой богини, держащей в руках двух кошачьих хищников (**рис. 3**, сектор-6) [Максимова, 1954; Мачинский, 1998; Кисель, 2003 и др.].

Представляется возможным реконструировать правильную ориентацию зеркала в пространстве, используя две широкие прямые линии, пересекающие круг под прямыми углами, которые делят предмет на 4 большие части по 90° (**рис. 3**).

Для ориентации среди звёзд всегда были нужны постоянные опорные точки, а для этого ещё в древности использовали положение Солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Смена 4-х времён года на Земле зависит от наклона земной оси. По современным расчётам, наклон земной оси колеблется от 22,1 до 24,5° и сейчас равен 23,5°. В верхнем секторе 4 вертикально

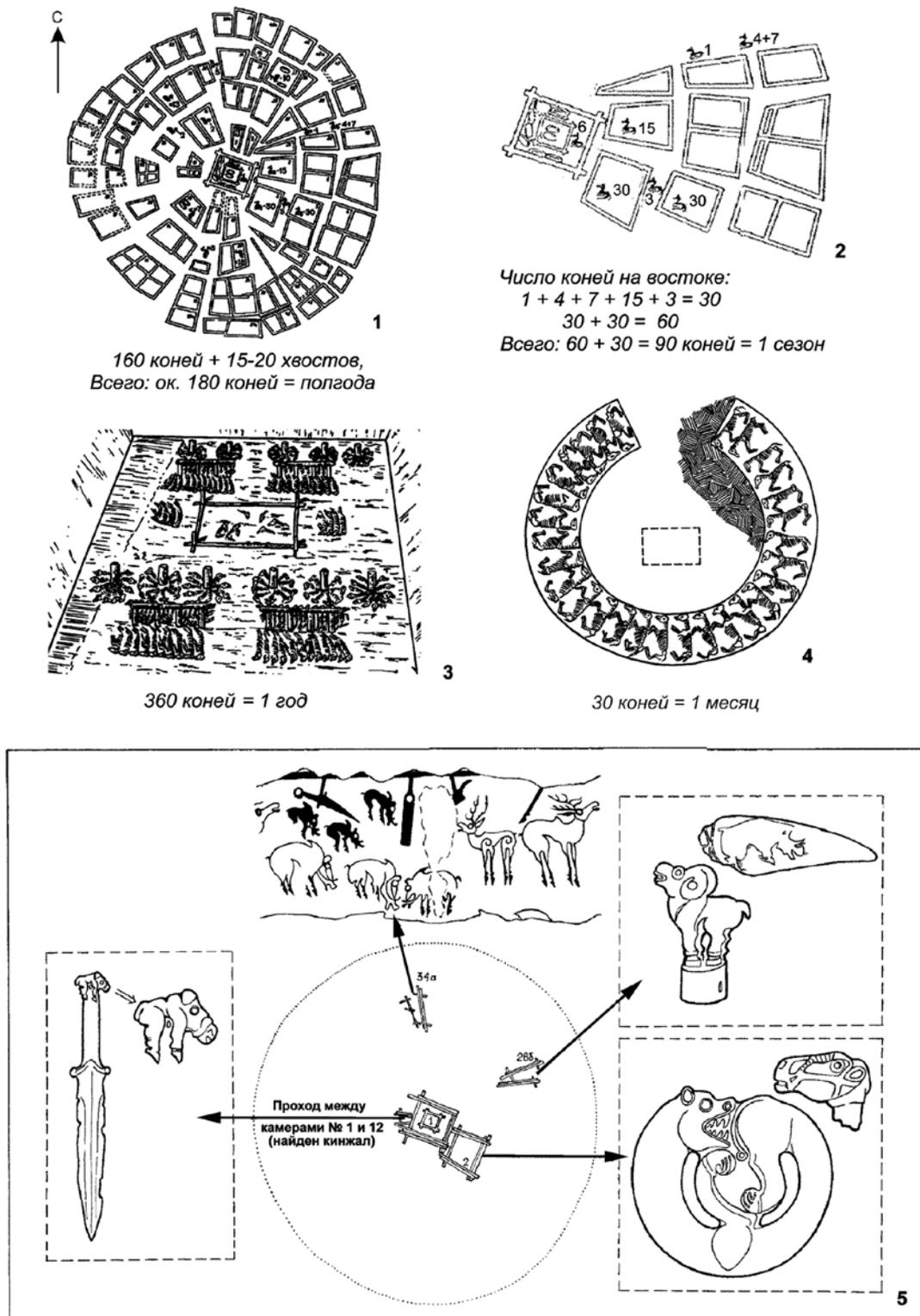

Рис. 2. Отражение календарных представлений в курганах, числах захороненных коней и в контексте погребальных объектов: 1, 2, 5 – курган Аржан 1 в Туве (1 – общий план кургана; 2 – деревянные конструкции с захоронениями людей и коней (в восточном секторе погребено 90 коней = 3 месяца); 3, 4 – курганы Прикубанья, раскопанные Н. И. Веселовским (3 – Ульский Аул, 1898 г., 360 коней = 1 году (VI в. до н. э.); 4 – станица Воронежская, курган № 19, 1903 г., 30 коней = 1 месяцу (IV в. до н. э.); 5 – предметы, найденные в кургане Аржан 1: бронзовый кинжал (на западе), «коленный» камень (на севере), бронзовое навершие и клык кабана (на СВ), бронзовая пантера и роговая головка коня (на востоке).

По материалам М. П. Грязнова (1, 2, 5), Н. И. Веселовского (3, 4).

изображена колонна ионического типа, за которую держатся два сфинкса. Следует особо отметить, что наклон колонны и дерева на зеркале равен $22,5\text{--}23^\circ$, а если $22,5^\circ \times 16 = 360^\circ = 1 \text{ год} = \text{круг}$. В центре зеркала помещён показанный сверху цветок лотоса, который расцветает на восходе солнца и закрывается на закате [Марсадолов, 2003]. Центральный ассиметричный цветок имеет 16 лепестков, по 2 лепестка в каждом из 8 секторов ($360^\circ : 16 = 22,5^\circ$ или $22,5^\circ \times 2 = 45^\circ$ (1 сектор) $\times 8$ (секторов) $= 360^\circ$). В двух секторах в восточной части между крупными лепестками нанесены небольшие ромбовидные выступы-знаки, которые как стрелки указывают на начало и завершение в отсчёте временных и пространственных структур – Восход солнца в день весеннего равноденствия и точку Восхода в день зимнего солнцестояния.

Эти крупные научно-сакральные открытия древних учёных-жрецов Востока, VII в. до н. э. или ранее, пока ещё недостаточно оценены, т.к. в науке считается, что наклон земной оси рассчитали древнегреческие учёные-астрономы Гиппарх Никейский в 145 г. до н. э. или ранее Евктемон в 431 г. до н. э.

Над колонной на боковом серебряном бортике находится «Ш-образный» выступ-мушка, сделанный в древности. Округлое отверстие было проточено и на бортике над ручкой в верхней части композиции из шести животных на зеркале-календаре из Усть-Бухтармы на Западном Алтае (рис. 4: 1) [Марсадолов, 1982; 1999]. Дерево и лев в верхней части, изображенные на расписном блюде из Ионии (рис. 4: 7) [Максимова, 1954, рис. 5], также служат дополнительными аргументами для правильной ориентации зеркала из Келермеса.

Колонну на зеркале поддерживают два мифических крылатых сфинкса, стоящих на реальной пантере. Противоположной точкой Верха и Неба является Низ – Земля и подземный мир, где изображены грифон и два сидящих сфинкса с прямо поставленными головами, смотрящие друг на друга (сектор 8). У находящихся в движении верхних сфинксов головы направлены назад, в противоположные друг от друга и от колонны стороны – влево и вправо. Только мифические крылатые сфинксы могут поддерживать невидимую земную ось, которая совершает круговой оборот вверху и неподвижна внизу. Грифон является типичным представителем нижнего подземного мира [Марсадолов, 1996].

Наиболее важным представляется не только анализ изображений по отдельным секторам, а общий синтез круговой композиции на зеркале, составленной из 24-х разных образов (рис. 3).

В секторе 2, соответствующем Востоку, Восходу Солнца, Весне и Равноденствию, изображены два антропоморфных одинаковых существа – вероятно, весеннее небесное созвездие Близнецов, которые активно борются со стоящим грифоном. С восходом солнца, переходом от тьмы к свету, исчезают ночные страхи, загоняются назад тёмные силы. Схватка передаёт то мгновение борьбы, когда её исход ещё не ясен – момент равенства сил = *Равноденствие*.

Восточный сектор 2 расположен выше горизонтальной линии В-3, а западный сектор 6 – ниже этой линии (рис. 3). Вероятно, это связано с тем, что на востоке после восхода солнце поднимается вверх, а на западе после захода солнце опускается вниз. Эта идея сформировалась довольно рано и нашла широкое отражение [Марсадолов, 2010а]. Сдвиг секторов относительно двух осевых линий был просто необходим, чтобы придать динамизм общей сакральной композиции и изображениям на зеркале.

Близнецы стоят ногами на так называемой четырёхрядной «плетёнке», ограниченной двумя линиями сверху и снизу, назначение которой из предшествующих работ учёных остаётся не ясным и не объяснённым. Эта «плетёнка» больше всего напоминает волны или «рябь» на воде. Не исключено, что так символически были показаны предшествовавшие дню весеннего равноденствия одно или два небесных зимне-весенних созвездия Рыб/Водолея, а также созвездие Рака, предшествующее дню летнего солнцестояния в секторе 3. Это предположение находит подтверждение в противоположном секторе 6 – осеннего равноденствия. Верхняя часть наряда крылатой Девы покрыта «чешуйками» [Кисель, 2003]. Рыбья «чешуя» украшает только верхнюю половину одеяния Девы, а в противоположном секторе 2 символ «воды» находится в его нижней части.

Переход от Весны к Лету (сектор 3) представлен в вертикальной части деревом с листвой и мирно идущей хищной львицей. Вероятно, дерево не только характеризует пышный рост

растительности летом, но и символизирует Мировое Древо, лежащее в основе мировоззренческих систем у многих народов в древности (рис. 4: 7). В нижней части сектора изображено спокойно лежащее копытное животное – Баран (Овен) – символ завершившейся Весны. Линия под лапами львицы, вероятно, свидетельствует, что баран ограждён от нападения хищника. Если восточная точка самого высокого восхода в день летнего солнцестояния представлена спокойной львицей, то точка Захода – агрессивной сценой терзания львом быка. Бык в точке Заката повёрнут головой в сторону лежащего барана в точке Восхода, а на Небе весеннее созвездие Быка=Тельца также следует за созвездием Барана=Овна.

Переход от Лета к Осени (сектор 5). День осеннего равноденствия 22 сентября в середине I-го тыс. до н. э. соответствовал на небе участку между созвездиями Девы и Весов. Поэтому в секторе 6, соответствующем Западу, Заходу Солнца, изображена крылатая богиня – Дева, стройная, без выделенной груди, с тонкой талией, держащая в равновесии двух хищников кошачьей породы, на разведённых в стороны руках, напоминающих Весы. Длинная юбка Девы украшена

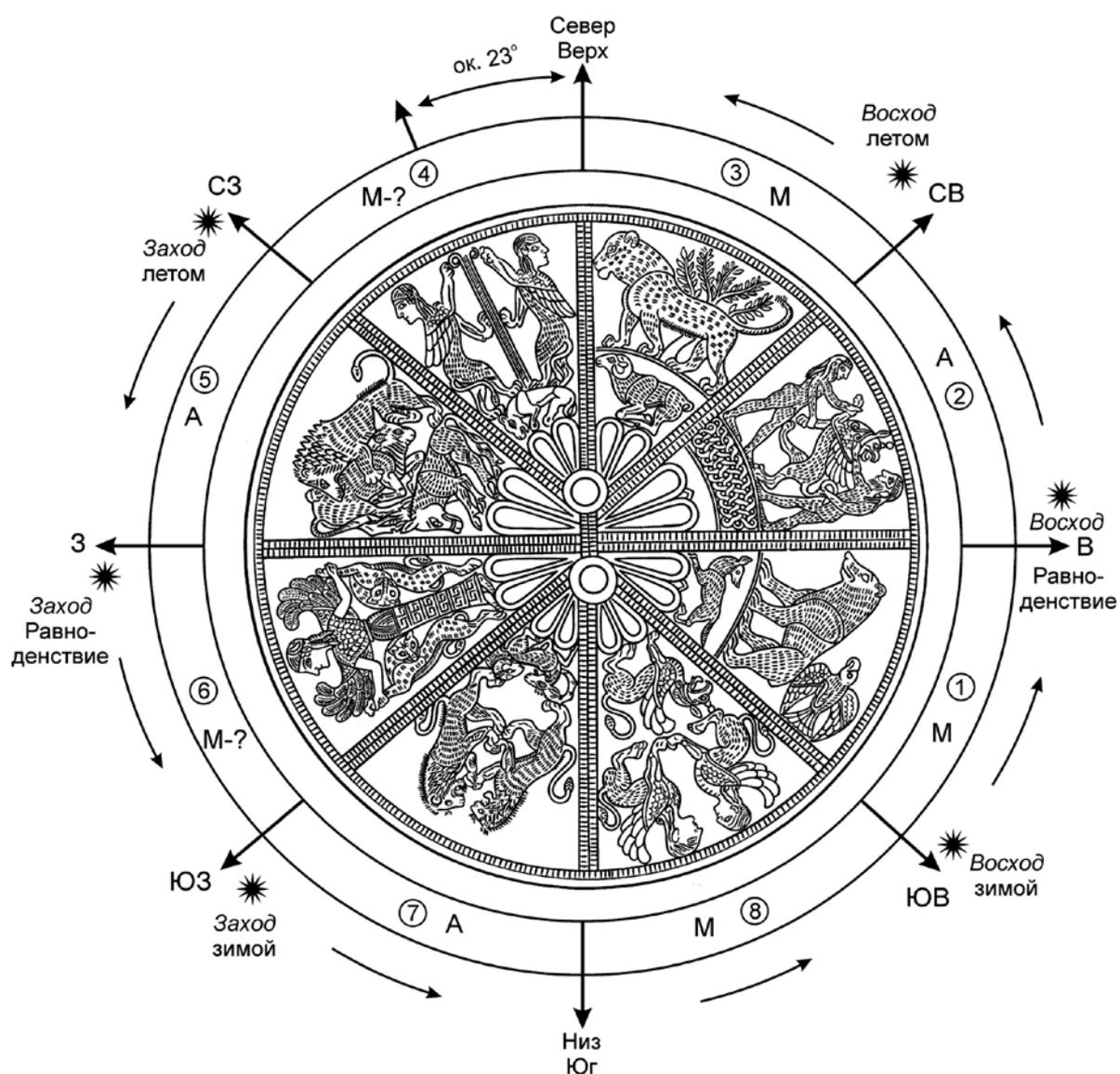

Рис. 3. Серебряное зеркало с 8 накладками из электра, найденное в кургане № 4/Ш, у станицы Келермесской в 1904 г. Связи разметки и изображений на зеркале с пространственными и астрономическими координатами. Сокращения: М – мирные сцены, А – агрессивные сцены. Прорисовка и разметка автора.

узорами по два меандра в каждом из шести рядов. Возможно, число меандров отражает календарные основы – 2 полугодия по 6 месяцев = 12 месяцев = 1 год.

Переход к Зиме (сектор 7). Зимний период по сравнению с летним у зверей характеризуется гораздо меньшим количеством пищевых ресурсов, а иногда и дракой между собой из-за добычи. С астрономической точки зрения всё гораздо сложнее. В этой геральдически выстроенной композиции, меньший по размерам Лев, смотрящий назад на заход, выступает в качестве символа уходящего Лета, опирающегося на Козла=Зиму, тогда как другой, больший по размерам Лев, глядящий вперёд по ходу солнца и стоящий на голове Барана=Весны, символизирует неизбежность грядущего перехода к весне и лету, что и отражено в противоположном секторе 3, где показаны фигуры Барана=Весны и Львицы=Лета.

Восход в день зимнего солнцестояния (сектор 1). В верхней части изображены основные приметы перехода от Зимы к Весне – прилёт птиц (с юга) и выход медведя после спячки (нижняя часть его туловища ещё опущена вниз?). Внизу сектора, отделённое линией от верха, находится изображение хищника собачьей породы. Собака или лиса у многих народов являются посредниками между мирами живых и мёртвых, между Небом и Землёй. Созвездие Лисички на небе находится недалеко от созвездия Орла, а между ними – созвездие Стрела, изображения которых также есть в этом секторе.

Солнечный и зодиакальный круг замкнулся в секторе 1, обозначенном нижней «стрелкой». Новый годовой период постепенно вступал в свои права. Таким образом, на зеркале наблюдается чередование мирных и агрессивных сцен: Весна борется с Зимой (Близнецы с Грифоном), ранняя Весна мирно переходит в Лето (Львица с Бараном) до высшей летней точки (Лев с Быком), Лето мирно переходит в Осень (Кабан, Дева с пантерами), голодная Зима полна ожидания Весны (сектора 7 и 1) и т. д.

Вероятно, наряду с небесными созвездиями, на зеркале также отражены и фенологические аспекты с опорой на смену основных сезонных природных и хозяйственных явлений. Весна – прилёт птиц, просыпается медведь. Лето – деревья с листвой, сытые животные. Переход к Осени – охота на кабана. Зима – голодное время, борьба за добычу и т. д. Фенологические календари у многих народов мира предшествуют зодиакальным. В Центральной Азии, в Китае и других странах долгое время бытовали фенологическо-зодиакальные календари.

Изображения на зеркале из Келермеса – это не карта звёздного неба, а образное представление об основных небесных созвездиях, через которые проходит солнце в течение дня и года.

Сравнение календарных представлений из разных регионов. Если сравнить зодиакальные образы, изображённые на Келермесском зеркале с древними и современными календарями (табл.), то можно выявить между ними как большое сходство, так и некоторые отличия.

Ниппурский (+шумеро-ассирийский) календарь III-I тыс. до н. э.	Античный, с V в. до н. э., + современный 12-месячный календарь	Келермесское зеркало, VII в. до н. э.	Совпадение
Баран	Баран (Овен)	Баран	+
Бык (Небесный)	Бык (Телец)	Бык	+
Великие Близнецы	Близнецы	Близнецы	+
Рак	Рак	<i>Волны?*</i>	?
Лев	Лев	Лев	+
Дева (Борозда)	Дева	Дева	+
Весы	Весы	Весы (руки Девы с хищниками)	+
Скорпион	Скорпион		
Пабильсаг (Стрелец)	Стрелец		
Рыбокозлёнок (Козерог)	Козерог Козёл	Козёл	+
Великан (Водолей)	Водолей	<i>Волны?*</i>	?
Рыба (Хвосты)	Рыбы	<i>Волны?*</i>	?

* Возможно, эти знаки изображены символически, в виде «волн=плетенки» (сектор 2)

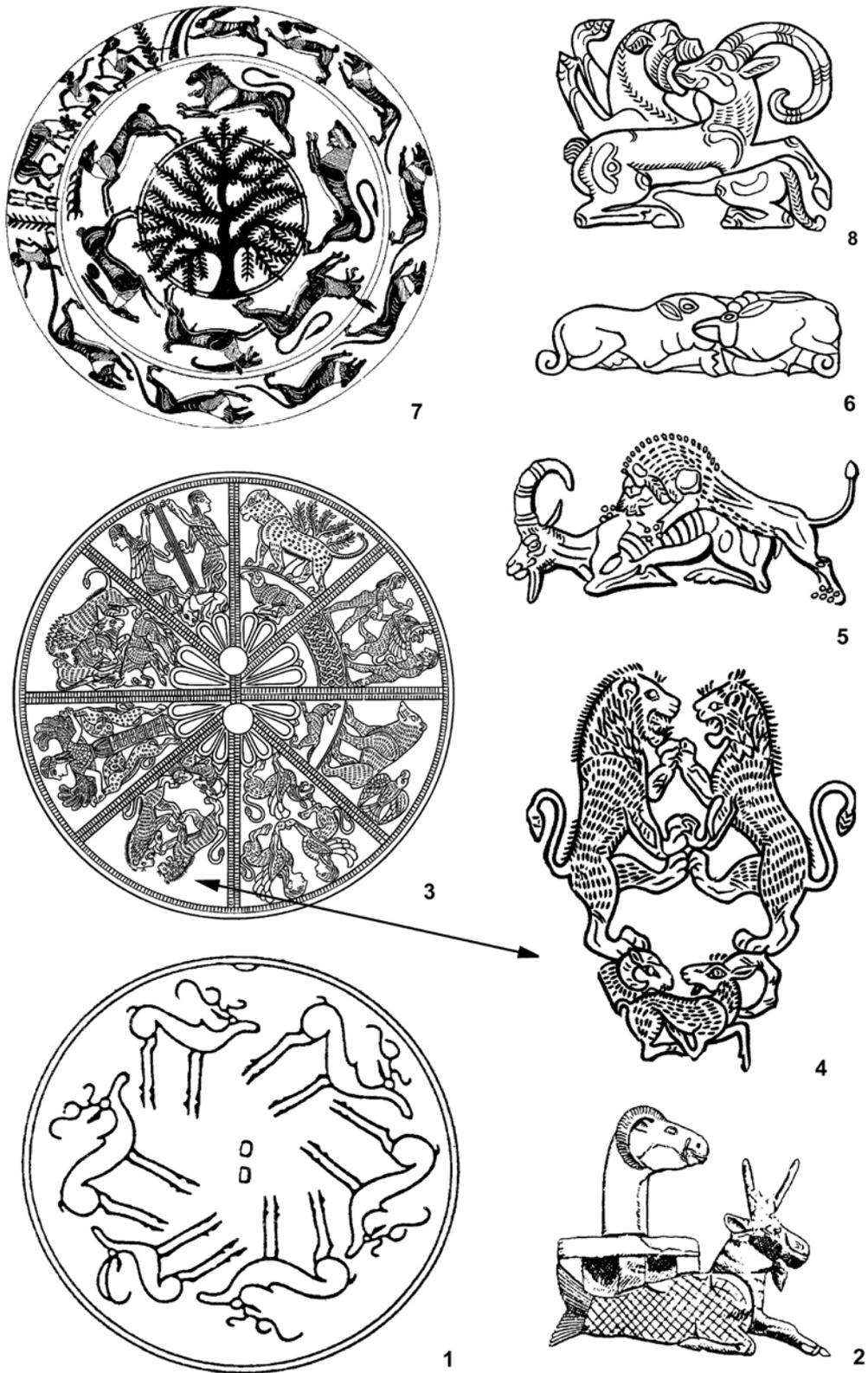

Рис. 4. Зеркала (1, 3), блюдо (7) и отдельные сюжеты с календарными образами: 1 – бронзовое зеркало с реки Бухтармы на Алтае; 2 – изображение на каменном рельефе из Вавилона; 3 – зеркало из Келермеса на Кубани; 4, 5 – изображения на зеркале и чаше из Келермеса; 6 – пронизка из кургана Аржан 2 в Туве; 7 – расписное блюдо из Ионии; 8 – изображение на серебряной поясной накладке из Пазырыка 2 на Алтае.
По материалам разных авторов, составлено Л. С. Марсадиловым.

На зеркале из Келермеса семь образов-знаков совпадают с ныне широко распространённым 12-месячным зодиакальным календарём, истоки которого уходят в III–II тыс. до н. э. и ранее [Емельянов, 1999; и др.], а окончательное его формирование многие учёные относят к середине I тыс. до н. э. Не стоит забывать, что на зеркале имеется только 8 секторов, а не 12. Поэтому, вероятно, как уже отмечалось выше, ряд знаков мог быть изображен символически, в виде «волн» – созвездия Рыб и Рака. Если наложить зодиакальные образы келермесского зеркала на карту звёздного неба, то можно видеть, что они располагаются вдоль основного «круга» эклиптики, вдоль которого солнце проходит в течение года, что определяет смену временных сезонов.

Такие образы, как Кабан=Свинья, Пантера=Барс=Тигр, Собака и Птица имеют соответствия не в западных, а в часовых и 12-летних календарях восточных народов. Многие исследователи отмечают большое стилистическое сходство и влияние звериных образов из восточных кочевнических регионов на келермесские изображения (олень, пантера, кабан и др.)

Одни и те же образы часто имеют строго ориентированное место в календарных системах разных народов. Например, изображение барана, весеннего созвездия Овна, помещено в СВ секторе келермесского зеркала, а бронзовые навершия в виде барана были найдены также в СВ части кургана Аржан 1 (рис. 2: 5 и 4: 3). Образ козла, созвездия Козерога, противоположной самой низкой точке заката солнца в день зимнего солнцестояния на ЮЗ, изображен в нижней части на зеркалах из Бухтармы в Казахстане, Келермесе на Кубани и на блюде из Ионии (рис. 4: 1, 3, 7).

Переходные календарные события – от зимы к весне, от созвездия Козерога к Овну, переданы на зеркале из Келермеса и на рельефе из Вавилона с дополнительным созвездием Рыбы (рис. 4: 2, 4). Переход от лета (созвездия Льва) к зиме (созвездия Козерога/Козла) изображены в виде льва, терзающего козла на предметах из Келермеса, Пазырыка 2 и, возможно, Аржана 2 (рис. 4: 4–6, 8) [Марсадолов, 2008; 2010б].

В кургане Аржан 1 были найдены предметы, которые по своему планиграфическому расположению также могут быть соотнесены с сакрально-календарными знаниями: Запад – Закат – Осень – кабан – смерть – кинжал и Восток – Весна – Восход – конь и т. д. (рис. 2: 5) [Марсадолов, 2008 и др.]. В западном секторе изображен кабан и на зеркале из Келермеса (рис. 3).

Пока ещё мало изучены связи строго отобранных предметов в погребальных комплексах с сакральными и астрономическими знаниями древних кочевников I тыс. до н.э., частично нашедших отражение в семантически близких изобразительных образах из разных регионов Евразии.

Заключение. Различные предположения о семантике изображений в скифо-сакском зверином стиле требуют нового обобщения для реконструкции общей мировоззренческой системы древних кочевых народов. Наиболее полно реконструировать и понять мировоззрение древних людей можно на основе изучения их сакральных памятников и предметов. Календарные представления кочевников Евразии почти всегда были тесно связаны с календарями Передней Азии, Китая, Кавказа и других регионов, а также оказывали на них определённое влияние.

В целом семантически сложные многофигурные композиции на ряде сакральных предметов часто представляют собой слитое в природно-сакральном круговороте единое мифологизированное Пространство и Время, в форме полных или частичных зодиакально-сезонных календарей.

Список источников и литературы

- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 471 с.
- Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 22 с.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
- Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.

- Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история зодиака. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с. *Кисель В. А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 192 с.
- Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 99 с.
- Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). – СПб.: Петербургкомстат, 1993. – 44 с.
- Лелеков Л. А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. – С. 118–125.
- Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // Советская археология, 1954. XXI. – С. 281–305.
- Марсадолов Л. С.* Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. – Л.: Искусство, 1982. – С. 30–33.
- Марсадолов Л. С.* К вопросу о семантике кургана Аржан // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Часть 2. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1989. – С. 33–35.
- Марсадолов Л. С.* Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. – Кемерово, 1999. – С. 152–163.
- Марсадолов Л. С.* Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – С. 137–139.
- Марсадолов Л. С.* Культурные центры Солнца в Центральной Азии: «ритуальные клады» или культовые места в IX–VI веках до н.э.? // Клады. Состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002. – С. 42–44.
- Марсадолов Л. С.* Реальные и сакральные лотос и древо у древних кочевников Алтая // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2003. – С. 139–143.
- Марсадолов Л. С.* Отчёт об исследовании древних святынь Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. – СПб.: Изд-во Эрмитажа, 2007. – 278 с.
- Марсадолов Л. С.* Реконструкция «оленного» камня из кургана Аржана-1 // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 60–64.
- Марсадолов Л. С.* Курган Аржан-1 в Центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Часть I. – Кызыл: КЦО «Аньяк», 2009. – С. 59–63.
- Марсадолов Л. С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010а. – 128 с.
- Марсадолов Л. С.* Переднеазиатские серебряные поясные накладки из кургана Пазырык-2 на Алтае // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. (Труды САИПИ. Вып. VI). – Барнаул: Азбука, 2010б. – С. 71–75.
- Марсадолов Л. С.* Истоки сакрально-научных знаний у древних кочевников Центральной Азии // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013а. – С. 303–312.
- Марсадолов Л. С.* Феномен культурно-политических связей Саяно-Алтая и Кубани в VIII–IV веках до н.э. // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Экоинвест, 2013б. – С. 268–271.
- Мачинский Д. А.* О семантике Келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. К 90-летию со дня рождения. – СПб.: Изд-во Эрмитажа, 1998. – С. 57–60.
- Миклашевич Е. А.* Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Труды САИПИ. Вып. VI. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 135–144.
- Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.
- Советова О. С.* Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 140 с.
- Тишкин А. А.* Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011. – С. 272–290.
- Черников С. С.* Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Chugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010. – 330 S.

ПЕТРОГЛИФЫ ЗОЛОТОЙ СТЕПИ: ВИД СВЕРХУ

Статья посвящена исследованию изобразительных памятников, расположенных в пределах степной части Казахстана, известной с древних времён как Сарыарка или Золотая степь. Описаны особенности ландшафтов, макро- и микротопографии таких памятников. Выделены основные сюжеты петроглифов в различные исторические периоды, их репертуар, а также изобразительные традиции: ямно-афанасьевская; андроновская; бегазы-дандыбаевская (карасукская), существовавшие здесь в эпоху бронзы. Во времена ранних кочевников и западных тюрков выделены особенности изобразительных традиций этих этносов. Обозначена уникальная роль петроглифов в системе сложных визуальных коммуникаций, существовавших у местного кочевого населения с древнейших времён.

Ключевые слова: наскальное искусство, каналы коммуникации, изобразительные традиции, ямно-афанасьевская, андроновская, бегазы-дандыбаевская, скифо-сакская, тюркская, казахская.

V. A. Novozhenov

Saryarka Archaeological Institute. Almaty, Kazakhstan

PETROGLYPHS OF THE GOLDEN STEPPE: SEEN FROM ABOVE

The article is devoted to the rock art sites of the steppe part of Kazakhstan, known since the ancient times as Saryarka or Golden steppe. The author describes the particularities of landscape, macro- and microtopography of its sites, main themes of petroglyphs of different historical periods and pictorial traditions are identified: Pit Grave-Afanasiovo, Andronovo, Begazy-Dandybay (Karasuk) cultures which existed here in the Bronze Age. In the periods of Early Nomads and Western Turks such pictorial traditions in local petroglyphs existed and were developing as well. An important role of figurative and pictorial monuments in the sophisticated visual communications network of the local population from the ancient time is noted.

Keywords: rock art, petroglyphs, communication channels, pictorial traditions, Pit Grave-Afanasiovo, Andronovo, Begazy-Dandybay, Scythian-Saka, Turks, Kazakh.

Казахский мелкосопочник – географическое название ковыльно-злаковой степной части Казахстана, в древности получившей историко-поэтические названия «Дешт-и Кыпчак» и «Сарыарка». В вольном переводе на русский язык эти топонимы означают соответственно «Степь (в смысле – страна) кипчаков» и «Золотистые (в смысле – желтеющие, как ковыль) холмы (как хребет)». Исторически в Списки древнерусских летописей и собственно в русский язык вошло историко-географическое понятие «Половецкая степь», в смысле «палевая» или «Золотая (жёлтая) степь», а её обитатели назывались соответственно «половцами», которые сами себя называли «кимаками», «кыпчаками» или «гузами» («огузами») [Кумекоев, 1972; Семби, 2013, с. 230–238].

Уникальным культурным наследием казахского народа являются древнейшие наскальные изображения – петроглифы, обнаруженные на бескрайних просторах этой Золотой казахской степи. Самые первые свидетельства о наскальных гравюрах Сарыарки встречаются в трудах арабских учёных и путешественников, затем несколько чаще появляются в работах немецких учёных и русских геологов, начиная с XIX в., но настоящий прорыв в научных исследованиях изобразительных памятников Сарыарки произошёл только во второй половине прошлого века [Байтилеу, 2010; Марьяшев, 2011]. Вместе с тем, они по-прежнему остаются малоизвестными широкой общественности, несмотря на посвящённые им работы таких учёных-энциклопедистов как В. А. Городцов [1926], К. И. Сатпаев [1941], А. Х. Маргулан [1979; 2003], Л. Р. Кызласов [1950], М. К. Кадырбаев, А. Г. Медоев [1979] и многих других. Эти труды заложили мощную основу изучения степных петроглифов, на базе которой становятся возможными сегодня некоторые обобщения и глобальные исторические выводы [Самашев, 2006; 2012; Молодин, 2014; Кузьмина,

2012; Крадин, 2007; Масанов, 2011; Шер, 2004; 2016; ЗТКА, 2013; Новоженев, 2012а; б; в; 2014; 2015б; г; Svetz, 2010; 2012; Frchetti, 2012; Rogozhinsky, Yatsenko, 2015; Allentof *et al.*, 2015; Naak *et al.*, 2015].

С другой стороны, новые бесконтактные методы копирования наскальных изображений и полевого их исследования стремительно развиваются и совершенствуются. Стали доступными новые прогрессивные технологии графического сканирования и цифровой обработки изображений, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов – фото и видеокамер высокой чёткости, позволяющие взглянуть с высоты «птичьего полёта» на выбитые на скалах петроглифы и рассмотреть их с необычных и более удобных для восприятия ракурсов.

Цель настоящего обзора в этом и состоит: с одной стороны – в попытке осмысления и обобщения уже накопленных наших знаний об этих степных изобразительных памятниках, а с другой – в презентации их с необычного для большинства исследователей ракурса – вида сверху.

Степные изобразительные памятники представляют собой скопления из нескольких сотен фигур на каждом и расположены в наиболее приметных местах в степи – на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах пересыхающих летом небольших речек. Эти пункты заметны издали, с ними, как правило, связаны многочисленные предания и легенды местных жителей и они почитаются как святые места – «аулие». Такие пункты необходимы животноводам, как важные указатели для ориентации в бескрайних степных просторах. Неслучайно чабаны и сегодня возводят на вершинах сопок каменные кладки «обо» не только в магических целях почитания древнего культа Тенгри (Неба), но и для ориентации в степи – так они отмечают наиболее удобные пути передвижений табунов, богатые травами и водой пастбища.

В условиях отсутствия письменности существовало ограниченное число каналов передачи информации между членами общества. Коммуникативные возможности людей оказались ограничены вербальной и изобразительной традициями, которые отражали знания, накопленные обществом в единственной доступной тогда форме – мифологической, и передавались членам социума в виде устных эпических сообщений – мифов, легенд, преданий, ровно так же, как это передавали знаменитые гомеровские «Илиада» и «Одисея».

В целом, под степными изобразительными памятниками здесь подразумеваются скопления петроглифов – до тысячи изображений, окружающий ландшафт которых составляют преимущественно степные, равнинные пространства, богатые травой и водой, в отличие от более южных и восточных изобразительных памятников, расположенных в предгорьях больших горных систем и более значительных в количественном отношении [ср.: Рогожинский, 2011б].

Петроглифы рассматриваются как археологический источник, изучение которого требует решения конкретных задач: комплексного анализа; подробной классификации изобразительных и документирующих (описательных) материалов в свете определения их хронологии; идентификации; дешифровки, а также культурно-исторической интерпретации. Опыт истории изучения первобытного искусства наглядно показывает, что решение проблем исследования наскальных изображений напрямую зависит от общего уровня развития научного познания, в данном случае от уровня теоретической и методологической основы исследования петроглифов и археологических памятников региона [Шер, 2016; Рогожинский, 2011а; Самашев, 2006; Новоженев, 2012в; г; 2015б; в; г; Епимахов и др., 2005; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Курманкулов, Ермолаева, 2011; Карабаспакова, 1987; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Ткачёв, 2002; Мерц, 2002; Кукушкин, 2011; Frchetti, 2012; Shvetz *et al.*, 2008; 2010; Самашев и др., 2013а; б; 2014].

В последние годы к традиционным археологическим задачам добавилось ещё одно направление – мониторинг изобразительных памятников. Со времени их открытия и первого описания прошёл значительный срок. Возникла необходимость установить наличие или утрату конкретных и уже известных петроглифов, перепроверить их технические параметры, обозначить точное местонахождение в координатной сетке, с привязкой к современным ориентирам и картам в системе GIS, что связано с составлением полного реестра не только изобразительных памятников, но и всего корпуса памятников истории и культуры [Бедельбаева и др., 2015].

Полномасштабное и подробное документирование петроглифов Сарыарки является сегодня единственной возможностью сохранить этот бесценный исторический источник, поскольку практически все известные нам в этих краях изобразительные памятники находятся в полуразру-

шенном или аварийном состоянии. Серьёзной проблемой остаётся консервация и реставрация этого вида археологических памятников [Алтынбеков, 2014]. Такие работы здесь, к сожалению, никогда не проводились, при том, что количество посетительских «автографов» на скалах с петроглифами с каждым годом только возрастает.

Самые древние художественные традиции населения Сарыарки: изобразительную, орнаментальную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую традиции, а также развитие этих и других традиций в пространстве и во времени, мы относим к изобразительным коммуникациям, которые стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов, и которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных археологических культур или культурно-исторических общностей. Они стали надёжным индикатором самоидентификации этих обществ, а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории [Новоженков, 2014; 2015г].

Комплексный анализ петроглифов Сарыарки показывает их принадлежность, как правило, к различным историческим эпохам, большинство наскальных святилищ или храмов под открытым небом [Самашев и др., 2013а, с. 197] функционировали в Сарыарке на протяжении целого ряда эпох, о чём свидетельствует соседство на одном памятнике гравюр, принадлежащих к различным хронологическим периодам [Бедельбаева и др., 2015; Самашев и др., 2013б; 2014]. Это позволяет сделать вывод о том, что функции памятников наскального искусства, как одного из видов коммуникативной системы, оставались неизменными на протяжении тысячелетий.

Важной особенностью искусства эпохи бронзы Центрального Казахстана является факт отсутствия параллелей между орнаментацией сосудов, оружия, костяных изделий и синхронным репертуаром и персонажами наскального искусства. Возможно, наряду с мегалитической традицией, это были разные каналы коммуникации населения, существовавшие в одно и то же время, в одном социуме, но которые разными художественными средствами несли одинаковые идеи и образы, воздействуя по-разному на социум. Такая особенность искусства эпохи бронзы – разделение художественных мотивов в орнаментации и в наскальном искусстве, включая образы мелкой пластики, – остаётся предметом дискуссии и, по всей видимости, может быть объяснена особенностями мировоззрения того времени, спецификой мифологического мышления древних жителей Сарыарки в эпоху бронзы. Вероятно, изобразительный «язык» [Шер, 2016] эпохи бронзы, запечатлённый на скалах и понятный всем кланам, говорившим здесь на разных диалектах и языках, был общим коммуникативным инструментом этих социумов, помогавшим решать проблемы межклановых коммуникаций, общения, поиска жён, сватовства, торговли, обмена технологиями [Новоженков, 2012а; 2014; 2015а;б].

В свою очередь, наскальное творчество времён андроновской культурно-исторической общности и эпохи раннего железного века свидетельствует о преемственности археологических культур и художественных традиций; о наличии широких исторических, экономических, геополитических и культурных связей в центральноазиатском регионе, да и во всём степном поясе континента, что и повлияло на формирование в эти эпохи общего, едва ли не единого, визуального изобразительного «языка», понятного повсюду на степных просторах Центральной Азии. В репертуаре скифо-сакской изобразительной традиции Сарыарки широко представлены типичные для этого времени изображения хищных зверей, кабанов, фантастических хищников, а также оленей с ветвистыми рогами, горных баранов, архаров, сцен терзания [Бейсенов и др., 2011; Бедельбаева и др., 2015].

Лошадь в маске с рогами, изображённая на скале в окрестностях пос. Бесоба, аналогичная найденным коням, погребённым в алтайских курганах пазырыкского времени (могильники Берел, Пазырык, Туэкта и др.) – яркий факт, доказывающий трансформацию былых образов бронзового времени и формирование новой мифологии и традиций. Канон изображения, будь это тотемное животное или сцена, стиль или выбранный сюжет, а в данном случае – изображение коня в ритуальной маске, начинает приобретать в это время новую необычайную регламентирующую и очевидную магическую силу.

Действительно, сам кочевой образ жизни предопределял основные сферы коммуникативной деятельности ранних кочевников в пределах всего пояса степей Евразии. Культурно-хозяйственный тип их жизнедеятельности предполагает продолжительные кочёвки (по сути своей – миграции) всего социума-клана (группы кровных родственников), протяжённостью зачастую в несколько

Рис. 1. Долина реки Байконур. Группа «Н». Вид с высоты птичьего полета.

Рис. 2. Теректы Аулие. Вид сверху на петроглифы на вершине сопки.

**Рис. 3. Байконур.
Фотофиксация петроглифов
при помощи квадрокоптера.**

**Рис. 4, 5, 6, 7. Петроглифы Байконура,
сфотографированные с помощью квадрокоптера.**

тысяч километров; цикличность, то есть неизбежное возвращение к исходным территориям; «вертикальное» кочевание на плодородные горные пастбища, и многие другие особенности [Крадин, 2007; Масанов, 2011].

Скифо-сакский звериный стиль, его дешифровка и территориальное распространение в синхронных памятниках на огромной территории континента – яркое свидетельство развитых трансконтинентальных изобразительных, а по сути – знаковых и образных коммуникаций ранних кочевников в этот период [Новоженков, 2015б, с. 57–88]. Феномен происхождения этого стиля и его географическое распространение, расшифровка образов и коммуникативных посланий очевидно находят свои истоки и на скалах Сарыарки, ярко демонстрируя свою преемственность и истоки в местном наскальном искусстве эпохи бронзы. Этот вывод подтверждает выделенный недавно А. Е. Рогожинским и С. А. Яценко «постсакский» стиль изображений и тамг, непосредственно связываемый авторами с кланами юэчжей (возможных тохаров) и датированный рубежом эпох: последними веками I тыс. до н. э. и первыми веками новой эры (Rogozhinsky, Yatsenko, 2015).

Территория Золотой степи – Сарыарки в эпоху раннего средневековья (V–VIII вв.) до времён Арабского халифата всегда была под контролем ранних тюркских кланов и даже большей частью входила в состав «государственного удела» Западного тюркского каганата – ядру его земель, в противовес «крыльям» – вассальным и периферийным регионам [Новоженков, 2013в, с. 132–142].

К числу внутренних коммуникаций тюрков мы относим изобразительные, фигуративные, эпиграфические источники, тамги как этнические маркёры и собственные монеты каганата. Новый импульс в Сарыарке в это время получила мегалитическая (статуарная) традиция изготовления тюркской антропоморфной скульптуры – каменных изваяний-«балбалов», повсеместно маркирующих наиболее приметные и плодородные урочища в степи [Ермоленко, 2008; Курманкулов, Ермоленко, 2014].

Формирование собственной древнетюркской идентичности отразилось в традиционном искусстве, на которое оказали сильное воздействие новые исторические реалии – господство над соседними оседлыми странами, имперские масштабы и уровень политических контактов. Сложилась яркая и самобытная тюркская изобразительная традиция, в которой отразились все эти новые реалии и достижения. Территориально эта традиция складывалась, в том числе, и на территории Сарыарки.

Основу тюркской изобразительной традиции составил ключевой персонаж – вооружённый всадник (знаменосец, степной рыцарь) – в широком смысле – героический образ предводителя клана: вождя – кагана, аруаха – первопредка. Запечатлённый также в статуарных памятниках (балбалах, каменных изваяниях) как символ эпохи, в стандартных, канонических позах и со сходными художественными приёмами, этот образ в сочетании с другими персонажами древнетюркского изобразительного ряда широко представлен в культовых, протокольных и бытовых сценах, в сюжетах охоты, в поединках, как в петроглифах, так и в настенных росписях дворцов в южных регионах (Пенджикент, Афрасиаб) или на стенах подземной усыпальницы тюркского кагана – мавзолея Майхан-уул в Монголии [Алтынбеков, 2014].

О сложившейся собственной идентичности свидетельствуют также пока немногочисленные находки тюркских родовых тамг в петроглифах, на культовых и утилитарных предметах, в надписях и на монетах, ставших не только показателем развитой системы имущественного владения, но и важным маркёром родовой идентификации и этнической принадлежности. Неслучайно многие тамги, определённые исследователями как западно-тюркские или тюркешские, находят сегодня прямые соответствия в родовых тамгах некоторых современных казахских родов, либо являются их графической основой. Важное место в этом сложном процессе самоидентификации занимала древнетюркская изобразительная традиция – при всех глобальных переменах она осталась главным традиционным каналом коммуникации в степи.

В целом, очевиден вывод о том, что все известные в регионе сюжеты на скалах и все художественные традиции с древнейших времён до этнографической современности, в петроглифах Сарыарки непосредственно отражают экономико-географические, хозяйственные и мировоззренческие особенности поступательного развития коренного населения региона. Не встречаются или редки здесь изображения лосей, жилищ или изображения плуга, а также символов и знаков известных мировых религий.

В истории наскального искусства Сарыарки выделяются несколько последовательно сменявшихся друг друга изобразительных традиций, которые напрямую связаны с ключевыми этапами (эпохами) в истории местного населения: ямно-афанасьевская изобразительная традиция – втор. пол. III тыс. до н. э. (включающая художественную и мегалитическую традиции); андроновская – II тыс. до н. э. (внутри которой развивались самостоятельные художественные стили и традиции – раннеандроновский (сейма-турбинский) стиль и собственно андроновский (поздний этап), яркая орнаментальная традиция; карасукская или бегазы-дандыбаевская – X–VII вв. до н. э. («прототюркский» период); сакская – VI–II вв. до н. э. (в недрах которой формировался и развивался классический скифо-сакский звериный стиль), а также уникальная тюркская (V–VIII вв.) и собственно казахская (XIV–XIX вв.) изобразительные традиции в сфере наскального творчества.

При этом в недрах индоевропейской, индоиранской по сути, изобразительной традиции эпохи бронзы [Кузьмина, 2012], на её финальном этапе развития формируется новая, назовём её условно «прототюркская» (или бегазы-дандыбаевская/карасукская) изобразительная традиция, которая очевидно развивается параллельно и сосуществует в разных формах со скифо-сакской, взаимно обогащая друг друга. В силу кочевого уклада хозяйства носителей этих двух традиций, изначальное территориальное происхождение и формирование их было подвижным, и не может быть пока чётко локализовано современными методами и на основании существующей источниковой базы.

Совершенно очевидно, что бескрайние просторы Сарыарки – Золотой степи несомненно стали тем местом, где эти традиции развивались и обогащались, став важным способом общения, взаимодействий и взаимного влияния местных социумов. На каждом этапе своего развития эти визуальные коммуникации постепенно оформляются в самостоятельные изобразительные каноны, которые образуют новые господствующие изобразительные традиции известных в местной истории этносов: ариев, саков (тасмолинцев), сарматов (савроматов), юэчжей (тохаров), западных тюрков, кыпчаков (половцев), а позднее и казахов. Вместе с тем, проблемы абсолютной хронологии и датировки петроглифов Сарыарки, так же, как и их дешифровки и этнокультурной атрибуции, всё ещё очень далеки от своего разрешения и требуют дальнейшего серьёзного внимания исследователей.

В настоящее время остро стоит вопрос о практическом использовании памятников наскального искусства Сарыарки для просвещения и пропаганды культурного наследия и в целях развития внутреннего и международного туризма. Задача документирования изобразительных памятников является актуальной, но не менее важной является необходимость их сохранения для будущих поколений: петроглифы постоянно и упорно разрушают невежественные посетители, как своими «автографами», так и попытками повторить образы прошлого.

Правильные современные коммуникации между властью, музеями, вузами, представителями турбизнеса и самыми разными субъектами собственности возможно создать, если будет на то желание всех участников процесса и образуется своеобразное диалоговое поле с целью выработки новой концепции и модели партнёрства между музеями и бизнесом, а также и между самими музеями по принципу сетевого взаимодействия.

В целом, большинство рассматриваемых нами наскальных изображений сосредоточено в малонаселённых сейчас регионах Золотой степи, но в очень удобных для обитания животноводов природных ландшафтах, где довольно часто встречаются временно заброшенные или действующие до сих пор казахские зимовки. Тем не менее, наличие местонахождений петроглифов в непосредственной близости от многочисленных археологических памятников, датированных в широком хронологическом диапазоне, свидетельствует, что в древности и средневековье они преимущественно располагались вдоль важнейших каналов коммуникации: торговых и караванных путей.

На протяжении тысячелетий местонахождения петроглифов в Сарыарке являлись святыми местами, отражали богатейшие духовные и религиозные идеи ушедших эпох. Значимость ландшафтов с петроглифами сохранилась и в настоящее время, когда люди массово посещают их в надежде на исцеление или духовную поддержку. Генетическая память народа сохраняет свою героическую историю и летопись великих событий. Поэтому эти места остаются подлинными памятниками нашего культурного наследия и феноменом всемирного масштаба, доставшегося

нам от далёких предков. Петроглифы Золотой степи демонстрируют высокий уровень развития духовной культуры древнего населения, их с полным основанием можно назвать своеобразной наскальной летописью тысячелетий, охватывающей целый ряд хронологических периодов от эпохи бронзы до этнографического времени.

Список литературы

- Алтынбеков К.* Возрождённые сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 354 с.
- Байтлеу Д.* Памятники наскального искусства Казахстана. – Актобе, 2010. – 180 с.
- Бедельбаева М. В., Новожинов В. А., Новожинова Н. В.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганда: Сарыаркинский археологический институт, 2015. – 252 с.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А.* Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. II. – Алматы, 2011. – С. 263–271.
- Городцов В. А.* Скальные рисунки Тургайской области // Труды ГИМ. Вып. 1. – М.: Наука, 1926. – С. 37–69.
- Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.
- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. № 4. 2005. – С. 92–102 (на англ. языке: *Antiquity*, 2007. Vol. 81. – P. 353–367).
- Ермоленко Л. Н.* Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. – Томск, 2008. – 288 с.
- Западный Тюркский каганат. Атлас / Досымбаева А., Жолдасбеков М. (гл. ред.) / Новожинов В. А. (отв. ред.)* – Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013. – 848 с.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алматы: Гылым, 1992. – 247 с.
- Карабаспакова К. М.* К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 90–101.
- Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
- Кузьмина Е. Е.* Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II тыс. – начале I тыс. до н. э. и лингвистические данные // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Т. 2. / Ред. кол. В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская и др. — СПб.: ИИМК РАН, 2012. — С. 127–133.
- Кукушкин И. А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // Российская археология. 2011. – № 2. – С. 110–116.
- Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с.
- Курманкулов Ж. К., Ермолаева А. С.* Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. – Алматы: ИА МОН РК, 2011. – С. 69–84.
- Курманкулов Ж. К., Ермоленко Л. Н.* Древности Сарыарки: каменные изваяния. – Караганда, 2014. – 156 с.
- Кызласов Л. Р.* Сарыбулакская писаница в Бетпакадала // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 35. М.; Л., 1950. – С. 139–143.
- Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 336 с.
- Маргулан А. Х.* Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. – Алматы, 2003. – Т. 3–4.
- Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Т. 1. – Алматы: ИА МОН РК, 2011. – С. 36–40.
- Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополн. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.
- Медоев А. Г.* Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 174 с.
- Мерц В. К.* Наскальные рисунки края Кереку-Баян. – Павлодар: Из-во Павлодарского гос. ун-та, 2002. – 114 с.
- Молодин В. И.* Бронзовые навершия сейминского типа с конем // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 86–90.
- Новожинов В. А.* О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 130–136.
- Новожинов В. А.* Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: ИА НАН РК, 2002. – 125 с.
- Новожинов В. А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012а. – 500 с.
- Новожинов В. А.* Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? (методологический аспект) // Археология и история Сарыарки. – Караганда: КарГУ, 2012б. – С. 114–145.
- Новожинов В. А.* К вопросу об идентификации тамгообразных знаков в петроглифах Центральной Азии // Историко-культурное наследие и современная культура. – Алматы: Signet Print, 2012в. – С. 117–122.
- Новожинов В. А.* Петроглифический канал коммуникации // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул: Пять плюс, 2012. – С. 57–65.

- Новожинов В. А.* Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колесного транспорта: модель кочевой прародины // *Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. ал-Фараби.* Вып. 4. – Алматы: Казак университеті, 2013а. – С. 19–71.
- Новожинов В. А.* Древнейшие кузницы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // *Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии.* – Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013б. – С. 321–329.
- Новожинов В. А.* Модель коммуникаций и формирование собственной идентичности // *Западный Тюркский каганат. Атлас.* – Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013в. – С. 132–142.
- Новожинов В. А.* Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // *Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии.* – Алматы: Остров Крым, 2014. – С. 18–267.
- Новожинов В. А.* К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тысячелетия до н. э. // *Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое.* – Костанай ; Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, 2015а. – С. 314–331.
- Новожинов В. А.* Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних кочевников // *Stratum plus.* № 3. 2015б. – С. 57–88.
- Новожинов В. А.* Археологические маркеры идентичности // *Этнические взаимодействия на Южном Урале.* – Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015в. – С. 40–45.
- Новожинов В. А.* Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // *Российская археология.* – № 3. – 2015. – С. 20–36.
- Рогожинский А. Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы: Signet Print, 2011а. – 342 с.
- Рогожинский А. Е.* Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // *Сб. мат-лов Межд. семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ.* – Алматы: «Аруна», 2011б. – С. 28–46.
- Самашев З.* Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
- Самашев З.* Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // *Мат-лы республиканской научно-практической конференции «IV Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90-летию А. М. Оразбаева.* – Алматы: «Казак университеті», 2012. – С. 20–31.
- Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж.* Петроглифы Теректы Аулие. – Астана, 2013а. – 240 с.
- Самашев З., Байтлеу Д., Кариев Е., Мургабаев С.* Исследование археологического комплекса Баганалы в Шиелинском районе Кызылординской области // *Археологические исследования степной Евразии.* – Караганда: КарГУ, 2013б. – С. 71–88.
- Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Петроглифы Сауыскандыка. – Астана: фил. ИА МОН РК, 2014. – 374 с.
- Самашев К. И.* Доисторические памятники в Джезказганском районе // *Народное хозяйство Казахстана.* № 1. – Алматы, 1941. – С. 40–43.
- Семби М.* Память земли тюркско-монгольской: истоки и символика топонимов (тюркский меридиан). – Алматы: КазНИИК, 2013. – 296 с.
- Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТГНГУ, 2002.
- Усманова Э. Р.* По следам Булантинской битвы. – Караганда, 2011. – 45 с.
- Шер Я. А.* Стиль в первобытном искусстве // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции.* – СПб., 2004. – С. 9–13.
- Шер Я. А.* Первобытное искусство и языки: словесные и образные // *Статья и дискуссия на сайте Генофонд.рф; режим доступа и дата обращения 27.02.2016: http://xn--c1accbaafalc.xn--plai/?page_id=7277.*
- Allentoft M. E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature.* 2015. Vol. 522. – P. 167–172.
- Frachetti M.* Multi-regional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia // *Current Anthropology.* 2012. № 1. Vol. 53. – P. 2–21.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B. et al.* Massive migration from the steppes was a source for Indo-European Languages in Europe // *Nature.* 2015. Vol. 522. – P. 207–211.
- Rogozhinskii A. E., Yatsenko S. A.* The Ancient Tamga-signs of South-East Kazakhstan and their owners: The Route from East to West in the 2nd century BCE – 2nd century CE // *The Silk Road.* № 13. 2015. – P. 109–125.
- Shvets I.* Kazakh Petroglyphs in the Light of Recently Discovered Stations and Their Dating // *Pictures in Transformation: Rock Art Research between Central Asia and the Subcontinent (South Asian Archaeology 2007/2).* – Oxford, BAR S2167, 2010. – P. 77–81.
- Shvets I.* Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd. I. — Darmstadt / Mainz: Philipp von Zabern, 2012. – 267 s.
- Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M.* Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk I–II – *Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung.* – Heidelberg, 2008. – 320 S.
- Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M.* Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk III–VII. – *Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung.* – Heidelberg, 2010. – 450 S.

И. Д. Русакова

*Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»
Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук
Кемерово, Россия
e-mail: mirnes@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПЕТРОГЛИФОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГЛИФОВ БОЯРСКОГО ХРЕБТА В ХАКАСИИ)

В последние годы значительно пополнилась серия древних изображений тесинского времени на скалах и курганных камнях Хакасско-Минусинской котловины. Эта серия весьма неоднородна и стилистически, и иконографически. Неоднородность и неустойчивость стилей связаны с приходом нового населения на территорию котловины, которое, с одной стороны, пыталось подражать уже существующим здесь канонам, с другой стороны, использовало свои приёмы при создании «каменных полотен». Это отразилось и в петроглифах на скалах Боярского хребта.

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, тагарская культура, тесинская культура, иконография, стиль, Боярский хребет.

I. D. Rusakova

*Museum-reserve "Tomskaya Pisanitsa"
Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Kemerovo, Russia*

TO THE DATING OF THE IRON AGE PETROGLYPHS (ON THE EXAMPLE OF THE BOYARY RIDGE PETROGLYPHS)

The range of ancient pictures of Tesinskaya culture on the rocks and kurgan stones in Khakass-Minusinsk basin has been greatly supplemented in recent years. This series is very heterogeneous in its style and iconography, which resulted from the arrival of a new population. This population imitated the local art canons and at the same time used their own methods in creating rock art compositions. It was reflected in the petroglyphs on the rocks of the Boyary ridge.

Keywords: petroglyphs, rock art, Tagar culture, Tesinskaya culture, iconography, style, the Boyary ridge.

В последние годы значительно пополнилась серия древних изображений на скалах и курганных камнях Хакасско-Минусинской котловины, относимых исследователями к тесинской культуре. Эта серия весьма неоднородна и стилистически, и иконографически. В настоящее время в наскальном искусстве тесинского времени выделяется несколько направлений: первое характеризуется как «вырождение» орнаментального скифо-сибирского стиля. Используются те же образы, что и в тагарское время; те же приёмы: поза «с подогнутыми под живот ногами», применение завитков. Но «завитки начинают приобретать чисто формальный характер, разрисовка корпусов извилистыми линиями тоже не согласуется с общим контуром изображения» [Шер, 1980, с. 252; Советова, 2005, с. 15]. Изображения выглядят упрощёнными, схематизированными, динамизм и изящество полностью исчезают [Миклашевич, 2004, с. 320; Русакова, 2001, с. 71]. Другое направление – это создание «абстрактно-геометрических» [Миклашевич и др., 2012, с. 96] композиций, так называемых тесинских лабиринтов. Группа петроглифов данного направления была выделена после открытия серии изображений на каменных плитках и стелах в грунтовых тесинских могильниках Есино III и IV, Арбан IV [Савинов, 2009, с. 38, 39]. Сейчас эта группа постоянно пополняется по мере открытия новых рисунков на скалах и курганных камнях [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60; Русакова, 1997, с. 102; Рыбаков, 2006, с. 267, 268; Савинов, 2006, с. 254–256; Советова, Шишкина, 2014, с. 95, 96 и др.]. Следующее направление представлено изображениями, которые сочетают в себе признаки тагарской изобразительной традиции и новой, зарождающейся традиции, которая затем окончательно оформилась в таштыкскую

[Леонтьев, Боковенко, 1985, с. 87; Миклашевич, 2004, с. 320; Миклашевич и др., 2012, с. 96; Панкова, 2004, с. 325, 327; Советова, 2005, с. 15].

Почему наскальное искусство тесинского времени так неоднородно? В последние века I тыс. до н. э. – первые века I тыс. н. э. наблюдается усиление подвижности различных племён, «которая отмечается отрывочными сведениями письменных источников и хорошо документируется изменениями в облике археологических материалов» [Шер, 1980, с. 251]. В тесинское время археологически зафиксировано по крайней мере три «волны» проникновения в Хакасско-Минусинскую котловину инокультурного населения: «...первоначально – к. III в. до н. э. – видимо, с Алтая (конструкции раннетесинских склепов, обряд мумификации); затем, около середины I в. до н. э. – из Тувы (появление тесинских грунтовых могильников) и позднейшее, связанное с захватом племенами сяньби владений хуннов (сер. II в. н. э.) – появление мигрантов из тех же районов, что стало причиной формирования на основе поздней тесинской культуры (III этап) ранних таштыкских комплексов» [Кузьмин, 2011, с. 237].

Изменения, связанные с притоком инокультурных племён, происходят и в наскальном искусстве. По всей видимости, пришлое население, с одной стороны, привносило свои черты на новую для него территорию, а с другой стороны, пыталось подражать сформировавшейся здесь ранее местной традиции или перерабатывать её.

На скалах Боярского хребта, на наш взгляд, прослеживаются отголоски тех исторических процессов, которые протекали на данной территории в последние века до нашей эры – первые века нашей эры.

Логично предположить, что представители первой «волны пришельцев», заставшие в Хакасско-Минусинской котловине тагарские племена с развитым искусством, стали использовать некоторые его приёмы, в частности, для нанесения рисунков на скалы. Как следствие, появляются изображения, представляющие «вырождение» скифо-сибирского стиля, а возможно, точнее будет сказать – подражание ему.

На плоскости 2 пункта Абакано-Перевоз I выбиты изображения собак и неопределённых животных, выполненных в подобной манере: иконография сохраняется (фигуры контурные, ноги подогнуты под живот, завитки на бедре), а стилистически рисунки выглядят, как неумелая попытка воспроизвести изящные фигуры этого стиля (рис. 1:1). Ещё более схематично и даже карикатурно выглядят фигуры оленей на местонахождении Бояры I А (рис. 1:6). Есть подобные изображения и на других местонахождениях Боярского хребта. Они могли появиться на раннем этапе тесинской культуры, когда рядом с тесинцами ещё жили племена тагарцев: раннетесинские курганы-склепы и позднейшие сарагашенские (лепёшкинские) памятники, продолжающие тагарские традиции, в степях Хакасско-Минусинской котловины сосуществовали с конца III до начала I в. до н. э. [Кузьмин, 2011, с. 111; 219].

Тесинские «лабиринты» – более позднее явление. Пока они обнаружены только в грунтовых могильниках, которые появились на территории котловины в середине I в. до н. э. [Кузьмин, 2011, с. 218; 220, 221]. На плоскости 3 (Абакано-Перевоз I) в нижней правой части показаны две фигуры, атрибутированные нами как стилизованные изображения женщин [Русакова, 2001, с. 107, 108] (рис. 2). Изображения богато орнаментированы: одно – спиральями, другое S-видными линиями и другими криволинейными фигурами. Между ними выбита фигурка оленя (?), которая, на первый взгляд, кажется показанной в позе «на пуантах», характерной для раннего этапа скифо-сибирской изобразительной традиции. При внимательном рассмотрении становится понятным, что это, скорее всего, подражание данной традиции. Голова имеет подтреугольную форму, не позволяющую определить видовую принадлежность животного, рога короткие в виде трёх дугообразных отростков, направленных вверх. Передняя нога имеет неестественную форму, вместе с линией бедра в точности повторяя линию контура одной из стилизованных женских фигур. То есть, фигура оленя была вписана в свободное пространство между двумя изображениями «женщин», имеющих тесинскую орнаментацию. Слева от «женской» фигуры с криволинейным орнаментом нанесен ещё один рисунок оленя, представляющий собой подражание скифо-сибирской традиции изображения «летающих» оленей: с подогнутыми под живот ногами, с ветвистыми рогами (?), и этот рисунок также был выполнен не ранее «женских» фигур (рис. 2).

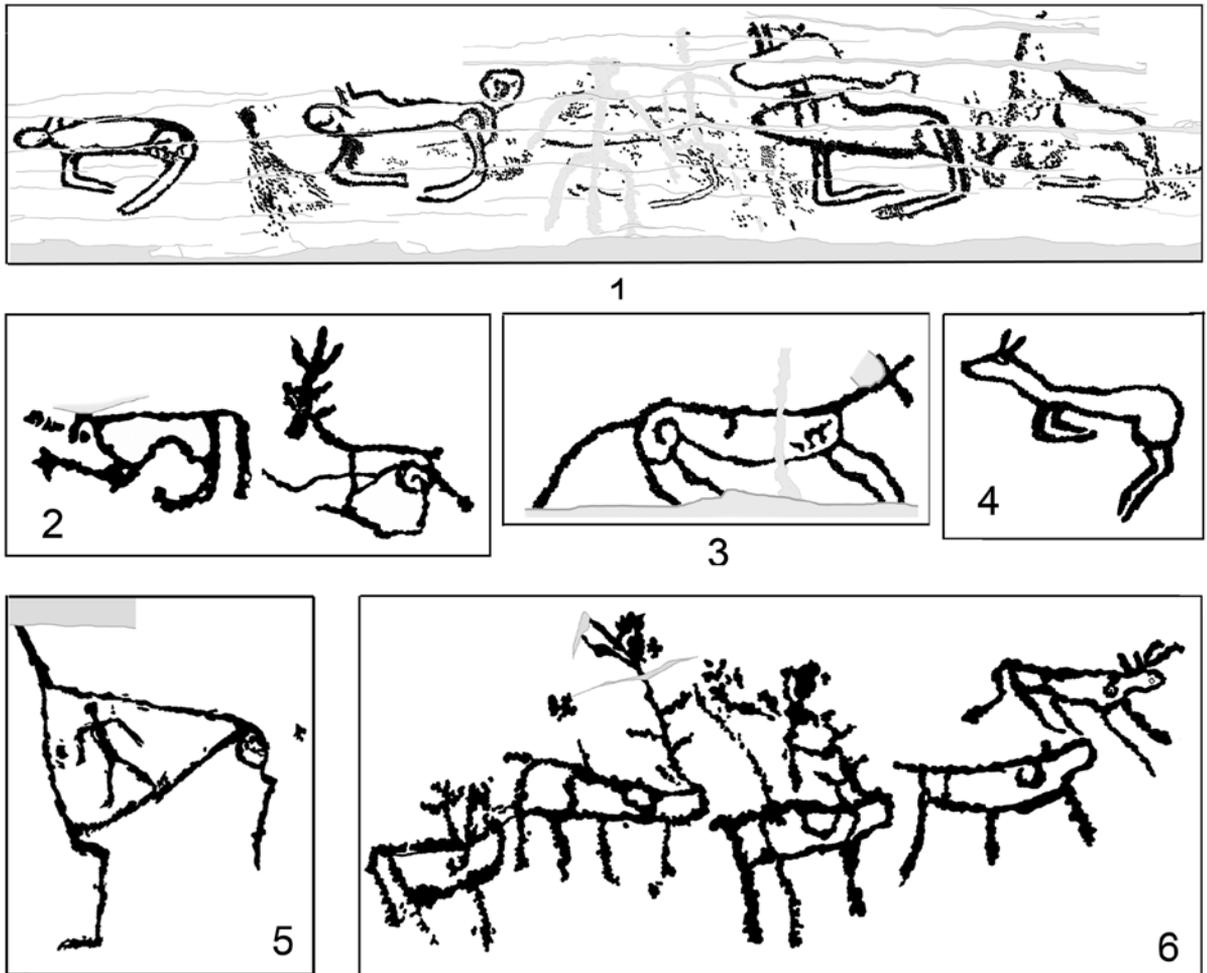

Рис. 1. Петроглифы, представляющие собой подражание скифо-сибирской изобразительной традиции: 1 – Абакано-Перевоз I; 2, 3 – Абакано-Перевоз V; 4 – Абакано-Перевоз VI; 5, 6 – Бояры IA.

Рис. 2. Абакано-Перевоз I, плоскость 3, фрагмент, прорисовка.

Изображения «лабиринтов» не имеют корней в тагарской культуре, зато имеют убедительные аналогии в круге культур хуннского типа [Савинов, 2009, с. 101]. То есть, это инновации, привнесённые на территорию Минусинской котловины извне. Ко времени создания «лабиринтов» в степных районах Хакасско-Минусинской котловины позднесарагашенские памятники в основном исчезают [Кузьмин, 2011, с. 218; Субботин, 2014, с. 75]. Культура грунтовых могильников, то есть, по Н. Ю. Кузьмину, II и III этапы тесинской культуры [Кузьмин, 2011, с. 218], имеет принципиально новый облик, в ней количество инноваций абсолютно доминирует над традиционными тагарскими формами [Савинов, 2009, с. 70]. Тем не менее, на скалах мы видим свидетельство того, что и в это время тесинское население продолжает использовать при нанесении петроглифов иконографические приёмы тагарского искусства, не слишком заботясь о

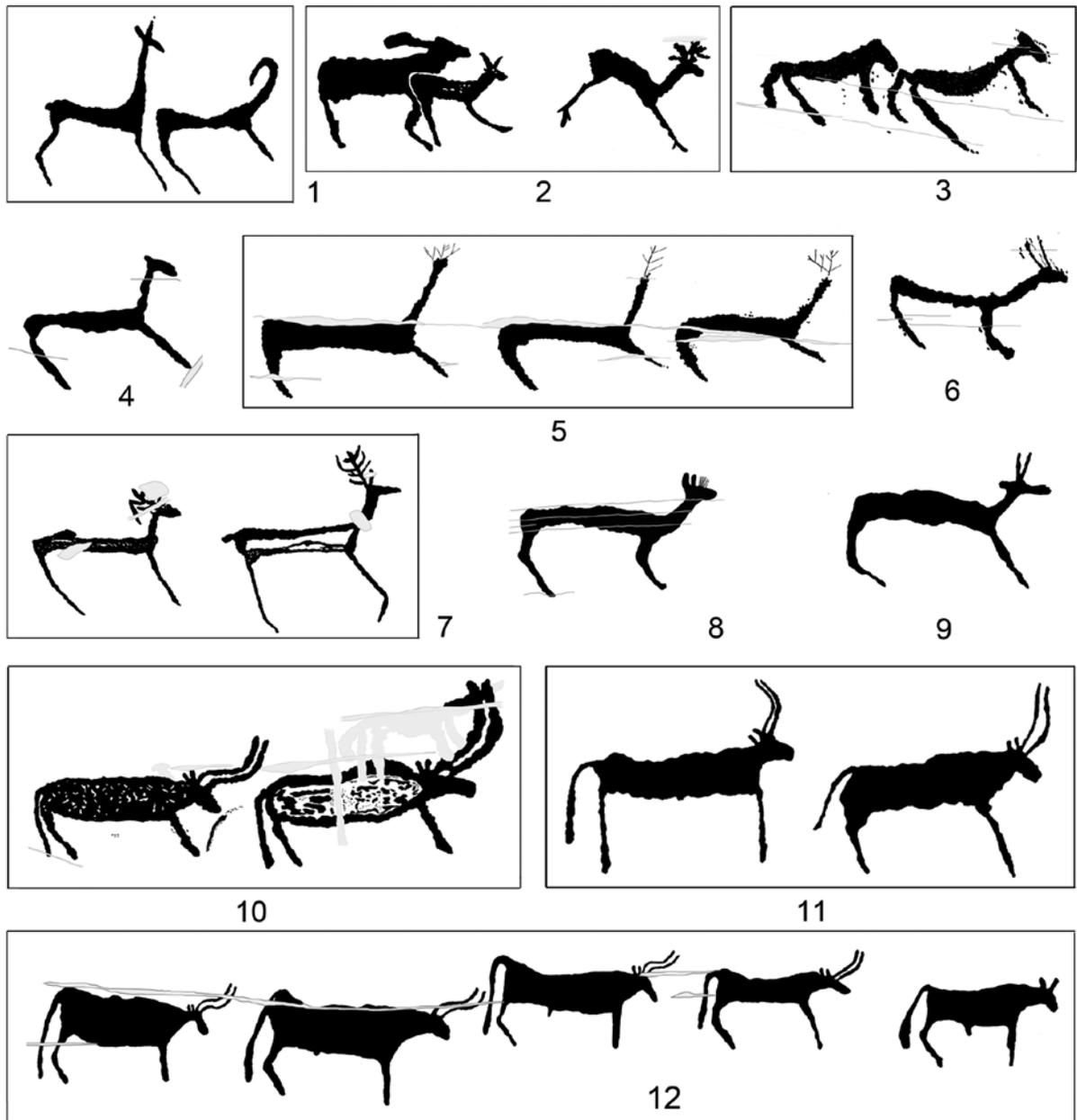

Рис. 3. Изображения животных в позе «внезапной остановки» и её трансформация:
 1, 4 – Абакано-Перевоз IX; 2 – Малая Боярская писаница; 3 – Абакано-Перевоз IA; 5 – Малая Боярская писаница, группа III; 6 – Абакано-Перевоз IIА; 7 – Большая Боярская писаница; 8 – Абакано-Перевоз I; 9, 11, 12 – Бояры I В; 10 – Малая Боярская писаница, группа II.

«портретном» сходстве. По всей вероятности, принципиально важной для них была иконография образов, а стилистические особенности отходили на второй план.

Особую группу представляют рисунки Большой и Малой Боярских писаниц, которые были датированы М. А. Дэвлет тагаро-таштыкским переходным этапом (II в. до н. э. — перв. пол. I в. до н. э.) [Дэвлет, 1976, с. 9], который сейчас выделен в тесинскую культуру. Соглашаются с датировкой этих памятников тесинским временем и другие исследователи [Миклашевич и др., 2012, с. 96; Советова, 2005, с. 15, 16]. Не касаясь атрибуции основных сюжетов этих памятников, остановимся на изображениях диких животных и быков [Дэвлет, 1976, табл. V; VI; VIII]. Они соответствуют традиции, присущей тагарскому искусству, которую исследователи считают восходящей к предшествующей карасукской и генетически с ней связанной. Эта традиция характеризуется силуэтным (или линейным) показом туловища, сдержанностью выразительных средств, позой «внезапной остановки» [Савинов, 1994, с. 129, 130; Советова, Миклашевич, 1999, с. 63; Советова, 2005, с. 29], «слившимися» в одной плоскости передними и задними ногами, так, что зрителю видны одна передняя и одна задняя нога (тогда как среди карасукских изображений преобладают фигуры с четырьмя ногами) [Русакова, 2001, с. 68; Семёнов и др., 2000, с. 25]. Предполагается датировка подобных рисунков началом подгорновского этапа тагарской культуры [Савинов, 1994, с. 130]. Однако, на примере изображений Большой и Малой Боярских писаниц мы видим, что традиция доживает до конца I тыс. до н. э., и достаточно активно её используют тесинские племена, порой придавая новые черты: одна или обе ноги животного в позе «внезапной остановки» показываются слегка согнутыми, плавно или под углом. Подобных изображений на скалах Боярского хребта довольно много (рис. 3).

Отдельного рассмотрения требует вопрос атрибуции антропоморфных изображений. Ранее датирующими признаками петроглифов тагарской культуры считались изображения чеканов в руках людей и так называемые султанчики на голове. Сегодня становится очевидным, что антропоморфные изображения с чеканами и «султанчиками» могли наноситься на скалы и представителями тесинской культуры. Вотивные модели чеканов из бронзы присутствуют в тесинских склепах [Кузьмин, 1995, с. 154; 2011, с. 34; 202; рис. 43; Курочкин, Павлов, 1995, с. 149]. Соответственно, полноразмерные чеканы могли использоваться на практике и наноситься на скалы. Причём следует отметить, что модели чеканов встречаются только в раннетесинских склепах. В склепах и в грунтовых могильниках II и III этапов они не обнаружены* [Кузьмин, 2011, с. 34; 202; рис. 38; 39; 43]. Таким образом, антропоморфные фигуры с чеканами могли наноситься на скалы и тесинцы на I этапе существования культуры, то есть до начала I в. до н. э., до конца существования раннетесинских склепов [Кузьмин, 2011, с. 219]. Однако отделить эти изображения от тагарских (если в композиции нет других рисунков с датирующими признаками) вряд ли возможно, учитывая сосуществование раннетесинских и позднейших сарагашенских памятников.

Изображения людей с «султанами» на головах, помимо тагарских композиций, присутствуют и в композициях более позднего времени. Например, это изображения всадников на лошадях, стиль изображения которых можно отнести к тому направлению тесинских петроглифов, которое уже имеет признаки таштыкской изобразительной традиции. Такие фигуры есть на скалах Кавказской писаницы, Соснихи [Леонтьев, Боковенко, 1985, рис. 2, 4; рис. 4, 5 (?); Миклашевич и др., 2012, с. 98]. На Суханихе антропоморфные изображения в «султанах» включены в многофигурную композицию, в которой изображения крупных прямоугольных щитов, а также животных с подогнутой передней ногой дают основание для датировки не ранее «ханьско-хуннского времени» [Миклашевич и др., 2012, с. 98]. Изображения людей с «султанами» на головах, обнаруженные недавно на курганных камнях археологического комплекса Тепсей, исследователи также датируют тесинским временем [Советова, Шишкина, 2014, с. 96; Советова и др., 2015, с. 105].

На основании вышеизложенного, культурная принадлежность некоторых плоскостей с петроглифами на Боярском хребте, которые ранее мы датировали тагарским временем [Русакова,

* За исключением находки бойка боевого чекана в грунтовом тесинском могильнике, которую приводит Д. Г. Савинов со ссылкой на Л. Р. Кызласова [Савинов, 2009, с. 30].

2001, с. 75, 76], может быть расширена. На плоскости 17 пункта Абакано-Перевоз III представлен батальный сюжет, в котором участвуют антропоморфные фигуры, часть которых показана с «султанами» на головах; одна из фигур – в островерхом головном уборе и с палицей (?) в руках, ещё одна фигура – с чеканом в руке. Эта композиция с равной долей вероятности может быть отнесена как к тагарскому, так и к раннетесинскому времени (рис. 4: 1). То же можно сказать и по отношению к одиночному изображению на плоскости 3 (Абакано-Перевоз III) (рис. 4: 2), к батальному сюжету на плоскости 1 местонахождения Абакано-Перевоз V (рис. 4: 3), к петро-

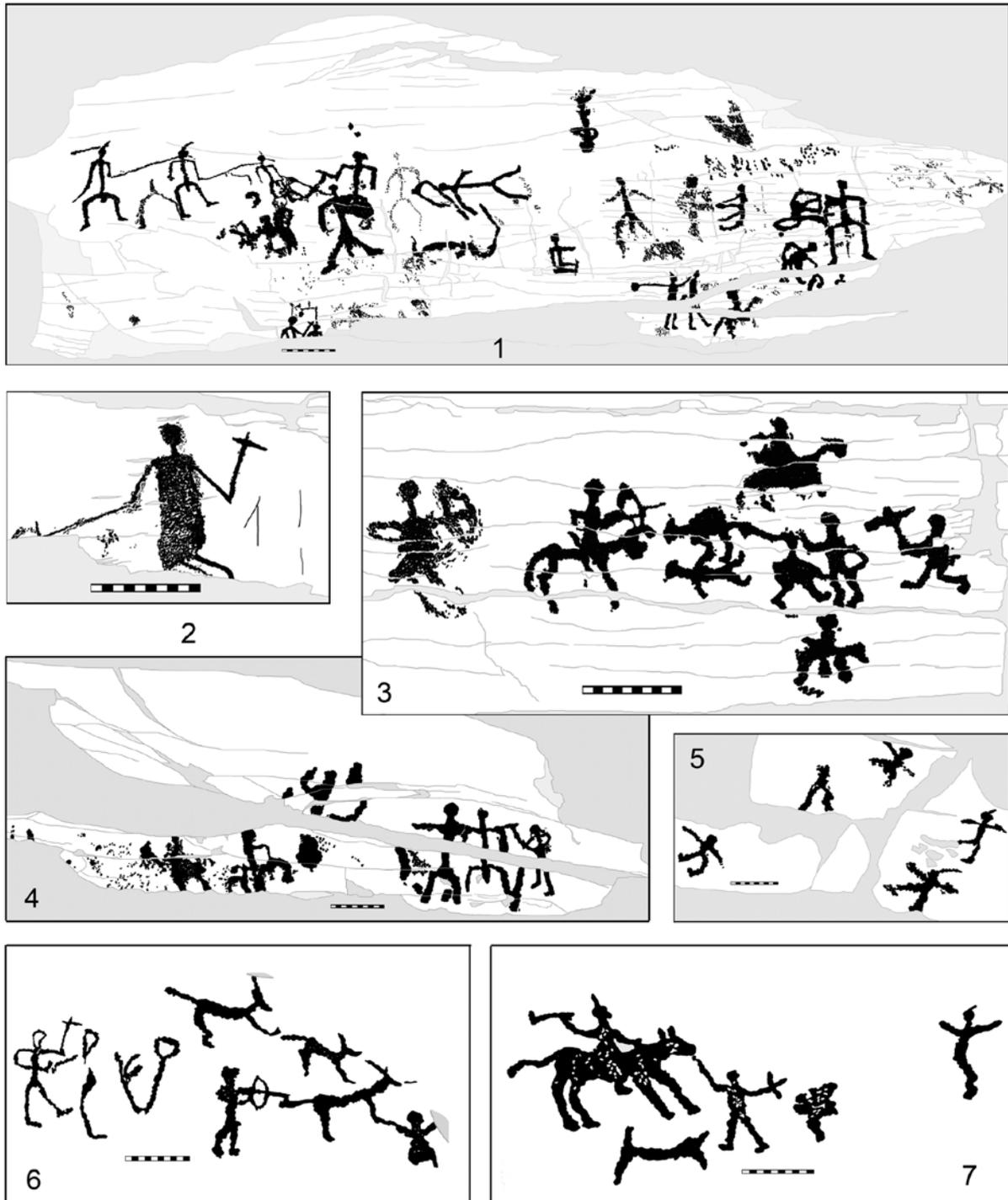

Рис. 4. Прорисовки плоскостей с изображением антропоморфных фигур:

1, 2, 6 – Абакано-Перевоз III; 3 – Абакано-Перевоз V; 4 – Абакано-Перевоз VIII; 6 – Бояры IA; 7 – Абакано-Перевоз VI.

глифам плоскости 2 местонахождения Абакано-Перевоз VIII (рис. 4: 4) и некоторым другим плоскостям с рисунками Боярского хребта. Также и тагарской, и тесинской может быть принадлежность антропоморфных изображений с «султанами» с плоскости 6 местонахождения Бояры I А (рис. 4: 5). Петроглифы плоскости 146 (Абакано-Перевоз III) могут быть датированы раннетесинским временем, при условии, что это единовременная композиция: у одной из антропоморфных фигур в руке чекан, а рисунки животных представляют собой подражание тагарской традиции (силуэтная манера изображения, поза «внезапной остановки») (рис. 4: 6). К тесинской культуре может быть отнесена композиция на плоскости 3 (Абакано-Перевоз VI). Здесь изображены люди в «султанах», один из антропоморфов – на коне. Фигура коня силуэтная, но у него показаны четыре ноги, в отличие от тагарских силуэтных изображений. При этом и задние, и передние ноги как бы развёрнуты в одной плоскости, то есть появляется признак зарождающейся таштыкской изобразительной традиции. Пеший антропоморф, ведущий на поводу коня, в свободной руке держит предмет, похожий на чекан гипертрофированных размеров (рис. 4: 7).

Возможно, что к тесинскому времени относится часть антропоморфных фигур с руками и ногами, согнутыми под прямым углом, или с ногами, сложенными кольцом под туловищем. Исследователями замечено, что такие изображения «во множестве встречаются на плитах именно из тесинских курганов» [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60; Советова, Шишкина, 2014, рис. 2]. На скалах Боярского хребта также присутствуют такие изображения (рис. 1: 5; 2: 5). Среди них есть одиночные фигуры (рис. 5: 1, 3, 4, 7, 9), и фигуры в композициях (рис. 2: 2, 5, 6, 8, 10). Так, например, фигура с согнутыми в кольцо ногами (хотя «в кольцо» можно сказать лишь условно, так как все сгибы рук и ног имеют прямые углы), а также фигуры в «юбках» находятся в многофигурной композиции с орнаментированными женскими фигурами (рис. 2: 5, 8) и «лабиринтами» (плоскость 3 пункта Абакано-Перевоз I), что может являться ещё одним доводом в пользу её тесинской принадлежности.

Интересен головной убор (или причёска?) у антропоморфного персонажа, сложившего ноги кольцом под туловищем (Абакано-Перевоз III) (рис. 5: 9). Похожий головной убор – у стоящего антропоморфа из композиции на плоскости 17 (Абакано-Перевоз I) (рис. 5: 10). Подобный го-

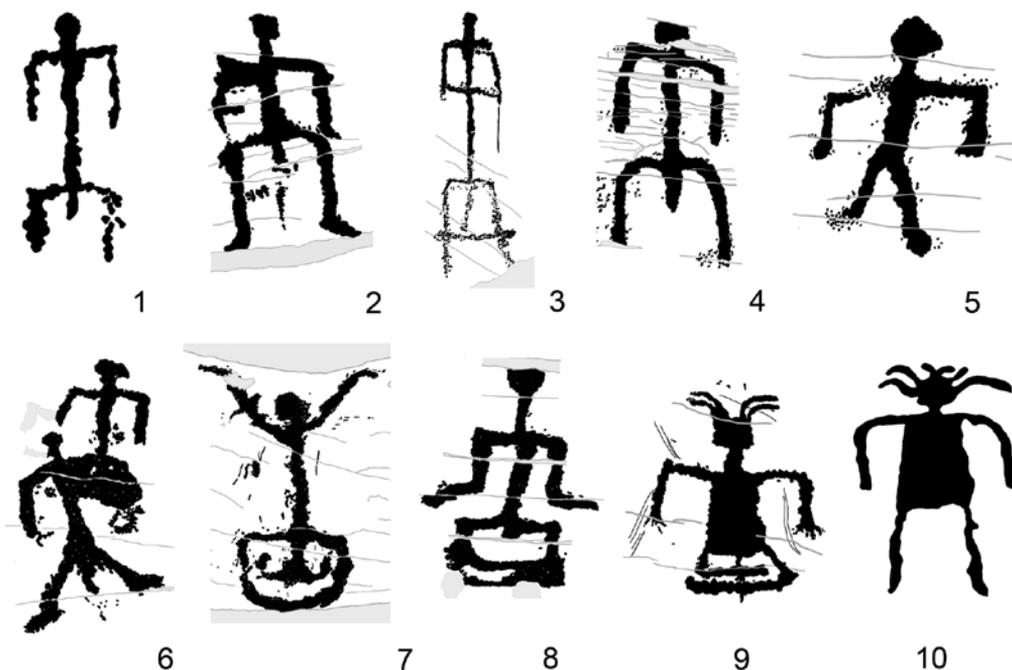

Рис. 5. Антропоморфные фигуры с руками и ногами, согнутыми под прямым углом, и с ногами, сложенными кольцом под туловищем:

1, 5, 7 – Бояры I А; 2 – 4, 6, 9, – Абакано-Перевоз III; 8, 10 – Абакано-Перевоз I.

ловной убор есть, например, у антропоморфного изображения на Куне [Советова, 2005, табл. 28, 13], а на писанице Хызыл-Хая – несколько похожих изображений: всадники и пеший человек с «жезлом» в руках [Боковенко, 2003, рис. 1; 2]. На плите тагарского кургана могильника Есино X схематично показан всадник, от головы которого «веерообразно расходятся изогнутые линии» [Савинов, 2009, рис. 13]. Этот всадник расположен в верхней части многофигурной композиции с «лабиринтами», что даёт основание предполагать датировку антропоморфных изображений в подобных головных уборах тесинским временем.

Вероятно, к тесинскому времени можно отнести и ещё часть плоскостей Боярского хребта. Это, например, плоскость 18 пункта Бояры I А с изображениями всадников (рис. 6: 2). Передний всадник с «султаном» на голове и с луком за спиной сидит на лошади, показанной в позе внезапной остановки. Изображение лошади силуэтное, плавно профилировано бедро задней ноги. Данное изображение можно было бы датировать тагарским временем. Но позади этого всадника показан ещё один, лошадь под которым уже имеет признаки «вырождения» стиля: ноги её приогнуты и безжизненно свисают под туловищем. Маловероятно, что на такой небольшой плоскости в тагарскую эпоху с краю было выбито более мелкое изображение, а более крупная фигура в центре плоскости появилась позднее. Композиция с плоскости 15 этого же пункта может быть одновременной плоскости 18, о чем дополнительно свидетельствует схожая техника нанесения и одинаковая патина (рис. 6: 3).

На плоскости 11 пункта Абакано-Перевоз I присутствуют изображения как минимум двух хронологических групп (рис. 6: 1). Более ранняя из них – это два фантастических существа, развёрнутых навстречу друг другу и относящихся к тагарской культуре. Одна из этих фигур была, по видимому, намеренно забита частыми беспорядочными ударами в какое-то более позднее время. Следующая группа представлена силуэтными изображениями копытных, которые показаны в «вольной интерпретации» позы «внезапной остановки» (рис. 6: 1). В верхней части плоскости – изображение всадника со сложным луком, сидящего на лошади, которая по технике нанесения и патине не отличается от изображений копытных. Однако у неё показаны четыре

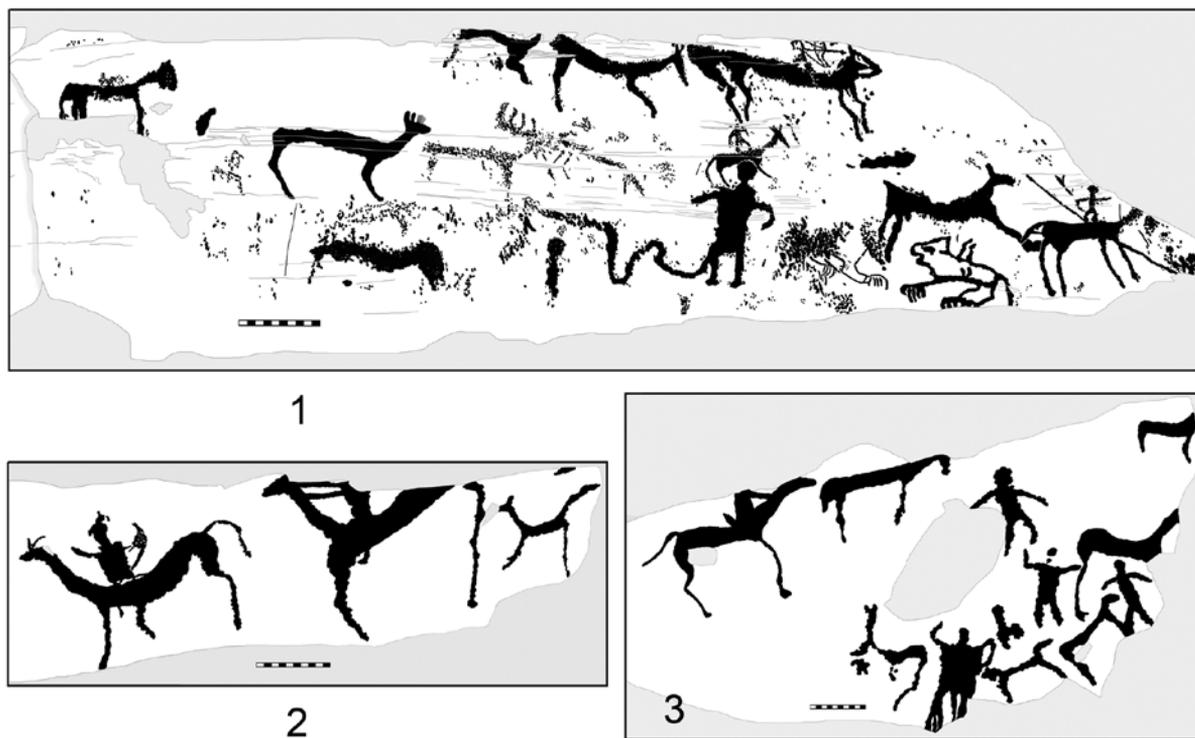

Рис. 6. Прорисовки плоскостей с петроглифами:

1 – Абакано-Перевоз I, плоскость 11; 2 – Бояры I А, плоскость 18; 3 – Бояры I А, плоскость 15.

ноги весьма своеобразной формы, в виде извилистых линий. Все эти фигуры кажутся выполненными одновременно и могут относиться к тесинской культуре.

Такое разнообразие «стилей» в эту эпоху, по всей видимости, связано с разными этапами культуры, когда на территории Хакасско-Минусинской котловины появлялись новые племена со своими обычаями, происходила ломка существовавших ранее изобразительных традиций, а на замену им пока ничего устойчивого создано не было. Вопрос принадлежности довольно обширного пласта петроглифов Хакасско-Минусинской котловины тесинской культуре требует дальнейшей тщательной разработки.

Список литературы

Боковенко Н. А. Писаница Хызыл-Хая – обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию канд. истор. наук А. А. Формозова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. – С. 389 – 395.

Леонтьев Н. В., Боковенко Н. А. Кавказская писаница на Тубе // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. Краткие сообщения института археологии. Вып. 184. – М., 1985. – С. 82–88.

Кузьмин Н. Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. – СПб., 1995. – С. 150–162.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура – СПб.: Изд-во Айсинг, 2011. – 456 с.

Курочкин Г. Н., Павлов П. Г. Пост-тагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. – СПб., 1995. – С. 143–150.

Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – С. 320–325.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 1. №3 (63). – С. 52–64.

Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 72–111.

Панкова С. В. К проблеме истоков таштыкского стиля // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – С. 325–329.

Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. – Кемерово, 1997. – С. 101–112.

Русакова И. Д. Петроглифический комплекс Бояры – Абакано-Перевоз в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте. Дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001. – 261 с.

Рыбаков Н. И. Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинек в междуречье Июсов) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. – Барнаул, 2006. – С. 260–272.

Савинов Д. Г. Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии. Памятники древнего и средневекового искусства. Вып. 3. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1994. – С. 123–136.

Савинов Д. Г. К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. – Барнаул, 2006. – С. 254–259.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг. – СПб.: ЭлекСис, 2009. – 226 с.

Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой. – СПб., 2000. – 99 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 3. № 3 (59). – С. 93–98.

Советова О. С., Аболонкова И. В., Талягина М. А., Шишкина О. О. Новые петроглифы Тепсея (по результатам исследований 2012–2015 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 2. – 2015. – С. 101–112.

Субботин А. В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). – СПб., 2014. – 154 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

ГРАВИРОВАННЫЙ БИВЕНЬ МАМОНТА ИЗ «ПАРУСИНКИ»

Впервые в полном объёме публикуется уникальный памятник мобильного палеолитического искусства, выполненный на бивне мамонта. Стилистические особенности и радиоуглеродная дата относят артефакт к среднему периоду эпохи мадлен – 13000 лет. Уникальность памятника заключается в композиционном, образном и семантическом его содержании. Высокохудожественная графика выполнена в сложнейшей технике многообразного или полиэikonического гравирования, когда одна линия поддерживает контур двух и более персон или предметов. Впервые на мобильном объекте палеолитического искусства наряду с мамонтами изображены двугорбые верблюды, поражённые стрелами, наездник и сбруя. Данные элементы могут свидетельствовать о ранней domestikации двугорбого верблюда и изменить ряд представлений о первобытном обществе в целом.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Северск, Парусинка, первобытное искусство, гравированный бивень мамонта, мадлен.*

Y. I. Ozheredov

Museum of Tomsk History. Tomsk, Russia

ENGRAVED MAMMOTH TUSK DISCOVERED IN "PARUSINKA"

The paper provides the first complete analysis of a unique piece of mobile Paleolithic art represented on an engraved mammoth tusk. Based on artistic style and carbon dating the artifact is dated to the middle Magdalenian epoch, circa 13,000 years ago. From compositional and semantic perspectives it represents a unique piece of art. Graphic images carved on the tusk have intricate polyiconic techniques, with one line shared for contouring two and more images. It is the first ever example of a mammoth tusk decorated with the images of mammoths combined with the arrow wounded Bactrian camels, horsemen and harness. These elements can serve as an evidence of early domestication of the Bactrian camel which, in its turn, may alter current understanding of primitive society as a whole.

Keywords: *West Siberia, Seversk, Parusinka, prehistoric art, engraved mammoth tusk, Magdalenian period*

Проблемы первобытного искусства уже более столетия находятся в зоне пристального внимания исследователей древнейшего прошлого человечества. «Палеолитическое искусство приледниковой зоны Евразии – одна из самых волнующих загадок прошлого, решение которой – в руках будущего» – писала З. А. Абрамова [1966, с. 155]. Произведения древних мастеров представляют собой не только эмоционально-эстетический феномен духовной жизни и культуры, но и рационально-практический срез, информирующий о материально-хозяйственном состоянии общества. Поэтому каждая новая находка предметов первобытного искусства является важным источником не только для искусствоведов, но и для представителей наук, исследующих первобытность в других аспектах. Открытие произведений древнейшего искусства случается не повсеместно и достаточно редко. Это касается как пещерного или наскального, так и мобильного искусства. Но вместе с тем, находки такого рода обретают ещё больший научный вес и культурно-практическую значимость.

Настоящая работа, не претендуя на абсолютную информационную и интерпретационную полноту, представляет широкой научной аудитории уникальное произведение палеолитического мобильного искусства, случайно найденное на территории Томской области. Контекст многозначности и недоговорённости данной находки и её изобразительного текста был подчёркнут в первой информации [Ожередов, 1997] и во многом сохраняет свою актуальность до сих пор.

История находки и её изучения. В конце 1994 г. в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета из студенческой научно-исследовательской лаборатории исторического факультета поступил фрагмент бивня мамонта с гравированными рисунками. В лабораторию артефакт доставил участник разведочного археологического отряда ТГУ студент-

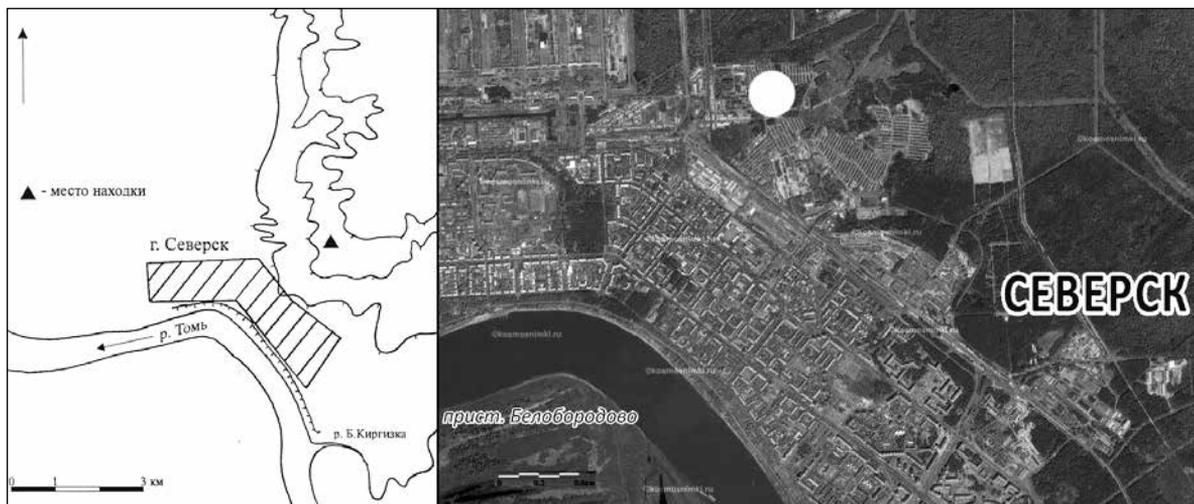

Рис. 1. Схема и карта места находки бивня из «Парусинки».

историк А. Н. Кондрашов. В 1988 г. в университет позвонил житель г. Северска, рассказавший о находке бивней и других деталей скелета мамонта и каменного топора. На место находки была отправлена группа из двух археологов и студент. Среди полученных фаунистических остатков студентом был обнаружен обломок бивня с рисунками. «Топор» оказался утрачен.

Место находки известно под названием Парусинка. Некогда здесь располагался палаточный лагерь первых строителей города, живших в палатках из парусины, ставшей поводом к наименованию городка и места. Оно находится на третьей надпойменной террасе р. Томи примерно в 2–2,5 км от современного русла (рис. 1). Терраса сложена из кварцитовых песков, некоторое время разрабатывавшихся для промышленных нужд. Позже на дне бывшего карьера появились гаражи. Во время их строительства часть склона была снесена. Под одним из них, на глубине примерно 2 м на мешаной песчано-гравийной прослойке располагались три бивня, верхняя челюсть мамонтёнка и более 20 фрагментов зубов мамонта. По словам хозяина гаража, среди костных остатков залегал крупный камень, оконтуренный по периметру сколами и похожий на топор. Находчик был абсолютно убеждён в том, что камень обработан рукой человека.*

С учётом снесённого участка склона, глубина залегания находок от современной дневной поверхности составляла 5–6 м. По мнению специалистов, место находки приходится на дно или береговую линию древнего русла небольшой речки (ручья), накатавшего галечник, подстилавший слой с фаунистическими остатками. Данный вывод согласуется с мнением П. П. Ефименко, отметившего приуроченность палеолитических памятников к берегам рек и речек, питавшихся водами отступающего ледника [1938, с. 436].

История изучения предмета коротка. Существующие публикации носили информационный характер. В двух случаях это газетные заметки: рассказ о прибытии археолога В. Е. Ларичева и художника-исследователя В. Жалковского для изучения бивня [Веснина, 1995] и интервью с А. Н. Кондрашовым об обстоятельствах находки бивня и открытии на нём рисунков [Кондрашов, 1996]. В 1996 г. автором была проведена работа по прорисовке изображений, на основе которой вышла первая научная публикация [Ожередов, 1997]. В 2014 г. специалистами Музея доисторической антропологии княжества Монако было организовано радиоуглеродное датирование пульпы бивня и получен результат: 13000 лет. Дата вполне созвучна изобразительной манере, свойственной мадленскому периоду (XV–X тыс.).

* Позже А. Н. Кондрашов рассказывал следующее: «Со слов Петрина, которого я возил на это место – третья надпойменная терраса. Место под гаражи было снивелировано. От вершины (она не далеко) до уровня гаражей срезано 3–4 метра. Ну и вглубь (яма в гараже) около 2 м. На дне ямы гравийная высыпка. Окатанная. Все находки в пределах гравия. Чего было найдено на момент нашего приезда, это всё я забрал.... Нижняя челюсть мамонта молодого (или мамонтёнка) с двумя зубами, хорошей сохранности. Пластины от больших зубов. Как мне сейчас кажется, минимум от 2-х. Два обломка бивней. Примерно третья часть. В диаметре раза в 1,5 меньше, чем с рисунками. Ну и сам бивень. Бивни были в песчаной корке... Тот который с рисунками – корка покрывала не полностью и рисунки я увидел сразу (конечно часть из них)... и сказал ... археологам... Мне было сказано, что это ... камешки покарябали ..., на которых он лежал».

Полученный артефакт собственно только фрагмент бивня (**рис. 4; 1**). По определению палеонтолога С. В. Лещинского, это передняя часть примерно полутораметрового бивня зрелого 35–40-летнего самца мамонта. Длина обломка по внешней дуге 74 см, по внутренней – 63 см. Диаметр основания – 9,4 см. О возрасте экземпляра в определённой мере свидетельствуют и следы естественной стёртости острия.

К сожалению, после доставки артефакта в студенческую лабораторию ИФ ТГУ, её руководитель не нашла нужным передать бивень в музей, объяснив, что он нужен для учебных занятий, а в просьбе ознакомиться с находкой отказала, сославшись на то, что царапины, о которых всем рассказывал студент, естественного происхождения. Далее бивень никак не использовался, о нём просто забыли, и только в 1994 г. при переезде лаборатории в другое помещение, археолог А. И. Боброва, посчитавшая, что царапины могут иметь антропогенное происхождение, принесла артефакт в музей. В результате длительного пребывания в неблагоприятных условиях бивень разошёлся и растрескался в продольном сечении. Чехол местами осыпался, заострённое окончание частично разрушилось, расслоившаяся поверхность вспучилась, а разошедшаяся пульпа частично высыпалась наружу. Для предотвращения дальнейшего разрушения, по совету палеонтологов поверхность была пропитана клейким раствором, укрепившим чехол и остановившим процесс его осыпания.

При изучении артефакта по краю излома, у основания обнаружены следы зарубок, свидетельствующие о том, что разделению бивня в древности предшествовала разметка и подрубка по периметру вдоль линии разделки. После этого он был переломлен. Аналогичные следы можно увидеть на ломаных бивнях с местонахождения Луговское в Ханты-Мансийском автономном округе [Мащенко, Шубина, Телегина, 2006, рис. 40]. Отдельные линии гравировок обрываются на кромке разлома, что наводит на мысль об их распространении и на вторую часть бивня, а следовательно начало им было положено ещё до разделки. В современном, то есть отделённом состоянии, предмет просуществовал настолько долго, что по кромке разлома загладились некоторые некогда острые грани (**рис. 4; 5**).

Первобытная гравюра. В интервью В. Е. Ларичева томскому корреспонденту прозвучало следующее: «Мы ожидали увидеть рисунки бизона, мамонта или других животных, а вместо этого – некие загадочные линии, фигуры, которые не складываются в привычные образы. Этот бивень с одной стороны поставил нас в тупик: такие гравировки нам пока непонятны, но с другой стороны, обрадовал – никакой фальсификатор не смог бы подделать эти «гравюры» [Веснина, 1997]. Однако реальность превзошла все ожидания. Изучение вскрыло целую галерею образов и символов, нанесённых рукой древнего художника. Но наряду с линиями, поддерживающими образы, на бивне масса бессистемных царапин и насечек, которые пока не нашли объяснения. Часть из них явно естественного происхождения, другие выполнены рукой человека.

Рисунки нанесены практически по всей поверхности в технике профильной силуэтной гравюры. Линии разной ширины прорезаны острым резцом под разным углом и с различной силой проникновения в материал. Часть из них имеет одиночную ровную линию, другие дублируются параллельными чертами, иногда случается проработка контура дополнительными линиями и штрихами, напоминающими технику пунктирного силуэта. Все рисунки плоскостные, перспектива отсутствует полностью. В нескольких случаях использован способ суперпозиции или палимпсеста. Техника нанесения рисунков базируется на простой мелкой гравировке, характерной для искусства эпохи мадлен [Елинек, 1982, с. 473]. Вопреки обычному в палеолитическом искусстве отсутствию горизонтальной и вертикальной ориентации [там же, с. 291], на бивне из Парусинки все основные фигуры композиции располагаются в два вертикальных ряда. Находясь в обратной перспективе, животные соприкасаются спинами (**рис. 2**).

Каждый ряд занимает один из условных противоположащих фасадов. Однако чёткого «планиграфического» их разделения не произошло. Рисунки распространяются вверх и вниз от продольных осей условных фасадов, смыкаясь границами противоположащих изображений. Мастер, вероятно, заранее рассчитал форму и размеры персонажей и соединил их таким образом, что одни и те же линии смогли одновременно поддерживать два слившихся образа. Использование в первобытном искусстве этого художественного приёма широко известно. Э. Е. Фрадкин, анализируя гравюры из Костёнок I, отметил его как особенность палеолитического искусства и именовал термином «полиэikonия», что дословно можно понимать как многообразность [Фрадкин, 1975, с. 16; Никитин, 1973, с. 45]. О том же писал Я. Елинек в контексте проблемы необыкновенной стилизованности палеолитических персонажей: «Эти рисунки настолько удалены от

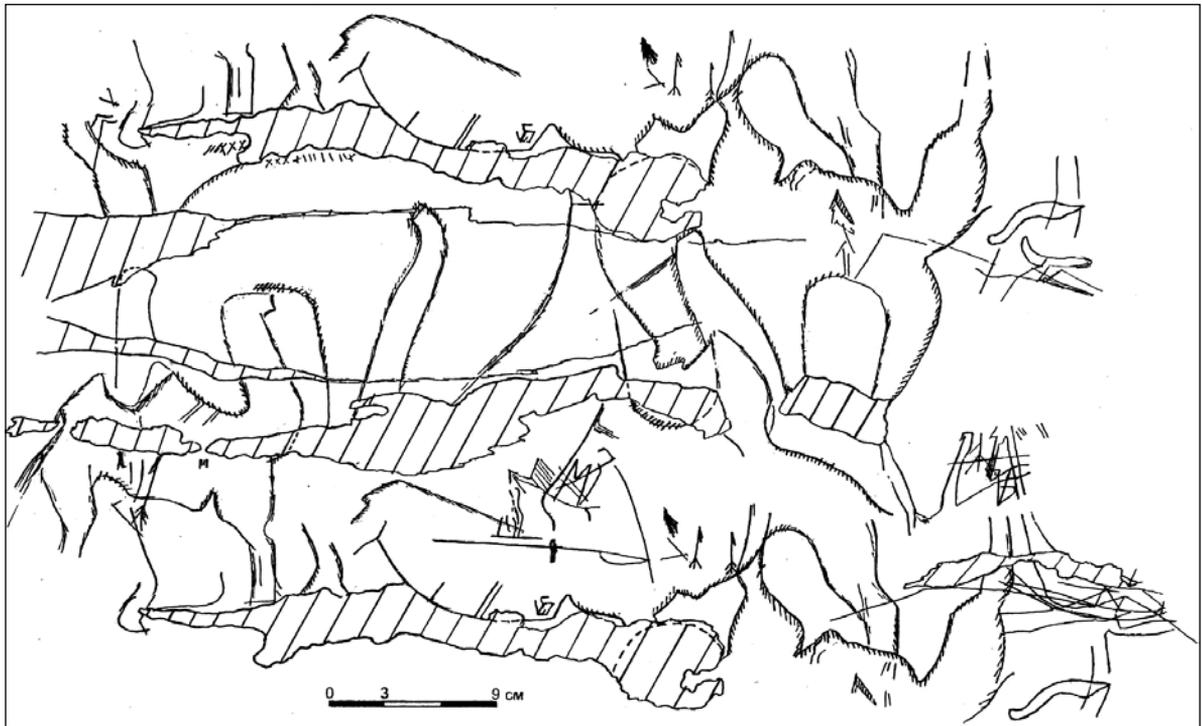

Рис. 2. Прорисовка гравированных изображений на бивне мамонта из «Парусинки». Развёртка.

реальности, что если рассматривать их в обратном направлении, в них вполне можно увидеть условно переданные женские фигуры, схожие с другими женскими силуэтами из той же пещеры. В таком случае “хвост бизона” можно рассматривать как небрежно намеченную женскую голову, “задние ноги”... предстанут перед нами женской грудью, а грудь бизона, вытянутая в острие, окажется “женскими бедрами”, законченными ногами. Поистине нелегко расшифровать эти рисунки!» [Елинек, 1982, с. 308, 317]. На азиатском континенте этот же приём использовал живописец из монгольской пещеры Хойт-Ценхэрийн-Агуй [Окладников, 1972, табл. 5].

Мастер, обладавший полиэikonическим воображением, при создании своих творений испытывал, вероятно, меньше затруднений, нежели исследователь, пытающийся проникнуть в замысел человека каменного века. Первый определённо знал, что он изображает, а второй только стремится узнать. Если отдельные образы воспринимаются вполне адекватно, то другие прочитываются весьма субъективно, что не исключает заблуждений и ошибочных трактовок. Принимая во внимание это обстоятельство, пантеон персонажей разделён на две группы по степени вероятности семантической идентификации: безусловно и условно распознаваемые.

Первая, меньшая по числу образов группа, выбрала большую часть изображений живых существ. Художник связал в единую композицию четырёх двугорбых верблюдов и двух мамонтов или слонов. В эту же группу входят изображения трёх оперённых стрел.

Вторую группу составили изображение «всадника», контур человеческой ноги, антропоморфное существо, три мамонта или слона, фрагмент рога или бивня, травоядное животное, фигура женщины, копьё, а также серия символических знаков – раны на телах верблюдов, костёр или очаг, стреловидный и ёлковидный знаки, цепь треугольников, линия, завершённая петлёй, двоянные и одиночные полосы, углы, почти полный рисунок, напоминающий параллелограмм и подобие значка «галочка».

Изображению травоядных животных художник отдал бесспорное предпочтение, что по замечанию специалистов, свойственно также искусству мадлена [Ефименко, 1938, с. 480; Елинек, 1982, с. 473]. Они составили основу сюжета, а главными персонажами стали две пары двугорбых верблюдов, занявших попарно оба изобразительных ряда. Для удобства им присвоены номера с 1 по 4 при счёте слева направо, начиная с нижнего ряда (1, 2 – нижний, 3, 4 – верхний ряд) (рис. 2; 3: 1, 2). В обеих парах фигуры обращены головами друг к другу. Показано лишь две конечности. Фигуры геральдически статичны, а в парах сближены в стилистическом и, вероятно, семантическом отношении.

Верблюд № 1 (левый) при общем реалистическом исполнении, в передней части корпуса несколько потерял в пропорциях. Схематично, как эскиз, выглядит голова, где мастер только наметил контур двумя толстыми штрихами (рис. 2; 3: 1; 4: 2, 3). Хвост прорисован в виде пучка волос, вытянувшихся под углом к крупу. Однако внутри этого пучка художник расположил линии таким образом, что они напоминают заплетённую косицу. Этот нюанс привлекает внимание в контексте наличия у особи элементов антропоморфности. В двух местах скоплениями вертикальных и наклонных пересекающихся штрихов на теле животного отмечены две «раны», между которыми вонзилась оперённая стрела с наконечником, а у основания переднего горба прочерчены наискось две пары параллельных полосок, напоминающих сбруйные ремни. Контурный силуэт, вписанный между горбами, иначе как всадником трудно назвать. Продолжением возвышающейся над спиной верблюда фигуры являются линии, образующие схематичную форму человеческой ноги, как будто обутой в мягкую обувь. При этом одна из линий, воспроизводящих контур стопы, резко уходит вниз и столь же схематично, но вполне реалистично, вновь преподносит абрис обутой, подогнутой в колене ноги.

Верблюд № 2 (рис. 2; 3: 1) более крупного размера изображен, как будто стоящим на подогнутых передних конечностях (на коленях). Однако часть фигуры попала в зону разрушения, что не даёт судить об этом наверняка. Задняя конечность изображена в вертикальном положении. Изящной линией она вверху переходит в круп с хвостом, отмеченным изогнутой линией, а снизу переходит в контур живота. Передняя конечность обозначена лишь у основания, мощная шея несёт небольшую голову, на спине невысокие, пропорциональные телу, горбы. Почти по всему периметру штриховкой показана шерсть на теле животного. В нижней части живота показана рана (?), две пересекающиеся черты и две оперённые стрелы с наконечниками, впившимися в тело верблюда. Вдоль шеи и передней части туловища выгравировано копьё с мощным ланцетовидным наконечником, возможно, символизирующим поражение цели, коей стал верблюд.

В данной фигуре помимо реального образа заложены ещё два, полиэikonического плана. Шея с головой выглядят как туловище травоядного животного с фрагментарными задними конечностями и выступом на крупе, напоминающим аналогичный контур на теле оленя. Раздутый живот не исключает состояния беременности, характеризующего изображение самки. Другой, уже антропоморфный, женский образ вписан в верхнюю линию передней части туловища, уходящей в контур горба. Стилизованный женский силуэт полиэikonически разместился по линии передней части горба верблюда. Слева от последнего – группа цельных и штриховых линий, напоминающая костёр, а выше него, вплотную к спине женщины, нанесена серия коротких линий, ограниченных знаком в виде широкой «галочки» (рис. 3: 3, 4; 4: 4).

Второй изобразительный ряд занимают фигуры 3 и 4 (рис. 3: 2), отличающиеся от аналогов первого ряда более крупными горбами. Третий верблюд попал в зону разрушения: осыпались голова, передняя часть корпуса и переднего горба, передняя конечность и круп животного. Тем не менее, общий контур его корпуса реконструируется. В полиэikonическом отношении объединяется с первой особью: одной линией у них прочерчен контур горба, шеи и головы первого и задний горб третьего. По объединяющей линии прошёл ряд из штрихов, символизирующих шерсть. По кромке живота изнутри и снаружи кроме обычных косых насечек (шерсть) имеются отрезки из пересекающихся штрихов. Верблюд № 4, при всей стилизации наиболее реалистичен из всех остальных. Подробно прорисована гордо вскинутая голова на круто изогнутой шее, подчеркнута стройность и пропорциональность поджарой фигуры. Единственным преувеличением стали неестественно высокие горбы. Не исключено, что подобная гиперболизация имеет определённое семантическое содержание, выходящее за пределы формального изображения животного, но об этом позже. В полиэikonическом отношении данная фигура с другими верблюдами связана слабо, замечен лишь короткий контакт головы с задним горбом второго персонажа.

Как и на предыдущих фигурах, на теле третьего прорисованы элементы, не имеющие отношения к анатомии животного. Из межгорбовой ложбины вниз опущены две параллельные линии, завершённые стреловидно пересекающимися двумя другими линиями. А ниже фигурирует стреловидное изображение, одна сторона которого удлинённой конической формы заштрихована изнутри (рис. 6).

Стилистически и формально этот образ сходен с предыдущим, третьим. Такая же постановка шеи и столь же гиперболизированные горбы. При общем композиционном единстве изображений привлекает внимание анатомическая дифференцированность верблюдов первого и вто-

рого рядов, выразившаяся, прежде всего, в форме и величине горбов. В первом ряду фигурируют низкорослые особи с подтреугольной формой горбов, а во втором высокорослые с вытянутыми горбами двух типов: передние – прямые, а задние изогнуты внутрь. Учитывая то, что все граюры созданы одним художником, на что указывает их композиционная неразрывность, напрашивается вывод о намеренном разделении изображений верблюдов. Поводом тому могли послужить только серьёзные основания, выходящие за рамки необходимости простой передачи формы. Также это не свидетельство ограниченных изобразительных возможностей автора; его высокий уровень вполне очевиден. Вероятнее всего, причина кроется в особенностях природы, что и запечатлел художник.

«До недавнего времени не было известно остатков верблюдов из палеолита Евразии» – прозвучало в 1962 г. в одном из крупных сочинений по палеонтологии [Бажанов, Костенко, 1962, с. 47]. За последние десятилетия источниковая база палеонтологии сильно изменилась. Открыто и изучено достаточно много останков этого млекопитающего, позволивших выделить несколько видов верблюдов, обитавших в приледниковой зоне на разных этапах плейстоцена. К верхнеантропогенному периоду, именуемому мамонтовым или верхнепалеолитическим, относят, например, находки на Южном Алтае, р. Урал [там же] и в Средней Азии [Природа и древний человек, 1981, с. 202]. В первых двух случаях речь идет о верблюде Кноблоха (*Camelus Knoblochi*), в последнем видового определения нет [Алексеева, 1971, с. 7; Бажанов, Костенко, 1962, с. 7].

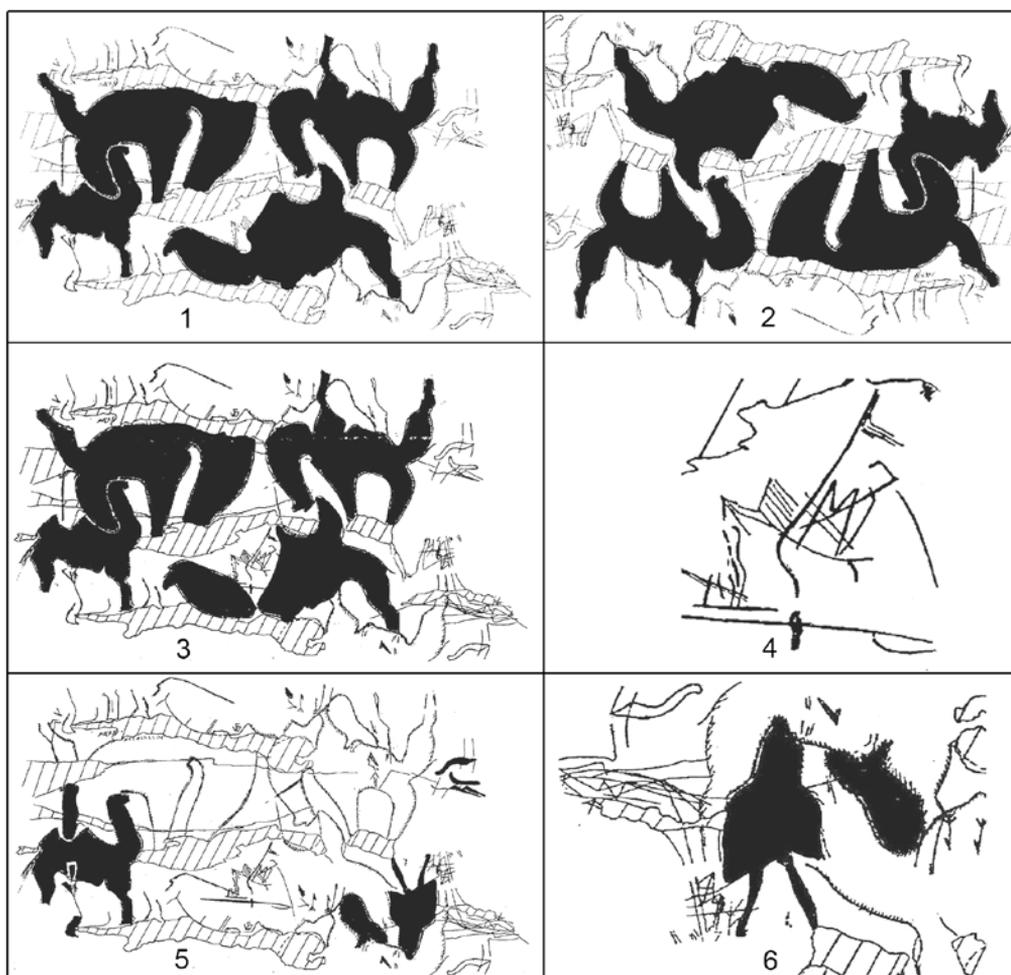

Рис. 3. Фрагменты прорисовки с выделением отдельных фигур.

1 – выделены: изображения верблюдов №№ 1 и 2 (слева направо); 2 – выделены (перевернуто): изображения верблюдов №№ 3 и 4 (справа налево); 3 – выделены: изображения верблюдов (за исключением фрагмента с изображением «женщины»); 4 – увеличен фрагмент с изображением «женщины»; 5 – выделены: верблюд № 1, «бобёр», антропозооморфное существо, рог, птица; 6 – выделены (перевернуто): антропозооморфное существо и «бобёр».

Кроме того, имеется указание на существование в это же время гигантского верблюда, который ассоциируется с «одним из наиболее крупных видов настоящих верблюдов» [Бажанов, Костенко, 1962, с. 22]. Вероятно, имеется в виду ныне известный двугорбый бактриан. Специалист палеонтолог наверняка сможет продолжить этот список и назвать гораздо большее число такого рода находок. Как бы ни обстояли дела в позднем палеолите с видовым разнообразием верблюдов, для нас наиболее важен тот факт, что «все формы ископаемых азиатских верблюдов, включая и древние, следует считать слабо двугорбыми...» [там же]. Отталкиваясь от последнего, следует предположить, что художник изобразил не разные виды верблюдов. За его рисунками явно кроется нечто другое.

Современные верблюды бактрианы известны в двух вариантах – дикие и одомашненные. По принадлежности к тем или другим, они различаются и по конституции. Зоологи и сторонние наблюдатели подчёркивают, что домашние крупнее и более высокогорбы, нежели их дикие собратья [Станек, 1988, с. 543; Новгородова, 1989, с. 43]. Возможно, именно в этом кроется загадка изображений на бивне. Помимо анатомических особенностей изображений, существует и другой повод к подобным предположениям. А именно – наличие некоторых знаков на телах первой и третьей особей, о которых говорилось выше. Прежде всего, это парные полосы у основания переднего горба у первого и аналогичные полосы со стреловидным завершением у третьего. Если принять за реальность существование в палеолите прирученных верблюдов, то перечисленные элементы рисунков можно расценивать не иначе как сбруйные ремни. Возможно, с этим же связан знак, расположенный под стреловидным изображением. При этом весомым аргументом нашей версии становится присутствие на верблюде фигуры «наездника». Однако при такой трактовке становится очевидным формальное несоответствие с нашими предыдущими выводами, так как в упряжи одинаково оказываются как дикий, так и домашний верблюд.

В этой ситуации наиболее вероятным, на наш взгляд, может быть следующее объяснение. В своём произведении первобытный художник отобразил процесс взаимоотношений между человеком и животным (верблюдом), развивающийся от охоты на диких особей (стрелы и раны на телах первого и второго верблюдов), до его приручения. А принимая во внимание известные высказывания о ритуально-мистическом оформлении первобытными обитателями всех процедур, связанных с окружающей средой, в том числе и миром животных, становится объяснимым наличие упряжи и всадника на диком верблюде. В этом скрывается семантическая суть процесса приручения – взнуздать и оседлать именно дикого верблюда. «Образ возникал и формировался, прежде всего, как мечта о страстно желаемом предмете – охотничьем животном (доминанты и остроэмоциональной темы сознания)» [Максимова, 1978, с. 13]. В какой-то момент острое желание могло инвертироваться от охоты на поражение к приручению животного. Для достижения желаемого создавались изображения, предвосхищавшие осуществление желания в реальности. Обстреливание рисунков и скульптурных образов животных предшествовало охоте на них, предвещая успех [Окладников, 1967, с. 61; Столяр, 1985, с. 192, 194; Фролов, 1987, с. 22]. В этом реализовывался закон симпатической магии, сформулированный Д. Д. Фрэзером: «подобное производит подобное» [Фрэзер, 1983, с. 26].

Вероятно, закон одинаково распространялся на все сферы хозяйственной деятельности первобытных обитателей Евразии. На паре верблюдов (условно домашних), нет ран и стрел, что вполне объяснимо тем, что они уже не являются объектами охоты или приручения, то есть перестали быть остро желаемыми. Но в то же время, «изображение существа или предмета даёт власть над этим предметом или существом. Автор или обладатель изображения может влиять, воздействовать на то, что изображено. Речь, разумеется, о власти или влиянии магического характера» – отмечал С. Рейнак [цит. по: Ларичев, 1990, с. 212]. По мнению П. А. Куценкова, особенностью первобытного мышления являлось оперирование «не понятиями, но либо самими предметами, либо их внешними копиями-двойниками [2007, с. 130, 131] Таким способом через рисунок в представлении древнего человека могла отразиться если не реальная ситуация обладания осёдланным верблюдом, то хотя бы мечта об этом.

Скудость источниковой базы не позволяет развить и аргументировать настоящую версию. В литературе известно лишь одно палеолитическое изображение верблюда из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй в Северо-Западной Монголии [Окладников, 1967, с. 12]. Э. А. Новгородова отметила нетипичность изображения верблюда для ранних сюжетов этого региона, несмотря на то, что он – «типичный обитатель монгольских степей и пустынь и до сих пор дикие особи встречаются в Заалтайской Гоби, в Синьдзяне, в песках Такла-Макан и в районе Лобнора»

[1989, с. 43]. Ещё более необычно появление изображения верблюда на территории Западной Сибири. Интересно, что в монгольской пещере, как и на бивне, нарисован высокогорбый верблюд, вопреки утверждению палеонтологов о низкогорбости всех пород верблюдов палеолита. Других изображений верблюдов из палеолита ни в пещерном, ни в мобильном искусстве Евразии пока не выявлено.

Предположение о существовании прирученных верблюдов в позднем плейстоцене покажется менее утопическим, если учесть мнение Б. А. Фролова, сославшегося на зарубежные источники: «в археологии за последние годы дата первоначальной domestikации потомков этих (лошадей. – Ю.О.) и ряда других “действующих лиц” или “персонажей” палеолитического анимализма неуклонно удревяется, приближаясь к рубежу плейстоцена и голоцена» [Фролов, 1987, с. 22]. Другие авторы пишут о том, что время зарождения идеи и, по-видимому, первых опытов приручения необходимо отнести «не менее чем за 10000 лет вглубь истории формирования хозяйственно-экономических структур человеческого общества» [Гричан, Смирнов, 1980, с. 46]. Весомым подтверждением данным высказываниям может быть находка обломка камня в Ламарш во Франции, где изображена взнузданная голова лошади, свидетельствующая о том, что «на лошадь одели узду и ездили на ней верхом уже 12000 лет назад» [Заря человечества, с. 75].

Наверняка специалисты зоологи могут предложить и другие версии разновеликости горбов верблюдов на парусинкинском бивне. В том числе, например, указание на разницу сезонного питания и накопления жировых отложений и т. д. Не исключено, что низкогорбые верблюды истощили запасы в горбах, а высокогорбые только их накопили.

Любопытна ещё одна деталь, касающаяся параметров верблюдов. В обеих парах показаны разновеликие фигуры: слева в обоих случаях стоит более мелкая, возможно, самка. Таким образом, художник, возможно, показал дуальную систему, востребованную природой воспроизводства.

Помимо основных персонажей имеются и другие. Среди них образ травоядного животного, ассоциированный с шеей и головой второго верблюда (рис. 2; 3: 1, 3). В силу такого слияния у животного не прорисованы передняя нога и голова, которая важна для идентификации образа. По мнению заведующего Зоологическим музеем Томского университета С. С. Москвитина, прототипом для рисунка послужил олень. Основанием к такому заключению стала особенность почти бесхвостой профилировки крупа. Наиболее близкое сходство обнаруживается с северным (*Rangifer tarandus*) и благородным (*Servus cf. elaphus L.*) оленем. У них такой же угловатый переход от крупа к спине и ровная линия позвоночника [Бажанов, Костенко, 1962, рис. 16, 25].

Остаётся надеяться на распространённое мнение о поразительной точности палеолитических художников в отношении фиксации анатомических особенностей животных [Фролов, 1980, с. 44]. Именно благодаря этому теперь известен довольно широкий круг животных, ставших моделями для анималистов палеолита. Но среди них «на удивление редко встречается изображение северного оленя...» – отметил Я. Елинек, имея в виду наскальные изображения: «Несколько чаще его можно встретить в искусстве малых форм в виде гравюры на каменном блоке, рельефа или маленькой статуэтки. В наскальном искусстве в конце плейстоцена попадаются скорее изображения благородного оленя». В данном случае Я. Елинек, видимо, имел в виду рисунки из Лас Чимес и Нио [1982, с. 339, рис. 559, 562]. Кроме того, следует учесть, что благородный олень, а точнее его разновидность марал, обитатель лесов Южной Сибири, Алтая, Тянь-Шаня и Западной Монголии [Станек, 1972, с. 547], более уместен для южного фаунистического комплекса, в котором имел место и верблюд. В таком случае древний анималист имел много шансов увидеть этих животных вместе и связать их в художественной композиции. Подтверждением тому стали находки останков этих животных в комплексе Самаркандской стоянки [Природа и древний человек, 1981, с. 202]. В то же время в более высоких широтах, в районе г. Уральска, на р. Урал имеются вместе находки костей северного оленя и верблюда [Бажанов, Костенко, 1962, с. 47].

У оленя привлекает внимание неестественно раздутый живот. Половые признаки не показаны, поэтому можно предположить, что изображена женская особь в состоянии беременности. У нижней кромки живота прочерчены небольшие поперечные линии, похожие на те, что нарисованы на верблюдах, а в районе груди нанесён знак, напоминающий параллелограмм. Наискось через корпус «оленухи» легла линия древка «копья», а выше прорисован стилизованный женский силуэт с присущими ему признаками пола. Женщина изображена в сидячем положении в профиль с наклоном вперёд-вправо (рис. 2; 3: 3; 4: 4). Чётко прочерчена линия спины и таза. Условно, несколькими штрихами, отмечена нога с намёком на изгиб в колене. Грудь и живот

обозначены ломаной линией в форме буквы М. Рука и голова не нарисованы, а на месте последней процарапаны три коротких штриха, направленных перпендикулярно к линии спины. За спиной женщины обозначен «костёр» или «очаг», наложенный на спину «оленухи». Отметим, что менее явно, но в том же стиле женский профиль угадывается в передней части фигур 1 и 3.

Безголовые женские фигуры хорошо известны в пещерных памятниках Пеш-Мерль, Лоссель и др. [Фролов, 1987, с. 13]. В научном обиходе подобные силуэты бытуют под термином «клавиформы» [Окладников, 1967, с. 123; Абрамова, 1966, с. 21, табл. XVI-2, 4, 5]. При сравнении нашей фигуры с другими образцами, отметим её сходство с женским изображением из Гар де Куз [Елинек, 1982, рис. 474] и со схематическими силуэтами из пещеры Ла Рош Лалэнд [Абрамова, 1966, табл. XVI-46; Елинек, 1982, рис. 500].

Женская фигура как бы покоится на лежащем в основании «копье», а сзади согревается «костром», над которым, вплотную к спине, изображены стреловидный знак и серия линий-штрихов. Бесспорно, что женский силуэт в этом месте бивня не случаен. Вокруг него замкнут сюжетный и семантический круг, возможно, всей композиции гравюры.

Сюжет «женщина и зверь» красной линией пронзает всё искусство палеолита и численно доминирует над сюжетом с мужским главенством. Единственно настораживает в нашем случае то, что обычно женский образ группируется на изображениях с образом зверя мужского рода. Возможно, данная композиция – определённая реплика на канонический сюжет, демонстрирующая изобразительную вариабельность первобытных художников. Здесь женщина и оленуха ассоциируются в единый женский образ, одинаково значимый для символизации плодородия и воспроизводства людей и животных. Половую уравниваемость в композиции, вероятно, вносят образы верблюдов. Несмотря на отсутствие у них анатомических признаков пола, можно предположить мужскую принадлежность по символическим знакам на их телах. А именно, по обозначению стрел, ран и отдельных линий, то есть по знакам, которые, помимо утилитарного значения, трактуются в значении мужских символов [Новгородова, 1989, с. 47]. В силу того, что такая трактовка может противоречить высказанной выше догадке о половой дифференциации в парах, оставим вопрос для дальнейшего изучения.

Исследователи склонны считать сюжет «женщина и зверь» полисемантическим, и поэтому в нём, в той или иной мере имеют место элементы охотничьей магии, представления о женщине-матери зверей, плодородии, воспроизводстве животных, о женщине-прародительнице и верховной богине [Абрамова, 1966, с. 73–91; Васильевский, 1987, с. 24; Селиванов, 1983, с. 12; Фролов, 1980, с. 42, 43; 1987, с. 14; Гимбутас, 2006, с. 223; Нойманн, 2012].

Изображения на парусинкинском бивне содержат помимо явных фигур, пласт скрытых, неявных образов. В первом фигурируют верблюды, а во втором пять образов мамонтов – два крупных, соответствующих по размерам верблюдам, и три мелких. Две первые особи фиксирующиеся в позиции противостояния (единоборства ?) инвертированы в фигурах третьего и четвертого верблюдов. Если рассматривать последние в перевёрнутом виде и мысленно отсечь некоторые внешние детали, то предстанут довольно реалистичные рисунки, где горбы верблюдов обратились в ноги мамонтов, а высокие шеи в головы с хоботами (рис. 3: 1). Реализм присущ фигурам мамонтов не только на уровне узнаваемости обликов, но и в анималистической позиционности. Так же как на бивне, с упёртыми под углом ногами показан мамонт в сцене единоборства из пещеры Верхняя Ложери, который, как пишет Я. Елинек, понятен всякому, кому довелось видеть схватку современных слонов [1982, с. 307, рис. 495]. Кроме сюжетного сходства названные сцены сближает некая изобразительная особенность. В обоих случаях мамонты прорисованы без бивней. На хоботе правого, из фигурирующих на бивне, имеется слабая полоса из нескольких лёгких штрихов, которая возможно, символизирует бивень, но не более того.

На уровне сходства в изобразительной манере, в какой-то мере, можно сблизить мамонта, инвертируемого из третьего верблюда, с некоторыми изображениями в Каповой пещере. В том и другом случаях голова мамонта несколько обособлена от туловища. Соединяющая их перемычка шеи столь мала, что появляется ощущение некоей самостоятельности этих частей тела друг от друга [Новгородова, 1989, рис. 10 на с. 44; Палеолит СССР, 1984, цв. вкл.].

По поводу гиперболизации горбов второго и третьего верблюдов выше высказывалось предположение, основанное на физиологических особенностях диких и домашних верблюдов. Но нельзя исключать и другой вариант, базирующийся на художественно-технической подоплёке. Используя полиэikonический приём, художник спланировал изобразить не только верблюдов, но и мамонтов. В связи с этим он удлинил горбы двух верблюдов до такой степени, чтобы они соответствовали пропорциям ног мамонтов.

Второй изобразительный пласт представляют и три мелкие схематичные фигуры мамонтов, точнее абрис их спин. Последние образованы контурами животов трёх первых верблюдов, сравнимых, в перевернутом виде, с профилями голов, спин и крупов мамонтов (рис. 2; 3: 1, 2). Особенно хорошо в этом отношении проработаны образы на второй и третьей фигурах. Здесь даже прорисованы за головами животных характерные для мамонтов горбы. По голове мамонта с третьей фигуры нарисованы задняя нога и круп ещё какого-то животного, а на крупе того же персонажа нанесены три черты, крайняя из которых, возможно, продолжает линию ноги второго верблюда. Любопытно, что линия, рисуемая профили спины первого из больших и третьего из малых мамонтов, одна и та же. Тем самым образуется новая сцена – мамонт, водружённый на спину другого мамонта (рис. 3: 1, 3). Не менее оригинально выглядят объёмы, организованные контурами ног и животов верблюдов 1–3, обладающие, вероятно, заранее спланированной формой, очень напоминающей фигуру мамонта.

Полиэпическое воплощение последнего сюжета свидетельствует о богатом воображении художника, так как в реальности живот верблюда имеет иной профиль, а также о стремлении максимально уплотнить композиционную канву новыми образами. Вероятно, в этом скрыт известный смысл. Например, увеличение числа животных в рисунках мистически предопределяет их умножение в природе. Крайняя степень стилизованности многих палеолитических рисунков общеизвестна. Предельный лаконизм изображений, передающих только наиболее существенные детали, свойствен графике пещерных памятников Европы и Монголии [Новгородова, 1989, с. 41]. И в этом смысле гравюры на бивне не оригинальны.

Кроме вышеописанных антропоморфных образов («всадник» и «женщина»), имеется ещё фигура, сформированная из объёма, образованного задними ногами верблюдов 2 и 3 и отдельно нарисованных ног (рис. 3: 5, 6), выглядящая как ростовое изображение человека в одеянии-балахоне. Персонаж запечатлён как бы в момент движения вперёд и вправо в три четверти к зрителю. При общем сходстве фигуры с человеком, ноги отличаются детализацией, свойственной ногам животного. С внешней стороны от правой ноги существа находится «ёлкообразный» знак, трактуемый как символ мужского пола [Новгородова, 1989, с. 47; Топоров, 1992, с. 484; Художественная..., 1994, с. 319]. Вероятно, в данном образе воплощено одно из популярных в палеолитическом искусстве мужских существ или замаскированный персонаж первобытного мифа, так называемый тотемистический предок [Абрамова, 1966, с. 103].

Некоторые из рисунков на бивне изображают предметы. К наиболее бесспорным относятся 3 одинаковые стрелы с оперёнными древками, увенчанными наконечниками с шипом, обозначенным только с одной стороны: в одном случае слева, в двух – справа. Судя по пропорциям и по соотношению с фигурами раненых животных, снаряды выпущены из лука. Возможность существования лука в позднем палеолите высказывалась уже в нач. XX в., когда стали достаточно изучены рисунки на стенах пещеры Нио и грота Паличчи [Осборн, 1924, с. 273]. Тогда же было открыто изображение лучника в Пеш Мерль. Однако причисление этого изображения к палеолиту произошло гораздо позже [Абрамова, 1966, с. 105; Фролов, 1987, с. 13]. Сегодня это признанный факт.

Многие линии на бивне могут рассматриваться как знаки. О некоторых из них уже упоминалось выше. Другие линии складываются в фигуры. Например, в месте пересечения задних ног верблюдов 2 и 3 образовался объём, напоминающий при рассмотрении в разных ракурсах желудок животного, бурдюк, изготовленный из желудка или водоплавающее животное, типа бобра, прикишего к плоскости воды (земли?) (рис. 3: 6; 4: 6).

Не вызывает сомнений, что все изображения изготовлены по свежей поверхности бивня. Рисунки выполнены в технике простой мелкой графики. По целому ряду параметров техническое исполнение гравюр на бивне вполне согласуется с приёмами художников позднепалеолитического искусства Евразии, представителей мадленской культуры, с его реализмом при изображении животных и предельным схематизмом в передаче образов людей. При этом среди животных многократно превалируют травоядные, а антропоморфный ряд почти безраздельно занимает женский образ. Весьма показательным в этом отношении совпадением является изображение манеры, в которой выполнен женский профиль на бивне, с каноническими образцами развитого мадлена, характеризуемые следующей фразой: «Сюда относятся преимущественно стилизованные выгравированные в профиль фигуры, как правило, с лёгким наклоном вперёд; в своём большинстве это памятники искусства малых форм, реже гравюры на стенах пещер» [Елинек, 1982, с. 365].

Достаточно давно бытует сомнение о наличии в искусстве палеолита композиционного построения [Осборн, 1923, с. 274; Мириманов, 1973, с. 144]. Вместе с тем есть и другие мнения.

Например П. П. Ефименко отмечал, что это искусство уже знало, наряду с отдельными образами, и «простые их композиции» [1938, с. 539]. Я. Елинек писал: «некоторые образы и группы рисунков столь впечатляющи, что нельзя удержаться от мысли, что первобытный художник задумал и написал их как нечто целое» [1982, с. 289].

Изобразительный ряд, представленный на бивне из Парусинки, безусловно выстроен композиционно и структурирован в соответствии с единым замыслом. Вполне определённо вырисовывается система, объединяющая природные, хозяйственные и идеологические представления первобытного человека во всей полноте и многообразии. В композиции затронуты основополагающие для человека темы ориентации в пространстве, хозяйственного типа, доместикации, осмысления роли человека и животного и множество других. Системное исследование, несомненно, выявит в дальнейшем новые аспекты, уточнит или выправит гипотезы, изложенные в настоящей работе, и в конечном итоге подойдёт к решению вопросов происхождения и назначения данного предмета первобытного мобильного искусства.

Список литературы

- Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.: Л. Наука, 1966. – 24 с.
- Алексеева Э. В. Млекопитающие плейстоцена Юго-Востока Западной Сибири // Автореф. дис... канд. биолог. наук. – Л., 1971. – 26 с.
- Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – 112 с.
- Варёнов А. В. К уточнению датировки пещерного искусства из Хойт-Ценкер Агуй, Монголия // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. – Кемерово, 1995. – С.17–18.
- Васильевский Р. С. Антропоморфные изображения и их интерпретация // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 19–27.
- Веснина Т. На месте Северска уже в каменном веке жили интеллектуалы. – Томский вестник. № 96. 30.05. 1995.
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2006. – 572 с.
- Гричан Ю. В., Смирнов А. Л. Гравюра из грота Ла Мадлен // Звери в камне. – Новосибирск, 1980. – С. 48–61.
- Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 562 с.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. – Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. – 636 с.
- Кондрашов А. Н. Кости мамонта на Парусинке // Диалог. Городской еженедельник. № 47 (320). 21.11. 1996.
- Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства. – М.: Прогресс–Традиция, 2007. – 232 с.
- Максимова Д. А. Первобытное искусство как единство художественно-образного и понятийного освоения мира // У истоков творчества. – Новосибирск, 1978. – С. 7–17.
- Мириманов В. Б. Первобытное традиционное искусство. Малая история искусств. – М.: 1973. – 320 с.
- Мащенко Е. Н., Шубина Ю. В., Телегина С. Н. Луговое: пейзаж на фоне ледников. – Ханты-Мансийск: Государственный музей Природы и Человека; Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2006. – 82 с.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 383 с.
- Нойманн Э. Великая мать / Глубинная психология и психоанализ. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2012. – 410 с.
- Ожередов Ю. И. К вопросу о позднеплейстоценовой фауне по материалам археологии // Эволюция жизни на земле. Мат-лы I-го международного симпозиума. – Томск. 1997. – С. 126–127.
- Окладников А. П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 136 с.
- Окладников А. П. Центральное-азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер-агуй (Сэнгри агуй), Западная Монголия). – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.
- Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство. – Л.: Путь к знанию, 1924. – 528 с.
- Палеолит СССР / Археология СССР. – М.: 1984.
- Природа и древний человек. – М.: 1981.
- Селиванов В. В. К вопросу о становлении образа человека в искусстве палеолита // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983.
- Станек В. Я. Иллюстрированная энциклопедия животных. – Прага, 1988.
- Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.
- Топоров В. Н. Изобразительное искусство и мифология // Мифы народов мира. Т.1. – М. 1992. – С. 482–488.
- Фрадкин Э. Е. Памятники палеолитического искусства Костенок I // Автореф. дис... канд. ист. наук. – Л., 1975. – 27 с.
- Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Изд-во Политическая литература, 1983. – 703 с.
- Фролов Б. А. Мотивы первобытного анималистического творчества // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 36–47.
- Фролов Б. А. Открытие человека (к опыту новых исследований первобытного искусства) // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 8–18.
- Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия. – СПб.: Славия, 1994. – 415 с.

Рис. 4. Гравированные изображения на бивне мамонта из «Парусинки». МАЭС ТГУ. Фото: Ю. И. Ожередов. Общий вид и фрагменты.

Рис. 1. Изображение неопределённого животного карасукской эпохи. Гора Кременная.

Рис. 2. Животное с двумя головами. Тепсей II, гряда 2.

Рис. 3. Курганный камень до и после расчистки. Могильник Тепсей VII.

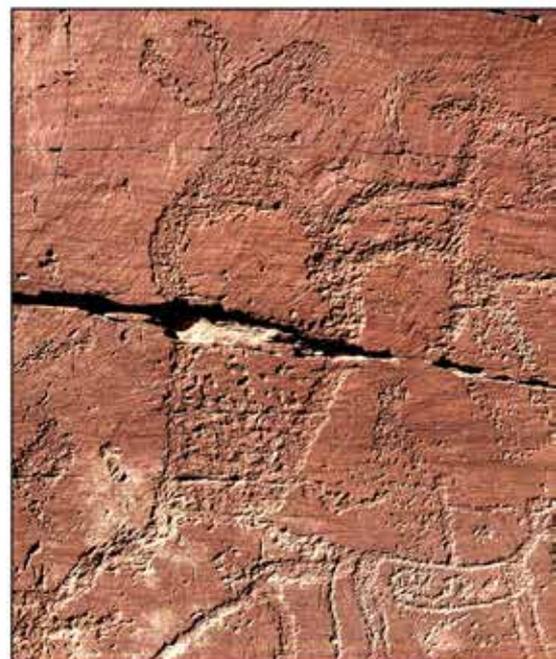

Рис. 4. Фрагмент палимпсеста. Тепсей II, гряда 1.

Рис. 5. Изменения состояния каменного блока: слева фото 2015 г., справа – 2016 г. Тепсей II, гряда 1.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ТЕПСЕЯ

В статье рассматриваются основные результаты работ, проводимых на памятнике Тепсейским отрядом КемГУ на протяжении пяти лет. Определены основные проблемы в изучении памятника, намечены перспективные направления дальнейших исследований. Наиболее актуальные вопросы связаны с выявлением и документированием изображений на скалах и на курганных камнях Тепсея, их культурно-хронологической атрибуцией.

Ключевые слова: *наскальное искусство, Тепсей, Минусинская котловина, изображения на курганных камнях, культурно-хронологическая атрибуция.*

О. S. Sovetova

Kemerovo State University. Kemerovo, Russia

CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF STUDYING TEPSEY PETROGLYPHS

The article discusses the main results of the work carried out on the Tepsey rock art site by KemSU team for five years. The author outlined the main targets of the studies on the site, and the roadmap of further research. The most urgent issues are the identification and documentation of images on rocks and stones of Tepsey mounds and their cultural and chronological attribution.

Keywords: *rock art, Tepsey, Minusinsk basin, images on burial stones, cultural and chronological attribution.*

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К

Тепсей является одним из грандиозных памятников наскального искусства Минусинской котловины. Изучение древних и средневековых рисунков ареала, названного Д. Г. Савиновым «Тепсейским петроглифическим микрорайоном» [2011а; 2011б], позволяет значительно расширить или вообще изменить наши представления о сакральной и профанной составляющих этих замечательных рисунков, а также проливает свет на многие неизвестные страницы истории края. Одними из основных при исследовании памятников наскального искусства являются вопросы датировки рисунков и дальнейшей реконструкции наиболее существенных представлений, сложившихся у их создателей на разных хронологических отрезках времени. Несмотря на довольно продолжительную историю изучения наскального искусства Тепсея, включающего рисунки на прибрежных скалах рек Енисея и Тубы, внутренних логов этого горного массива, на отдельно лежащих плитах под горой и на её вершине, а также на плитах оград тагарских курганов, расположенных на надпойменной террасе под горой, остается ещё множество нерешённых вопросов, возникающих при оценке их хронологии и смыслового содержания.

Одной из важных проблем является хронологическая атрибуция *самых ранних изображений* Тепсея. На одном из прибрежных участков западного склона горы имеется значительный пласт рисунков, которые исследователи относят к «наиболее ранним». Я. А. Шер* первым высказал предположение, пусть и с оговоркой, что ранние рисунки пункта Усть-Туба II относятся к эпохе неолита (?), Усть-Тубы III – энеолита [Шер, 1980, с. 150] и представляют две самостоятельные группы, одна из которых включает изображения животных, находящих аналогии на Ангаре, в Туве, в западных районах, и характеризуется особым стилем, который называют «ангарским». Другую отличают сравнительно крупные размеры фигур, реалистичность их трактовки, и в отличие от рисунков ангарского стиля, близких аналогий они не находят, этот стиль рисунков

* В данной статье приводится индексация, предложенная в свое время Я. А. Шером, руководившим Каменским отрядом Красноярской археологической экспедиции в 1960–1970-х гг., и позднее неоднократно его посещавшим. В настоящее время проводится работа по коррекции этой индексации.

называется «минусинским» [там же, с. 190]. Изображения в «минусинской традиции» были отнесены им к наиболее ранним рисункам Среднего Енисея, «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [там же, с. 193], с чем соглашались и другие исследователи [Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–55; Русакова, 2005].

По мнению Д. Г. Савинова, изображения минусинского стиля, судя по всему наиболее раннего, имеют наибольшие соответствия с некоторыми рисунками Горного Алтая и в целом, по видимому, ориентированы на запад. В более восточных по отношению к Енисею районах таких рисунков нет. Изображения ангарского стиля, наоборот, изначально (в неолите?) производны от петроглифов Ангары и Верхней Лены и затем, по «скользящей» хронологии распространяются на запад (Большой фриз Суханихи – Каракол – Томская писаница). Векторы образования и развития этих двух изобразительных пластов, «встретившихся» на скалах Енисея, таким образом оказываются различными [Савинов, 2011а, с. 49]. Ю. Н. Есину более предпочтительной представляется гипотеза об афанасьевской атрибуции минусинского стиля, нежели гипотеза о его палеолитическом или неолитическом возрасте [Есин, 2010, с. 70]. Но, в целом, пока ни у сторонников отнесения этого пласта петроглифов к каменному веку, ни у тех, кто предполагает их принадлежность афанасьевской культуре, неоспоримых аргументов нет [Миклашевич, 2015, с. 67].

На Тепсее/Усть-Тубе, как и на других соседних памятниках наскального искусства (Оглахты, Суханихе, Мосеихе, Шалаболино и др.), есть рисунки, которые мы традиционно относим к ранним, причём здесь, как и на других памятниках, выделяются по меньшей мере три стилистические группы: самые архаичные, выполненные в «минусинском» стиле», изображения в ангарском стиле, и, очевидно, группа рисунков, «сочетающих признаки этих двух стилей», как предлагает определять эту группу изображений Е. А. Миклашевич [там же]. Недавно ею были получены новые материалы при исследовании пунктов Усть-Туба I и III на скалах горы Тепсей на правом берегу р. Тубы в месте её впадения в Енисей. Помимо осмотра известных, были выявлены и совершенно новые группы петроглифов на труднодоступных раслаивающихся блоках – крупные, мастерски выполненные изображения быков [там же, рис. 5: 1], а также фигуры лосей, косуль, горных баранов, быка и дикой лошади в пункте Усть-Туба III, демонстрирующие отличающуюся от ранее известных художественную манеру [там же, рис. 6: 2]. Поэтому исследования петроглифов этого склона горы должны быть продолжены на предмет выявления новых наиболее древних изображений.

Представительная группа ранних рисунков Тепсея находится также на западном склоне горы в пункте Тепсей I. Мы продолжаем обследование этого местонахождения, осуществляя выявление и документирование петроглифов. Можно отметить, что здесь также обнаружены изображения, относящиеся ко всем трём отмеченным стилистическим группам. К настоящему времени источниковая база ранних рисунков пополнилась за счёт проведения расчистки плоскостей от лишайников, тщательных разведок, а также применения специальной фототехники для документирования и последующей лабораторной обработки материала. Существует мнение, что ранние рисунки связаны с береговыми скалами. На Тепсее, помимо рисунков на прибрежных скальных выходах, уже выявлено немало изображений, значительно удалённых от береговой линии (например, парциальное изображение лося и лодки на возвышенности с небольшими скальными выходами в устье Волчьего лога), в Волчьем логу, на верхних ярусах горы [Советова и др., 2015, рис. 5].

Заметные результаты даёт расчистка плоскостей от лишайников: в пункте Тепсей I расчищено прекрасное изображение быка в силуэтном стиле, выявлены и другие фигуры, ждущие расчистки. Оказалось, что в этом пункте имеется ещё целый ряд не документированных изображений, которые порой не видны невооружённым глазом, в том числе и скрытые под слоем кальцитового натёка. Очень перспективным представляется также поиск рисунков, выполненных охрой. В 2015 г. А. К. Солодейниковым и И. В. Аболонковой была предпринята успешная попытка использования пигментных карт при обработке фотографий для выявления таких изображений. На пл. 8 в пункте Тепсей I [Советов и др., 2012, рис. 1 на цв. вкл.] среди хорошо видимых выбитых фигур животных в центральной части плоскости проявилась выполненная охрой фи-

гура оленя, тело которого расчленено поперечными полосами. На соседней плоскости – фигура быка. В 2016 г. была обнаружена ещё одна небольшая фигурка быка, выполненного краской. Поскольку ранее подобные рисунки Тепсея I практически не изучались, перспективным является не только их выявление, но и анализ палимпсестов с выбитыми и нарисованными охрой изображениями для изучения последовательности нанесения рисунков и выявления древнейшего пласта изображений.

Атрибуция серий рисунков, которые можно было бы отнести к *эпохе бронзы* и связать их с конкретными изобразительными традициями, также остаётся актуальной и пока слабо решаемой задачей. В своё время Б. Н. Пяткин, выявив группу гравированных геометрических изображений на плитах андроновского могильника Сухое озеро I, высказал предположение, что андроновское искусство представлено исключительно геометрическими фигурами и что встретить зоо- и антропоморфные изображения этого времени едва ли возможно [Пяткин, 1977, с. 61, рис. 2–4]. Я. А. Шер, обнаружив среди наскальных рисунков местонахождения Оглахты группу геометризованных схематичных изображений животных, «которые, с одной стороны, не “привязываются” ни к одному из известных периодов, а с другой – совпадают по стилю с ... изображениями на керамике», отметил, что по сути дела они могли бы считаться андроновскими (но при этом подчеркнул, что это не более чем гипотеза) [Шер, 1980, рис. 100; с. 233, 234]. Проблема андроновского искусства в настоящее время остаётся чрезвычайно актуальной, но подтверждения случаев предполагавшейся сопряжённости фигуративных изображений с собственно андроновскими комплексами так и не выявлено [Ковтун, 2008, с. 100]. Мы также не имеем достаточных аргументов для выявления андроновского пласта рисунков на изучаемом памятнике, хотя группа гравированных геометрических изображений здесь имеется.

Я. А. Шер, характеризуя тепсейские рисунки эпохи бронзы, не соотносил их с конкретными культурами, лишь среди петроглифов Усть-Тубы V отметил наличие личин окуневской культуры [Шер, 1980, с. 153]. К этой же культуре он отнёс сюжет «Мать-прародительница», зафиксированный им в пункте Усть-Туба III [там же, с. 273, рис. 125]. Характеризуя сюжет «Кони у мирового дерева», он отнёс его вначале к «дотагарскому времени» [там же, с. 266], затем конкретизировал и соотнёс с карасукской культурой [там же, с. 269]. Наши работы расширили базу петроглифов, которые мы предположительно относим к эпохе бронзы. В частности, в пункте Тепсей II (Волчий лог) под слоем лишайников скрывалась сцена с фигурой «роженицы», вокруг которой расположены другие персонажи, в том числе бык, ориентированный головой вверх.* Уникальность этого изображения заключается в том, что на её голове (или вместо неё) изображен своеобразный «куст», что придает ему особую семантическую окраску [Советова, Ладыгина, 2015, рис. 1]. Ещё одна «роженица» обнаружена нами в 2016 г. на западном склоне горы. Это крупная фигура более 30 см в высоту (при этом голова у неё «не читается»), с расставленными и присогнутыми в коленях ногами и развёрнутыми в разные стороны ступнями. Особенно хорошо проработана нижняя часть фигуры, выполненная полосой, достигающей в ширину 2 см. Верхняя часть осталась лишь намеченной отдельными ударами: предварительно можно сказать, что руки роженицы рудиментарны, редкими выбоинами показана округлая грудь, длинная шея, голова скорее всего уничтожена сколом.

С каждым годом пополняется серия рисунков животных, выполненных в *карасукской* изобразительной традиции. Характерной чертой этих фигур является большая условность, часто не позволяющая определить их видовую принадлежность. Причем среди карасукских рисунков выделяются две самостоятельные группы: одна представлена силуэтными фигурами неопределённых животных на укороченных ногах (как правило, с прорисовкой только двух ног), с вытянутыми корпусами и с выделенной холкой, выглядящими относительно «полнотелыми» (рис. 1). Нередко на концах ног таких фигур выбиты шарики. Среди них есть животные с длинными хвостами, заканчивающимися шишечкой на конце. Другая стилистическая группа – это линейные фигурки, достаточно условные, также без особых видовых различий. Они выполнены в стиле,

* На Тепсее не единожды встречаются фигуры животных с таким расположением на плоскости (головой вверх). Возможно, что так могли изображаться плывущие животные.

который определён Б. Н. Пяткиным как «карасукский» [1977, с. 61, 62], а Н. В. Леонтьевым как «варчинский» [1980, с. 72]. Для этого стиля характерны моделировка туловища животного прямой линией; передача четырёх, выполненных более тонкими параллельными линиями ног, а также длинного опущенного хвоста и прямой (или изогнутой) шеи с маленькой головой. Несмотря на известный схематизм, многие из фигур достаточно выразительны. Карасукские рисунки зафиксированы в пунктах Тепсей I, II, III, IV, на верхних ярусах Тепсея, в том числе и на отдельной, лежащей горизонтально плите, обнаруженной в 2016 г. на вершине горы (расчищенной от лишайников), а также в одном из новых пунктов, обнаруженных в 2015 г. на горе Кременной. Значительная часть изображений была открыта нами в процессе расчистки.

Требует дальнейшего анализа группа изображений быков, обнаруженных на скалах Тепсея (помимо самых древних), которые, судя по палимпсестам и стилистическим признакам, должна быть отнесена к эпохе бронзы. Изображения стилистически неоднородны, и пока их хронологическая атрибуция не завершена. То же можно сказать и относительно антропоморфных фигур эпохи бронзы (иногда такие фигуры бывают в сценах с животными). Помимо прочих, среди выявленных новых, расчищенных от лишайников сцен, имеется чрезвычайно выразительная композиция со своеобразными удлинёнными антропоморфными персонажами, у которых вместо голов – спирали (условно они названы нами «солнцеголовыми»). Сама по себе интересна поверхность плоскости, на которую эти изображения нанесены – она как будто прорисована «кирпичиками», некоторые из линий можно принять за изображения змей. В данном случае требует решения вопрос – рукотворными ли являются эти линии.

Среди тагарских петроглифов Тепсея, собственно, как и в наскальных рисунках других среднеенисейских памятников, чётко выделяется несколько групп изображений: одна из них представлена фигурами животных, выполненными в скифо-сибирском стиле – контурно, реалистично, с украшением корпусов завитками и другими элементами. Вторая – фигурками менее реалистичными, линейными или силуэтными, без декоративных элементов, в маркирующей их позе «внезапной остановки» или с подогнутыми под живот ногами. Третья – представлена фигурами животных, по мнению А. Я. Шера, демонстрирующими «вырождение» скифо-сибирского стиля [1980, рис. 123], и скорее всего относящимися к тесинскому времени. Такие рисунки есть как на скалах, так и на камнях тагарских курганов.

Тепсейские материалы позволили сделать нам любопытные наблюдения относительно антропоморфной серии изображений тагарской эпохи. Прежде всего, совершенно чётко выделяется один из наиболее заметных персонажей – так называемый великан (среди них обнаружена фигура почти 30 см в высоту), нередко в боевом виде – или в сценах противостояния с маленькими фигурками воинов, или с оружием в обеих руках – чеканом/топором и булавой (часто с гипертрофированным признаком пола) или в сценах «проводов в «загробный мир» [Советова и др., 2012, цв. вкл., рис. VIII]. Подобные фигуры обнаружены в разных местах памятника – в пунктах Тепсей II, III, IV, V. Практически ежегодно серия таких длинноногих фигур пополняется. Кроме них выделяется группа небольших по размеру человечков с округлыми животами («полных»). Часто они противостоят «тощим» противникам и могут быть как пешими, так и конными. Обнаружено также несколько профильных антропоморфных реалистичных изображений, нередко представленных в динамичных позах: бегущими или присевшими и т. п. Эти фигуры как правило реалистичны, один из них показан трёхпалым, возможно, это наиболее ранние из изображений тагарской эпохи. Одним из наиболее популярных сюжетов являются всадники на конях с длинными, верёвкообразными хвостами и большими ушами. Не исключено, что так изображались лошадки какой-то местной породы.

Зооморфная серия также весьма интересна и разнообразна. Среди новых персонажей можно отметить «двухголовых», уже дважды зафиксированных на скалах Тепсея (об одном из них подробнее: [Советова, 2015]). У них помимо анатомически правильной головы имеется вторая, расположенная на крупе. Скорее всего, второе из изображений (рис. 2) усложнялось с течением времени: к «нормальной» фигуре помимо ещё одной головы была подбита дополнительная естественно торчащая нога.

Много вопросов вызывает серия рисунков *тесинского времени*. Особенно сложной представляется документация изображений этой эпохи, часть которых выполнена очень мелкой поверхностной выбивкой с дополнительной шлифовкой. Тесинских рисунков на Тепсее немало, они разнообразны, многие уникальны, что в целом расширяет наши представления о об этой хронологической группе наскальных изображений.

Работы Тепсейского отряда существенно расширили коллекцию рисунков, выполненных в *таштыкской изобразительной традиции*. Новые возможности документирования позволили уточнить детали некоторых уже известных композиций, а также выявить новые сцены, причём как на скалах, так и на камнях тагарских курганов. Актуальным остаётся вопрос генезиса и развития изобразительной традиции в эпоху раннего средневековья, поскольку на Тепсее, как и на других памятниках Минусинской котловины, имеется пусть незначительный, но весьма выразительный пласт рисунков, в которых сочетаются признаки как таштыкского стиля, так и традиции, присущей развитому средневековью.

Отдельной страницей исследования является изучение руники и тамг. В обследованной нами пещере, известной ещё А. В. Адрианову, помимо рунических надписей зафиксированы и наскальные рисунки (сцена с бегущими животными).

Таким образом, проведённые на Тепсее исследования позволяют говорить о том, что за последние пять лет существенно изменились представления о памятнике в целом. Во-первых, рисунки на скалах и рисунки на камнях тагарских курганов стали рассматриваться как единое целое и в контексте археологического материала, полученного в результате раскопок, проведённых здесь Красноярской археологической экспедицией и другими археологическими отрядами [Комплекс археологических памятников..., 1979; Советова, Аболонкова, 2013]. Во-вторых, проведённая глобальная расчистка плоскостей от лишайников позволила открыть десятки новых плоскостей с рисунками, выполненными не только в технике выбивки, но и шлифовки (в разных сочетаниях), гравировки, что позволило уточнить многие детали изображений, прежде скрытых лишайниками, а также открыть множество новых персонажей, которые ранее нам на памятнике не встречались. Расчистка плоскостей показала, что нередко лишайник практически «съедает» рисунки, почти полностью сглаживая их на поверхности камня (рис. 3). Несмотря на всю трудоёмкость, работа по расчистке должна быть продолжена, поскольку нельзя не понимать, что до нас дошла лишь малая часть сохранившихся изображений, а какие-то из них мы просто не можем или ещё не умеем выявлять. Это относится не только к рисункам, выполненным выбивкой, шлифовкой или краской (о чём говорилось выше, и работа с такими изображениями в дальнейшем рассматривается как одна из перспективных задач исследования памятника), но и гравированными.

Исследование гравированных рисунков – это ещё одна отдельная страница в изучении памятника. Прежде нам были известны лишь некоторые рисунки таштыкской культуры, выявленные в Волчьем логу С. В. Панковой [2004], на верхних ярусах горы И. Л. Кызласовым [2012], один резной рисунок в глубине Волчьего лога, обнаруженный петроглифическим отрядом КемГУ в 1980-е гг., хронологическая принадлежность которого пока не установлена [Советова, 1995, рис. 9–4], а также отдельные разновременные рисунки, в том числе рунические надписи и тамги, зафиксированные нашими предшественниками (Каменским отрядом) на Усть-Тубе III [Blednova *et al.*, 1995, pl. 48–54]. За последние годы открыты десятки новых плоскостей с гравированными рисунками. Особенностью тепсейских гравированных изображений является то, что они с течением времени практически не подновлялись, почти не видны глазу, поэтому очень трудно поддаются документированию. Только благодаря использованию современной фототехники появилась возможность работы с ними [Советова, Аболонкова, 2016]. Уже сегодня можно говорить о том, что среди тепсейских гравированных рисунков имеются поистине уникальные: это бегущие оскалившиеся хищники и быки – выгравированные на отдельных курганных камнях под горой Тепсей в пункте Т VIII, сцены с лыжниками, изображения построек, птиц (довольно редких в репертуаре наскального искусства Тепсея), множество антропоморфных и зооморфных персонажей. Нередки выявления гравированных эскизов и отдельных незаметных глазу деталей выбитых изображений. Кроме того, наши наблюдения показали, что резные рисунки

могли наносить на любые по качеству поверхности камней – не только на относительно гладкие, но и на пористые, казалось бы, совершенно непригодные для рисования, в большей степени подверженные выветриванию.* Следует отметить также, что большие трудности при документировании вызывают прошлифованные рисунки, которые мы безуспешно стали выявлять на скалах Тепсея и на курганных плитах.

Археологические материалы Тепсея [Комплекс..., 1979] позволяют говорить о том, что эти места использовались людьми под кладбища по меньшей мере с эпохи энеолита до средневековья, причём здесь имеется и редкая для Среднего Енисея категория археологических памятников – поселения, открытые М. П. Грязновым в пунктах Тепсей VII, X и XIII и соотнесённые им с афанасьевской культурой [Грязнов, Комарова, 1979, с. 22–27; Вадецкая, 1986, с. 25]; в пункте Т XII – с карасукской, в Т X – с таштыкской [Грязнов, 1968]. Пока у нас нет полной картины того, насколько продолжительным было пребывание здесь того или иного населения. По мнению М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой, афанасьевцы, например, жили у подножия горы Тепсей длительное время, повсюду оставляя следы своего пребывания [Грязнов, Комарова, 1979, с. 27]. В пункте Тепсей XII М. П. Грязновым была выявлена карасукская землянка, М. Н. Комаровой в пункте Т X – таштыкское поселение. Но основной археологический материал содержат погребальные памятники.

Бесспорно, остается ещё много вопросов, связанных с соотношением наскальных рисунков с археологическими материалами Тепсейского археологического комплекса и реконструкцией мировоззрения людей, использовавших эту территорию в разные эпохи. Так, на Тепсее зафиксированы многочисленные одновременные свидетельства жертвоприношений, сопровождавших похороны. Например, в пункте Т VIII уже в афанасьевском захоронении зафиксирована находка остатков шкуры жертвенного животного – первая такого рода в Сибири в столь раннее время [Комплекс..., 1979, с. 22]. И в дальнейшем практика жертвоприношения животных была характерна для всех зафиксированных здесь культур. Возможно, многочисленные сцены, в которых человек ведёт в поводу коня, связаны с традициями погребальных обрядов, сопровождавшихся, по мнению М. П. Грязнова, единоборством человека с быком или конем [там же, с. 144]. В таштыкское время даже практиковался жестокий варварский обычай человеческих жертвоприношений (Т III, IV) [там же, с. 144]. Таким образом, реконструкция погребальных обрядов и соотношение их с нанесением наскальных рисунков, остаётся актуальной.

В данной статье мы лишь наметили общий круг проблем, которые необходимо решить при исследовании такого огромного и многогранного памятника, как Тепсей. Ещё много исследовательских задач остаётся нерешёнными, требующими дальнейшей работы на памятнике. Актуальными остаются вопросы документирования рисунков; довольно представительная группа палимпсестов требует тщательного изучения (**рис. 4**); по многим вопросам необходимы консультации специалистов (трасологов, палеозоологов и др.). Следует выяснить также общее и особенное в репертуаре рисунков на скалах и на курганных камнях, то же в более глобальном масштабе – для енисейских и тубинских петроглифов (и рисунков внутренних логов); желательно было бы определить территорию, на которой проживали создатели наскальных рисунков, хоронивших своих соплеменников под горой Тепсей; как долго и насколько продуктивно функционировала имеющаяся здесь каменоломня, и многое другое. И, конечно, актуальной остаётся проблема сохранения и использования этого неординарного памятника (**рис. 5**).

Список источников и литературы

- Грязнов М. П. Работы карасукского отряда // Археологические открытия 1967 года. – М.: Наука, 1968. – С. 148–150.
- Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки у горы Тепсей на Енисее // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 176–179.
- Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

* Один из таких рисунков был обнаружен случайно во время дождя, когда на мокрой поверхности камня чётко проявились резные линии.

- Ковтун И. В.* Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. №4/4 (61). 2008. – С. 95–101.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.* – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.
- Кызласов И. Л.* Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. Вып. 26. Сб. научных трудов, посв. 80-летию со дня рождения А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 103–108.
- Леонтьев Н. В.* Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 65–84.
- Миклашевич Е. А.* Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 2. 2015. – С. 66–78.
- Панкова С. В.* Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 2004. – С. 52–60.
- Пяткин Б. Н.* Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири (ИЛАИ. Вып. 9). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1977. – С. 60–67.
- Русакова И. Д.* К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства: Институт археологии РАН. – М., 2005. – С. 214–218.
- Савинов Д. Г.* Тепсей, петроглифический микрорайон и возможности его изучения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Том 1. – (Труды САИПИ. Вып. VIII). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. – С. 48–53.
- Савинов Д. Г.* Тепсейский петроглифический микрорайон (сохранение, консервация и использование) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. (Труды САИПИ. Вып. VII). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011б. – С. 22–26.
- Советова О. С.* Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии: петроглифы. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 33–54.
- Советова О. С.* О новом необычном персонаже Тепсея // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1(9). 2015. – С. 89–93.
- Советова О. С., Аболонкова И. В.* Изобразительные традиции наскального искусства в контексте археологического материала Тепсейского археологического микрорайона // Вестник Кемеровского государственного университета. Вып. 3 (55). Т. 4. 2013. – С. 68–75.
- Советова О. С., Аболонкова И. В.* Гравированные рисунки Тепсея // Вестник Томского государственного университета. История. № 407. 2016. – С. 128–134.
- Советова О. С., Ладыгина Ю. М.* Сцены с женскими персонажами в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. № 2 (22). 2013. – С. 95–99.
- Советова О. С., Ладыгина Ю. М.* Тема плодородия в наскальном искусстве Минусинской котловины // Вестник Кемеровского государственного университета. Вып. 2 (62). Т. 6. 2015. – С. 151–156.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и семантические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.
- Советова О. С., Мухарева А. Н., Аболонкова И. В.* Местонахождение Тепсей I // Археология Южной Сибири. Вып. 26. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 99–124.
- Советова О. С., Аболонкова И. В., Талягина М. А., Шишкина О. О.* Новые петроглифы Тепсея (по результатам исследований 2012–2015 гг.) // Учёные записки Музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 2. 2015. – С. 101–113.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.* Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). – Paris: De Boccard, 1995. – 153 p.

А. К. Солодейников

*Кемеровский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: solodey@mail.ru*

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Работа посвящена общим вопросам документирования наскального искусства. Обсуждаются изменения в технологической базе последних десятилетий и их связь с методологией исследования памятников наскального искусства.

Ключевые слова: *наскальное искусство, документирование, методы, технологии.*

A. K. Solodeynikov

*Kemerovo State University.
Saint-Petersburg, Russia*

STRATEGIES AND TACTICS IN DOCUMENTING ROCK ART SITES

The paper is devoted to some general problems of rock art documenting. The correlation between some general changes in technology and methods in rock art documenting is discussed.

Keywords: *rock art, documenting, methods, technologies*

Термин «документирование» я понимаю, возможно, несколько шире, чем принято. Под документированием я понимаю процесс сбора фактологического материала по памятнику наскального искусства. Работа с памятником должна начинаться с библиографического исследования. Значительная часть работ по документированию совершается в поле, непосредственно на памятнике. Камеральная обработка полевого материала – также часть документирования. Конечной целью документирования является публикация памятника. Публикация памятника должна представлять из себя так или иначе оформленную базу данных по памятнику, включающую все доступные факты и сведения о памятнике, собранные средствами различных научных дисциплин и различных технологических приёмов. Идеальная публикация памятника – работа, из которой представитель любой специальности, заинтересовавшийся памятником наскального искусства, может получить необходимую ему информацию о памятнике и строить на её базе дальнейшие интерпретации.

Сегодня, на мой взгляд, изменилось само понятие «документирование», которое сейчас предполагает не простое перечисление плоскостей с рисунками, а широкомасштабное исследование, включающее данные различных исследований по самым разнообразным научным дисциплинам. К концу XX века сколь либо полные издания памятников наскального искусства можно было пересчитать на пальцах одной руки. В первые полтора десятилетия нового века появилось несколько десятков изданий как зарубежных, так и отечественных. Публикация памятника наскального искусства – новое развивающееся направление в изучении, мы всё ещё учимся это делать, и систематизация этого опыта – задача отдельного исследования. Здесь важно, что публикация памятника – закономерный результат документирования. Поскольку изменилось само документирование, изменились требования к качественной публикации результатов исследования.

Прежде чем рассуждать о тактиках и стратегиях документирования, я хотел бы остановиться на таком очевидном вопросе, как современные «тренды» в изучении наскального искусства. За последние два десятка лет появились технологии, которые не только предоставляют немислимые ранее возможности для исследования, но и определяют новое видение документирования петроглифов.

Исследователь, занимающийся сегодня наскальным искусством, должен обладать такой суммой навыков, которая ни в какое сравнение не идёт с тем, что требовалось от специалиста в наскальном искусстве к концу XX века. В уплату за новые возможности время предъявляет свои

требования: современный исследователь должен иметь не только серьёзную теоретическую подготовку в области традиционных дисциплин, но и обладать знаниями междисциплинарного характера и совершенно иным уровнем технической грамотности.

Например, цифровая фотография как один из методов фиксации наскальных рисунков отличается кажущейся простотой и доступностью. Говорят, что цифровая фотосъёмка даёт новые возможности, которых не было прежде – это не вполне справедливо. Фотография не изменилась принципиально с момента её изобретения. Как в середине XIX века, так и в начале XXI-го, свет падает на плоскость схожим образом. И задача, которая ставится перед исследователем, использующим фотографию в качестве инструмента документирования, не изменилась: регистрировать состояние плоскости в определённых условиях. Регистрация может происходить разными методами (с помощью эмульсии, содержащей галогениды серебра, нанесённой на стекло или гибкую плёнку, либо с помощью цифрового приёмника, состоящего из светочувствительных датчиков) – суть одна. Требования к квалификации фотографа со времён изобретения фотографии не изменились. Изменилось лишь время обратной связи: долгая, дорогая, требующая особых навыков «мокрая» обработка материала, являющаяся дополнительным фактором возникновения ошибок по причине «человеческого фактора», ушла в прошлое. Также был исключён ещё один необходимый в последние десятилетия очень варибельный фактор: оцифровка проявленного материала. Мы теперь сразу получаем готовый к дальнейшей работе цифровой набор данных, и, кроме того, «на лету» можем корректировать результаты съёмки. Это и все преимущества, которые даёт нам «цифровая фотография». Это много, но недостаточно для «автоматического» получения хороших снимков.

Цифровая фотография дала нам гораздо более важный урок: снимает не аппарат, снимает человек. Уметь снять то, что он видит, сегодня должен каждый исследователь: не существует «профессионального фотографа», который смотрит на мир вашими глазами.

Это тоже не ново: в любую эпоху лучшие фотографии наскального искусства – те, что выполнены самими исследователями, которые понимают, *что* они видят, и понимают, *как* можно передать то, что они видят, данными техническими средствами. Прекрасным подтверждением этому являются фотографии А. В. Адрианова, сделанные в начале XX в., или Я. А. Шера, снятые во второй его половине.

То, что сказано о фотографии, можно сказать о других технических средствах, необходимых в документировании наскального искусства сегодня. Необходимо хотя бы базовое понимание Геоинформационных систем, без которых немислима сегодня работа, но пользоваться которыми мы не умеем. Возможности, предоставляемые системами спутниковой навигации, гораздо более богаты, чем простое переписывание набора цифр из GPS-приёмника. То же самое нужно сказать о сфере цифровой обработки информации: как графической, так и текстовой. Общий уровень «пользования компьютером» среди исследователей так же низок, как и уровень пользования фототехникой, хотя сегодня компьютер – безусловно, самый необходимый инструмент в исследовании, даже ещё более необходимый, чем фотоаппарат: компьютером пользуются решительно все. Говоря о сумме знаний и навыков, необходимых сегодня в сфере документирования наскального искусства, нужно упомянуть трасологию, в которой тоже неплохо было бы чуть-чуть разбираться каждому специалисту. Не за горами то время, когда в списке необходимых для исследователя навыков будет значиться фотограмметрия и «владение навыками трёхмерного моделирования». 3D предоставляет уникальные возможности для документирования наскального искусства – кто к этому готов сегодня?

Все эти вопросы, разумеется, можно решать в частном порядке, как они всегда и решались. Всегда находились энтузиасты, которые хотели хорошо делать то, что они делают – и они учились фотографировать, например, как тот же А. В. Адрианов. Настанет ли когда-нибудь время, когда этот вопрос будет решаться системно, и курсы фотографии, трёхмерного моделирования, геоинформационных систем, обработки графической информации, организации информации вообще, будут читаться квалифицированными кадрами при подготовке специалистов в области наскального искусства – остаётся только мечтать.

Таким образом, важнейшей тенденцией в современной науке стала концентрация бóльшего объёма операций в одних руках. Теперь мало кто привлекает для полевых или камеральных работ сторонних специалистов, не задействованных в постоянном изучении наскального искус-

ства, по крайней мере, специалистов из той сферы, в которой не требуется многолетнее серьёзное образование: фотографов, в первую очередь. Большую часть работ по документированию современный исследователь в состоянии выполнить сам на достаточно высоком уровне. Правда, это требует некоторой специальной подготовки, но сосредоточение большинства рутинной работы в одних руках при правильном подходе чрезвычайно благоприятно сказывается на результате работ, и является, несомненно, положительной тенденцией. Недостаток профессиональной подготовки во владении техническими средствами со временем, будем надеяться, выправится, а сосредоточение «технических» моментов в одних руках и осознаваемые в контексте всего исследования конкретные операции, несомненно, позволяют получить более качественный результат.

С другой стороны, говоря о расширении технической специализации исследователя, нужно сказать и о тенденции к расширению междисциплинарных контактов в тех сферах знания (а не навыков), которые требуют действительно серьёзной многолетней интеллектуальной подготовки. Полноценное исследование памятника наскального искусства сегодня закономерно мыслится в сотрудничестве с представителями самых разных дисциплин: геологов, гидрогеологов и геоморфологов, химиков и микробиологов, палеонтологов, археологов и представителей других специальностей, без узких знаний, навыков и аппаратуры которых качественная работа по документированию представляется невозможной. Такой подход сегодня по-прежнему выглядит несколько утопичным, но ведь само существование современной науки о наскальном искусстве на стыке множества дисциплин – неоспоримый факт.

Другое дело, что привлечение сторонних специалистов, конечно, не такой простой вопрос. Любой специалист, который привлекается для исследования, в идеальном мире должен был бы хорошо разбираться в проблематике изучения наскального искусства. Этого нет, и не будет в ближайшее время, по крайней мере. Химические анализы, например, – это формальная операция, которую формально проводит специалист, далекий от нашей рутины, в то время, как от постановки задачи напрямую зависит результат исследований. Здесь, опять же, можно пожелать самим исследователям, отдающим охру на анализы, потратить время и постараться понять, что они хотят от этих исследований, попытаться вспомнить базовый курс химии и, таким образом, яснее представлять себе, чего они ожидают. На примере той же химии, нужно сказать, что результаты анализов – это лишь промежуточный результат, который необходимо правильно интерпретировать, на что не способен сторонний специалист. Более того, например, установленный химический состав охры по общему анализу – это лишь стартовая площадка для других, более детальных и направленных исследований. То же, несомненно, касается любых других междисциплинарных контактов, необходимость в которых я не подвергаю сомнению, но, всё-таки, мне кажется, что идеального «профессионального-кого-угодно» не существует в принципе. Участие исследователя во всех аспектах работы, возможно, необходимое условие хорошего результата. Разумеется, для полноценного участия в процессе исследователь должен быть подготовлен.

Междисциплинарность – важная черта современной науки вообще. Тенденция к исследованию на стыке различных дисциплин стала проявляться в науке в середине XX в., и сегодня она не только не ослабла, но всё больше набирает силу. Повторюсь: наша наука является пограничной дисциплиной, не укладывающейся в сложившееся деление. Кроме упомянутых естественнонаучных дисциплин типа геологии, геоморфологии, географии, палеонтологии и химии, можно привести в пример ещё такие науки, как этнография, семиотика и математика. Семиотический подход пытались применить к наскальному искусству Лямин-Амперер и Я. А. Шер [Шер, 1980]. Без обращения к этнографии не состоялась бы одна из самых перспективных теорий, касающаяся базовых вопросов наскального искусства – теория Льюиса-Виллиамса [Lewis-Williams, 2002]. Строго математический подход для интерпретации наскальных изображений применяли Я. А. Шер [1980, с. 50–59] и Р. Такаки [Takaki et al., 2006].

Ещё одним важным «трендом» сегодня стала дискуссия о правомерности применения контактных методов копирования изображений, инициированная западными коллегами и услышанная у нас в отечестве через полтора десятка лет после падения железного занавеса. Этот, возможно, слишком категорично поставленный вопрос, очевидно, не имеет однозначного решения, но, тем не менее, его обсуждение задало вектор к иному отношению к наскальным изображениям по сравнению с доминирующей в отечественной науке моделью середины XX в. Западная наука,

в первую очередь, французская, сталкивалась по большей части с живописными пещерными памятниками, степень сохранности которых зачастую выше, чем памятников под открытым небом, с одной стороны, а с другой, такие памятники гораздо более чувствительны к любому воздействию: механическому, химическому, атмосферному. Западные коллеги за сто лет поняли, что «хозяйское» отношение к памятнику убивает памятник: хорошим уроком был пример с пещерой Агсу-sur-Cuge, стены которой между 1976 и 1990 гг. регулярно мылись водой под высоким давлением, а по некоторым данным, при помывке применялись концентрированные кислоты, что нанесло непоправимый ущерб памятнику [Дэвлет, 2002, с. 113]. Другой серьезный урок был получен в пещере Ляско, которая уже в 1963 г. была закрыта для посещений ввиду критического изменения микроклимата пещеры и росту сине-зелёных водорослей и кальцитовых кор вследствие слишком масштабного посещения пещеры людьми – в туристических коммерческих целях [Delluc, 2008].

В свою очередь, памятники наскального искусства, известные на территории СССР, в подавляющем большинстве открытые атмосферным воздействиям, по сравнению с нежными западными росписями казались вечными, поскольку основной массив данных, введённых в научный оборот ко второй половине XX в., представлял именно выбитые изображения. Мало кто обращал внимание на сохранившиеся рудименты красочных рисунков или тонкие гравировки, а выбивка, казалось, прощает исследователю сколь угодно жёсткое обращение. Возможно, поэтому, приоритетной задачей для исследователя в XX в. было не сохранение рисунков, а копирование изображений любыми средствами: «сохранить для потомков» означало получить теми или иными средствами копию рисунка.

Нельзя сказать, что крупнейший исследователь наскального искусства нач. XX в. А. В. Адрианов не задумывался о сохранности изображений, но, например, он однозначно считал лишайник «врагом», с которым боролся очень суровыми средствами, в частности, соляной кислотой, при этом сетовал на то, что одежда и обувь быстро приходят в негодность [Адрианов, 1904, с. 33], но про воздействие кислоты на камень он даже не задумывался.

Сто лет спустя мы мыслим иначе. Сейчас общим трендом становится более бережное отношение к изображению – и к плоскости с изображением. Мало кому придёт в голову обводить рисунки мелом, или, тем более, карандашами, как это делалось при «изучении» Хойт-Цэнкер Агуй, «подновлять» охру краской или карандашами, как это было сделано на Шалаболинской писанице, маркировать плоскости, выцарапывая на них учётные номера, как это можно видеть на Бичикту-Бом, и т. д. Стало дурным тоном «оживлять» красочные рисунки водой, что очень широко применялось ещё не так давно. Ещё в середине XX в. такое бездумное отношение к рисункам было общим местом. Сейчас исследователи говорят о вреде, наносимом плоскости при изготовлении микалентных копий: типографская краска, которая остаётся на камне при некачественной натирке, является агрессивной средой, которая, несомненно, неблагоприятно сказывается на сохранности изображения, не говоря уж об изменении внешнего вида рисунка.

Таким образом, говоря о новых технологиях, нельзя обойти вниманием вопрос об изменении отношения исследователя к документируемым изображениям – оно стало более уважительным, и, чаще всего, принимая решение о контактном взаимодействии с плоскостью, исследователь задумывается о возможных последствиях вмешательства, в первую очередь, рассматривая вопрос в контексте физической сохранности рисунков. В практическом смысле наблюдается тенденция отказа от контактных методов документирования в пользу, соответственно, бесконтактных. Если контакт с плоскостью не обусловлен необходимостью, если, по крайней мере, на повестке дня не стоит вопрос отказа от документирования в случае отказа от контактного взаимодействия с плоскостью – исследователь старается избегать слишком легкомысленного обращения с плоскостью.

Говоря о бесконтактных методах документирования, часто оправдывают применение контактных методов отсутствием развитых технологий бесконтактного документирования, в первую очередь, фототехники. Такое видение не вполне верно, о чем мы уже говорили, и выглядит скорее оправданием собственной некомпетентности.

Среди новых веяний в последние годы нужно также отметить тенденцию к гораздо более тщательному изучению памятников, что позволяет открыть целые новые пласты источников. Важную роль в открытии множества незамеченных ранее изображений, гравированных или

выполненных охрой, играют современные технологические методы, но главным фактором является, несомненно, поворот в мышлении: изменилось восприятие памятника исследователем.

В этом вопросе важную роль сыграла возможность знакомства с памятниками других типов и регионов: Франко-Кантабрийского, в первую очередь. Можно отметить усилившуюся тенденцию к личному знакомству с самыми разными памятниками наскального искусства, что благоприятно сказывается при работе на «своих» памятниках. Для того, чтобы видеть слабые следы охры или тонкие гравировки, необходим натренированный глаз. В нашей стране мало кто из исследователей потратил достаточное время на посещение опорных памятников с живописью: неудивительно, что охры в нашей стране известно немного. Кроме того, незнание с изображениями иных, менее заметных на данном памятнике типов, может приводить к печальным последствиям: например, трудно сказать, сколько чернофигурных изображений уничтожил в Каповой пещере О. Н. Бадер, считая их неаутентичными. Видел ли Бадер Руффиньяк, Нью или Пеш-Мерль? Если нет, то на основе какого опыта он принимал столь радикальные решения?

Меняется общий стратегический подход к работе с наскальными изображениями. Сейчас во главе угла часто стоит даже не столько задача копирования рисунков, сколько задача сохранения памятников наскального искусства: под термином «сохранение» понимается не копирование рисунков любой ценой, а физическое сохранение памятника. В этом потоке развивается идея мониторинга состояния памятника: исследователи не ограничиваются единичными визитами, пусть и повторяющимися на протяжении нескольких лет: многократные посещения памятника связаны с наблюдением за его состоянием.

Ещё одна важная тенденция в современной науке о наскальном искусстве – редокументирование. Описания памятников, сделанные исследователями предыдущих эпох, разумеется, продолжают оставаться важным источником. Но в виду новых подходов в документировании и интерпретации наскального искусства, в подавляющем большинстве случаев они являются недостаточно информативными. Свою роль сыграл здесь неуспех в интерпретации ключевых вопросов нашей науки нашими предшественниками: спустя почти полтора десятилетия после открытия Альтамиры и почти триста лет после Мессершмидта мы всё ещё неспособны ответить на самые простые, казалось бы, вопросы: кто, когда и зачем рисовал на скалах. Кроме того, стремление к более глубокому изучению памятника, открытие новых хронологических и типологических пластов на считающихся изученными памятниках, знакомство исследователей с наскальным искусством других регионов, применение новых технологических средств документирования, осмысление семантической связи изображения и субстрата: всё это факторы, заставляющие нас пересматривать свое отношение и интерпретации. Сегодня эта тенденция выражается, в первую очередь, в сфере документирования. Слишком мало памятников сегодня описаны достаточно подробно на хорошем современном уровне, что делает многие обобщения и толкования предыдущих лет несостоятельными. Слишком узка источниковедческая база многих интерпретаторов: зачастую на материале одного локального памятника делаются слишком широкие обобщения. Одним словом, сегодня мы переживаем эпоху нового сбора материала.

Иллюстрацией может служить обнаружение связи микрорельефа поверхности с изображением. Только в конце XX в. стали появляться сообщения о возможной семантической связи особенностей рельефа поверхности с изображением. До этого субстрат воспринимался как чистый ровный лист, на котором располагается изображение, и, соответственно, особенности рельефа не фиксировались. Сейчас естественные трещины, сколы и другие особенности рельефа фиксируются и рассматриваются не только как равноправные по отношению к изображению элементы «нарратива», но, зачастую, как определяющие само изображение: выбор места, на котором сделано изображение часто задаётся рельефом, некоторые элементы изображения, такие как характерные линии, образующие части тела животного, могут также определяться характером поверхности. Такие требования к документированию делают неактуальными огромное количество публикаций предыдущих лет.

Отдельно нужно отметить тенденцию к отказу от интерпретаций.* Многочисленные теории, которые породил XX век, не дают ответов на ключевые для изучения наскального искусства вопросы, от «теории искусства для искусства» до «теории натурального макета». Не видя перспектив в этом направлении, исследователи сегодня сосредотачиваются на тщательном документировании, оставляя вопросы семантики и толкований в стороне. Здесь не место подробно освещать эту проблему, лишь отметим такую тенденцию.

Перед исследованием сейчас стоят ещё более масштабные проблемы. Например, можно говорить о практической невозможности полного документирования сложных памятников: в силу некоторых технологических ограничений, например, в вопросе аргументированной дифференциации естественного ожелезнения и искусственного красителя; в силу невозможности достойно описать памятник масштаба Кулжабасы; в силу утрат по естественным или антропогенным причинам... Причины могут быть разными, но повод задуматься есть: не является ли в слишком многих случаях полное документирование памятника наскального искусства иллюзией? Это не значит, что я предлагаю отказаться от документирования – я просто предлагаю тему для размышлений.

И, как уже говорилось, непосредственно в документировании наскального искусства происходит смена базовых методологических ориентиров. Фотография, как бесконтактный метод, становится основным методом документирования вместо зарисовок, протирок, контактных копий на кальку, полиэтилен или микалентную бумагу. На пороге стоят 3D-технологии в качестве необходимого инструмента специалиста по документированию. Работа с памятниками сегодня невозможна без применения GIS-методов. Организация и структурирование информации невозможно без представления о базах данных – и т. д.

Теперь можно перейти, собственно, к применяемым сегодня стратегиям изучения наскального искусства. Под стратегией я понимаю общий подход, сознательно или бессознательно практикуемый исследователем при изучении памятника. Таких подходов в современной отечественной практике я вижу два: «метод набега» и «метод высиживания».

«Метод набега» можно ещё назвать «снятием сливок». Эта стратегия поневоле применяется в случае ознакомления с памятником – все мы на новых памятниках ведём себя подобным образом. Знакомство с разными памятниками наскального искусства – необходимая часть не только обучения, но и исследовательской работы вообще. Тот, кто никогда не видел реального памятника с живописью, не представляет себе, как может выглядеть краска на хорошо известных ему плоскостях. Единственный способ обучения в этом смысле – это «набеги» на известные живописные памятники. Это касается не только живописи, но и изображений, выполненных во всех других техниках. Чем шире кругозор исследователя – тем полнее и успешнее исследование. Глаз нужно тренировать на разные типы рисунков, и пределов здесь нет: фактически, каждый памятник уникален, хоть мы и разделяем, возможно, слишком уверенно, рисунки по технологическим типам и памятники по превалирующим технологическим типам.

При этом, надо сказать, что, если результат «набега» – это шапочное знакомство с памятником, то знакомство с любым памятником по публикации – это вообще не знакомство. Это хорошо известно любому исследователю: пока ты не видел памятника своими глазами, составить своё мнение о нём невозможно. Может быть, уровень публикаций играет тут главную роль, а может быть, вообще невозможно передать на бумаге свое впечатление от наскального искусства – это неважно: «метод набега» является сегодня, как и прежде, единственным способом получить представление о конкретном памятнике, хотя я не отрицаю, конечно, необходимость знакомства с литературой.

«Метод набега» может применяться в случае планового выборочного знакомства исследователя с изображениями определённого типа, эпохи или тематики, рисунков в определённой технике или определённого сюжета: руники, изображений шаманов, лошадей, колесниц, и т. д. Иногда стратегия «набега» обусловлена внешними обстоятельствами, как в случае спасательных работ на памятниках. Одним словом, «метод набега» – необходимый инструмент в исследовательской палитре. Ущербным этот подход становится, когда такое изучение позиционируется как полное описание памятника и по результатам «набега» выпускается публикация, которая выдаётся за полное издание.

Часто выбор такой стратегии является следствием отношения, которое можно назвать «синдром первооткрывателя». Многих исследователей больше интересует возможность «застолбить» за собой очередное открытие, чем возможность тщательного изучения памятника. Поисковые

* Этот термин также требует определения. Интерпретация материала – необходимая часть исследования на всех уровнях. Здесь речь идет, в первую очередь, о «семантических» интерпретациях, в противовес «фактологическим».

работы, несомненно, важная часть исследования наскального искусства, но исследование наскального искусства не может ограничиваться лишь поисковыми работами. Понятно, что при беглом знакомстве с памятником, когда у первооткрывателя есть лишь несколько часов или несколько дней на исследование, даже о более-менее глубоком знакомстве с памятником речи быть не может. Публикации, являющиеся результатом подобных работ, подаются как издания документированных памятников, хотя по сути являются лишь сообщением о первичном осмотре. Это стремление многих исследователей – беда для науки, поскольку поверхностное изучение дает искажённое представление о памятнике, как правило, сдобренное некачественными иллюстрациями, но, в силу не вполне понятных, но стойко сохраняющихся «этических» норм, часто закрывает доступ к памятнику другим исследователям. Сейчас эти «застолблённые» в своё время памятники часто подвергаются повторному изучению, что следует только приветствовать.

Основная беда такой стратегии – фрагментированность материала. Редкий памятник можно исследовать полностью за один сезон, а говорить об исследовании, длящемся несколько часов, вообще не приходится. Фрагментированность обусловлена не только недостаточным временем пребывания исследователя на памятнике, но часто нежеланием или неспособностью исследователя документировать рисунки, выполненные в иной, кроме заметной выбивки, техниках: живописи, шлифовки или гравировки. Вопрос заключается не только в отсутствии в XX в. аппаратной базы и технологий, доступных современному исследованию и позволяющих зафиксировать больше информации, на которую не обращали внимания в предыдущие годы. С. В. Панкова в 2002 г. скопировала сложнейшую гравированную плоскость на Тепсе II на прозрачную плёнку [Панкова, 2004]: технически метод копирования гравировок без применения цифровых технологий мог быть применён в любое время после появления прозрачных материалов. Зачастую исследователи изымали из рассмотрения целые пласты наскального искусства исключая, например, гравированные изображения. Внимание уделялось «сливкам» – хорошо выбитым и уверенно распознаваемым изображениям. Плохо сохранившиеся выбитые изображения, также как с трудом различимые гравировки, шлифовки и следы краски, не всегда распознавались, но часто просто игнорировались, и такое отношение к этим типам наскального искусства аргументировалось невозможностью их копирования. Так, в публикации В. Д. Кубарева, посвящённой Калбак-Ташу I [2011], гравировкам этого удивительного памятника, мягко говоря, уделено недостаточное внимание. Действительно, тонкие гравировки, находящиеся часто на грани исчезновения, трудно фотографировать и трудно прорисовывать – это неблагодарная работа в смысле трудозатрат, задача, требующая не только в разы большего времени, чем работа с выбитыми изображениями, но и определённой квалификации, которая, вопреки многократно высказывавшемуся мнению, зависит, скорее, не от технических средств, имеющихся в распоряжении исследователя, и не от его художественных способностей, а от отношения исследователя к изучаемому предмету.

Ещё одно негативное следствие применения такой стратегии – ущербная систематизация. При таком подходе не выполняется принцип масштабирования, о котором пойдёт речь ниже. Исследователь не видит, и не пытается увидеть памятник целиком, прежде чем начать его описывать. И описание памятника происходит по мере обнаружения рисунков. При этом нумерация плоскостей не является сквозной и не привязывается к геоморфологическим характеристикам памятника. На сложном памятнике никогда не удаётся обнаружить все местонахождения рисунков с первого подхода, и когда последующие находки получают свои номера, логика этого описания становится непостижимой. Для исследователя, незнакомого с памятником лично, разобраться в системе описания становится очень сложным. Эта проблема также не имеет сегодня готового решения.

Вторая стратегия: «высиживание». Если «стратегия набега» может успешно применяться в некоторых узких тематических исследованиях, то «метод высиживания» не имеет альтернативы в сфере документирования. Документирование любого памятника – это долгая и кропотливая работа. Исследователь проводит на памятнике годы, иногда десятилетия.

В стратегии «высиживания» есть положительные стороны, к которым относится скрупулёзность исследования – в той степени, в какой исследователь на неё способен. Очень важна возможность без спешки осмыслить результаты и сравнить их с результатами исследований

других памятников. Очень хорошо, когда можно возвращаться к одной плоскости раз за разом, год за годом – зачастую открывая новые грани давно известных комплексов.

Опасность «метода высиживания», главным образом, заключается в том, что можно никогда не доделать работу. Появляется новая аппаратура, позволяющая получить снимки с другим качеством – и желание переснять уже сделанное. Появляются новые методы исследования, которые, возможно, дадут ответы на некоторые вопросы. И так далее, и так далее...

Другой негативный момент, характерный для многих коллег, в том, что исследователь замыкается на «своём» памятнике. Нередки случаи, когда научный кругозор исследователя ограничен лишь «своим» памятником или несколькими памятниками по соседству. Это ошибка, которой необходимо избегать: узкий кругозор неблагоприятно сказывается на изучении даже «своего» памятника.

Если «метод набега» позволяет расти, так сказать,вширь, то «метод высиживания» даёт возможность расти вглубь. Эти две стратегии очень хорошо дополняют друг друга и, на мой взгляд, являются необходимыми в составе исследования.

К общим стратегиям можно отнести и мониторинг памятников: такой подход определяется не задачами знакомства с памятником или выделения интересующего исследователя пласта изображений, как в случае с методом набега, и не задачей полностью описать и документировать памятник, не отвлекаясь на интерпретации, как в случае со стратегией высиживания. Во время мониторинга не делается тематической выборки и не уделяется особое внимание копированию и описанию изображений. Внимание исследователя сосредоточено не на изображениях как таковых, а, скорее, на состоянии субстрата: наблюдение ведётся год за годом, составляются карты повреждений поверхностей, регистрируются и удаляются лишайники и иные биообработатели, отмечаются новые посетительские надписи и рисунки, фиксируются утраты. Эта сфера деятельности более явственно, чем другие аспекты изучения наскального искусства, требует привлечения специалистов других специальностей. Мониторинг памятников тесно связан с реставрацией наскальных изображений, что также является новым трендом по сравнению с XX в. Реставрационные работы, если и проводились раньше, то были, скорее, единичными акциями. Сейчас эта ситуация меняется, хотя и очень медленно.

В зависимости от применяемой стратегии изучения памятников используется тот или иной набор тактик, которые можно определить как набор принципов, влияющих на «научное поведение исследователя». Собственно говоря, «метод набега» не отягощается обычно принципами и тактиками, их планомерное применение может быть только в рамках многолетнего «обихаживания» памятника. Формулирование этих принципов, возможно – задача отдельного исследования. Здесь я лишь кратко остановлюсь на нескольких примерах, демонстрирующих отношение исследователя к памятнику: перечисление тактик исследования можно сравнить со сборником «хороших манер». Осознанное применение тактики, на мой взгляд, является свидетельством этичного – уважительного отношения к памятнику и коллегам.

Первый принцип: принцип масштабирования. Это означает, что хорошо бы уметь видеть памятник одновременно в разных масштабах: с птичьего полёта и на микроуровне одновременно. Часто видение памятника ограничивается видением конкретной плоскости, никак не учитывается взаимное расположение плоскостей и возможная связь между ними, не учитывается археологический контекст, не принимаются в расчёт особенности следа (в трасологическом смысле) на соседних рисунках.

Наиболее логичной кажется следующая модель описания памятника. Сначала описываются геоморфологические характеристики всего памятника. Затем памятник, если он достаточно сложный, разделяется на местонахождения (локализации), которые привязываются к тем или иным естественным элементам рельефа (хребтам, логам или залам в пещере) и которые могут объединять несколько плоскостей с изображениями. На основе этих элементов строится сквозная нумерация памятника.

Такие элементы рельефа могут оказаться «стерильными» в смысле наскального искусства. Например, плоскости с петроглифами могут быть на первой и третьей горке, а вторая горка может оказаться без рисунков – скажем, ввиду отсутствия скальных выходов. В таком случае перед исследователем встаёт выбор: включать «стерильный» элемент в сквозную нумерацию или нет. Я склоняюсь к тому, что при описании памятника наскального искусства нужно учи-

тывать и нумеровать все естественные элементы. Во-первых, очень часты пропуски в нахождении рисунков. С первого, а часто и с тридцать первого подхода, возникают лакуны, которые часто восполняются, когда на памятнике появляется новый исследователь с «незамыленным глазом» (кстати, это ещё один повод для более тесного контакта между коллегами). Кроме того, даже если на этой второй горке нет плоскостей, на которых могли бы быть рисунки, нет гарантий, что на этой горке впоследствии не будет обнаружено, например, поселение, одновременное рисункам, и тогда хорошо бы поместить эту пустую в отношении рисунков горку в общий контекст памятника.

Следующий уровень масштабирования: отдельная плоскость. Это основной уровень, на котором происходит сейчас изучение наскального искусства, и я не буду распространяться на эту тему, хотя следует отметить терминологические трудности: мы не знаем точно, что мы называем плоскостью, например. Это – также задача отдельной работы.

От конкретной плоскости мы переходим к отдельному рисунку или группе рисунков. В любой классификации, в любой дискретизации всегда кроется двусмысленность. Здесь её можно проиллюстрировать таким примером: древнее изображение лошади, поверх которого выбито изображение всадника более позднего времени. Считать ли эту группу одним рисунком или разными? Воспринимать ли эту группу как композицию и описывать ли соответственно? С одной стороны, это несомненная композиция, объединённая общим замыслом. С другой, замысел этот можно применить только к более позднему слою: мастер, изображавший лошадь, про такую композицию, скорее всего, не думал. Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может. Тем не менее, мы находимся на этом нашем четвёртом уровне масштабирования: мы ушли от плоскости, и ещё не дошли до уровня, когда можно привлекать трасологов.

Последний уровень: макро. Тут речь идет об инструментах, которыми было сделано изображение, о характеристиках следов и об их сохранности на макроуровне.

Таким образом, при работе на памятнике можно предложить исследователю держать в голове пять этих уровней масштабирования: (1) общая геоморфологическая ситуация, из которой вытекает второй уровень (2) естественных элементов рельефа, таких, как горки, лога или залы в пещере, внутри которых тем или иным образом, как правило, в зависимости от естественных особенностей скалы, организованы единицы третьего уровня (3) – отдельные плоскости (а в составе плоскостей, возможно, отдельные грани), которые могут быть единичны или многочисленны, внутри которых располагаются единицы четвёртого уровня (4) – отдельные рисунки или группы рисунков, в каждом из которых можно различить разные зоны (5) в зависимости от характеристик следа: следы могут быть однородны по глубине, сохранности, времени создания – а могут и очень значительно варьировать.

Для пользования такой схемой необходим опыт, с одной стороны, и различные навыки – с другой. Для оперирования на первом и втором уровне необходимо иметь представления о геоинформационных системах и возможностях, которые они предоставляют. Для успешной работы на третьем и четвёртом уровнях необходимы навыки владения фотосъёмкой и трёхмерного моделирования. Для того, чтобы грамотно описать пятый уровень, нужно владеть основами трасологии и навыками макросъёмки.

Ясно, что эта классификация примерна и ущербна, как любая классификация. При изучении сложных памятников может понадобиться более дробное деление «масштабов». Ясно, что, например, проблема подготовки поверхности под рисунок должна рассматриваться одновременно на трёх нижних уровнях, так же как, скажем, сохранность изображения. С другой стороны, ясно, что для правильной и наиболее выгодной фиксации нужно представлять себе положение рисунка относительно солнца, что описывается на первом, втором и третьем уровнях, причём разные зоны одного рисунка могут освещаться по-разному. Таким образом, предложенная схема – это лишь умозрительная модель. Тем не менее, мне кажется небесполезным держать её в голове.

Каждый конкретный памятник всегда ставит исследователя перед выбором, и однозначных решений, видимо, не существует. Хороший пример такой неоднозначности даёт местонахождение Оглахты. Здесь на первом и втором уровнях можно предложить два подхода. Один – формальный, когда весь массив делится в соответствии с его естественной структурой на горки, на основе чего делается сквозная индексация. Второй подход: «метод посетителя». Плоскости

памятника, расположенные вдоль Енисея, кажется очень логичным объединить в один кластер, памятуя про проплывающего по реке наблюдателя, несмотря на то, что с точки зрения геоморфологии эти плоскости будут принадлежать разным элементам рельефа. Но, с точки зрения посетителя, действительно, Оглахты вдоль Енисея, «Сорок Зубьев» и локализации во внутренних логах массива – разные памятники. Возможно, эти памятники могут быть разными с точки зрения разнообразных семантических интерпретаций. Но, однако, все эти чётко выделяемые «зоны» относятся к одному памятнику...

Последний пример: Тепсей. Как следовало бы индексировать затопленные зоны, локализации вдоль реки, во внутреннем логу, и, вдобавок, огромное курганное поле с рисунками на курганных камнях – вопрос, на который, похоже, нет однозначного ответа.

Говоря о принципе масштабирования, нужно упомянуть о его многомерности. Речь идёт о том, что не нужно понимать этот термин только в пространственных рамках. Использование в исследовании данных других дисциплин может дать огромный прирост информативности работы. Про геологию и геоморфологию мы уже упомянули. Время образования элементов рельефа (логов, например), в некоторых случаях может дать дополнительную информацию о времени нанесения рисунков.

Чрезвычайно важен археологический контекст памятника. Бесценную информацию дают раскопки захоронений – так, что становится неясным, следует ли рисунки на скалах Тепсея, например, рассматривать в контексте раскопок М. П. Грязнова, или наоборот, привязывать материалы раскопок к наскальному искусству...

Второй пример тактики изучения наскального искусства является трендом последних лет, и его можно определить как «минимизация фрагментации». Фрагментированное представление памятника – беда, которая обесценивает результаты работы. Публикации, дающие более-менее адекватное представление о памятнике, всё ещё крайне немногочисленны. Не будем рассматривать частично опубликованные памятники с целью «застолбить» памятник за собой или отчитаться за зарплату. Фрагментация – гораздо более серьёзная и тонкая проблема.

Однозначности здесь тоже нет. С одной стороны, хорошо иметь в публикации реальный всесторонний обзор памятника. С другой стороны, это требование видится под другим углом после знакомства с такими памятниками, как Ешкиольмес или Кульжабасы: когда памятник занимает площадь в десять километров на тридцать, сплошь покрытую рисунками, на прилежного документатора нападает вполне понятное уныние.

Но есть памятники другого типа – те же Тамгалы в Казахстане, или Калбак-Таш на Алтае: строго локализованные и вполне обозримые по объёмам. Тут, как в упомянутом случае с Калбак-Таш I, включаются другие фильтры. Надо отдать должное В. Д. Кубареву, который честно говорит, что на памятнике есть «тонкие граффити», которые, дескать, у нас скопировать не вышло. Он сетует на недостаток технических средств – это мы обсуждали, и это не так тут важно. Важно, что статистика, приведённая в работе В. Д. Кубарева, так же, как некоторые выводы, рассыпаются при беглом знакомстве с двумя-тремя гравированными плоскостями [Кубарев, 2011, с. 14, 18].

Есть другая сторона медали: параноидальное стремление зафиксировать абсолютно все следы неестественного происхождения на памятнике: такую философию я исповедовал во время подготовки каталога наскальной живописи Каповой пещеры [Солодейников www.seaga.ru]. При таком подходе есть несколько проблем. Во-первых, это объём работы – он возрастает экспоненциально. Во-вторых, нужно уметь отличать искусственные следы от естественных. В случае с краской исследователь вполне может впасть в уныние (или в бешенство, в зависимости от темперамента), пытаясь отличить следы естественного ожелезнения от охры. Тут нам пока ничего помочь не может: нет объективных методов, которые однозначно позволяли бы отличить охру от естественных окислов железа на скале. Даже в случае с фигуративными изображениями не всегда можно быть уверенным в их антропогенном происхождении, и наоборот: далеко не всё, что кажется «просто красным пятном» может оказаться «просто красным пятном». В случае с гравированными и выбитыми следами в таких случаях иногда может помочь трасологический анализ – но, тоже, далеко не всегда.

Публикацию памятника можно сравнить с фотографией. Хорошо было бы иметь одну такую трёхмерную картинку, сделанную из космоса, на которой можно было бы разглядеть не только

плоскости с рисунками, но и отдельные выбоины – и в то же время видеть всю картинку целиком, вместе с археологическим раскопом неподалеку и соседними памятниками... Это проблема разрешения: количества информации, упакованной под одной обложкой. Неизвестно, дорастём ли мы когда-либо до технологий, которые смогут обходить стоящие перед нами сегодня ограничения – технические и логические. Видимо, есть какой-то разумный предел детализации, и, несомненно, он зависит от задач, которые стоят перед исследованием. Если задача в том, чтобы «застолбить» памятник – включается самый жёсткий фильтр. Если задача в том, чтобы, например, попытаться найти каракольский пласт на Бичикту-Бом – фильтр должен быть гораздо более тонким, но он всё равно есть.

Степень фильтрации определяет сам исследователь. Но хорошо бы всё-таки, чтобы проблема фрагментации представления памятника обсуждалась, потому что слишком часто применяются, на мой взгляд, непозволительно плотные фильтры...

В качестве ещё одного примера тактического мышления можно предложить стремление исследователя выполнять максимальный объём работ своими руками – или, скорее, своими глазами. Особенно важным этот подход является на начальной стадии документирования, когда, скажем, происходит фильтрация материала. Кроме того, огромное количество неточностей и ошибок в публикациях происходят из того, что работа выполняется чужими руками: студентов или волонтеров. Часто ответственный исследователь по тем или иным причинам не контролирует качество работы, поскольку, вполне возможно, он даже не знаком лично со всеми рисунками, публикуемыми в книге с его именем на обложке. С другой стороны, невозможно выполнить весь необходимый объём работ одному: так или иначе приходится прибегать к чужой помощи, и, несомненно, работать с коллективом значительно эффективнее.

Список подобных принципов, или «тактик», можно пополнять. Так, мы затронули выше проблему «контактные методы versus бесконтактные». Не прикасаться к плоскости лишней раз – тоже принцип. И эти принципы можно формулировать ещё и ещё. Надеюсь, это краткое эссе даст повод для исследователей и преподавателей задуматься об этих чуть более отвлечённых вопросах, поскольку игнорирование подобного дискурса в нашей литературе, как мне кажется, приводит к серьёзным системным проблемам, а результирующей этих проблемных векторов является, зачастую, утрата памятников. «Исследовательский вандализм» – самый непозволительный вид антропогенного разрушения памятников наскального искусства, и исключение обсуждения подобных вопросов в профессиональной среде – первый шаг к невозполнимой для нашей культуры потере.

Список источников и литературы

- Адрианов А. В.* Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным Комитетом А. В. Адриановым // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Вып. 4. – СПб., 1904. – С. 25–52.
- Дэвлет Е. Г.* Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 239 с.
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша 1. Российский Алтай. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 444 с.
- Панкова С. В.* Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 52–60.
- Солодейников А. К.* Каталог наскальной живописи Каповой пещеры [Эл. ресурс] // URL: www.ceara.ru.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Delluc B. et G.* Dictionnaire de Lascaux. – ed. Sud Ouest, 2008.
- Lewis-Williams J. D.* The mind in the cave: Consciousness and the origin of art. – London: Thames&Hudson, 2002.
- Takaki R., Toriwaki J., Mizuno Sh., Izuhara R., Khudjanazarov M., Reutova M.* Shape analysis of Petroglyphs in Central Asia // Forma. 21. 2006. – P. 243–258.

**ИЗОБРАЖЕНИЯ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ**

Детальное изучение изображений на «оленных» камнях позволяет выявить различные категории предметов материальной культуры. Полученная информация даёт возможность наметить пути решения проблем, связанных с реконструкцией отдельных элементов системы жизнеобеспечения народов, которые проживали на территории Монгольского Алтая и сопредельных регионов в аржано-майэмирское время.

Ключевые слова: *Монгольский Алтай, «оленные» камни, аржано-майэмирское время, материальная культура, система жизнеобеспечения.*

А. А. Tishkin

*Altai State University. Barnaul, Russia***IMAGES ON «DEER» STONES OF MONGOLIAN ALTAI
AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF MATERIAL CULTURE
OF ARZHAN-MAYEMIR PERIOD**

Detailed studying of the images on «deer» stones enables us to reveal various categories of objects of material culture. The obtained information provides us with the opportunities to find solutions of the problems related with reconstruction of some elements of life support system of the people who lived in the territory of Mongolian Altai and adjacent regions in Arzhan-Mayemir period.

Keywords: *Mongolian Altai, «deer» stones, Arzhan-Mayemir period, material culture, life support system.*

Материальная культура любого древнего народа является частичным отражением сложившейся системы жизнеобеспечения, которая включала комплекс предметов, объектов и мероприятий, необходимых для достойного существования как отдельного человека, так и разного уровня социумов в определённых природно-климатических, социально-экономических и военно-политических условиях. Сведения о ней в основном демонстрируются археологическими источниками, получаемыми в ходе раскопок, а также дальнейшими аналитическими исследованиями. При возможности привлекаются данные письменных или изобразительных памятников и результаты работ специалистов естественных наук.

Изучение материальной культуры кочевых народов Монгольского Алтая аржано-майэмирского времени затруднено из-за целого ряда обстоятельств. К настоящему времени практически отсутствуют какие-либо материалы, связанные с поселенческими комплексами. Раскопанных погребально-поминальных объектов мало, и в них обнаружено незначительное количество каких-либо находок. При этом следует отметить существенное число таких памятников (см., например: [Төрбат и др., 2009]), но они повсеместно имеют следы проникновений и разрушений. В музеях региона демонстрируются небольшие коллекции медных или бронзовых артефактов, обнаруженных случайно или при использовании современных металлоискателей. Часть находок отложилась в частных собраниях или утрачена. Имеющиеся письменные сведения в китайских источниках весьма отрывочны и не конкретны. Получается, что большая общность людей, оставившая в аржано-майэмирское время «оленные» камни и херексуры, существовала, но от её деятельности в силу разных причин сохранилось мало предметов материальной культуры. В такой ситуации значительным информационным потенциалом обладают так называемые оленные камни, хотя и с их изучением есть определённые трудности. Однако именно этот вид древних объектов позволяет не только восстановить серию использовавшихся изделий и при-

способлений, но и выйти на реконструкцию отдельных сфер сформировавшейся системы жизнеобеспечения у кочевников Центральной Азии в 1-й трети I тыс. до н. э. Следует отметить, что понятие «система жизнеобеспечения» автором рассматривается в широком смысле. При этом используются разработки, которые нашли отражение в современной этнографической науке [Маркарян и др., 1983; Лурье, 2004; и др.].

В целом ряде статей, а также в нескольких базовых монографиях уже неоднократно обозначались и рассматривались различные категории предметов материальной культуры, которые демонстрируются в виде своеобразных иллюстраций на «оленных» камнях [Кубарев, 1979; Волков, 1981, 2002; Членова, 1984; Савинов, 1994; и др.]. Опираясь на них, необходимо продолжить такую фиксацию, дополняя и уточняя эти данные, так как за последние десятилетия информация о древних «изваяниях» увеличилась, улучшились возможности документирования изображений на них, произведены раскопки мемориальных и других комплексов в разных регионах Евразии. Следует отметить, что получены существенные материалы и в ходе исследований погребений на территории Тувы, Алтая, Казахстана и Китая. В частности, хорошую основу для сравнительного анализа представляют находки, сделанные на памятниках Аржан 1 [Грязнов, 1980], Аржан 2 [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010; Чугунов, 2011a; и др.], Чинге-Тэй I [Чугунов, 2011б] и др.

Прежде чем представить отдельные наблюдения в рамках обозначенной темы, необходимо остановиться на одном, на наш взгляд, важном моменте, связанном с особенностью изобразительной практики «ваятелей» аржано-майэмирского времени. Специфика изображений на «оленных» камнях заключается в том, что реальные объёмные предметы часто показаны углублённой сплошной выбивкой. Такой приём искажал адекватное отражение действительности, а у нынешних зрителей он вообще формирует особое восприятие. Причины данной ситуации пока не совсем ясны. Возможно, что подобным образом создатели «оленных» камней хотели сохранить объём изделия или они не обладали всеми необходимыми навыками для воспроизводства выпуклых форм, как это демонстрируется, например, на тюркских изваяниях. Есть и другие предположения. С ними ещё предстоит разобраться. Однако в рассматриваемом контексте важнее другое. Анализируя весь состав изображений, в целом демонстрирующих антропоморфные черты, нужно правильно «прочитать» каждую иллюстрацию и её отдельные элементы для достоверной комплексной реконструкции. Получается, что там, где вещь показана углублениями, на самом деле она должна быть изображена выпуклой по своей реальной сущности. Используя этот «ключ», попробуем ещё раз посмотреть на реалии, хорошо знакомые специалистам.

В верхней части «оленных» камней часто показана широкая полоса, оформленная сплошной выбивкой. Известный исследователь В. В. Волков [2002, с. 17] однозначно трактовал её как изображение ленты-диадемы. Однако данный элемент воспринимается по-иному, если руководствоваться указанным выше принципом. Получается, что так могла демонстрироваться выступающая часть головного убора с чертами, характерными для кочевых скотоводческих народов Южной Сибири и сопредельных регионов. Скорее всего, эта полоса не что иное, как отделка из шерсти, меха или другого материала. Данное обстоятельство уже отмечалось в ходе зарисовки и копирования многих «оленных» камней [Тишкин, 2013]. В результате становится ясным, что фиксируемая показательная полоса демонстрирует, скорее всего, изображение важной части головного убора с элементами оформления, сохранившимися вплоть до современности. Подобные выбивки, а также специфические детали верхней части «оленных» камней логичнее связывать с таким важным этносоциальным показателем, как шапка. Хотя не стоит исключать, что в некоторых случаях изображались повязки в виде ленты или шнурка, а также разные виды головных уборов и/или причёсок. Но они и показаны по-другому. К сожалению, пока подтвердить изложенные интерпретации хорошо сохранившимся археологическим материалом не представляется возможным. Имеют место лишь этнографические параллели.

При рассмотрении следующего изобразительного комплекса на «оленных» камнях рассмотренный выше принцип «работает» более очевидно. Это касается демонстрируемых бус, застёжек и подвесок. Причём бусины показаны разными размерами и контурами (овальные, округлые, прямоугольные и др.). Реальные находки их известны в материалах исследованных памятников

на территориях, сопредельных Монгольскому Алтаю, но они не столь крупные, как показано на «оленных» камнях. Изображённые подвески демонстрируют использовавшиеся предметы торовтики, клыки кабарги и другие украшения, которые также могут быть соотнесены с имеющимися находками. Что касается застёжек, как правило, округлой или овальной формы, то их ещё предстоит идентифицировать соответствующим образом в обнаруженном предметном комплексе рассматриваемого исторического периода.

Также на «оленных» камнях широко демонстрируются серьги, чаще всего в виде кольца. Подобные изделия найдены в памятниках периода поздней бронзы и так называемого раннескифского времени. Хорошо узнаваемыми украшениями являются изображённые серьги с конусовидными подвесками. Их сейчас обнаружено в достаточном количестве и на «оленных» камнях, и во многих погребальных памятниках (см., например: [Џугунов, Parzinger, Nagler, 2010]). Такие реалии являются не только хорошими хронологическими маркерами, но и подтверждают обозначенную тенденцию изобразительной практики на «оленных» камнях. Следует отметить серьги других типов, демонстрируемые на рассматриваемых «изваяниях». Детальное изучение данной категории существовавших изделий ещё предстоит реализовать в рамках сравнительного анализа всего круга имеющихся источников.

В подавляющем большинстве «оленных» камней Монгольского Алтая на лицевой части фиксируются три (иногда два) почти параллельных желобка разной изогнутости. Смысл данных изображений до конца не ясен, хотя предлагался ряд частных интерпретаций [Кубарев, 1979, с. 49, 50; Савинов, 1994; Волков, 2002, с. 17; Турбат, 2008, с. 226; и др.]. Многие исследователи признают в выбитых коротких параллельных линиях антропоморфный символический знак, несущий дополнительную смысловую нагрузку. Если исходить из сформулированного показателя о возможном выпуклом характере рассматриваемых деталей, то получается, что три полосы идут поверх условно обозначенного лица. Это может быть раскраска (боевая, посмертная) или искусственно сделанные шрамы. Например, выпукло подобный элемент показан на кулайской металлической личине из Новообинцевского клада [Бородаев, 1987, рис. 2, 1].

Несомненно, что выбитые на «оленных» камнях круги отражают диски широко использовавшихся металлических зеркал. Наиболее «загадочными» остаются многочисленные изображения своеобразных оленей. Высказанные предположения [Савинов, 1999; Наглер, 2011; и мн. др.] остаются в качестве рабочих гипотез. В рамках наших построений наиболее вероятным видится использование кожаных аппликаций, хотя возможно использование и других видов декорирования одежды. Особенностью, как правило, крупных «оленных» камней является наличие боевого или парадного пояса. К настоящему времени много таких изображений известно в Центральной Монголии [Жаргалантын амны, 2011]. Зафиксированы они и на изваяниях Монгольского Алтая. Полученные серии позволяют более детально рассматривать данный атрибут мужчины-воина с привлечением имеющихся разработок.

Среди зафиксированных реалий особое место занимают предметы вооружения, размещение которых отражает определённый и повторяющийся стандарт. Кинжал, как правило, располагается на передней (лицевой) грани каменного обелиска, чекан фиксируется на его правой боковой стороне, а горит с луком – на левой (боковой). Предметы вооружения в основном соответствуют образцам, обнаруженным случайно или в погребениях. Подробное рассмотрение имевшегося материала уже проводилось. Но открывающиеся при современном копировании детали и новые находки позволяют продолжить изучение зафиксированных изображений. Получаемые серии отдельных категорий предметов требуют типологического анализа, а также сравнения фиксируемых комплексов. Благодаря тщательным и последовательным исследованиям М. А. Дэвлет [2008], однозначно решился вопрос о наличии изображений щитов на «оленных» камнях. Дополнен арсенал защитного и наступательного вооружения за счёт новых открытий древних изваяний на территории Монголии [Тишкин, 2016]. Кроме указанных предметов вооружения, зафиксированы боевые топоры и ножи, а также детали снаряжения и приспособления (оселки, крюки и др.). Все они являются отражением материальной культуры и требуют отдельного изучения, что рассматривается в качестве ближайших перспективных научных работ.

В заключение обратим внимание на то, что реалии на «оленных» камнях Монгольского Алтая имели цветное оформление. Данный факт сейчас наполнен многими примерами. Хорошо фиксируемые следы красноватой краски, пигменты которой требуют специального изучения, отмечены на косых линиях, предметах вооружения, украшениях и других изображениях. Возможно, что такой приём не только демонстрировал наличие их, но и компенсировал реализованную практику углублённой выбивки для адекватного восприятия.

Необходимо отметить, что перечисленные изображения демонстрируют части различных костюмов, которые являются отражением одной из сфер системы жизнеобеспечения. Следует также указать, что продемонстрированный алгоритм распознавания предметов на «оленных» камнях, несмотря на очевидный универсальный характер, в некоторых случаях может «не работать» и требуются другие подходы для адекватного понимания отдельного изображения и всей композиции. В любом случае для детальной интерпретации требуется тщательная фиксация всеми имеющимися эффективными способами. И в этом процессе копирование на микалентную бумагу имеет свои преимущества.

Список источников и литературы

- Бородаев В. Б.* Новообинцевский клад. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 96–114.
- Волков В. В.* Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во Академии наук МНР, 1981. – 253 с.
- Волков В. В.* Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
- Дэвлет М. А.* Щиты и их изображения на оленных камнях // Проблемы современной археологии. – М.: Ин-т археологии РАН; ТАУС, 2008. – С. 96–124. (Материалы и исследования по археологии России, № 10).
- Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука. – 64 с.
- Жаргалантын амны буган хөшөөд* (Deer stones of the Jargalantyn am). – Улаанбаатар: NOMKHUR, 2011. – 192 с. (на монг. и англ. яз.).
- Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
- Маркарян Э. С., Арутюнов С. А., Барсегян И. А., Енгибарян С. Е., Мелконян Э. Л., Мкртумян Ю. И., Сарин-гулян К. С.* Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван: Изд-во Академии наук Арм. ССР, 1983. – 319 с.
- Наглер А.* О стилизованных изображениях оленей на оленных камнях Центральной Азии // Terra Scythica. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 178–184.
- Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т, 1994. – 208 с.
- Савинов Д. Г.* Первичные материалы и стиль саяно-алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. ун-т, 1999. – С. 154–158.
- Тишкин А. А.* «Оленные» камни Центральной Азии и изображения на них: обзор существующих интерпретаций и новые открытия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – С. 222–228.
- Тишкин А. А.* Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №4 (43). – С. 117–123.
- Турбат Ц.* Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Томск. ун-т, 2008. – Вып. 2. – С. 223–233.
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П. Х.* Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. – Улаанбаатар: Өнгөт хэлэл, 2009. – 424 т. (на монг. яз.).
- Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.
- Чугунов К. В.* Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. – 2011а. №1. – С. 262–335.
- Чугунов К. В.* Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2011б. – С. 358–369.
- Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S.

А. И. Фахри

Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия

e-mail: fakhri.amina@gmail.com

ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЯ КАМНЯ И СТЕЛЫ МАЙЯ

В статье рассмотрены основополагающие принципы культа стелы майя, а также особенности эпиграфики, относящейся к описанию таких стел и традиции возведения каменных скульптур в древних городищах области майя.

Ключевые слова: *каменные стелы, скульптура майя, доколумбовая Америка.*

A. I. Fakhri

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia***THE TRADITION OF VENERATION OF STONE AND THE MAYAN STELA**

The article describes the basic principles of worship of the Mayan stela and epigraphy that features the description of stelae on the stone material and the tradition of erecting such sculptures in ancient Mayan sites.

Keywords: *stone stelae, the Mayan sculpture, pre-Columbian America.*

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01015a1.

В древних и средневековых традициях евразийских культур широкое распространение получили различные изваяния из камня антропоморфного, зооморфного и фантастического облика, как имеющие тенденцию передавать портретное сходство, так и обобщённые или абстрагированные. В Новом свете одна из наиболее ярких традиций монументального искусства связана с мезоамериканскими и центральноамериканскими культурами, в первую очередь с искусством майя раннеклассического периода (250–550 гг. н. э.), когда практика возведения и почитания стел стала сопрягаться с зарождением новых идей о власти и воплощать динамику социально-политических изменений посредством отправления культа правителя.

Культ стелы – один из самых важных, древних и долговременных, сохранившийся на протяжении всего времени существования культуры майя. Каменные столпы-призмы, стремящиеся своей формой к прямоугольнику, устанавливались на площадях городов и внутри храмов. Большая часть таких стел была украшена резным рельефом и иероглифическим текстом, но существовали и так называемые гладкие стелы без изображений. В разных городах майя складывалась различная традиция декора, стиля и художественной обработки стел [Houston, Stuart, 1996, p. 301].

Археологическое изучение региона майя за последние два десятилетия показывает, что отдельно стоящие каменные монументы появляются достаточно рано, их корни можно проследить даже в средней доклассической эпохе. Такие скульптуры – не просто медиум для рельефа с изображением правителя, они несут существенно более важную смысловую нагрузку [Sacred Bundles..., 2006, p. 270; Фахри, 2015, с. 143]. Независимо от того, были ли они украшены рельефом или просто отполированы, уже сам выбранный материал служил посланием, его семантика в дальнейшем интегрировалась в декорированные монументы [Stuart, 2010, p. 297]. Как и для многих других культур [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 23], для майя камень вечен, он по своей сути от природы могущественен, наделён силой противостоять стихии, незыблем и безвременен. Камень по представлениям майя сопряжён с идеей вечности, а каменные стелы становились олицетворением природной мощи земли и того, что находится в ней, в частности, «цветочной горы» – места, одновременно служившего местом обитания предков и прохода к небесам через пещеры, соединяющие водный подземный мир с землёй [Taube, 2004, p. 71].

Изображения правителя на стелах майя – монументальное искусство официального заказа. Иероглифический текст повествует о времени воцарения правителя, раскрывает его династи-

ческую историю, связь с предками, а также содержит перечисление военных титулов и подвигов. Новые прочитанные тексты также дают сведения о царских церемониях по установке и посвящению монументов. Становится ясно, что стела имела гораздо более символический смысл, играла прямую и активную роль в ритуальной жизни древних майя [Houston, Stuart, 1996, p. 291].

Анализ стел становится значительно глубже при использовании эпиграфических данных. Обратившись к письменной терминологии, запечатлённой на самих каменных монументах и изделиях из драгоценных для майя зелёных камней (жад), можно проследить акцентированное внимание к материалу, из которого изготовлены объекты [Дэвлет, 2000, с. 21]. В разных терминах из текстов классического периода, которые относятся к алтарям и стелам, постоянно используется слово «камень». Наиболее употребительны *tuun* или *lakam tuun* – общие термины для обозначения стел [Justeson, Mathews, 1983, p. 538; Houston, Stuart, 1996, p. 290]. Слово *lakam tuun* сохранилось в языке колониального периода и означает «большой камень».

Фразы, сопутствующие изображению на стеле и описывающие сам монумент на стеле, как правило, повествуют о ритуалах сооружения или посвящения стел. Согласно текстам, стелы были *tz'ar* – «возведены» как постамент (столб) или *wa'* – «вставали» на землю в связи с важными календарными датами. Более позднее значение слова *wa'* связывается с положением тела в вертикальной позиции. Именно этот термин используется при описании скульптур из Тонины (Чиapas, Мексика), в которых метафора человеческого тела наиболее очевидна, традиция этого городища ближе всех подошла к воплощению круглой скульптурной формы [Stuart, 2010, p. 285]. На стелах использовалась стандартная посвятельная надпись «его большой камень был поставлен», что ещё более привлекает внимание к тому, что каменная стела воспринималась как некое «тело», которому придавалась вертикальная позиция, чтобы нанесённые на него резные изображения лучше читались. Значения стелы были разнообразны и направлены на материал камня и метафоры с человеческим телом. Устанавливая стелы, правители майя буквально «вписывали» себя в историю, становясь частью вечного повторяющегося календарного цикла, своеобразным олицетворением хода времени. Почитание камня, его прочности и долговечности во многом создало предпосылки для развития художественной традиции майя.

Список литературы

- Дэвлет Е. Г. Центральномексиканские элитные художественные изделия из камня // Развитие цивилизации в Новом Свете. – М.: РГГУ. – 2000. – С. 21–22.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.
- Фахри А. И. Об особенностях изображений трона правителя в монументальной скульптуре майя второй половины I тыс. н.э. из Пьедрас-Неграс, Гватемала // Краткие сообщения Института археологии. – 2015. – Вып. 239. – С. 140–147.
- Houston S., Stuart D. Of gods, glyphs, and kings: Divinity and Rulership among the Classic Maya // *Antiquity*. – 1996. – No. 70. – P. 289–312.
- Justeson J., Mathews P. The seating of the *tuun*: Further evidence Concerning a Late Preclassic Maya Stela Cult // *American Antiquity*. – 1983. – No. 48 (4). – P. 538–539.
- Sacred Bundles: Ritual Acts of Wrapping and Binding in Mesoamerica* / J. Guernsey, K. Reilly (eds.). – Barnardsville: Boundary End Archaeological Research Center, 2006. – 292 p.
- Stuart D. Shining stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya stelae // *The place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition*. – Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2010. – P. 283–298.
- Taube K. Flower Mountain: Concepts of Life, Beauty, and Paradise among the Classic Maya // *RES: Anthropology and Aesthetics*. – 2004. – No. 45. – P. 69–98.

ЗООМОРФНАЯ И АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАЛЛОПЛАСТИКА ГОРОДИЩА УСТЬ-ВАСЬЁГАН 1 (СЕВЕРНОЕ ПРИОБЬЕ)

В статье представлено описание литых зооморфных и антропоморфных изделий из бронзы, обнаруженных в ходе раскопок городища Усть-Васьёган 1. Этот археологический памятник – самое северное укрепленное поселение на Оби. Материалы, полученные в ходе раскопок, позволяют реконструировать многие стороны жизни и хозяйственного уклада покорителей Севера в эпоху раннего средневековья.

Ключевые слова: культовое литьё, зооморфные, антропоморфные изображения, эпоха раннего средневековья, Северное Приобье.

I. Yu. Chikunova

*Institute of Problems of Development of the North of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Tyumen, Russia*

ZOOMORPHIC AND ANTHROPOMORPHIC METAL OBJECTS FROM UST-VASYEGAN 1 SETTLEMENT (NORTH PRIOBYE)

The article presents the description of zoomorphic and anthropomorphic bronze cast products found during excavations of ancient settlement Ust-Vasyegan 1. This archaeological site is the northernmost fortified settlement on the river Ob. The received materials enables us to reconstruct many aspects of life and economic activity of explorers of the North in the Early Middle Ages.

Keywords: iconic casting, zoomorphic, anthropomorphic image, the Early Middle Ages, North Priobye (the North Ob region).

В ходе изучения городища Усть-Васьёган 1* получен уникальный материал, дополняющий блок информации о древней истории и процессах освоения территорий Северного Приобья в раннем средневековье. Исследован производственно-жилой комплекс из трёх помещений. По результатам исследования можно предполагать, что жилище 8 использовалось для хозяйственных работ, чистки рыбы, приготовления пищи. Жилище 7 предназначалось, судя по всему, в основном для сна и отдыха. Функциональное назначение третьего помещения 6 определено как производственное. Комплекс, скорее всего, принадлежал одной семье – одному домохозяйству. Об этом же свидетельствуют не только очень близкое расположение помещений друг к другу, общая обваловка, но и фрагменты одних и тех же сосудов, обнаруженные во всех трёх постройках. Судя по оставленному инвентарю, обитатели городища занимались рыбной ловлей, охотой, собирательством. Из производств фиксируется металлообработка и обработка камня. Находки представлены керамическим комплексом, большим количеством каменных изделий и орудий, костяными, каменными, железными и бронзовыми наконечниками стрел, железными кинжалом и ножами, металлическим перстнем, бронзовым ломом.

Кроме этого, интерес представляют четыре металлических отливки:

1. *Бронзовая антропоморфная фигурка,*** изображающая одного человека (**рис. 1: 1**), развёрнутого в полупрофиль – ступни ног повернуты вправо, туловище слегка развернуто *en face*, однозначно определить положение головы затруднительно. Поверхность изделия относительно ровная. Голова удлинённая, плоская, без рельефного обозначения деталей. Особенность данной

* Памятник находится в Приуральском районе ЯНАО. Открыт А. Г. Бруснициной в 1997 г. [Брусницина, 1999]. Исследовался автором в 2013–2015 гг. [Чикунова, 2014; 2015; 2016].

** Все описанные предметы переданы на хранение в Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского, г. Салехард, ЯНАО.

отливки даёт возможность предположить, что голова персонажа повернута вправо, то есть, изображена в профиль. Маленький затёк металла слева похож на слегка вздёрнутый нос. Вверх от головы отходит широкий литник. Детали фигурки выделены по контуру повышенным рельефом. Правая рука «человечка» согнута в локте и направлена вниз вдоль туловища, левая утрачена либо не обозначена вовсе. На поясе фигурки рельефно выделен пояс с подвесками (?). Под поясом угадывается нижний край одеяния типа малицы. Высота фигурки – 4,7 см, ширина – 2,2 см, толщина – до 0,4 см. Бронза. Подобные антропоморфные изображения обнаружены на городище Няксимволь [Панина, 2006, с. 102, рис. 2-в; Стародумов, 2012, с. 140, ил. 4, 4, 9]. Фигурка найдена в жилище 8 около восточной стены.

2. *Подвеска с личиной* (рис. 1: 2). Отлита в плоскую одностороннюю форму с элементами рельефа. Представляет пластину с изображением лица. Сверху пластина имеет крупную продолговатую каплевидную петлю с затёками металла по краям. Лицо на пластине широкое. Практически все детали изображения обозначены рельефом, усиленным точечными вдавлениями. Крупные продолговатые глаза широко открыты, разрез их горизонтальный. Рельефом обозначены зрачки. Брови широкие, толстые, также выражены рельефом. Переносье узкое. Нос средней длины, прямой, выступает слабо. Лоб узкий, средней высоты. Широкие скулы подчёркнуты складками, отходящими от носа. Рот большой, обозначен точечными вдавлениями, создается впечатление, что рот персонажа приоткрыт, а зубы стиснуты. Нижняя челюсть широкая, с массивным, слегка выдвинутым вперёд подбородком. На голове персонажа двумя рельефными линиями обозначен либо остроконечный головной убор, либо причёска, дважды перетянутая шнуром на темени. Нижний край личины обрамляет волнистая полоса металла (литник?, борода?, воротник?). Подвеска имеет небольшие размеры: высота – 2,7 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,3 см. Изготовлена из «белой» бронзы. Поверхность в некоторых местах сглажена, имеются заполировки. Точных аналогий данному изделию нет, хотя иконографически похожие антропоморфные изображения достаточно многочисленны в материалах памятников раннего железного века и средневековья Приобья [Бауло, 2011, с. 69, 236, 237; Стародумов, Комова, 2014, с. 31, ил. 34, 1]. Найдена за жилищем 8 среди камней в яме, заполненной золой и пеплом из очага.

3. *Зооморфное изображение* (рис. 1: 3). Представляет собой фигурку бобра, показанную со спины. Отливка не отличается хорошим качеством. Поверхность неровная, шероховатая. Однако затёки металла, обычно характерные для подобных отливок в плоской форме, отсутствуют. В некоторых местах имеются даже намёки на заполированность, то есть, можно предположить регулярное обращение к этой фигурке для использования в неустановленных целях. Скелетным рельефом обозначены хребет и рёбра животного. Голова плоская, без намёков на глаза, уши, пасть. Правая часть фигурки имеет недолив, поэтому фиксируется отсутствие правой передней лапы. Остальные три показаны выступами, без проработки пальцев. Хвост плоский, без характерной косой «сеточки». Данное изображение имеет многочисленные аналогии, выполненные также в металле, либо графические [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 46; Морозов, Корсаков, 2010, с. 131; Стародумов, 2012, с. 149, ил. 4, 11]. Высота фигурки – 5,6 см, ширина – 2,6 см, толщина – 0,4 см. Бронза. Найдена в производственном помещении 6, между ямой со шлаками и очагом.

4. *Зооморфное изображение* (рис. 1: 4). В нашей интерпретации представляет собой фигурку ящерицы, показанную со спины. Отлита в плоской форме с рельефом. Поверхность шероховатая, края не обработаны, имеются затёки металла. Кончик узкого хвоста отломлен. Анатомические особенности рептилии переданы достаточно точно. Лапки по бокам узкого тулова имеют по три пальца. Хребет (или орнамент на шкурке?) обозначен скелетным рельефом. Голова крупная, приплюснутая, шире тельца. Край морды и крупные круглые глаза выделены возвышающимися валиками. Высота фигурки 4,7 см, ширина – 1,6 см, толщина – 0,5 см. Найдена в верхних слоях перед производственным помещением 6. Вероятно, фигурка была выброшена на крышу, либо была подвешена у входа.

Как видим, описанные выше находки выполнены в одной технике и, скорее всего, были произведены здесь же, на городище, местными мастерами.

Особый интерес представляет собой проблема определения места данных находок среди широко представленного в археологии Северного Зауралья довольно своеобразного культового литья. Очевидно, что находки с Усть-Васьёгана 1 весьма схожи с литыми фигурками городища Няксимволь, расположенного в более чем 550 км к юго-западу, средневековый этап функционирования которого расположен в диапазоне III/IV – нач. VI в. [Ширин, 2014, с. 34]. В то же время, керамический комплекс Усть-Васьёгана 1, орнаментация которого выстроена на карымских и ярсалинских мотивах с небольшим включением таких элементов как «уточка», больше характерных для кулайского времени, очень своеобразен и заслуживает отдельного исследования [Чикунова, Илюшина, 2016]. К карымскому времени можно отнести и «Холмогорский клад»,

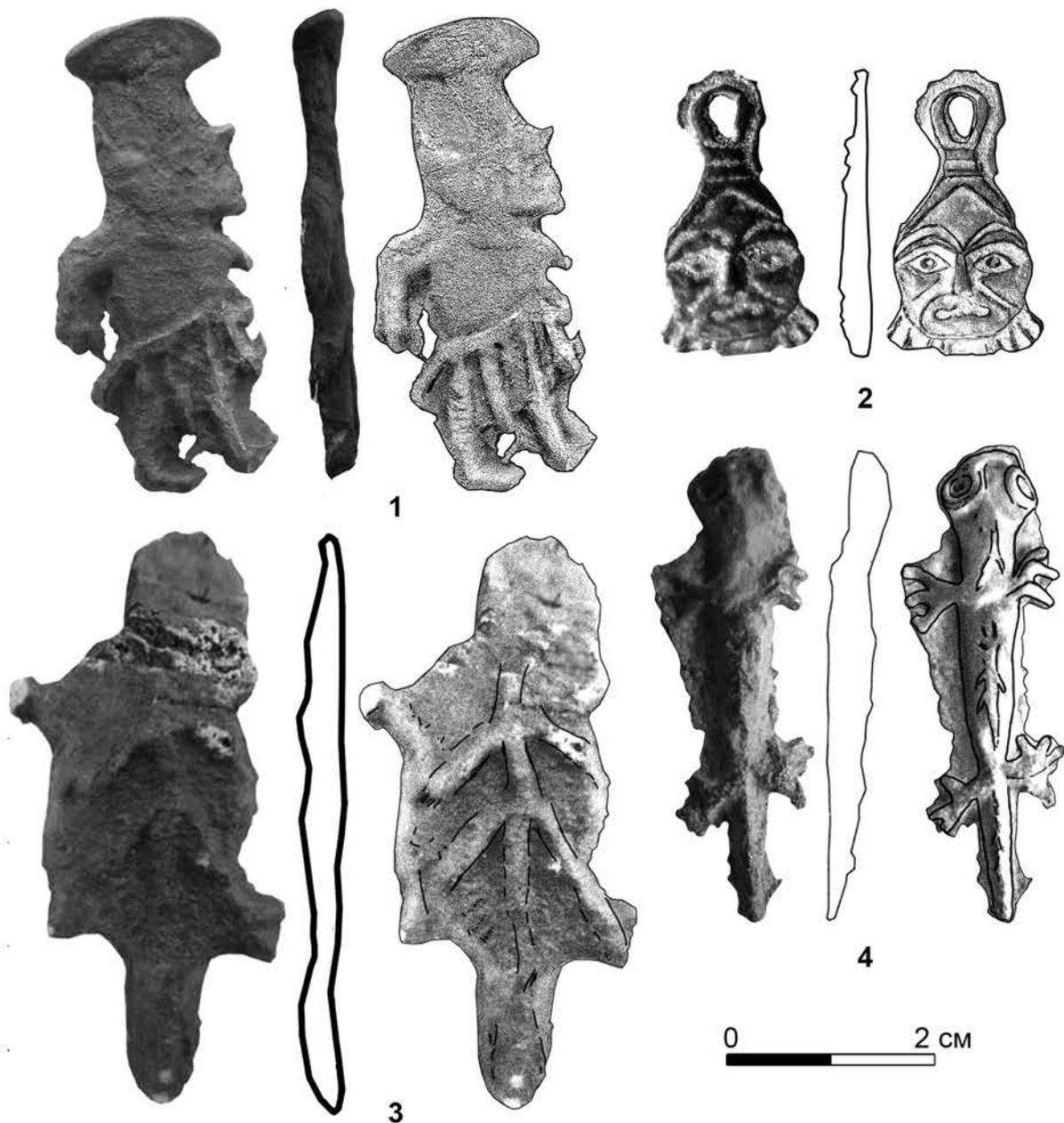

Рис. 1. Зооморфная и антропоморфная металлопластика городища Усть-Васьёган 1: 1 – антропоморфное изображение; 2 – подвеска с личиной; 3 – зооморфное изображение (бобр); 4 – зооморфное изображение (ящерица).

включающий кроме предметов вооружения, множество изделий культового назначения – зооморфных и антропоморфных изображений [Зыков, Федорова, 2001], выполненных в совсем другом стиле.

Радиоуглеродные датировки, однако, вносят свою корректировку. Так, получены даты СОАН-9279 1165±50 лет и СОАН-9278 860±50 лет, которые ограничивают время функционирования городища IX–XII вв.

Обнаружение предметов культового литья на самом северном средневековом городище в Зауралье в сочетании с остальным предметным комплексом представляет немалый интерес, хотя и поднимает многие вопросы.

Список источников и литературы

Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Брусницына А. Г. Отчёт об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. – Салехард, 1999.

Зыков А. П., Фёдорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – 176 с.

Морозов В. М., Корсаков Р. Н. Находки с озера Кислоры // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. – С. 130–135.

Панина С. Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 99–103.

Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 10. – С. 137–154.

Стародумов Д. О., Комова Н. Г. Городище Няксимволь: история исследования // Няксимволь / Отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Томского ун-та, 2014. – С. 19–32.

Чикунова И. Ю. Раскопки городища Усть-Васьёган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчёт о полевых исследованиях 2013 года. – Тюмень, 2014 / Архив ИПОС СО РАН.

Чикунова И. Ю. Раскопки городища Усть-Васьёган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчёт о полевых исследованиях 2014 года. – Тюмень, 2015 / Архив ИПОС СО РАН.

Чикунова И. Ю. Раскопки городища Усть-Васьёган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчёт о полевых исследованиях 2015 года. – Тюмень, 2016 / Архив ИПОС СО РАН.

Чикунова И. Ю., Илюшина В. В. Керамика городища Усть-Васьёган 1 // *в печати*.

Ширин Ю. В. Хронология Няксимволя // Няксимволь / Отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Томского ун-та, 2014 – С. 33–52.

И. Н. Швец
Хайдельберг, Германия

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЛНЦЕГОЛОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ КАК ШАМАНСКИХ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В представленной работе рассматриваются так называемые солнцеголовые персонажи в наскальном искусстве Центральной Азии как одно из свидетельств существования шаманизма в эпоху палеометалла. Новейшие открытия местонахождений петроглифов в Центральной Азии подтверждают возможность трактовки «солнцеголовых» как изображений шаманов и сцен с ними как иллюстраций древнейших ритуалов.

Ключевые слова: *наскальное искусство, Центральная Азия, шаманизм, шаман, «солнцеголовые» фигуры, интерпретация, моделирование птичьего пера.*

I. N. Shvets
Heidelberg, Deutschland

ON INTERPRETATION OF “SUN-RAY HEAD” FIGURES AS SHAMANIC IN THE ROCK ART OF CENTRAL ASIA

The paper considers “sun-ray headed” figures in the rock art of Central Asia that can be treated as an evidence for a specific form of prehistoric religion – shamanism. Latest discoveries of rock art sites in Central Asia have a considerable impact on the interpretation of some of the “sun-ray headed” figures to be shamanic and the associated rock art scenes as illustrating shamanic rituals.

Keywords: *rock art, Central Asia, shamanism, shaman, “sun-ray head” figures, interpretation, styling of bird’s feather.*

Последние открытия новых местонахождений наскального искусства в Центральной Азии подарили нам интересные рисунки антропоморфных изображений, которые, на наш взгляд, позволяют вновь возобновить дискуссию о возможности интерпретации части из них как изображений шаманов. Поскольку стилистически и технологически эти рисунки вписываются в ареал петроглифов эпохи ранней и развитой бронзы, можно предположить существование шаманизма или его базовых элементов в верованиях людей этого времени.

Дискуссия по подобной тематике уже не раз поднималась в специальной литературе [Renfrew, 1994; Francfort, 1998, 2001; Jacobson, 2001; Spirits and Stones, 2002; Lewis-Williams, 2001, 2003; Швец, 2005; Есин, 2008; и др.]. Она была посвящена не только петроглифам Центральной Азии, но также рисункам пещерной живописи. Большинство приверженцев теории существования шаманизма в эпоху палеометалла прибегали в своих доводах к этнографическим параллелям, наличию определённого консерватизма и преемственности, прежде всего к атрибутике костюма шамана, его головного убора, и схожести всего этого изображённому на скалах и в пещерах. За эти же аргументы они и были «биты» их противниками, которые указывали не только на огромный временной, а зачастую, как в случае с пещерной живописью Европы, территориальный раздел в этих событиях и понятиях.

Изображению головы антропоморфного персонажа в наскальном искусстве придавалось весомое значение. Её прорисовка древним художником становилась с ходом времени, как правило, всё более детализированной. Так, например, петроглифы тюркского времени демонстрируют не только различные головные уборы, но и вариации причёсок. Интересную манеру изображения головы антропоморфной фигуры демонстрируют так называемые солнцеголовые персонажи. К ним в специализированной литературе относят антропоморфные образы, от головы которых расходятся полосы/штрихи, напоминающие солнечные лучи. Так, на казахстанском местонахож-

дении Тамгалы таких фигур более 20, солнцеголовые персонажи найдены и на других местонахождениях Казахстана: в Ешкиольмесе, Баян-Журеке, Байконуре и Сауыскандыке. Солнцеголовые фигуры известны среди петроглифов Саймалы-Таша в Кыргызстане, рисунков Каракола на Алтае и на местонахождениях Южной Сибири. Некоторые антропоморфные фигуры на керамике эпохи раннего бронзового века самусьской культуры в Западной Сибири также показаны солнцеголовыми. Подобные каракольским рисункам были обнаружены в Западном Китае, среди рисунков в пещерах Индии и на керамике Харрапской культуры [Новоженков, 1994, с. 212]. Некоторые из этих фигур вооружены, оружием почти во всех случаях показан простой лук. Один из самых крупных «солнцеголовых» местонахождения Тамгалы в Юго-Восточном Казахстане изображен с боевым топором и колчаном. «Солнцеголовые» показаны нередко с хвостом, подчеркнутым признаком пола.

Большинство этих фигур представлены в движении – торс анфас, ноги в профиль и согнуты в коленях, что создает эффект динамичной, подвижной фигуры. По сравнению с другими частями тела, голова выполнена очень детально. Число отходящих от головы лучей варьирует от трёх до двадцати. Так, например, среди тамгалинских «солнцеголовых» нет устойчивого канона – фигуры имеют разные величины, головы их высечены в виде диска или обода, в некоторых случаях вокруг голов-дисков выбиты расходящиеся по радиусу лучи и круглые ямки-углубления.

Наличие точек над лучами «солнцеголовых» мотивировало учёных видеть в данных фигурах изображения солярных божеств, известных из индо-иранской мифологии. По их мнению, перья не могли быть показаны в прерванной форме [Есин, 2008, с. 82]. Взглянуть на эту проблему иначе нам помогли фотографии индейцев с меланезийских островов, головные уборы которых состояли из стилизованных перьев, имевших оголённый ствол и округлое увеличение перьев на концах (предположительно также частично стилизованных [Stingl, 1985, рис. 1]. Увеличение объёма пера, концентрация красок и рисунка у его окончания часто встречается у пернатых. Ярким примером тому являются всем известные перья павлина, а также куропатки, филина, ястреба, сойки и многих других птиц. Возможно именно эту особенность пера или же его стилизованное использование показывал древний художник, изображая головной убор из перьев у антропоморфного персонажа!?

Так например «солнцеголовые» на окуневских стелах демонстрируют не только точки над головой, но и уплотнения по центру «луча», а также его раздвоение на окончании [Есин, 2008, табл. I, 13, 15]. Некоторые фигуры имеют над головой своеобразную дугу, соединяющую все полосы «нимба» [там же, табл. I, 15]. Всё это напоминает моделирование головного убора, вероятно при помощи перьев, кожаных нитей, меха и т. д. Мастера дамских шляп и сегодня активно экспериментируют с природной фактурой пера, искусственно создавая увеличение его объёма к окончанию. Подобным приёмом могли пользоваться и древние шаманы, изготавливая свой наряд.

Необходимо отметить также тот факт, что лучи на голове фигур исполнялись в такой же манере, как и полосы, отходящие от тела [там же, табл. I, 12, 13, 15]. Подобная ситуация характерна для гибридных фигур Тас-Хазаа, Сулекского комплекса и Пора-Тигей в Южной Сибири [там же, табл. III, 1–3]. Пожалуй только алтайские фигуры ряженных из Каракола, Озёрного и Беш-Озека демонстрируют различную манеру показа лучей/полос/перьев на голове и полос/бахромы, отходящих от рук и тел изображённых. В пользу орнитоморфности облика многих «солнцеголовых» говорит частое изображение художником длинных жгутов/бахромы, свисающих с крестообразно раскинутых рук.

Желание видеть в точках над «лучами» не что иное, как нимб, символизирующий сияние «солнцеподобных» персонажей [Дэвлет, 1992, с. 210], на наш взгляд, выглядит не совсем убедительно. Подобные точки, расположенные над лучами-отростками часто встречаются как по всему контуру фигуры, так и единично над «отростками-антеннами» в масках-личинах Мугур-Саргола на юге Сибири. Данные личины также имеют отросток-рукоять, что отражает их функ-

циональное значение; таким образом древний художник изображал маски, возможно маски участников древних ритуальных обрядов или маски шаманов-жрецов. Точки над лучами головных уборов данных «солнцеголовых» персонажей могли бы указывать на визуальное увеличение перьевой окраски, которые имеют многие птицы, чьи перья были использованы при подготовке шаманских масок.

Интересный и сложный головной убор имеет одна из трёх «солнцеголовых» фигур с местонахождения Баян-Журек в Юго-Восточном Казахстане [Байпаков, Марьяшев, 2008, с. 194, рис. 1]. Её голова увенчана семью радиально расходящимися лучами и полукругом, идущим от одного согнутого локтя фигуры к другому над «лучами» головы. К данному полукругу сверху примыкает Ф-образный знак. Солнцеголовая фигура из Баян-Журека имеют округлые предметы в руках и по три полосы/бахромы, отходящие от поясницы и коленок. Наличие бахромы и лучей (в одном случае 5, в другом 7), а также округлых предметов в руках характерно и для двух других антропоморфных персонажей Баян-Журека. Все три антропоморфные фигуры, описанные выше, имеют идентичную манеру изображения тела: торс анфас, ноги, согнутые в коленях и в профиль, что характеризует большую часть «солнцеголовых» Центральной Азии. Все три фигуры выполнены глубокой выбивкой на горизонтальных (слегка наклонных) и патинизированных плоскостях, расположенных на вершинах сопок. Возможно в Баян-Журеке запечатлены образы главных участников мистерии, знатоков и хранителей духовных ценностей, мифов, ритуалов – жрецов-шаманов?

К новейшим рисункам, интерпретировать которые можно было бы также как изображения шамана, принадлежит антропоморфная фигура с рогами/лучами с местонахождения Сауыскандык в Южном Казахстане [Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, рис. 230]. Данный персонаж имеет не только необычный для центрально-азиатского региона головной убор, состоящий из лирообразных рогов (лучей?), уплотнения в середине головы, ушей (?), но и необычные трёхзубчатые предметы в обеих руках, которые могли бы интерпретироваться как изображения рогов или парящих птиц.

Хронологические рамки основной массы изображений «солнцеголовых» из вышеназванных регионов – начало III тыс. до н. э. – середина и конец II тыс. до н. э. Они, несомненно, принадлежат к различным культурам эпохи палеометалла – каракольской, окуневской и синхронных им, а также некоторым сменившим их культурам (андроновская, карасукская и др.) степной зоны Северной и Центральной Азии. Баян-Журекские «шаманы» обладают более архаичными чертами, чем тамгалинские, и предположительно могут быть отнесены ко времени не ранее конца III тыс. до н. э. и не позднее середины II тыс. до н. э.

«Солнцеголовые» фигуры в наскальном искусстве принадлежат к так называемым узнаваемым образцам петроглифического наследия Центральной Азии кон. III тыс. до н. э. – сер. II тыс. до н. э., отражающим общность мировоззрения населения данной территории. Многократное повторение этого и некоторых других известных нам маркерных сюжетов в репертуаре древнего искусства являлось скорее всего одним из элементов объединяющей структуры «МЫ», включающей, по мнению немецкого исследователя древних религий и культур Я. Ассманна, не только общность знаний и представлений, привязанность к общим правилам и ценностям, но и также воспоминания об общем прошлом [Assmann, 2000, S. 16,17]. «Солнцеголовые» фигуры Центральной Азии представляют образы носителей и хранителей данного наследия – шаманов.

Список источников и литературы

- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы Баян Журека. – Алматы, Credo, 2008. – 200 с.
- Дэвлет М. А. «Солнцеголовые» антропоморфные фигуры в казахстанских петроглифах и их восточные параллели // Маргулановские чтения – 1990. – Москва, 1992. – С. 209–212.
- Есин Ю. Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропою тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IV). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 81–98.

- Новожинов В. А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы; Аргументы и факты Казахстан, 1994. – 266 с.
- Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Петроглифы Сауыскандыка. – Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 374 с.
- Швец И. Н.* Некоторые аспекты современного состояния изучения наскального искусства Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3 (23). – 2005. – С. 130–139.
- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen. – München: Beck, 2000. – 344 S.
- Francfort H.-P.* Central Asian petroglyphs: between Indo-Iranian and shamanistic interpretations // The Archaeology of Rock Art. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 302–318.
- Francfort H.-P.* Art, Archaeology and the Prehistories of Shamanism in Inner Asia // The concept of Shamanism: uses and abuses. – Budapest: Akad. Kiadó, 2001. – P. 243–277.
- Jacobson E.* Shamans, shamanism, and anthropomorphizing imagery in prehistoric rock art of the Mongolian Altay // The concept of shamanism: uses and abuses. – Budapest: Akad. Kiadó, 2001. – P. 277–294.
- Lewis-Williams J. D.* Brainstorming Images: Neuropsychology and Rock Art Research // Handbook of rock art research. – Walnut Creek-Lanham-New York-Oxford, AltaMira Press, 2001. – P. 332–357.
- Lewis-Williams J. D.* Putting the record straight: Rock art and shamanism // Antiquity. № 77. 2003. – P. 165–170.
- Renfrew A.* The archaeology of religion // The ancient mind. Elements of cognitive archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 47–54.
- Spirits and Stones. Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia.* – Poznań: Rex-Druck, 2002. – 174 p.
- Stingl M.* Die Schwarzen Inseln. – Leipzig: Brockhausverlag, 1985. – 237 S.

**Сохранение и использование
объектов археологического наследия**
Preservation and management of archaeological heritage

УДК 902.2 379.851

В. А. Каплунов

Музей-заповедник «Томская Писаница». Кемерово, Россия
e-mail: mztpt@bk.ru

А. Ф. Покровская

*Музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово, Россия*
e-mail: aspaf@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ТУРИСТИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ**

Статья посвящена проблеме актуализации археологического наследия. Археологические памятники на территории России традиционно занимают значимое место среди недвижимых памятников истории и культуры. В отдельных регионах памятники археологии составляют основную часть историко-культурного наследия. В то же время туристский потенциал археологического наследия в России используется слабо. Авторами проанализированы международные и российские нормативные акты в сфере туризма и охраны объектов историко-культурного наследия, а также статистические данные. На основе анализа выявлены основные причины слабого включения археологического наследия в туристический оборот. В качестве примера современного использования археологического наследия в статье представлен опыт музея-заповедника «Томская Писаница».

Ключевые слова: музей-заповедник «Томская Писаница», объекты археологического наследия, археологические туры.

V. A. Kaplunov

Museum-preserve 'Tomskaya Pisanitsa'. Kemerovo, Russia

A. F. Pokrovskaja

Museum-preserve 'Tomskaya Pisanitsa'. Kemerovo State Institute of Culture. Kemerovo, Russia

THE PROBLEMS OF USING ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN TOURISM BUSINESS

The article is devoted to the issue of archaeological heritage actualization. Archaeological monuments on the territory of Russia traditionally occupy a significant place among the immovable monuments of history and culture. In some regions, archaeological monuments constitute the main part of the historical and cultural heritage. At the same time, tourist potential of the archaeological heritage in Russia is used poorly. The authors analyze the statistics and international and Russian normative acts in the field of tourism and protection of objects of historical and cultural heritage. The analysis reveals main reasons for the low level of archaeological heritage involvement in tourism practice. As an example of the modern use of archaeological heritage the article discusses the experience of the Museum-preserve 'Tomskaya Pisanitsa'.

Keywords: Museum-preserve 'Tomskaya Pisanitsa', objects of archaeological heritage, archaeological tours.

Всемирная туристская организация ООН определяет туризм как сферу, использующую культурное наследие человечества и вносящую свой вклад в его обогащение. Огромный потенциал для развития культурно-познавательного туризма заложен в объектах археологического наследия.

По данным министерства культуры РФ, включенным в Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 г., всего на территории страны по состоянию на 31 дека-

бря 2015 г. расположено 157 557 объектов культурного наследия, из которых 84 330 – это объекты культурного наследия федерального значения, включающие 59 204 объекта археологического наследия [Сайт Министерства культуры РФ]. Таким образом, археологические памятники составляют 37,6 % культурного наследия России; среди объектов культурного наследия федерального значения 70 % – это объекты археологического наследия.

В отчёте Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) о научно-исследовательской работе по теме: «Исследование перспективных форм использования объектов культурного и природного наследия России в туристических и рекреационных целях, разработка рекомендаций по совершенствованию объектов для повышения их конкурентоспособности на глобальном рынке» (2013 г.) отмечается, что в отдельных регионах объекты археологического наследия составляют более 80% среди всех учтённых объектов культурного наследия [Сайт Министерства культуры РФ]. Таким образом, археологические памятники составляют значительную часть культурного наследия страны.

Основная доля (68,5%) памятников археологии сосредоточены в 18 субъектах Российской Федерации: Ростовской области, Краснодарском крае, Тверской области, Псковской области, Алтайском крае, Пермском крае, Республике Дагестан, Новгородской области, Республике Карелии, Республике Алтай, Воронежской области, Оренбургской области, Волгоградской области, Омской области, Республике Саха (Якутия), Красноярском крае, Республике Хакасия, в Крыму. В Республике Хакасия доля археологических памятников составляет более 97%, а в Республике Тыва и в Ханты-Мансийском автономном округе – более 92% [Сайт Министерства культуры РФ].

В составе музейного фонда Российской Федерации находится 14 404 615 предметов археологии, из которых экспонируется не более 4 % [Сайт Министерства культуры РФ]. Доминирующим способом презентации археологического наследия остаются экспозиции в музейных залах, где преобладает систематический метод подачи материала. В настоящее время по данным Министерства культуры РФ на территории страны создано всего 38 музеев-заповедников, в составе которых имеются памятники археологии. Наибольшее число таких музеев-заповедников в последние десятилетия создано на территории республики Хакасия, однако по данным официальной статистики Министерства культуры РФ Хакасия находится на 48 месте среди субъектов Российской Федерации по экскурсионному обслуживанию в музеях и музеях-заповедниках, что уже говорит в слабом включении археологических памятников в экскурсионный оборот. Достаточно низкий уровень посещаемости археологических музеев-заповедников наблюдается и в других регионах России. Также следует отметить ничтожно малое количество туристических маршрутов, в которые включено посещение археологических памятников.

Проблеме использования археологического наследия в туризме посвящен ряд статей С. Ю. Каменского. Так в статье «Глубокий туризм: от тур-продукта к тур-приключению» [Каменский, 2008, с. 493], анализируя туристический потенциал археологического наследия на примере Свердловской области, автор справедливо отмечает, что с точки зрения экскурсоведения ценность большинства археологических памятников невысока по ряду признаков. Нельзя не согласиться с автором в том, что, прежде всего, страдает такой признак, как выразительность памятника, так как большинство памятников за исключением городищ с выраженной оборонительной системой, писаниц, каменных изваяний, святилищ, как правило, вообще не замечаются непосвящёнными людьми в лесу или ином природном окружении. В своей статье автор также акцентирует внимание на том, что почти все археологические туры обладают ярко выраженной сезонностью (недоступность в снежный период и труднодоступность во время весенней и осенней распутицы).

В то же время за последнюю четверть XX в. мировое сообщество значительно продвинулось в вопросах регулирования взаимоотношений культурного наследия и туризма. На международном уровне проблемы туристского использования памятников истории и культуры, и в частности, памятников археологии, отражены в ряде международных документов Всемирной туристской организации ООН. Так, Манильская декларация по мировому туризму (1980 г.) гла-

сит: «Развитие туризма, как на национальном, так и на международном уровне, может внести позитивный вклад в жизнь наций, посредством хорошо подготовленного и качественного предложения, защищающего и сохраняющего культурное наследие, ценности туризма и окружающую природную, социальную и человеческую среду» [Манильская декларация, 1980].

В Гаагской декларации по туризму 1989 г. в качестве одного из принципов провозглашено: «Неиспорченная естественная, культурная и человеческая окружающая среда является основным условием развития туризма. Более того, рациональное управление туризмом может внести значительный вклад в защиту и развитие физической окружающей среды и культурного наследия, а также в повышение уровня жизни» [Гаагская декларация, 1989]. Согласно Глобальному этическому кодексу туризма, принятому Всемирной туристской организацией в 1999 г., туристская еского и культурного наследия в целях его защиты и сохранения для будущих поколений [Глобальный этический кодекс туризма, 2000].

В данном Кодексе содержатся рекомендации по сохранению наследия при его туристском использовании, в том числе, относительно использования финансовых средств для поддержания, охраны, реставрации и использования объектов наследия. Авторы документа считают, что именно туристская индустрия является одной из наиболее заинтересованных отраслей экономики и общественной деятельности в деле сохранения и возрождения объектов наследия.

Аналогичные подходы продекларированы и в документах ЮНЕСКО. В частности, в качестве одной из задач принятого Межправительственной конференцией «Плана действий по политике в области культуры в интересах развития» выдвинута задача «добиться того, чтобы туризм уважал культуры и окружающую среду и чтобы доходы от него использовались также для сохранения на справедливой основе ресурсов наследия и для укрепления развития культуры» [План действий по политике в области культуры, 1999, с. 121].

Международные подходы к туристскому использованию наследия нашли свое отражение и в законодательстве Российской Федерации. Так, в Федеральном законе об основах туристской деятельности основными целями государственного регулирования туристской деятельности определены как охрана окружающей природной среды, так и создание условий для деятельности, направленной на воспитание, образование и оздоровление туристов; сохранение объектов туристского показа, рациональное использование природного и культурного наследия [ФЗ об основах туристской деятельности в РФ, ст. 4].

Таким образом, главная задача государственного регулирования в сфере культурно-познавательного туризма состоит в том, чтобы объединить две противоположные, на первый взгляд, тенденции – сохранение объектов наследия и развитие туризма – таким образом, чтобы они не противоречили, а дополняли друг друга.

В этой связи актуализируются проблемы сохранения наследия от туристов, которые нередко становятся одним из источников опасности для объектов культурного, и прежде всего археологического, наследия.

По данным официальной статистики из общего количества объектов археологического наследия в удовлетворительном состоянии находятся 34,4%; в неудовлетворительном или руинированном состоянии находятся 12,6% археологических объектов [Сайт Министерства культуры РФ]. На памятники археологии воздействуют различные разрушающие факторы, как антропогенного, так и естественного происхождения. Естественные факторы фиксируются практически во всех регионах России и самые разрушительные из них – подтопление, водная эрозия, береговая абразия. Из-за антропогенного вмешательства разрушается 19% памятников археологии. Среди антропогенных факторов самым опасным социальным явлением, как в сфере охраны объектов культурного наследия, так и во всей сфере общественно-культурной жизни России остаются грабительские раскопки. В 2013 г. был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [245-ФЗ, 2013].

Важным моментом является приведение национального законодательства в соответствие с требованиями Европейской конвенции об охране археологического наследия в части установления контроля за использованием металлодетекторов и иного поискового оборудования. Вво-

дится уголовная ответственность за незаконный поиск и изъятие из мест залегания археологических предметов, вводятся ограничения на использование поискового оборудования в целях поиска объектов археологического наследия и археологических предметов, и устанавливается ответственность за нарушение указанных ограничений.

Нельзя обойти такую проблему как вандализм, в ряде случаев он связан с посещением территории памятника туристскими группами.

Таким образом, несмотря на ужесточение законодательства, проблема сохранности археологического наследия в настоящее время стоит особенно остро. В связи с этим, среди профессиональных археологов и органов охраны памятников существует вполне объяснимое двойственное отношение к вопросу популяризации археологического наследия. Несмотря на все позитивные моменты данного процесса, рекламно-информационная деятельность, составление справочников и путеводителей по данному виду туристических ресурсов может привести также к всплеску археологического мародерства и развитию кладоискательства. К сожалению, вследствие особенностей расположения археологических памятников, возможности контроля и обеспечения их охраны часто отсутствуют.

Таким образом, памятники археологии как туристские объекты имеют ярко выраженную специфику, которая проявляется в наличии ряда существенных ограничений по их использованию. Тем не менее, в зарубежной и частично российской практике успешно апробировано несколько вариантов актуализации объектов археологического наследия. Примером может служить созданный в 1998 г. историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», основу которого составляет памятник древнего наскального искусства федерального значения Писаницы (Томская писаница). Основная задача музея – сохранение и публичное представление объекта археологического наследия. В соответствии с концепцией развития и с целью «оживления» археологического наследия на территории музея-заповедника «Томская Писаница» создан археологический комплекс «Археодром», включающий реконструкции в природной среде древних жилищ народов Сибири эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья, а также павильон натуральных погребений. Как отмечает С. Ю. Каменский в статье «Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого» главный принцип создания «археодромов» за рубежом: «трогать разрешается» [2008, с. 178]. Такие экспозиции предоставляют посетителю принципиально новую возможность стать не зрителем истории, но её «жителем», «соавтором» или как минимум её активным исследователем. В музее-заповеднике «Томская Писаница» также успешно функционирует интерактивная экспозиция «Живая археология», где посетители имеют возможность опробовать древние технологии добывания огня, ткачества, лепки из глины, стрельбы из лука.

Музей-заповедник сегодня – это динамично развивающийся современный многопрофильный культурный комплекс, успешно сочетающий в себе музейную специфику, научную и культурно-просветительскую деятельность. Также на территории музея находится вольерный зоопарк, где содержатся животные и птицы, обитающие в Сибири. Зимой в музее работает «Резиденция Кузбасского Деда Мороза». Ежегодно музей-заповедник посещают более 150 тысяч человек.

В настоящее время музей-заповедник «Томская Писаница» начал реализацию ещё одного крупного проекта – «Наскальная живопись Притомья», с целью сохранения и использования ряда местонахождений древнего наскального искусства, расположенных вдоль береговой линии реки Томь от устья р. Крутой до с. Поломошное Яшкинского района Кемеровской области. Все эти места, где находятся петроглифы, – наиболее красивые уголки природы в среднем течении Томи. Огромные скалы тянутся здесь на многие километры вдоль берега. На их вершинах растёт чудесный парковый лес. В летнее время путешествие по писаницам Притомья организовано по реке на катере. Все писаницы Притомья постепенно становятся объектами показа специально выстроенного историко-культурного туристического маршрута.

Также на протяжении ряда лет в рамках концепции научно-исследовательской работы музей-заповедник «Томская Писаница» совместно со специалистами лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углекислоты Сибирского отделения Российской

академии наук проводит полевые археологические исследования на территории Притомья, в результате которых Яшкинский район Кемеровской области, бывший до недавнего времени «белым пятном» на археологической карте Сибири, постепенно открывает свои тайны археологам. Стоит отметить живой интерес жителей Яшкинского района к работам по изучению древней истории их родного края. За годы исследований неоднократно раскопки посещали представители местных органов власти, средств массовой информации и общественных организаций. Для всех желающих сотрудниками экспедиции были организованы экскурсии. В дальнейшем музей-заповедник планирует включение в экскурсионный маршрут по писаницам Притомья посещение археологических раскопок во время работы экспедиций.

Список источников и литературы

Гаагская декларация по туризму (14 апреля 1989 г.). Принята Межпарламентской конференцией по туризму: Гаага, 10–14 апреля 1989 г. // *Международный туризм: правовые акты.* – М.: Финансы и статистика, 2000.

Глобальный этический кодекс туризма. Принят на тринадцатой сессии Генеральной ассамблеи ВТО: Сантьяго (Чили), 27 сентября – 1 октября 1999 г. // *Международный туризм: правовые акты.* – М.: Права человека, 2000.

Каменский С. Ю. Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого // *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность.* – 2008. – № 2(66). – С. 176–180.

Каменский С. Ю. Глубокий туризм: от тур-продукта к тур-приключению // *Современная Россия; путь к миру – путь к себе.* Под ред. Л.т.А. Закс и др. Т. 2. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2008. – С. 491–494.

Манильская декларация по мировому туризму. Принята 10 октября 1980 г. Всемирной конференцией по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) с 27 сентября по 10 октября 1980 г. // *Организационно-правовые основы туристского и гостиничного бизнеса: Нормативно-правовые документы /* Под ред. В. Н. Акишина, И. В. Гончаровой, А. И. Клебанова, Н. Д. Малахаткиной. – М.: Финстатинформ, 1998.

Отчёт о научно-исследовательской работе по теме: исследование перспективных форм использования объектов культурного и природного наследия России в туристических и рекреационных целях, разработка рекомендаций по совершенствованию объектов для повышения их конкурентоспособности на глобальном рынке // *ФГБ НИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» (Институт Наследия).* – М., 2013 [Эл. ресурс] – URL: http://mkrf.ru/deyatelnost/scientific-work/list.php?SECTION_ID=125325

Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации [Эл. ресурс] – URL: <http://mkrf.ru>
План действий по политике в области культуры в интересах развития (принят в Стокгольме 2 апреля 1998 г. Межправительственной конференцией по политике в области культуры в интересах развития) // *Всемирное культурное наследие: документы, комментарии, списки объектов.* – М.: Институт Наследия, 1999.

Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/70419172/#ixzz4K1g6RYJ1>

Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] URL: <http://base.garant.ru/136248/#ixzz4K1frGDy7>

ПЕЩЕРНОЕ СВЯТИЛИЩЕ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВАЯ) КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье анализируется характер расположения рисунков в пещерном святилище Шульган-Таш, выделяются группы и композиции рисунков. Обосновывается структура святилища на основе взаимосвязи изображений с рельефом стен и топографией пещеры. Характер взаимодействия образов внутри композиций позволяет реконструировать иерархическую значимость тех или иных персонажей и общую последовательность мифологического текста. Двумя структурирующими символами близнечной мифологии древнего южно-уральского населения была лошадь и мамонт. Изобразительный ряд верхнего этажа раскрывает миф о путешествии героя в запредельный мир, сражении героя с его хозяином, выходом животных из этого мира и преследование героем потусторонних персонажей. Содержание композиций позволяет говорить об исключительной информативности изобразительного собрания пещерного святилища Шульган-Таш (Каповая).

Ключевые слова: мифологическая структура, пещерная живопись, пещера Шульган-Таш (Каповая), Южный Урал, объект ЮНЕСКО.

V. G. Kotov

*Institute for History, Language and Literature of Ufa Science Centre of Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia*

THE SHULGAN-TASH (KAPOVA) CAVE SANCTUARY AS AN OBJECT OF THE WORLD HERITAGE

The article analyzes the way images of Shulgan-Tash sanctuary are located. A number of groups and compositions of images have been distinguished. The structure of the sanctuary based on the interrelation of images with the wall relief and cave's topography have been founded. The character of the images interrelations inside the compositions allow the reconstruction of the hierarchical value of this or that image and the general consequence of a mythological text. The horse and the mammoth are two structure-making symbols of the geminy mythology of the ancient South Uralic population. The pictorial row of the upper storey reveals the myth of how the hero travels to the transcendental world, and how he fights its master, the myth also treats of the animals' exodus from that world and of how the hero chases the nether world's characters. The content of the composition allows us to speak of the exceptional informative load of the Shulgan-Tash cave's pictures collection.

Keywords: mythological structure, cave painting, Shulgan-Tash (Kapova) cave, Southern Urals, UNESCO object.

Археологические памятники до настоящего времени редко попадают в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это связано во многом с тем, что Критерии универсальности памятников истории и культуры разрабатывались для архитектурных памятников. Комитетом Всемирного наследия в 1994 г. была запущена глобальная стратегия по расширению определения «Всемирного наследия» в целях справедливого представительства природного и культурного наследия планеты. В её рамках была организована Тематическая программа Human Evolution: Adaptations, Dispersals and Social Developments (HEADS). Состоялись совещания в рамках HEADS в Адис-Абебе, Эфиопия (2011), в Республике Корея (2012), в г. Тюбингене, Германия (2013), на которых были рассмотрены вопросы, связанные с выработкой критериев универсальной ценности для археологических памятников, разрабатывались руководящие принципы для прикладных исследований в области комплексного изучения и сохранения памятников, связанных с эволюцией человека и культуры [World Heritage: HEADS 1–4]. В результате этой работы все больше археологических памятников были включены в Предварительный список ЮНЕСКО или же вошли в

Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2013 г. в Предварительный список были включены номинации Башкирский Урал с пещерой Шульган-Таш и петроглифы Сикачи-Аляна и это пока всё, что есть на территории России.

Пещера Шульган-Таш (Каповая) находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан на правом берегу р. Белой на территории Государственного природного заповедника «Шульган-Таш». Вход в неё расположен на южном склоне горы Шульган-Таш. Он представляет собой арку входа, имеющую ширину 40 м и высоту 20 м. Нижний этаж – это русло р. Шульган, которая в 5 км от пещеры исчезает в поноре и выходит в зале Бездны и под аркой входа в виде воклюза – озера Шульган. Средний этаж представляет собой галерейную систему длиной 350 м со слегка поднимающимся полом. Верхний ярус начинается от конца Главной галереи тремя вертикальными уступами общей высотой 30 м. От них продолжается в северо-западном направлении. Первая галерея через 100 м переходит в зал Рисунков. Семиметровой высоты уступ отделяет этот зал от Второй галереи. Далее, разделяясь проходами и галереями, следует ряд залов на протяжении более 350 м до Дальнего озера (**рис. 1**). Всего общая длина разведанных ходов пещеры превышает 3 км. По мнению В. Е. Щелинского, именно размеры пещеры, в сочетании со сложной внутренней топографией, стали причиной выбора её в качестве святилища в верхнем палеолите [Щелинский, 1997, с. 29; 2001, с. 33].

Структура пещеры Шульган-Таш. Рисунки размещены в 200–300 м от входа на среднем и верхних ярусах пещеры. На среднем этаже изображения зафиксированы в залах Купольном, Знаков и Хаоса. На верхнем этаже есть лишь один декорированный участок – это зал Рисунков (**рис. 1**). В период с 2013 по 2015 гг. было произведено уран-ториевое датирование в различных точках Среднего яруса кальцитовых натёков, подстилающих рисунки и натёков, перекрывающих их. В результате были получены достаточно убедительные даты подстилающего слоя – 35–36 тыс. лет назад, и перекрывающий слой – 14,2–14,5 тыс. лет назад [Дублянский и др., 2016а; 2016б]. Палеолитический возраст рисунков получил ещё одно подтверждение, правда он укладывается в промежуток времени более 21 тыс. лет.

Существуют различия в характере изображений. Большая часть рисунков среднего яруса является геометрическими знаками; в основном, это четырёхугольники и трапеции, у которых верхняя линия выходит слегка за пределы фигуры и загнута вниз. Фигуры различаются и разным количеством вертикальных или наклонных линий от одной до семи. На верхнем ярусе большая часть рисунков – это животные, есть лишь один знак в виде трапеции с «ушками», аналогичный знакам среднего этажа. Большая часть рисунков сделаны в сходной манере: они контурные, толщина линий около 3–4 см, имеют одинаковые размеры, нанесены сходным по цвету красным пигментом на одной высоте от пола, имеют похожую стилистику – в профиль с четырьмя ногами. Наличие композиций и размещение части изображений в труднодоступных местах, на большой высоте, в нишах и трещинах свидетельствует о символическом характере размещения большей части изображений. Отсюда следует вывод, что в целом, собрание рисунков было сделано в рамках одной традиции и все композиции размещены с учётом единого замысла святилища. То есть, пещера являлась святилищем, и каждая её часть (например, зал с рисунками или отдельная композиция) выступал, предположительно, как элемент модели мироздания древних охотников или «священного пути» посвящаемых.

Первая бесспорная композиция находится в зале Хаоса (**рис. 1**). Это конечный зал на среднем ярусе, который представляет собой огромное нагромождение глыб с гигантской воронкой посередине, – почему он и получил своё название. Панно с изображениями лошадей было расчищено в 1970-х гг. экспедицией О. Н. Бадера [Бадер, 1979]. Оно представляет собой рисунок двух лошадей и трапециевидного знака с «ушками» между ними (**рис. 2: 1**). Слева от этой группы расчищена ещё одна трапеция меньших размеров и фрагмент другого рисунка. Обращает на себя внимание, что при достаточно реалистичной передаче пропорций «уральских» коротконогих лошадок-тарпанов, имеется явное искажение в изображении морд животных: они неестественно приплюснуты и похожи на утиную голову. У верхней лошади на спине изображена трапеция с горизонтальными линиями, напоминающая крыло. Нижняя лошадь имеет на теле две вертикальные линии, сделанные углем. Учитывая очевидную важность данного скопления в

структуре святилища, она могла символизировать троичность мироздания, где верхняя (крылатая) лошадь обозначала верхний, небесный мир, а нижняя – мир подземный (изображение животного в «скелетном» стиле). Сложно расчерченная трапеция, скорее всего, должна обозначать что-то из мира человека или быть его символом.

Вторая композиция в зале Хаоса находится в 20 м к востоку от первой и нанесена на гребень свода на высоте 3 м над скоплением камней и огромной воронкой. Для того, чтобы её нарисовать, художник должен был соорудить лестницу или помост. Одно это показывает исключительную важность этой группы. Здесь была изображена крупная лошадь и фигура человекоподобного существа, которое нарисовано в полусогнутом состоянии. Голова крупная, с длинным выступом, похожим на клюв. Две руки и две ноги заканчиваются клешнями или птичьими лапами (**рис. 2: 2**). Эту композицию следует воспринимать как мифологическую сцену рождения или перерождения от лошади человека или мифического героя. Здесь, также как и в композициях «животное и знак», присутствует принцип *вертикального* размещения элементов, что является проявлением идеи *вертикальной двоичности мифологической картины* палеолитических охотников. Эта мифологическая сцена явно связана с мифологией и обрядностью, имеющей *посвятельное* содержание.

Гребень потолка переходит в наклонный свод, заканчивающийся наклонной сужающейся щелью. Именно в этой щели были обнаружены многочисленные рисунки в виде разнообразных трапеций, лесенок, вертикальных рядов линий и пр. Причём многие знаки расположены группами, *вертикальными* рядами вдоль линий натёков, начинающихся от гребня потолка в районе сцены «лошадь и антропоморф» [Ляхницкий, Солодейников, 2004, рис. 8]. Предположительно, они появились в контексте обрядов, связанных со сценой на гребне потолка [Котов, 2009, с. 13].

На среднем этаже были заложены О. Н. Бадером, В. Е. Щелинским, В. Г. Котовым, В. С. Житенёвым ряд шурфов и раскопов в залах с рисунками. В ходе раскопок было установлено, что посещение внутренних залов пещеры с культовыми целями происходило многократно в течение продолжительного времени. Было установлено, что приготовление красящего пигмента осуществлялось внутри пещеры, в непосредственной близости от рисунков. В залах Сталагмитовом, Купольном, Знаков, Хаоса были обнаружены жилые площадки, на которых осуществлялась ограниченная и специфическая хозяйственная деятельность; здесь же были найдены приношения в виде украшений из кости и камня, отдельных крупных костей, каменных орудий [Щелинский, 1997; 2016; Котов, 2014; 2016; Kotov, 2015]. На всех жилых площадках и во всех горизонтах плейстоценового и раннеголоценового времени присутствовали многочисленные оббитые куски кальцита и известняка, а также грубые сколы и орудия из этих материалов. Для понимания этого феномена много дали находки кусков известняка или кальцита, окрашенные охрой, а затем с окрашенных поверхностей были сняты сколы, что указывает на культовый характер раскалывания известняка и кальцита, причём каким-то образом связанный с процессом окрашивания стен и нанесением изображений [Котов, 2010б; Kotov, 2015, p. 144]. Было установлено, что древние посетители пещеры специально добывали кальцитовые натёки и фрагментировали их. В зале Хаоса прямо под рисунками в Наклонной щели были зафиксированы мощные скопления сколов и обколотых кусков известняка и кальцита, указывающие на аномальную концентрацию этой культовой по своей природе активности, приуроченной к этой сакральной зоне [Котов, 2015б]. Здесь же были обнаружены многочисленные следы обкалывания скал и глыб известняка. Кроме того, было установлено, что в пещере в условиях изоляции находились очень молодые люди, мальчики, которые ещё не умели делать орудия, они в силу каких-то запретов могли питаться только мелкими млекопитающими, обожжённые и расколотые кости которых были обнаружены в ходе раскопок в различных залах с рисунками, что в совокупности указывает на некую изоляцию молодых людей ритуального характера [Котов, 2010а; 2016, с. 49; Kotov, 2015, p. 145].

Яркой иллюстрацией испытательного характера посвятельных обрядов, которые проводились в пещере, является подъём на верхний этаж, представляющий собой несколько вертикальных уступов общей высотой около 30 м; среди них последний имеет высоту 14 м и нависающие стены. Рисунки расположены в 100 м от колодца в первом, самом крупном зале на этом этаже – зале Рисунков.

На восточной стене этого зала последними исследованиями с применением компьютерной обработки фотографий А. К. Солодейниковым были зафиксированы плохо различимые глазом изображения [Ляхницкий, Солодейников, 2004]. Теперь на этой стене имеется 7 мамонтов, 2 лошади, 1 трапециевидный знак, 1 антропоморфное изображение (рис. 2: 3). В результате красочное панно предстало как сложная композиция, состоящая из 3 частей, границы которых приурочены к рельефу поверхности. Стилистика изображений всех трёх групп показывает их единство, а, значит, какую-то последовательность событий. В правой части панно, в узком треугольнике, образованном справа краем скальной поверхности, а слева – широкой трещиной,

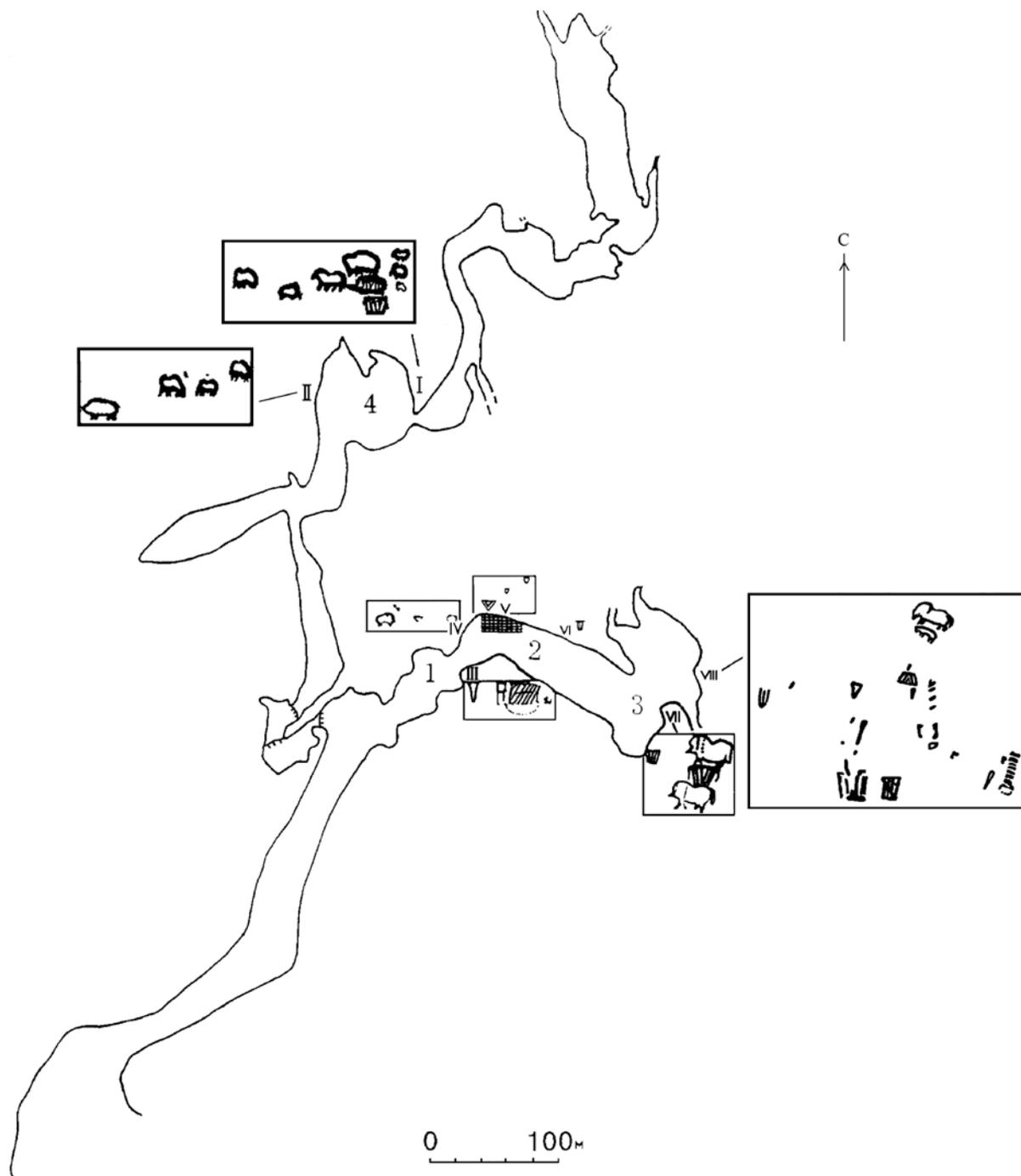

Рис. 1. Схематический план пещеры Шульган-Таш (Каповой) [по: Щелинский, 1996]:
1 – зал Купольный; 2 – зал Знаков; 3 – зал Хаоса; 4 – зал Рисунков. Римскими цифрами обозначены основные скопления рисунков.

были нарисованы последовательно, друг над другом, лошадь с мохнатой гривой и характерной утиной мордочкой, под ней такого же размера мамонт и человек напротив него, под ним ещё один маленький мамонт (**рис. 2: 4**). Первая группа представляет сцену противостояния человека и мамонта, при котором присутствует огромная лошадь. Принимая во внимание тот факт, что лошадь выступает, судя по композициям первого этажа, божественным символом верхней (небесной) части мироздания и божественным покровителем человека, то же самое следует видеть и здесь: лошадь покровительствует поединку человека (героя) с *большим и малым мамонтами*. Следующая группа животных движется вслед за огромной лошадей по направлению к трещине. Очевидно, здесь изображен тот же животный персонаж, что и в первой сцене, о чем говорит детальное сходство между ними. То же самое можно сказать и о мамонтах: здесь также изображены *большой и малый мамонты* (**рис. 2: 3**). Смысловым содержанием этой группы является *шествие животных* во главе с вожаком-лошадью по направлению к какой-то границе, которую символизировала трещина на стене. Эта граница была связана с образом *коня*, что было обозначено обработанным сколами кальцитовым натёком в виде передней части лошади. Третья группа обозначала, по нашему мнению, *выход животных* за пределы некоего сокрытого пространства, в котором они находились. При этом один мамонт из трёх, находящийся ближе всех к символической границе, повернул назад, в то же время другой мамонт демонстративно изображён поднявшимся выше других животных (**рис. 2: 3**).

Рядом с Восточным панно были зафиксированы на глыбах негативы крупных сколов [Котов, 2010б, с. 54, рис. 18]. В шурфе О. Н. Бадера 1978 г. под рисунками, который доисследовала Т. И. Щербакова в 2004 г., также были найдены сколы известняка и нуклеус [Щербакова, 2007]. Рядом с Западным панно на выступе скалы были обнаружены многочисленные негативы крупных сколов, покрытые кальцитовыми натёками [Котов, 2010б, с. 54, рис. 17].

На Западном панно изображения нанесены по диагонали от правого верхнего угла к левому нижнему. Все животные изображены головой влево, в профиль с четырьмя ногами (**рис. 2: 6**). Справа в верхнем углу панно нарисован мамонт, его тело полностью покрашено охрой – это единственное силуэтное изображение в пещере. В центре размещены малый и большой мамонт, которые нарисованы в контурной манере. Позади и над мамонтом находится антропоморф. Он изображен с растопыренными руками и ногами, с наклонённым в сторону мамонта туловищем и головой в виде круглого пятна (**рис. 2: 5**). Стиль изображения антропоморфа полностью совпадает с изображением человека на Восточном панно. Над маленьким мамонтом имеется короткая черта из охры. Несомненно, данная группа является единой сценой. И опять здесь присутствуют те же персонажи, которых мы видели на Восточной стене – *большой и малый мамонты*. Слева на значительном удалении (около 1,5 м) нарисован в контурной манере бык, стоящий в профиль (**рис. 2: 6**). Очевидно, в центре внимания на этой композиции древними художниками была представлена заключительная сцена какого-то мифологического действия, где человек уже преследует большого и малого мамонтов.

Из всего сказанного выше, можно сделать гипотетический вывод, что лошадь и мамонт являются двумя основными животными символами в мировоззрении древних людей, оставивших рисунки на стенах. Лошадь, без всякого сомнения, являлась центральным персонажем, выступая посредником во взаимодействии человека и животных в рамках древней тотемической мифологии. Кроме того, лошадь, судя по изображениям в зале Хаоса, являлась благожелательным существом, перерождающим человека, то есть, покровителем и родоначальником, а значит в мифологической картине мира конь символизировал собой светлую, верхнюю половину мироздания. Мамонт же – это противник человека, а значит и лошади. Поэтому мамонт по закону двойной мифологии должен символизировать нижний, подземный, тёмный мир. Семантика сцен в зале Рисунков показывает некий мифологический сюжет, в котором герой сражается с хтоническим персонажем, а лошадь покровительствует этому поединку. Далее лошадь выводит за собой животных из некоего замкнутого пространства, животные выходят наверх, при этом часть животных возвращается обратно. В последней сцене на Западном панно герой уже преследует хтонического персонажа (персонажей).

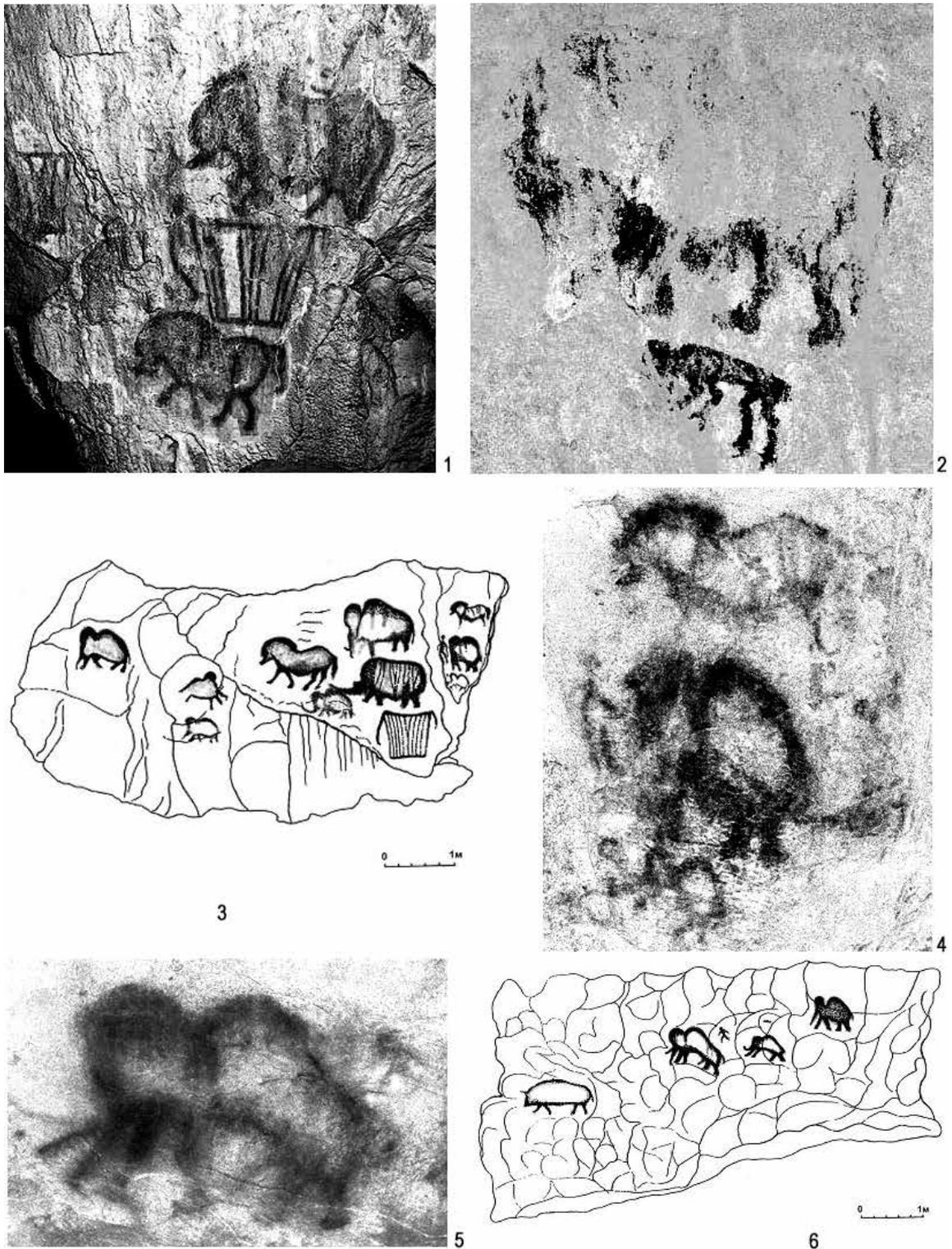

Рис. 2. Пещера Шульган-Таш (Каповая):

1 – панно «Лошадки и знак» в зале Хаоса [по: Ščelinskij, Širokov, 1999]; 2 – композиция «Лошадь и антропоморф» на гребне потолка в зале Хаоса, фото и компьютерная обработка: А. К. Солодейников; 3 – схема Восточного панно зала Рисунков, рисунок автора; 4 – фрагмент композиции на восточной стене в зале Рисунков [по: Ляхницкий, Солодейников, 2004], фото и компьютерная обработка: А. К. Солодейников; 5 – Большой мамонт и антропоморф на композиции западной стены зала Рисунков [по: Ляхницкий, Солодейников, 2004], компьютерная обработка фотографии: А. К. Солодейников; 6 – схема Западного панно зала Рисунков, рисунок автора.

Отсюда можно сделать вывод об определённом различии в содержании композиций среднего и верхнего яруса. Так, в залах с рисунками среднего яруса юноши знакомились с тотемами, с устройством космоса через тотемическую мифологию, узнавали о рождении героя-предка. На верхнем ярусе в зале Рисунков последовательно раскрывался героический миф, в котором тотем-покровитель помогает герою в сражении с хтоническим персонажем, а затем выводит из потустороннего мира животных, и далее герой уже преследует своего противника. Этот сюжет обладает не только героической, но и охотничьей символикой: мотив вывода животных из потустороннего мира и одаривания героя этими животными со стороны некоего хозяина и тотемного покровителя является наследием древнейшей охотничьей мифологии, присутствующей у ряда народов, сохранивших традиционную культуру.

Почитание пещеры Шульган-Таш по башкирскому фольклору. Мифологические представления, которые мы реконструируем на основе семантического анализа отдельных изображений и композиций в палеолитическом святилище Шульган-Таш, находят параллели в мифологическом пласте богатого башкирского фольклора, который многими сюжетными нитями и персонажами связан с пещерой Шульган-Таш. Здесь особо следует отметить, что ни с одной пещерой Евразии не связано столько преданий, легенд, эпосов, поверий, как с пещерой Шульган-Таш и озером Шульган. Фактически озеро и пещера являются центром мифологической картины древнего населения Южного Урала – предков башкир. Не случайно, в башкирской традиции бытуют до настоящего времени предания о противоборстве героя с хозяином подводного мира и выходе табунов лошадей и стад крупного рогатого скота со дна озера Шульган. Все они восходят к сюжетам многочисленных вариантов башкирских эпосов о Заятуляке и о чудесных конях и быках (эпосы «Кара Юрга», «Акхак Кола», «Конгур Буга», «Заятуляк и Хыухылу»), которые в свою очередь восходят к сюжету мифологического эпоса «Акбузат». Животных для героя в этом эпосе выводит *крылатый* конь Акбузат и выход его сопровождается природным катаклизмом. Обязательно юный батыр нарушает запрет оглядываться, и часть животных, которые не успели ещё выйти из воды на берег, тут же ныряют обратно в родную стихию. Покровительство небесного коня полностью преображает героя, в результате он получает возможность победить чудовищ нижнего мира в эпосах «Акбузат» и «Урал-батыр». Важно, что в эпосе «Акбузат» герой заставляет дивов во главе с падишахом Шульганом вырубить рядом с озером огромную пещеру – стойло для коня Акбузата, то есть, речь идёт о пещере Шульган-Таш [Башкирский народный эпос, с. 410]. Всё это может свидетельствовать о том, что эти эпосы были созданы на основе древнего мифа, который нашёл отражение в содержании красочных композиций эпохи оледенения в пещере Шульган-Таш. В этом ещё одна уникальность южно-уральской пещеры.

Надо отметить тот факт, что элементы этой мифологии широко присутствуют в миропредставлении, фольклоре и обрядности башкир. Например, до настоящего времени сохраняется почитание пещеры и озера Шульган как места обитания Хозяина подводного/подземного мира и чудесного крылатого коня Акбузата и крылатых коней. Здесь же обитают души предков и дивы-аждахи. Считается, что все башкирские кони, а также источник плодоносящей энергии, а значит, и богатства, происходят от этих крылатых лошадей «шульгановой» породы. Зафиксированы по всей территории расселения башкир поверья о том, что в озёрах, родниках, колодцах обитают аждахи-драконы или крылатые кони. С ними связываются происхождение элементов ландшафта. До настоящего времени существует почитание родовых гор и культ пещер. В фольклоре и обрядах сохраняются отголоски человеческих жертвоприношений хозяину водного источника [Котов, 2006, с. 264, 265]. Причем, в эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» описываются обряды принесения в жертву хозяину озера Шульган падишаху Шульгану самых красивых девушек [Башкирский народный эпос, с. 281, 283, 284, 286, 412]. То, что эти ритуалы имеют под собой какую-то историческую основу, свидетельствует обнаружение черепов и останков молодых женщин в пещере Шульган-Таш в ходе археологических исследований 2009 г. [Юсупов, Нечвалода, 2010; Котов, 2010б, с. 56; Житенёв, 2011].

Анализ башкирского фольклора и, прежде всего, башкирских эпосов показывает, что пещера Шульган-Таш находится в центре сюжетной линии многих эпических произведений, составляющих единый цикл от самых ранних, мифологических, до самых поздних, исторических эпосов.

Отсюда следует вывод, что пещера Шульган-Таш являлась на протяжении столетий, и даже тысячелетий, центром мифологической картины мира предков, а также самого башкирского народа. В настоящее время культовое почитание сохранилось отчасти лишь в среде башкир-бурзянцев, а у остального башкирского населения пещера Шульган-Таш стала символом их древней истории.

В свете всего этого, пещера Шульган-Таш предстаёт как уникальный по сложности исторический объект, требующий комплексного изучения и бережного сохранения как памятник национальной и мировой культуры. Учитывая время создания рисунков, их художественную выразительность и самобытную стилистику, высокий по тем временам уровень технологии их выполнения, можно утверждать, что наскальные изображения пещеры Шульган-Таш являются *шедевром творческого гения человека* (критерий I). Культовое почитание пещеры Шульган-Таш и связанных с ним традиций на протяжении тысячелетий и отчасти сохранившееся до наших дней является *уникальным свидетельством культурной традиции* (критерий III).

В последние годы Правительство Республики Башкортостан решило сделать пещеру Шульган-Таш объектом Всемирного наследия. Первым шагом стало создание Биосферного резервата под эгидой ЮНЕСКО в 2013 г. Тогда же в 2013 г. номинация по пещере Шульган-Таш (Каповой) вошла в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Состоялись ряд презентаций по пещере Шульган-Таш. В апреле 2013 г. автором был сделан доклад на заседании HEADS в г. Тюбингене [Kotov, 2015]. В октябре 2013 г. в рамках проведения Дней Башкортостана в Штаб-квартире ЮНЕСКО в г. Париже автором был прочитан доклад об уникальности пещеры Шульган-Таш [Kotov, 2015a]. На следующий год эксперты из ЮНЕСКО были приглашены посетить заповедник «Шульган-Таш» и ознакомиться с процессом подготовки номинации. В 2015 г. состоялся Международный научный Симпозиум в Бурзянском районе «Пещерные святилища: археология, ритуал, мифология», на котором были рассмотрены вопросы комплексных исследований и сохранения пещеры Шульган-Таш [Пещерные святилища..., 2016]. Следующий симпозиум был посвящён проблемам сохранения, консервации палеолитической живописи и пещеры Шульган-Таш и развитию туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра» [Проблемы сохранения..., 2016]. Для реализации новых направлений, связанных с продвижением пещеры Шульган-Таш в Список ЮНЕСКО по решению Правительства Республики Башкортостан был создан Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Шульган-Таш». В последние годы интенсифицировались процессы по изучению и сохранению пещеры Шульган-Таш, что вселяет надежду на реализацию тех задач, которые необходимы для сохранения пещерного комплекса и окружающего ландшафта в первоизданном виде.

Список источников и литературы

Башкирский народный эпос. – М.: Наука, 1977. – 518 с.

Бадер О. Н. Новые работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 157–158.

Древние святилища: археология, ритуал, мифология. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016.

Дублянский Ю. В., Мосли Д., Шпётль К., Ляхницкий Ю. С., Чен Х., Эдвардс Л. Уточнение возраста позднепалеолитических рисунков в пещере Шульган-Таш, Южный Урал, Россия // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 120–125.

Дублянский Ю. В., Мосли Дж., Шпётль К., Ляхницкий Ю. С., Житенев В. С., Эдвардс Р. Л. Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра». – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – С. 52–58.

Житенев В. С. Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. – М., 2011. – С. 462–476.

Котов В. Г. Башкирский народный эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. – Уфа: Гилем, 2006. – 408 с.

- Котов В. Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая). Мифологическая структура и семантика изображений // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. – С. 5–21.
- Котов В. Г.* Новые результаты археологического изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа: БГПУ, 2010а. – С. 74–78.
- Котов В. Г.* Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010б. – С. 43–63.
- Котов В. Г.* Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. – СПб.: СПбГУ, 2014. – С. 120–141.
- Котов В. Г.* Пещера Шульган-Таш (Капова) – центр природно-культурного комплекса «Земля Урал-батыра» // Круглый стол по теме: Башкирский Урал – Земля Урал-батыра. – Уфа: Скиф, 2015а. – С. 45–50.
- Котов В. Г.* Научный отчёт об исследованиях пещеры Шульган-Таш (Каповая) в Бурзянском районе Республики Башкортостан в 2010–2011 гг. – Уфа, 2015б / Научный архив Института археологии РАН.
- Котов В. Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 41–63.
- Ляхницкий Ю. С., Солодейников А. К.* Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001–2004 гг. // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. – С. 56–64.
- Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра».* – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – 160 с.
- Щелинский В. Е.* Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш [Каповой] // Пещерный палеолит Урала. – Уфа: Принт, 1997. – С. 29–38.
- Щелинский В. Е.* Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: композиция «Лошади и Знаки» в зале Хаоса // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 33–53.
- Щелинский В. Е.* Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 4–40.
- Щербакова Т. И.* Работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2005 года. – М., 2007. – С. 403–404.
- Юсупов Р. М., Нечвалода А. В.* О находке человеческого черепа из пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010б. – С. 107–115.
- Kotov V. G.* Natural and cultural complex “Bashkir Ural” // World Heritage: HEADS 4: Human origin sites and the World Heritage Convention in Eurasia. – Paris, 2015. – P. 142–152.
- World Heritage: HEADS 1: Human Evolution: Adaptations, Dispersals and Social Developments (HEADS).* World Heritage Thematic Programme. – Paris, 2011.
- World Heritage: HEADS 2: Human origin sites and the World Heritage Convention in Africa.* – Paris, 2012.
- World Heritage: HEADS 3: Human origin sites and the World Heritage Convention in Asia.* – Paris, 2014.
- World Heritage: HEADS 4: Human origin sites and the World Heritage Convention in Europe.* – Paris, 2015.

- Е. С. Леванова**
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: maraveriza@gmail.com
- Э. А. Грешников**
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Москва, Россия
e-mail: levkon1963@yandex.ru
- А. С. Пахун**
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: Pakhunov.science@pakhunov.com
- А. И. Фахри**
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: fakhri.amina@gmail.com
- А. Е. Гринько**
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: tikal@yandex.ru
- А. А. Ульянов**
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
e-mail: iarcheology@gmail.com
- К. В. Кириллова**
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Москва, Россия
e-mail: kirilova.x@gmail.com
- А. А. Колье**
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия
e-mail: AKolye@gmail.com

ВОПРОСЫ НОМИНИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

Целью статьи является обобщение информации по памятникам наскального искусства, входящим в список ЮНЕСКО, а также по объектам из Предварительного списка ЮНЕСКО.

Ключевые слова: наскальное искусство, ЮНЕСКО, Сикачи-Алян, Шульган-Таш.

- E. S. Levanova**
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia
- E. A. Greshnikov**
National Research Centre 'Kurchatov Institute'. Moscow. Russia
- A. S. Pakhunov**
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia
- A. I. Fakhri**
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia
- A. E. Grinko**
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia
- A. A. Ulianov**
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia
- K. V. Kirillova**
National Research University 'Higher School of Economics' Moscow. Russia
- A. A. Kolye**
Russian State University for the Humanities. Moscow. Russia

ROCK ART SITES IN THE UNESCO WORLD HERITAGE LIST

The main purpose of the article is to compile information on of rock art sites and regions included in the UNESCO World Heritage List and UNESCO Tentative List.

Keywords: наскальное искусство, ЮНЕСКО, Сикачи-Алян, Шульган-Таш.

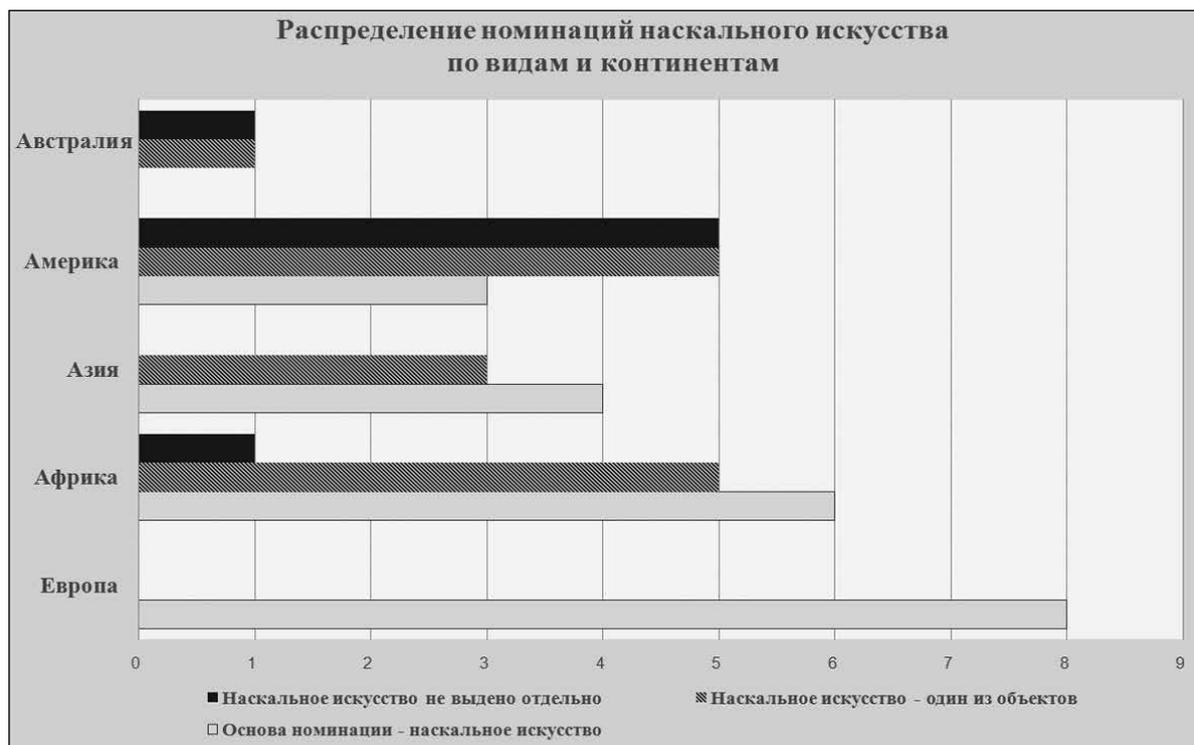
Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-01-00240а.

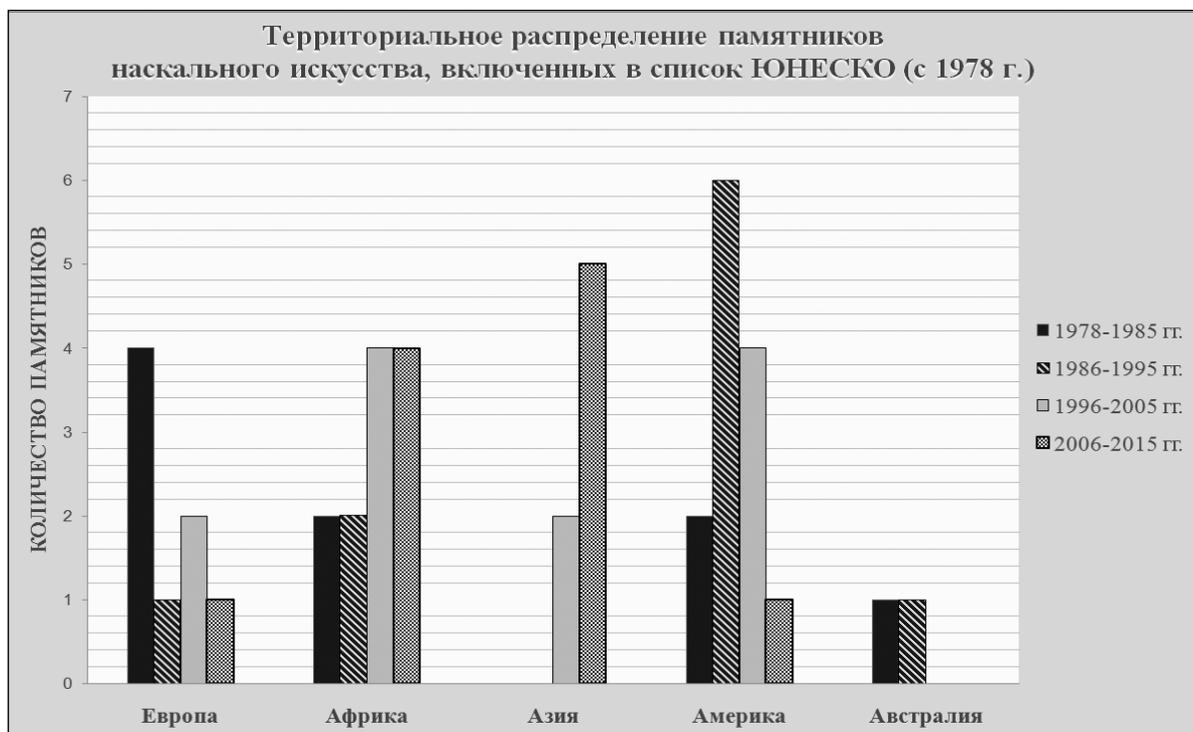
Для многих коллективов и исследователей, работающих на памятниках наскального искусства, некой сверхзадачей, своего рода идеалом, к которому следует стремиться, является включение памятника в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Многие ставят перед собой такую

задачу, другие – не ставят, понимая всю сложность её практической реализации, но в душе считают, что это правильная стратегическая цель, которая обеспечит памятнику надлежащую защиту, будет способствовать его общественному признанию, интеграции в систему актуальных ценностей и, в конечном счете, обеспечит сохранность. В России отсутствуют памятники из Основного списка, в Предварительный список ЮНЕСКО включены два российских объекта – Шульган-Таш (Капова пещера) в Башкортостане и Сикачи-Алян в Хабаровском крае [Devlet, Rakhunov, 2016]. Однако пропасть, разделяющая номинантов предварительного и основного списка, громадна. Зачастую вопрос о продвижении памятника в список ЮНЕСКО во многом определяется волей руководителей региона. В последние годы в Республике Башкортостан много делается для того, чтобы уникальный верхнепалеолитический комплекс с пещерным искусством Шульган-Таш (Капова пещера) получил надлежащую охрану и статус. Постоянное внимание к объекту наследия со стороны Правительства Республики, консультации с зарубежными и российскими специалистами, партнёрство с музеем Альтамира 2 и целевая финансовая поддержка позволили сконцентрировать усилия на актуальных вопросах сохранения, консервации пещерного искусства и разработать проект музейного комплекса. Музей рассматривается не только как инструмент популяризации древнейшего искусства, но и как проводник мифологической, эпической традиции башкир. Даже готовящуюся номинацию предполагалось назвать «Земля Урал-Батыра» [Проблемы сохранения..., 2016].

В 2016 г. Министерством культуры РФ в научные организации и органы охраны памятников были направлены запросы о представлении предложений к номинации с рабочим названием «Петроглифы России», которая должна бы охватить местонахождения различных регионов страны. В июне 2016 г. по инициативе Правительства Монголии в Улан-Баторе прошла международная встреча экспертов, высказывалось намерение разработать трансграничную номинацию по петроглифам России, Монголии, Китая и Казахстана.

Активизация работы по продвижению археологических памятников и достопримечательных мест в список ЮНЕСКО ставит перед исследователями и органами охраны памятников непростые задачи, а знакомство с зарубежным опытом в текущей ситуации является небесполезным. Очевидно, что для включения в список ЮНЕСКО необходимо провести на памятниках значительные охранные и консервационные мероприятия, поднять престиж памятников изобразительной деятельности в глазах общественности. В настоящее время в список ЮНЕСКО включены 42 района наскального искусства, которые характеризуются исключительной иконо-

графией изображений. С точки зрения опыта управления, существенный интерес представляют история признания эстетической и культурно-исторической ценности, особенности стратегий и наработанный опыт системы сохранения, музеефикации и показа.

В Список всемирного наследия ЮНЕСКО памятники наскального искусства включались в следующей последовательности:

1. Меса Верде, США, культура, один из видов памятников (1978).*
2. Валкамоника, Италия, культура, основной объект (1979).
3. Долина Везера, Франция, культура, один из видов памятников (1979).
4. Гран-Каньон, США, культура, один из видов памятников (1979).
5. Какаду, Австралия, смешанный, один из видов памятников (1981, 1987, 1992).
6. Тассилин Аджер, Алжир, культура, основной объект (1982).
7. Альта, Норвегия, культура, основной объект (1985).
8. Пещера Альтамира, Испании (2008) + палеолитические пещеры Северной Испании, культура, основной объект (1985).
9. Тадрарт Акакюс, Ливия, культура, основной объект (1985).
10. Чако, США, культура, один из видов памятников (1987).
11. Улуру Ката Тьюта, Австралия, культура, смешанная номинация, один из видов памятников (1987, с 1994 реноминация).
12. Нагорье Бандиагара (земля догонов), Мали, смешанная номинация, один из видов памятников (1989).
13. Пещера Серра-да-Капивара, Бразилия, культура, основной объект (1991).
14. Аир и Тенере, Нигер, смешанная номинация, один из видов памятников (1991).
15. Сьерра-де-Сан-Франсиско, Мексика, культура, основной объект (1993).
16. Танум, Швеция, культура, основной объект (1994).
17. Наска и Пампас-де-Хумана, Перу, смешанный, один из видов памятников (1994).
18. Остров Пасхи, Чили, культура, один из видов памятников (1995).

* В данном списке приводятся: упрощенное название памятника (многие номинации имеют более образные названия) – страна – категория номинации (являются ли памятники наскального искусства основным объектом или одним из видов памятников, составляющих номинацию), год включения в список ЮНЕСКО и год внесения изменений в номинацию.

19. Сан-Агустин, Колумбия, культура, один из видов памятников (1995).
20. Пиренеи, Испания, культура, основной объект (1998).
21. Фуэрте-де-Самайпата, Боливия, смешанный, один из видов памятников (1998).
22. Долина Коа, Португалия, (2010) + Съега Верде, Испания, культура, трансграничная номинация, основной объект (1998).
23. Пещера Куэва-де-Лас-Манос, Аргентина, культура, основной объект (1999).
24. Дракенсберг, Южная Африка, (2013) + Малоти, Лесото, смешанный, трансграничная номинация, один из видов памятников (2000).
25. Исчигуаласто и Талампайя, Аргентина, смешанный, один из видов памятников (2000).
26. Цодило, Ботсвана, культура, основной объект (2001).
27. Бхимбетка, Индия, культура, основной объект (2003).
28. Мапунгубве, Южная Африка, культура, один из видов памятников (2003).
29. Матобо, Зимбабве, культура, один из видов памятников (2003).
30. Кебрада-де-Умауака, Аргентина, смешанный, один из видов памятников (2003).
31. Тамгалы, Казахстан, культура, один из видов памятников (2004).
32. Кондоа, Танзания, культура, основной объект (2006).
33. Чонгони, Малави, культура, основной объект (2006).
34. Твифелфонтейн, Намибия, культура, основной объект (2007).
35. Гобустан, Азербайджан, культура, основной объект (2007).
36. Лопе-Оканда, Габон, смешанный, один из видов памятников (2007).
37. Сулайман-Тоо, Кыргызстан, культура, один из видов памятников (2009).
38. Пещеры Ягула и Митла, центральная долина Оахака, Мексика, культура, один из видов памятников (2010).
39. Монгольский Алтай, Монголия, культура, основной объект (2011).
40. Вади Рам, Иордания, смешанный, один из видов памятников (2011).
41. Пещера Шове, Франция, культура, основной объект (2014).
42. Хаиль, Саудовская Аравия, основной объект (2015).

Эти 42 местонахождения имеют различный статус [Дэвлет, 2002]: в 21 случае наскальные изображения составляют основу номинации (это Альтамира, Шове, французские пещеры в долине р. Везер и другие хрестоматийные памятники); вторая значительная группа включает 14 номинаций, в которые памятники наскального искусства входят как значимый, специально обозначенный компонент более сложной структуры; наконец, наименее заметной составляющей являются памятники наскального искусства в третьей группе, в которой они выступают как бы сопутствующими объектами, формирующими историко-культурный контекст, всего таких примеров 7.

Памятники наскального искусства занимают всё большее место в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО. Интегрированные в систему современных ценностей, структуру культурного туризма, символы и образы древних культур во многих странах мира являются мощным ресурсом исторической памяти, наиболее привлекательным с эстетической точки зрения и удобным для современного восприятия окном в мир древних культур [Дэвлет и др., 2015].

Список литературы

- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М., 2002. – 340 с.
- Дэвлет Е. Г., Фахри А. И., Острирова Е. С., Грешиников Э. А., Пахунов А. С., Ульянов А. А. Памятники наскального искусства в списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО // IV Северный археологический конгресс: материалы. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2015. – С. 233–237.
- Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – 160 с.
- Devlet E., Pakhunov A. Rock art studies in Northern Russia, the Urals and the Far East 2010-2014 // Rock Art Studies. News of the world V / Bahn P., Franklin N., Strecker M., Devlet E. (eds). – Oxford: Archaeopress, 2016. – P. 97–114.
- Devlet E. Rock art from the Russian Far East: The Sikachi-Alyan Tentative World Heritage Site // Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia. World heritage series. Papers 41. Heads 4. Volume I. / Ed. Nuria Sanz. – Paris: France, 2015. – P. 128–141.

В. И. Макулов

*Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири
Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Красноярск, Россия*

Н. И. Дроздов

*Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири
Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Красноярск, Россия*

СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КРУПНЫХ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются вопросы сохранения археологических памятников в зонах водохранилищ построенных и проектируемых гидроэлектростанций на реках Енисей, Ангара и Нижняя Тунгуска в Красноярском крае. Огромные площади затопления остро ставят вопросы выявления, изучения и сохранения памятников археологии, расположенных в этих регионах. На данный момент на этих огромных территориях благодаря археологическим исследованиям выявлены сотни археологических памятников различных археологических культур от палеолита до этнографической современности.

Ключевые слова: памятники археологии; охранно-спасательные работы; зона затопления ложа водохранилища; Красноярская, Богучанская, Мотыгинская, Стрелковская, Туруханская ГЭС.

V. I. Makulov

*Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia
Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Krasnoyarsk, Russia*

N. I. Drozdov

*Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia
Institute for Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Krasnoyarsk, Russia*

PRESERVATION OF ARCHEOLOGICAL HERITAGE OBJECTS IN CONDITIONS OF CONSTRUCTION OF LARGE HYDROTECHNICAL FACILITIES IN KRASNOYARSK TERRITORY

The article discusses the issues of preserving archaeological sites in the areas of already constructed and currently designed water storages of hydroelectric power stations on the Yenisei, Angara and Nizhnyaya Tunguska rivers in Krasnoyarsk territory. The problems of revealing, studying and preserving archaeological sites located in these areas become quite acute due to the fact that vast territories are to be flooded there. At present, thanks to archaeological research hundreds of archaeological sites have been discovered on these huge geographical expanses. The archaeological sites belong to various cultures – from Paleolithic to ethnographical modernity.

Keywords: archaeological sites; protective-rescue operations; water storage reservoir flooding zone; Krasnoyarsk, Motyginskaya, Boguchanskaya, Strelkovskaya, Turukhanskaya Hydroelectric Power Stations.

Проблема сохранения объектов историко-культурного, в том числе археологического, наследия при строительстве крупных гидротехнических сооружений в Красноярском крае на современном этапе является одной из наиболее острых. Как показал многолетний опыт строительства Красноярской, Саяно-Шушенской, Майнской, Хантайской, Курейской и Богучанской ГЭС, урон, наносимый объектам археологического наследия, грандиозен и невосполним. Это обусловлено масштабностью сооружений и огромной площадью речных долин Енисея и Ангары, которые были затоплены водохранилищами. Как показали археологические исследования, эти территории осваивались и населялись человеком со времени раннего палеолита. Здесь были сосредоточены многочисленные по типологическому и культурному разнообразию памятники археологии: стоянки и поселения, курганные и грунтовые могильники, поминальники и куль-

товые места, наскальные рисунки и памятники древней письменности, стелы и изваяния. Хронологически памятники относятся к эпохам палеолита и мезолита, неолита и энеолита, бронзового и железного веков, средневековья и этнографической современности. Объяснение их сосредоточению лежит на поверхности — реки с глубокой древности являлись основными транспортными артериями и главными путями миграций человека, источниками воды и пищи.

Нельзя говорить, что сохранению объектов археологического наследия при строительстве ГЭС не уделялось внимания. Конечно, уделялось. Это требование законодательства как бывшего Советского Союза, так и Российской Федерации сегодня. Но археологические объекты чаще всего рассматривались проектировщиками, строителями, финансистами, управленцами и хозяйственниками как досадная и совершенно не запланированная помеха грандиозному строительству, а раскопчные археологические работы, как некая прихоть небольшой группы учёных-археологов, желающих удовлетворить свой личный интерес за государственный счёт. Следовательно — ничем не обоснованная трата государственных средств (все охранно-спасательные мероприятия в зонах водохранилищ всегда проводились только за государственный счёт). Как и шестьдесят лет назад, отговорку и оправдание такому отношению к древнейшему историческому прошлому (являющемуся общемировым достоянием), гидростроительное сообщество находило и находит в отсутствии государственных средств. Исходя из такого подхода, охранно-спасательные мероприятия финансировались в самый последний момент, по остаточному принципу, и поэтому выполнялись в авральном режиме. Так было при строительстве практически всех ГЭС Сибири: Братской, Красноярской, Саяно-Шушенской, Богучанской и др.

При всей масштабности охранно-спасательных археологических работ, проведённых в разные годы в зонах затопления водохранилищ, в результате которых были раскопаны тысячи археологических памятников, необходимо отметить, что они носили ограниченный характер. Ярчайшим примером является Красноярское, Саяно-Шушенское водохранилища, не составляет исключения и Богучанское. А при строительстве Курейской ГЭС (площадь зеркала водохранилища около 560 кв. км.) и Хантайской ГЭС (площадь зеркала водохранилища — около 1560 кв. км.) на севере Красноярского края археологические работы не проводились совсем.

Красноярское водохранилище. Входит в десятку крупнейших водохранилищ мира и второе по объёму после Братского в России. Площадь водохранилища более 2000 кв. км., длина береговой линии составляет около 1600 км, а протяжённость затопленного русла около 390 км (от устья р. Абакан в верхней точке до плотины ГЭС — в нижней).

К началу строительства Красноярской ГЭС в 1956 г. на этой территории находились тысячи археологических объектов. Не все они были учтены, поскольку специальных предварительных обследований никогда не проводилось, многие были открыты в процессе проведения охранных мероприятий. Самую многочисленную группу памятников составляли видимые объекты: курганные и грунтовые могильники, поминальники, петроглифы и изваяния, а также были известны несколько стоянок каменного века и более поздних эпох, не имеющие внешних проявлений [Вадецкая, 1986; Абрамова и др., 1991]. Для проведения охранно-спасательных археологических работ была создана крупнейшая в Сибири Красноярская археологическая экспедиция, которой около 20 лет руководил выдающийся учёный Михаил Петрович Грязнов.

Объём проведённых экспедицией разведочных, раскопчных и иных работ, связанных с памятниками археологии, был огромен. На некоторых памятниках работы велись до того момента, пока археологические раскопы полностью не заливала поднимающаяся вода (например, неолитическая стоянка Унюк и др.). Археологи до последнего момента старались раскопать, зафиксировать и сохранить для будущих поколений максимальное количество ценной исторической информации по материальной и духовной культуре древнего населения Среднего Енисея. Была разработана и применена новая методика раскопок погребальных комплексов, фиксации древних наскальных рисунков, развита и дополнена ранее разработанная С. А. Теплоуховым периодизация памятников Среднего Енисея, были выделены новые археологические культуры эпохи палеолита [Абрамова, 1979а; 1979б]. Объём полученных археологических материалов был столь огромен, что они до настоящего времени опубликованы лишь частично.

Но из-за ограниченности отпущенного для раскопок времени и финансирования, многие сотни объектов археологии ушли под воду частично исследованными или не исследованными вовсе и оказались невосполнимо утраченными.

Вместе с наполнением ложа Красноярского водохранилища начался интенсивный процесс абразии его береговой линии, который, начавшись многие десятилетия назад, продолжается до настоящего времени. В результате ежегодного размыва и обрушения склонов террас были полностью или частично уничтожены многочисленные уникальные археологические объекты, которые располагались на участках террас от затопленного русла Енисея до современных отметок.

Но одновременно абразия вскрыла десятки новых археологических объектов эпохи палеолита, изучение некоторых из них было продолжено разведочными отрядами ЛОИА АН СССР после наполнения водохранилища [Абрамова и др., 1991].

В 1986 г. отрядом Красноярского государственного педагогического института в окрестностях п. Куртак Новосёловского района Красноярского края были обнаружены стоянки, культурные остатки которых залегают на глубине десятков метров от уровня современной дневной поверхности [Хроностратиграфия палеолитических памятников..., 1990; Археология, геология и палеогеография..., 1992]. Эти памятники расположены на значительном удалении от бывшего русла Енисея, на более высоких гипсометрических уровнях по сравнению с ранее выявленными памятниками. На отдельных участках мощность размываемых пород достигает 40 и более метров, где у подножия обрывов были выявлены одни из древнейших палеолитических памятников Средней Сибири, относящиеся к среднему и раннему палеолиту [Дроздов и др., 2007]. Открытие, сделанное авторами статьи в 1986 г. в окрестностях Куртака, положило начало новой странице в истории изучения палеолита Среднего Енисея, связанной с комплексными исследованиями древнейших памятников Средней Сибири, продолжающихся в настоящее время [Дроздов и др., 2015]. На памятниках Куртацкого археологического района работали специалисты вузовской и академической науки как России, так и зарубежных стран [Дроздов и др., 2000; 2005]. Материалы и результаты исследований получили широкую международную известность и неоднократно представлялись мировому научному сообществу на многочисленных международных конференциях и симпозиумах, полевых экскурсиях, которые были проведены непосредственно на памятниках.

Саяно-Шушенское водохранилище. Образовано в результате строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Площадь водохранилища более 620 кв. км., протяжённость от плотины вверх по руслу р. Енисей составляет более 310 км, ширина от 0,5 км (в пределах Саянского каньона) до 9 км (в Тувинской котловине). Строительство ГЭС шло в период с 1963 г. по 2000 г., а заполнение водохранилища до проектной отметки произошло в 1990 г. В зону водохранилища перед началом строительства ГЭС попадали около 5000 археологических памятников, включая, в основном, разновременные курганы, наскальные рисунки, несколько десятков стоянок каменного века и поселений эпохи бронзы – средневековья [Грач, 1976; Астахов, 1986 ; Абрамова и др., 1991].

Для проведения охранно-спасательных археологических работ в зоне затопления ложа водохранилища была создана Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А. Д. Грача. Костяк научного коллектива составили сотрудники, получившие опыт работы на территории Красноярского водохранилища. При организации работ учитывались данные, которые были получены в процессе проведения предварительных разведок. Для фиксации объектов впервые широко была привлечена вертолётная авиация.

В процессе комплексных исследований были раскопаны и обследованы тысячи разновременных и разнокультурных археологических объектов, были выявлены стоянки, относящиеся к раннему, среднему, позднему палеолиту, и не только в зоне затопления ГЭС [Астахов, 1986].

Но в связи с тем, что строительство ГЭС велось опережающими темпами, провести в полном объёме охранно-спасательные археологические работы не удалось, как и на Красноярском водохранилище.

Майнское водохранилище. Образовано в результате строительства Майнской ГЭС в период с 1979 по 1987 гг. Площадь водохранилища – 11,5 кв. км, протяжённость вдоль русла – более 20 км, ширина – 0,5 км. Археологические работы шли здесь одновременно с работами и в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Работы продолжились в процессе строительства плотины Майнской ГЭС и после его завершения. Основные исследования проводились на многослойных памятниках каменного века, как правило, позднепалеолитических [Васильев, 1996]. Это единственное водохранилище, которое в силу минимальных размеров нанесло наименьший

урон памятникам археологии. Основные разрушения, которым подверглись здесь археологические объекты, носили техногенный характер.

Богучанское водохранилище. Образовано в результате строительства Богучанской ГЭС. Площадь водохранилища – 2326 кв. км, протяженность от плотины Богучанской ГЭС до плотины Усть-Илимской ГЭС – 375 км, ширина – до 14 км, длина береговой линии – более 2500 км. При наполнении водохранилища по крупным притокам Ангары образовались большие заливы, протяжённостью до 15–50 км, а по р. Кове более 75 км.

Предыстория охранно-спасательных археологических исследований зоны будущего Богучанского водохранилища начинается с 1937 г., разведочными работами на Нижней Ангаре отряда Иркутского областного музея под руководством А. П. Окладникова, которые явились продолжением исследований, проведённых на Верхней и Средней Ангаре в связи с проектом строительства каскада гидроэлектростанций [Окладников, 1939; 1945; 1950; 1955; Васильевский и др., 1988]. В результате были открыты десятки археологических памятников в зоне водохранилища: Мозговая, Чирида, Усть-Кова, Дворец, Каменный-Кежемский, Кода и др.

В 1969 г. отряд Иркутского государственного университета под руководством Г. И. Медведева провёл разведочные работы в зоне Богучанского водохранилища от п. Кеуль до устья р. Чадобец, открыв и вновь обследовав несколько десятков стоянок. В последующие годы отрядами ИГУ разведки были продолжены, проведены стационарные раскопки на комплексе стоянок Кода 1–4 и Чадобец под руководством Н. И. Дроздова [Дроздов, Дементьев, 1974]. С 1973 г. раскопочные разведочные работы в зоне водохранилища вела Северо-Ангарская археологическая экспедиция (с 1985 г. – Комплексная археологическая экспедиция) Красноярского краеведческого музея и Красноярского пединститута, возглавляемая Н. И. Дроздовым [Дроздов, 1976]. С 1986 г. по 2006 г. отряды экспедиции работали совместно с сотрудниками и отрядами Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне – Института археологии и этнографии СО РАН). Сотрудниками экспедиции проведены масштабные разведочные работы, паспортизированы 42 археологических памятника, определены объёмы и первичная оценка охранно-спасательных работ в ложе водохранилища на территории Красноярского края. Раскопочные работы проводились на стоянках Чадобец, Кода и Усть-Кода, Пашино, Усть-Кова, Толстый Мыс, Окуневка, Сосновый Мыс [Васильевский и др., 1988]. Одновременно в зоне затопления периодически работали отряды ИИФиФ СО АН СССР под руководством В. В. Бурилова, Д. Ю. Березина, отряды Красноярского краевого краеведческого музея под руководством В. И. Привалихина, усилиями которых исследовались стоянки и могильники Парта, Колпаковка, Сергушкин 1–3, Слопцы, Капонир и др. [Березин, 2004; Бурилов, 1969; Бурилов, Березин, 1986; Привалихин, 1993; Привалихин и др., 2013].

Но все эти работы носили ограниченный характер, поскольку финансировались за счёт собственных средств учреждений и лишь иногда организациями, имеющими отношение к строительству ГЭС и подготовке ложа водохранилища.

Яркую заключительную страницу в историю охранно-спасательных археологических работ в современных условиях вписали работы Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, проведённые в зоне ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг. За шесть коротких полевых сезонов на 375-километровом участке ангарской долины экспедицией был проведён беспрецедентный по сложности и объёму комплекс охранно-спасательных археологических исследований, не имеющий аналогов в современной истории России. Этому способствовало современное законодательство Российской Федерации по сохранению и использованию историко-культурного наследия, в частности, Закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», закрепивший положение, что те территории, на которых планируется строительство, подлежат обязательному обследованию с целью исключения наличия памятников истории и культуры, а в случае их обнаружения – работам по сохранению историко-культурного наследия в полном объёме.

Научным руководителем экспедиции являлся директор ИАЭТ СО РАН академик РАН Анатолий Пантелеевич Деревянко, начальником экспедиции – ректор Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и одновременно заведующий Красно-

ярской лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ д. и. н., профессор Николай Иванович Дроздов, заместителем – заведующий кафедрой археологии и этнографии Иркутского государственного университета, директор Центра международных гуманитарных программ при ИГУ и заведующий Лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ д. и. н., профессор Герман Иванович Медведев. В работах участвовали ведущие научные коллективы академических учреждений, высших учебных заведений и музеев Сибири и Дальнего Востока.

Работы проводились в условиях короткого северного лета, при фактическом отсутствии транспортной и социальной инфраструктуры. В зоне наполняющегося водохранилища усилиями почти 5000 человек на 222 памятниках археологии широкомасштабными раскопками было исследовано 165 тыс. кв. м. площади, в результате которых было выявлено более одного миллиона артефактов [Богучанская археологическая экспедиция, 2014; 2015, с. 16]. Особую специфику раскопкам придавало то обстоятельство, что практически все памятники являлись многослойными, со сложной стратиграфией. На ряде стоянок и поселений присутствовали разновременные грунтовые могильники.

В ходе работ была выработана новая и усовершенствована уже существующая методика ведения археологических исследований большими площадями в условиях таёжной местности, полевой и камеральной обработки коллекционного материала. Нароботан огромный практический опыт организационных мероприятий по материально-техническому оснащению и постоянному обеспечению экспедиции в современных условиях, доставке сотрудников к месту работ, чёткому взаимодействию с органами законодательной и исполнительной власти по всей вертикали (от республиканских до местных), правопорядка и здравоохранения, хозяйствующими субъектами и др.

Особо необходимо подчеркнуть чрезвычайно важный положительный момент, связанный с доступностью и популяризацией для специалистов и широких групп населения тех материалов, которые были получены в результате охранно-спасательных работ на Богучанском водохранилище. Вышло в свет прекрасно иллюстрированное научно-популярное издание наиболее ярких материалов экспедиции [Богучанская археологическая экспедиция, 2015], издавались красочные буклеты. Подготовлены и переданы в архивный фонд сотни научно-технических и научных отчётов, опубликованы сотни научных статей, прочитаны сотни докладов на конференциях разного уровня. Успешно начата реализация проекта по изданию научных материалов по всем археологическим памятникам, которые были обследованы и изучены в процессе работы экспедиции. В 2015 г. вышел в свет первый том Трудов Богучанской археологической экспедиции [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015].

Но, как и в предыдущие годы, работы на Богучанском водохранилище не были проведены в полном объёме и ограничились стоянками на берегах Ангары. Остались совершенно необследованными затопляемые участки крупных притоков Ангары, где нельзя исключить наличия памятников. Как и при строительстве ряда предыдущих ГЭС, не были осуществлены возможные мероприятия по спасению памятников древнего наскального искусства: «Следует отметить, что во время строительства Иркутской, Братской, Усть-Илимской гидроэлектростанций спасательными археологическими работами были охвачены далеко не все археологические объекты, многие из них не получили полного обследования. В результате ряд уникальных памятников Ангары, например, сотни наскальных изображений, которые могли бы украсить любой музей, ушли под воду» [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, с.12]. Несколько таких объектов затоплены Богучанским водохранилищем.

Мы считали целесообразным после проведённого обследования, описания, фотофиксации и точной инструментальной привязки на местности, произвести изъятие и перевозку в Красноярский краевой краеведческий музей с целью передачи на хранение в государственный музейный фонд двух объектов древнего наскального искусства из зоны затопления Богучанской ГЭС – петроглифов «Тимохин Камень» и «Аплинский порог» [Заика и др., 2001; 2005]. Петроглиф «Тимохин Камень» представлял собой лежащий на береговой осыпи крупный валун известняка, на поверхности которого были выбиты изображения «рогатых» личин. Уникальный в Приангарье памятник, не имеющий аналогов. Петроглиф «Аплинский порог» представлял собой группу рисунков, выполненных на фризах скальных поверхностей берегового утёса. Среди них особый интерес представляла плоскость с выбитыми парциальными изображениями

лосей хорошей сохранности. Данная плоскость – небольшая по размеру, была отделена от скалы естественной трещиной, и её без особых усилий можно было окончательно отделить.

Авторы статьи, учитывая уникальность и единичность этих памятников в зоне затопления Богучанской ГЭС, выходили с инициативой осуществить выемку указанных объектов и перевозки их на хранение в Красноярский краевой краеведческий музей. Мы учитывали при этом, что подобный перенос фрагментов скальных поверхностей с рисунками уже проводился при строительстве Братской ГЭС. Осуществить перенос указанных объектов на Богучанском водохранилище технически не представляло труда. Погрузку валуна и фрагментов скалы с рисунками с берега на плавсредство можно было осуществить даже вручную. Но, к сожалению, инициатива упёрлась в законодательную стену и была отклонена органами охраны памятников в связи с тем, что требовалось специальное разрешение Министерства культуры РФ на перемещение недвижимых памятников, и в смете расходов на охранно-спасательные мероприятия эти работы не были учтены. А получить разрешение у вышестоящей организации местные органы охраны памятников не посчитали нужным. В результате уникальные памятники древнего изобразительного искусства оказались затоплены водами Богучанского водохранилища и безвозвратно утеряны.

В настоящий момент на Богучанском водохранилище, как и на других водохранилищах, начался процесс абразии береговой зоны, начинается процесс проявления и разрушения ранее не известных археологических памятников, расположенных на более высоких гипсометрических отметках. В этой связи считаем необходимым обязательное создание службы археологического мониторинга водохранилищ для определения оперативных охранно-спасательных мероприятий.

В настоящее время продолжают проектные и изыскательские работы по строительству в Красноярском крае четырёх гидроэлектростанций: Эвенкийской (Туруханской) на р. Нижней Тунгуске, Нижне-Богучанской, Мотыгинской и Стрелковской на р. Ангаре. Работы находятся на разных уровнях реализации, но в зонах проектируемых ГЭС на р. Ангаре на данный момент известны более 100 археологических памятников [Дроздов и др., 1989; Заика и др., 2000; Макулов, 1998; Макулов и др., 1999; 2001; Выборнов и др., 2014]. В этом списке более 20 писаниц эпохи неолита – железного века (с десятками, а иногда и сотнями рисунков): Тасеевское каменное изваяние, Мурожные камни, Олений Утёс, Рыбная, Каменка, Зергули, Манзя, Мурский порог, Писаный Камень и др. Писаницы, как правило, расположены на скальных массивах и утёсах, но имеется несколько крупных отдельных валунов, на которых также нанесены рисунки путём выбивки [Дроздов и др., 1996; 2000; 2001]. Имеется каменное изваяние, расположенное на горе в устьевом участке р. Тасеевой [Дроздов и др., 1988].

В связи с тем, что каскад ангарских гидроэлектростанций полностью затопит участок долины реки от плотины Богучанской ГЭС до устья, а, следовательно, и все памятники, то необходимо в самое ближайшее время провести сплошное археологическое обследование всей этой территории, включая долины крупных притоков: рр. Муры, Невонки, Карабулы, Иркинеевой, Каменки, Тасеевой и др., где также имеются археологические объекты. Такой же комплекс работ необходимо провести и в зоне водохранилища будущей Эвенкийской ГЭС на Нижней Тунгуске. Это позволит определить площади памятников, степень их сохранности для расчётов по объёмам и стоимости охранно-спасательных работ.

Учитывая опыт работы на Богучанском водохранилище, учёные взяли на себя определённую инициативу и по мере возможности начали проводить разведочные работы, определяя месторасположение и границы памятников в зонах ангарского каскада. В 2014 г. отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. В. Выборнова проведены работы на участке р. Ангары от створа Богучанской ГЭС до с. Богучаны [Выборнов и др., 2014].

Накопленный опыт по организации, проведению, научному руководству и сопровождению масштабных охранно-спасательных археологических работ в зонах ложа водохранилищ сибирских гидроэлектростанций поможет и в будущем более оперативно решать вопросы спасения объектов археологического наследия. При этом охранно-спасательные археологические работы должны начинаться в зонах затопления ложа водохранилищ ГЭС ещё на стадии технико-экономического обоснования проекта, для определения объёмов и сроков археологических работ,

объёмов финансирования, должны быть продолжены при подготовке раздела проекта по охране памятников истории и культуры и планомерно заканчиваться в процессе строительства гидротехнического сооружения по мере наполнения водохранилища.

В этой связи мы считаем, что должна быть разработана государственная долгосрочная программа археологического изучения территорий будущих водохранилищ проектируемых ГЭС в соответствии с перспективным планом строительства гидроэлектростанций на территории Красноярского края (в близкосрочной и долгосрочной перспективе).

Представляется целесообразным осуществить корректировку существующего законодательства РФ в области финансирования охранно-спасательных мероприятий на памятниках археологии в зонах водохранилищ ГЭС. Проводить эти работы не только за счёт государства, но и за счёт инвесторов, осуществляя принцип долевого частно-государственного партнёрства. Такая корректировка диктуется произошедшей в стране сменой социально-политического строя, изменением финансовой системы и системы хозяйствования, форм собственности.

Законодательно определить обязательность проведения финансируемых мероприятий по переносу из зон затопления долговременных гидротехнических сооружений и размещению на хранение в государственный музейный фонд РФ стел, изваяний, скальных поверхностей с деревянными рисунками, письменами и др.

На государственном уровне решить проблему создания государственной службы археологического мониторинга водохранилищ и отчисления соответствующих средств со стороны собственников гидроэлектростанций как на её содержание, так и на проведение комплексных охранно-спасательных мероприятий.

Список литературы

- Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 160 с.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 199 с.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 157 с.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Международного симпозиума / Дроздов Н. И., Чеха В. П., Акимова Е. В., Артемьев Е. В., Кольцова В. Г., Бокарев А. А., Оводов Н. Д., Мартынович Н. В., Вдовин А. С., Орлова Л. А., Ямских А. Ф., Ларичев В. Е., Холушкин Ю. П., Сулержицкий Л. Д. – Красноярск: Зодиак, 1992. – 130 с.
- Астахов С. Н. Палеолит Тувы. – Новосибирск: Наука, 1986. – 176 с.
- Березин Д. Ю. Керамические комплексы неолитических памятников Средней Ангары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск., 2004. – 24 с.
- Богучанская археологическая экспедиция / А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, С. В. Колонцов, Г. И. Марковский, А. А. Присекайло, А. А. Дудко. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 105 с.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2015. – 564 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1).
- Бурилов В. В. О некоторых результатах археологической разведки по Ангаре в 1968 г. // Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. – № 6 (156). – Вып. 2. 1969. – С. 158–159.
- Бурилов В. В., Березин Д. Ю. Пешни с поселения на реке Парта // Изв. СО АН СССР. – Вып. 1. – 1986. – С. 43–44.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 224 с.
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.
- Выборнов А. В., Цыбанков А. А., Макулов В. И. Археологическая разведка 2014 года на Ангаре в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 427–430.
- Грач А. Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // Археологические открытия 1965 г. – М.: Наука, 1966. – С. 22–23.
- Дроздов Н. И. Северо-Ангарская археологическая экспедиция // Археологические открытия 1975 года. – Москва: Наука, 1976. – С. 237.
- Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В. И., Чеха В. П., Дроздов Д. Н. Куртакский геологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири (к 20-летию со времени открытия) // Российская Археология. 2007. № 4. – С. 32–41.

- Дроздов Н. И., Дементьев Д. И.* Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов Юга Восточной Сибири. Вып. I. – Иркутск, 1974. – С. 204–228.
- Дроздов Н. И., Ермолаев А. В., Макулов В. И.* Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Предварительные материалы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. – С. 190–212.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И.* Древнее искусство Нижнего Приангарья (итоги пятилетних исследований) // Новейшие археологические открытия в Сибири. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 91–95.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И.* Новые петроглифы Северного Приангарья // Северный археологический конгресс. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 104–105.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И., Леонтьев В. П., Чеха В. П., Березовский А. П., Ключников Т. А.* Археологические исследования на территории Красноярского края в 2000 году // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. Выпуск 2. Том 1. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 10–47.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Заика А. Л., Леонтьев В. П.* Результаты археологических исследований памятников материальной культуры р. Подкаменной Тунгуски и наскальных рисунков Нижней Ангары (по итогам работ 1999 года) // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. – Красноярск, 2000. Вып. 1. – С. 43–55.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П., Дроздов Д. Н.* Поздний плейстоцен Куртаковского георхеологического района (хроностратиграфия района) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 4. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 115–119.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В., Хазартс П., Орлова Л. А.* Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2000. – 77 с.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П.* Геология и четвертичные отложения Куртаковского георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2005. – 111 с.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Ключников Т. А., Макулов В. И., Леонтьев В. П.* Писаницы Нижней Ангары (Восточный участок) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Т. 2 / Отв. ред.: В. И. Лебедев, С. О. Ондар, Ю. Г. Полулях. – Кызыл: ТуВИКОПР СО РАН, 2005. – С. 44–47.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Макулов В. И., Березовский А. П., Воинов В. В., Ключников Т. А., Журавков С. П.* Результаты исследований в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 292–297.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И., Березовский А. П., Емельянов И. И., Ключников Т. А.* Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 287–291.
- Макулов В. И.* Мурский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация “Русская энциклопедия”, 1998. – С. 407.
- Макулов В. И., Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Заика А. Л.* Работы в Красноярском крае и Эвенкийском АО // Археологические открытия 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 258–261.
- Макулов В. И., Леонтьев В. П., Дроздов Н. И., Заика А. Л.* Новые петроглифы Нижнего Приангарья (по итогам работ 1999 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1999. – С. 423–426.
- Окладников А. П.* Археологические памятники в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 года // Вестник древней истории. 1939. № 4. – С. 181–186.
- Окладников А. П.* Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. 1945. Вып. 13, № 85. – С. 46–53.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1, 2 (МИА № 43). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 373 с.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Глазковское время (МИА № 48). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 411 с.
- Привалихин В. И.* Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.
- Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И.* Исследование неолитических погребений в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 42–56.
- Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея).* Путеводитель экскурсии международного симпозиума / Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Акимова Е. В., Кольцова В. Г., Артемьев Е. В., Бокарев А. А., Леонтьев В. П., Викулов А. А. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. – 184 с.

В. И. Молодин

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Зеркальная лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства
Евразии» (Новосибирский государственный университет – Университет Бордо)
Новосибирск, Россия*

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ В РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ И ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Сибирь населяют многочисленные народы с собственным языком и богатыми историко-культурными традициями. Начиная с конца XVI века, Сибирь активно осваивается русским населением. Интеграция аборигенов и пришельцев способствовала формированию личности сибиряка. Историческое прошлое Сибири по большому счету бесписьменно (письменность принесли сюда русские), поэтому в реконструкции историко-культурных процессов археология имеет первостепенное значение. В свою очередь, гуманитарная составляющая играет важнейшую роль в формировании национальной идеи – патриотизма. Реконструкция историко-культурных процессов на базе археологического материала отличается высокой степенью необходимости применения мультидисциплинарного подхода к анализу и интерпретации источников. Огромное археологическое наследие Сибири требует сохранения и квалифицированного изучения. Первостепенное значение в воспитательной работе с молодежью играют краеведческие музеи (в том числе районные) и музеи-заповедники.

Ключевые слова: археологическое наследие, Сибирь, воспитание патриотизма, реконструкция, мультидисциплинарный подход.

V. I. Molodin

*Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Mirror Laboratory 'Multidisciplinary Research on Prehistoric Art of Eurasia'
(Novosibirsk State University – University of Bordeaux)
Novosibirsk, Russia*

THE ROLE OF THE SIBERIAN ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN RECONSTRUCTION OF HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES AND IN PATRIOTIC EDUCATION

Siberia is inhabited by many nations with their own languages and rich historical and cultural traditions. Since the late XVI century Siberia has been actively developed by Russian population. Siberian identity was formed by integrating of the aboriginal population and the newcomers. The past of Siberia has no written history (as the writing system was brought here by the Russians), so in the reconstruction of historical and cultural processes archeology is of paramount importance. The humanitarian component, in its turn, makes the principle contribution to the formation of the national idea – patriotism. Reconstruction of historical and cultural processes on the basis of archaeological material requires a multidisciplinary approach to the analysis and interpretation of the sources. Huge Siberian archaeological heritage needs preservation and qualified studying. Local history museums (including regional ones) and open-air museums are very important for the educational work.

Keywords: archaeological heritage, Siberia, patriotic education, reconstructions, multidisciplinary approach.

Работа выполнена в рамках зеркальной лаборатории «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии» (Новосибирский государственный университет – Университет Бордо).

Сибирь – неотъемлемая часть России, сокровищница несметных богатств, основа могущества и процветания нашего Отечества. Очевидно, что главным достоянием Сибири являются её жители, многочисленные народности со своим языком, фольклором и удивительной историей, уходящей в глубокую древность. Эти народы и сегодня населяют бескрайние просторы Сибири от Северного Ледовитого океана до степей и гор Центральной Азии и от Урала до Тихого океана.

В конце XVI века за «каменный пояс» (так именовались Уральские горы), вслед за дружиной Ермака, активно проникают отряды землепроходцев, а затем крестьян и служилых людей, преимущественно русских. В чрезвычайно короткие сроки, как правило, мирно, что называется, трудом и культурой, они осваивают гигантские пространства Северной Азии, вступая в тесное взаимодействие с аборигенным населением. Сотрудничество это обогащало обе контактирующие стороны и в экономическом, и в культурном плане. По сути, в результате этой многовековой интеграции и сформировался самобытный этнос, который принято называть сибиряками. Как показали события новой истории, сибиряку не было равных ни в труде, ни на поле брани. Суровая природа сформировала у этих людей удивительную стойкость к любым испытаниям, в то время как самобытная история и культура наделила редкостными душевными качествами.

Может быть особенно сегодня, когда Россия, в очередной раз вставшая с колен, с неослабевающим постоянством подвергается всевозможным санкциям и гонениям, нам необходимо как можно более полно представлять себе богатейшую историю нашего Отечества, историю всех её многочисленных народов. Очевидно, что без знания истории, языка, невозможно сформировать у молодежи того чувства патриотизма, которое, по выражению нашего Президента, должно стать национальной идеей всех жителей России.

В этом отношении трудно переоценить роль гуманитарной науки, без которой невозможно формирование чувства любви к Родине.

Археологическое наследие в изучении истории Сибири имеет первостепенное значение. По последним, хорошо обоснованным данным, первые проявления популяции человека на территории Южной Сибири связаны с раннепалеолитической стоянкой Карама, возраст наиболее древних культурных напластований которой следует относить к 800–760 тыс. л. н. [Деревянко, Шуньков, 2005; Деревянко, Шуньков, Болиховская и др., 2005]. Как считают специалисты, это были потомки древнейшей миграции из Африки *Homo erectus*, северный миграционный путь которых проходил через Переднеазиатское нагорье в Центральную Азию и Южную Сибирь. Таким образом, человек в Сибири появился около миллиона лет назад. Впоследствии он постепенно осваивает гигантские пространства, распространяясь всё далее на север, проникнув даже на острова Северного Ледовитого океана.

В различных экологических зонах этой гигантской территории культурно-исторические процессы протекали неоднозначно, однако, можно вполне обоснованно заявлять, что на юге Сибири, на территории наиболее комфортной для жизнедеятельности человека, обитатели этого региона не только не выпадали из контекста общеисторического развития народов Евразии, но, напротив, были активно вовлечены в водоворот событий, по крайней мере, субконтинентального масштаба. С другой стороны, с активизацией археологических исследований в северных и восточных широтах Сибири, мы практически ежегодно получаем всё новые свидетельства самобытного развития популяций, демонстрирующие порой удивительные образцы материальной и духовной культуры.

Вместе с тем, специфика региона заключается в том, что письменность здесь появляется значительно позже, чем в передовых центрах цивилизации планеты. Речь идет о руническом письме, которое бытовало в Южной Сибири с возникновением здесь государственного объединения, именуемого Вторым Тюркским каганатом. При этом понятно, что письменность эта просуществовала весьма недолго, да и информация в ней заключена крайне специфичная. Таким образом, очевидно, что по-настоящему письменность обретается жителями Сибири только с приходом и адаптацией здесь русского населения, а значит, не ранее, чем в XVII веке.

Следовательно, вся история населения Сибири с момента его появления практически до нового времени, является бесписьменной. Как следствие, отсутствие письменных источников делает археологию основой для реконструкции исторического процесса на этом огромном промежутке времени. Не случайно поэтому, что первая «История Сибири», написанная академиком Г. Ф. Миллером начинается, по сути, с этнографической современности [Миллер, 1941].

Благодаря стремительному развитию археологии в стране в советское и постсоветское время, представители именно этой науки внесли огромный вклад в познание истории Сибири. Первой итоговой работой явилась вышедшая в 1970-е гг. пятитомная История Сибири, удостоенная Государственной премии СССР, где первый том был написан почти исключительно на материа-

лах археологического наследия [История ..., 1968]. В настоящее время исследователями Сибири под эгидой Института археологии и этнографии СО РАН подготовлена современная трёхтомная версия «Истории Сибири». Работа будет сдана в печать уже в текущем году.

Реконструкция историко-культурных процессов на базе археологического материала отличается в настоящее время высокой степенью применения мультидисциплинарного подхода, используемого как на уровне поиска и первоначальной квалификации археологического объекта (геофизические методы), так и для последующих исследовательских и интерпретационных процедур. Археология сегодня – это наука, вооруженная естественнонаучными методами и новыми технологиями. Такой подход самым существенным образом отличает современную археологию от науки даже конца прошлого века. Именно по этой причине предлагаемые исторические реконструкции выглядят не только доказательными, но и проверяемыми.

В качестве наглядных примеров эффективности такого подхода для историко-культурных реконструкций, можно привести недавнее открытие археологами и палеогенетиками нового, ранее неизвестного гоминида, названного *Homoaltaensis* или «денисовский человек», который существенно отличается по типу митохондриальной и ядерной ДНК как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neandertalensis* [Reich, Green, Kircher et al., 2010].

Совершенно оригинальные результаты удалось получить при изучении погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой, обнаруженных на плато Укок в Южном Алтае и на соседней территории Северо-Западной Монголии. К изучению уникальных комплексов были изначально привлечены методы самого широкого спектра естественных наук, таких как геология, геофизика, биология, медицина и антропология, микробиология, физические и химические методы, палеогенетика, палеозоология, томография, дендрохронология и датировка методом ^{14}C [Молодин, 2001; Molodin, Polos'mak, 2016]. Такой подход позволил получить фундаментальные, ранее абсолютно неизвестные научные результаты [Феномен..., 2000; Молодин, Парцингер, Цвээндорж, 2012], позволяющие на качественно новом уровне осуществлять исторические реконструкции.

Подобных примеров на сегодняшний день можно привести достаточно много.

Из всего сказанного следует однозначный вывод об огромной основополагающей роли археологических исследований на территории Сибири для реконструкции исторического прошлого человека, с момента его появления вплоть до адаптации здесь русского населения. Следует особо подчеркнуть ещё и то обстоятельство, что в последние десятилетия существенно возросло число археологических исследований позднесредневековых памятников аборигенного населения Сибири, а также русских деревень и даже первых сибирских городов, поскольку данные, получаемые благодаря раскопкам, существенно дополняют, а порой и корректируют информацию из письменных источников [см. напр.: Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990; Чёрная, 2015].

Несколько слов необходимо сказать об археологическом наследии Сибири, которое, без преувеличения, огромно. Археологические памятники – поселения, городища, стоянки, курганные и грунтовые могильники, пещеры, святилища, наскальные изображения, каменные изваяния, клады, мастерские и случайные находки – встречаются на всей территории Сибири. Сегодня, только поставленных на государственный учёт, насчитывается тысячи объектов, вместе с тем, очевидно, что это лишь незначительная часть зафиксированных комплексов. Целенаправленные разведки, особенно в зонах новостроек, ежегодно пополняют реестр вновь открытыми местонахождениями и, чем больше будет осваиваться наша Сибирь, тем вероятнее обнаружение новых археологических объектов. В этой связи особую роль приобретает проблема охраны культурного наследия России, и Сибири в частности. Известные события 1990-х гг., распад великого государства со всеми вытекающими последствиями, обернулись для отечественной археологии появлением второй волны бугровщичества, которая полностью не погашена до сих пор, и которая привела к чудовищным утратам культурного наследия [Энговатова, 2014]. Отсутствие в стране государственной археологической службы привело к засилью частных фирм, которые искусственно занижают реальные затраты, необходимые для научных раскопок, выигрывают тендеры на проведение охранных работ у государственных структур, представленных академическими учреждениями, университетами и музеями. В результате, подлинные научные исследования неповторимых, зачастую уникальных комплексов профанируются, раскопки проводят-

ся неквалифицированными людьми, а зачастую вообще лишь имитируются; науке и культурному наследию наносится невосполнимый ущерб. Положение стало несколько исправляться с принятием более жёсткого федерального закона об охране историко-культурного наследия и активным подключением к охранно-спасательным исследованиям академических институтов, прежде всего, Института археологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН, а также крупных университетов. Однако признать состояние дел идеальным было бы неправильно.

И, наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать в настоящем докладе.

Особую роль в воспитании патриотизма, конечно, играет школа и, прежде всего, историческое образование. Для этого необходимы не только качественные базовые учебники истории, но и доступная краеведческая литература, которая даёт адекватное представление о самобытной истории и культуре родного края, именуемого ещё малой родиной. Должны быть организованы целенаправленные циклы публичных лекций, предлагаемые детской аудитории профессиональными учёными, специальные телепередачи и интернет-порталы.

Безусловно значимыми являются краеведческие музеи, причем не только областного, но и районного масштаба, в которых дети привлекаются к активной работе по изучению родного края.

В качестве уникального для Сибири примера можно привести музей-заповедник «Томская Писаница», задуманный и организованный в Кемеровской области профессором А. И. Мартыновым. Надо сказать, что музей этот, к счастью, не оказался однодневкой. Созданный на базе выдающегося археологического памятника – Томской писаницы – музей приобретает новые формы развития, новые оригинальные экспозиции по археологии и этнографии народов Сибири. Замечательно ещё и то, что вооружаясь новыми методами исследования наскальных изображений, учёные на уже, казалось бы, полно и всесторонне изученном памятнике открывают совершенно новые, ранее ещё неизвестные рисунки, выполненные не только выбивкой и гравировкой, но и краской.

Очевидно и то, что мы должны использовать богатейший опыт наших зарубежных коллег в деле охраны и использования объектов археологического и историко-культурного наследия, в деле воспитания и образования общества.

Список литературы

- Деревянко А. П., Шуньков М. В. Раннепалеолитическая стоянка Карамы на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 52–69.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Улянов В. А., Чиркин К. А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 86 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти томах. Т. 1: Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – 454 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 637 с.
- Молодин В. И. Археология: итоги и перспективы междисциплинарных исследований // Вестник РАН. – 2001. – Т. 71. – № 9. – С. 788–796.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: ИД Триумф-принт, 2012. – 566 с.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 260 с.
- Феномен алтайских мумий / В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, Т. А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Чёрная М. П. Воеводская усадьба в Томске, 1660-1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск: Изд-во ТГУ, 2015. – 276 с.
- Энговатова А. В. Сохранение археологического наследия в современной России // Труды IV Всероссийского археологического съезда. – Казань-Москва, 2014. – С. 263–265.
- Molodin V. I., Polos'mak N. V. A Multidisciplinary Approach to the Study of Archaeological Complexes with Mummified Objects // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – Vol. 86. – No. 2. – P. 111–117.
- Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenzel U., Johnson Ph. L. F., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Qiaomei Fu, Mallick S., Heng Li, Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature, 2010. – Vol. 468. – No. 7327. – P. 1053–1060.

А. А. Радаев
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
А. С. Тимофеева
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия
А. И. Фахри
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
Е. С. Леванова
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
А. А. Ульянов
Институт археологии Российской академии наук. Москва, Россия
А. А. Колье
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия
Е. Г. Дэвлет
Институт археологии Российской академии наук.
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
e-mail: eketek@yandex.ru

НАСКАЛЬНЫЕ РОСПИСИ СЬЕРРА-ДЕ-САН-ФРАНСИСКО: ИСТОРИЯ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

Представлена история исследования, сохранения и номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО памятников наскального искусства Сьерра-де-Сан-Франсиско.

Ключевые слова: наскальное искусство, список ЮНЕСКО, Сьерра-де-Сан-Франсиско.

A. A. Radaev
Russian State University for Humanities. Moscow, Russia
A. S. Timofeeva
Russian State University for Humanities. Moscow, Russia
A. I. Fakhri
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
E. S. Levanova
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
A. A. Ulianov
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
A. A. Kolye
Russian State University for Humanities. Moscow, Russia
E. G. Devlet
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
Russian State University for Humanities. Moscow, Russia

ROCK ART OF SIERRA DE SAN FRANCISCO: THE HISTORY OF THE UNESCO WORLD HERITAGE SITE

This article presents the history of the research of Sierra de San Francisco (Baja California, Mexico), a site in the UNESCO World Heritage List. We touch upon the issues of its conservation and nomination into the World Heritage list.

Keywords: rock art, UNESCO World Heritage list, Sierra de San Francisco.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00240 (а).

Наскальные изображения распространены по всему миру, и исследователи обозначают до тысячи обособленных культурно-историческими, природно-климатическими и другими факторами зон наскального искусства [Дэвлет, 2002, с. 145]. Интерес научного сообщества и широкой общественности к этой теме велик, однако количество памятников наскального искусства, занесённых в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, чрезвычайно мало. В 1993 г. в этот список был включён комплекс наскальных изображений Сьерра-де-Сан-Франсиско на полуострове Калифорния в Мексике. Комплекс является одним из уникальных памятников наскального искусства Северо-Американского континента и особо интересен современной науке по ряду причин: это и композиционная, и изобразительная уникальность, хорошая сохранность, обширность комплекса [Clottes, 1997, p. 3].

Характеристика памятника. Наскальное искусство полуострова является выдающимся и экстраординарным, его особая значимость в том, что на полуострове сложилась локальная культурная традиция массового выполнения наскальных изображений с древнейших времен (предположительно от 10 тыс. л. н.). Формирование самобытной традиции связывают с изолированностью местных культур, обусловленной географическим положением.

Местонахождения наскального искусства разбросаны по огромной площади полуострова (144 тыс. кв. км) почти повсеместно. Композиции, состоящие из фигур людей, животных, изображений различных объектов и абстрактных рисунков, выполнены в необычной изобразительной манере и характеризуются сложной стратиграфией; цветовая палитра включает белый, чёрный, красный и жёлтый, а также белый и синий, что значительно реже в наскальном искусстве [Fullola, 1991, p. 83].

На территории полуострова принято выделять три ареала наскального искусства. Северный примыкает к границе США. Мотивы наскальных изображений включают антропоморфные фигуры с растопыренными пальцами рук, схематичные зооморфные изображения, многоножек, ящериц, решётки и параллельные линии. В южном ареале, на юге полуострова, распространены фигуративные и абстрактные изображения, содержащие криволинейные мотивы. В числе прочего представлены изображения кроликов, рыб и кисти рук.

Сьерра-де-Сан-Франсиско относится к центральному ареалу и представляет собой горную гряду, достигающую 1590 м в высоту и занимающую площадь 3600 кв. км. Именно горы центральной части полуострова характеризуются наибольшим разнообразием изображений, в особенности горы Сьерра-де-Сан-Франсиско, которые и считаются колыбелью собственной традиции наскального искусства, называемой *Great Murals* [Gutierrez, 2002, p. 19].

Местность Сьерра-де-Сан-Франсиско отличает множество глубоких каньонов, расположенных радиально. Климат засушливый, более похожий на расположенную западнее пустыню Вискаино, несмотря на то, что горная гряда на востоке встречается с Калифорнийским заливом. В год выпадает лишь около 100 мм осадков, поэтому источники воды очень скудны и в основном протекают в пещерах и гротах.

Крупные полихромные росписи этой традиции расположены преимущественно под навесами, на стенах и козырьках скальных образований вулканического происхождения, причём как на полностью вертикальных, так и на наклонных, переходящих в горизонтальные и на выступающих углах поверхностей.

Большинство росписей представляют полихромные композиции, преимущественно с использованием трёх цветов, более поздние изображения выполнены с большим цветовым разнообразием и можно наблюдать редкое явление – использование насыщенного синего и белого цветов.

В Сьерра-де-Сан-Франсиско преобладают фигуративные изображения, выполненные как в натуральную величину, и изображения-гиганты, в разы превосходящие размерами. Представлены как контурные изображения, полностью заполненные одним или несколькими цветами без прорисованных деталей, так и содержащие цветовые блоки и геометрические элементы, которые могут обозначать детали одежды. Антропоморфные фигуры до 2,5 м представлены в позе оранты. Часть персонажей с рогатыми и более сложными и необычными головными уборами. Множество фигур разделены вертикально на красную и чёрную половину, некоторые, к примеру, в гроте Эль-Ратон, обведены широким белым контуром. Есть изображения беспалых и людей, пронзённых стрелами, людей с зооморфными головами, с заячьими ушами и развилками на голове. Некоторые фигуры – в одеждах, выполненных с чередованием ярусов орнаментов, и даже с бахромой.

Наряду с антропоморфными, множество местонахождений содержат и впечатляющие зооморфные фигуры крупного размера, изображающие морских млекопитающих, большерогих баранов, оленей и других копытных почти в натуральную величину, а также небольшие фигуры кроликов. Техника зооморфных изображений порой отличается от техники антропоморфных: они могут быть проработаны горизонтальными линиями, животы и ноги бывают обведены контрастными белыми или чёрными линиями, часть фигур имеют заполненные жёлтым, красным и чёрным цветом сегменты. На скалах в Сьерра-де-Сан-Франсиско представлены птицы с распростёртыми крыльями и схематично обозначенными перьями.

Сами композиции бывают многофигурными и динамичными, и отличаются сложной стратиграфией. Нередко разные фигуры накладываются друг на друга: характерной чертой наскаль-

ного искусства в Сьерра-де-Сан-Франсиско является большое количество палимпсестов. Исследователи отмечают, что взаимоперекрывающие фигуры могли быть выполнены в одно и то же время, подчеркивая преднамеренность в подходе авторов к заполнению плоскостей, что придаёт расположению фигур, их концентрации и мнимой «хаотичности» новое назначение – создание иллюзии движения.

История изучения. Пещеры с рисунками на полуострове Калифорния были открыты в 1768 г. отцом Мигелем дель Барко. Он пригласил Жозе Мариано Ротеа и Франсиско Эскаланте для их описания. Но первое серьёзное исследование наскального искусства полуострова появится спустя столетие. Его автором стал естествоиспытатель Леон Диге, опубликовавший научный доклад о Гран Мурал во французском журнале «Антропология» в 1895 г. Он описал 30 местонахождений. До 1950-х гг. других попыток изучить искусство Гран Мурал не предпринималось, пока экспедицией INAH не было начато изучение памятника Сан-Борхитас, а в мексиканском журнале IMPACTO не был опубликован содержащий снимки росписей в пещерах фотоотчёт Фернандо Жордана. Экспедицией была разработана типология мотивов и относительная хронология стилей для региона Сан-Борхитас, основанная на подробных описаниях изображений. Изыскания этих учёных считаются основополагающими для научных исследований искусства Баха Калифорнии [Gutierrez, 2002, p. 57].

Горная гряда Сьерра-де-Сан-Франсиско приоткрыла свои тайны только в 1962 г., когда Эрл Стенли Гарднер организовал хорошо оснащённую экспедицию в центральную часть полуострова. Следующие десятилетия XX века ознаменованы как резким ростом интереса к наскальному искусству Баха Калифорнии, так и открытиями новых местонахождений росписей. Свои изыскания этому вопросу посвятили такие учёные, как Мейган, Кэмпбелл Грант, Гарри Кросби, Энрике Хэмблтон, Рамона Виньяса, Эрик Риттер, Джозеф Мария Фулол, Мария де ла Лус Гутьеррес, Джастин Хайленд и др.

Включение в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Разработка и популяризация материалов наскального искусства Баха Калифорнии, усиление интереса широких кругов не могли не сопровождаться и осознанием проблем управления памятниками, в частности, их сохранности [Stanley, 1996, p. 18]. Этот вопрос особенно остро стоит в связи с ростом посещаемости памятников, прежде многие тысячелетия доступных только для очень ограниченной аудитории. Именно поэтому в последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI . изучение региона идёт параллельно с работами по сохранению и профилактике ухудшения состояния памятников [Murtagh *et al.*, 2012, p.179].

В настоящее время тема наскального искусства в регионе являются активно разрабатываемой, благодаря хорошему состоянию комплекса Сьерра-де-Сан-Франсиско, современной инфраструктуре, постоянно ведущимся работам по усовершенствованию и обеспечению исследовательской базы и развитию туризма. Всё это было бы невозможно или труднодостижимо без всемерного привлечения интереса к этому памятнику и его проблемам, что могло обеспечить только включение в список наследия ЮНЕСКО.

Именно достижению этой большой цели были посвящены усилия многих профессионалов в разных областях, учёных разного профиля и энтузиастов на протяжении нескольких десятилетий. Подготовительная работа по включению памятника в предварительный и основной список всемирного наследия потребовала создания и отработки сложной системы управления памятником.

Подготовка к номинации в список ЮНЕСКО. Одним из таких проектов был запущенный в 1982 г. при поддержке INAH* первый археологический проект на территории Сьерра-де-Сан-Франсиско под руководством Марии де ла Лус Гутьеррес и Джастина Хиланда. В результате его реализации удалось обследовать регион и установить специальные защитные конструкции, ограждения, смотровые площадки, пешеходные мостки и информационные таблички [Watchman *et al.*, 2002, p. 947].

В период включения памятника в список ЮНЕСКО к реализации подготовительных, охранных и научно-исследовательских программ были приложены усилия учёных из разных стран мира. В частности, был реализован совместный проект учреждений Мексики и США под началом INAH. При участии Института консервации Гетти был разработан план и стратегия управления районом с комплексами памятников наскального искусства. Одним из направле-

* Объединяет научно-исследовательские центры, музейные организации Мексики и занимается изучением и охраной памятников по всей стране.

ний проекта было обучение местных специалистов, реализация консервационных мероприятий, документирование.

Проект группы исследователей Университета Барселоны, в свою очередь, был направлен на осуществление фото и видеосъёмки, топографической съёмки местности, зарисовок, раскопок, прямого датирования изображений и пигментов в гроте Эль-Ратон массива Сьерра-де-Сан-Франсиско. Грот стал своего рода опорным памятником. Одним из результатов работ стало обнаружение в гроте Эль-Ратон новых материалов из культурного слоя и его датировка, что важно и для выводов касательно времени возникновения изображений в других гротах Сьерра-де-Сан-Франсиско.

Исследователи отмечают, что обследование и документирование памятников такого рода должно проводиться в комплексе с работами по консервации и музеефикации для достижения наиболее благоприятного результата и повышения эффективности обоих направлений. Полноценные исследования отдельных объектов предоставляют исчерпывающую информацию как о современном состоянии памятника, перспективах его деградации, так и об истории создания, а именно: о способе изготовления изображений, используемых материалах, физических характеристиках породы и прочем.

Программы управления памятником. Мексиканская исследовательница М. де ла Лус Гутьеррес, несколько десятилетий ведущая работы в Сьерра, обращает особое внимание на проблему управления на данном памятнике и других подобных объектах. Она отмечает, что значимость и актуальность выработки оптимальных решений в менеджменте памятников наскального искусства возрастает вместе с повышением интереса к самим изображениями. Среди влияющих на ситуацию с сохранностью аспектов она особо отмечает рост числа визитёров с разной посетительской культурой и возникновение проблемы идиосинкразии у местного населения.

Многолетнее администрирование культурным наследием на памятнике Сьерра-де-Сан-Франсиско ещё до включения его в список всемирного наследия ЮНЕСКО стало одним из основополагающих примеров подобной деятельности не только для региона, но и для всего мира. И именно эта работа стала одним из решающих критериев при номинации памятника в ЮНЕСКО. Созданная здесь и отработанная несколькими поколениями учёных стратегия складывалась постепенно и калибровалась в соответствии с актуальными археологическими исследованиями.

Реализация плана управления Сьерра-де-Сан-Франсиско начата в 1994 г. В том же году в регионе стартовали сразу два связанные с наскальным искусством научно-исследовательских проекта: археологический под руководством М. де ла Лус Гутьеррес и Хайланда и направленный на сохранение под руководством Стэнли. Эти проекты были серьёзным шагом к выработке стратегии консервации и сохранения памятников наскального искусства в современных условиях. Безусловным преимуществом проекта была консолидация усилий различных организаций, чьи интересы сошлись в деле сохранения наскального искусства. Во время совместной деятельности специалисты выработали унифицированные критерии и обозначили основы для создания соответствующей нормативно-правовой базы. В модели ИКОМОС особое место отведено роли местного наследия, которому подчинены политические и управленческие стратегии – все действия в этой модели направлены на сохранение тех характеристик, которые делают памятник значимым и уникальным. Особенностью этой модели является полное вовлечение всех заинтересованных участников [Gutierrez, 2006, p. 57].

Итоги реализации программы. Приоритетными положениями программы управления в Сьерра-де-Сан-Франсиско были контроль доступа на местонахождения и смягчение воздействия посетителей на изображения и окружающий ландшафт. Одной из непосредственных задач было обеспечение мер защиты особо посещаемых участков, чтобы уменьшить их деструкцию.

В 2005 г. в реализацию программы администрирования памятников наскального искусства было включено ещё одно местонахождение – самый популярный в южной части Сьерра-де-Сан-Франсиско район Куэста Пальмарито.

За десятилетия реализации программы неконтролируемый поток туристов был ограничен путём обозначения разрешённых маршрутов, районов открытого и закрытого доступа и разработки различных уровней доступа.

В частности, доступ к посещению горной гряды был разделён на четыре уровня. Уровень I включает места, легко доступные для путешествующих пешком и на автомобилях. К уровню II

отнесены отдельные участки, доступные на мулах или пешком и требующие кемпинга (в пределах Сан-Пабло-Каньон и Арройо дель Парраль). При этом кемпинг разрешён только в специально отведённых местах, чтобы минимизировать воздействие на окружающую среду. Уровень III объединил менее доступные местонахождения (как Арройо-де-Сан-Грегорио, Сан-Грегорио и Эль Бат-Квай), которые можно посетить с сопровождающим из числа сотрудников и при условии наличия разрешения, запрашиваемого за две недели. Уровень IV доступен только аккредитованным исследователям [Gutierrez, 2006, p. 58].

Другой особенностью реализуемой программы является перманентный мониторинг памятника, включающий проверку местонахождений и окружающего ландшафта, и условие активного вовлечения в сохранную деятельность местного населения. Особая роль в защите комплексов на местах принадлежит гидам, координаторам и хранителям из числа местных жителей, ведущим наблюдение на всех участках горной цепи.

Стратегия, внедрённая при управлении памятником Сьерра-де-Сан-Франсиско, показала свою эффективность и способствовала сохранению исторических, эстетических, научных и знаковых ценностей региона. Пейзаж, археологические и исторические памятники, включая петроглифы, и не были повреждены. Археологические исследования также регулируются разработанными правилами [Watchman *et al.*, 2002, p. 947].

Эффективность программы становится очевидной, если обратиться к воспоминаниям людей, посетивших местонахождения наскальных изображений в центральной части полуострова Калифорния. К 1984 г. до комплекса можно было добраться по единственной земляной дороге, ведущей к южным подступам Сьерра-де-Сан-Франсиско – долине Санта Марта, откуда путь до каньонов, где сконцентрированы изображения, преодолевали на мулах и ослах в сопровождении гидов. Фактически, большая часть местонахождений наскального искусства была недоступна не просто для туристов, но и для профессиональных исследователей. Отсутствие дорог, проложенных маршрутов и любой инфраструктуры также не позволяло ни документировать, ни осуществлять мониторинг объектов на большей части горной гряды. В 1984 г. была проложена земляная дорога до деревни Сан-Франсиско де ла Сьерра, что позволило туристам попадать и в северную часть гряды.

Такая труднодоступность памятников, крайне затруднительных для посещения, стала бы серьёзной преградой для включения в список ЮНЕСКО, но была преодолена, хотя проблемы с полноценным осмотром объекта всемирного наследия довольно актуальны и до сих пор. История использования наскального искусства Сьерра-де-Сан-Франсиско в качестве туристических объектов при сохранении исследовательского потенциала, развитии научных программ – достойный опыт, знакомство с которым имеет практическое значение для других регионов с наскальным искусством.

Список литературы

- Дэвлет Е. Г. Наскальные росписи Сьерра-де-Сан-Франсиско, полуостров Калифорния // История и семиотика индейских культур Америки (Ред.: А. А. Бородатова, В. А. Тишков). – М.: Наука, 2002.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М., 2002. – 240 с.
- Esquivel L. Informe del Proyecto Arqueologico Sierra de Guadalupe. Temporadas de campo 1992/1993 // Typescript on file. Mexico City: Consejo de Arqueologia, INAH. 1995.
- Fullola G.M., Serra M.C., Vinas R. Informe sobre el Proyecto arqueologico “Estudio socio-cultural de las comunidades pre-hispanicas de la peninsula de Baja California”. *Antropologicas* 6: 1991. – P. 83–84.
- Grant C. Prehistoric Indian rock art in California // *Boll. Centro Camuno di Studi Preistorici*. 1986. Vol. 23.
- Gutierrez M. L. The Great Murals of the Sierra de San Francisco Stone memory of a Missing People. 2002.
- Gutierrez M. L. Rock Art Research in Northern Mexico, Past and Present, in *Coalition*, No. 12, July 2006.
- Clottes J. L'art rupestre // *Rock Art. ICOMOS*. 1997. P. 3.
- Laylander D. Sources and Strategies for the Prehistory of Baja California. MA, San Diego State University. 1987.
- Martínez R., Mendoza L., Viñas R. Cueva de la Serpiente: Interpretive analysis of an Archaic Great Mural Rock Art panel Mulegé, Baja California Sur, Mexico. 2012.
- Murray W. B., Gutierrez M. L., Quijada C.A. *et al.* Mexican Rock Art Studies at the Turn of Millenium // *Rock Art Studies, News of the World* 2. – Oxbow books: Oxford. 2003. p. 178–195.
- Pearson M. and Sullivan S. Looking after Heritage places. The Basics of Heritage Planning for Managers, Landowners and Administrators. – Melbourne University Press, Melbourne, 1995.
- Stanley Price N. Conservation and management of rock art sites in the Sierra de San Francisco, Baja California, Mexico // *INORA*. 1996. N. 13. – P. 18.
- Watchman A. L., Gutierrez M. L. & M. I., Hernandez L. I. Giant Murals of Baja California: new regional archaeological perspectives // *Antiquity*, Vol. 76. no 294, 2002. – p. 947–948.

К. В. Конончук

*Музей-заповедник «Томская Писаница». Кемерово, Россия
e-mail: konstantinkonon@mail.ru*

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАПРАВЛЕНИЯ. РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЕ В 1960–1970-х гг. ИСТОРИЯ И ОЦЕНКА

Статья посвящена критическому анализу первых в истории России реставрационных работ на памятнике наскального искусства, проведённых на Томской писанице в 1960–1970-е гг. Мероприятия выполнялись группой энтузиастов во главе с А. И. Мартыновым. В качестве главных исторических источников автор использует воспоминания участников работ, аналитическую информацию из отчётов реставраторов более поздних периодов и результаты лабораторных исследований материалов, нанесённых на поверхность памятника.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, реставрация, Томская писаница.

K. V. Kononchuk

Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa». Kemerovo, Russia

THE FIRST STEPS OF THE DIRECTION. RESTORATION ACTIVITIES AT TOMSKAYA PISANITSA IN 1960–1970s. HISTORY AND EVALUATION

The article deals with critical analysis of the Russian first restoration works on a rock art site held in Tomskaya Pisanitsa in 1960–1970s. The works were conducted by a group of enthusiasts lead by A. I. Martynov. As the main historical sources, the author uses the participants' memories, analytical information from the reports of conservators of later periods and the results of laboratory studies of the materials applied to the rock surface.

Keywords: rock art, petroglyphs, restoration, Tomskaya Pisanitsa.

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
№33.1175.2014/К*

Томская писаница – памятник наскального искусства, расположенный в Яшкинском районе Кемеровской области, в 50 км к северо-западу от г. Кемерово, на правом берегу реки Томи. У этого местонахождения петроглифов самая продолжительная в России история изучения. Важную её часть занимают реставрационные и консервационные работы. Эти мероприятия стартовали осенью 1966 г. и по сути являлись первыми в истории страны.

Цель данной статьи – на основании имеющегося источникового фонда и оценок, представленных в историографии проблемы, выявить характер первых реставрационных мероприятий на Томской писанице в 1960–1970-е гг. Документация, посвящённая данным работам, практически отсутствует. Поэтому в качестве главных исторических источников привлечены воспоминания участников работ, аналитическая информация из отчётов реставраторов более поздних периодов и результаты лабораторных исследований материалов, нанесённых на поверхность памятника в 1960–1970-е гг.

В литературе нет однозначного ответа на вопрос, когда именно были произведены первые в истории России реставрационные мероприятия на Томской писанице. В ряде документов и публикаций в качестве времени проведения работ называется либо период 1960-х гг. в целом, но чаще речь идет о 1966, 1967 гг. [Научная концепция..., 1993, с. 6; Мартынова, Покровская, 2000, с. 59; Русакова, 2004, с. 142; Ковтун, 2013, с. 281]. Существует и другая версия, впервые изложенная А. И. Мартыновым в брошюре «Писаница на Томи». В ней автор ведёт речь о периоде 1960–1970-х гг. [Мартынов, 1988, с. 46]. Часть исследователей и реставраторов отмечали, что реставрационные мероприятия проводились и в 1960-е, и в 1970-е гг. [Егоров, 1997, с. 114; Агеева, 2004, с. 27; Агеева, Кочанович, 2005, с. 15–20]. По воспоминаниям самого А. И. Мартынова, основная часть работ состоялась осенью 1966, 1967 гг., однако отдельные мероприятия проводились на памятнике и в 1970-е гг.

В состав группы, возглавляемой А. И. Мартыновым, входили археологи, музейные работники и студенты. Руководитель работ называет следующие фамилии: Э. И. Биглер, В. В. Бобров (позднее выяснилось, что В. В. Бобров не участвовал в данных работах. – К. К.), Ю. М. Бородин, Н. Слепцов, А. Драгун, П. Герасимов [Мартынова, Покровская, 2000, с. 59; Ковтун, 2013, с. 281].

В настоящий момент удалось установить, что первые реставрационные мероприятия включали три направления: удаление посетительских надписей при помощи скампеля и электронаждака, обмазку трещин с целью их закрепления и домазку выбитых посетительских надписей.

Первые упоминания в историографии, касающиеся реставрационных мероприятий на Томской писанице сообщают о работах, проведённых при помощи электронаждака [Мартынов, 1988, с. 46]. Основным мотивом, которым руководствовались члены группы А. И. Мартынова, приступая к удалению посетительских надписей при помощи электроинструментов, являлось желание остановить процесс разрушения памятника случайными посетителями, оставлявшими на его поверхности всё большее количество «автографов» [Мартынова, Покровская, 2000, с. 58]. По воспоминаниям А. И. Мартынова, идея применить электронаждак была спонтанной и рассматривалась в качестве эксперимента. Исследователь констатирует, что в результате такого вмешательства на скале остались более светлые места, но при этом отмечает, что древние изображения оказались незатронутыми [Мартынова, Покровская, 2000, с. 59].

Впоследствии подобные работы подверглись критике. Например, И. Д. Русакова отмечает, что при шлифовке электронаждаком были удалены не только современные надписи, но и находившаяся под ними патина и фрагменты древних изображений [Русакова, 2004а, с. 142; 2015, с. 83]. С резкой критикой проведённых с использованием электронаждака действий выступил И. В. Ковтун, опубликовавший редкие фотографии, запечатлевшие ход работ 1966, 1967 гг. [Ковтун, 2013, с. 279–282]. Реставраторы Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГосНИИР) также дали негативную оценку проведённых мероприятий, отметив при этом, что метод зашлифовки уже применялся в мировой практике на петроглифах Аризоны [Агеева, Кочанович, 2005, с. 15–20]. О других примерах практики применения электроинструмента упоминают Е. Г. Дэвлет [2001, с. 120–122] и М. А. Реутова [2004, с. 138].

Работы по удалению посетительских надписей при помощи электронаждака проводились на пяти плоскостях памятника (рис. 1). Объем применения инструмента и характер повреждений сильно варьируют. От незначительных на плоскостях 2, 3, 4, до существенных. Например, на плоскости 5 следы работы образуют один обширный участок в нижней половине камня. Здесь были удалены надписи, датированные 1887 и 1888 гг. Наиболее масштабные работы проводились на плоскости 8 [Отчёт по договору..., 2003, с. 5, 6, 22; 2005, с. 7–9; Отчёт № 3..., 2007, с. 5; Отчёт № 4..., 2008, с. 26, 48–49, 60–65]. Динамика разрушений отдельных участков поверхности в сравнении с периодом начала XX столетия отражена в публикации И. Д. Русаковой [2015, с. 89–92].

Надо признать, что основная цель проведённой работы достигнута не была. Поверх шлифовок в последующем появились новые надписи, а дальнейшее редокументирование изображений памятника выявило целый пласт рисунков, пострадавших от подобного вмешательства.

Вторым направлением работ группы А. И. Мартынова стало закрепление специальным составом трещин, расположенных на поверхности плоскости 7 («верхнего фриза»). По воспоминаниям А. И. Мартынова, эти операции проводились на основе опыта, полученного в 1957 г. В этот год к открытию новой экспозиции Областного краеведческого музея с «верхнего фриза» была снята точная гипсовая копия [Мартынова, Покровская, 2000, с. 49–50]. Технология проведения работ по копированию описана А. И. Мартыновым следующим образом. Предварительно рисунки на выбранном участке переводились на кальку, затем вся площадь плоскости делилась бечёвкой на ровные квадраты со стороной 60 см. После чего каждый квадрат поочерёдно покрывался вазелином, затем делался слепок техническим пластилином с использованием специально созданных деревянных рамок. В результате такого копирования были получены негативные слепки изображений «верхнего фриза» [Мартынов, 2013, с. 9–11].

В 1966, 1967 гг. на основе технического пластилина был создан обмазочный состав, названный в публикации Г. С. Мартыновой и А. Ф. Покровской «мастикой пластичной» [2000, с. 59, 60]. Обмазку предполагалось использовать для закрепления трещин, проходящих по плоскости 7. Среди её компонентов наряду с техническим пластилином также выделяется измельчённый камень, идентичный породе, из которой сложена Томская писаница. По сообщению А. И. Мартынова, перед нанесением на трещины обмазка разогревалась на горелке, а после дополнительно тонировалась специально подобранными пигментами.

Руководитель работ А. И. Мартынов в дальнейшем положительно оценивал результаты данного вмешательства. Например, в письме, адресованном Учёному совету «Томской Писаницы» он отмечал, что методика, применённая в 1960–1970-е гг., прошла проверку временем. В качестве главного преимущества подобной технологии называлась её дешевизна. Письмо также содержало рекомендацию о повторном закреплении краёв трещин тонированным веществом [Протокол Учёного совета..., 1990, с. 11, 12]. В опубликованных воспоминаниях А. И. Мартынова отмечалось, что несмотря на потерю цвета, мастика надёжно укрепляет края трещин [Мартынова, Покровская, 2000, с. 59, 60].

Первые упоминания о факте существования данного состава содержатся в отчётах специалистов «Спецпроектреставрации», работавших на Томской писанице в 1989, 1990 гг. Они же первыми выдвигают предложения по удалению материала [Отчёт по натурному..., 1989, с. 13]. Позднее в докладе, сделанном на заседании Учёного совета «Томской Писаницы» 28 сентября 1990-го г. А. А. Ломтева отмечала, что ранее проведённая реставрация («замазка»), привела к тому, что вместе с кусочками материала откальваются и фрагменты самих древних изображений [Протокол Учёного совета..., 1990, с. 4].

Негативная оценка этого метода содержится в статье М. А. Дэвлет и Е. Г. Дэвлет, [1991, с. 19]. Позднее Е. Г. Дэвлет первой отметила факт наличия по сути двух видов работ, производимых при помощи состава светло-жёлтого цвета группой А. И. Мартынова. Речь шла не только о закреплении краёв трещин, но и о заделке посетительских надписей [Дэвлет, 2001, с. 123].

В научной концепции музея-заповедника «Томская Писаница» публикуются сведения о том, что технический пластилин, укреплявший «верхний фриз», первоначально был окрашен в тон скалы, но со временем выцвел и приобрел «песочно-жёлтый цвет», образовав потёки. В качестве мер устранения данной проблемы в документе предложено затонировать замазку под цвет камня и, по возможности, безопасно удалить потёки [Научная концепция..., 1993, с. 6, 7].

В 2003 г. специалисты ГосНИИР провели петрографический анализ состава, нанесённого на скалу. Он показал, что «обмазка состоит из не просвечивающегося тонкодисперсного, трудно диагностируемого оптическим методом материала, предположительно, эпоксидной смолы. В качестве наполнителя использовалась тонкозернистая фракция местного природного материала, представленная кварцем и полевым шпатом» [Отчёт по договору..., 2003, с. 24].

Сам факт нанесения состава оценивался реставраторами ГосНИИР негативно, так как помимо ухудшения внешнего вида памятника, часть обмазок растрескалась и отвалилась вместе с камнем, к тому же нарушенным оказался процесс естественного коркообразования, что приводило к чрезмерному увлажнению отдельных участков [Агеева, 2004, с. 27; Агеева, Кочанович, 2005, с. 15–20].

Данные отчётов ГосНИИР позволяют нам установить участки, на которые наносилась обмазка (**рис. 1**) и отчасти понять её функциональное назначение. В ряде случаев составом просто заполнялись глубокие тектонические трещины. Вероятно, таким образом пытались предотвратить их дальнейшее расширение. Иногда материал наносили широкой полосой между углублением трещины и скальной коркой с изображениями. Такой способ нанесения предполагал возможность закрепления отслаивающегося участка скальной корки, непосредственно прилегающего к изображению. Наконец в третьем случае составом достаточно аккуратно закрывали трещины небольшого размера [Отчёт по договору..., 2003, с. 24; 2005, с. 8, 9; 2007, с. 10; 2011, с. 9–11].

Вероятно, аналогичный состав использовался для маскировки посетительских надписей в нижней и верхней частях плоскости 6 («ниши») [Отчёт по договору..., 2011, с. 7]. Примеча-

тельно, что в «нише» нет следов работы электронаждаком. Возможно, здесь группа А. И. Мартынова решила опробовать новую технологию борьбы с посетительскими надписями?

Помимо состава светло-жёлтого цвета на скалу наносились и другие материалы. Для уточнения истории их происхождения в августе 2015 г. с некоторых участков памятника были взяты образцы для анализа (рис. 1: 2). Изучением проб занялись специалисты сектора химико-биологических исследований Государственного Русского музея. Лабораторные исследования позволили уточнить состав светло-жёлтой обмазки, нанесённой на трещины «верхнего фриза» (проба № 3). Материал представляет собой природный камень зеленовато-серого цвета, на поверхность которого нанесена полоса жёлтого цвета – краски на синтетическом связующем (вероятно выцветший пигмент, о котором упоминал А. И. Мартынов) [Государственный Русский..., 2016].

Интересные данные получены при анализе материала, нанесённого в правой нижней части «верхнего фриза». Взятая с этого места проба № 4 показала, что в состав обмазки входит природный камень зеленовато-серого цвета, поверхность которого залита цементом без наполнителя [Государственный Русский..., 2016]. По мнению Е. А. Миклашевич и Л. Л. Бове, этот материал был нанесен в 1989 г. (вероятно специалистами «Спецпроектреставрации») [Миклашевич, Бове, 2011, с. 140, рис. 4–6]. И. Д. Русакова в устной беседе сообщила о том, что он вполне мог быть выполнен группой А. И. Мартынова. Однако А. И. Мартынов отрицает использование его командой более чем одного варианта обмазочного состава. Таким образом, в настоящий момент достоверно установить причастность какой-либо группы реставраторов к нанесению данного материала невозможно.

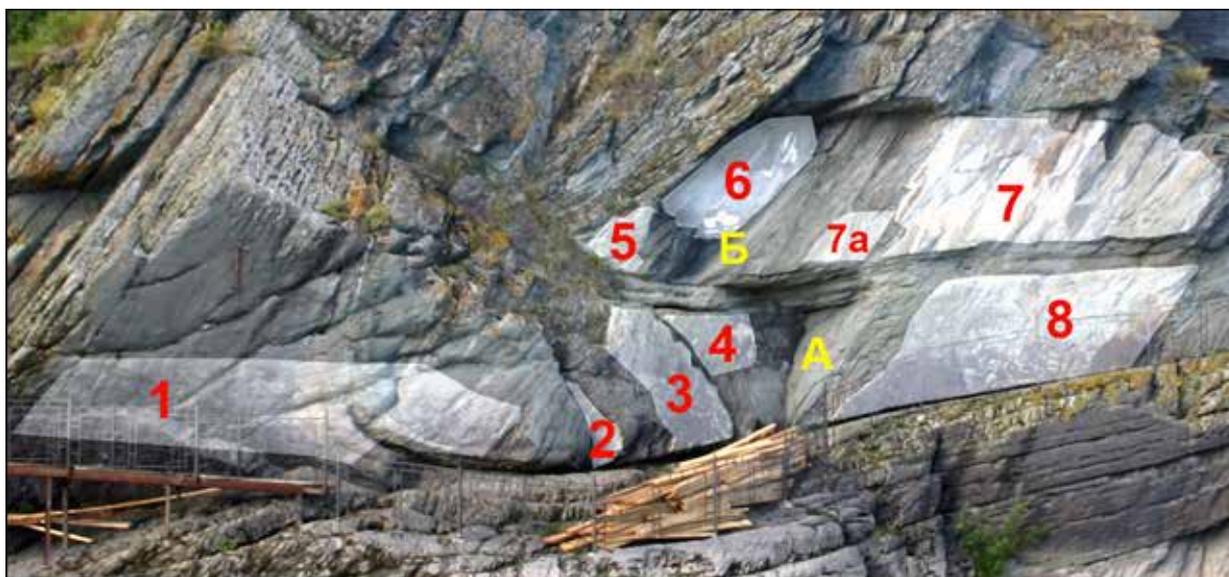
Таким образом, у истоков реставрации памятников наскального искусства стояла группа энтузиастов: археологов, музейных работников, студентов. Командой А. И. Мартынова адекватно были установлены основные факторы разрушения памятника (посетительский вандализм и процесс выветривания, приводящий к растрескиванию массива), работам предшествовало документирование петроглифов Томской писаницы. Методы решения выделенных проблем носили экспериментальный характер. В дальнейшем они подверглись серьёзной критике, в основном за нарушение принципа обратимости любого реставрационного вмешательства. Однако, как показывает мировой опыт, при реставрации петроглифов других памятников неоднократно применялись схожие методики. Стоит отметить, что реставрация памятника наскального искусства, начатая осенью 1966 г., являлась по сути первой в СССР, и опыта проведения подобных мероприятий не существовало. История проведения первых реставрационных работ на петроглифах наглядно показала, что без привлечения специалистов-реставраторов и создания чёткой управленческой структуры, устойчивого положительного результата добиться невозможно.

Список источников и литературы

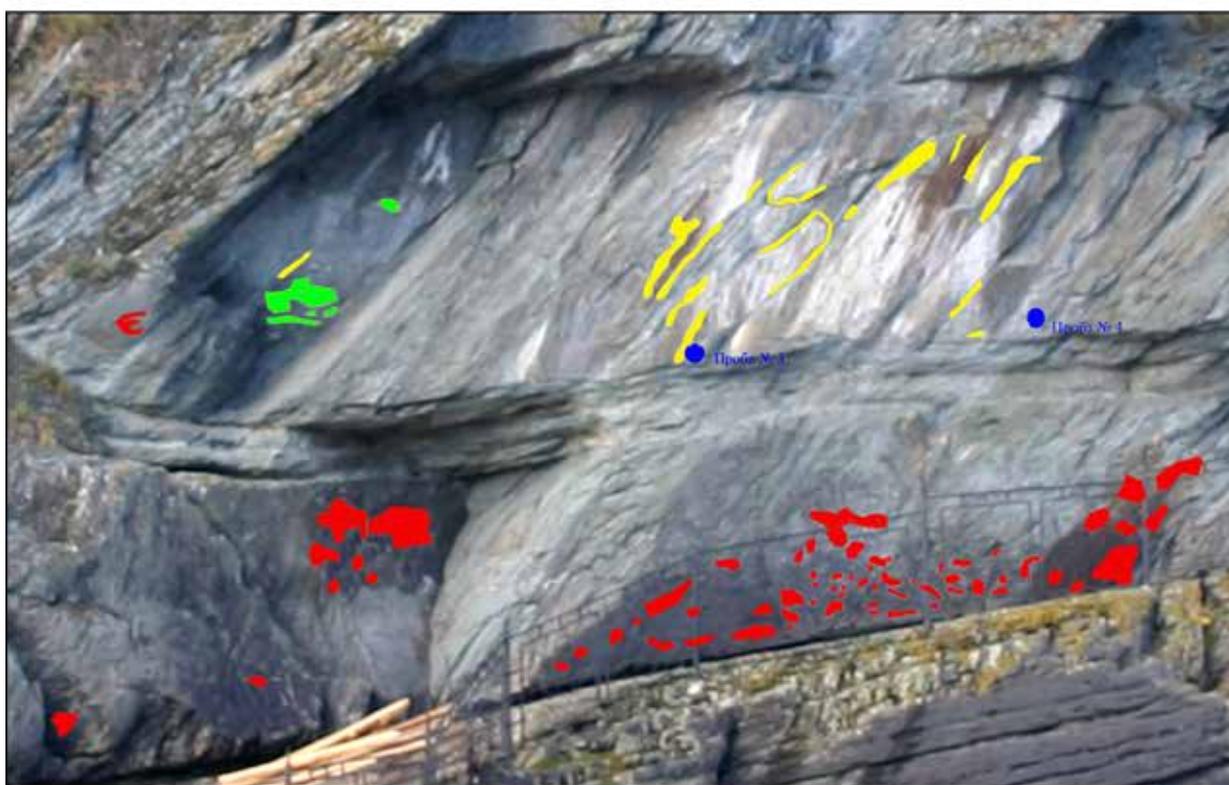
- Агеева Э. Н. Исследования и некоторые консервационные работы на «Томской писанице» // Новые подходы к изучению, сохранению и устойчивому управлению природным и культурным наследием Сармишасая. – Навои, 2004. – С. 26–29.
- Агеева Э. Н., Кочанович А. В. Исследования и консервация памятников наскального искусства // Современный подход. Исследования и консервация культурного наследия.; – М.: ГосНИИР, 2005. – С. 15–20.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 253 с.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Проблемы консервации и реставрации памятников наскального искусства в СССР // Исследование и реставрация памятников культуры из камня. – М., 1991. – С. 19–20.
- Егоров В. Н. На пути к музеефикации (Э. И. Биглеру посвящается) // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 113–115.
- Ковтун И. В. Краткая история разрушения Томской писаницы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. – С. 279–282.
- Мартынов А. И. Писаница на Томи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988. – 56 с.
- Мартынова Г. С., Покровская А. Ф. Исследователи Томской писаницы. – Кемерово, 2000. – 67 с.

- Мартынов Анатолий Иванович.* Библиография трудов. К юбилею ученого. – Кемерово: «Примула», 2013. – 88 с.
- Миклашевич Е. А.* Документирование поврежденных петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Том 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 128–138.
- Миклашевич Е. А., Бове Л. Л.* Некоторые результаты перкуссионной дефектоскопии петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Том 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 138–140.
- Научная концепция развития музея-заповедника «Томская Писаница».* – Кемерово, 1993. – 98 с.
- Отчёт № 3* по Гос.контракту №07-10/3-3303 от 07.08.2007 г. на проведение комплексных консервационных мероприятий, направленных на нейтрализацию процессов разрушения памятника наскального искусства Томская писаница. – М., 2007. – 52 с. / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 115.
- Отчёт № 4* по Гос.контракту №53-01-41/04-ПХ от 18.08.2008 г. по организации и проведению консервационных и строительно-монтажных работ, необходимых для реставрации объекта культурного наследия федерального значения – памятника наскального искусства «Томская писаница». – М., 2008. – 85 с. / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 116.
- Отчёт по договору № 22-18* с музеем-заповедником «Томская писаница» от 12 марта 2003 г. – М., 2003. – 31 с. / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 111.
- Отчёт по договору № 40/05* от 01 июня 2005 г. с МЗТП «Томская писаница» № 2. – М., 2005. Ч. 1. – 12 с. / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 112.
- Отчёт по натурному обследованию и лабораторным исследованиям камня памятника «Томская писаница»* в г. Кемерово. – М., 1989. Т. I, Ч. I. – 16 с. / Архив МЗТП, ф. 1, оп. 1, д. 36 (4).
- Отчёт по Договору № 105* от 23.08.2011 г. Консервационно-реставрационные работы на объекте культурного наследия федерального значения – памятнике наскального искусства «Томская писаница» (д. Писаная, Яшкинский р-н, Кемеровская обл.) и обследование памятников наскального искусства на р. Томь. – М., 2011. – 62 с. / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 117.
- Протокол Ученого совета музея-заповедника «Томская Писаница»* от 28 сентября 1990 г. – Кемерово, 1990. / Архив МЗТП, ф. 2, оп. 1, д. 169.
- Результаты микроскопического исследования Томской Писаницы.* – Кемерово, 2015 / Архив МЗТП, ф. 4, оп. 1, д. 120.
- Реутова М. А.* Консервация петроглифов Сармишса // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 137–138.
- Русакова И. Д.* Музей-заповедник «Томская писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 140–142.
- Русакова И. Д.* Плоскость 8 Томской писаницы: современное состояние // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2015. – №2. – С. 85–101.

1

- Участки, подвергнутые воздействию электроинструментов
- Трещины, закрепленные домазочным составом
- Надписи, покрытые обмазочным составом
- Места взятия проб в 2015 г.

2

Рис. 1. Реставрационные мероприятия на Томской писанице.

1. Индексированная панорама основного скопления Томской писаницы (по: [Миклашевич, 2011, с. 135, рис. 4]).

2. Работы, проведённые на Томской писанице в 1960–1970-х гг.

Рис. 1. Петроглифы Сикачи-Аляна. Охранный знак в пункте 1 (фото: И. Георгиевский).

Рис. 2. Информационный щит у петроглифов Сикачи-Аляна.

А. Р. Ласкин

*Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края. Хабаровск, Россия
e-mail: archaeology@inbox.ru*

**ПЕТРОГЛИФЫ СИКАЧИ-АЛЯНА.
ПЕРСПЕКТИВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО**

В статье приводится анализ современного состояния памятника наскального искусства «Петроглифы Сикачи-Аляна», проблемы и перспективы внесения его в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: петроглифы, Сикачи-Алян, памятники наскального искусства, Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

A. R. Laskin

*Research and Development Centre for Protection and Use
of Historical and Cultural monuments of Khabarovsk Territory. Khabarovsk, Russia*

**PETROGLYPHS OF SIKACHI-ALYAN.
PROSPECTS OF INSCRIBING INTO UNESCO WORLD HERITAGE LIST**

The paper analyzes the current condition of the rock art site “Petroglyphs of Sikachi-Alyan”, its problems and prospects of inscribing it into UNESCO World Heritage List.

Keywords: petroglyphs, Sikachi-Alyan, rock art sites, UNESCO World Heritage List.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00453 (а)

Петроглифы Сикачи-Аляна вместе с изображениями Шереметьево и Ки и образуют особую локальную провинцию наскального искусства бассейна рек Амура и Уссури на Дальнем Востоке России [Окладников, 1971; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, с. 29–32]. Наиболее яркий и значимый по количеству и разнообразию сюжетов – комплекс петроглифов у с. Сикачи-Алян. Этот уникальный памятник наскального искусства был введен в научный оборот А. П. Окладниковым по результатам многолетних исследований [1971] и приобрел мировую известность.

Петроглифы Сикачи-Аляна представляют собой комплекс наскальных изображений, сосредоточенных в шести пунктах, которые локализованы по правому берегу Амура в районе сёл Сикачи-Алян и Малышево. Почти все петроглифы выполнены на отдельно лежащих базальтовых валунах, и лишь небольшая их часть выбита или вырезана на вертикальных скальных выступах цокольных террас. Крупные валуны или глыбы представляют собой результат интенсивной вулканической деятельности, возраст базальтовых пород, на которых выполнены петроглифы, составляет 15,2 млн лет [Варнавский и др., 1991, с. 20, 21].

Корпус петроглифов Сикачи-Аляна включает 435 изображений на 120 валунах и подвертикальных скальных выходах и представлен категориями фигуративных, абстрактных и неопределяемых изображений. Фигуративные делятся на типы антропоморфные (личины и фигуры), зооморфные, орнитоморфные, прочие (лодки). Абстрактные петроглифы Сикачи-Аляна представлены окружностями и концентрическими окружностями, ямками-лунками и знаками. К неопределяемым относятся незавершённые, а также разрушенные экземпляры, точная идентификация которых проблематична [Ласкин, 2015, с. 12].

По технике исполнения петроглифы делятся на три основные группы: выбитые (пикетаж), выполненные пикетажем с использованием фактуры и рельефа камня, которые придают изображению свойства барельефа, а также нанесённые гравировкой (резьбой).

Сикачи-альянские петроглифы датируются продолжительным историческим интервалом – с начального неолита (XIII–X тыс. до н. э.) до раннего и развитого средневековья (IV–XIII вв.).

Помимо неоднократно отмеченного сходства личин в традициях Амура и Южной Сибири, некоторые аналогии петроглифам Сикачи-Аляна находятся в Северо-Восточном Китае, Синьцзяне, Корее, Вьетнаме, в Полинезии, Новой Каледонии, на островах Пасхи и Фиджи, Гавайских островах, на Аляске, в канадской провинции Британская Колумбия, в Австралии [Дэвлет, 2015].

Памятники наскального искусства под открытым небом составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, их значение в современной культуре возрастает, однако всё большее значение приобретает проблема их сохранения. Эта проблема неразрывно связана не только с процессом природной деструкции, но и использованием наскальных изображений в качестве объекта туристического кластера. Памятники наскального искусства становятся одним из объектов специализированного туризма, а во многих странах туризм является важной доходной статьёй национальной экономики. Это вызывает необходимость поддерживать объекты в соответствующем состоянии, обеспечивать доступ к ним, предъявляет особые требования при музеефикации и туристическом использовании памятников. Анализ мирового опыта в этой области важен для того, чтобы и применительно к отечественным памятникам был найден правильный подход к эффективному практическому применению с учетом региональной специфики [Дэвлет, 2002].

Петроглифы Сикачи-Аляна – впечатляющий петроглифический комплекс под открытым небом. Художественные, исторические и культурные особенности снискали ему всемирную известность, что позволило ещё в 2003 г. включить его в предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО (Tentative List). Пока это единственный памятник наскального искусства под открытым небом в России, для которого пройден этот этап [UNESCO: World Heritage List Nominations]. В мире в Список всемирного наследия ЮНЕСКО включено не так уж много районов наскального искусства. Они характеризуются не только исключительной изобразительной традицией древнего искусства, но проявляемой заботой со стороны правительственных структур и местного населения, современной стратегией управления. Для включения в список ЮНЕСКО на памятниках были проведены значительные охранные и консервационные мероприятия, широко распространялись сведения о значении объектов.

Какие же действия и мероприятия нужно провести, чтобы уникальный историко-культурный объект «Петроглифы Сикачи-Аляна» оказался в основном списке ЮНЕСКО? Необходимо, чтобы он соответствовал одному из 10 критериев, по которому происходит номинирование памятников в список ЮНЕСКО [UNESCO: The Criteria...]. Среди основных критериев – требование, чтобы объект представлял собой произведение человеческой креативности, содержал уникальное или, по крайней мере, исключительное свидетельство существующей или исчезнувшей культурной традиции или цивилизации; был выдающимся примером традиционного расселения, землепользования и пр., взаимодействия человека и окружающей среды, особенно, если объект подвержен воздействию необратимых изменений. В 1992 г. в документы ЮНЕСКО введено понятие «культурные ландшафты», под которым понимаются важнейшие проявления взаимодействия людей и природной среды, а памятники наскального искусства в значительной мере соединяют в себе черты природного и культурного наследия [Preparing World Heritage Nominations, second ed., 2011, published by the UNESCO].

Петроглифы Сикачи-Аляна подходят как минимум под три из перечисленных выше критериев. Однако для номинаций ЮНЕСКО помимо выбора критерия существенно важны также охранные мероприятия, система управления, сохранение подлинности и целостности объекта. Самым главным требованием к номинируемому объекту должно быть «выдающееся всемирное значение», под которым понимается столь исключительное культурное и/или природное значение, которое не имеет национальных границ и представляется важным для современных и будущих поколений человечества в целом. Также должны быть определены охраняемая и буферная зоны.

Очередным главным условием для номинации в основной список ЮНЕСКО является то, что на памятнике должны быть осуществлены мероприятия по сохранению и его интеграции в современное культурное пространство. Как раз выполнение этого главного условия в отношении петроглифов Сикачи-Аляна до настоящего времени оказалось безрезультатным. Единст-

венное, что удалось выполнить из охранных мероприятий за счёт ограниченных бюджетных средств – установить информационные знаки и щиты в двух наиболее посещаемых туристами пунктах петроглифов (рис. 1, 2).

Многолетний мониторинг состояния петроглифов на Сикачи-Аляне показал, что памятник интенсивно разрушается под воздействием природного и антропогенного факторов. Во время весеннего ледохода продолжается процесс перемещения и переворачивания базальтовых валунов с петроглифами. В результате значительных сезонных перепадов температур и колебаний уровня воды в Амуре прослеживаются негативные для петроглифов процессы заиливания валунов, покрытие изображений минеральными и органическими элементами, растрескивание и расслоение поверхности камней [Дэвлет, Ласкин, 2015, с. 99]. Из анализа перечисленных выше факторов очевидна необходимость проведения неотложных и эффективных мероприятий по сохранению и музеефикации сикачи-альянских петроглифов. За последние 40 лет разработано достаточное количество концепций и проектных решений по организации на базе петроглифов Сикачи-Аляна разного рода историко-культурных, музейных, этнографических и туристических центров, но из-за отсутствия финансирования все эти проекты и решения остались только на бумаге. Сегодня как никогда назрела острая необходимость в осуществлении последовательной и эффективной программы действий, направленных на обеспечение сохранности, благоустройство, музеефикацию и охрану петроглифов Сикачи-Аляна. Самое важное условие решения этой задачи – заинтересованность и необходимая финансовая поддержка со стороны властей федерального и регионального уровней.

Петроглифы Сикачи-Аляна – уникальный комплекс наскального искусства, его выдающееся всемирное значение обусловлено масштабностью и уникальностью природного и культурного ландшафта, многообразием изображений, их неповторимой художественной стилистикой, долговременной изобразительной традицией, неповторимым сочетанием природных, исторических и этнографических компонентов. Это единственный в Приамурье памятник древнего наскального искусства, который в настоящий момент используется в качестве туристического объекта, что по праву обуславливает его законное место в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО.

Список литературы

- Варнавский В. Г., Даммер А. Э., Тюрин И. М., Поздняков И. И., Подгорная Т. И., Степанов Н. М. Геологическое строение и инженерно-геологические условия Хабаровска и его окрестностей. – Хабаровск, 1991. – 112 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 240 с.
- Дэвлет Е. Г. Новые материалы к проблеме тихоокеанских аналогий изображениям личин в наскальном искусстве Амура и Усури // Краткие сообщения института археологии. 2015. – Вып. 241. – С. 68–78.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Усури // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4 (43). – С. 94–105.
- Ласкин А. Р. Петроглифы Сикачи-Аляна: историко-культурный контекст и состояние сохранности: автореф. ... канд. ист. наук. – Хабаровск, 2014. – 25 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 329 с.
- UNESCO: The Criteria for Selection. [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/criteria/>. <http://whc.unesco.org/en/guidelines/> Доступ свободный.
- UNESCO: World Heritage List Nominations. [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/nominations/>. Доступ свободный.
- UNESCO: World Heritage List. [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/EN/list>. Доступ свободный.

Е. А. Миклашевич

Музей-заповедник «Томская Писаница»

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Кемерово, Россия

e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

**ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ОГЛАХТИНСКОГО ХРЕБТА:
ПЕРСПЕКТИВЫ НОМИНИРОВАНИЯ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЮНЕСКО**

Статья представляет один из выдающихся объектов культурного и природного наследия России – горный хребет Оглахты в Хакасии. Наиболее значимым его культурным компонентом является наскальное искусство. Сформулированы критерии, по которым объект может быть номинирован в предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, Хакасия, Оглахты, Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

E. A. Miklashevich

Museum-Preserve 'Tomskaya Pisanitsa'

Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Kemerovo, Russia

**ROCK ART SITES OF THE OGLAKHTY RIDGE:
PERSPECTIVES FOR ITS INSCRIPTION ON THE UNESCO WORLD HERITAGE LIST**

The paper presents one of the outstanding objects of cultural and natural heritage in Russia: the Oglakhty Ridge in Khakasia. The most significant component of its cultural heritage is rock art. The criteria are defined, which this property should meet for its inscription on the Tentative UNESCO World Heritage List.

Keywords: rock art, Minusinsk basin, Khakasia, Oglakhty, UNESCO World Heritage List.

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К

Одна из самых известных в культурно-историческом и природном отношении территорий Хакасии – горный массив Оглахты с прилегающими степными участками. Это низкогорный широтный моноклиальный хребет, находящийся на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) ниже устья впадающей справа р. Тубы и разделяющий собственно Минусинскую (Южно-Минусинскую) и Сыда-Ербинскую (Средне-Минусинскую) котловины обширной Минусинской впадины в горах Южной Сибири. Геологическая история определила разнообразие форм рельефа: широкие равнины, холмы, увалы, мелкие сопки и невысокие горы, сложенные из слоистого девонского песчаника красно-коричневого цвета (характернейшая особенность особенностей хакасских пейзажей). Оглахты – яркий пример рельефа куэст (сформировавшегося в условиях наклонного залегания пород различной плотности). Восточная граница хребта связана с берегом р. Енисей (с 1970 г. – Красноярского водохранилища). Здесь расположены высокие отвесные, очень живописные скальные обнажения, круто обрывающиеся в реку. Фронт скал в нескольких местах прерывается глубокими логами, тянущимися в северо-западном направлении вглубь хребта. Один из них, представляющий довольно широкую долину, разделяет хребет на хорошо выраженные северный и южный участки. Значительная расчленённость рельефа, разная крутизна и экспозиция склонов определили исключительное и своеобразное сочетание лесных, лесостепных, степных и прибрежных ландшафтов в их ненарушенном состоянии, уникальные сообщества и комплексы степной растительности, разнообразные и жизненно важные местообитания редких и исчезающих видов. Часть этой территории входит в состав Государственного природного заповедника «Хакасский» под названием «участок Оглахты» (двумя кластерами: северным и южным).

Ещё большую ценность этой территории придаёт насыщенность природного ландшафта следами его культурного освоения на протяжении многих исторических эпох. Здесь сосредоточены сотни курганов и тысячи наскальных рисунков, а также другие виды археологических

и исторических памятников (поселения, культовые места, фортификационные сооружения, каменоломни). Они имеют длительную историю изучения (с сер. XVIII в.) и довольно хорошо разработанную хронологию от палеолита до нового времени. Наиболее репрезентативны памятники афанасьевской энеолитической культуры (IV– I-я пол. III тыс. до н. э.), окуневской культуры эпохи ранней бронзы (сер. III – нач. II тыс. до н. э.), карасукской культуры эпохи поздней бронзы (2-я пол. II – нач. I тыс. до н. э.), тагарской (9–3 вв. до н. э.), тесинской (2 в. до н. э. – 3 в. н. э.) и таштыкской (1–7 в. н. э.) культур раннего железного века. Впечатляющие каменно-земляные конструкции курганов тагарской культуры с оградами и высокими угловыми и промежуточными плитами – неотъемлемая черта исторического ландшафта хакасско-минусинских степей. Уникальные находки погребальных масок, мумифицированных останков, сохранившихся предметов из органических материалов (ткани, меха, дерева) из могильников таштыкской культуры, раскопанных в Оглахты, украшают залы Государственного Исторического музея в Москве и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Грандиозным памятником I – нач. II тыс. н. э. является знаменитая Оглахтинская «крепость», развалины которой опоясывают огромную площадь в несколько десятков кв. км.

Без сомнения, наиболее значимым культурным компонентом Оглахтинского хребта является наскальное искусство. Особенности рельефа обеспечили огромное количество удобных «полотен» древним художникам: выходы красноцветного девонского песчаника здесь повсюду; и всюду, где они есть, встречаются рисунки на скалах. Изображения выполнены всеми известными техниками – выбивка, гравировка, шлифовка, краска. Большинство рисунков нанесены на вертикальные плоскости, но встречаются они и на блоках камней, во множестве лежащих по склонам, а также на плитах, использованных для строительства курганов (одни рисунки относятся ко времени сооружения курганов и связаны с погребальным обрядом, а другие наносились последующими поколениями). Изображения, нанесённые на скалы, концентрируются большими скоплениями в разных частях хребта. Наибольшим богатством отличаются скалы вдоль берега Енисея и юго-западный склон горы «Сорок Зубьев». Известные к настоящему времени местонахождения вместе взятые образуют самый крупный комплекс наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины – региона, известного как один из богатейших в мировом масштабе ареалов наскального искусства.

Историко-культурная ценность этого комплекса заключается не только в количестве источников, но в их многообразии, репрезентативности, наличии как характерных, так и уникальных сюжетов, образов и стилей. Петроглифы Оглахты представляют все культурно-хронологические периоды, выделенные в древнем искусстве Южной Сибири; кроме того, есть и такие уникальные группы, которые не вписываются в известные рамки. Многие изображения выполнены на высоком художественном уровне, то есть значимы и с эстетической точки зрения.

Наскальное искусство Оглахтинского хребта представляет собой ценнейший исторический источник. Многие культурно-хронологические группы могут быть сопоставлены с соответствующими погребальными археологическими памятниками и при этом существенно дополняют информацию о той или иной культуре, полученную благодаря раскопкам. Некоторые же периоды на этой территории археологически не представлены (скорее всего, памятники пока не выявлены) ничем, кроме наскального искусства. И в этом случае петроглифы дают такую информацию, значение которой трудно переоценить. Наиболее характерный пример: изображения так называемого древнейшего пласта. Это выполненные с большим реализмом и художественным мастерством фигуры диких животных, а также загадочные антропоморфные фигуры и условные изображения лодок с «пассажирами». Датировка их неизвестна, определено только, что они точно не позже III тысячелетия до н. э. Не исключается их принадлежность к эпохе камня. Некогда такими рисунками были сплошь покрыты все береговые утесы. До наших дней сохранилось далеко не всё (и очень много погребло после наполнения водохранилища), но даже то, что сохранилось, представляет собой впечатляющий пример художественного гения первобытного человека и даёт нам пока не подтвержденную палеонтологическими данными ценнейшую информацию об исчезнувшем с данной территории виде биоценоза. На скалах изображены животные, одни из которых вымерли, а другие в настоящее время в этом ареале не обитают. К первым относятся: дикая лошадь (*Equus ferus*) и первобытный бык (*Bos taurus primigenius*). Ко вторым: лось (*Alces alces*), сибирский горный козел (*Capra sibirica*), горный баран (*Ovis ammon*), медведь (*Ursus arctos*), кабан (*Sus scrofa*). Единственными видами, которые изображены на скалах и до сих пор обитают на территории хребта, являются благородный олень (*Cervus elaphus*) и косуля (*Capreolus pygargus*).

Рис. 1. Оглахты. Карта с обозначением местонахождений наскальных рисунков и курганов, территории заповедника и предполагаемых границ номинируемого объекта.

Рис. 2. Могильник тагарской культуры в урочище Кизань. Памятники наскального искусства «Сорок Зубьев» (верхний пояс скальных выходов) и Кизань (предгорья).

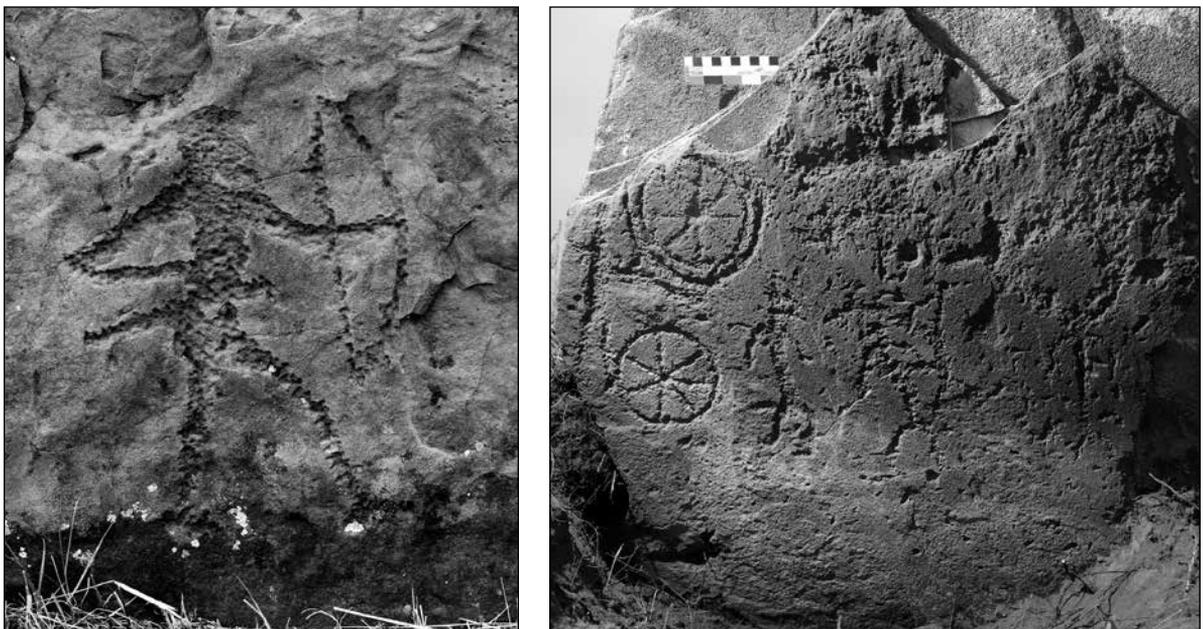

Рис. 3. Изображения на плитах оград курганов. Слева: могильник в урочище Кизань. Справа: могильник в Большом Логу.

Среди изображений более поздних эпох встречаются такие, которые отражают влияния культур отдалённых территорий (Средней Азии, Китая и пр.), прямые миграции, присутствие определённых этнических групп, служат косвенными свидетельствами исторических событий. На скалах есть изображения предметов материальной культуры, например, на уникальном объекте – плите из урочища Кизань – выбита целая серия изображений кинжалов и колесниц эпохи поздней бронзы. На горе «Сорок Зубьев» есть изображение котла и, вероятно, древнейшее изображение войлочной юрты – типичного жилища кочевников. Абсолютное большинство изображений, тем не менее, передают мифологические, эпические, религиозные сюжеты и служат источниками для реконструкции мировоззрения самых разных эпох и народов.

Отдельного упоминания заслуживает пласт изображений так называемой этнографической современности. Это рисунки коренного населения – хакасов, которые продолжали поддерживать многотысячелетнюю традицию наскального искусства в Оглахты вплоть до начала XX века. Ни на каком другом памятнике в Хакасии нет такого количества хакасских рисунков. Они чрезвычайно информативны как для изучения верований и мифологии хакасов, так и реалий их повседневной жизни, хозяйственного уклада и даже исторических моментов.

Исходя из этих особенностей территории, давно уже появилась идея о том, что памятники хребта Оглахты заслуживают быть признанными объектом наследия мирового значения. По

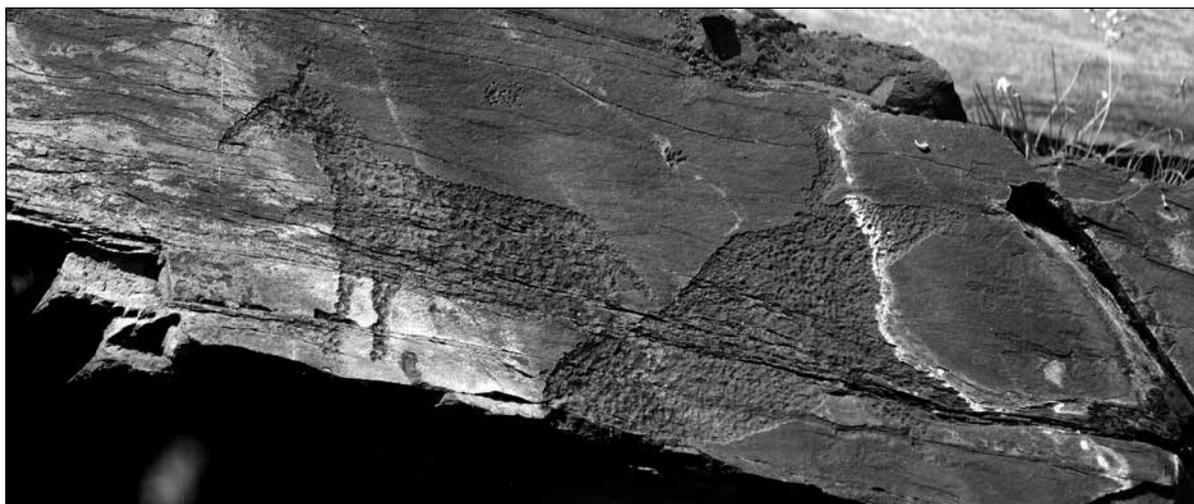

Рис. 4. Древнейшие рисунки, сохранившиеся на береговых скалах. Образы вымерших животных: дикая лошадь и бык-тур.

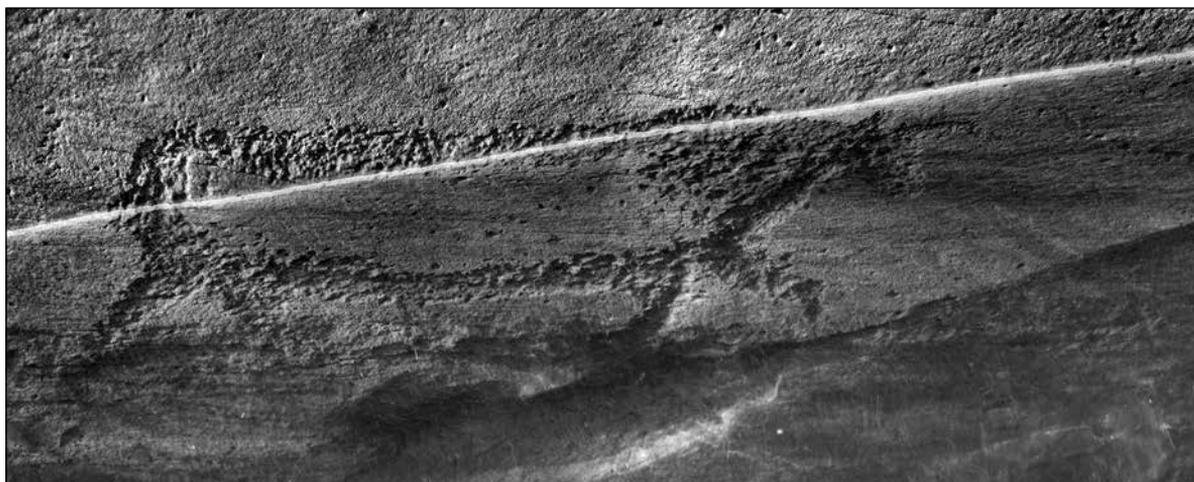

Рис. 5. Рисунки в воде. Некоторые ещё сохранившиеся на береговых скалах плоскости подвергаются регулярному затоплению при изменении уровня воды в водохранилище.

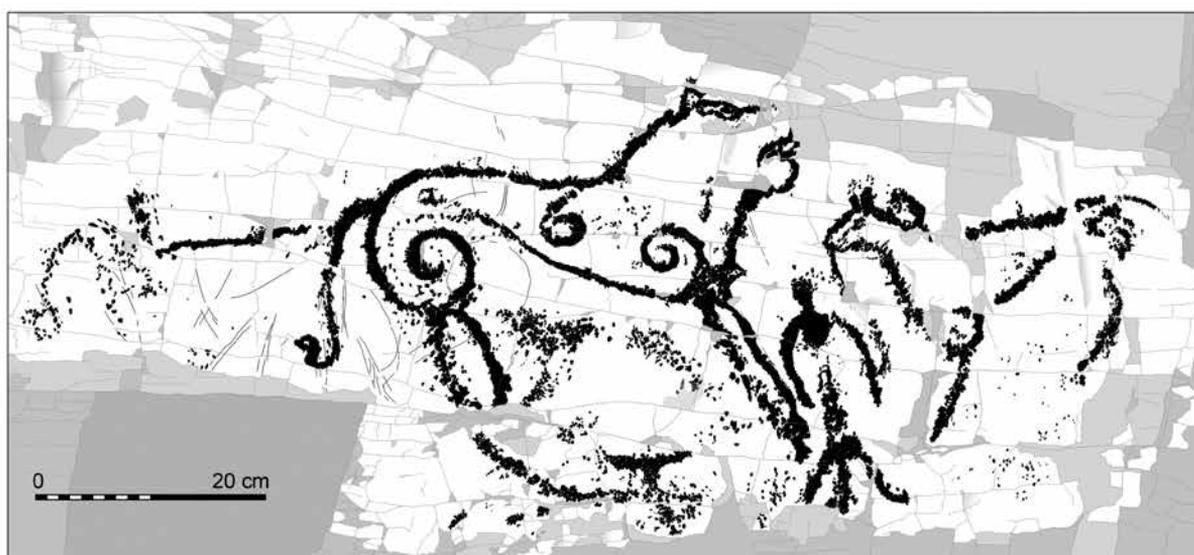

Рис. 6. Одна из недавно обнаруженных композиций памятника Оглахты Абрашкин Лог. Тагарская культура. На прорисовке зафиксировано неудовлетворительное состояние сохранности плоскости.

инициативе руководства заповедника «Хакасский» группой исследователей из разных организаций и сотрудников заповедника в начале 2016 г. была подготовлена заявка от Республики Хакасия на включение объекта «Горный хребет Оглахты» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время заявка проходит экспертизу в соответствующих инстанциях. Хребет Оглахты в заявке представлен как объект смешанного, природного и культурного наследия. В качестве оснований для номинирования в отношении культурного компонента сформулированы следующие критерии.

Критерий i («объект представляет собой шедевр творческого гения человека»). Местонахождения памятников наскального искусства в Оглахты представляют собой самую большую в Минусинской котловине концентрацию памятников этого типа и имеют исключительную ценность, учитывая разнообразие представленных изобразительных стилей, насыщенность, высокие художественные качества в передаче образов животных и антропоморфных фигур.

Критерий iii («объект является уникальным или, по крайней мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, исчезнувшей или существующей»). Предгорные степи Оглахтинского хребта были населены на протяжении не менее чем 5000 лет, за которые здесь сменилось множество культур, с разными способами хозяйствования и взаимодействия с окружающей средой. Археологические памятники, оставленные этими племенами, и в первую очередь – наскальное искусство, являются исключительным свидетельством целого ряда исчезнувших культурных традиций, образа жизни и мировоззрения, изменений климата и животного мира и т. д. На номинируемой территории сосредоточено такое количество и разнообразие археологических и этнографических свидетельств, что они в полной мере отражают развитие культуры всей Минусинской котловины в разные исторические эпохи.

Критерий vi («объект прямо или реально связан с событиями или живыми традициями, идеями, верованиями...»). Значительная часть наскальных изображений Оглахты так или иначе связана с шаманским культом и мифологией. Шаманизм как религиозное явление в наиболее полной форме проявился в Сибири, достоверных данных о времени его появления нет, и наскальное искусство – один из источников для изучения формирования и эволюции этого явления. Кроме того, позднейшие, так называемые этнографические изображения, которые в таком количестве и разнообразии представлены из всего региона только в Оглахты, связаны с мифологией и традиционным мировоззрением хакасов.

Хребет Оглахты представляет собой целостную систему, в пределах которой в течение длительного периода сохранялись в достаточно устойчивом состоянии естественные экосистемы, многочисленные историко-культурные памятники и свидетельства деятельности человека с древнейших времен. Наскальное искусство находится в его оригинальном природном окружении, по большей части, хорошо сохранившимся (если не считать естественной деструкции скал и, конечно, утраты многих береговых петроглифов вследствие затопления водохранилища). Нахождение в составе заповедника обеспечило реальную защиту от вандализма: здесь практически нет посетительских граффити. Погребальные памятники также являются неотъемлемой чертой горностепного пейзажа, лишь очень небольшая часть из них подвергалась раскопкам.

Номинируемая территория в качестве объекта смешанного природного и культурного наследия с выдающейся ролью такого компонента как наскальное искусство, имеет сходство со следующими объектами из Списка всемирного наследия: Tassili n'Ajjer, Maloti-Drakensberg Park, Kakadu National Park, Wadi Rum Protected Area и некоторыми другими. Отличается же она наличием уникальных степных сообществ и удивительным сочетанием памятников историко-культурного наследия целого ряда хронологических периодов, интегрированных в горно-степной пейзаж и являющихся неотъемлемой его частью. От других комплексов местонахождений наскального искусства, которыми так богаты горы Минусинской котловины, Оглахты отличается тем, что заметно превосходит любой из них по количеству, разнообразию и репрезентативности изображений. В Списке всемирного наследия от России не представлены ни территории, сохраняющие степные биоценозы, ни ансамбли наскального искусства, между тем как первые являются одним из наиболее характерных для нашей страны, ценных и подверженных исчезновению видов природного наследия, а вторые – культурного.

В любом случае, будет ли прохождение нашей заявки успешным или нет, подготовка номинации придаст дополнительный импульс уже ведущейся в Оглахты работе по выявлению, научному изучению, сохранению и популяризации выдающихся объектов археологического и природного наследия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИСТИЧЕСКОМ И ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРОДВИЖЕНИИ РЕГИОНОВ

Обозначены проблемы использования объектов археологического наследия Российской Федерации для развития туризма и повышения инвестиционной привлекательности регионов, а также основные пути их решения. Имея на своей территории около 80 тысяч археологических памятников, Россия практически не использует этот потенциал для развития внутреннего и международного туризма. Приведён обзор наиболее успешных зарубежных практик использования памятников истории и археологии при развитии туризма и продвижении территорий.

Ключевые слова: *археологические раскопки, туристический потенциал, инвестиционное продвижение, памятники археологии, туризм.*

О. А. Pozdnyakova

AGT Communications Agency. Moscow, Russia

THE USE OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OBJECTS IN THE TOURIST AND INVESTMENT PROMOTION OF REGIONS

The paper identifies problems of using archaeological heritage objects of the Russian Federation for development of tourism and increasing investment attractiveness of regions and basic solutions. Russia has approximately 80 thousand archeological sites but hardly ever uses this potential for the development of domestic and international tourism. An overview of some of the most successful foreign practices of using historical and archeological sites in development of tourism and promotion of the territories is given.

Keywords: *archaeological excavations, tourism potential, investment promotion, archaeological sites, tourism.*

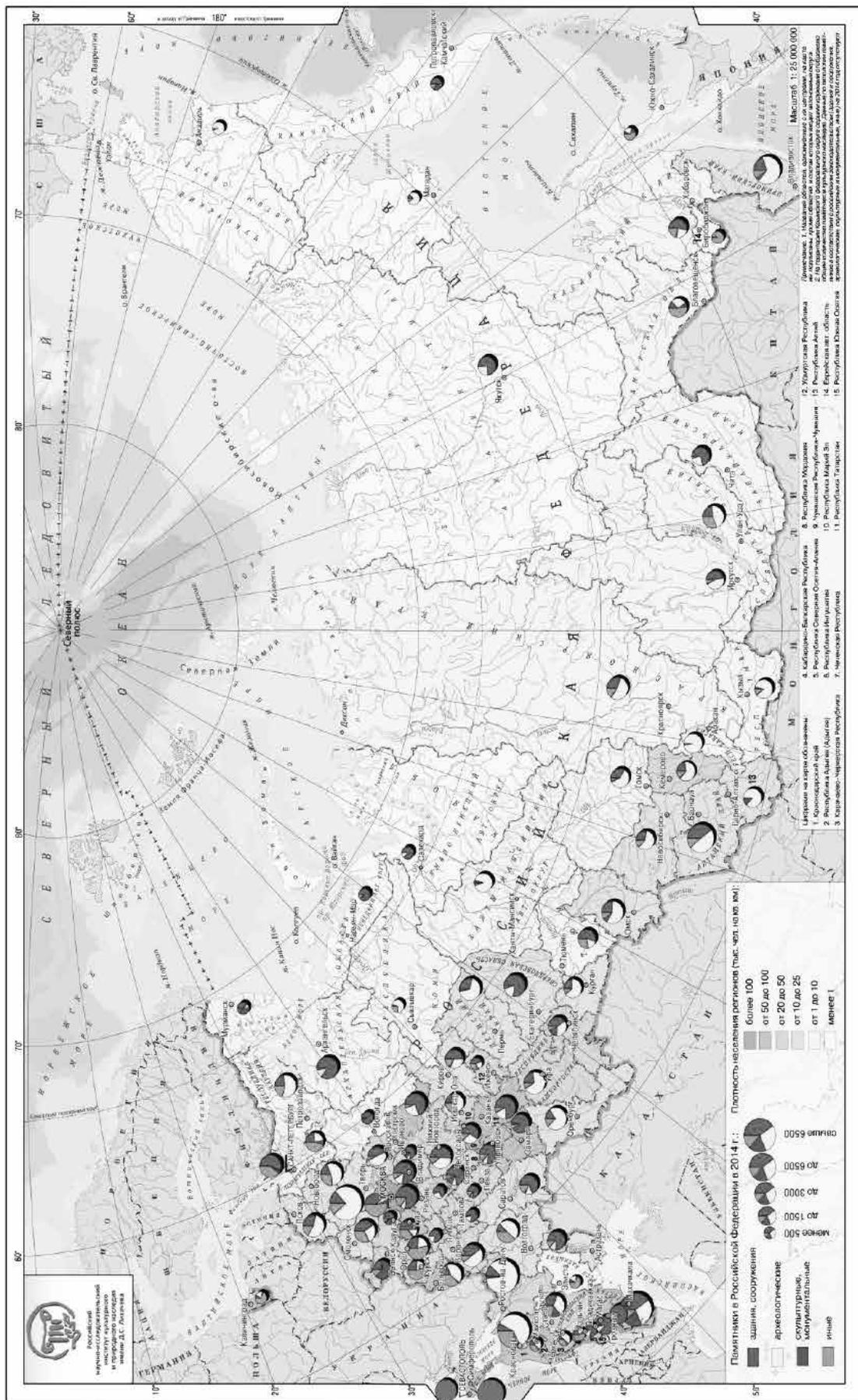
В последние годы во многом благодаря влиянию внешнеполитической ситуации, в Российской Федерации большое внимание уделяется развитию внутреннего туризма. Он рассматривается и в качестве альтернативы выездному туризму, и как средство патриотического воспитания подрастающего поколения [см. напр.: Путрик и др., 2015]. С 2013 г. в рамках Национальной программы детского культурно-познавательного туризма за счёт средств федерального бюджета реализуется проект «Моя Россия». Школьники из всех регионов посещают достопримечательности Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, музейный комплекс «Ясная Поляна» и т. д. В 2015 г. организовывались туры, посвящённые 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, включающие 9 военно-патриотических маршрутов под общим названием «Маршруты победы». Набирают популярность поездки в Крым и Севастополь, актуальным направлением остаются города «Золотого Кольца» и круизы по Волге. Зимняя Олимпиада 2014 г. дала толчок развитию курортно-туристического комплекса Краснодарского края и Сочи. Стали доступными для широкого круга туристов Дальний Восток, Сахалин, Курильские острова, Урал, Север России.

Вместе с тем, подавляющее большинство маршрутов познавательного туризма связано с изучением природных или архитектурных достопримечательностей. В то же время существует огромный пласт исторических памятников, которые при надлежащем подходе могут стать драйверами развития туризма и придать серьёзный импульс экономическому развитию отдельных территорий. Мы говорим о памятниках археологии.

По состоянию на начало 2015 г. на территории Российской Федерации количество выявленных объектов археологического наследия составило 76 327 [Государственный доклад, 2014, с. 46]. При этом в ряде регионов археологические объекты составляют большую часть всех имеющихся памятников (рис.1) [там же, с. 265].

Однако мы вынуждены признать, что примеры успешного использования археологических памятников в качестве туристических достопримечательностей в нашей стране единичны. На-

ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ

© СВНУ - Российский научно-исследовательский институт культуры
 и наследного наследия имени Д.С. Лихачева, 2015 г.
 Карта разработана в ФГБУ «Историко-культурный институт имени Д.С. Лихачева»

Рис. 1.

более известным является Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», расположенный в Севастополе. Фактически, в настоящее время, это – единственный пример эффективного (конечно, по российским меркам) использования объекта археологического наследия. С 2013 г. объект «Древний город Херсонес Таврический и его хора» внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в декабре 2015 г. музей-заповедник «Херсонес Таврический» отнесён к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. Основанный греками в V веке до н. э. и существовавший вплоть до XIV в. Херсонес ежегодно посещают свыше 350 тысяч человек, и количество туристов постоянно увеличивается, особенно с начала 2016 г., когда посещение музея стало бесплатным.

Другим примером можно считать открытый в 1987 г. на юге Челябинской области комплекс памятников археологии Аркаим, укрепленное поселение которого относится к эпохе бронзы (рубеж III – II тысячелетий до н. э.). Историко-культурный заповедник «Аркаим» действует с 1991 г. и является довольно известным местом паломничества (количество посетителей превышает 25 тысяч человек в год [Кисленко]), как для любителей истории, так и для поклонников сверхъестественных сил, поскольку пользуется славой сакрального центра. В музее представлены подлинные («укрепленное поселение Аркаим», погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века, курганы с «усаами», менгиры XVII–XIV вв. до н. э. и др.) и перемещённые (культовые и погребальные памятники древних эпох, смоделированные древние жилища, Казачья усадьба, ветряная мельница и т. д.) археологические и этнографические материалы. В 2014 г. проведена реконструкция элементов музеефицированного раскопа древнего поселения, улучшившая понимание памятника для посетителей, которым также доступны разнообразные выставки, мастер-классы и обучающие программы.

Значительно менее известен, даже на территории своего региона, Юдиновский историко-археологический музейный комплекс (Погарский район Брянской области). Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка была случайно открыта в 1934 г. и впервые исследована К. М. Поликарповичем (1947 г.). Позднее на средства местного колхоза над раскопками был построен павильон, где находятся останки конструкций двух жилищ древних охотников на мамонтов, который стал музеем. И хотя, по мнению российских и зарубежных учёных, заповедник в Юдиново не имеет аналогов в мире, по большому счёту, известен он только местным школьникам и студентам профильных специальностей региональных вузов.

Известность других объектов археологического наследия (например, Археологический музей-заповедник «Танаис» в Ростовской области; Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки»; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (Воронежская область); Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория» (Краснодарский край), созданный в 2014 г., и т. д.) также, как правило, не распространяется за пределы своего региона и довольно узкого круга специалистов-археологов. А учитывая тот факт, что в 2014 г. поездки по России, по данным Ростуризма, совершили 41,5 млн человек, доля тех, кто заинтересовался археологическими музеями, ничтожно мала.

Совершенно иная ситуация сложилась за рубежом. И речь не только о странах Западной Европы с её традиционно трепетным отношением к собственной истории, где количество посетителей, к примеру, Стоунхенджа составляет около 1 млн человек в год только в составе организованных групп (при том, что вся Англия, без Лондона, в 2012 г. приняла 12,8 млн туристов). Самым посещаемым музеем Китая (свыше 1,5 млн ежегодных туристов) является гробница императора Цинь Шихуанди (III в. до н. э.) с её терракотовой армией. Осмотр места раскопок входит в программу визита в КНР многих официальных лиц: здесь побывали президенты США и России, монархи Бельгии и Великобритании, канцлер Германии и Генеральный секретарь ООН. В Турции в 2014 г. доход от музеев и мест раскопок достиг 151 млн долларов, увеличившись с 2010 г. более чем вдвое.

Причин отставания России в музеефикации и эффективном туристическом использовании памятников археологии, на наш взгляд, несколько. Первая из них – весьма ограниченное финансирование как уже действующих музейных комплексов и объектов, так и самих раскопок. В 2014 г. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012 – 2018 годы)» выполнено 45 археологических проектов на общую сумму 28,2 млн руб. Большая же часть финансовых средств на проведение археологических работ в 2014 г. поступала из внебюджетных источников. Для сравнения: общий объём капиталовложений в создание парка-музея упомянутой

выше гробницы Цинь Шихуанди за 2003–2005 гг., по данным агентства Синьхуа, оценивался в 553 млн юаней (более 66 млн долларов США). А для демонстрации российских реалий можно упомянуть факт сбора в начале 2016 г. средств на ремонт электронного тахеометра для фиксации уникального исторического ландшафта X в. на территории Гнёздовского археологического комплекса методом краудфандинга (собрано почти 220 тыс. рублей).

Второй причиной является отсутствие эффективного продвижения археологических музеев среди широкого круга потребителей. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» наделяет полномочиями по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного (в том числе археологического) наследия органы государственной власти и органы местного самоуправления [Федеральный закон, ст. 9, 10]. Поэтому создание подобных комплексов в большинстве случаев инициируется учёными при поддержке администраций муниципалитетов и субъектов с выходом на федеральный уровень. В дальнейшем управление такими комплексами осуществляется чаще всего чиновниками от культуры, что логично, поскольку финансирование, преимущественно, осуществляется из бюджетов различных уровней [Федеральный закон, ст. 13]. Но эти управляющие, как правило, далеки от современных трендов и методов маркетинга и придают вопросам рекламных коммуникаций третьестепенное значение. И в результате мы получаем отсутствие внятного позиционирования объекта и стратегии его продвижения, удобной навигации к объектам и внутри них, актуальных информационных брошюр и карт, и даже уникальных сувениров – самых простых инструментов в организации привлечения посетителей. Об использовании современных музейных технологий и элементах интерактивности в большинстве случаев говорить не приходится. Даже интернет-представительства существующих комплексов (да и многих государственных учреждений, в ведении которых они так или иначе находятся) – кустарные и поддерживаются по остаточному принципу [см. напр.: Институт археологии, Юдиново].

Третьей причиной, во многом связанной с предыдущей, является неумение мифологизировать археологические объекты, создавать вокруг них ореол таинственности и легендарности. Исключением здесь является Аркаим, сумевший создать себе славу не только научного, но и сакрального центра. Во всех прочих случаях сухие научные трактовки не оставляют места для появления мифов и легенд, связанных с происхождением и существованием археологических памятников. Можно не сомневаться, что если бы описание Стоунхенджа составляли специалисты в области палеоистории, это выглядело бы как «языческое святилище и место захоронений периода неолита (IV–III тыс. до н. э.)». Но насколько более интересно включение в описание этого памятника эпитетов, не противоречащих научным теориям, но дополняющих их, придающих ореол таинственности, повышающих интерес к объекту: это и «древнейшая обсерватория» для наблюдения за циклами Солнца и Луны (а, значит, циклами и закономерностями жизни), «и чудо света, и духовное место, и источник вдохновения», и т. п. [English Heritage]. И вот мы уже получаем на порядок большее количество посетителей, желающих своими глазами увидеть этот исторический феномен.

Негативно сказывается на использовании объектов археологического наследия в качестве музейных центров и ряд других факторов, среди которых – отсутствие концепции самого музея и продуманной схемы действий его сотрудников, не всегда удачный выбор археологического памятника для организации музея, и, как следствие, отсутствие интереса к нему со стороны туристов. Немаловажным фактором являются и природные условия, особенно в средней полосе России, не позволяющие сохраняться деревянным материалам (исключение составляют несколько городов, в первую очередь, Новгород, Старая Русса, отчасти – Москва).

Справедливости ради стоит отметить, что не каждый археологический памятник можно эффективно использовать в качестве музея. Необходимо соответствие ряду критериев, среди которых хорошая сохранность самого объекта, доступность для посетителей, его социальная значимость. Ну и, конечно, историческая ценность памятника не должна вызывать сомнений, а музейфикация должна производиться по месту его расположения (иначе перевезенный объект становится музейным экспонатом) [Медведь, 2012, с. 63].

Конечно, памятники, аналогичные Стоунхенджу и терракотовой армии – уникальны и по праву занимают место в сокровищнице мировой культуры. Тем не менее, мы считаем, что практически в любом регионе Российской Федерации есть археологические объекты, способные

стать центром притяжения туристов и драйверами локального экономического роста. Ярким примером современного археологического музея являются «Подземелья рынка» в Кракове (Польша), где демонстрируются не только находки и реконструкции, но и сами раскопанные объекты от домонгольского периода до средневековья [Podziemia Rynku]. Работа музея организована на высочайшем уровне: кроме экспонатов присутствуют многочисленные видео- и интерактивные материалы, экскурсии проводятся на ведущих европейских языках, включая русский, для детей знакомство с историей происходит в игровой форме. Российским аналогом является Музей археологии Москвы, основанный в 1997 г. непосредственно на месте крупномасштабных археологических раскопок 1993–1996 гг. на Манежной площади и вновь открытый после реконструкции в 2015 г. Основу экспозиции составляют обнаруженные в ходе раскопок устои Воскресенского моста XVII–XVIII вв., соединявшего в прошлом берега реки Неглинной [Музей археологии Москвы]. Музей, расположенный в подземном павильоне на глубине 7 метров, знакомит с материальной культурой Москвы от палеолита до XIX века, а также рассказывает об археологии как науке и содержит общие сведения о методике археологических исследований. Большое внимание уделяется работе с детьми от 5 до 14 лет: им предлагаются различные интерактивные занятия и познавательные программы. Изюминкой коллекции музея являются средневековые клады, найденные при раскопках в различных местах города. К сожалению, из-за особенностей расположения и небольших размеров Музей археологии Москвы способен одновременно принимать крайне небольшое количество посетителей. Подобные музеи вполне реально организовать и в других городах России – Великом Новгороде, Смоленске, Рязани, где десятилетиями нарабатывается великолепный археологический материал.

Экскурсионные маршруты, включающие обзор нескольких исторических памятников, объединенных общей логикой, по примеру античных поселений и могильников на территории современных Кипра, Греции, Турции и других стран Средиземноморья, при качественной проработке туристического «продукта» также будут интересны массовому потребителю.

При организации археологических музеев важно учесть тот факт, что для современного потребителя туристического продукта уже недостаточно экскурсии в её традиционном виде. Потребность быть участником конкретного действия или события становится массовой. Поэтому правильным представляется использование территории музеев для различных исторических фестивалей, реконструкций и реставраций, воссоздающих исторические и вероятные события прошлого. Данное направление активно развивается в Аркаиме, ежегодно принимающем Этнографический фестиваль. В летний период будет интересен и «археологический туризм», интерес к которому растёт в последние годы [см. напр.: Фонд «Археология»], когда посетители музея могут не только ознакомиться с экспозицией, но и принять участие в настоящих раскопках древних памятников. Всё это способно и придать изначальную мотивацию для поездки, и многократно усилить впечатления от увиденного.

Несомненно, затраты на создание и развитие археологического музейного комплекса довольно велики. Однако в случае успешной реализации проекта они многократно окупятся за счёт возросшего туристического потока, обеспечивающего развитие транспортной инфраструктуры, сферы гостеприимства (хостелы, гостиницы, рестораны), занятость местного населения, приток инвестиций, как внутренних, так и внешних, и, в конечном счёте, рост экономики региона. Соответственно, требуется качественная подготовка, продуманная реализация и эффективный контроль целевых программ (предусмотренных, кстати, законодательством [Федеральный закон, ст. 12]), разработанных индивидуально для каждого выбранного в качестве объекта музеефикации памятника, и содержащих, кроме научной составляющей, максимальный комплекс мероприятий его по продвижению и развитию. Фактически, необходимо отнестись к созданию археологического музея не только как к научному объекту, но как к «бизнес-проекту» (по духу), и тогда выгода для региона, в котором он располагается, может быть весьма существенной. Например, стандартная стоимость входного билета в Стоунхендж начинается с 14,5–17,1 фунтов стерлингов в зимний период, в музей гробницы Цинь Шихуанди – 150 юаней (22,5 доллара США). К этому необходимо добавить стоимость перелёта или переезда, проживание в отеле, покупку сувениров и прочие траты, обычные для туриста. Рост экономики региона, связанный с увеличением туристического потока, явно прослеживается на примере китайского Сианя, вблизи которого и была найдена Терракотовая армия. С началом развития музейного комплекса и масштабной реконструкции всей городской инфраструктуры, проведённой в первой половине

2000-х гг., только в 2005 г. доходы от туризма выросли на 14,3%, иностранные инвестиции – на 33% (при этом сумма контрактов с зарубежными компаниями достигла 1,4 млрд долларов), а рост ВВП составил 13,1%, по сравнению с предыдущим годом [Сианьское туристическое управление]. В 2010 г. была построена высокоскоростная железная дорога, аэропорт Сяньян является самым большим в регионе (свыше 21 млн пассажиров в 2011 г., с 2012 г. потенциальная пропускная способность – до 33 млн человек в год).

Необходимо отметить ещё один эффект от музеефикации археологических памятников – защиту их от уничтожения и сохранение для будущих поколений. Несмотря на огромное число выявленных памятников, скорость их исчезновения крайне велика. Если в 2014 г. научные раскопки проводились на 175 объектах археологического наследия, то спасательные раскопки – уже на 439. И этого совершенно недостаточно, ведь кроме воздействия естественных факторов, разрушающих археологические памятники, угрозой остаются грабительские раскопки. Только в 2014 г. грабительским раскопкам подверглись курганное поле «Высокая Могила – Студеникин Мар» и «Одинокый курган 2» у села Степное Илекского района Оренбургской области; в Республике Адыгея повреждены курганные могильники «Уляп-76», «Уляп-80» и «Уляп-36»; во Владимирской области на объектах археологического наследия Суздальского, Юрьев-Польского, Гороховецкого, Камешковского, Ковровского, Вязниковского, Александровского, Судогодского, Муромского районов обнаружены грабительские разрытия с использованием современного поискового оборудования [Государственный доклад, 2014, с. 47, 48]. Многолетнему разграблению подвергаются памятники археологии в Крыму, других регионах России. Проблемой является и растущее строительство, в ходе которого памятники археологии либо уничтожаются полностью, либо существенно ограничивается доступ к ним. К примеру, в связи с разрастающейся сельской застройкой под угрозой полного исчезновения находятся объекты в Гнёздово Смоленской области – уникального древнерусского памятника кон. IX – нач. XI вв.

Объекты археологического наследия уникальны, они являются подлинным материальным свидетелем исторических событий. Их активное использование в качестве музейных и туристических центров будет неизбежно способствовать сохранению исторических памятников России, росту культурного уровня населения, увеличению посещаемости и образовательно-воспитательной роли музеев, повышению патриотических настроений, а также благоприятно скажется на экономическом развитии региона и его инвестиционной привлекательности.

Список источников и литературы:

- English Heritage*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.english-heritage.org.uk/visit/places/stonehenge/>
- Podziemia Rynku* (музей «Подземелья рынка»). Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.podziemiarynku.com/>
- Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г.* – Электронный документ. Доступ: <http://mkrf.ru/report/report2014/>
- Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://chersonesos-sev.ru/>
- Институт археологии Российской академии наук.* – Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.archaeolog.ru/>
- Кисленко А. М.* Аркаим сегодня. Интернет-ресурс «Славянская культура». Доступ: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/archaeology/arkaim-segodnja.html>
- Медведь А. Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М., 2004. – 80 с.
- Медведь А. Н.* Проблемы музеефикации Старой Рязани: социальный и технический аспекты // Восточно-европейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. – Рязань, 2012. – С. 62–66.
- Музей археологии Москвы*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://mosmuseum.ru/association/archeology/>
- Портал о туризме TURIZM.RU*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.turizm.ru/>
- Путрик Ю. С., Соловьёв А. П., Царьков П. Е.* Использование культурного и природного наследия как важного фактора нравственного и патриотического воспитания молодёжи в Российской Федерации // Журнал Института наследия. – 2015. № 2.
- Сианьское туристическое управление*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://ru.xian-tourism.com/>
- Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»*.
- Фонд изучения и охраны историко-культурного наследия «АРХЕОЛОГИЯ»*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.archae.ru/>
- Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим»*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://www.arkaim-center.ru/>
- Юдиновский историко-археологический музейный комплекс*. Интернет-ресурс. Доступ: <http://mk-yudinovo.wix.com/museum>

В. Н. Широков

*Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук.
Екатеринбург, Россия
e-mail: shvn-58@yandex.ru*

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

В Игнатиевской пещере на Южном Урале изучены уникальные изображения ледникового периода. Однако их состояние серьёзно ухудшилось со времени открытия, как и всей подземной среды этой карстовой полости в целом. В статье приводятся данные о конкретных шокирующих изменениях/разрушениях этого памятника исторического и культурного наследия за последние 35 лет. Делается вывод, что причиной катастрофического состояния Игнатиевской пещеры является неконтролируемый поток посетителей.

Ключевые слова: палеолит, пещерное искусство, Южный Урал, проблемы сохранения.

V. N. Shirokov

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia*

THE CURRENT STATE OF IGNATIEVSKAYA CAVE

Ignatievskaya cave in the southern Urals is the location of a number of unique studied images of the Ice Age. However, their condition has seriously deteriorated since the discovery, as has the entire underground environment of the karst cavity in general. The article presents data on specific shocking changes/destruction of this site of historical and cultural heritage for the past 35 years. It is argued that the current catastrophic condition of Ignatievskaya cave has been caused by uncontrolled flow of visitors.

Keywords: Palaeolithic, cave art, Southern Urals, problems of preservation.

В рамках выполнения Конкурсного проекта фундаментальных научных исследований Комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-12 «Культурные и технологические традиции и инновации населения Урала в первобытную эпоху: междисциплинарный анализ»

Мне посчастливилось участвовать в открытии изображений ледникового времени в Игнатиевской пещере и в исследовании этой карстовой полости как в составе экспедиции В. Т. Петрина [Петрин, 1992], так и самостоятельно [Широков, Петрин, 2013]. Однако ощущение счастья проходит, ибо на моих глазах разворачивается трагедия гибели уникального памятника.

Напомню, что Игнатиевская пещера – одна из трёх на Южном Урале и в целом в России, в которой сохранились рисунки, достоверно датированные различными методами верхним палеолитом. Прямые датировки мотивов чёрного цвета из Дальнего зала оказались голоценового времени [Steelman *et al.*, 2002, p. 341–348], однако экспертный анализ позволяет считать их омоложенными [Широков, 2006, с. 99–105].

Первое изучение состояния подземной среды и рисунков Игнатиевской пещеры было проведено экспедицией под моим руководством в октябре 1995 г. по заданию Государственного научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Челябинской области. В то время были реализованы следующие задачи: осуществлена инструментальная съёмка окрестностей Игнатиевской пещеры на площади около 14 га в масштабе 1:500 с сечением горизонталей через 1 м; определено пространственное расположение полости по отношению к карстовому массиву, в котором она разработана, выполнен её продольный разрез. Наши замеры показали, что если средняя мощность материнских пород над пещерой колеблется в пределах 25–30 м, то над самой дальней точкой трещины, идущей из Дальнего зала к поверхности, всего около 7 м. Окрестности пещеры и настенные изображения в ней были впервые сфотографированы на цветную негативную плёнку; на плане пещеры отмечены разрушения культурного

слоя; замерены температура и влажность внутри различных отделов пещеры; собраны образцы микроорганизмов и некоторых натёчных образований; осуществлён отбор образцов грунта из шурфа над пещерой.

С начала археологических исследований Игнatieвской пещеры в первой половине 80-х гг. в ней было отмечено присутствие микроорганизмов, в основном плесневых грибов. Плесень покрывает пол пещеры, но её присутствие отмечается также и на поверхности некоторых участков стен. Наличие плесени начинается с Низкого перехода. Далее вглубь пещеры плесень встречается на полу повсюду, монотонно покрывая поверхность рыхлых отложений небольшими скоплениями (6 × 10 см) в Основном коридоре и Большом зале. В Дальнем зале плесень встречается редко. В нём был взят один образец микроорганизмов из расщелины стены под Чёрным панно с окурка сигареты. Ещё четыре образца были отобраны с других участков пещеры из Большого зала, Основного коридора и Низкого перехода. Позже эти образцы изучались доцентом кафедры физиологии и биохимии растений Уральского университета Н. И. Фирсовым. Согласно его данным, микробиологический анализ представленных образцов показал наличие в них многих видов почвенных плесневых грибов, а также актиномицетов. По видовому составу – это представители рода мукор и ризонус, а также сумчатых грибов. Последние обнаружены на древесных остатках. Фикомицеты растут на сильно разложившихся органических остатках. На парафине, скорее всего, происходит развитие представителей также сумчатых грибов. В четырёх образцах наряду с грибами обнаруживается мицелий актиномицетов.

Исходя из биологии плесневых грибов и актиномицетов, активный рост тех и других определяется целым рядом факторов, важнейшими из которых являются наличие органического вещества, определённой влажности, а также температуры среды обитания. При этом необходимо иметь в виду, что плесневые грибы обладают уникальной способностью разлагать практически любой органический субстрат и, таким образом, обеспечивать себя необходимой энергией и пластическими веществами. Как известно, влажность и температура в условиях пещеры не подвержены значительным колебаниям, поэтому заметное увеличение колоний грибов связано с увеличением поступления в пещеру органического вещества.

Сохранность всех росписей на тот период была охарактеризована как неудовлетворительная. В Большом зале фигуры нанесены частично на поверхность известняка, частично на древнюю гипсовую корочку. Во многих местах именно её разрушение привело к разрушению отдельных фигур. Отслаивание этой корочки вызвано, в первую очередь, антропогенным фактором. Эта корочка подверглась интенсивному осыпанию ещё во время проведения в пещере в конце XIX – начале XX в. «крестных ходов». В первую очередь это характерно для Большого зала. В целом, в нём к 2005 г. произошло осыпание гипсовой корочки вместе с рисунками почти на 80% поверхности стен и сводов [Акт историко-культурной экспертизы 2005 г.].

Кроме того, негативно сказывается на сохранности изображений и воздействие конденсационной влаги, наблюдаемой во всех внутренних отделах пещеры, что выражается в образовании ячеистой структуры на поверхности стен. Возможно, гидратацией следует объяснять изменение красящего пигмента в группе 10, где на красной поверхности фигуры мамонта один из участков окрашен в чёрный цвет. Восприятие некоторых изображений в этом зале затрудняют натёки кальцита.

Ещё тогда, в 90-е гг. было понятно, что наибольшую опасность для сохранности росписей представляют неконтролируемые посещения туристов. По словам М. Д. Зуева, осуществлявшего общий надзор за Игнatieвской пещерой, в течение лета 1995 г. в ней побывало около 1500 посетителей. Иногда пещеру за один раз посещали группы до 40–50 человек, некоторые из них использовали для освещения открытый огонь – свечи, факелы, о чём свидетельствуют сажа и надписи копотью, выполненные поверх рисунков в Дальнем зале. Здесь же отмечены следы пачкания рисунков пещерной глиной. Буквально во всех частях полости нанесены различные надписи и граффити красителями различной природы, гравировкой, мелом и карандашом. Часто эти надписи находятся в опасной близости от рисунков, а некоторые из них нанесены и поверх древних изображений, что создает угрозу невозможной утраты уникальных фресок. В целом, сохранность фигур в Большом зале хуже, чем в Дальнем зале, где их покрывает и предохраняет от разрушения тонкий кальцитовый натёк. В то же время следует отметить, что на некоторых участках, занятых изображениями, этот натёк отсутствует, а в отдельных местах

наблюдается и отслаивание кальцитовых гребешков. Помимо следов пачкания сажей и глиной поверхности с изображениями, наблюдается и разрушительное механическое воздействие посетителей на кальцитовые натёки, перекрывающие древнюю краску.

Проведённые замеры температуры в различных отделах Игнatieвской пещеры в октябре 1995 г. показали, что внутри пещеры температура стабильна, начиная с Основного коридора – около 5°C: разница в показаниях термометров в разных отделах полости не превысила 0,2 градуса. Относительная влажность внутри пещеры была близка к 100%.

Наши данные, касающиеся температурного режима и влажности в Игнatieвской пещере, были сопоставлены с результатами подобных наблюдений, выполненных экспедицией особого назначения в марте 1942 г. под руководством Е. А. Гаврилова. Его замеры идентичны тем результатам, которые были получены нами. Результаты наших работ в сопоставлении с выводами предшествующих исследований показали, что подземная среда Игнatieвской пещеры стабильна и не испытывает заметного влияния со стороны природных агентов внешней среды. В то же время было совершенно очевидно, что карстовая полость подвергается сильнейшему антропогенному воздействию, способному уничтожить уникальные изображения ледникового периода.

В 2003 г. под руководством В. И. Юрина были проведены охранные и спасательные археологические исследования как внутри полости, так и за её пределами. В частности, внутри пещеры проведено фотографирование мест расположения рисунков и современных надписей, выполнен инструментальный план карстовой полости в масштабе 1:100, на который нанесены места всех прежних научных и браконьерских раскопок. В разных отделах пещеры замерялась температура воздуха [Юрин, 2003]. Результаты этих измерений не совпали с замерами нашей экспедиции, однако, мне кажется, что это объясняется использованием экспедицией В. И. Юрина бытовых неоткалиброванных термометров.

С декабря 2009 г. Игнatieвская пещера включена в территорию Серпиевского госзаказника, директором которого является Л. Л. Пядышева, ранее работавшая учителем в Серпиевской средней школе. Тем не менее ситуация с пещерой не улучшается.

В 2014 г. Институт экологии растений и животных УрО РАН проводил международный научный конгресс «Четвертичный Урал: глобальные тенденции и общеевропейские записи четвертичной эпохи» (2014 INQUA-SEQS Meeting “The Quaternary of the Urals: Global trends and Pan-European Quaternary records”) в г. Екатеринбурге. В качестве одного из экскурсионных объектов для участников конгресса была выбрана Игнatieвская пещера. Меня пригласили для участия в работах по подготовке этого объекта как эксперта-археолога. Цель работ состояла в представлении стратиграфии отложений Входного грота Игнatieвской пещеры, для чего был расконсервирован раскоп V. Конечно, без внимания не остались состояние среды подземной полости и рисунков в ней. Шокирующее впечатление произвела деградация многих красочных мотивов, наличие мусора и плесени, остатков пищи, монет и т. п. По сравнению с последней фотосессией в октябре 2011 г. для готовящейся к изданию книги об искусстве ледникового века на Южном Урале, состояние многих изображений значительно ухудшилось. После окончания конгресса были направлены письма Президенту РФ, в Минкультуры и Научно-производственный центр по охране и использованию культурного наследия Челябинской области, в которых высказана серьёзная озабоченность состоянием памятника. После этого, в сентябре 2015 г. был проведён мониторинг комиссией из упомянутого центра (комиссия в составе: В. М. Андреева, главного специалиста ОГБУК «Государственный научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Челябинской области»; А. А. Поляковой, главного специалиста ОГБУК «Государственный научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Челябинской области»; Н. В. Малой, хранителя фондов Музея археологии и этнографии УНЦ изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета). Вместе с ними в качестве приглашённого эксперта участвовал и я.

Задачами мониторинга Игнatieвской пещеры были: изучение состояния настенных рисунков; определение факторов, оказывающих деструктивное влияние на сохранность изображений; оценка антропогенного влияния на состояние археологического комплекса пещеры; разработка на основе результатов наблюдений плана археологических и естественнонаучных исследований, целью которых является выработка программы первоочередных действий по сохранению подземной среды и рисунков.

В результате наблюдений выявлен ряд всё тех же нарушений археологического комплекса Игнatieвской пещеры. Было установлено дальнейшее расширение площадей механического повреждения культурного слоя объекта. Данные участки представляют собой подкопы под основание скальных монолитов, расчистку ниш, расчистку культурного слоя вокруг отдельно лежащих камней, локальные раскопы разных размеров на полу пещеры, место создания которых, возможно, определялось при помощи металлодетектора. На дне свежих участков незаконных раскопок присутствуют остатки рыхлого перемешанного культурного слоя. Старые участки незаконных раскопок не рекультивированы, имеют оплывшие борта, отвердевшее дно – палеолитический слой посещения на их территории активно вытаптывается. В некоторых местах на полу пещеры, на уровне вытоптанности и на участках незаконных раскопок обнаружены кости животных. В Дальнем зале на участке повреждённого культурного слоя обнажились остатки древесного тлена, вероятно связанные с использованием этого зала в качестве кельи старцем Игнатием. На уровне дневной поверхности визуальнo фиксировались кусочки охры, которые с большой вероятностью можно связать с деятельностью древнего населения в палеолитическое время. Настенные изображения в Дальнем зале пребывают в состоянии сильного увлажнения. Наибольшая зона увлажнения находится в районе конуса осыпи. Увлажнение, скорее всего, имеет инфильтрационную природу.

Отмечено увеличение во много раз колоний плесневых грибов на полу Большого зала. В меньшем количестве они имеются на стенах. Зафиксированы антропогенные нарушения красочного слоя. По сведениям Л. Н. Пядышевой, наблюдается очень большой туристический поток, до 1000 человек в день с конца мая по конец августа, при этом, большинство групп находятся в пещере без экскурсовода. Неоднократно замечено использование факелов посетителями пещеры. Свидетельством большого туристического потока в летний период служит разнообразный мусор, оставленный во всех отделах пещеры.

Л. Л. Пядышева сообщает, что летом, недалеко от памятника и непосредственно в самой пещере, замечены сектанты, проводящие обряды. Одна из групп сектантов живёт в с. Аратском Катав-Ивановского р-на Челябинской области, в 8 км к от пещеры. Следы деятельности сектантов, активно посещающих пещеру, особенно явно прослеживаются по использованию свечей. Во всех залах пещеры, а также в Основном коридоре, обнаружены выгоревшие стандартные декоративные свечи, большое количество парафина, а также монеты, оставленные в качестве подношения.

В 2014 и 2015 гг. замечена необычная «вуаль», или плёнка, состав и происхождение которой не выяснены. Эта субстанция светло-серого цвета покрывает более половины стен и потолков Большого зала. Данных отложений становится всё больше, под ними даже начинают скрываться не только современные надписи, но и ряд древних изображений.

Микроклимат пещеры может быть нарушен спелеолюбителями, которые пытаются расчистить трещину, идущую из Дальнего зала к поверхности. Возможно, из-за этого интенсифицировалось поступление в пещеру влаги различного происхождения (талые, дождевые воды). На момент проведённого обследования свод с рисунками Дальнего зала пещеры был покрыт водяной плёнкой (в некоторых местах вода капает и струится).

Сакрализация пещеры в традиционно-конфессиональном контексте связывается со старцем Игнатием, во второй половине XIX в. использовавшим Дальний зал пещеры в качестве кельи. Располагающийся в Дальнем зале естественный минеральный натёк, по форме напоминающий женщину с ребёнком на руках, воспринимался и воспринимается посетителями как «икона». Возле натёка устроен алтарь для подношений, на котором зафиксированы монеты, деревянные четки, камешки от бижутерии, конфеты, свечи и парафиновые натёки. Подношения в виде монет и конфет обнаружены практически во всех частях пещеры. В 2001 г. были замечены иконы, крест, монеты и т. п.

Обрядовые действия совершаются и представителями индуистского направления – по сообщению Л. Л. Пядышевой, для них характерна коллективная игра в залах пещеры на тибетских поющих чашах. Однако во входном гроте на решётке находились разноцветные ленточки, что имеет аналогии с восточной традицией сакрализации пространства, а в Дальнем зале обнаружены ленточные бусы.

Итак, загрязнение объекта выражается в наличии на его дневной поверхности фрагментированных бытовых отходов – осколков стекла, пробок и крышек, окурков, обрывков бумаги, пластиковых бутылок, бумажных салфеток и т. п. На сводах пещеры фиксируются пятна копоти от использования открытого огня, а на полу – остатки восковых и парафиновых свечей, которые создают благоприятную питательную среду для патогенных микроорганизмов. В 2005 г. историко-культурная экспертиза Игнatieвской пещеры [Архив Государственного научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Челябинской области] отметила тенденцию увеличения количества угольной кислоты, вызывающей коррозию поверхности стен и потолков. Современные красочные надписи и различного рода граффити присутствуют практически во всех залах и коридорах пещеры, высокую концентрацию они имеют в районе Входного грота и Большого зала. Наиболее поздние из обнаруженных надписей датируются 2014 годом.

Игнatieвская пещера является памятником природы областного значения с 1961 г., объявлена памятником истории и культуры областного значения в 1992 г. В 1995 г. Указом Президента Российской Федерации отнесена к объектам исторического и культурного наследия федерального значения, однако в Реестре объектов культурного наследия РФ не значится. Имеет статус «Достопримечательное место».

Причина аварийного состояния Игнatieвской пещеры – неконтролируемое антропогенное воздействие, приводящее к механическим, биологическим, физико-химическим изменениям/разрушениям среды и ансамбля росписей ледникового времени.

Где выход из сложившейся ситуации? Поскольку власти всех уровней не способны принять действенные меры для защиты и сохранения Игнatieвской пещеры, мне кажется, этот объект следует отдать в аренду, как это сделано уже в Челябинской области в отношении писаницы на оз. Б. Аллаки. Необходимо соорудить три заградительные решётки в наиболее удобных для этого местах, и полностью закрыть Дальний зал для посещения публикой. Установить видеонаблюдение, информационные щиты с указанием определённых правил посещения пещеры и телефонов арендаторов, которые должны будут организовывать только контролируемые экскурсии. Часть полученной прибыли они должны будут использовать для защиты и сохранения этого уникального объекта.

Список источников и литературы

Акт историко-культурной экспертизы выявленного историко-культурного комплекса «Игнatieвская пещера». Археологический научный центр, Челябинск; Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; Фонд «Наследие». – Уфа. 2005 г. / Архив Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области.

Акт осмотра памятников археологии достопримечательного места «Игнatieвская пещера», расположенного в Катав-Ивановском муниципальном районе, в 8 км ниже д. Серпиевка 18 сентября 2015 г. / Архив Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области.

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 207 с.

Широков В. Н. Охранные археологические исследования памятника археологии «Игнatieвская пещера». Отчёт. – Екатеринбург, 2005 / Личный архив.

Широков В. Н. Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // *Российская археология.* 2006. № 2. – С. 99–105.

Широков В. Н. Археологические исследования в Игнatieвской пещере в 2014 г. – Екатеринбург, 2015 / Личный архив.

Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская: 2 пещеры на Южном Урале. – Екатеринбург, 2013. – 189 с.

Широков В. Н., Steelman K. L., Rowe M. W., & Southon J. R. Игнatieвская пещера — первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // *Образы и сакральное пространство древних эпох.* – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – С. 67–72.

Юрин В. И. Отчёт о работах в Игнatieвской пещере в 2003 г. / Личный архив.

Steelman K. L., Rowe M. W., Shirokov V. N., Southon J. R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // *Antiquity.* – 2002. – V. 76. – P. 341 – 348.

Музей и наука: актуализация историко-культурного и природного наследия Сибири и Центральной Азии в музеях
Museum and Science: actualizing cultural and natural heritage of Siberia and Central Asia in museums

УДК 069(571.1):378

Н. А. Белоусова

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: belna55@mail.ru*

**МУЗЕЙ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – ЦЕНТР АКТУАЛИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ
(к 40-летию со дня основания)**

В статье представлены современные виды деятельности крупного университетского музея Кузбасса в сфере образования, науки и культуры, актуализирующие уникальное наследие по археологии, этнографии, природным зонам Южной Сибири и истории вуза. Музейные собрания и результаты научной работы сотрудников музея вводятся в научно-образовательный процесс и популяризируются через научные конференции, научно-популярную и учебную литературу, каталоги, специальные издания, методические пособия для преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей, национальные центры, Советы общественных организаций, выставки, научно-просветительские акции, профессиональные объединения.

Ключевые слова: актуализация, музейные коллекции, археология, этнография, природное наследие, история Кемеровского университета, Сибирь.

N. A. Belousova

*Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia» in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

**MUSEUM "ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA"
IN THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY AS A CENTER FOR UPDATING
HISTORICAL, CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF SIBERIA
(to the 40th anniversary of the founding)**

The article presents modern activities of a large university museum of Kuzbass in the field of education, sciences and culture, updating the unique heritage in archaeology, ethnography, natural areas of South Siberia and the history of a higher education institution. Museum collections and results of the research work of conducted by the museum staff are introduced into research and educational processes and are popularized by means of scientific conferences, popular scientific and educational literature, catalogs, special editions, teaching aids for university lecturers and students, school teachers, ethnic centers, Councils of public organizations, exhibitions, science education events, and professional associations.

Keywords: updating, museum collections, archaeology, ethnography, natural heritage, the history of Kemerovo University, Siberia.

Современная образовательная и культурная политика российского государства ориентирована на духовное возрождение общества, возрастание роли регионов, их общественного и культурного развития. Высшие учебные заведения на протяжении всего периода существования активно влияли на формирование культуры общества, передавая ему научные и культурные достижения. Значительное воздействие на формирование культурно-образовательного пространства крупных вузовских центров юга Западной Сибири играют музеи высших учебных заведений, в которых сосредоточены историко-культурные и природные ценности. Вузовские музеи сохраняют и культивируют традиции вуза, его исторический, научно-педагогический и творчес-

кий потенциалы, развивают, поддерживают и пропагандируют духовно-нравственную культуру вуза, представляют результаты работ научных школ и направлений.

Крупные университетские музеи, выполняя основные функции в подготовке специалистов высшей школы, давно уже стали научно-образовательными и социокультурными центрами в своих регионах. Виды деятельности университетских музеев с начала XXI века активно развиваются в соответствии с новыми требованиями к образовательному процессу в высшей школе, а также с возросшим интересом общества к музеям.

Одним из крупнейших научных вузовских музеев Южной Сибири является музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Фонды музея насчитывают более 310 000 единиц хранения, которые распределены между отделами археологии (руководитель Л. Ю. Боброва, раздел Петроглифы Сибири – канд. ист. наук А. Н. Мухарева), этнографии (руководитель канд. культурологии Т. И. Кимеева), природы и экологии (руководитель О. Б. Шрайбман, раздел энтомологии В. А. Полевод), истории вуза (руководитель канд. культурологии Л. З. Боголепова). Прежде всего, это сложившийся научно-образовательный и культурный музейный центр, который хорошо известен не только в регионе, но и за рубежом, благодаря высокому профессионализму сотрудников музея [Белоусова, 2014, с. 9]. Музей сегодня представляет собой крупное подразделение университета, которое имеет библиотеку, фототеку, архив, реставрационную (руководитель Е. В. Попов) и таксидермическую (руководитель Н. И. Белоусов, ведущий инженер В. В. Подкорытов) мастерские, камеральную лабораторию, фондохранилища, учебные площадки. Разносторонняя деятельность музея была неоднократно отмечена на выставках различного уровня. Музей КемГУ имеет шесть Больших и Малых «Золотых» медалей Кузнецкой (Кузбасской) и Сибирских (Новосибирской) международных выставок, а также диплом Первого Сибирского музейного Биеннале (г. Красноярск). Музей является членом международной ассоциации «Открытый Музей», межрегиональной Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства, Сибирского филиала Совета краеведческих и исторических музеев России при Министерстве культуры РФ, международного Комитета по музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК).

Понятие «актуализация наследия» сегодня трактуется как деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путём активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации [Российская музейная энциклопедия, электронный ресурс].

Современными приоритетными направлениями развития крупных музеев системы высшего образования становятся инновационные методы работы, включающие информационные технологии, профессиональную издательскую работу, публикации научных каталогов, обеспечивающие широкий доступ к материалам историко-культурного и природного наследия региона [Белоусова, Боброва, 2013, с. 151]. В последнее десятилетие все эти направления активно разрабатываются сотрудниками музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Музей ведет постоянную работу по сохранению, систематизации и каталогизации своих уникальных коллекций по археологии, этнографии, природным зонам Южной Сибири и истории вуза.

В течение 13 лет музей КемГУ работает по грантам Министерства образования и науки РФ, научных фондов РГНФ и РФФИ. Результаты этого вида деятельности представлены в пятитомном издании «Шорцы: каталог этнографических коллекций в музеях России», трёх выпусках «Каталога коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета» и в 4-х выпусках его электронного варианта [Белоусова, 2014, с. 465]. С музеем, его видами деятельности, коллекционными собраниями можно познакомиться на российском музейном сайте «Музеи России», на сайте КемГУ, сайтах музея КемГУ: музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (<http://museum.kemsu.ru>) и «Диалог поколений» (<http://dialog.kemsu.ru>).

Музейные материалы вводятся в научный оборот и популяризируются через научные конференции, научно-популярную и учебную литературу, специальные издания, методические пособия для преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей, национальные центры, Советы общественных организаций, выставки и т. д. Только в 2014–2016 гг. сотрудники музея приняли участие в 20-ти конференциях в России, Казахстане, Монголии, где были представлены результаты разносторонней деятельности коллектива музея. Можно отметить наиболее крупные

из них: Международный симпозиум «Музей и наследие: опыт и новации» в рамках трансграничного проекта «Актуализация культурного наследия в странах Азии» (Россия, Казахстан, Монголия, 2014 г.), Межрегиональный Молодежный Форум с международным участием «Наследие – Музей – Туризм: мифы и современные реалии» (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал, 2016 г.), XVIII Международная научно-практическая конференция «Изучение опыта работы музеев стран Азии как основа технологизации музееведческого знания», XX международная музееведческая школа «Наследие в культурном пространстве стран Азии» (Института Маргад в г. Эрденет, Национальный музей Монголии (Улан-Батор), муниципальные музеи Монголии, 2016 г.) под руководством Комитета музееологии стран Азии и Тихоокеанского региона (ASPAC) (вице-президент д. и. н. профессор О. Н. Труевцева), Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики», в рамках которой была проведена Всероссийская научно-практическая музееведческая школа «Проблемы актуализации этнографического наследия в музеях» (организаторы – музей КемГУ и кафедра музейного дела КемГУКИ) (г. Кемерово, 2014 г.), II Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Новосибирск, 2014).

За последний период сотрудниками музея опубликовано более 260 статей, 2 монографии, 11 пособий, 1 учебник в печатной и электронной версиях, 9 каталогов музея, 3 CD-издания, созданы учебные программы по 7 спецкурсам и практикам. В фондах и экспозициях музея проводятся студенческие практики: археологическая, этнографическая, музейная, архивная, туристическая.

Сегодня музей «Археология, этнография и экология Сибири» является межвузовской образовательной площадкой для бакалавров с естественноисторическим и гуманитарным циклом дисциплин: истории, биологии, музееведения; для магистрантов, аспирантов и студентов, получающих второе высшее образование по направлениям – археология Сибири, туризм, музееведение и охрана объектов культурного и природного наследия как Кемеровского государственного университета, так и Кемеровского университета культуры и искусства, Кузбасского государственного технического университета, Кемеровского технологического института пищевой промышленности. Здесь выполняются курсовые, дипломные и диссертационные исследования. В фондах музея работают российские и зарубежные специалисты. В 2015 г. музей принял не только российских специалистов по археологии, этнографии, музееологии, но также из Англии, Бельгии, Монголии, Казахстана. Музей активно работает в сфере поствузовского и профессионального образования. На его базе сотрудники регулярно проводят занятия для слушателей курсов повышения квалификации областных институтов учителей, преподавателей и музейных работников с привлечением электронных баз данных музея, информационных технологий в экспозициях (QR-коды для экспонатов).

Музей активно входит в социокультурное пространство города и региона с программами для отдельных социальных слоёв и участвует в международных, российских научных и межмузейных проектах для учащейся молодежи, предлагая широким слоям населения возможность ознакомиться с сокровищами наследия родного края и Сибири, занимается активной выставочной деятельностью на различных площадках. Например, в 2015–2016 гг. реализованы выставочные проекты музея, основанные на материалах коллекций, серия выставок «Искусство народов Кузбасского Притомья» по русским, шорским и телеутским музейным собраниям отдела этнографии, выставки: «Остался в сердце вечный след войны», «Великая Отечественная война. 1941 г. – начало» (к Дню Победы); совместный проект с вузами области и областным архивом «Отряды молодости нашей» (к Дню студенческих строительных отрядов) отдела истории вуза привлекли внимание не только школьников и студентов, ветеранов, специалистов, но и городской общественности. Передвижная выставка «Древности земли Кузнецкой», представляющая археологическое наследие районов Кузбасса (отдел археологии), пользуется в музеях региона большой популярностью. За последние два года она проводилась в Крапивинском краеведческом музее, дважды в Чебулинском краеведческом музее, в музее «Береста Сибири» г. Мариинска (музей-заповедник «Мариинск исторический»), Тисульском краеведческом музее. Тесное сотрудничество с кафедрой археологии КемГУ и межрегиональной Сибирской Ассоциацией исследователей

первобытного искусства позволило неоднократно проводить в музее выставки по первобытному искусству Сибири, новым находкам из археологических экспедиций, а также представить свои археологические собрания в совместных выставочных проектах в гг. Омске, Томске, Кемерово, Москве.

В рамках музеологических школ, выставок и интерактивных музейных мероприятий сотрудники музея КемГУ проводят мастер-классы по сохранению, систематизации, каталогизации, воссозданию и презентации природного, историко-культурного наследия Сибири и сопредельных территорий, наследия по истории вуза. Такая форма межпоколенной передачи научных знаний о материальном и нематериальном наследии приносит свои плоды в образовании и культуре не только среди молодежи, но и среди специалистов. Мастер-классы по искусству и научно-просветительские акции по календарной обрядности народов Кузбасского Притомья стали традиционной формой презентации материального и нематериального наследия русских, шорцев и телеутов, которые проводятся руководителем отдела этнографии Т. И. Кимеевой, студенческим музейно-этнографическим коллективом «Пшеничка» (руководитель канд. культурологии П. В. Глушкова) и представителями этих народов.

Так, например, межмузейный проект Фестиваль традиционных культур «Кузбасс–Восток», созданный Кемеровским областным музеем изобразительных искусств (автор идеи В. М. Трунова), музеем «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, Центром Восточной культуры «Бэнкё» для студентов, школьников города и губернаторских учреждений Кузбасса, посвящённый 70-летию Кемеровской области, получил большой резонанс в культурной и национальной жизни Кузбасса. Проект был поддержан Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области. Кроме сотрудников вышеперечисленных музеев и организаций, в течение месяца в музейных экспозициях работали национальные шорские и телеутские общественные организации, народные мастера, педагоги, сотрудники историко-этнографического музея «Чолкой», директор В. И. Челухоев (п. Беково, Беловского района), национальные коллективы. Мастер-классы по археологии «Собери древний сосуд», «Как получить оттиск с петроглифа», по таксидермии «Искусство таксидермии», по энтомологии «Живые экспонаты» – востребованы на музейных праздниках, Днях открытых дверей, во всероссийской акции «Ночь в музее» к международному Дню музеев.

Городской научный межмузейный проект «Музейный экспресс: станция «Кузбасс», организованный на базе музея-заповедника «Красная Горка» (директор, заслуженный работник культуры РФ Н. А. Шелепова), объединил с муниципальным музеем два вузовских музея – музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (директор канд. культурологии Н. А. Белоусова) и Кузнецкий геологический музей КузГТУ (директор канд. г-м. н. А. Н. Кондаков). Проект был создан как единый познавательный маршрут для школьников, который знакомит экскурсантов с геологической историей, этнографией народов Кузбасса, с его «чёрным золотом» – каменным углем, местом его открытия – Красной Горкой. Межмузейный проект «Музейный экспресс: станция «Кузбасс» работает и сегодня, как востребованный туристический маршрут.

Таким образом, в настоящее время научный музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ продолжает активно развивать все современные виды деятельности, присущие музеям, не только как учебно-вспомогательная вузовская структура, но и как значимый научно-образовательный и культурный центр региона.

Список источников и литературы

Белоусова Н. А. Музей университета как научно-образовательный центр региона // Современные тенденции в развитии музея и музееведения. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011.

Белоусова Н. А. Опыт актуализации этнографического наследия с использованием PR и Интернет-технологий в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. – Кемерово, 2014. – С. 463–466.

Белоусова Н. А., Боброва Л. Ю. Музейные собрания вузов в информационных и научно-образовательных проектах // Вестник Томского государственного университета: История. – № 2(22). – 2013. – С. 151–155.

Кемеровский государственный университет / Диалог поколений: сайт. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://dialog.kemsu.ru>
Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Сайт. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.kemsu.ru>

Российская музейная энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>.

1. Открытие выставки «Семейно-родовые культы народов Притомья» в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. 2015 г.

2. Открытие выставки «Масленичные забавы». 2016 г.

3. Открытие выставки «Древности земли Кузнецкой в музее «Береста Сибири» (музей-заповедник «Маринск исторический»), г. Мариинск Кемеровской области. 2015 г.

4. Открытие фестиваля традиционных культур «Кузбасс-Восток» в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. 2013 г.

5. Закрытие фестиваля традиционных культур «Кузбасс-Восток» в Областном музее изобразительных искусств г. Кемерово. 2013 г.

1

3

4

2

Рис. 1. 1 – могильник Новый Белоярск I, фрагмент погребения № 1 ограды № 30;
2 – коллекция пастовых бусин в витрине зала № 3 «Скифская эпоха»;
3 – авторская реконструкция челюстно-лицевой подвески из могильника
Новый Белоярск I, Красноярский край;
4 – реконструкция гарнитура из могильника Танай XII, Кузнецкая
котловина (по О. В. Умеренковой);
5 – витрина в зале «Эпоха бронзы», музей «Археология, этнография и
экология» Кемеровского государственного университета.

5

Л. Ю. Боброва

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: chaika@kemsu.ru*

О. В. Умеренкова

*Кемеровский государственный университет. Кемерово, Россия
e-mail: klae@kemsu.ru*

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (по материалам памятника Новый Белоаярск I)

В настоящее время музейная деятельность осуществляется в тесной связи с наукой и тем многообразием творческих концепций и авторских подходов, которые она предоставляет в рамках исследований. Позитивным явлением становится не только формирование музейных коллекций и их сохранение, но и дополнительные возможности представления музейного наследия с использованием археологических реконструкций. На современном этапе развития гуманитарных наук традиционный костюм рассматривается как уникальный культурно-исторический источник. Исследования в этом направлении требуют комплексного подхода, принципы которого, методы и процедура реконструкции опираются на разнообразные достижения мультидисциплинарных исследований. Для создания экспозиции используются уникальные и имеющие определённую значимость предметы из основного фонда. Статья посвящена реконструкции женского сложносоставного украшения погребального костюма, которая стала возможна благодаря исследовательской деятельности в фондах музея Кемеровского государственного университета. В результате была уточнена датировка, памятник и культурная принадлежность пастового гарнитура, долгое время экспонировавшегося в зале «Скифская эпоха»: украшение относится к инвентарю погребения памятника Новый Белоаярск I (карасукская культура, эпоха бронзы). Авторами предложено два варианта декорирования погребального убора: челюстно-лицевая подвеска; височные подвески и оформление нагрудника/ворот. Экспонирование реконструкции головного убора из могильника Новый Белоаярск I оформлено в виде наложения на контур головы и выставлено в одной из витрин зала «Эпоха бронзы».

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, эпоха бронзы, головной убор, металлические украшения, сложносоставной гарнитур, реконструкция, погребальная одежда, музейная экспозиция.

L. Yu. Bobrova

*Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia» in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

O. V. Umerenkova

Kemerovo State University. Kemerovo, Russia

THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTION IN THE MUSEUM SPACE (on the material of Novyi Beloyarsk I site)

Currently, the museum activity is carried out in close connection with science and the variety of creative concepts and individual approaches that it can provide in the framework of research work. Positive developments include not only the formation of museum collections and their preservation, but also new possibilities of presenting museum heritage by means of archaeological reconstructions. At the current stage of development of the humanities, traditional costume is seen as a unique cultural and historical source. Research in this area requires an integrated approach, whose principles, methods and processes of reconstruction are based on the progress in various multidisciplinary research projects. To create an exposition they use unique objects of certain significance from the core storage fund. The article is devoted to the reconstruction of a composite adorned female funerary costume, which was made possible thanks to the research activities in the funds of the Museum of Kemerovo State University. As a result, we were able to specify the dating, site attribution and cultural identity of the paste headset, which has long been exhibited in the hall of 'The Scythian Period': the

decoration refers to the inventory of the burial site Novyi Beloyarsk I (Karasuk culture, the Bronze Age). The authors propose two variants to decorate the burial attire: maxillofacial suspension; temporal suspension and breast collar / collar adornment. The exposition of the reconstruction of burial headwear from Novyi Beloyarsk I was designed as an overlay on the head outline and exhibited in one of the windows of the hall 'The Bronze Age'.

Keywords: Kuznetsk Depression, Bronze Age, headwear, metal ornaments, complex ensemble, reconstruction, burial clothes, museum exposition.

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К

Одежда и её декорирование, наряду с другими элементами материальной и духовной культуры, имеет свои особенности, историю становления и развития. Костюм представителей древних обществ проходит сложный путь трансформации от времени бытования до помещения в музейное пространство в качестве экспоната. Алгоритм трансформаций можно представить следующим образом: костюм в историческую эпоху – погребальный костюм (чаще всего археологи имеют дело с остатками костюма из погребальных комплексов) – научная реконструкция «археологического костюма» – музейный экспонат.

В научной литературе многими специалистами высказывалось мнение о том, что древний костюм отражал представления человека о мироздании, являлся показателем включенности человека в мир культуры [Богордаева, 2002; 2005; Гей, 1999; Данилова, 2010; Добролюбский, 1987; Евдокимов, Усманова, 1990; Лелеков, 1987; Литвинский, 1982; Михайлов, 2005; Павлова, 2005; Полосьмак, 2005; Смирнов, 1981; Усманова, 2002; и др.]. На всей протяжённости существования человечества люди не только украшали себя всевозможными предметами, но и наделяли их «магическими» функциями. По наблюдениям этнографов за народами, сохранившими свою самобытность, всё, что создавалось человеком во время его жизни, воплощало некую «идею». Украшая себя, люди вкладывали в эти действия определённый смысл. И с этой позиции украшения являются вторичными по отношению к философии человека: изначально восприятие человеком мира, вторично – его отношение и материальное проявление этого отношения. Например, «идея» защиты от сил природы или «злых чар» – оберега – повлекла за собой появление амулетов. Принадлежность к половозрастной группе – способность быть воином или готовой к воспроизводству рода – фиксировалась определёнными наборами украшений, занятие лечебной магией сопровождалось комплектом особых предметов и т. д. И в этом контексте мало реконструировать внешний вид (облик) костюма. Необходимо, насколько возможно, восстановить эту идею, увидеть смысл, вложенный древним человеком в изготовление того или иного изделия.

Очень важно, что в последние десятилетия в археологической науке возрос интерес к проблемам интерпретационного характера, в том числе и к костюмным реконструкциям. Принципы подхода, методы и процедура реконструкции при этом опираются на разнообразные достижения мультидисциплинарных исследований.

К методам реконструкции внешнего вида одежды по археологическим материалам специалисты обращались не раз [Агапов, Сарачева, 1997; Богомолов, 2010; Дворниченко, Плахов, Сергацков, 2002; Зеленин, 1948; Ковпаненко, 1986; Каменецкий, 1986; Куприянова, 2007; Кунгурова, 2004; Павлов, 1995; Файзуллина, Бажанова, 2007; Яценко, 1987; 2001 и др.]. Прежде всего, исследователи выделяли в качестве обязательного условия для более реальной реконструкции одежды скрупулёзную фиксацию украшений и элементов костюма в полевых условиях, наличие многочисленных детальных планов. Специалисты используют различные источники для её воссоздания: археологические материалы, письменные исторические и литературно-фольклорные источники, предметы изобразительного искусства. Каждый из этих источников имеет свои недостатки. Археологический материал имеет фрагментарное представление о костюме и его декорировании в силу неравномерности сохранения элементов костюма из разных материалов. Этнографический материал может быть слишком сильно удалён по времени от исследуемого периода.

На современном этапе развития гуманитарных наук традиционный костюм рассматривается как уникальный культурно-исторический источник и выделяется в отдельный объект междисциплинарных изысканий, требующий комплексного подхода. Поэтому всё чаще исследование

древнего костюма проходит в рамках культурологической дисциплины, требующей от исследователя широких культурно-исторических знаний.

В последнее десятилетие деятельность музеев внесла качественно новые изменения в понимание «экспозиции», создание которых в современном мире требует новаторского подхода, эксперимента, переоценки многих прежних положений. Музейная деятельность более чем когда-либо нуждается в тесной связи с наукой и тем многообразием творческих концепций и авторских подходов, которые она предоставляет в рамках исследований. Позитивным явлением становится не только формирование музейных коллекций и их сохранение, но и дополнительные возможности представления музейного наследия с использованием археологических реконструкций.

Каким же образом должен быть представлен «археологический костюм» в музейном пространстве? Традиционно в музеях используются такие способы экспонирования элементов костюма и одежды как: отдельные украшения, наложенные на контур тела и головы; демонстрация элементов костюма и украшений в сопровождении графических реконструкций; собственно реконструкция костюма на отдельно стоящем манекене; реконструкция на манекене в историческом интерьере или как часть реконструируемого обрядового действия. Для создания экспозиции используются уникальные и имеющие определённую значимость предметы из основного фонда.

Научно-исследовательская работа является одним из ведущих направлений и основой функционирования любого музея. Занимаясь систематизацией и научной обработкой своих коллекций, сотрудники музея значительно расширяют научно-исследовательскую базу, пополняя её новыми материалами. Музей высшей школы имеет свою специфику. Прежде всего, он сориентирован на учебный процесс, его предметность. Несмотря на то, что профильные музеи вузов формально создавались как учебно-вспомогательные подразделения, они с первых лет своего существования решали задачи научных, учебных и культурных центров города и региона, выполняя функции государственных музеев. В связи с этим вузовские музеи стараются учитывать интересы не только научной и студенческой аудитории, но и всех слоёв общества. Им отведена особая роль в развитии культурного и образовательного пространства региона.

Данная статья посвящена реконструкции женского украшения погребального костюма бронзового века по материалам могильника карасукской культуры Новый Белоярск I, получившего «новую жизнь» в результате исследовательской деятельности в фондах музея Кемеровского государственного университета.

За годы своего существования музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» стал заметным научным и образовательным центром по изучению и сохранению историко-культурного и природного наследия Кузбасса и Сибири. Основу коллекций музея составили научные материалы, собранные в ходе многолетних экспедиций в Среднюю Азию, Западную и Восточную Сибирь, на Дальний Восток. За 40 лет деятельности музея КемГУ накоплен весьма значительный по количеству археологический материал, представляющий научную ценность. Разработанная сотрудниками база данных музейных коллекций позволила осуществлять чёткий учёт и контроль имеющегося материала, благодаря которому и был выявлен комплекс предметов, принадлежащий одному захоронению памятника Новый Белоярск I.

В связи со строительством Красноярского водохранилища в 1970-х гг. XX в. кафедрой археологии КемГУ совместно с Ленинградским отделением Института археологии по хозяйственным темам проводились археологические экспедиции в зоне затопления Енисея. Таким образом в 1981 г. в фонды музея Кемеровского государственного университета поступила коллекция предметов из могильника Новый Белоярск I Краснотуранского района Красноярского края. Раскопки памятника были предприняты в 1975, 1976 гг. разведочным отрядом под руководством М. Л. Подольского (начальник экспедиции М. П. Грязнов) [Каталог коллекций..., 2004, с. 22, 23].

В начале 2000-х гг. сотрудником археологического отдела музея была сформирована коллекция бусин из разных памятников в количестве 313 предметов (коллекция № 119) [Каталог коллекций..., 2008, с. 60], объединённых как результат депаспортизации. Среди них числились

изделия из пасты – 115 экз., бусины, имитирующие раковины каури – 2 экз., бусины цилиндрические бронзовые – 4 шт. Скорее всего, при организации и монтаже второй археологической музейной экспозиции пронизки из аргиллита погребения № 30 памятника Новый Белоярск I попали в этот список, так как необходимая музейная документация не велась на должном уровне. В результате они были представлены в витрине зала № 3 «Скифская эпоха» без инвентарных номеров, где и выставлялись до настоящего времени (рис. 1: 2).

При сверке наличия археологических предметов коллекции памятника Новый Белоярск I (КМАЭЭ, КП 5/1-207) было выявлено отсутствие аргиллитовых бусин в количестве 130 ед. хр., значившихся под одним номером. Изучение отчётной документации, хранившейся в ИА РАН, показало, что пастовый гарнитур, депаспортизированный ранее, принадлежит инвентарю погребения именно из этого памятника [Подольский, 1976а, 1976б; 1977а; 1977б]. В настоящее время предметы поставлены на учёт, им присвоен отдельный номер по Книге поступлений (КМАЭЭ, КП 183/1-116).

Археологическое описание памятника и подробная характеристика инвентаря погребения была представлена авторами ранее [Боброва, Умеренкова, 2015]. Остановимся непосредственно на сложносоставном головном украшении, состоящем из двух спиральных бронзовых височных колец (большого и малого), имитации раковины каури, шести аргиллитовых бусин, бронзовой бляшки-пуговицы с петелькой на обороте, трёх бронзовых трубочек-пронизок.

Описание гарнитура:

1. Кольца височные спиралевидные в 2,5 оборота, крупного диаметра, бронза, диаметр 4,5 см, толщина проволоки 0,2 см. Зафиксированы в районе нижней челюсти, ниже височной кости.

2. Кольца бронзовые малые, диаметром 1,8–2 см, толщина проволоки 0,2 см. зафиксированы ниже височной кости.

3. Аргиллитовые бусины в виде трубочек длиной от 0,2 до 3,6 см, диаметр от 0,4 до 0,7 см. Зафиксированы около шейных позвонков, часть растащена по заполнению, вероятно, в результате перемещения головы. Полевая документация содержит чёткую фиксацию трубочек, расположенных от височного кольца в 4 ряда.

4. Бляшка-пуговица бронзовая с петелькой на обороте для крепления, диаметр 1,7 см. Зафиксирована у нижней челюсти.

5. Бронзовые трубочки-пронизки, выполнены из бронзовой пластины, которую свернули трубочкой так, что один край пластинки заходил на другой.

Детали для второго /симметричного/ украшения найдены в разбросанном виде в заполнении.

Отчётная полевая документация не содержала конкретной информации относительно фиксации изделий и не позволяла воссоздать внешний вид данного украшения. Реконструкция была проведена по аналогии со сложносоставными украшениями из могильника Танай XII из Кузнецкой котловины в погребениях, относящихся к постандроновскому времени. В процессе работы в полевых условиях на данном объекте была проведена чёткая фиксация местоположения украшений относительно погребённого и определено расстояние между отдельными элементами наборного украшения и следами тления органических материалов.

В результате было предложено два варианта декорирования погребального убора: 1) челюстно-лицевая подвеска; 2) височные подвески и оформление нагрудника/вороты. Фрагменты кожи сохранились незначительно, поэтому делать выводы о наличии шапочки или повязки не представляется возможным. Так или иначе, фрагменты относятся к кожаной основе, на которую крепились детали сложносоставного украшения.

1. Челюстно-лицевая подвеска представляла собой набор украшений, состоящий из малого кольца, помещённого в кольцо большего диаметра. К основанию височных колец крепились четыре аргиллитовые трубочки, расположенные в ряд параллельно друг другу, затем бронзовые пронизки. Связки укреплялись при помощи нити. Место крепления скрывалось (?) бронзовой бляшкой-пуговицей. Каждую связку дополняла с обеих сторон низка из аргиллитовых бусин, спускавшаяся до верхней части грудного отдела. Судя по расположению трубочек-бусин, полукругом лежащих в районе шеи и под нижней челюстью, ожерелье из пронизок плавно закруглялось под подбородком, закрывая шею. Имитация раковины каури находилась на фрагменте

кожи. Такая же раковина была найдена под черепом, симметрично первой. Вероятно, она являлась украшением шапочки/повязки, прикрепляясь к ней при помощи нити.

2. Височные подвески и оформление нагрудника/ворота. Сложносоставное украшение состояло из бронзовой бляшки-пуговицы и четырёх связок трубочек-пронизок из аргиллита и бронзы, расположенных в ряд друг за другом по четыре штуки. Низки крепились при помощи нити. Вероятно, пронизи закреплялись в заданном положении, либо при помощи обмотки основной нити крепления, либо небольшие бронзовые пластинки служили своего рода фиксатором. Каждую связку дополняла низка из аргиллитовых бусин, выполненных в виде трубочек, расположенных вплотную друг к другу. Весь этот комплекс изделий составлял украшение длиной до 11–12 см. Никаких дополнительных фрагментов, относящихся к креплению гарнитура, обнаружено не было.

Экспонирование первого варианта реконструкции головного убора из могильника Новый Белоаярск I было оформлено в виде наложения на контур головы и выставлено в одной из витрин зала «Эпоха бронзы» с краткой аннотацией и археологической характеристикой (рис. 1: 3).

На данный момент в музее «Археологии, этнографии и экологии Сибири» в экспозиции зала «Эпоха бронзы» введены в широкий культурно-образовательный и научно-просветительский процесс реконструкции древних женских головных уборов двух археологических памятников Танай XII и Новый Белоаярск I (рис. 1: 3–5). Реконструкция гарнитура из могильника Танай XII представлена новоделом из-за плохой сохранности бронзовых изделий (сами предметы хранятся в фондах), сложносоставное украшение из могильника Новый Белоаярск I оригинально. В настоящее время проводится деятельность по оформлению новых элементов витрины зала «Эпоха бронзы», посвящённых металлическим украшениям женщин. Представленный в таком виде материал поможет посетителям получить более живое представление о быте женского населения древности, его особенностях в разные периоды жизни, раскроет интересные факты об украшениях головы и костюма в прошлом. Такая визуализированная подача материала позволит всем категориям населения расширить представление о древней истории и будет стимулировать понимание и интерес к культурному наследию Сибири.

Список источников и литературы

- Агапов А. С., Сарачева Т. Г.* О способах ношения височных колец // Российская археология. – № 1. 1997. – С. 99–107.
- Боброва Л. Ю., Умеренкова О. В.* К проблеме реконструкции украшений головного убора эпохи бронзы (по материалам памятника Новый Белоаярск-1) // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2015. – С. 187–191.
- Богомолов В. Б.* Теоретические и методические основы реконструкции костюма (определение понятий «одежда» и «костюм») // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 264–272.
- Богордаева А. А.* Одежда в похоронном обряде обских угров // АВ ОВО проблемы генезиса культуры. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С. 40–47.
- Богордаева А. А.* Сигнификативные функции одежды в традиционной обрядности обских угров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. – С. 184–192.
- Гей А. Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: «Восточная литература», 1999. – С. 78–113.
- Данилова Н. К.* Одежда как знак этнокультуры: символическая «топография» традиционного костюма народа Саха // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Ч. 1. – Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 296–300.
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Сергацков И. В.* Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // Нижневолжский археологический Вестник. Вып. 5. – 2002. – С. 225–250.
- Добролюбский А. О.* К проблеме изучения идеологии в погребальной обрядности // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: ИНИОН, 1987. – С. 27–30.
- Евдокимов В. В., Усманова Э. Р.* Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 1990. – С. 66–80.

- Зеленин Д. К.* Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Серия востоковедческих наук. Ученые записки ЛГУ. Вып. 2. – 1948. – С. 82–83.
- Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.* Вып. 1. – Кемерово: Изд-во «СКИФ», 2006. – 112 с.
- Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.* Вып. 3. – Кемерово: Изд-во «СКИФ»: ИПП «Кузбасс», 2008. – 128 с.
- Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1986. – С. 171.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I века н.э. на Южном Буге. – Киев: Наукова думка, 1986. – 145 с.
- Кунгурова Н. Ю.* Женский костюм в IV тыс. до н. э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (18), 2004. – С. 11–20.
- Куприянова Е. В.* Стиль и проявление тенденций моды в женской одежде эпохи средней бронзы Южного Зауралья и Казахстана // Вестник Челябинского гос. университета. – № 3 (81). 2007. – С. 94–102.
- Лелеков Л. А.* О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 25–31.
- Михайлов Ю. И.* Ритуальная символика женских погребений синташтинского и андроновского времени // Археология Южной Сибири. Вып. 23. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 58–61.
- Опись материалов могильника карасукской культуры Новый Белоярск I (шифр НБ) /* Научный архив КМАЭЭ, акт № 5 от 03.06.1981 г.
- Павлов П. Г.* К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК, 1995. – С. 47–56.
- Павлова А. Н.* К семантике костюма древнемарийских племен (археолого-этнографические параллели) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во «Издательский дом «Наука»», 2005. – С. 220–223.
- Подольский М. Л.* Отчёт о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1975 году. – Л., 1976а / Научно-отраслевой архив ИА РАН, Ф-1, Р-1 № 5798.
- Подольский М. Л.* Альбом к отчёту о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1975 году. – Л., 1976б / Научно-отраслевой архив ИА РАН, Ф-1, Р-1 № 5798а.
- Подольский М. Л.* Отчёт о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1976 году. – Л., 1977а / Научно-отраслевой архив ИА РАН, Ф-1, Р-1 № 6371.
- Подольский М. Л.* Альбом к отчёту о работе разведочной группы курганного отряда Красноярской экспедиции в 1976 году. – Л., 1977б / Научно-отраслевой архив ИА РАН, Ф-1, Р-1 № 6371а.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИНФОЛИО, 2005. – 234 с.
- Смирнов К. Ф.* Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: Изд-во БНАФ СССР, 1981. – С. 68–91.
- Усманова Э. Р.* «Мировая гора» и сакральное пространство в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 132–135.
- Файзуллина Д. Ф., Бажанова Р. К.* Реконструкция женских головных уборов Волго-Камья ананьинского времени (на основе археологических, этнографических и фольклорных источников) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ; «Издательский дом «Наука»», 2007. – С. 227–231.
- Яценко С. А.* К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // Советская археология. № 3. – 1987. – С. 166–174.
- Яценко С. А.* О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2001. – С. 7.

В. В. Андреев

*Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово, Россия
e-mail: slavio-and@live.ru*

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ
МУНИЦИПАЛЬНЫМИ МУЗЕЯМИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье поднимается проблема необходимости усиления внимания к сохранению и актуализации нематериального культурного наследия русских муниципальными музеями Кемеровской области. Показана роль и применяемые методы по актуализации нематериального культурного наследия некоторых успешно действующих музеев в популяризации традиционной культуры русских. Предложены пути решения некоторых задач, стоящих перед муниципальными музеями Кемеровской области в вопросе сохранения и актуализации нематериального культурного наследия русских.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие русских, сохранение, традиция, муниципальные музеи.

V. V. Andreev

Kemerovo State Institute for Culture. Kemerovo, Russia

**PROBLEMS OF PRESERVATION
OF INTANGIBLE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIANS
BY THE MUNICIPAL MUSEUMS OF KEMEROVO REGION**

The article claims the need for greater attention to the preservation and actualization of the intangible cultural heritage of the Russians by the municipal museums of Kemerovo region. The author discusses the role and methods used for updating of the intangible cultural heritage of a number of museums successfully functioning in the field of popularization of traditional Russian culture. Solutions to some of the challenges facing the municipal museums of Kemerovo region in maintaining and updating intangible cultural heritage of the Russians are proposed.

Keywords: Intangible cultural heritage of the Russians, preservation, tradition, municipal museums.

На современном этапе развития музейной деятельности и музейной науки уделяется повышенное внимание к сохранению нематериального культурного наследия. В частности, на территории Сибири, в том числе и Кемеровской области в большей степени придаётся значение традиционной культуре коренных народов. Эта тенденция характерна так же и для муниципальных музеев Кемеровской области. Сохранение и возрождение нематериального культурного наследия является основополагающим элементом в изучении этнических групп и народов, проживающих в Кузбассе. Стоит отметить, что русское население Кемеровской области по последним данным Всероссийской переписи населения, составляет около 95 %, что является немаловажным фактом в исследовании данной проблемы. Однако традиционной культуре и нематериальному культурному наследию русских уделяется внимание в меньшей степени. Этим обстоятельством обуславливается актуальность и необходимость более пристального внимания к проблеме сохранения традиционной культуры русских, частью которой является нематериальное культурное наследие. Деятельность музеев Кемеровской области, прежде всего направлена на сохранение материальной культуры, тогда как нематериальное культурное наследие нуждается в более пристальном его изучении и усилении его сохранения.

В настоящее время на территории Кемеровской области подавляющее большинство музеев (41) – муниципальные, среди которых 9 художественных, 26 историко-краеведческих и 6 музеев-заповедников [Кемеровский Областной краеведческий музей, эл. ресурс]. Во многих из них представлена традиционная культура крестьянского быта различных народов и лишь в некоторых

отражена культура русских, таких как, например, экомузей-заповедник «Тюльберский городок», музей истории крестьянского быта села Красное.

Немногие музеи обращаются к нематериальному культурному наследию русских: Экомузей-заповедник Тюльберский городок, музей истории крестьянского быта с. Красное, музей-заповедник Кузнецкая крепость, Кемеровский областной краеведческий музей, тогда как государственная политика в области культуры ориентирует нас, в том числе, на сохранение и возрождение традиционной культуры русских – титульной нации России.

На территории Кемеровской области исследованием нематериальной культуры занимался В. М. Кимеев [2002]; изучением фольклора занимались В. Ф. Похабов [2000], собравший внушительный материал, посвящённый обрядам русского населения, Е. И. Лутовинова [1998], которая также занималась русским фольклором, а также другие исследователи. Однако до сих пор не создано обобщающего труда, который раскрывает значение и вклад русского населения Кузбасса в развитие традиционной культуры. К сожалению, музеи Кузбасса не ориентированы на решение этой задачи.

«Нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаётся сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития» [Международная конвенция..., 2003].

По словам М. Е. Каулен, ключевым словом при определении нематериального наследия является «традиция». Традиция включает как объекты наследия, так и процессы, а также способы наследования, социальные механизмы передачи [Каулен, 2012, с. 47]. На эту же ключевую особенность объекта нематериального культурного наследия обращает внимание А. М. Кулемзин, подчеркивая, что «нематериальное культурное наследие – это производственный, социальный и бытовой опыт, духовные ценности и представления людей, зафиксированные в традициях и передаваемые непосредственно от поколения к поколению» [Кулемзин, 2009, с. 184].

Ключевой особенностью в аспекте сохранения нематериального культурного наследия является сохранение носителя традиции, знания. Как известно, вследствие утраченных связей между наследием и носителем происходит потеря духовной составляющей объекта культуры, также происходит потеря свойств объекта нематериального наследия, что, безусловно, ведёт за собой появление искажённого понимания, представления о нём, и ни одна методика по сохранению наследия, к сожалению, неспособна сохранить и возродить свойства объекта и его подлинности. Это ведёт к невозможности актуализации объекта нематериального наследия и его трансляции. На данный момент это и происходит в муниципальных музеях Кемеровской области. Традиция, как составляющая историко-культурного наследия, практически утрачена в естественной социокультурной среде, и поэтому музей не имеет возможности выявить её в среде бытования и зафиксировать. Особая роль принадлежит музею как социокультурному институту, владеющему соответствующими методиками сохранения нематериального культурного наследия.

Включение объектов нематериального культурного наследия в современную социокультурную среду и актуализация нематериального культурного наследия в музейном пространстве может осуществляться на основе следующих методов: 1) фиксация – трансляция объекта нематериального культурного наследия носителями традиции; 2) реконструкция – воссоздание объекта нематериального культурного наследия на основе исчерпывающих свидетельств с максимальной степенью достоверности; 3) моделирование – воссоздание объекта нематериального культурного наследия с высокой степенью достоверности, но с долей условности; 4) конструирование – формирование новой традиции на основе подлинной; 5) театрализация – вклю-

чение объекта нематериального культурного наследия в современную среду с использованием методов, характерных для театрального искусства; 6) интерпретация посредством материальных носителей – раскрытие семантического поля музейного предмета, выявление его связи с нематериальным объектом; 7) ревалоризация – возвращение нематериальному объекту первоначального значения; 8) ревитализация – возвращение утраченного объекта историко-культурного наследия к жизни [Глушкова, 2015, с. 324].

Стоит отметить, что ряд методов имеют ограничения по отношению к актуализации нематериального наследия русских. Например, такой метод как фиксация, оказывается неприменимым, так как на сегодняшний день практически не осталось носителей традиции; традиция утратила первоначальное значение в социокультурной среде, следовательно, трансляция её оказывается невозможной.

В Кемеровской области имеется некоторый опыт в области сохранения и возрождения нематериального культурного наследия и традиционной культуры русских. Так, например, музей-заповедник Томская Писаница ежегодно проводит следующие фольклорные праздники: Рождество, Масленица, Праздник Ивана Купала. Экомузей-заповедник «Тюльберский городок» также устраивает фольклорные праздники и гуляния на территории музея, например, Праздник Ивана Купала, который традиционно проходит в ночь с 6 на 7 июля.

Необходимо разработать областную программу сохранения и возрождения традиционной культуры русских муниципальными музеями, где возможно предусмотреть: 1) создание методического центра по обучению методам сохранения нематериального культурного наследия; 2) организацию курсов повышения квалификации сотрудников муниципальных музеев по сохранению нематериального культурного наследия; 3) обмен опытом и сотрудничество между музеями, которые успешно осуществляют эту деятельность; 4) освещение в средствах массовой информации мероприятий, посвящённых сохранению и возрождению традиционной нематериальной культуры русских.

Таким образом, выполнение намеченных задач даст возможность музейными средствами способствовать сохранению и возрождению традиционной культуры русских в Кемеровской области, как, например, это делается экомузеем-заповедником «Тюльберский городок». Музей транслирует и интерпретирует информацию, сформированную ранее в обществе людей, этносе, тем самым не давая угаснуть как этнической культуре, так и самому этносу, проживающему на определённой территории.

Список источников и литературы

- Глушкова П. В. Подходы к музеефикации объектов нематериального культурного наследия (опыт Кемеровской области) // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия. – Улан-Удэ, 2015. – с. 324.
- Историко-культурный и природный музей заповедник «Томская Писаница» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gukmztp.ru/doc/OtchetMZTP2015.pdf>
- Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://depcult.ru/doc>.
- Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – Москва, 2012. – 80 с.
- Кемеровский Областной Краеведческий Музей [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.kuzbasskray.ru/pictures/otchet_o_deyatelnosti_muzeev2015.pdf <http://www.kuzbasskray.ru/3530.htm>
- Кимеев В. М. Экомузей-заповедник «Тюльберский городок» // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 14–41.
- Кулемзин А. М. «Как лодку назовёшь, так она и поплывёт» (к вопросу об определении понятия «нематериальное культурное наследие») // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе. – Томск, 2009. – 334 с.
- Лутовинова Е. И. Народный календарь Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – 203 с.
- Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, Париж, 17 окт. 2003 г.
- Музей истории крестьянского быта села Красное [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://museum.skrasnoe.ru/?p=117>
- Музей-заповедник Кузнецкая крепость [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://kuzn-krepost.ru/index.php/2013-12-26-05-2958/afisha.html>
- Похабов В. Ф. Культурное наследие русских Кузбасса. (Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области). – Кемерово, 2000. – 264 с.
- Федеральная целевая программа Министерства Культуры Российской Федерации [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://fcpkultura.ru/programma/napravleniya-razdely-i-punkty-programmy/>
- Экомузей-заповедник «Тюльберский городок» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://new.vk.com/tyulber.kemsu>
https://new.vk.com/album-62356896_229602655

Л. З. Боголепова

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: ludmila-zah58@yandex.ru*

**ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАЦЮБА – КУЗБАССКИЙ УЧЕНЫЙ И КРАЕВЕД
(к 95-летию со дня рождения)**

В статье на основе коллекционных материалов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ прослеживается жизненный и творческий путь известного краеведа Кузбасса, профессора Д. В. Кацюбы, внёсшего весомый вклад в становление регионального исторического краеведения. Благодаря многочисленным историко-этнографическим экспедициям под его руководством, был собран ценный материал по истории и культуре малочисленных народов Кузбасса – телеутов и шорцев.

Ключевые слова: историческое краеведение, историко-культурное наследие, историко-этнографические экспедиции, краеведческий музей, культура.

L. Z. Bogolepova

*Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia» in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

**DMITRY KATSYUBA – THE RESEARCHER OF THE LOCAL HISTORY OF KUZBASS
(to the 95th anniversary)**

On the basis of collection materials from the museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' of Kemerovo University the article traces the life and career of the famous historian of Kuzbass region, professor D. V. Katsyuba, who made a powerful contribution to the formation of historical local lore studies in the region. Thanks to numerous historical and ethnographic expeditions headed by him valuable material on history and culture of the small-numbered indigenous peoples of Kuzbass, the Teleuts and the Shors, was collected.

Keywords: historical study of local lore, historical and cultural heritage, historical and ethnographic expeditions, museum of local history, culture.

В начале XXI в. в общественном и научном сознании российского общества интерес к региональным исследованиям, биографиям и судьбам учёных значительно вырос – духовное возрождение страны немыслимо без изучения и знания научных и культурных достижений предшествующих поколений, без формирования исторической памяти молодого поколения. Сегодня в связи с усилением роли регионов в экономическом и культурном развитии страны наблюдается повышение статуса краеведения, получают распространение новые термины, возвращаются старые: регионоведение, родинovedение, родоведение (генеалогия), отчизноведение. Вводятся в учебный процесс предметы, специальности, новые кафедры по изучению родного края. Актуальными становятся проблемы изучения и актуализации историко-культурного наследия учёных, внёсших весомый вклад в исследование региональных особенностей культуры, в становление профессионального образования студенческой молодежи.

Среди известных учёных-краеведов Кузбасса – доктор педагогических наук, профессор Дмитрий Васильевич Кацюба, разработавший научно-методическую систему подготовки студентов к историко-краеведческой работе в школе. Учёный проработал в Кемеровском государственном педагогическом институте (с 1974 г. – университете) с 1960 по 2004 гг. За это время им опубликовано 186 научных работ [Доктора наук КемГУ, 2004, с. 66], включая учебные пособия для студентов, пособия для учителей, 11 монографий, методические разработки организации школьных музеев, программы, научные статьи и т. д. Благодаря его подвижническому труду был собран ценнейший материал по истории городов и сёл Кемеровской области, по материальной и духовной культуре малочисленных народов Кузбасса – телеутов и шорцев. Д. В. Кацюба организовывал просветительскую работу среди местного населения. Его краеведческая деятельность

включала комплексный подход к исследованию Кузбасса. Изучение родного края всегда содействовало и содействует процессу упрочения общества, устанавливает и поддерживает живую связь времен и поколений, их преемственность в родном городе, селе, крае. Благодаря краеведению хранится память историческая, воспитывается духовная оседлость [Кацюба, 1993, с. 43].

Д. В. Кацюба родился 12 октября 1921 г. в с. Лютенька Гадячского района Полтавской области. После окончания 8-го класса поступил в Полтавский техникум землеустройства, гидромелиорации и рыбоводства, который окончил в 1941 г. Одновременно учился в Полтавском аэроклубе. В начале Великой Отечественной войны Д. В. Кацюбу направили на учёбу в Саратовскую военную авиационно-планерную школу, по окончании которой – на фронт. Воевал в 6-й гвардейской воздушно-десантной бригаде действующей армии. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Боголепова, 2015, с. 41].

В 1946 г. демобилизовался и поступил в Ленинградский областной учительский институт на историческое отделение. Работал директором Шустручейской семилетней школы Вознесенского района Ленинградской области. В 1948 г. поступил на заочное отделение Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского на исторический факультет. С 1953 по 1960 гг. вторично служил в рядах Советской Армии [Архив КемГУ, Д. 7858]. В 1960 г. прошёл по конкурсу в Кемеровский государственный педагогический институт на должность старшего преподавателя логики и философии. Первым наставником Д. В. Кацюбы в области краеведения была доктор исторических наук, профессор З. Г. Карпенко. О том, кто и как определил его дальнейшую жизнь, Дмитрий Васильевич вспоминает: «Судьба свела с З. Г. Карпенко, которая мне, как учителю истории, посоветовала заняться написанием учебного пособия по истории Кузбасса для учащихся 7–8 классов. Именно в это время в облоно пришел приказ из Министерства просвещения о подготовке к изданию таких пособий».

На первом этапе научно-исследовательской деятельности Д. В. Кацюба изучал материалы архивов по истории края, знакомился с работами учёных, обобщал опыт учителей, занимающихся краеведением. «Два года упорного труда – и в 1963 г. была опубликована первая моя работа – «История Кузбасса. Краеведческое пособие по истории СССР для учащихся 7–8 классов» [Профессора КемГУ, 1999, с. 59]. Через два года в Москве было издано ещё одно пособие для учителей «Краеведение в воспитании учащихся», где был раскрыт уникальный опыт учителя, краеведа-исследователя М. Г. Елькина, который с обществом учащихся «Юный историк» сделал пять открытий в области археологии на территории Кемеровской области и создал в г. Прокопьевске краеведческий музей.

Начиная с 1965 г., Дмитрий Васильевич ежегодно со студентами исторического факультета Кемеровского педагогического института и учащимися старших классов школ совершал краеведческие историко-этнографические экспедиции по изучению коренных жителей Кузбасса – телеутов и шорцев в Таштагольский и Мысковский районы Горной Шории, в телеутские сёла Беково и Челухоево Беловского района Кемеровской области. За десять лет под его руководством было совершено 19 целенаправленных историко-краеведческих экспедиций со студентами и школьниками. В эти годы учёный разрабатывал систему практической подготовки студентов к краеведческой работе в школе – полевая практика по историческому краеведению в форме научно-трудового лагеря, музейно-архивная, ученическая и педагогическая практика. Д. В. Кацюба прикладывал немало усилий для создания школьных историко-краеведческих музеев, разрабатывал экскурсионные маршруты, тематические и комплексные экспедиции по Кузбассу [Кацюба, 1966, с. 108].

В 1966 г. Д. В. Кацюба успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук «Содержание, формы и методы внеурочной историко-краеведческой работы в старших классах средней школы». Его научным руководителем был проф. Н. П. Милов, заведующий кафедрой методики истории Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Создание в это время Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры послужило стимулом к дальнейшей научно-исследовательской работе, основной целью которой являлось оказание помощи государству в изучении, охране и пропаганде

Д. В. Кацюба

Историко-этнографический лагерь «Кузбасс».
Д. В. Кацюба среди студентов.

Экспедиция по изучению коренных жителей
Кузбасса – телеутов.

всех видов памятников. Кроме того, в 1960–1980-е гг. организовывались всенародные смотры памятников боевой и трудовой славы, рассчитанные на активизацию памятникоохранительной деятельности. В работе по организации школьных краеведческих музеев в эти годы принял участие и Д. В. Кацюба.

С 1970 по 1977 гг. под руководством профессора Д. В. Кацюбы на базе исторического факультета Кемеровского пединститута, позднее – университета, успешно работал областной экспериментальный краеведческий историко-этнографический лагерь «Кузбасс». В ходе изучения культуры малочисленных народов Кемеровской области, истории населённых пунктов решались в единстве научные и педагогические задачи; в основу был взят комплексный подход к изучению краеведческого объекта. В лагере одновременно проходили полевую практику по историческому краеведению студенты первого курса, и пионерскую – второго. Проводя практику, студенты практически сами руководили всей работой молодёжного лагеря на 120 человек [Кацюба, 1992, с. 9].

В итоге работы руководимых Д. В. Кацюбой экспедиций и лагеря были собраны сотни ценных памятников материальной и духовной культуры коренных жителей Кузбасса – телеутов и шорцев; а также материалы по истории родного края. Это дало возможность создать на историческом факультете в 1980 г. краеведческий историко-этнографический музей, который являлся материальной базой для студентов в изучении исторического краеведения. В его фондовом собрании были вещественные и документальные памятники, короткометражные фильмы, тематические диафильмы, документальные тематические фотомонтажи, слайды по истории и этнографии края, историко-краеведческой работе в школе и т. д. Значительная часть дубликатов – предметов материальной культуры изучаемого народа, Д. В. Кацюба передал в школы для ор-

ганизации краеведческих музеев. Документально статус музея не был оформлен, поэтому в дальнейшем предметы из собранных коллекций разошлись по разным музеям Кемеровской области.

Итоги научных и практических исследований Д. В. Кацюбы легли в основу ряда монографий по историческому краеведению в школе. Под грифом Министерства просвещения СССР дважды (1977, 1980) издавались программы по историческому краеведению для педагогических институтов. В издательстве «Просвещение» в Москве вышли массовым тиражом пособия для студентов по историческому краеведению (1975, 1980, соавтор). В 1980–1990-е гг. Д. В. Кацюба продолжает изучение опыта работы вузов по историческому краеведению. Осуществлялись поиски дальнейшего усовершенствования планов практических занятий. Д. В. Кацюба публикует целый ряд пособий в помощь студентам, учителям и учащимся по историко-краеведческой работе в школе: «Формы и методы внеклассной историко-краеведческой работы в школе» (Кемерово), «Система графологического изучения курса «Историческое краеведение» часть 1, «Методика историко-краеведческой работы в школе» в соавтор. с П. В. Ивановым и др. (Москва, 1983).

В 1992 г. Д. В. Кацюба получил звание профессора, а в 1994 г. защитил докторскую диссертацию «Теория и практика исторического краеведения в школе и в вузе», ему была присвоена учёная степень доктора педагогических наук. В дальнейшем темой его исследований становится историческая этнография. Д. В. Кацюба публикует следующие монографии: «Материальная культура бачатских телеутов» (1991); «Содержание и методика полевой практики по историческому краеведению в университете и пединституте» (1992); «Духовная культура телеутов» (1993); «Этнография и школа» (1993); «Историческое краеведение в школе и в вузе» (1994); «Этнография народов Сибири» (1994, в соавторстве); «Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности» (1998).

За весь период своей научной деятельности Д. В. Кацюба активно участвовал в многочисленных научных конференциях: в Москве, Кемерове, Томске, Омске, Красноярске, Новокузнецке, Барнауле и т. д. Неоднократно сам был организатором научных конференций по проблемам исторического краеведения в школе и в вузе. На протяжении ряда лет руководил аспирантами по различным проблемам исторического краеведения. Под его руководством были защищены кандидатские диссертации: А. В. Киселев «Краеведческое движение в России. 1917 – 1930 гг.»; С. В. Адаменко «Деятельность политических ссыльных XIX в. по развитию краеведения в Сибирском регионе». Д. В. Кацюба участвовал в научных обществах, учёных советах, редколлегиях журналов. Он был членом редакционного Совета «Российского исторического журнала». За многолетний труд во имя изучения и процветания родного края – Кемеровской области – Дмитрий Васильевич Кацюба награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения», медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени.

После ухода профессора Д. В. Кацюбы на заслуженный отдых, его этнографические и исторические коллекции, собранные в ходе многолетних экспедиций по Кузбассу, были переданы в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Основной фонд отдела этнографии музея пополнился на 215 единиц хранения. Коллекции отличаются типологическим разнообразием, состоят из предметов материальной и духовной культуры. Первая группа включает орудия труда, орудия промыслов, средства передвижения и приспособления для транспортировки грузов, одежду, обувь, предметы декоративного ткачества, вышивки и вязания, предметы народной педагогики, деревянную и металлическую утварь. Вторая группа представлена предметами родовых религиозных верований и церковного культа [Кимеева, 2008, с. 138].

Пятьдесят предметов из коллекции Д. В. Кацюбы были приняты в этнографические фонды Кемеровского областного краеведческого музея. Часть экспонатов, собранных во время экспедиций в Новокузнецком районе (Сарбала), переданы в Осинниковский краеведческий музей (1974 г.). Это предметы утвари, традиционных промыслов, элементов костюма, культовых верований шорцев [Кимеева, Родионов, Глушкова, 2015, с. 5]. Часть экспонатов находится в отделе истории вуза музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ – фильмы, слайды, фотографии, научные труды, рукописи, дневники, книги и т. д. Идёт оцифровка этих коллекций

для сохранения историко-культурного наследия учёного, внёсшего большой вклад в изучение родного края.

Таким образом, благодаря подвижническому труду замечательного педагога, краеведа Д. В. Кацюбы, был собран историко-этнографический материал по изучению малочисленных народов Кузбасса – телеутов и шорцев, который является ценным источником для изучения особенностей региональной истории и культуры Кузбасса. Профессор Д. В. Кацюба разработал систему региональной подготовки студентов к историко-краеведческой работе в школе, вложил немало сил в подготовку высококвалифицированных специалистов, в совершенствование форм и методов образовательно-воспитательной, патриотической и научно-просветительской деятельности. И сегодня его ученики и последователи нашли своё место в жизни, стали профессионалами в педагогической деятельности.

Список источников и литературы

Боголепова Л. З. Помним всех поимённо: преподаватели и сотрудники КГПИ – КемГУ – участники Великой Отечественной войны: историко-справочное пособие. – Кемерово: ООО Студия Рекламы «РеФорма», 2015. – 126 с.

Доктора наук КемГУ. Кемеровский государственный университет в юбилейном году: биографический справочник. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.

Кацюба Д. В. Теория и практика исторического краеведения в школе и в вузе. Автореф. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Челябинск, 1993. – 43 с.

Кацюба Д. В. По родному краю. Маршруты тематических экспедиций по Кузбассу. – Кемеровское книжное изд-во. – 1966. – с. 108

Кацюба Д. В. Содержание и методика полевой практики по историческому краеведению в университете и пединституте. Уч. пособие. – Кемерово: КемГУ, 1992. – 84 с.

Кимеева Т. И. Роль этнографического краеведения в формировании фондов музеев г. Кемерово // Балибаловские чтения. Вып. 5. – Кемерово: АРФ, 2008. – С. 138–140.

Кимеева Т. И., Родионов С. Г., Глушкова П. В. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 34. – С. 148–158.

Личное дело Д. В. Кацюбы / Архив КемГУ. Д. 7858. – 4 л.

Профессора Кемеровского государственного университета: биографический словарь. Вып. 1. 1953 – 1999. – Кемерово, 1999. – С. 57–60.

П. Д. Гарелик

Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово, Россия

П. В. Глушкова

Кемеровский государственный институт культуры

Этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок». Кемерово, Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ КУЛЬТОВ ШОРЦЕВ В МУЗЕЕ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ»

В статье рассматриваются вопросы актуализации древнейшего пласта духовной культуры шорцев в музее. Анализируется опыт презентации данного пласта духовного наследия в экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Определяются формы и методы актуализации родовых культов. Устанавливаются оптимальные способы включения объекта нематериального наследия в современную среду.

Ключевые слова: актуализация, нематериальное культурное наследие, традиционная культура, презентация, родовые культы, музей.

P. D. Garelik

Kemerovo State Institute for Culture. Kemerovo, Russia

P. V. Glushkova

Kemerovo State Institute for Culture Kemerovo, Russia

ACTUALIZATION OF FAMILY AND TRIBAL CULTS OF THE SHORS IN MUSEUM «ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA»

The article deals with the actualization of the ancient layer of the Shor spiritual culture in the museum. The authors discuss the experience in presenting the layer of spiritual heritage in museum display, exhibitions, cultural and educational activities of the museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia'. Forms and methods of actualizing tribal cults are identified. The best ways of introducing objects of intangible heritage into the contemporary environment are determined.

Keywords: actualization, intangible cultural heritage, traditional culture, presentation, ancestral cults, museum.

На территории Кемеровской области проживает два автохтонных народа – шорцы и телеуты. Изучение традиционной культуры шорцев, тюркоязычного народа, проживающего в горнотаёжной местности на юге Кемеровской области, названной в XX веке – Горная Шория, начинается ещё в начале XX в. Н. П. Дыренковой, Л. П. Потаповым, А. В. Анохиным. Значимый вклад в сохранение шорского историко-культурного наследия внесли кузбасские учёные В. М. Кимеев, Т. И. Кимеева, Д. А. Функ, Д. В. Кацюба, занимавшиеся сбором информации и уникальных предметов, которые легли в основу этнографической коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири». В основе коллекции – как бытовые утилитарные предметы, так и предметы, отражающие духовную культуру. Особую ценность данная коллекция представляет также потому, что материальная и духовная культура шорцев стремительно утрачивается в среде бытования в настоящее время под влиянием процессов глобализации и урбанизации, и музей становится единственно возможной формой презентации подлинного наследия.

Наиболее древним пластом традиционной культуры шорцев являются семейно-родовые культы. К ним относятся вера в домашних покровителей «орекеннеров», духа хранителя детей «умай» и почитание духов, связанных как с охотничьим промыслом, так и с домашним очагом – «каннатулар» и «апшак». Семейно-родовые культы считаются дошаманистскими верованиями и характеризуются тем, что для связи с почитаемыми семейными покровителями не было необходимости обращаться к служителю культа – шаману.

В коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ семейно-родовые культы шорцев представлены изображениями таких духов как «орекеннеры», «каннатулар», «апшак», а также уникальным предметом – воплощением духа «кара-умай». «Орекеннеры» – предки по женской линии, покровительницы очага и детей, основной функцией которых была

забота о благополучии семьи, увеличении рода, охране здоровья детей, домашнего очага и скота. Культовые фигурки духов-покровительниц шились из мягких тканей и представляли собой упрощённые изображения человека. Их угощали салом и маслом, считалось, что если небрежно относиться к ним, они могли насылать болезни на членов семьи [Кимеева, 2007, с. 143].

В «умай-иче» шорцы видели доброго хранителя детей. Знаком присутствия этого божества в доме был оберег в виде небольшого лука и стрелы – для мальчика, и берестяная «колыбелька» с низкими бортиками, проткнутая веретенцем со светлым лоскутком – для девочки, прикреплённый над колыбелью или местом, где родился ребёнок [Иванов, 1979, с. 10]. Делали оберег при первом укладывании ребёнка в колыбель, при этом приглашали шамана, и снимали, когда ребёнок подрастал и переставал пользоваться колыбелью. Подкармливали «умай» зёрнышками кедрового орешка, во время устраиваемого обряда кропили талканом. Существовал также антипод доброго духа «умай» – «кара-умай». Изображение данного духа изготавливали, когда ребёнок был тяжело болен, после чего оно уничтожалось или сплавлялось по реке. «Кара-умай» сворачивали из грязных тряпок или же лепили в виде глиняной фигурки [Потапов, 1973].

Без охоты жизнь шорской семьи не могла быть благополучной, поэтому духи-покровители охоты занимали особое место. Воплощением переходного духа «каннатулар» была естественная двухростковая развилка ветки берёзы с тряпочкой посередине, он одновременно покровительствовал и охотничьему промыслу, и охранял дом, в то время как охотник находился на промысле. Его изображение хранили в амбаре или под крышей, «угощали» жирной пищей и кашей без соли. За пренебрежительное отношение «каннатулар» насылал болезни, мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами [Шорцы. Каталог этнографических коллекций..., 1999, с. 17].

К настоящему времени изображения духов в среде бытования не сохранились, традиционная культура шорцев подвергается разрушению, следовательно, семейно-родовые культы возможно актуализировать исключительно на базе музея, располагающего соответствующими коллекциями. А только при условии обеспечения эффективной актуализации возможно сохранить объекты нематериального культурного наследия. Включение в современную социокультурную среду историко-культурных объектов осуществляется как за счёт их презентации в экспозиционном пространстве, так и за счёт популяризации их в рамках культурно-образовательных мероприятий музея.

В музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ семейно-родовые культы актуализируются посредством создания постоянной экспозиции. В разделе «Религиозные верования автохтонного населения Сибири» представлены подлинные предметы духовной культуры шорцев в контексте религиозного синкретизма – органического слияния различных культов и религиозных систем. Через музейные предметы раскрывается бытование у автохтонов Сибири родовых культов: семейных покровителей «орекеннеров», охотничьих покровителей «шалыг», «тайгам». Также в экспозиционном пространстве представлены воплощения духов «апшак» и «кара-умай».

Помимо создания постоянной экспозиции, музеем организуются временные тематические выставки, направленные на актуализацию собственно семейно-родовых культов. Таковыми являются, например, выставка, приуроченная ко Дню матери, «Мать-берегиня» и выставка, подготовленная к Международному женскому дню, «Женщина в традиционной культуре». Предметы в экспозиционном пространстве группируются на основе тематического принципа и комментируются, за счёт чего раскрывается их информационное поле, актуализируются нематериальные объекты наследия, овеществлёнными компонентами которых являются музейные предметы. На выставке презентуются не только изображения духов-покровителей, но и предметы, используемые в обрядах, направленных на почитание духов, фотографии обрядов из архива музея, а также реконструкции культовых предметов, не представленных в коллекции музея, выполненные на основании фотоматериалов и этнографических описаний.

Наиболее эффективная актуализация нематериального культурного наследия возможна в рамках форм культурно-образовательной деятельности. Наряду с традиционными формами, самой распространённой из которых является экскурсия, музеем «Археология, этнография и экология Сибири» активно используются комплексные интерактивные формы. Основной формой актуализации нематериального наследия в музее является интерактивная музейная программа, комплексная форма культурно-образовательной деятельности, направленная на актуализацию историко-культурного или природного наследия, основанная на активном участии

посетителей в процессе музейной коммуникации. Основными формами, составляющими такие программы, становятся театрализованные экскурсии, мастер-классы, ролевые игры.

В ходе подобных программ, которые реализуются в рамках открытия тематических выставок, посетители музея могут самостоятельно изготовить оберег для новорожденного ребёнка (воплощение «умай»), покормить домашних покровителей «орекеннеров», задобрить охотничьего духа «каннатулар».

В рамках программ, направленных на актуализацию объектов нематериального культурного наследия, используются различные методы: фиксации, реконструкции, театрализации. Наиболее эффективным в плане актуализации является метод интерактивного моделирования, когда посетители участвуют в процессе воссоздания обряда или традиционной технологии. Данный метод используется в музее «Археология, этнография и экология Сибири» при презентации обрядовых действий, направленных на почитание духов, технологии изготовления оберегов, которые были в каждой семье шорцев.

Интерактивная программа, приуроченная к открытию выставки «Женщина в традиционной культуре», позволила посетителям не только познакомиться с традиционным женским костюмом и занятиями, но и освещала значимую сторону жизни шорской женщины – защиту семейного очага от злых духов. Гости музея смогли узнать, как женщина ухаживала за ребенком, как оберегала его от злых духов «айна». Посетив шорский сенек, гости музея приняли участие в приготовлении талкана, которым после этого смогли покормить духов-покровителей дома. В рамках данной программы важно было подчеркнуть роль женщины в родовых культурах. Семейный культ находился целиком в женских руках, они изготавливали своих покровителей, кормили их. Женщины более, чем мужчины, были сведущи в подробностях обрядов. Без женщин не мог совершаться ни один домашний обряд [Токарев, 1990, с. 242].

Помимо специализированных выставок и тематических программ в музее «Археология, этнография и экология Сибири» семейно-родовые культы актуализируются в рамках иных комплексных мероприятий. Так в ходе акции «Ночь музеев» посетители музея имеют возможность ознакомиться с экспозицией по духовной культуре шорцев, покормить духов «орекеннеров» талканом. При проведении акции «Ночь искусств» гости музея учатся изготавливать обереги для ребёнка, воплощение духа «умай». Важно, что массово посещаемые акции не обходят стороной такой пласт наследия как семейно-родовые культы, это способствует популяризации одной из интереснейших и практически утраченных сторон регионального историко-культурного наследия.

Таким образом, музей «Археология, этнография и экология Сибири» играет ведущую роль в актуализации такого пласта историко-культурного наследия как семейно-родовые культы шорцев. Наряду с тем, что музей располагает богатой коллекцией по духовной культуре данного народа, имеет постоянную экспозицию, её освещающую, актуализация семейно-родовых культов шорцев активно реализуется в рамках культурно-образовательной деятельности. Причём музеем используются не только традиционные формы, но и комплексные интерактивные программы. Основным методом актуализации становится метод интерактивного моделирования, позволяющий посетителям ощутить причастность к действию. Значимым в аспекте актуализации родовых культов является организация временных тематических выставок, посредством которых раскрывается нематериальная составляющая предметов из коллекции музея. Такие подходы к актуализации древнейшего пласта традиционной культуры шорцев позволяют посетителям прикоснуться к нематериальному наследию автохтонного народа Кемеровской области.

Список источников и литературы

- Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, 1979. – 196 с.
- Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 309 с.
- Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрок в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286.
- Токарев, С. А. Ранние формы религии. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 622 с.
- Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 5. – 135 с.

П. В. Глушкова

*Кемеровский государственный институт культуры
Этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок». Кемерово, Россия*

О. Ф. Белоусова

Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово, Россия

**АКТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО БЫТА
ПОСРЕДСТВОМ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКЦИЙ
МУЗЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМГУ**

Статья посвящена проблемам музеефикации и актуализации историко-культурного наследия советской эпохи. Советский быт рассматривается как совокупность материальных и нематериальных объектов в их взаимосвязи. Выявляются подходы к презентации советского быта в музеях: с использованием интерактивных, мультимедийных технологий, посредством создания ансамблевой экспозиции. Рассматривается опыт создания выставок, презентующих советский быт, на основе сюжетно-образного метода построения экспозиции.

Ключевые слова: музеефикация, советский быт, интерактивные технологии, музей, экспозиция, сюжетно-образный метод построения экспозиции.

P. V. Glushkova

Kemerovo State Institute for Culture Kemerovo, Russia

O. F. Belousova

Kemerovo State Institute for Culture Kemerovo, Russia

**ACTUALIZATION OF THE SOVIET EVERYDAY LIFE
BY MEANS OF PRESENTING THE COLLECTION OF KEMEROVO UNIVERSITY
MUSEUM "ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA"**

The article is devoted to problems of museumification and actualization of historical and cultural heritage of the Soviet era. The Soviet everyday life is seen as a set of tangible and intangible objects in their relationship. The authors identify approaches to the presentation of the Soviet everyday life in museums: using interactive, multimedia technologies, by creating an ensemble exposition. The experience in creating exhibitions presenting the Soviet everyday life, based on the thematic and imaginative method of exposition construction is discussed.

Keywords: museumification, the Soviet period everyday life, interactive technologies, museum, exposition, thematic-imaginative method of exposition construction.

На сегодняшний день проблемным представляется вопрос сохранения, а главное, необходимости актуализации такого пласта историко-культурного наследия как «советский быт». Историко-культурное наследие советского времени включает различные стороны жизни советского гражданина: наследие военного периода, различных профессиональных, медицинских, образовательных, промышленных учреждений, бытовое наследие и др. Каждый музей специализируется либо на определённом аспекте жизни советского гражданина, либо создает экспозиции, которые рассказывают о конкретном периоде существования СССР [Тимофеев, 2014, с. 26–31].

Наряду с тем, что с каждым годом появляется всё больше профильных музеев, создаются экспозиции, посвящённые советскому прошлому в краеведческих музеях, высказываются сомнения в том, что неоднозначное советское наследие стоит включать в современную социокультурную среду. Также возникает вопрос, как должна выглядеть экспозиция, чтобы не быть излишне политизированной и идеологизированной. Возможно, именно это является причиной того, что многие музеи, имеющие в составе своих коллекций предметы, иллюстрирующие советское прошлое, не экспонируют их, а хранят в фондах.

Включение в фонды предметов советского прошлого – относительно новое явление. То, что советский быт начинает музеефицироваться, говорит о том, что данный феномен начинает

осознаваться как объект историко-культурного наследия. Данный объект приобретает музейную ценность, значимость для музейного использования. Музейная ценность зависит от того, обладает ли предмет общими свойствами музейных предметов, то есть, является ли первоисточником социальной информации, может ли сохраняться длительное время; обладает ли достаточно содержательной информацией, чтобы представлять интерес для музея. Прежде всего, музейная ценность предметов советского быта заключается в их исторической ценности: способности нести информацию об определённом историческом периоде. Кроме того, материальные и нематериальные свидетельства советского прошлого стремительно утрачиваются в естественной социокультурной среде.

Включение в состав музейного собрания не способно в полной мере обеспечить эффективное сохранение, так как предмет должен не только консервироваться, но и включаться в современную социокультурную среду, актуализироваться. В процессе актуализации предмет выступает в качестве не только носителя, но и транслятора информации. Актуализация историко-культурного наследия осуществляется в рамках экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музея.

Значительный по объёму фонд предметов советского прошлого сформирован в отделе истории вуза в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, но экспозиции, посвящённой советскому быту, в музее не существует. Соответственно в культурно-образовательной деятельности музея данное направление также не представлено. Выход из сложившейся ситуации был найден за счет объединения усилий музея и Кемеровского государственного института культуры по организации на базе КемГИК временных выставок, презентующих советский быт.

Стоит учитывать, что советский быт как объект историко-культурного наследия – это не просто совокупность предметов, свидетельств эпохи, а совокупность материальных и нематериальных объектов в их взаимосвязи, и задача музейной экспозиции, презентующей советский быт – актуализировать, прежде всего, нематериальные объекты, овеществлёнными компонентами которых являются предметы. Данная цель может быть достигнута различными путями. Возможно создать ансамблевую экспозицию, которые легко воспринимаются посетителями и оказывают сильное эмоциональное воздействие. В данном случае перед посетителем предстаёт не просто предмет, а некая «картина советского быта». Эффективным оказывается включение в экспозиционное пространство мультимедийных или интерактивных технологий. За счет создания интерактивной среды посетитель становится активным участником процесса музейной коммуникации, что способствует наилучшему взаимодействию с музейным предметом и освоению музейного пространства. Кроме того, важной составляющей в процессе актуализации нематериальной составляющей советского периода являются культурно-образовательные мероприятия, организуемые на базе выставок и экспозиций.

При создании временных выставок на основе материалов собрания музея «Археология, этнография и экология Сибири» использовался иной подход. В течение 2016 г. в Кемеровском государственном институте культуры были организованы две выставки «Киностальгия» и «Кинодива», приуроченные к году Российского кино. В основу построения экспозиции был положен сюжетно-образный метод, а «дух эпохи» (совокупность нематериальных объектов культурного наследия, внутреннее значение материальных предметов, их духовная составляющая), удалось передать за счёт создания ключевых образов соответствующих эпох.

Отличительной особенностью экспозиции, построенной посредством сюжетно-образного метода, является то, что в её основе создаётся художественный образ, а не просто образ, отражающий то или иное явление действительности [Поляков, 1997]. Экспозиция становится не только предметно-пространственной, но и эмоционально-образной средой [Майстровская, 1997а]. Такая экспозиция характеризуется метафоричностью, неоднозначностью ассоциативных построений авторского замысла [Майстровская, 1997б]. Авторы выставки «Киностальгия» добивались того, чтобы у посетителя в сознании рождался определённый образ, отсылающий его в прошлое, причём, за счет полифоничности экспозиции, образ в каждом конкретном случае оказывался индивидуальным. Данный подход был особенно важен при создании экспозиции,

презентующей такой феномен советской действительности как кинематограф. В контекст экспозиции, как визуально-вербальной системы, также включались тексты: использовался приём цитирования, когда цитата из фильма работала на создание задуманного автором художественного образа. Так за счёт формирования художественной модели действительности удалось передать «дух эпохи», интегрированную целостность смыслов, значений, образов мысли, ценностей, норм и идеалов, стереотипов и установок, присущих обществу, народу в определённый культурно-исторический период его существования. Предметы, включённые в экспозиционное пространство, работали на создание данных смыслов, вступая в коннотативные отношения, раскрывая дополнительные смыслы информационных полей друг друга.

Основными источниками, на которые опирались создатели концепции выставки, и из которых черпали вдохновение, были советские киноленты. Наряду с основными, в качестве вспомогательных источников использовались документы личного происхождения, полученные посредством метода опроса. На основе данных источников для каждого советского десятилетия был выявлен определяющий, ключевой образ, подчиняющий себе весь период. После этого в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» были выявлены предметы, способные наилучшим образом раскрыть задуманный образ, датируемые данным периодом времени. Выставка «Киностальгия» была приурочена к празднованию Нового года и Международного дня кино. В экспозиции можно было увидеть видеокамеры, кинопроекторы, магнитофоны, а также коллекцию фигур Деда Мороза под ёлку 1950–80-х годов. Предметы, дополненные вспомогательными материалами, работали на раскрытие определённой темы, сюжета, создавая музейную иллюстрацию отражаемых событий, объединённые содержательной стороной, выступили в качестве наглядного подтверждения определённого концептуального положения. Таким образом, в экспозиционном пространстве через ключевые образы кинофильмов и предметов определённого периода советского кинематографа была раскрыта история прошедших эпох: с 1950-х по 1990-е годы. Каждая экспозиционная витрина была посвящена одному из десятилетий Советского Союза и, соответственно, кинематографа. Так, ключевым образом 50-х годов стала музыка, а предметом, способным данный образ передать – грампластинка и граммофон. Романтически-приключенческий дух 1960-х годов был выражен посредством включения в экспозицию гитары, неотъемлемого атрибута повсеместно царивших в данный период времени походов и путешествий. 1970-е годы в кинематографе стали уделом сложных межличностных отношений, интимно-дистанцированного общения, их символом стал телефон. Дух перемен и стиль диско 1980-х годов был воплощен через музыкальный проигрыватель. Не получилось в выставке обойти 1990-е годы, как переходный период, как время заката советского прошлого. Символом 1990-х стали деньги. Овеществлённый образ поколения, сконцентрированного только на собственной выгоде, воплотили купюры разного достоинства 1990–1999 гг. Помимо основного, создатели выставки включили в ткань экспозиции вспомогательные образы. Так, например, в разделе выставки, посвященном 1980-м годам, советский вымпел, соседствующий с магнитофоном, намекал на переходный характер данного этапа существования СССР, на его двойные идеалы. Важно было также презентовать культовые кинокартины эпохи, поэтому в каждом разделе присутствовали или пластинки с музыкой из фильмов обозначенного периода, или книги, которые легли в основу картин, или видеокассеты.

Важную роль в создании художественного образа сыграло включение в экспозицию фотоматериалов – кадров из фильмов, а также текстов – ключевых фраз кинофильмов, выступающих одновременно в качестве пояснительных текстов, а также работающих на создание образа и актуализирующих нематериальную составляющую советского кинематографа.

Выставка «Кинодива» была ориентирована на раскрытие женских образов в советском кинематографе и одновременно отражала представление об идеале женской красоты в определённый период времени. Через созданные советскими режиссёрами женские образы раскрывался «дух эпохи», представления и идеалы времени. Через один образ транслировалось представление о десятилетии в целом. Нашли отражение такие стороны жизни как мода, увлечения, быт. На выставке можно было увидеть киноаппараты, телевизоры, радио и другие приметы советского прошлого: одежду, посуду, предметы интерьера, работающие на создание образа женской красоты, навсегда запечатлённой на экране телевизора.

Значимым в рамках актуализации советского наследия являлось то, что выставки сопровождались проведением научно-просветительских акций. Посредством различных форм культурно-образовательной деятельности раскрывались дополнительные связи и смыслы предметов, представленных в экспозиции. В ходе акций транслировались фрагменты советских фильмов, что способствовало актуализации нематериального наследия. Важная роль была отведена интерактивности – организовывались конкурсы и викторины, ориентированные на раскрытие семантики выставки. Нематериальное наследие актуализировалось за счёт включения в программу мероприятия песен и танцев эпохи, воспроизведения отрывков из фильмов, нашедших отражение в выставочном пространстве. Всё это позволило воссоздать атмосферу, царившую в определённый период советского прошлого. В рамках создания выставок удалось практически полностью избежать ориентации на идеологию и акцентировать внимание на бытовой стороне, отразить повседневные будни советского гражданина.

Таким образом, через организацию временных выставок и научно-просветительских акций музею «Археология, этнография и экология Сибири» удалось не только презентовать фондовые собрания и подарить «вторую жизнь» музейным предметам, но и популяризировать наследие советской эпохи, феномен советского кинематографа. Возможно, создание временных выставок, посвящённых данному периоду, станет первым шагом в организации постоянной экспозиции, где посредством музейных предметов может быть раскрыта ещё одна сторона советского прошлого – развитие высших учебных заведений и научная жизнь советских граждан.

Список литературы

- Майстровская М. Т.* Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции). На пути к музею XXI века. – М.: Российский институт культурологии, 1997а.
- Майстровская М. Т.* Музейный образ – поиски и находки (экспозиционное искусство 90-х годов) // Музейная экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции). На пути к музею XXI века. – М.: Российский институт культурологии, 1997б.
- Поляков Т. П.* Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). – М., 1997.
- Тимофеев М. Ю.* Музеефикация СССР // Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт». – 2014. – № 5. – С. 26–31.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МАЛОГО ГОРОДА

За последнее время новые подходы к работе с историко-культурным и природным наследием изменили характер деятельности. Экономическое значение наследия занимает определённое место в текущих исследованиях. Влияние на наследие процессов разрушения, возможности восстановления, защита памятников культуры Заповедника «Мариинск Исторический», ландшафта Арчекас – это содержательный аспект программы развития города – где туризм рассматривается как один из новых видов экономической деятельности. Образовательные программы способствуют формированию экологической культуры, позиционированию этого направления в Кузбассе, мотивируют разные слои населения включаться в реализацию программ, создавая туристический продукт различного вида. Научное сообщество обеспечивает сопровождение программ муниципалитета и рассматривает наследие как социальный инструмент.

Ключевые слова: природное и культурное наследие, туризм, экологическая культура, образовательные программы, развитие малых городов.

L. V. Gridaeva

Kuzbass Regional Institute for the Development of Professional Education. Kemerovo, Russia

HISTORICAL, CULTURAL AND NATURAL POTENTIAL OF A MUSEUM AS A FACTOR FOR DEVELOPMENT OF A SMALL TOWN

In recent years, new approaches to dealing with historical, cultural and natural heritage have changed the nature of museum activity. The economic importance of heritage has become of some significance in current research. Impact of destruction processes on the local heritage, possibilities of its recovery, and the protection of cultural monuments of the Reserve «Historic Mariinsk», Archekas landscape is a substantial aspect of the program of town development, where tourism is considered as one of the new types of economic activity. Educational programs contribute to the formation of ecological culture, positioning of this sphere in Kuzbass, motivate different segments of the population to be involved in the implementation of programs through creating tourist products of various kinds. Research community provides the programs of municipal authority with its support and regards the heritage as a tool of social activity.

Key words: natural and cultural heritage, tourism, ecological culture, educational programs, the development of small towns.

В 2007 г. специалистами Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва была проведена историко-культурная экспертиза и разработана Программа сохранения и использования историко-культурного центра г. Мариинска и Мариинского района. В заключении экспертизы говорится, что «Мариинск как целостное историческое поселение также не имеет себе равных ни в Томской области, ни в других сибирских регионах, прилегающих к Кемеровской области. Вместе с тем Мариинск представляет также и исторический центр, события и объекты на территории которого имеют значение не только для Сибирского региона, но и для России в целом. В этом качестве историко-культурный и ландшафтный потенциал Мариинска практически не имеет аналогов с другими поселениями Западной Сибири». Сейчас деятельность музея-заповедника преследует три основные цели: 1) сохранение и восстановление исторической среды, сохранение культурного и природного наследия города и района; 2) дополнительное развитие системы музейных объектов; 3) развитие сферы туризма.

Для Мариинска 2016 год наполнен культурными событиями, из которых главное – это 160-летие города, что является и основой для событийного туризма, а именно туризм – основное в программе развития города, поэтому интерес к музеям велик.

В работе музея-заповедника проведена полная паспортизация объектов культурного наследия Мариинска и Мариинского района, планируется реставрация наиболее ценных зданий города,

утверждение современного проекта охранных зон исторической части города, выделение ключевых кварталов в историческом центре Мариинска и возвращение им исторической достоверности. В развитии культурной сферы необходимо развить систему музейных объектов. Это позволит раскрыть историческую специфику Мариинска, дополнив краеведческий музей ещё несколькими объектами или филиалами – Дом природы, Музей бересты, Музей Сибирского тракта, Музей тюрьмы и ссылки, Музей сибирской водки на базе ликеро-водочного завода, парк ретроскульптуры и пр. Всё это позволило сформировать интересные и познавательные туристические маршруты. Сегодня в Мариинске значится более 100 памятников истории и культуры. Город сохранил историческую планировку, каменную и деревянную застройку, что даёт яркое представление об облике уездного города XIX в. Уже 160 лет Мариинск развивается как город. История Мариинска поистине богата.

Следует отметить, что значительная часть намеченных проектов не будет чисто дотационной. Во многом они будут стимулировать, развивать инфраструктуру и экономику города. К примеру, музей картофеля, соединённый с магазином и картофельным рестораном; музей Сибирского тракта, связанный с трактиром и индустрией гостеприимства. Поддержка учреждений культуры, музыкальных и художественных школ, народных мастеров и самодеятельных коллективов позволяет в дальнейшем развивать культурный потенциал города.

В развитии сферы туризма намечается строительство сети объектов размещения туристов: малых комфортабельных туристских гостиниц, в том числе на базе исторических городских зданий, туристического комплекса для транзитных туристов, базы отдыха на живописном Арчেকে. Развитый туризм позволяет сформировать систему туристской инфраструктуры в городе и в окружении Мариинска. Привлечению в город инвестиций и доходов от туристской деятельности и установлению стратегического и тактического партнёрства с другими фирмами. Уникальные памятники архитектуры, культурное наследие и первозданная природа Мариинского района представляет значимый ресурс для наращивания экономического потенциала. И как следствие, туризм является в данном случае одним из факторов устойчивого развития муниципального образования. Реализация программы сохранения и развития культурного и природного наследия Мариинского района требует координации действий власти, бизнеса, общественности, учёных. Как писал Д. С. Лихачёв, «запас памятников культуры, и «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всё прогрессирующей скоростью...» [Управление культуры, спорта и молодёжной политики г. Кемерово. Эл. ресурс]. Поэтому общественностью, студентами и преподавателями проводятся мероприятия, направленные на сохранение памятников культуры и памятников природы. Студенты Мариинского политехнического техникума разработали мероприятия и варианты профессиональных подходов к сохранению деревянного зодчества и восстановления парка ретроскульптуры [Историко-культурное наследие Кузбасса, 2010, с. 102]. «Памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой, с определёнными мастерами». Проекты студентов выставлены на сайте www.Kgipro.ru. Один из проектов «Историческое наследие в руках молодых: знать, ценить и действовать...». Были поставлены задачи: изучить культурное наследие города Мариинска. Защита проекта привлекла внимание администрации города и общественности к проблеме сохранения городского парка культуры и отдыха. При написании проекта студенты предложили восстановить и воссоздать ретро-парк, как новое направление и ещё один ресурс туристического маршрута. Развивая профессиональные компетенции, молодёжь учится сохранять памятники культуры для «нравственной оседлости» [Историко-культурное наследие Кузбасса, 2010., с. 102] людей мало только платонической любви к стране, любовь должна быть действенной». «Без памяти, без чувства родины без благодарности к предкам, человек – случайность на земле; и он уничтожит землю» [Чивилихин, 1990, с. 25].

Природное наследие Мариинского района – это национальное достояние России. Поэтому столь важна миссия музеев в формировании экологической культуры. Дому-музею В. А. Чивилихина исполнилось 30 лет в 2016 г. В. А. Чивилихин – защитник природного и культурного наследия России. Дом-музей – это площадка для работы различных творческих объединений Мариинска и других городов Кузбасса, выставочная площадка для художников. Так, здесь прошла презентация картин члена художников России Е. Н. Юмановой «Кия – жемчужина Сибири», состоялась презентация «Красной книги Кузбасса» – встречи с учёными-биологами-экологами,

сотрудниками ГКУ «Областной комитет природных ресурсов», работали выставки музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, презентация «Экологических сказок» А. Н. Куприянова и др. Музей инициирует и поддерживает конкурсное и проектное движение по экологическому просвещению и воспитанию. Объединяет начинающих поэтов и писателей земли Мариинской. Используя этот ресурс, в музее реализуется Программа распространения экологических знаний для всех слоёв населения. По инициативе сотрудников музея заложена кедровая аллея из 21 кедра. Музей активно участвует во всероссийской акции «Дни защиты от экологической опасности».

Сотрудники музея приняли участие в обсуждении маршрута «Сибирь литературная» «Сибирь Зелёная» с главным редактором газеты «Природа Алтая» и руководителем экспедиции «Начни с дома своего» С. И. Малыхиным.

Используя этот ресурс, ГБУ ДПО КРИПО проводит тематические консультации и выездные занятия с педагогическими работниками профессионального образования. Историческое наследие и природа местности, обладая мощной информацией, создаёт условия для реализации образовательных программ, результатом которых являются проекты, позиционирующие развитие туристической деятельности на данной территории. Под руководством доктора биологических наук, профессора кафедры ботаники КемГУ А. В. Заушинцевой, автором разработана программа изучения природных, экономических, экологических особенностей Мариинского района. В перспективе эта программа получит научно-методическое обеспечение в формате учебно-методических и научно-популярных изданий, наряду с сувенирами явится форматом сопровождения туристической деятельности, формированием «экологии культуры» [Управление культуры, спорта и молодёжной политики г. Кемерово. Эл. ресурс], информационный ресурс регионального, краеведческого направления актуален, как было отмечено в рекомендациях круглого стола Общественной палаты Кемеровской области от 27 ноября 2015 г. на тему «Формирование регионального компонента по экологии, географии, биологии». Важность этого очевидна, так как в развитие туристической территории муниципалитет взаимодействует с учёными Кузбасса [Природа Сибири. Эл. ресурс] сайт (www.mariinsk-tur.ru). Новый образ мышления, новые подходы к работе с наследием, как отмечает К. Холторф [2014, с. 63], сформировались в результате обмена опытом между профессиональными организациями и обобщением новых исследований в области социальных наук. Очевидно, что природное и культурное наследие является «двигателем» социального развития и туризма.

Список источников и литературы

Администрация Мариинского городского поселения Кемеровской области. Эл. ресурс. URL: www.gorod-mariinsk.ru

Гридаева Л. В. Муниципальная программа развития. Проблемы. Перспективы // Экологические и природные особенности северо-востока Кузбасса как фактор культурного и экономического развития региона. – Мариинск, 2011.

Историко-культурное наследие Кузбасса (сохранение и возрождение малых исторических городских и сельских поселений на примере г. Мариинска). Вып. II / под редакцией Л. В. Гридаевой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – 165 с.

Мариинская газета «Вперед». Эл. ресурс. URL: www.mariinsk-gazeta.ru

Материалы областной тематической консультации «Экологическое краеведение, природное наследие Кемеровской области». Эл. ресурс. URL: www.kriipo.ru

Музей-заповедник «Мариинск исторический». Эл. ресурс. URL: www.mariinsk-tur.ru

Природа Сибири. Эл. ресурс. URL: www.prirodasibiri.ru

Сайт президента России. Эл. ресурс. URL: www.kremlin.ru

Сайты о культуре. Эл. ресурс. URL: <http://culture.kemrsl.ru/links/www.ecoko.ru>

Управление культуры, спорта и молодёжной политики г. Кемерово. Эл. ресурс. URL: <http://kultsport42.ru/main.html>

Холторф К. Культурное наследие: новый взгляд на теорию и практику // Museum international. – 1350-0775 (Vol. 63, № 1–2, 20).

Чивилихин В. А. Память. – М., 1990.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРХОНСКОГО АЙМАКА, МОНГОЛИЯ)

Автор обращает внимание на археологические памятники, которые являются важной частью историко-культурного наследия Монголии. Археологическое наследие – это то, что в той или иной мере связано с историческим прошлым и культурой народов, проживавших на территории страны. Археологические памятники являются недвижимым наследием. Древние наскальные рисунки или курганы нельзя переместить в другое место. Оптимальным способом сохранения археологического наследия является его музеефикация.

Ключевые слова: музей, музеефикация, археологические памятники, наследие, Айраг гозгор, астрагал

Bulgan Ishjamts
Margad Institute in Orkhon province. Erdenet, Mongolia

MUSEUMIFICATION OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF ORKHON AIMAK, MONGOLIA)

The author draws attention to the archaeological sites, which are an important part of the historical and cultural heritage of Mongolia. Archaeological heritage is to any extent connected with the history and culture of the peoples living in the country. Archaeological sites present the immovable heritage. Ancient rock carvings or mounds cannot be moved to another location. The best way to preserve the archaeological heritage is its museumification.

Keywords: museum, museumification, archaeological site, heritage, artifacts, locoweed.

Музеефикация объектов археологического наследия приводит к первоочередным задачам анализа современных нормативно-правовых условий той или иной страны. По определению Е. В. Ефремовой «музеефикация объекта археологического наследия – это многокомпонентный процесс, сущностью которого являются преобразование объекта археологического наследия в объект музейного показа на месте его исконного бытования и результат этого процесса, предполагающего этапы научного документирования; разработки проектной документации; натурных работ» [Ефремова, 2014, с. 84].

В соответствии с законом Монголии «Об охране объектов культурного наследия» в статье 3.11 под объектом культурного наследия понимается «наследие, представляющее конкретное историческое пространственное и временное значение и имеющее природную, социальную, историческую, культурную, научную ценность» [Закон Монголии «Об охране культурного наследия», 2014, с. 1].

Археологические памятники являются частью историко-культурного наследия страны. К нему относится всё то, что в той или иной мере связано с историческим прошлым и культурой народов, проживавших на территории Монголии. По статье 3.1.3. [Закон Монголии «Об охране культурного наследия», 2014, с. 1] археологические памятники являются недвижимым наследием. Древние наскальные рисунки или курганы нельзя переместить в другое место. Объектами археологического наследия являются, в том числе, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесённые к объектам археологического наследия культурные слои [Мартынов, 2002, с. 13].

Археологические памятники составляют значительную часть наследия, они многочисленны и разнообразны и уникальны. Многочисленные памятники, как погребения, поселения, сооружения, древние изваяния, курганы и наскальные изображения встречаются во всех регионах страны. В последнее время большое внимание уделяется сохранению и музеефикации историко-археологических памятников наследия. Объекты археологического наследия комплексного характера могут быть музеефицированы посредством организации на их основе музея-заповедника.

На территории Орхонского аймака (одна из центральных областей Монголии) поздно начали исследования по древней истории и археологии, памятники мало изучены. Только в 2008 г. зарегистрирована гробница Айрагийн гозгор в сомоне Жаргаланта. Это один из первых курганов, найденных на территории аймака.

По сведению на сентябрь 2015 г. в местном краеведческом музее Орхонского аймака зарегистрирован 51 курган. Специалисты центра наследия культуры на территории Орхонского аймака в 2010 г. проводили работы по регистрации недвижимых объектов и зарегистрировали на могильнике Айраг гозгор, 43 могилы обычных людей, прямоугольных могил 25, всего 90 могил. Археологи ознакомились с этими памятниками несколько раз и только в 2011 г. исследователи Б. Даваацэрэн и З. Батсайхан определили их как «Могилы Восточных Хунну» [Отчёт экспедиции айрагийн Гозгор, 2015] и использовали этот термин в своем исследовании. С этого момента начинается работа для регистрации на территории недвижимых объектов наследия. В 2014 г. директор национального музея Д. Сухэбатор, заместитель директора И. Будбаяр и научный сотрудник Ц. Одбатор познакомились с памятниками и обосновали необходимость проведения раскопок для археологического исследования. Была сформирована исследовательская экспедиция Монгольского национального музея и института «Маргад» во главе с Ц. Одбатором.

В ходе раскопок были обнаружены: ваза, жемчужное украшение, железные стрелки, концевые накладки луков, бронзовый колокол и т. д., всего более 10 предметов, а также 70 астрагалов.

Находки в Айраг гозгор связаны с поздним периодом Хунну, а также с периодом Сяньби предгорий Ноён. По характеристике данных артефактов между артефактами Хунну и Сяньби имеют одинаковые, но являются особыми, значительными находками. Их отнесли к носителям культуры прямоугольной могилы.

Для научно-исследовательской работы средства были выделены из бюджета аймака. Найденные артефакты будут храниться в аймакском музее. В краеведческом музее аймака археологических артефактов не очень много. Поэтому исследовательская работа Айраг гозгор накапливает археологические артефакты к фонду сокровищ и имеет первые коллекции, с возможностью главного открытия в археологических исследованиях Монголии. В дальнейшем археологи Национального музея Монголии совместно с местным самоуправлением и с институтом «Маргад» продолжают исследовательскую работу по выявлению и сохранению историко-археологического наследия.

В отношении достопримечательного места Айрагийн гозгор, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам. Вопрос музеефикации одиночных памятников археологии является одним из наименее разработанных аспектов как на монгольской территории музеефикации, так и практически в Сибири. В свете рассматриваемой проблематики, правовые нормы определяют условия и возможные мероприятия по сохранению объектов археологического наследия. Последовательность же их применения может быть установлена лишь с позиции научной методологии, основанной на практическом опыте реализации мероприятий по музеефикации памятников археологии [Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие». Электронный ресурс].

Список источников и литературы

Закон Монголии «Об охране культурного наследия» от 15 мая 2014 г.

Ефремова Е. В. Музеефикация объектов археологического наследия в свете современного российского законодательства // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 387. – С. 84–90.

Мартынов А. И. Методы археологического исследования. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.

Отчёт экспедиции айрагийн Гозгор. – Маргад, 2015.

Российская музейная энциклопедия. Т. I. – М.: РИПОЛ классик, 2001.

Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие». Официальный сайт. - <http://www.archaeology-russia.org/laws/ets143.shtml>

Т. И. Кимеева

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: tat-kimeeva@mail.ru.*

АНИМИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НА КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ ШОРЦЕВ

В данной работе впервые на основе материалов научного архива Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета интерпретированы анимистические образы духов-тёсей шорцев, не описанные до настоящего времени в научных публикациях. Определена роль данных мифических персонажей в традиционном мировоззрении шорцев.

Ключевые слова: музейное собрание, историко-культурное наследие, шорцы, анимистические образы.

T. I. Kimeeva

*Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

ANIMISTIC IMAGES ON CULT OBJECTS OF THE SHORS

This paper presents the first attempt at interpretation of the animistic images of the Shor spirits-tos' (which have never been described in scientific publications before) on the materials from the scientific archive of the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University. The role of these mythical characters in traditional world outlook of the Shor people is specified.

Keywords: Museum collection, historical and cultural heritage, the Shors, animistic images.

Музейные собрания, включающие коллекции, фотоархивы и документальные архивы, являются компетентными источниками по историко-культурному наследию, которое в естественной среде в условиях современности можно считать руинированным. Особый интерес в собраниях музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ представляют предметы изобразительного искусства шорцев – коренного малочисленного народа, населяющего горнотаёжную местность юга современной Кемеровской области. Изобразительное искусство может считаться особым проявлением народной культуры, будучи сформировано на основе древних мифологических представлений и верований. Как отмечал известный сибиревед Л. П. Потапов, «религия подчас является богатейшим музеем древних обычаев» [Потапов, 1936].

Изобразительное искусство шорцев представлено целым рядом рисунков, нанесённых на шаманские бубны и костяные детали орудий охоты. Среди них многочисленные антропоморфные и зооморфные изображения, рисунки светил, почитаемых деревьев и предметов шаманского культа, в разное время охарактеризованных исследователями материалов музейных собраний. Так, С. В. Ивановым в 1950-е гг. среди рисунков бубнов других народов Саяно-Алтая были описаны и изображения на шорских бубнах, хранящихся в коллекции Музея Антропологии и этнографии им. Петра Великого [Иванов, 1954, с. 661–675; 1955, с. 165–265], систематизация этих рисунков наряду с изображениями на бубнах из коллекций сибирских музеев гг. Томска, Омска, Новокузнецка, Новосибирска, Кемерово была осуществлена нами [Кимеева, 2007, с. 145–150, 240–241; 2015, с. 113–122].

Представляется интересным в данной работе рассмотреть не освещённые в научной литературе анимистические образы, зафиксированные в рисунках А. В. Анохина в начале XX в. и Н. П. Дыренковой в 1920-е гг. Скопированные в 1970-е гг. кузбасским этнографом В. М. Кимеевым материалы архивов этих знаменитых исследователей юга Западной Сибири хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ [Кимеев / Архив музея, Д. 856–28].

Анимистические образы – символические изображения мифических существ, связанных с силами природы и способных оказывать влияние на человека, имели широкое распространение в изобразительном искусстве шорцев. В традиционном мировоззрении этого народа основное

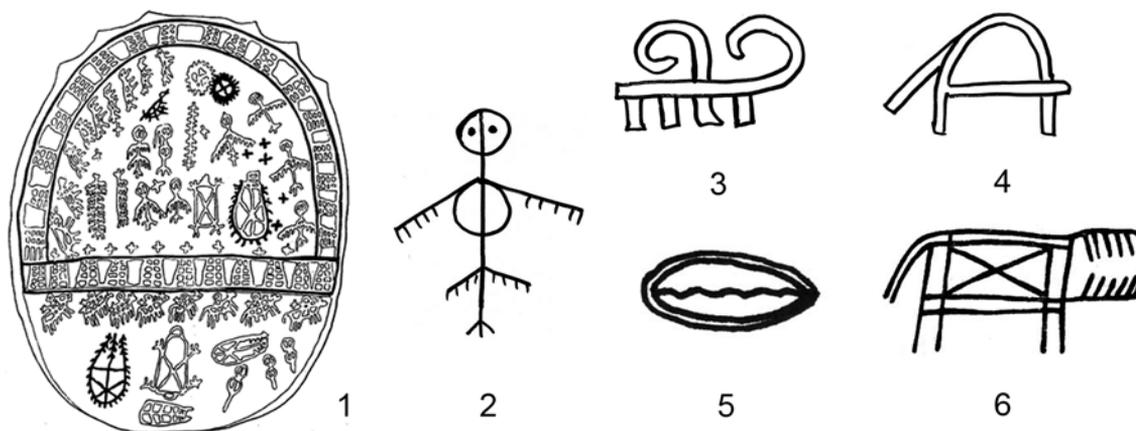

Рис. 1. 1 – Зарисовка бубна А. В. Анохиным. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. 2 – Изображение зарницы Ыш кулаташтыг чарык шолбан. 3 – Изображение горных духов-төсей. 4 – Изображение духа воды Улай днос. 5 – Изображение духа Кар-Балык в виде миндалевидной фигуры. 6 – Изображение Кар-Балык в виде четырёхногого чудовища.

место занимал анимизм, вследствие чего здесь сформировался целый ряд духов-төсей (рис. 1: 1), чьи изображения наносились на культовые предметы, преимущественно шаманские бубны. При интерпретации анимистических рисунков из музейного архива, учитывалось, что каждый образ наделён особой семантикой, отражающей смысл известных в древности предкам шорцев мифологем, связанных с культовой практикой.

Н. П. Дыренкова на основе собранных ею в 1920–30-е гг. на территории Алтае-Саянского нагорья материалов, отмечала, что особое место как в фольклоре и религиозных представлениях, так и в обрядах и культе шорцев занимают вода и горы, причём гора мыслится как единое целое с лесом (тайгой). В культе воды, гор и леса алтайско-саянских тюрков «нашли отражение две последовательные стадии религиозного развития: аниматизм и анимизм: горы и реки рассматриваются как живые, волеспособные существа и наряду с этим духи гор и рек действуют и вступают в определенные взаимоотношения с людьми, не теряя своей связи с горой и рекой» [Дыренкова. Эл. ресурс].

Особое почитание гор и леса Н. П. Дыренкова считает естественным для народов, в основе хозяйства которых – охота в таёжной зоне Алтае-Саянского нагорья. В культуре этих народов сформировались культ гор и леса, покрывающего эти горы, а также связанные с ним охотничьи обряды. То есть, естественные условия, в которых возникли и развивались культы воды, горы и леса и их хозяев. «Небесные духи, в частности Ульгень, слишком далеки; они мало вмешиваются в повседневную жизнь людей, и поэтому алтайско-саянские турки обращаются к ним редко. Наоборот, с хозяевами гор, воды и леса, живущими тут, в земле, в близком соседстве с человеком, приходится сталкиваться ежедневно: от них зависят удача и неудача на промысле, жизнь и благополучие скота, улов рыбы и т. д. – и установить с ними хорошие отношения крайне важно и насущно. Вот почему культ этих хозяев особенно ярок и представления о них конкретны, а фольклор насыщен рассказами о них. Эти духи-хозяева... представляют собой особую совершенно самостоятельную категорию духов, не находящуюся ни в какой связи ни с Ульгением, ни с Эрликом. Согласно же древним космогоническим легендам алтайцев, посланцы Ульгения свергли с неба Эрлика, а за ним посыпались его слуги. Они упали на горы, реки, леса и стали хозяевами их... Представления о воде, горах и лесе и культ их отличается особой примитивностью: 1) в представлениях о хозяевах гор, рек и воды нет отчетливой дифференциации на добрых и злых. Обычно эти духи относятся к человеку хорошо или дурно в зависимости от его отношения к ним. Лишь медленно и постепенно выделяются среди них особо добрые духи, а главным образом – злые; 2) представления о воде, горе и лесе до болезненности реальны, хозяева их мыслятся вполне конкретно; 3) между человеком и этими хозяевами устанавливаются непосред-

ственные и интимные взаимоотношения; 4) жертвоприношения этим духам наиболее просты и наглядны. Они осмысливаются как кормление. Обхождение с духами просто, не требуется обязательного присутствия шамана [там же].

Исследование материалов музейного архива позволило выявить три группы анимистических образов, не отражённых в научных публикациях, характеризующих связь людей с небом, горами и водой. Что касается почитания неба, то специализированного небесного духа, кроме властителя верхней части мира Ульгения, у шорцев не зафиксировано. Как правило, это духи, соединяющие небо и землю с находящимися на ней горами и реками. Кроме традиционно изображаемых светил в виде кружков с отходящими от них лучами и без них, в верхней сфере шорских бубнов, символизирующей небесную сферу, отмечен полиморфный образ. Похожее обозначение тóся С. В. Ивановым отмечено в составе рисунков, обозначающих птиц, хотя в своей работе он выделяет и группу изображений, определённую им как «фантастические существа» [Иванов, 1954, с. 671, 673]. В архивных материалах А. В. Анохина подобное изображение зафиксировано как полиморфное существо – трёхсаженная зарница «ўш кулагаштыг чарык шолбан», сочетающая в себе черты человека, птицы и почитаемого дерева. Через всю фигуру проходит вертикальная ось с тремя ответвлениями в нижней части, характерными для изображения корневища священного дерева. Круг в верхней части с глазами-точками по обеим сторонам пересекающего его стержня характерен для прорисовки на бубнах антропоморфных духов, также как и круглое туловище. Расположенные в верхней части туловища и ниже него руки-ветки придают фигуре сходство и с птицей, и с деревом (рис. 1: 2).

Наиболее ярко в духовной культуре шорцев выражен культ почитания гор, представленный у них в ранних архаических формах и носивший родовой характер. По представлению шорцев, горы являются живыми существами, которые могут вступать в различные взаимоотношения и друг с другом, и с людьми. Отдельные горы находятся между собой в дружеских отношениях, сватают друг у друга невест для своих сыновей, ходят друг к другу в гости, например из Кузнецкой тайги к абаканским горам [Дыренкова. Эл. ресурс]. В весеннее время с пробуждением природы, по мнению шорцев, «открывались» двери обители хозяина горы, из которых выходили его сыновья и дочери, начиная перекликаться между собой, являясь охотникам и распуская зверей по тайге [там же]. Духи гор являются наиболее почитаемыми по той причине, что от них зависит удача на охотничьем промысле а, следовательно, все благополучие семьи шорского охотника.

Культовые действия в обрядах почитания гор заключались в бескровных жертвоприношениях духу родовой горы на перевалах по дороге на промысел, где горным тóсям производились кропления «талканом» (толокном), замешанным на воде. По прибытии на промысловый стан, шорские охотники ежедневно приносили родовой горе жертву, бросая по направлению к ней кусочки варёного мяса, брызгая чаем, супом, абырткой [Потапов, 1936].

В научной литературе отражен тот факт, что горы изображались на шорских бубнах в виде зигзагообразной линии или цепи треугольников. Обычно хозяин горы мыслится всеми тюркоязычными народами Саяно-Алтая в антропоморфном образе. Значительно реже встречается представление о нём как о медведе необыкновенной величины и силы, с особыми пометками на шерсти [Дыренкова. Эл. ресурс].

Уникальным является нестандартная прорисовка духов гор, скопированная А. В. Анохиным в первой четверти XX в. с бубна шамана Ивана из улуса Абинского, расположенного в трёх верстах от Кузнецка. В данном случае горные тóси нарисованы как мифические существа с обозначенными двойной линией: длинным тонким туловищем, четырьмя ногами, изогнутой как у змеи обращённой назад головой и почти симметричным ей отростком в центре спины (рис. 1: 3). Аналогий с описанными в научной литературе рисунками на предметах культа шорцев нет. Однако, можно усмотреть в данном образе фигуру мифического медведя.

Духи воды были почитаемы в течение всего периода, когда реки освобождены ото льда. Шорцы, живущие по р. Кондоме, во время вскрытия реки всем улусом выходили на берег и умывались, считая что это принесёт им здоровье на весь текущий год, умывшись, обводили вокруг головы трижды куском хлеба и бросали его в реку, брызгали вверх алкогольный напиток в честь хозяина воды. Мрасские шорцы весной и осенью выходят на берег Мрассу и её притоков

и кропят в воду, почтительно кланяясь реке. В период рыболовных сезонов у реки придерживались определённых запретов: не сквернословить, не шуметь, не говорить ничего обидного в адрес хозяина воды. Для общения с духом воды у шорцев даже существовал особый язык, который сохранялся в тайне для того, чтобы он не потерял силы [Дьяконова, 2007, с. 148].

Многочисленны зафиксированные исследователями в начале XX в. рисунки духов, связанных с водной стихией. Водные духи обитают в преисподней, там же, где и души умерших людей. Шорцы узёт (душу умершего человека) отправляют на запад вниз по реке в мир мёртвых. В подземном море сыновья Эрлика управляют чудовищами. «Как некоторые сыновья (караш) Эрлика, так и водные чудовища являются духами-помощниками шаманов (изображение их в виде подвесок имеется на шаманских костюмах)» [Дьяконова, 2007, с. 135].

Традиционно в научной литературе изображение воды представлено волнистой линией или зигзагом со скруглёнными углами. Гора и вода являлись главными объектами почитания во время весеннего обряда, проводимого после освобождения реки ото льда. Мрасские шорцы весной и осенью массово выходили на берег и совершали кропление алкогольным напитком духу воды. Кондомские шорцы во время ледохода умывались водой, обводя куском хлеба вокруг головы, чтобы быть здоровым весь год. Хлеб затем бросали в воду [там же, с. 149].

В архиве музея КемГУ зафиксирована нестандартная прорисовка духов воды как мифических образов, носивших имя Сулай днос, изображаемых непременно в количестве четырёх фигур. В основе каждой из них – арка из двойной линии, пересечённая горизонтальной прямой. Другая прямая расположена под углом с правой стороны арки (рис. 1: 4).

Связь с водой отражена и в рисунках других духов-тёсей, олицетворяющих чудовищных рыб Кар Балык/Палык и имеющих самые разнообразные воплощения. На ряде обследованных ранее бубнах из музейных коллекций Кар Балык нарисована двойной линией в виде овальной фигуры, линии изображения которой не сомкнуты с одной из узких сторон. Внешняя линия прорисована чёрной краской с торчащими по внешней стороне пучками щетины (по мнению А. В. Анохина – кабана), внутренняя изображена красной краской. Кроме того, внутри помещена горизонтальная зигзагообразная линия, которая может означать как острые зубы существа, так и его внутренности. На других бубнах внутренняя полость Кар Балык пересечена сеткой, либо косым крестом (рис. 1: 1). С. В. Ивановым, на основе коллекционных описей Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, данный персонаж включен в группу «фантастических животных» [Иванов, 1954, с. 673].

В архивах, составляющих часть музейного собрания, имеются совершенно иные прорисовки и трактовки этого могущественного тёся. Так, на бубне из Абинского улуса интересным является и тот факт, что Кар Балык снабжена эпитетом талайдын (морская) и изображена в виде пересечённой по горизонтали миндалевидной фигуры, которая встречается не только на бубнах, но и на деталях одежды, утвари шорцев (рис. 1: 5). А. В. Анохиным выполнена ещё одна зарисовка Кар Балык в виде четырёхногого мифического существа с прямоугольным пересечённым косым крестом туловищем, опущенным вниз хвостом и раскрытой, усаженной зубами пастью (рис. 1: 6).

По материалам Л. П. Потапова, рисунки рыб считались воплощением водяного духа и обладали способностью вызывать болезни у людей, не почитающих духов воды [Потапов, 1991, с. 194]. Относительно Кар Балык Л. Э. Каруновская утверждает её прямое отношение и к другой чрезвычайно важной для шорцев стихии – горам. Дух в образе огромной рыбы Кар Балык поддерживает на себе горы, а внутри у него находятся души-зародыши детей и скота. По мнению исследовательницы, представления об огромной рыбе Кар Балык (в интерпретации других исследователей – Кер-Балык, Кер-Палык) широко распространены в шаманистской мифологии алтайцев, включая шорцев. Согласно легендам отдельных народов Сибири, отверстие пасти фантастических рыб-чудовищ верхней губой касаются неба, а нижней – земли. Одна из них испускает холод, порождая осень и зиму; вторая – тепло, вызывающее приход весны и лета. По поверью алтайцев, Ульгень, сотворивший Вселенную, утвердил её на трёх рыбах, именуемых Кар Балык. Одна из них располагается в центре земли, две – по бокам от неё. По сведениям, полученным Л. Э. Каруновской у шаманов Саяно-Алтая, Кар Балык обитает в молочном озере,

находящемся на вершине горы, что возвышается в центре земли [Каруновская. Эл. ресурс]. В. П. Дьяконова пишет о том, что Кар Балык является хозяином красного озера [Дьяконова, 2007, с. 131]. По наблюдением Н. П. Дыренковой Кер-палык'ом особенно часто называют хозяина воды в молитвах, в частности при весенних жертвоприношениях [Дыренкова. Эл. ресурс].

Таким образом, исследование материалов архива музея «Археология, этнография и экология Сибири» раскрывает новые образы в изобразительной традиции шорцев, связанные с их культовой практикой. Полученные результаты предполагается использовать в музейной деятельности при актуализации историко-культурного наследия шорцев, подразумевающей как их реконструкцию, так и включение в современное культурное пространство музейными средствами.

Список источников и литературы

- Дьяконова В. П.* О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 127–150.
- Дыренкова Н. П.* Вода, горы и лес по воззрению турецких племен Алтае-Саянского нагорья [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_05.pdf.
- Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии. Т. XXII. – М.-Л.: 1954. – С. 661–675.
- Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии. Т. XVI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 165–265.
- Каруновская Л. Э.* Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>.
- Кимеев В. М.* Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101– С. 576– 578 / Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Д. 856–28, лл. 1–12.
- Кимеева Т. И.* Семантика рисунков на шорских бубнах (по материалам коллекций музеев России) // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1998. – С. 134–136.
- Кимеева Т. И.* Типология декора в традиционном искусстве шорцев: по материалам музейных собраний // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 24. – С. 75–79.
- Кимеева Т. И.* Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 295 с.
- Кимеева Т. И.* Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Сибири: на примере шорцев. – Кемерово: ТД «Азия-Принт», 2015. – 278 с.
- Потанов Л. П.* Охота // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Потанов Л. П.* Алтайский шаманизм. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – 321 с.

Л. А. Кравцова

Лаборатория истории угольной промышленности Кузбасса, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук Кемерово, Россия
e-mail: kravtcovala@yandex.ru

**ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ УГЛЯ ФИЦ УУХ СО РАН В
РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА**

В статье рассмотрен практический опыт выставочной деятельности Музея угля, являющегося представителем сети академических музеев Сибирского отделения Российской академии наук в Кемеровской области. Анализ данного направления работы показал её значимость при решении комплекса задач, связанных с включением деятельности музея в актуальную культуру региона.

Ключевые слова: *Музей угля, научный музей, популяризация знаний, выставочная деятельность, интеграция музея в региональное пространство.*

L. A. Kravtsova

Laboratory of the History of Kuzbass Coal Industry, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Kemerovo, Russia

**THE EXHIBITION ACTIVITY OF COAL MUSEUM OF FRS CCC SB RAS
IN IMPLEMENTING THE STRATEGY OF INTEGRATION
INTO SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION**

The article considers practical experience of exhibition activity of Coal Museum. The Museum is a representative of academic museum network of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Kemerovo region. Analysis of this field of activities showed the significance of work in solving the tasks connected with integration of museum activity into actual culture of the region.

Keywords: *Coal Museum, scientific museum, knowledge popularization, exhibition activity, integration museum into regional space.*

Современные исследования в области музеологии отмечают значительный всплеск интереса общества к музеям, которые несмотря на сложности переходного периода 1990-х годов, сумели не только доказать свою жизнеспособность в условиях мировоззренческих трансформаций, но и найти для себя различные направления деятельности, позволившие сохранить социальный статус и возможность влияния на формирование культурных процессов. Музей как исторически сложившийся социокультурный институт имеет целый комплекс специфических средств, с помощью которых успешно реализуются направления, избранные для каждого отдельного музея как наиболее важные.

«Картина музейного мира страны» в XXI веке приобрела новый облик, определяемый профильным многообразием, формой организации, сферой влияния, типом музеефицированного объекта, а также доминирующим предназначением музея [Музейное дело России, 2010, с. 178, 239–251]. Однако следует подчеркнуть, что одну из самых крупных музейных сетей в нашей стране составляют академические музеи [Музеи научных центров ..., 2009, с. 11], основной задачей которых на протяжении последних двух столетий является служение науке и сохранение её истории [Сотникова, 2002, с. 7]. В то же время на современном этапе Российская академия наук определила в Уставе цели и задачи своей деятельности, реализация которых невозможна без активного участия музейного сообщества данного ведомства. Присутствие в нормативно-правовом документе таких идеологически значимых направлений деятельности как «распространение научных знаний и повышение престижа науки», «популяризация и пропаганда науки, научных знаний, достижений науки и техники» [<http://www.ras.ru/about/rascharter/tasks.aspx>] во

многим способствовали переосмыслению политики приоритетов научных музеев во внешнем взаимодействии с широкой общественностью.

Так, результатом формирования новых установок на развитие коммуникативных форм работы, имевших ранее не столь актуальное значение для академических музеев, стала заметная активизация выставочной деятельности, ориентированной на выход во внемузейное пространство с целью популяризации фундаментальных знаний, выполнения миссии своеобразного информационного моста между фундаментальной наукой и массовой аудиторией [Музеи научных центров ..., 2009, с. 11] и, как следствие, продвижение музея в региональное пространство и повышение престижа науки.

В динамике вышеназванных процессов в деятельности Музея угля Федерального исследовательского центра угля и углехимии последнего периода, выставочная работа приобрела более важное значение. Пристальное внимание к разработке выставочных проектов, позволяющих выйти за рамки профессионального сообщества, потребовало пересмотра их тематики в сторону общегражданской направленности, использования современных презентационных возможностей и экспозиционных решений, более тщательного анализа потенциального музейного посетителя. Эти усилия способствовали расширению аудитории, которая, во многом благодаря выставкам, помимо корпоративного круга и целевой студенческой аудитории значительно пополнилась школьниками младшего и среднего звена, людьми старшего поколения, ветеранами угольной отрасли, профориентационно заинтересованной аудиторией.

В контексте данного рассмотрения следует отметить серию выставок, осуществлённых в рамках дней открытых дверей, приуроченных к профессиональным праздникам – Дню Российской науки и Международному дню музеев. Объединение двух форм культурно-образовательной работы: свободное посещение и презентация выставки, по мнению сотрудников Музея угля, усиливали эмоциональный фон праздничного общения в музейном пространстве и позволяли находить гораздо большее количество общих тем для обсуждения с посетителями мероприятий. Так, показательными в этом отношении стали две выставки, подготовленные и проведённые к Дню российской науки в 2015 г. Одной из них стала выставка-презентация Геологической карты Кузбасса 1925 года, посвящённая 90-летию её издания. Занимая в структуре экспозиционного показа важное информативное значение, демонстрируемая на выставке карта в рамках профессионального праздника наиболее репрезентативно представила фундаментальное значение геологической науки в развитии крупнейшего угольного центра России, которым сегодня является Кемеровская область. Научно-информационный потенциал центрального экспоната раздела «К истории научных исследований Кузнецкого бассейна» наиболее полно был раскрыт в тематическом докладе, сопровождаемом визуальными электронными материалами. Осуществление подобного выставочного проекта в рамках Дней открытых дверей согласовывалось с профильной спецификой Музея угля и отражало общую для академических музеев коммуникационную направленность экспозиционно-выставочной деятельности, ориентирующейся «на глубокое и прочное внедрение в общественное сознание, в широкие слои населения главного принципиального положения, суть которого в том, что академическая наука – главная движущая сила всех направлений прогресса» [Байкова, 2002, с. 117].

Музей угля, поддерживая сложившуюся в музейном сообществе традицию открывать свои двери всем гостям в Международный День музеев, несмотря на сложную количественную, социальную и возрастную прогнозируемость аудитории, планирует к этому мероприятию ежегодные выставки, которые становятся интересны разнообразным категориям посетителей. Так, например, в 2016 г. вниманию экскурсантов в рамках Дней открытых дверей была предложена яркая по содержанию выставка «Камни и легенды». Её основу составили сувениры и поделки из личных коллекций, выполненные из оникса и малахита, нефрита и янтаря, яшмы и агата, лазурита, обсидиана, халцедона, известняка, амазонита, авантюрина, змеевика благородного, розового кварца, лунного камня, тигрового глаза, лабрадорита, селенита, сердолика. Камень – одно из удивительных проявлений геологического строения планеты, доступная человеку грань литосферы Земли. Преобразование камня в узнаваемую визуальную форму делает его частью нашей жизни и в процессе знакомства с выставочными экспонатами приводит к осознанию единства человека и природы. Логичным сегментом выставки стала серия книг «Великие музеи мира», представленная 26 иллюстрированными томами, каждый из которых посвящен одному из всемирно известных музеев.

В организации выставки, посвящённой Международному дню музеев-2014, сотрудники Музея угля сделали акцент на популяризацию науки, поскольку решение именно этой задачи позволит выполнить важнейшую социальную миссию академического музея, определённую Уставом Российской академии наук. Выступая транслятором достижений профильной науки, музей посредством выставки «Микрокосмос в угле» предпринял попытку раскрыть значение угольной науки в освоении природных ресурсов планеты, их рациональном использовании и, как следствие, воздействовать на нравственную составляющую в аспекте экологического воспитания. Основанная на принципе интерактивности, выставка вызвала большой интерес у младших школьников, что явилось фактом подтверждения успеха достижения поставленной цели – в доступной форме передать научные знания. Используя полевой микроскоп, специально сформированную коллекцию угольных шлифов, сопроводительную компьютерную презентацию, даже неподготовленному посетителю удалось постичь азы современных научных представлений об угле, его генезисе и разнообразных направлениях использования [Кравцова, 2013, с. 103].

Одним из наиболее масштабных проектов Музея угля 2015 г. стала выставка, посвящённая 70-летию Великой Победы, которая осуществлялась на волне общегражданского подъёма и патриотизма всего российского общества и вовлекла в процесс воплощения проекта всех сотрудников Института угля Сибирского отделения Российской академии наук, их близких и дальних родственников, проживающих как в Кузбассе, так и в пределах всей России. В основу выставки «Военно-историческое наследие Великой Отечественной войны в семейных архивах сотрудников Института угля СО РАН. ПОМНИМ, ЧТИМ, ХРАНИМ...» легли подлинные документы семейных архивов: награды за боевые заслуги, книжки красноармейца, справки о ранениях, фронтовые письма, «похоронки» и Извещения о пропавших без вести бойцах. Дополнением к представленным аутентичным свидетельствам военного времени стали выставочные разделы книг современных авторов о Великой Отечественной войне и научных изданий по горному делу военного периода, а также сведения электронного информационного ресурса «Мемориал» портала документов Второй мировой войны «Память народа».

Следует отметить важность использования Интернет-средств в выставочной работе любого музея, которая стала традиционной афишей и опубликованным оперативным отчётом о полученных результатах. Так, в столь важном проекте как выставка «Военно-историческое наследие Великой Отечественной войны в семейных архивах сотрудников Института угля СО РАН. ПОМНИМ, ЧТИМ, ХРАНИМ...» ещё до её открытия все собранные письменные материалы были отсканированы в полном объёме, предметы-подлинники сфотографированы, проведено интервьюирование родственников, собраны наиболее полные воспоминания, рассказы, передаваемые из поколения в поколение, воспроизведённые в виде сопроводительных текстов, они стали ценной содержательной составляющей экспозиционного решения. Вся совокупность материалов была оформлена в виде электронной презентации и в преддверии открытия размещена на сайте Института с целью пропаганды подлинной истории Великой Отечественной войны, патриотического воспитания, донесения реликвийной ценности подвига советского народа в войне, привлечения музейных посетителей, а также для предоставления возможности заочного виртуального ознакомления всех родственников сотрудников Института угля, проживающих в разных частях России. Начавшись как локальный проект учреждения, выставка благодаря массовому участию смогла «виртуально» выйти далеко за пределы границ организации, объединив не только разные поколения людей, но и соотечественников, территориально охватывающих пространство страны. Кроме того, анонсирование позволило значительно увеличить аудиторию посетителей выставки непосредственно в пространстве музея. Притягательность подлинников, их музейная интерпретация, живое общение с аутентичным предметом, в данном случае документом войны – письмом солдата, однополчанина, «похоронкой», наградным листом или приказом военного времени, включенными в экспозицию, создают «чисто музейный психологический феномен – ощущение причастности» [Мастеница, 2015, с. 113] и трансформируют ценностные ориентиры участника процесса в сторону духовно-нравственного оздоровления. За период её действия многочисленную аудиторию составили ветераны, студенты, школьники г. Кемерово, работники коллектива Кемеровского научного центра и их семьи.

Говоря о приоритетности выставочной деятельности в практике Музея угля в последнее время, следует подчеркнуть существенную роль включения в её реализацию новых информационных технологий, позволяющих «позитивно повлиять не только на внутренний производст-

венный процесс в музее, но и на сам имидж музейного предмета, а стало быть – и на статус музея в целом» [Загоскин, Кижнер, 2002, с. 394]. Именно в русле такого подхода, а также с учётом широких современных возможностей Интернет-пространства, сотрудниками музея была реализована виртуальная выставка «Уголь – наш символ, источник вдохновения, достояние и память», задачей которой стала репрезентация ценностных ориентиров профессионального горняцкого сообщества, актуализация духовно-нравственного потенциала столь сложной сферы человеческой деятельности, какой испокон веков является добыча угля, являющаяся базисом формирования региональной шахтёрской идентичности.

Успех созданного Музеем угля виртуального выставочного проекта «Уголь – наш символ, источник вдохновения, достояние и память» стал возможен благодаря популярной в профессиональном горняцком сообществе угольной тематике, массовости аудитории, обеспеченной пространством Интернета, методологически музейным подходом, а также использованием современных 3D-технологий при оцифровке коллекции сувениров на угольную тему, представленных на выставке. В реализации этой виртуальной выставки необходимо отметить важность взаимодействия музеев разного уровня, ведомственной принадлежности и профиля. Так, например, благодаря возможности технической поддержки и учёта опыта специалистов музея-заповедника «Томская Писаница», было оперативно осуществлено пространственное сканирование предметов коллекции сувениров. Налаженные связи в процессе творческой работы в дальнейшем неоднократно давали плодотворные результаты совместной деятельности. Следует подчеркнуть, что данный проект стал в феврале 2015 г. резонансно успешным в Интернет-пространстве. Многие официальные сайты («Росинформуголь. Российский уголь», «Томская Писаница. Историко-культурный и природный музей-заповедник», «МедиаКузбасс») заметили данное событие и интересный опыт Музея угля, разместив информацию о выставке со ссылкой на сайт института и музейную страницу, что позволило значительно расширить границы музейной аудитории, а главное, не только апробировать новую форму популяризации научного наследия угольной отрасли в современном информационном пространстве, но и практически в режиме on-line получить положительный отзыв на реализованный замысел.

Современное музееведение отмечает, что сегодня как никогда «музеи осознают необходимость выхода в окружающую среду, предпринимают попытки начать её освоение» [Шляхтина, Мастеница, 2001]. Вступив на путь создания нового имиджа, соответствующего потребностям современного человека, музеи пересматривают принципы работы, используют разнообразный арсенал средств для привлечения потенциальных посетителей, что в целом способствует укреплению позиций музея в обществе [там же]. В осуществлении этой задачи необходимым инструментом является выставка. Освещая разнообразие форм выставочной работы небольшого по масштабу собрания и экспозиционной площади академического музея, каковым является Музей угля, необходимо сказать, что поиск концептуальных форм выставочных решений способствовал рождению идеи фотовыставки, представленной не в музее, а на страницах федерального отраслевого журнала «Уголь Кузбасса» [Академический музей, 2014, с. 72–75]. Важность этого проекта обусловлена ориентацией на внимание целевой профессиональной аудитории горняков-угольщиков, которая с членами их семей по данным журнала «Уголь» насчитывает в России около 700 тысяч человек [Таразанов, 2016, с. 58]. Представленная широкому кругу читателей визуальная музейная информация готовилась особенно тщательно, основной акцент делался на тематическое разнообразие передаваемых смыслов, экспрессивность отобранного фоторяда, точную лаконичность подписей и сопроводительного текста, которые в совокупности определяли заочное впечатление о Музее угля. Подобный выход к требовательному профессиональному кругу читателей имел определённые цели – привлечение внимания к проблеме сохранения социального опыта шахтёрского сообщества, целенаправленное формирование престижа академической науки в современном обществе, интеграция музея в социокультурное пространство углепромышленного региона.

Активизация выставочной деятельности, ориентированной на выход за рамки экспозиционно-выставочной площади, способствовала осуществлению нескольких совместных с другими музеями проектов. Так, например, объединённая передвижная выставка «Угольный Кузбасс», приуроченная ко Дню Шахтера-2015, осуществлялась в тесном сотрудничестве с Историко-культурным и природным музеем-заповедником «Томская Писаница». Её открытие состоялось на торжественной встрече ветеранов угольной отрасли Кузбасса в городской публичной библио-

теке «Диалог». Сотрудниками музея для проекта была подготовлена аннотированная коллекция угольных образцов всех известных технологических марок, составляющих природно-ресурсное ядро Кемеровской области, сформирована коллекция «Фотопортрет современного угольного Кузбасса» из 18 фотографий. Следует сказать, что подобная совместная работа не только взаимно обогащает профессиональным музейным опытом, но и естественным образом формирует коммуникативный имидж академического музея и включает его в культурное пространство региона.

Накопленный Музеем угля опыт ещё раз доказывает, что для привлечения посетителя, внимания к научному музею необходимо гораздо более широкое поле деятельности, чем имеющаяся у музея стационарная экспозиция. Непременным условием получения положительного результата должно стать использование виртуальной коммуникативной среды и современных компьютерных технологий для обработки разнообразных музейных материалов, предметов, сведений [Кравцова, 2011, с. 183]. Сегодня успех такой деятельности может быть обеспечен использованием всех имеющихся возможностей научного музея и информационных каналов связи с аудиторией.

Таким образом, Музей угля, имевший ранее репутацию достаточно замкнутого института, в основном ориентированного на профессиональное сообщество, в последние годы успешно реализует проведение политики создания нового открытого информационно-коммуникативного музейного пространства. Потребность таких преобразований была обусловлена сформировавшимся в последние годы живым интересом посетителя нового поколения к научным знаниям и их универсальному значению в современной жизни. Пересмотр основных принципов экспозиционной и культурно-образовательной работы данного научного музея, определяющих такие стратегически важные направления, как расширение коммуникационных возможностей музея, популяризация фундаментальных знаний, повышение престижа науки и включение в формирование региональных культурных процессов, выявил высокую значимость выставочной деятельности, которая во многом способствовала решению целого комплекса вышеназванных задач и стала одним из важнейших инструментов реализации стратегии интеграции в социокультурное пространство Кемеровской области.

Список источников и литературы

- Академический музей // Уголь Кузбасса.* – 2014. – №3. – С. 72–75.
- Байкова О. Г.* О тенденциях развития музеев Сибирского отделения Российской академии наук // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. – Томск, 2002. – С. 116–118
- Виртуальная выставка угля.* Российский уголь: эл. период. издание. – URL: http://www.rosugol.ru/news/miscellanea.php?ELEMENT_ID=18879 ;
- Загоскин Д. В., Кижнер Е. Д.* Информатизация и перспективы формирования позитивного имиджа музея // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. – С. 393–395.
- Камни и легенды.* ИУ ФИЦ УУХ СО РАН: [сайт]. URL: http://www.icc.kemsc.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=361:международный-день-музеев&Itemid=2.
- Кравцова Л. А.* Использование информационных технологий Музея угля Института угля СО РАН в трансляции научных горно-угольных знаний // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31). – Ч. 1. – С. 181–184.
- Кравцова Л. А.* Взаимодействие Музея угля Института угля СО РАН с вузами Кемеровской области // Вестник ИрГСХА. – 2013. – № 57. – Ч. 2. – С. 101–104.
- Кравцова Л. А.* Уголь – наш символ, источник вдохновения, достояние и память: тематическая виртуальная выставка. Институт угля СО РАН: [сайт]. URL: http://www.icc.kemsc.ru/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=85&Itemid=242#exhibition.
- Мастеница Е. Н.* История в музее: методология познания и репрезентация // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М.: Этерна, 2015. – С. 102–117.
- Музеи научных центров и институтов* Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. – Новосибирск : НГУ, 2009. – 262 с.
- Музейное дело России /* Е. А. Воронцова, Ю. У. Гуральник, С. Ф. Казакова и др. – М.: ВК, 2010. – 676 с.
- Открытие тематической виртуальной выставки «Уголь – наш символ, источник вдохновения, достояние и память» в Музее угля ИУ СО РАН. Томская Писаница. Историко-культурный и природный музей-заповедник : [сайт]. – URL: <http://www.gukmztp.ru/more%20about%20news.html#178>.
- Сотникова С. И.* Музеология как междисциплинарное знание // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. – Томск : Изд-во Том. университета, 2002. – С. 5–18.
- Таразанов И. Г.* Итоги работы угольной промышленности России за январь-декабрь 2015 года // Уголь. 2016. № 3.
- Устав Российской академии наук.* Российская академия наук: [сайт]. URL: <http://www.ras.ru/about/rascharter/tasks.aspx>.
- Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н.* Музей и посетитель // Музеология. Культурология: [сайт]. URL: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=3&c_text=48.

КАТАЛОГИЗАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается процесс паспортизации и каталогизации в музеях Сибири в 1960–2000-е годы. Каталогизация этнографических музейных фондов Новосибирского, Тюменского областных краеведческих музеев, Омского государственного объединённого историко-краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Омского государственного университета и др.

Ключевые слова: музеология, каталогизация, паспортизация, музейные фонды, этнографические коллекции.

G. M. Patrusheva

F. M. Dostoevsky Omsk State University. Omsk, Russia

CATALOGING MUSEUM COLLECTIONS IN THE MUSEUMS OF WESTERN SIBERIA AT PRESENT

The article discusses the process of certification and cataloging of museum collections in Siberia in the 1960–2000s. The author examines cataloging process of ethnographic museum funds of Novosibirsk, Tyumen Regional Museums of Local History, Omsk State United Museum of History and Local Lore, Museum of Archaeology and Ethnography of the Omsk State University and others.

Keywords: museology, cataloging, certification, museum funds, ethnographic collections.

Каталогизация музейных предметов является одной из форм научно-фондовой деятельности музейных учреждений. Принятое в 1965 г. «Положение о музейном фонде Союза ССР» и приказ Министерства культуры СССР от 26 января 1965 г. о подготовке к изданию научных каталогов Музейного фонда Союза СССР послужили отправной точкой для разработки схем научного описания предметов научного хранения [Музейный фонд СССР, 1973; Типовые схемы описания этнографических предметов..., 1975]. Появились и научные работы по данной тематике [Зернова, 1978; Изучение и научное описание..., 1972; Музейное дело в СССР, 1973; Обзоры научных каталогов... 1971, с. 64–93].

В данной статье мы рассматриваем развитие процесса каталогизации в музеях Сибири. В качестве источников использованы различного рода печатные каталоги. В музеях Западной Сибири вопросы каталогизации музейных предметов возникли в связи с формированием фонда Омского музея Западно-географического общества в 1878 г. Первые описания музейных предметов сделали этнограф С. П. Швецов и учёный А. Е. Новосёлов. В 1960–1970-е гг. проводилась паспортизация в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Группа исследователей: Н. В. Лукина, Н. А. Томилов, В. М. Кулемзин, Т. Н. Никитина, А. М. Сагалаев, Д. П. Славнин, В. Д. Славнин, М. С. Усманова – подготовили и выпустили в свет каталог музейных предметов [Каталог этнографических коллекций..., 1979; 1980].

В 1980-х гг. разработана новая форма научного паспорта в Новосибирском областном краеведческом музее [Богомолов, Копытова, Томилов, 1987, с. 5–7]. Такой паспорт был использован при подготовке каталогов серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев».

Каталогизация музейных фондов Новосибирского, Тюменского областного краеведческого музея, Омского государственного объединённого исторического и литературного музея (в настоящее время Омского государственного историко-краеведческого музея), Музея археологии и этнографии Омского государственного университета началась с работы группы этнографов под руководством Н. А. Томилова. За эти годы было подготовлено и издано более 20 томов каталогов по культуре и быту народов Азии, Европы, Океании, Северной Америки и Сибири, издан-

ных в серии «Культура народов мира в этнографических коллекциях российских музеев». Выполненная работа по каталогизации музейных коллекций в сибирских музеях сыграла важную роль для сохранения культурного наследия России.

С 1975 г. коллекции Омского государственного объединённого исторического и литературного музея планомерно вводились в научный оборот группой этнографов под руководством Н. А. Томилова, а с 1981 г. – в Новосибирском областном краеведческом музее. Было принято решение результаты проводимых работ издавать в виде серийных изданий. Первый том назывался «Народы Севера Сибири в коллекциях ОГОИЛМ» [Народы Севера Сибири..., 1986]. Он вышел двумя книгами: первая включала предисловие, очерк истории музея, объяснения структуры описания этнографических коллекций и предметов, описания предметов хозяйства и культуры хантов, манси, коми-зырян, ненцев, селькупов, кетов, эвенков, народов Амура, именной указатель собирателей, предметный указатель, список сокращений; вторая – иллюстративный материал (фотографии, рисунки, схемы). Иллюстрации были выполнены почти на все предметы. Вводная статья, где рассказывалось об истории музея, о его состоянии музея и задачах, написана Ю. А. Макаровым – директором музея и Н. А. Томиловым.

Указание этнической, тематической, хозяйственно-культурной принадлежности того или иного предмета обязательно при составлении каталога этнографических коллекций. При объединении материала в качестве основного классификационного принципа могут быть выбраны структурные блоки в соответствии с различными сферами хозяйственной и бытовой культуры [Коновалов, 1993, с. 155]. Тематическая группировка вещей сопровождается этнолингвистической и географической информацией. Таким образом подан материал, например, в «Каталоге коллекций отдела Европы в МАЭ» [Каталог коллекций..., 1982, с. 151–206].

В ОГОИЛМ была выбрана иная этнографическая структура каталога при классификации коллекций: деление предметов в соответствии с их регионально-этнической принадлежностью, а в границах раздела по народу, соблюдается деление на составляющие элементы хозяйственно-культурной системы этноса. Каталог дополняется иллюстративным приложением, сгруппированным в таблицы в соответствии с основной содержательной частью каталога.

Во второй половине 1980-х гг. издательством Томского университета были выпущены первые два тома каталогов, где второй том был посвящён хозяйству и культуре народов Южной Сибири (алтайцев, шорцев, сибирских татар, якутов), содержал статью В. Б. Богомолова и Н. А. Томилова об этнографическом фонде Омского музея и статью И. В. Захаровой об этнографической работе Западно-Сибирского отдела Русского географического общества [Народы Южной Сибири..., 1990]. Работа по научной каталогизации этнографических фондов музеев Сибири и подготовка серии книг с публикациями коллекций проводилась в нашей стране впервые, этот факт отметил А. П. Деревянко в письме министру высшего и среднего специального образования РСФСР академику И. Ф. Образцову от 10 июня 1987 г. от имени Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Тома серии помогли написать и подготовить московский исследователь В. И. Васильев, ленинградский учёный А. М. Решетов, исследовательница из Ташкента К. Ш. Хафизова, омские исследователи и сотрудники музеев Г. Г. Беляева, М. Л. Бережнова, В. Б. Богомолов, О. М. Бронникова, И. Н. Вирронен, С. А. Герасимова, И. В. Захарова, О. В. Камаев, Т. Г. Кобозева, Д. Г. Коровушкин, М. А. Корусенко, Г. М. Патрушева, С. Ю. Первых, М. А. Плахотнюк, Т. В. Раскевич, В. В. Реммлер, Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов, С. Н. Третьяков, А. Трибунский, Г. И. Успенъев, Л. Чередников и Л. Т. Шаргородский. Ответственными редакторами разных томов были московские учёные И. С. Гурвич, А. А. Лебедева и И. В. Захарова, Н. А. Томилов (Омск).

Коллектив омских этнографов постоянно сотрудничал с ведущими музеями страны: Государственным историческим музеем (Москва), Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей), Музеем этнографии и антропологии им. Петра Великого АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), Музеем истории религии и атеизма (Санкт-Петербург) и учёными, рецензирующими некоторые тома, среди них Р. Ф. Итс и А. В. Коновалов, О. Г. Гордеева и М. Я. Жорницкая (Москва), Ф. Ф. Болонева, Р. С. Васильевский и В. И. Соболева (Новосибирск), В. Б. Богомолов, Б. А. Конилов, В. Г. Рыженко и А. Г. Селезнёв (Омск).

Музеевед и этнограф А. В. Коновалов писал: «Создание каталога ОГОИЛМ – пример перспективного сотрудничества музейных работников и учёных-этнографов вне зависимости от их ведомственной принадлежности. И конечно, такой каталог имеет не только самостоятельную научную ценность, но и может рассматриваться как важный компонент единого этнографического свода музеев Сибири» [Коновалов, 1993, с. 156].

Положительные отзывы были даны в рецензии В. И. Матюшенко в «Известиях сибирского отделения АН РАН» [Матюшенко, 1988, с. 66, 67]. Стоит упомянуть высказывание академика Д. Лихачёва, который собственноручно подписал на первом томе: «Прекрасное и очень нужное издание. Это наука, основанная на учёте. На века...14.XI.91.» [Цит. по: Культура народов...; 2008, с. 272]. На вышедшие в свет тома серии было опубликовано несколько научных рецензий и сообщений в научной печати [Богомолов, 1994; Жигунова, Патрушева, 2006; Корусенко, 1997; Патрушева, 1993, с. 314, 315; Томилов, 1999; и др.].

Большинство этнографических музееведческих исследований, как обобщающего характера, так и посвящённых частным научным проблемам, содержит справедливое утверждение о том, что каталогизация коллекций является важнейшим направлением работы отечественных музеев. В то же время, как правило, именно эта сфера музейной деятельности на практике либо не развивается совсем, либо ограничивается выпуском отдельных каталогов – указателей и тематических каталожных изданий, не дающих полного представления о богатстве и разнообразии музейного фонда.

Работа по научной паспортизации этнографических предметов в отдельных сибирских музеях приняла планомерный характер лишь с конца 1960–1970-х гг. В период с 1969 по 1974 гг. в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета была проведена научная паспортизация этнографических предметов научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири, образованной в 1969 г. В последующее десятилетие работы по научной паспортизации этнографических фондов развернулись в Новосибирском областном краеведческом музее, Тобольском государственном историческом музее-заповеднике и других. Например, в Омском государственном объединённом историческом и литературном музее в период с 1975 по 1984 гг. сотрудниками Омского университета и местного музея была осуществлена работа по составлению научных паспортов [Богомолов и др., 1997, с. 5, 172, 173; Патрушева, 1996, с. 64–66; Патрушева, Смирнова, 1996, с. 31, 32; Патрушева, Захарова, 2003, с. 7–15; Патрушева, Смелякова, 2008, с. 6–39].

Проблемам каталогизации и паспортизации музейных коллекций посвящены ряд работ Г. М. Патрушевой, которая на протяжении нескольких десятилетий являлась автором, ответственным секретарём, а затем и ответственным редактором ряда томов каталогов серии «Культура народов мира в этнографических коллекциях российских музеев». Тома-каталоги были посвящены культуре народов Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета [Патрушева, 2004; 2006; 2007; 2008; 2010; 2011; Patrusheva, 2008; Патрушева, Смелякова, 2009; Патрушева, Томилов, 2004; Смелякова, Патрушева, 2003; 2008; и др.]. В результате многолетней работы подготовлено и издано около 20 томов из научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» [Каталог этнографических коллекций..., 1979; Народы Сибири, 1980; Хозяйство русских..., 1994; 1996; Культура казахов..., 1995; Культура русских..., 1995; 1996; Культура народов... 1996; 2006; Хозяйство и средства передвижения..., 1999; Одежда русских..., 2002; Культура татар..., 2003; и др.].

Накопленный омскими учёными уникальный опыт атрибуции, научной паспортизации и научной каталогизации этнографических предметов должен быть востребован в России более интенсивно [Томилов, 2007, с. 93]. Каталогизация музейных предметов продолжается и в настоящее время в Сибирском регионе, особенно в Омске и Кемерове.

Список источников и литературы

- Богомолов В. Б.* 18 книжек каталога: Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев // Вестник культуры. – 1994. – №5.
- Богомолов В. Б., Копытова Л. И., Томилов Н. А.* Разработка формы научного описания для музейных материалов // Проблемы этнографического музееведения. – Омск, 1987. – С. 5–7.

- Жигунова М. А., Патрушева Г. М.* Новая книга о культуре украинцев Сибири (Рецензия на каталог: Материальная культура украинцев в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея / Сост. Т. М. Назарцева. Омск, 2004) // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. – Омск: ОГИК музей, 2006. – С.161–165;
- Зернова А. Б.* Основные правила проведения контрольных осмотров и их документация // Актуальные проблемы фондовой работы музеев. – М., 1978. – С.188–196.
- Изучение и научное описание памятников материальной культуры* / Сост. А. М. Резгон, Н. П. Финягина. – М., 1972.
- Каталог коллекций отдела Европы МАЭ / Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. 38. – Л.: Наука, 1982. – С.151–206.*
- Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета* / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Ч. I. Народы Сибири. – Томск, 1979. – 343 с.; – Ч. II. Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. – Томск, 1980. – 252 с.
- Коновалов А. В.* Две книги по этнографии народов Сибири // Этнографическое обозрение. – 1993. – №6.
- Корусенко М. А.* Новая книга о коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Рец. на кн.: Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1997. – 212 с.
- Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея* / Отв. ред. И. В. Захарова, Н. А. Томилов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 268 с.
- Культура народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новые поступления* / А. Н. Блинова, М. А. Корусенко, М. Н. Тихомирова. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2008. – 272 с.
- Культура народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.* – Новосибирск: Наука, 2006. – 192 с.
- Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея.* – Новосибирск, 1996. – 189 с.
- Культура татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.* – Омск, 2003. – 216 с.
- Матющенко В. И.* Рец. на кн.: Томилов Н. А., Макаров Ю. А., Богомолов В. Б. и др. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986 // Известия СО АН РАН. Сер. Истории, филологии и философии. – 1988. – №16. – Вып. 3. – С. 66–67.
- Музейное дело в СССР.* – М., 1973.
- Музейный фонд СССР.* Типовые схемы научного описания памятников материальной культуры, письменных источников, изобразительных и нумизматических материалов для подготовки к изданию сводных каталогов Музейного фонда Союза ССР. – М., 1973.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея.* – Томск, 1986. – 344 с.
- Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея.* – Томск, 1990. – 295 с.
- Обзоры научных каталогов памятников материальной культуры* // Научно-исследовательский институт культуры МК РСФСР. – М., 1971. – С. 64–93.
- Одежда русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея.* – Новосибирск, 2002.
- Патрушева Г. М., Томилов Н. А.* Сибирские музеи: изучение истории и этнографических фондов // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Мат-лы Пятых Сибирских чтений. Ч. 1. – СПб., 2004. – С. 8–10.
- Патрушева Г. М.* Восточные коллекции в Омском историко-краеведческом музее // Музеология, музеи в меняющемся мире. – Барнаул, 2008. – С. 28–29.
- Патрушева Г. М.* Изучение и каталогизация этнографических собраний сибирских музеев // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. – 1997. – Ч. II. – С.172–173.
- Патрушева Г. М.* Каталогизация музейных предметов – путь к налаживанию и сохранению музейных фондов // Современный менеджмент музея. – Иркутск, 2006. – С. 46–51.
- Патрушева Г. М.* Каталогизация этнографических коллекций в фондах сибирских музеев // История и культура Сибири. – Омск, 1996. – С. 64–66.
- Патрушева Г. М.* Культура народов мира в коллекциях в российских музеях // Народы Евразии: культура и общество. – Астана, 2004. – С. 106–108.
- Патрушева Г. М.* Опыт каталогизации этнографических фондов сибирских музеев (II половина XX–начало XXI вв. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7. – Барнаул. 2008. – С.187–188.

- Патрушева Г. М.* Сохранение культурного наследия народов России (проблемы каталогизации и паспортизации) // VII Международный конгресс этнографов и антропологов России. – Саранск, 2007.
- Патрушева Г. М.* Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея. – Томск, 1993. – С. 314–315.
- Патрушева Г. М.* Этнографические коллекции по культуре казахов в омских музеях // Сб. научных трудов Международного научного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии». – Омск, 2011. – С. 62–64.
- Патрушева Г. М., Захарова И. В.* Культура татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии ОмГУ // Культура татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии ОмГУ. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003.
- Патрушева Г. М., Смелякова А. В.* Российский опыт каталогизации этнографических фондов (вторая половина XX–XXI вв.) // Музейные ценности в современном обществе. – Омск, 2008. – С. 6–39.
- Патрушева Г. М., Смирнова Е. Ю.* Проблемы каталогизации этнографических коллекций сибирских музеев // Вестник Омского университета. – 1996. – Спец. вып. 3. – С. 31–32.
- Патрушева Г. М., Смелякова А. В.* Сравнительный анализ каталогов музейных коллекций Западной Сибири по культуре казахов // Степной край Евразии: историко-культурное взаимодействие и современность. – Омск; Костанай, 2009. – С. 211–213.
- Смелякова А. В., Патрушева Г. М.* Казахские этнографические коллекции в собраниях российских музеев // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. – Омск; Караганда, 2003. – С. 110–111.
- Смелякова А. В., Патрушева Г. М.* Каталогизация этнографических фондов российских музеев в середине XX – начале XXI вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. №14. 2008. – С. 98–106.
- Типовые схемы описания этнографических предметов* для подготовки к изданию сводных научных каталогов Музейного фонда Союза ССР. – М., 1975.
- Томилов Н. А.* О каталоге «Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» // Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Новосибирск, 1999. – С. 7–11.
- Томилов Н. А.* Социальная значимость музейных историко-культурных ресурсов и Музеи Сибири // Культурологические исследования в Сибири. – 2007. – №19.
- Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.* – Новосибирск, 1999. – 262 с.
- Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея.* – Новосибирск, 1996. – 368 с.
- Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея.* – Тюмень, 1994. – 264 с.

В. А. Полевод

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: polevod@mail.ru*

**ПЯДЕНИЦЕОБРАЗНЫЕ ЧЕШУЕКРЫЛЫЕ
МУЗЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ»
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ФОРМИРОВАНИЕ И ФОРМЫ РАБОТЫ С КОЛЛЕКЦИЕЙ**

В статье приводятся сведения по формированию, составу, проблемам детерминации (определения) видов, экспозиции и формам работы с коллекцией пяденицеобразных бабочек отдела природы и экологии Кемеровского государственного университета. Комплектование коллекции музея осуществлялось с 1999 г. путем экспедиционных сборов на территории Алтае-Саянского региона и более отдалённых участков России. Коллекция (более 2000 экземпляров) активно используется как в научном плане (по результатам изучения опубликован ряд статей по фауне и экологии пядениц, предложены новые методики по сбору, диагностическим признакам близких видов, реставрации экземпляров коллекции), так и в культурно-образовательной деятельности (экспозиция и выставки музея, создание на основе музейных предметов иллюстративного материала для печатных изданий).

Ключевые слова: зоологические коллекции, пяденицеобразные чешуекрылые, музей.

V. A. Polevod

*Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

**THE GEOMETROID MOTHS IN THE MUSEUM "ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY
AND ECOLOGY OF SIBERIA" IN THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY:
FORMATION OF THE COLLECTION AND WAYS OF DEALING WITH IT**

The article provides information on the formation, composition, problems of identification of species, displaying and forms of dealing with the collection of Geometroid Moths in the Department of Nature and Ecology of Kemerovo State University. Acquisition of the museum collection has been carried out since 1999 by means of field collecting activities in the territory of the Altai-Sayan region and more remote areas of Russia. The collection (over 2000 items) is actively used both in terms of research (its studies resulted in a number of articles on the fauna and ecology of moths published, new techniques for collection, diagnostic features of closely related species, and restoration of the collection items proposed) and in cultural and educational activities (exposition and museum exhibitions, designing illustrative material for publications on the basis of museum objects).

Keywords: zoological collections, Geometroid Moths, museum.

Коллекционирование насекомых почти всегда предшествует формированию музейных энтомологических коллекций [Полевод, 2016, с. 41]. Данное преобразование включает три этапа: коллекторская деятельность, научное исследование энтомологических материалов и включение их в музейное собрание. На протяжении всего периода существования в музеях энтомологических коллекций имела проблема их сохранения, определяемая как естественной уязвимостью (экземпляры насекомых являются наиболее хрупкими в плане сохранности среди всех предметов хранения в музее вследствие мелких размеров тела, лишённого воды), так и нарушением режимов хранения: светового, температурно-влажностного и биологического: энтомологические коллекции повреждаются жуками-кожеедами, молями-кератофагами и другими биологическими вредителями синантропного происхождения. Проблема актуализации энтомологических материалов как части природного наследия подразумевает не только их сбор, хранение и экспонирование, но и включение в современное культурное пространство музея.

Пяденицеобразные бабочки (*Lepidoptera, Geometroidea*) изначально появились в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета в 1999 г. в составе частной коллекции насекомых автора настоящей статьи, на тот момент насчи-

тывающей только в составе экспозиции (56 больших энтомологических коробок под стеклом) 5360 экземпляров 2285 видов чешуекрылых, жесткокрылых, перепончатокрылых и других отрядов, включая представителей экзотической энтомофауны. Всего в коллекции имелось более 12500 экземпляров. Материал коллекции пядениц включал более 600 экземпляров, был собран с территорий Кемеровской обл., Алтайского края, Европейской части России (Московская и Тамбовская обл.), в экспедициях по Северному Кавказу (Краснодарский и Ставропольский края), Дальнего Востока (Приморье), Казахстана (Алма-Атинская обл.), Средней Азии (Туркмения, Киргизия). Определённый и оформленный материал (часть коллекции) использовался в экскурсионной работе во временной экспозиции музея, выставочной деятельности (экспонировался в музеях многих городов Кемеровской области, на ярмарках в г. Кемерово), в методической работе с преподавателями, учителями школ.

При комплектовании фондов энтомологической коллекции и оформлении экспозиции многие экземпляры пядениц были переданы в дар музею. Прежде чем насекомое станет музейным предметом, его необходимо собрать. С целью пополнения коллекций музея сборы энтомологического материала (бабочек-пядениц и других насекомых) велись автором статьи с 1999 г. в окрестностях гг. Кемерово, Прокопьевск, Кемеровском (д. Осиновка, с. Можуха, д. Городок, д. Подъяково, д. Старая Балахонка и др.), Прокопьевском (д. Чистугаш, д. Смьшляево, с. Лучшево, пос. Школьный и др.), Яшкинском (п.г.т. Яшкино, Томская Писаница) и других районах. Осуществлены также следующие экспедиционные поездки: Промышленновский район, с. Журавлёво (1999); Тисульский район, оз. Большой Берчикуль, пос. Солдаткино, г. Белогорск, гора Чемодан (1999); п.г.т. Тяжинский (2000, 2011); Беловский район, с. Беково (2002); Приморский край, Спасский район, г. Спасск-Дальний, с. Новосельское, с. Кронштадка; Уссурийский район, с. Каймановка (2003, 2005); Хакасия, Ширинский район, п.г.т. Жемчужный, оз. Шира, Иткуль, Тус, Белё (2005, 2006, 2012); Горный Алтай, пос. Ая, гора Верблюды (2007); Иркутская обл., оз. Байкал, побережье Малого моря (2008, 2014); Междуреченский район, г. Междуреченск, пос. Студёный-Плес (2010); Горная Шория, Таштагольский район, г. Таштагол, г. Спасск, хребет Мустаг (2010, 2011, 2013); Гурьевский район, г. Салаир, с. Гавриловка (2011); Крым, Севастопольский район, мыс Фиолент (2012); Тисульский район, п.г.т. Макаракский (2013); Оренбургская область, окрестности г. Бугуруслан (2013); Красноярский край, окрестности г. Шарыпово, оз. Круглое (2016).

Автором статьи была осуществлена также работа с другими коллекциями пядениц. Обработаны коллекции А. В. Коршунова (г. Кемерово), В. Певчева, А. Заречнева (г. Прокопьевск), сборы Д. В. Сущева, А. В. Марикоды, Е. Филипповой, Д. Акишина (г. Кемерово) и некоторых других. Определена и систематизирована коллекция пядениц кафедры зоологии и экологии КемГУ, хранящаяся в картонных коробках с закрывающимися крышками. В энтомологической коллекции Кемеровского областного краеведческого музея имеется этикетированный и определённый материал по бабочкам-пяденицам с территории Кузбасса, Казахстана и Приморья, собранный автором статьи. Коллекция «Насекомые юга Кузбасса» Прокопьевского городского краеведческого музея, в которой имеются и пяденицы, была также оформлена нами, как и коллекция насекомых (среди которых есть пяденицы) экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок». Помощь в определении коллекции чешуекрылых (в том числе пядениц) была оказана и музею-заповеднику «Томская Писаница».

При формировании энтомологической коллекции сбор насекомых предпочтительно производить сериями экземпляров вследствие вариативной изменчивости многих видов; даже среди обычных видов имеются сезонные формы, меланические, географические расы. Для сбора энтомологических материалов применяется метод экспедиционного обследования, где используется специфическое оборудование. Помимо стандартных методик сбора, применялись также некоторые специфические, возникшие в процессе сбора пядениц [Полевод, 2003а, с. 23]; для поиска и сбора других систематических групп насекомых также сформировалась серия новых приёмов и методов. При хранении материала обычно зелёные виды пядениц в коллекциях быстро тускнеют (преимущественно влияние солнечного и искусственного освещения). Не существует при этом способа сохранения первоначальной окраски. Автором разработана (совместно с художником Н. И. Алёхиной) полезная и эффективная методика реставрации естественной окраски бабочек (путем приготовления и насесения определённого состава красящих и

химических веществ). Применение данного метода позволит устранить в музеях проблему выгоревших экземпляров и вернуть свежие краски и аттрактивность многим экспонатам энтомологических коллекций.

Включённые в собрание музея, получив статус музейного предмета, энтомологические материалы задействуются в его работе. Широко используется научный потенциал коллекции. По результатам сбора и изучения пядениц опубликовано множество статей (разрозненных в различных изданиях, здесь приводятся новые и итогово-обобщающие сведения) в музейных сборниках, Каталоге музея КемГУ [Полевод, 2004, с. 107–109], энтомологических изданиях, Трудах Кемеровского отделения Русского энтомологического общества (КемРЭО), Красной книге Кемеровской области (первого и второго издания) и др. изданиях; сведения о коллекции пяденицеобразных представлены также на CD-дисках и страницах сайта музея. Отдельные работы были посвящены пяденицеобразным Кузнецкой котловины, Кузнецкого Алатау, Кузнецко-Салаирской горной области, видовому составу некоторых районов области, редким пяденицам Кемеровской области, ландшафтно-биотопическому распределению, ареалогическому анализу пяденицеобразных чешуекрылых Кузнецко-Салаирской горной области и др.

Для удобства исследования, экспонирования и использования в образовательных целях предметы хранения подвергаются специальной препаровке. Причиняющая вред последующая подготовка и обработка их может быть необходима для более полного использования предметов хранения в исследовательских или образовательных целях. Изучение этих предметов увеличивает их ценность [Cato, 2003, p. 245]. Многие экземпляры пядениц из проблемных в плане детерминации групп (виды родов *Timandra*, *Scopula*, *Idaea*, *Dysstroma*, *Eupithecia* и др.) снабжены изготовленными препаратами генитальных аппаратов для детерминации видов-двойников. Изготовление препаратов и определение видовой принадлежности экземпляров на их основе осуществлялось в различное время В. А. Полеводом и другими геометрологами: Е. М. Антоновой (Москва, Зоологический музей МГУ), С. В. Василенко (Новосибирск, Зоологический музей ИСиЭЖ СО РАН). Сам препарат, законсервированный в небольшой ёмкости с глицерином (глицерин-желатином), также подкалывается на булавку с насекомым и снабжается дополнительной этикеткой под уникальным номером.

Из наиболее интересных находок пядениц можно отметить серию редкого вида *Xanthorhoe insperata*, собранную в основном с Кузнецкого Алатау в 1999 г. (вид был описан в 1926 г. с Западного Саяна С. М. Дьяконовым по двум экземплярам); вследствие редкости, некоторые экземпляры переданы в Зоологический музей ИСиЭЖ СО РАН (Новосибирск). Вид *Phigalia djakonovi*, не так давно известный лишь для юго-востока России, активно мигрирует в настоящее время на запад по Южной Сибири, встречен в 2003 г. в г. Кемерово [Полевод, 2003б, с. 58, 60] (по самой свежей информации, бабочки отмечены уже для Омска). На востоке ареала кормовыми растениями гусениц являются *Corylus mandschurica*, *Prunus padus*, здесь отсутствующие. Бабочки были замечены в период оттепели сидящими на стволах тополей в прикорневой части. Таким образом, тополя оказались обнаруженными в качестве новых кормовых растений на юге Западной Сибири для гусениц этого вида. В 2010 г. с севера Кузнецкого Алатау (пос. Макарацкий) другой новый для Кемеровской области малоизвестный вид пядениц *Calcaritis pallida*, до недавнего времени известный не западнее Байкала, затем Красноярского края. Согласно данным сборов, только для Кемеровской области выявлена встречаемость двух подвидов *Hypomecis roboraria*: европейского *ssp. roboraria* и сибиро-монгольского *ssp. isabellaria*, которые скрещиваются и дают гибридную форму смешанной окраски. В Кемеровской области впервые после ревизии группы видов рода *Timandra* для Юго-Западной Сибири был обнаружен вид *T. grisearia*, предложен новый приём детерминации сибирских пядениц рода *Timandra* как путём сравнительного анализа морфологии генитального аппарата, так и деталей морфологии имаго [Полевод, 2011, с. 87].

Далеко не всегда экземпляры насекомых попадают в фонды музея, но ценна также научная информация, «снятая» с этикеток и экземпляров в энтомологических сборах, с которыми работаешь (по фаунистике региона, распространению, экологии, фенологии, вариабельной изменчивости видов и подвидов). По итогам работы только в пределах Кузнецко-Салаирской горной области было выявлено 136 пунктов сбора пяденицеобразных чешуекрылых. Итого, к настоящему времени для Кузнецко-Салаирской горной области (включая сведения, содержащиеся в

более ранних работах С. М. Чугунова, В. В. Внукковского, А. П. Баранник и др. авторов) выявлено 296 видов пяденицеобразных чешуекрылых. Систематизированная коллекция пяденицеобразных чешуекрылых, хранящаяся в музее КемГУ, является наиболее ценной среди энтомологических коллекций, насчитывает 2040 экземпляров, 506 видов. Большая часть коллекции – это пяденицы Кемеровской области. В экспозиции коллекции насекомых музея (291 экземпляр основного фонда) пяденицеобразные (примеры вариационной изменчивости, меланические формы вредителей лесного и сельского хозяйства, редкие виды и т. п.) представлены 65 экземплярами 57 видов, 2 из них – *Ourapteryx sambucaria* [Полевод, 2012а, с. 69] и *Eversmannia exornata* [Полевод, 2012б, с. 68] – включены в Красную книгу Кемеровской области.

Наличие экземпляров насекомых определённых видов является необходимым условием при задаче создания их точных изображений; помимо фотоизображений (использованных в Каталоге коллекций музея), энтомолог-художник исполняет рисунок для научных публикаций или внесения иллюстративного материала в энтомологические экспозиции, а также для создания творческих художественных работ. Экземпляры пяденицеобразных чешуекрылых были использованы при создании иллюстративного материала экспозиции музея (рисунок сосновой пяденицы), иллюстраций для тома «Животные» Красной книги Кемеровской области, книги «Насекомые» [Ляхов, Любарский, 1999], определителя «Насекомые России» [Гомыранов, Полевод, 2016]. Иллюстрации (как и собственно материал коллекции пядениц) использовались при проведении художественно-энтомологических выставок в музее КемГУ, музеях и выставочных центрах г. Кемерово и других городах области. Элементы стилизованного орнамента создавались на основе строения реальных видов насекомых, применялись в биологических изданиях и демонстрации на выставках. В качестве примера нетрадиционного использования материала коллекции можно привести разработку автором серии галстуков с энтомологическими изображениями, среди которых был использован в качестве повторяющегося мотива фрагмент крылового рисунка пяденицы *Eupithecia venosata*.

Таким образом, коллекция пяденицеобразных чешуекрылых, хранящаяся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и насчитывающая более 2000 экземпляров, представляет собой слияние частной коллекции и формирующихся фондов музея. Коллекция используется как в научной деятельности (по мере изучения материалов публикуются работы), так и в культурно-образовательной (по материалам экспозиции ведутся экскурсии, с привлечением научно-вспомогательного фонда проводятся выставки, через иллюстрирование на основе натурального энтомологического материала осуществляется наглядность и популяризация знаний). Осмысление энтомологических коллекций как части природного наследия с позиций музееведения позволяют всесторонне исследовать их в целях культурологической интерпретации в различных формах деятельности.

Список литературы

- Гомыранов И. А., Полевод, В. А. Насекомые России: определитель. – М: Изд-во АСТ, 2016. – 142 с.
- Ляхов П. Р., Любарский Г. Ю. Насекомые. – М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», ООО «Астрель», 1999. – 480 с.
- Полевод В. А. Пяденицы (Lepidoptera, Geometridae) Кузнецко-Салаирской горной области // Энтомологические исследования в Кузнецко-Салаирской горной области. Труды Кемеровского отделения РЭО. – Кемерово: Юнити, 2003а. Вып. 1. – С. 23–27.
- Полевод В. А. Новые находки пядениц (Lepidoptera, Geometridae) в горах Южной Сибири // Труды Кемеровского отделения Русского энтомологического общества. – Кемерово: Юнити, 2003б. Вып. 2. – С. 58–62.
- Полевод В. А. Пяденицеобразные бабочки (Lepidoptera, Geometroidea): коллекция 101 // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Кемерово, 2004. Вып. 1. – С. 107–109.
- Полевод В. А. Новые экспозиции зоологического отдела музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука: к 35-летию музея КемГУ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 84–87.
- Полевод В. А. Крылохвостка бузиновая – *Ourapteryx sambucaria* (Linnaeus, 1758) // Красная книга Кемеровской области: Т. 2. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных. 2-е изд-е. – Кемерово: «Азия принт», 2012а. – С. 69.
- Полевод В. А. Эверсманния украшенная – *Eversmannia exornata* (Eversmann, 1837) // Красная книга Кемеровской области: Т. 2. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных. 2-е изд-е. – Кемерово: «Азия принт», 2012б. – С. 68.
- Полевод В. А. История формирования энтомологических коллекций в музеях Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2016. – С. 41–49.
- Sato P. S. Основные принципы хранения естественнонаучных коллекций (разработаны Обществом по сохранению естественнонаучных коллекций (SPNHC) // Труды Государственного Дарвиновского музея. – Москва: ГДМ, 2003. (Выпуск VI. Фондовая работа в естественнонаучном музее). – С. 241–254.

Д. Д. Родионова
Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово, Россия
e-mail: Dasha.d.rodionova@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ДЛЯ МУЗЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматриваются инновационные студенческие проекты, созданные на базе кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры для музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Описываются этапы создания электронного аудиогuida и электронной экспозиции. Обосновывается необходимость внедрения данных инновационных информационных продуктов в выставочную деятельность вузовского музея.

Ключевые слова: электронный аудиогид; электронная экспозиция, подготовка музейного специалиста, выставочная деятельность, вузовский музей.

D. D. Rodionova
Kemerovo State Institute for Culture. Kemerovo, Russia

APPLICATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN STUDENT PROJECTS FOR THE MUSEUM "ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA" OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

The article discusses innovative student projects created on the basis of the Department of Museology, Kemerovo State Institute of Culture, for the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University. The author examines the steps of developing a digital audio guide and digital exhibition. The need for introduction of innovative information products in the exhibition activities in University museums is justified.

Keywords: digital audio guide; digital exhibition, training museum professionals; exhibition activities, University Museum

В соответствии с новыми тенденциями подготовки музейных специалистов, кафедра музейного дела ведёт активное сотрудничество с потенциальными работодателями. Данное сотрудничество осуществляется по следующим направлениям: выполнение курсовых проектов и выпускных квалификационных работ на основе реальных заданий, полученных из музеев Кемеровской области; участие в проведении исследовательских работ совместно со специалистами-музееведами и внедрение результатов в практику конкретного музея; формирование навыков работы в команде, проведение презентаций, экскурсий, участие в культурно-образовательных мероприятиях музея. Особое внимание уделяется учебным и производственным практикам, способствующим формированию основных умений и навыков в сфере будущей профессиональной деятельности и проводимым на базе музеев различного типа и вида. В этой связи хочется отметить, что с переходом на многоуровневую подготовку по программе бакалавриата произошло катастрофическое, на наш взгляд, сокращение недель на учебные и производственные практики – с 25 недель в специалитете до 10 недель в бакалавриате. Решение данной проблемы, на наш взгляд, состоит в объединении усилий работодателей и кафедры, то есть совместная работа над программами практик, основанная на согласовании нормативных документов, таких как образовательный и профессиональный стандарты, Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих и других документов, регламентирующих профессиональную подготовку музейоведа, соответствующего современным тенденциям профессии. Активное взаимодействие работодателей с кафедрами вуза культуры, участие как в формировании заказа на подготовку специалистов нужного им профиля и квалификации, так и в оценке качества содержания и подготовки выпускников. Таким образом, работодатель становится заказчиком, участником и оценщиком качества образования, что делает необходимым разработку и реализацию программ, ориентированных на учёт потребности работодателя, тен-

денции развития рынка труда, возникновения новых профессий и требований основных потребителей к качеству образования [Родионова, Кагакина, 2016].

С момента своего основания кафедра музейного дела Кемеровского государственного института культуры (2000 г.) ведёт тесное сотрудничество с музеем «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. На базе данного ведомственного музея проводятся лекционные и практические занятия со студентами, учебные и производственные практики обучающимися по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» всех уровней подготовки. Практические занятия студентов с музейными коллекциями, фондами и экспозициями на высоком профессиональном уровне соответствуют специфике профессиональной подготовки будущего музеоведа. Основу преподаваемых дисциплин составляют традиционные технологии, включающие аудиторные занятия в форме лекций (с использованием мультимедийных презентаций), практических занятий на базе музея, что позволяет использовать в полной мере региональный культурный компонент и способствует лучшему усвоению материала спецкурсов, основанных на знании традиционной культуры народов Сибири. Во время прохождения учебных и производственных практик студенты-музеологи имеют возможность в реальных условиях музея углубить свои знания и получить новые за счёт участия в музейных программах, текущей музейной работе и т. д.

Совокупность полученных студентами знаний и умений способствует созданию новых информационных продуктов, в том числе и для музея «Археология, этнография и экология Сибири». Так, например, в деятельность данного вузовского музея был внедрён электронный аудиогид, созданный студентом кафедры музейного дела. Электронные гиды всё более широко используются в сфере экскурсионного обслуживания посетителей музеев различного типа и вида. Мы уже привыкли к тому, что при входе в музей посетителю предлагают наушники с плеером, в котором установлена запись стандартной экскурсии по музею. Сегодня эти устройства уходят в прошлое, а их заменяют электронные аудио и видео гиды. Современные цифровые аудио системы для посетителей просты и надёжны как в эксплуатации, так и в обращении, они позволяют оказывать широкий круг услуг, как для индивидуальных, так и групповых посетителей. Системы имеют возможность настройки на индивидуальные особенности посетителя или группы (по языку, возрасту, образовательному уровню, интересам конкретного посетителя и др.), они могут работать как под руководством экскурсовода, так и без его участия.

Основной целью разработки данного инновационного продукта, который позволит разным категориям посетителей получить более чёткое восприятие экспозиционного пространства музея «Археология, этнография и экология Сибири», а также упростить процесс взаимодействия между человеком и экспонатом посредством такой интерактивной формы, как аудиоэкскурсия. Создание данного информационного продукта проходило в несколько этапов.

После сбора материала и его анализа была определена структура аудиофайла. Данный текст является основным составляющим элементом аудиофайла и является обзорной экскурсией, которая представлена на сайте музея. В целом, структура аудиофайла (экскурсии по музею) выглядит следующим образом:

- 0–2 мин. Вступительная приветственная речь, краткая историческая справка о музее «Археология, этнография и экология Сибири».
- 2–10 мин. Аудиофайл, посвящённый эпохе камня.
- 10–15 мин. Аудиофайл, посвящённый быту малых народов Сибири.
- 15–25 мин. Аудиофайл, посвящённый разделу «Экология Сибири».

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что для аудиоэкскурсии по музею выбран текст именно обзорной экскурсии, так как он оптимально подходит для прослушивания, отражая все исторические, зоологические и этнографические процессы, запечатлённые в музее посредством экспозиций и не теряя смысловой нагрузки.

Следующим этапом в подготовке аудиогuida стала запись отобранного материала. Процесс занял достаточно много времени, так как происходил он на специально оснащённой музыкальной студии с профессиональным оборудованием, микрофонами и различными регуляторами звука. Условно можно разделить процесс записи на следующие этапы: 1) запись аудиодорожки

с текстом обзорной экскурсии; 2) обработка голоса с помощью профессиональных программ и фильтров, удаление недочётов и «чистка» аудиоволн; 3) наложение обработанного голоса на специально подобранный заранее музыкальный тематический фон; 4) сведение и мастеринг аудиотрека.

Таким образом, мы получили аудиофайл с экскурсией по музею. Планируется, что аудиофайл будет располагаться на сайте музея, непосредственно в разделе «экскурсии», там же расположены и фотоматериалы, на которые мы обращаем внимание во время экскурсии, соответствуя тексту на сайте и в аудиодорожке.

Представленная в залах музея действующая этнографическая экспозиция представляет собой редкую по разнообразию коллекцию предметов материальной и духовной культуры народов Сибири. Подразделение традиционной культуры на материальную и духовную – есть принцип построения этнографической экспозиции музея. Одежда, орудия производства, оружие, жилища, средства повседневного обихода, характеризующие сферу материальной деятельности и её результаты, составляют большую часть этнографической экспозиции. Меньший по объёму раздел экспозиции составлен из материалов, представляющих духовную культуру – религиозные верования, мифологию, народное искусство и т. д. [Белоусова, 2014]. Но как и во многих музеях, ни одна экспозиция не может вместить в себя всех предметов, которыми располагают фонды музея. В целях дополнения действующей экспозиции создана электронная экспозиция «Этнография народов Южной Сибири», которая включает в себя предметы фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири». На базе учётно-хранительской документации архива музея составлен тематико-экспозиционный план электронной экспозиции «Народы Южной Сибири».

В крупных музеях проектная фаза разработки электронной экспозиции происходит при активном участии музейных работников, а на фазе разработки значительная часть работ происходит силами профессиональных разработчиков – дизайнеров, инженеров и программистов. В данном случае, при наличии готового контента электронная экспозиция создана непосредственно студентом. Электронная экспозиция «Народы Южной Сибири» выполнена в формате презентации PowerPoint, который даёт возможность размещать в презентации звуковые эффекты и закадровый текст. Таким образом, в презентацию можно добавить начитанный текст экскурсовода и получить уже не только электронную экспозицию, а и электронную экскурсию.

Первым шагом внедрения контента в экспозицию стало художественное решение выбора цветовой гаммы фона презентации [Пилко, Савкина, 2014]. Следующий, достаточно трудоёмкий, последний этап – это монтаж слайдов. В этом этапе, фактически и заключается суть проделанной работы. На каждом слайде экспозиции размещено цифровое изображение предмета и этикетка. Например: нагрудник женский. Верхняя часть подковообразной формы сплетена из бисера. Декор составляют расположенные параллельными рядами пояса зигзагов, арок, цветочных розеток из цветного бисера. К нижнему краю нагрудника крепится сетка из прозрачного бисера. На перекрестиях нитей укреплены овальные серебряные пластинки (224 шт.), декорированные в технике чеканки растительным элементом. Для более детального рассмотрения каждого элемента представлены фотографии в режиме макросъёмки, которые позволяют невооружённым глазом разглядеть чеканный орнамент каждой пластинки.

Сейчас аппаратное обеспечение электронной экспозиции может быть весьма разнообразным: плазменные и мульти-тач панели, информационные киоски, экран монитора или планшетный компьютер. Но в силу недостаточного финансирования, большинство музеев не могут позволить себе подобного технического оснащения. Бюджетным решением для оснащения электронной экспозиции «Народы Южной Сибири» будет цифровая фоторамка. Цифровая фоторамка – это цифровое устройство на основе ЖК монитора, способное воспроизводить электронные фотографии в привычном формате стандартной фоторамки. Удобство цифровой фоторамки заключается в том, что фотографии не нужно печатать; количество изображений ограничивается только картой памяти; проста в использовании; достаточно компактна, что позволяет разместить её в любом месте; контент может регулярно пополняться; поддерживает аудио и видеоформаты файлов, что в случае электронной экспозиции «Народы Южной Сибири» позволяет расширить возможности экспозиции аудиогидом или дополнить видеорядом.

Таким образом, студенческие проекты, разрабатываемые на кафедре музейного дела КемГИК в рамках подготовки музейных специалистов по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» находят свою практическую реализацию на базе музеев различного типа и вида Кемеровской области, в том числе и для музея «Археология, этнография и экология Сибири» [Родионова, Сергеев, 2015]. Это позволяет подготовить востребованного для современного музея высококвалифицированного специалиста, получившего практико-ориентированное образование.

Список источников и литературы

Белусова Н. А. Опыт актуализации этнографического наследия с использованием рг- и интернет-технологий в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. – Кемерово, 2014. – С. 463–466.

Белусова Н. А., Боголепова Л. З. Историко-научный потенциал музеев высших учебных заведений Кемеровской области // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования, 2015. – С. 34–38.

Музей «Археология, этнография и экология Сибири». Официальный сайт: <http://museum.kemsu.ru/>

Пилко И. С., Савкина С. В. Электронные выставки музеев: специфические особенности, видовая классификация // Вестник КемГУКИ. – 2014. – № 29. – С 45–48.

Родионова Д. Д., Казакина Е. А. Применение технологий практико-ориентированного обучения при подготовке специалистов направления «музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» // Научный диалог. – 2016. – №3(51). – С. 329–340.

Родионова Д. Д., Сергеев А. В. Технология дополненной реальности как перспективное направление развития музейного пространства на современном этапе // Вестник КемГУКИ. – 2015. – №33. – С. 51–57.

ОТРАЖЕНИЕ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

*Экспозиция современного музея является рефлексией на трансформирование научных открытий профильной науки. Следовательно, её модернизация необходима одновременно с новым осмыслением исторического знания, с необходимостью трансляции последних научных концепций. В корпоративных научных музеях эта проблема наиболее актуальна, поскольку она отражает суть академического музея. Новые комплексы должны отличаться инновационным потенциалом, как по форме, так и по содержанию, и быть привлекательными для посетителя, тем самым расширяя коммуникационные рамки экспозиции. Практической реализацией данного тезиса является представление экспозиционного проекта «Кто мы? Родословная человечества», цель которого представить процесс и результат междисциплинарного исследования, которое привело к открытию нового типа человека *Homo altaiensis*.*

Ключевые слова: музей, экспозиция, коммуникативный канал, антропогенез, научная концепция.

I. V. Salnikova*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia***REFLECTION OF NEW SCIENTIFIC CONCEPTS IN MUSEUM EXPOSITION**

*Exposition of a modern museum is a reflection of transformation of discoveries made within the relevant field of science. Therefore, its modernization is necessary along with a new realization of historical knowledge, with a need for broadcasting the latest scientific concepts. In corporate scientific museums, this problem is most urgent as it captures the essence of the academic museum. New complexes should feature innovative potential, both in the form and in content, and be attractive to the visitor; thereby, expanding the communication framework of an exposition. Practical implementation of this thesis is launching the exposition project 'Who we are? The Mankind Family Tree' aimed at presenting the process and result of interdisciplinary research, which has led to the discovery of a new kind of human being – *Homo altaiensis*.*

Keywords: museum, exhibition, communication channel, anthropogeny, scientific concept.

Каждый музей уже своим названием или профилем вызывает у посетителя желание получить релевантные сведения, новый объём профессиональных знаний, последнюю научную информацию. Для него источником данного знания является экспозиция. «Сама экспозиция является сложным инструментом познания окружающего мира, системой познавательных средств, отражающих объект познания, т. е. интерпретируемую тему» [Крылова, 2005, с. 172]. По мнению ведущих музеологов, в настоящее время изменившаяся социокультурная ситуация, которая выражается в увеличении информации, возросшем образовательном уровне потенциального посетителя, открытой конкуренции музеев. Эти причины активизируют процесс модернизации экспозиционных приёмов и интерпретации музейного предмета. По мнению Е. Н. Мас-теницы, «из института, фиксирующего достигнутый уровень общественного сознания, музей становится явлением культуры, придающим этому сознанию поступательную динамику» [Мас-теница, 2005, с. 139].

Для музеев становится характерным использование разнообразных форм интерпретации музейного собрания, «расширение спектра объектов наследия» [Каулен, 2009], используемое для трансляции исторического знания. Переход от традиционной формы фиксации и декларации исторических сведений к их интерпретации, к попытке показать музейными средствами не только результаты, но и процессы научных исследований. Что в итоге «привело к "взрыву" музейно-педагогической активности и возрастанию роли образовательной функции музея» [там же, с. 140].

Вопросы о новациях в музейной деятельности, о расширении образовательных функций музеев, в частности академических, активно обсуждаются в профессиональной литературе. Многие авторы обращались к этой теме: Е. Н. Мастеница [2005], Н. А. Никишин [2002], И. В. Крылова [2005]; О. С. Сапанжа [2011], С. И. Сотникова [2012], Э. В. Смирнова [2014], О. Н. Шелегина [2011], М. В. Борисова [2011], Л. А. Кравцова [2011] и др. В публикациях раскрыты перспективы использования интерактивных информационных технологий в музейной практике. Они, несомненно, направлены на расширение границ экспозиционного пространства и тем самым стимулируют дискурс и активизируют познавательный процесс.

Методика «создания параллельной экспозиции» [Крылова, 2005, с. 173] была использована при проектировании экспозиций музея Истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Наши посетители, знакомые с современными экспозициями, не удовлетворены, когда их взору представлен предмет, или тем более серия однотипных вещей. Мы понимаем, что представление предмета, без помещения его в определённую среду исключают семантическую составляющую информации, поэтому понятно стремление поместить предмет в естественную среду. Это достигается привлечением реконструкций, действующих инсталляций, восстановлением природно-ландшафтных зон, рассказом гида и другими приёмами. В экспозиции музея имеются интерактивные зоны, где реализована возможность участвовать в процессе сверления, ткачества.

Введение экранов и мониторов в экспозицию, по нашему мнению, является необходимым приёмом, потому что отвечает привычному способу получения информации для современной аудитории «экранной культуры». Подобные экспозиционные приёмы позволяют решать разные задачи: вмонтированные в экспозиционное оборудование экраны, действительно, создают новое экспозиционное поле; самостоятельные мониторы в экспозиции дают возможность визуализировать рассказ о новых технологиях обработки камня; фоторамки и информационный киоск представляют дополнительные сведения о процессе исследования артефактов пазырыкской культуры.

Остановимся на краткой характеристике проектов, где активную роль играют информационные технологии, реализованных при поддержке фонда Дм. Зимина «Династия». Первым стал проект «Сибирские скифы как тема для точных наук». Сейчас ясно, что название несколько не отвечает заявленной теме, но всё-таки немного отражает суть проекта. Цель проекта заключалась в том, чтобы показать, какими способами исследуются артефакты пазырыкской культуры, поскольку это был первый опыт междисциплинарного исследования. Новая информация размещалась в фоторамках и была структурирована согласно объекту. Например, рамка с дендрохронологическими исследованиями находится возле комплекса «погребальное сооружение», экран с информацией о результатах антропологического и генетического методов исследования помещён возле мумии. Всего шесть фоторамок с дозированной и адаптированной информацией. Дополняет блок киоск, где возможен выбор интересующей темы и более академичный текст, включающий библиографию. Примечательно, что в текстах и видео, размещённых в фоторамках, показаны не только результаты исследования, но и сам его процесс. Это важно для актуализации познавательного процесса, посетитель погружается в исследование, и становится понятным, как выводы естественнонаучных знаний формируют исторические выводы. Таким образом, мы смогли найти аргументацию качественного изменения науки археологии, стирание граней между гуманитарными и естественнонаучными областями знания.

Следующий проект «АРХАЕествознание». Цель проекта – представить историю технологических открытий, которые привели человечество к качественно новому этапу исторического развития – эпохе неолита: технологические новации в обработке камня, зарождение ткачества и керамического производства. Он имеет три составляющие: традиционная интерактивная площадка «древнее ткачество», стенд и инсталляция «не боги горшки обжигают», раскрывающий суть керамического производства и монитор, где помещена интерактивная программа. Программа визуализирует процесс новаций в технологии обработки камня, поскольку представлена информация в разнообразной форме: текстовой, прорисовке, 3D демонстрации реконст-

рукций способов обработки камня и отдельный сюжет, объясняющий термин «вкладышевое орудие». Плюсом к визуализации является тот факт, что все предметы, процесс изготовления которых представлен виртуально на экране, размещены рядом на стенде и посетитель может сравнить две реальности.

Последний проект, на котором стоит остановиться подробнее, это интерактивная программа «Кто мы? Родословная человечества», раскрывает процесс и результат междисциплинарного исследования (культурная антропология, генетика и археологические материалы), приведшие к открытию нового типа человека *Homo altaiensis*.

С 90-х годов XX в. остро дискутируется вопрос антропогенеза. Бурный взрыв информации, активизации археологических раскопок и антропологических находок, возросшая возможность научного международного обмена, новые способы исследования: привлечение и соединение исследований археологов, генетиков, антропологов привели к новой точке зрения на вопрос эволюции человечества. В результате такого комплексного подхода к проблемам антропогенеза был открыт новый вид человека – *Homo altaiensis*. Это действительно прорыв в науке об эволюции человека. Дело в том, что не отрицается в целом Дарвиновская теория эволюции, а доказывается не линейный (стадиальный), а более сложный процесс антропогенеза, описываемый сетевидной моделью, допускающей сосуществование и взаимодействие разных таксонов (разновидностей и видов). Новый подход имеет большое значение для решения ключевой проблемы антропогенеза – процесса сапиентации или формирования человека современного физического типа и его распространения по планете.

Три сенсорных экрана вмонтированы в экспозиционные витрины в комплексы, где расположены материалы ключевых археологических памятников, на материалах которых доказана мультирегиональная модель сапиентации. Данный приём мы охарактеризовали как «экспозиция в экспозиции», потому что программа содержит многоаспектную информацию не только об археологическом памятнике и предметах, но и о методах археологических раскопок, климатических условиях данного периода, антропологической картине.

Первый блок посвящён характеристике итогов исследования самого древнего памятника на территории Евразии, стоянки открытого типа Карамы, эпохи нижнего палеолита, дата 800–600 тыс. лет назад. Эта стоянка, вероятно, оставлена представителями *Homo erectus*.

Второй блок представляет сведения об уникальном памятнике Денисова пещера, где на протяжении 300 тыс. лет наблюдается эволюция каменной индустрии, высокий уровень технологии, развитой духовной культуры.

Третий блок рассказывает о Чагырской пещере. Все эти памятники находятся на территории Горного Алтая.

Каждый блок состоит из нескольких разделов. Раздел «О памятнике» включает сведения о местоположении памятника, его размерах, конфигурации, стратиграфии, фото раскопок и вида памятника. В разделе «Артефакты» показаны находки в формате 3D, представлены находки, иллюстрирующие уровень развития материальной и духовной культуры. В разделе «Среда обитания» показаны климатические условия существования в данный хронологический период. В следующем разделе «Методы исследования» показаны разнообразные археологические методы, антропологические, генетические, палеонтологические и другие виды комплексного изучения археологического памятника. Особое значение имеет раздел «Эволюция человека». Данные памятники выбраны не случайно. Доказано, что в эпоху палеолита территорию Алтая обживали представители как минимум трёх видов рода Человек (*Homo*): неандертальцы (*Homo neanderthalensis*), фрагменты которых найдены в Чагырской пещере и в пещере имени Окладникова; люди современного физического типа (*Homo sapiens*) и выделенный в самое последнее время вид – алтайский человек (*Homo altaiensis*). Поэтому так важно проследить эволюционные этапы, и это возможно при знакомстве с данным разделом.

В блоке «Карамы» в разделе «Эволюция человека» раскрывается процесс, который характеризует первый миграционный поток древних гоминид с территории Африки в Евразию, показаны основные местонахождения ключевых памятников мирового значения, представлены антропологические реконструкции видов. В том же разделе блока «Чагырская и пещера Оклад-

никова» раскрывается идея второй миграционной волны и уделяется большое внимание характеристике Homo neanderthalensis.

Содержание блока «Денисова пещера» раскрывает мультирегиональную модель сапиентации, что подтверждается комплексным исследованием археологических артефактов, свидетельствующих о высоком уровне технологии и духовной культуры.

В итоге корреляция результатов анализа археологических предметов, данных молекулярно-генетических исследований антропологического материала позволила внести изменения в сложившуюся картину эволюционных трансформаций человека. В результате комплексного подхода к проблемам антропогенеза был открыт новый вид человека Homo altaiensis.

На территории Алтая был самостоятельный очаг культурной и физической эволюции этих популяций, в результате которой сформировался человек, создавший верхнепалеолитическую культуру. Генетический анализ показал, что 50–40 тыс. лет назад Алтай представлял собой контактную зону, между разными видами Homo, что подтверждается анализом геномов их представителей. Весьма вероятно их метисация, тем более, что гибридизация неандертальцев и сапиенсов считается доказанной палеогенетическими данными.

Таким образом, в данной программе отражены и аргументированы научные открытия мирового значения, как итог междисциплинарного исследования учёных последних лет.

Необходимо отметить, что в разработке программы принимали участие ведущие сотрудники института, в частности раздел «Эволюция человека» был создан антропологом, ведущим научным сотрудником д.и.н. Т. А. Чикишевой, археологические артефакты и аннотация представлены авторами раскопок.

Наш опыт показал, что введение в экспозицию интерактивных комплексов в виде инсталляций, программного продукта, демонстрации реконструкций в формате 3D создают новую атмосферу в экспозиции. На наш взгляд, подобная модернизация не умаляет академичность музея, напротив расширяет коммуникативные возможности, погружает в процесс исследования, аргументирует исторические выводы.

Список литературы

- Борисова М. В.* Инновационные технологии в музейном деле // Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI века. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. – С.139–155.
- Кравцова Л. А.* Культурно-образовательные технологии трансляции научных знаний // Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI века. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. – С. 156–178.
- Крылова И. В.* Создание музейных экспозиций как способ передачи исторических знаний // Триумф музея? – СПб.: СПбГУ, 2005. – С.172–176.
- Мастеница Е. Н.* Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности // Триумф музея? – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 138–145.
- Никишин Н. А.* Музейная сфера в эпоху сетевых технологий // Музей и информационное пространство: проблемы информации и культурного наследия. – Тула, 2006.
- Сапанжа О. С.* Музеи в современной культуре // Вопросы музеологии. – №1 (6). – 2012. – С. 3–12.
- Сапанжа О. С.* Теория музея и музейности. Обзор исторической типологии. – СПб.: НОУ «Экспресс», 2011. – 98 с.
- Смирнова Э. В.* Трансформация функций музея в современном социокультурном пространстве // «Magister Dixit» научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – №2 (14). – 2014. – С. 14–21.
- Сотникова С. Н.* Музей в меняющемся мире. http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/sotnikova_muzej_izmen_mire.pdf
- Шелегина О. Н., Щербин Н. М., Запорожченко Г. М.* Традиции и новации в изучении и деятельности Российских музеев (по материалам Всероссийской научной конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения») // Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI века. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. – С. 208–238.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ

Автор статьи поставил перед собой следующую цель: обосновать гипотетический тезис о том, что осознанное стремление к пониманию феномена русского языка и русского культурного пространства и менталитета русского и монгольского народов может служить исходной базой для дальнейшего развития взаимовыгодного диалога двух стран-соседей, связанных не одно столетие узами дружбы и взаимопонимания. Матрица этнокультурного пространства двух народов приобретает всё большую актуальность в условиях глобализации.

Ключевые слова: этнокультура, история, русский язык, глобалистика, традиция, сотрудничество.

Khash-Erdene Sambalkhudev
University Margad. Mongolia

ETHNOCULTURAL SPACE OF RUSSIA AND MONGOLIA

The author makes an attempt at justifying the hypothetical thesis that the conscious aspiration for understanding of the phenomenon of the Russian language and the Russian cultural space and mentality of the Russian and Mongolian peoples can form the original base for further development of mutually advantageous dialogue between the two neighboring countries connected by the bonds of friendship and mutual understanding for many centuries. The matrix of ethnic cultural space of the two peoples is becoming increasingly relevant in the conditions of globalization.

Keywords: Ethnic culture, history, the Russian language, globalization, tradition, cooperation.

Первый закономерный вопрос, который возникает в самом начале, – в чем суть феномена культурного пространства, что следует понимать под этим словосочетанием?

«Культурное пространство – это сложнейший территориально-исторический и демографически обусловленный, естественно-научный, философский, социально-психологический и этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этических норм, эстетических, политических и социальных взглядов в определённой историко-культурной ситуации, проявляющейся в границах конкретного ареала и времени» [Кургузов, 2003, с. 27].

Как видим, в этом определении понятие «культурное пространство» представлено в качестве междисциплинарного своей сути. Если «пространство» – компонент исследования математики и естествознания, то характеристика «культурное» связывает его с комплексом практически всех социо-гуманитарных наук. Культурное пространство – это условия жизнедеятельности, и как таковые они, во-первых, активны по отношению к находящемуся в них человеку. Однако, кроме людей, культурное пространство содержит вещи и предметы, то есть, артефакты культуры и не относящиеся к культуре природные условия территории. Поэтому, во-вторых, включённый в культурное пространство человек получает из него средства к существованию и информацию. Эти элементы используются в практической жизни, делают пространство способом деятельности субъекта. И, наконец, в-третьих, субъект постоянно сам воздействует на культурное пространство. В результате «диапазон» этого воздействия простирается от простого присутствия в нём до фактора, выступающего причиной его изменений. И важнейшим фактором носителя этой информации является язык, в данном случае русский язык.

Кроме того, и это важно особо подчеркнуть, что в целом культурное пространство – полиэтнично. Россия, например, страна, изначально многонациональная. На её территории проживают сотни представителей самых разных национальностей и вероисповеданий в том числе этнические монголы, буряты, калмыки и тувинцы. В этой связи, *национальное культурное пространство* я определяю как форму существования *национальной культуры* в сознании человека; это культура, отображённая сознанием; это, если угодно, бытие конкретной национальной культуры в сознании, менталитете и идентичности её носителя. И если это так, то, говоря о национальном культурном пространстве, мы, по сути, имеем дело с *сознанием*, и в первую очередь – с *массовым сознанием* представителей того или иного национально-культурного сообщества.

Монголия – страна в национальном отношении однородная, абсолютное большинство составляют монголы и один аймак/область/ заселяют казахи. Народностей среди монголов около десятка, общая численность населения достигла в 2015 г. трёхмиллионного рубежа.

По своей природе национально-культурное пространство – это информационно-эмоциональное реальное этническое пространство, в котором человек существует и функционирует и «которое становится весьма «ощутимым» при столкновении с явлениями чужой культуры» [Кургузов, 2003, с. 27]. Национальное культурное пространство включает все существующие и потенциально возможные представления о различных феноменах культуры у всех членов национально-культурного сообщества.

Для монголов и русских, особенно сибиряков, пространство имеет великий смысл. В текущей повседневности, обыденной жизни оно сбрасывает с себя категориальные философские одежды. Не теряя своей природной самобытности, оно сплошь заполнено плотью жизни, существует в понятиях, символах и направлениях, за которыми мы – современные люди со своими заботами, надеждами, огорчениями и радостями. Люди перемещаются в пространстве, движимые своими целями, что-то находят, что-то теряют. Оно, Пространство, порождает в нас что-то такое, что заметил в своё время Ж. Жорес, говоря о *русских* как о *широко разбросанном народе*. Не будет ни малейшей натяжки эти слова сказать и о *монголах* – они тоже «широко разбросаны» по своей обширной территории, что объективно *сближает менталитет наших народов* и ярко проявляется в общих чертах их национального характера.

Своеобразным «ядром» культурного пространства является *национальная когнитивная база*, проявляющаяся как определённым образом структурированная совокупность знаний, национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимых и обязательных для всех представителей данного национально-культурного сообщества.

Культурное пространство современной России – это тысячи гимназий, школ, лицеев, колледжей, вузов, Домов культуры, клубов, библиотек, театров и музеев. Это многомиллионная армия подвижников: учителей, преподавателей и профессоров высшей школы, талантливых учёных, артистов, художников, музыкантов, писателей и поэтов. А в Монголии масштабом меньше, но суть та же, ведь всё это создавалось при содействии СССР. Именно они ведут огромную созидательную работу по инкультурации населения, приобщению подрастающего поколения к высотам знания, науки и культуры. Культурное пространство – это, наконец, горизонталь и вертикали управления многофункциональной, а потому и необычно сложной системой образования и культуры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Наверное, не стоит забывать, что на процессы сближения ментальных качеств русского и монгольских народов имело влияние то обстоятельство, что значительная часть территории Древней Руси три столетия находилось под властью Золотой Орды. Правление Золотой Орды, безусловно, повлияло на сближение менталитетов русских и монголов, оставило свой глубокий след в культурном пространстве русского народа. По аналогии можно сказать, что русский поэт Александр Блок вовсе не преувеличивал, когда называл русских «скифами с раскосыми глазами». Примеров такого сближения народов сколько угодно. Это и то, что дети многих русских князей (включая Александра Невского) воспитывались при дворах монгольских ханов. Знать покорённых народов (русские здесь не исключение) стремилась породниться со знатью завоевателей и войти в общественный слой, принимающий главные государственные решения, определяющий социальное, хозяйственное и культурное развитие общества.

С другой стороны, хотя без насилия власть – не власть, однако при одном насилии власть недолговечна. Устойчивым же государство становится тогда, когда делается полезным обществу, является гарантом порядка, производства, инфраструктуры и обмена. Для этого завоевателю нужно не просто *понимать* культуру завоёванного народа, но в определённой степени *принадлежать* ей. В этой связи правителям Золотой Орды приходилось считаться с данным обстоятельством, и это тоже не могло не сказаться на процессах сближения менталитета двух народов. Показательный пример: на российских территориях, занятых Золотой Ордой, полностью сохранилась православная религия и православная церковь, а история знает много примеров противоположного толка.

Современный российский историк Э. С. Кульпин пишет: «Принято думать, что возникновению русского суперэтноса, развитию российской цивилизации и культуры России полити-

ческое объединение народов в государстве Золотая Орда отнюдь не способствовало, а препятствовало. Однако у правил бывают исключения. То, что Золотая Орда является именно таким исключением, стало ясным лишь в последние десятилетия в связи с развитием в России социоприродной истории, в ходе комплексных исследований взаимоотношений природы и общества в Восточной Европе и Евразии в целом» [Кульпин, 2001, с. 74].

Начиная с XVII в., российское культурное пространство интенсивно расширяется за счёт освоения территорий Сибири и Дальнего Востока. В частности, происходит заметное сближение приграничных культурных пространств Монголии и России. Параллельно с проникновением в азиатскую часть страны значительных групп переселенцев, торговцев и промышленников просвещённая мысль России всё более обращается к Востоку. В российской культуре стабильно растёт интерес к духовным достижениям азиатских цивилизаций, а вместе с тем и к принятым на Востоке формам жизнедеятельности. Выдающиеся русские мыслители всячески приветствовали это сближение и, более того, всегда отмечали близость, «восточную природу» многих черт русского национального характера и менталитета с народами Азии, и Монголии в том числе.

Великий мастер литературной психодрамы Ф. М. Достоевский, обращаясь в своей публицистике к Востоку, призывает Россию «повернуть в Азию». Он пишет: «В Азии, может, ещё больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших может быть Азия-то и есть наш главный исход!.. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты ещё более, чем европейцы... Это ошибочный стыд наш, это ошибочный наш взгляд на себя единственно как на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать)... Со стремлением в Азию у нас возродится подъём духа и сил...» за то, чтобы Россия трансформировалась таким образом, чтобы быть способной совместно с азиатскими народами изолироваться от разлагающего влияния Запада [Майский, 1921].

Одним из факторов, способствующим появлению черт российской ментальности в менталитете монголов является то, что в составе России есть значительное число этносов монголоидных и, что особенно важно – монголоязычных и тюркоязычных групп населения. Причём, территориально расселение бурят, калмыков, тувинцев, алтайцев и др. происходит в непосредственной близости к Монголии, что значительно облегчает связи народов двух стран, и этот фактор сегодня становится одним из важнейших в процессе дальнейшего сближения народов России и Монголии. Принято считать, что чтобы стать личностью и членом национально-культурного сообщества, человек должен пройти процесс социализации и инкультурации, или, как говорил А. Н. Леонтьев, – «путь вrastания в цивилизацию» [Леонтьев, 1972, с. 19]. Однако процессу «вrastания в цивилизацию», на мой взгляд, должен предшествовать процесс *вrastания в менталитет* своего народа и знакомство с менталитетом *народов-соседей*, какими и являются для Монголии аборигенные группы российского населения вдоль её северной границы с Россией. Сутью этого процесса и одновременно его целью является трансляция культуры. Основным каналом трансляции культуры является русский язык, ибо на начальном этапе социализации культура транслируется, как правило, в виде фольклорных текстов (например, сказок, песен, стихов, пословиц, игр и т. д.), в которых в наибольшей степени отражается менталитет каждого народа.

Важнейшим этапом сближения этнокультурного пространства стал советский период развития Монголии. 70 лет развития Монголии в 20 веке напрямую связаны с огромным влиянием советского менталитета в социально-экономической, этнокультурной области и с массовой популярностью русского языка. Весь этот период охарактеризован не только политико-экономическими тенденциями развития, но и сближением человеческих отношений, межкультурного пространства. Советские люди учили грамоте, науке, создавали основы научной медицины, материально-техническую базу экономики, вместе работали плечом к плечу с монгольскими коллегами. Как поэтично выразился выдающийся поэт Монголии, «в бою сражались в одном экипаже, трудились в одной бригаде». До 1990 г. изучение русского языка в средних школах было обязательным. Кроме того, с учётом пребывания в то время большого числа советских специалистов и военнослужащих, на территории страны действовало немало школ, работавших по программе российских учебных заведений. После начала демократических перемен почти все они были закрыты.

В результате массового оттока русскоязычных специалистов и военных из Монголии после распада СССР в 1991 г., а также как следствие разрыва торгово-экономических связей между странами бывшего соцлагеря, количество русистов в Монголии резко сократилось в 1990-е гг. Официальные власти страны также предпочли несколько дистанцироваться от русского языка из-за временного падения его экономической ценности. В школах с 4-го класса было введено обязательное изучение английского языка, резко увеличилась, опять же по экономическим причинам, и популярность китайского языка.

К сожалению, за период начиная с конца 80-х гг. XX в., в Монголии выросло поколение людей, не изучавших русский язык, и только в последние годы это положение начинает исправляться. Согласно постановлению министерства образования, культуры и науки Монголии, с 2006–2007 учебного года во всех средних школах Монголии введено обязательное преподавание русского языка с 7-го класса.

С другой стороны должно активизироваться встречное движение по изучению монгольского языка и монгольской культуры в России. Эта мера также могла бы способствовать развитию единого этнокультурного пространства. Настало время искать не то, что нас разъединяет, а то, что нас объединяет. Настало время, как говорится, «не разбрасывать камни, а собирать камни». При этом следует помнить, что *в менталитете русских и монголов – много общего*, и это та база, на которой и можно строить отношения дружбы и уважения между народами двух стран, формировать толерантность.

Перечислю некоторые ментальные качества русских и монголов, которые, на мой взгляд, мало чем отличаются друг от друга. Это и любовь к своей Родине, и любовь к природе, любовь к своим детям, общие черты национального характера, сформированного суровыми климатическими условиями обеих стран, верность сохраняющимся традиционным праздникам и обрядам, обычаям и правилам поведения в обществе, обоюдное гостеприимство, чувство долга, верность данному слову, любознательность, музыкальность, трудолюбие, нетерпимость к воровству и обману и др. Даже монгольский обычай «подарок – отдарок» (ответный дар) и тот имеет свои глубокие корни в традиционной русской культуре. Однако главное ментальное качество, общее для русских и монголов, это то, что в психологическом отношении – это *народы-коллективисты*. Взаимопомощь, взаимовыручка – вот определяющие черты этих народов.

Я абсолютно уверен, что любой русский человек полностью согласится со смыслом монгольских пословиц, которые, собственно говоря, и выражают ментальные качества народа: «Коня познают в дороге, а человека в дружбе»; «Старого уважай, а малого воспитывай»; «Дай приют старому, вытри слезы малому»; «К ветвистому дереву птицы слетаются, к приветливой юрте народ собирается» и др. Русский человек полностью согласится с монгольской композицией счастья (*таван буян*), состоящего из пяти благодатей: долголетия, богатства, здоровья, добротели, смерти от старости [Кургузов, 2003. с. 239].

Обобщая всё вышесказанное, следует сделать вывод о том, что в стремлении формирования образа России в монгольском обществе и формирования образа Монголии среди русских ведущее место должны занимать популяризация русского языка и формирование *ментально-лингвистического комплекса* – этого процесса, который представлен тремя ипостасями: *мышлением, сознанием и языком*. Русское слово «ДРУЖБА» и монгольское «НАЙРАМДАЛ» являются ключевыми словами и верным ориентиром в сближении менталитета двух братских народов. Эти два слова доказали свою ментальную общность и надёжность не только в совместных боях на Халхин-голе против милитаристской Японии, не только в совместном труде по созданию крупных промышленных комплексов в Дархане, Эрдэнете, Баганууре, Борундуре, но и практически во всех сферах повседневной человеческой жизнедеятельности.

Список литературы

- Кульпин Э. С. Цивилизационный феномен Золотой Орды // ОНС. 2001. № 3.
Кургузов В. Л. О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионального образца // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. – Улан-Удэ, 2003.
Кургузов В. Л. Восток – Россия – Запад: теория и практика межкультурной коммуникации. – Улан-Удэ, 2003.
Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М., 1972.
Майский И. М. Современная Монголия. – Иркутск, 1921.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МУЗЕЙНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СИБИРИ

В статье рассматривается опыт работы международной неправительственной организации Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) Международного совета музеев в Сибири по изучению и сохранению природного и культурного наследия, подготовке профессиональных кадров. Автор обращает внимание на основные итоги многолетней работы Комитета в Сибири. Разнообразные формы работы: ежегодные симпозиумы и международные музеологические школы, мастер-классы, выставочные проекты, научные издания стали популярными и востребованными среди музейных работников и музеологов. Научные результаты деятельности международной организации представлены в коллективных монографиях, сборниках научных конференций, периодических изданиях, диссертационных исследованиях. Автор доказывает, что развитие музеев в настоящее время невозможно без глубоких знаний основ музейного дела в разных странах мира, изучения международного опыта деятельности музеев. Успешно решить эти проблемы помогает сотрудничество с Комитетом музеологии Международного совета музеев и его регионального подразделения АСПАК.

Ключевые слова: музей, музеология, международное сотрудничество, культурное наследие.

O. N. Truevtseva*Altai State Pedagogical University. Barnaul, Russia***INTERNATIONAL MUSEUM COOPERATION IN SIBERIA**

The article deals with the experience of international non-governmental organization Committee for Museology of Asian and Pacific Countries (ASPAC) of International Council of Museums in Siberia for the study and preservation of natural and cultural heritage, as well as professional training. The author draws attention to the main results of activities of the Committee in Siberia. Various forms of work including annual simposia and international museological schools, workshops, exhibition projects, scientific publications have become popular among museum workers and professional museologists. Scientific results of the activities of international organizations are represented in collective monographs, proceedings of scientific conferences, periodicals, dissertation researches. The author proves that the development of museums is currently impossible without thorough knowledge of the fundamentals of museum activities in different countries, studying of international experience of museum activity. Cooperation with the Committee for Museology of International Council of Museums and its regional office ASPAC helps to succeed in solving the problems outlined above.

Keywords: museum, museology, international communication, cultural heritage.

Международное сотрудничество становится неотъемлемой частью процесса сохранения природного и культурного наследия. Особенно продуктивно последние годы развивается приграничное сотрудничество. Осуществляются многочисленные совместные проекты, идёт интенсивное изучение опыта работы, проводятся симпозиумы, конференции, мастер-классы, музеологические школы, выставки. Организатором этой работы в Сибири выступает Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона – АСПАК.

АСПАК – это структурное подразделение Комитета музеологии (ИКОФОМ), являющееся частью Международного совета музеев (ИКОМ). АСПАК возник по инициативе сибирских учёных в 2003 г., вначале под названием Комитет музеологии Сибири (ИКОФОМСиб). Создание этой общественной организации имело важное значение для включения провинциальных музеев Сибири в международное музейное сообщество. Как известно, в послевоенные годы, да и в постсоветский период, участие в деятельности международной организации было возможно только для представителей Москвы и Петербурга. Сибирская музеология оставалась на периферии этого процесса. С появлением Комитета музеологии Сибири, а затем АСПАК, сотрудничество с коллегами музеев разных стран мира стало более свободным и открытым. Сегодня мы отмечаем существенный прорыв сибирских музеев и музеологов в этом направлении.

Решение Комитета музеологии о создании регионального отделения в Сибири в 2003 г. имело беспрецедентный характер. Первым региональным комитетом в структуре ИКОФОМ был открыт Комитет музеологии стран Латинской Америки, объединяющий музеологов четырнадцати стран огромного континента. Создание региональной организации в азиатской части России было, скорее, исключением из правил. С одной стороны в этом проявилось стремление оказать содействие в развитии музеев Сибири, а, с другой, признание вклада сибирских музеологов в развитие этой международной организации.

Инициатива наших учёных по освоению опыта зарубежных коллег со временем привела к необходимости расширения границ сибирского регионального подразделения. Дело в том, что проекты, осуществленные Сибирским Комитетом музеологии, вовлекали в орбиту своей деятельности не только страны бывшего СССР, но и ближайших соседей – Монголии, Китайской Народной Республики, Японии, Южной Кореи, Тайваня. Всем представителям этих стран в ИКОФОМ пришлось по душе размах научной и социокультурной работы Комитета музеологии Сибири, направленной на изучение опыта работы национальных музеев, природного и культурного наследия этих стран. Всё это существенно обогащало знания, способствовало развитию науки и практики.

Какие основные проекты удалось осуществить за период работы ИКОФОМСиб и АСПАК?

Первым международным форумом музеологов и практических работников музеев в Сибири стал ежегодный симпозиум ИКОФОМ 2003 г., состоявшийся в двух городах Сибири – Красноярске и Барнауле. Членам правления авторитетной международной организации участникам симпозиума пришлось преодолеть тысячи километров, чтобы приехать в Красноярск, а затем в Барнаул. Масштабы Сибири поразили зарубежных гостей. Кроме того, они увидели большое желание сибирских специалистов сотрудничать с коллегами из музеев других стран, изучать опыт их работы. Только на Алтае в симпозиуме приняло участие более 500 человек: сотрудников музеев и музеологов, социологов, историков, краеведов, культурологов, археологов и просто заинтересованных лиц из различных городов Сибири. Красноярские Биеннале стали площадкой для форума и собрали значительное количество участников. Это было незабываемое событие в жизни сибирских музейщиков. Вот тогда-то действующий президент ИКОФОМ, проф. Х. К. Фирегг приняла решение о необходимости создания регионального Комитета в Сибири [Museology – an instrument..., 2004, 209 p.]

Сохраняя традиции Комитета музеологии и следуя основным положениям Устава, сибирский комитет активно включился в работу. С этого времени в Сибири ежегодно стали организовываться международные форумы, научные конференции, музеологические школы, мастер-классы, экспонироваться выставки [Труевцева, 2009].

Весьма значимым музеологическим форумом стало проведение XXXI Ежегодного симпозиума Комитета музеологии Международного Совета музеев по теме «Музеи, музеология, глобальные коммуникации» в двух странах – Российской Федерации (Новосибирск) и Китайской Народной Республике (провинция Чанша) в 2008 г. Международный совет музеев Китая, Научный совет по музеям и Институт истории СО РАН, Алтайская государственная педагогическая академия, Детская школа искусств «Традиция» с. Власиха стали его активными участниками и организаторами. [Труевцева, Шелегина, 2009]. Китайская Народная Республика и Россия для проведения симпозиума были выбраны не случайно. Это было результатом развития российско-китайского сотрудничества, партнёрства, усиления культурных, научных трансграничных связей. В работе симпозиума приняло участие более 300 специалистов из 18 стран мира. Российскую делегацию в Китае представляли руководители и сотрудники музеев, учёные академических и высших учебных заведений, преподаватели истории, археологии, этнологии, музеологии, руководители и научные сотрудники федеральных, государственных, муниципальных, академических, вузовских музеев Сибири. Тема симпозиума в КНР – «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» отражала общемировые тенденции в развитии музейного дела. Известными музеологами из стран Европы и Азии, Северной и Южной Америки обсуждались проблемы глобальных коммуникаций, включающие следующие аспекты этой темы: музеи как посредники в передаче информации, всемирный диалог среди музейных объединений, влияние на развитие

музейного дела социально-экономических изменений, необходимость культурного разнообразия; технологии коммуникации; музеи, музеология и социальное воздействие информатики; символика виртуального пространства и новые интерпретации действительности; мировое восприятие, сохраняющее множественную подлинность, мировое наследие в изменяющемся мире [Museums, museology..., 2009]. Знакомство с богатейшим наследием и культурой Китая было продолжено в следующем году.

Ежегодный Симпозиум Комитета музеологии Сибири 2009 г. был организован в столице Тайваня Тайпее. Для международного обсуждения была выбрана актуальная тема «Музеи для общества XXI века». Министерство культуры Тайваня оказало финансовую поддержку участникам: 23 специалиста, занимающихся проблемами изучения наследия в Сибири, смогли участвовать в симпозиуме и познакомиться с уникальной технологией сохранения раритетов в музеях Тайваня, посетить закрытые фонды и реставрационные мастерские, оборудованные новейшими мультимедийными средствами. Коллекция Музея императорского дворца – одна из крупнейших сокровищниц, где хранится более 600 тысяч предметов от эпохи неолита до расцвета китайской цивилизации – эпохи династии Цин, произведения живописи, графики и каллиграфии, изделия из нефрита, фарфора, бронзы, редкие книги и исторические документы, одежда и украшения. Все эти сокровища были представлены участникам симпозиума. В рамках конференции обсуждались проблемы музейной политики, статус музеев, общемировые и внутрисударственные стратегии, мультимедийные и цифровые технологии, туризм и культурные изменения в глобальной перспективе.

В последующие годы сибирские специалисты в области наследия стали участниками ежегодных симпозиумов Комитета музеологии в Бразилии, Республике Тунис, Франции, Японии, Тайване, КНР. Дискуссионные площадки форумов позволили зарубежным коллегам ознакомиться с опытом работы сибирских музеев.

Табл. Ежегодные симпозиумы ИКОФОМ (2010–2016 гг.)

2010	Музеи за социальную гармонию	КНР
2011	Диалогизм и опыт посетителя	Тайвань
2012	Музеи и посетитель: процесс, прогресс и протест	Тунис
2013	Специальный посетитель: каждый из нас	Бразилия
2014	Новые тенденции в музеологии	Франция
2014	Актуализация культурного наследия в странах Азии	Россия-Казахстан-Монголия-КНР
2015	Музеи-библиотеки-архивы	Япония
2015	Музей и культура	Тайвань
2016	Наследие – музей - туризм: мифы и современные реалии	Россия-Монголия
2016	Музеи и культурный ландшафт	Милан, Италия

Географические границы проектов свидетельствуют о глобальности исследуемых проблем. Тематика симпозиумов позволяет судить о возросшем внимании музеологов к проблемам диверсификации деятельности музеев, расширения музейных функций, сохранению музейного ландшафта, включению музеев в туристскую индустрию, подчеркивает особую значимость музеев в сохранении объектов природного и культурного наследия.

Изучению зарубежного опыта деятельности музеев и включению инновационных методик в практическую работу музеев во многом способствуют опубликованные материалы научных конференций, представленные в выпусках журнала «ICOFOM StudySeries».

Действуя в соответствии с Уставом Комитета музеологии, АСПАК ежегодно самостоятельно инициирует и проводит музеологические форумы в странах Азии – Казахстане, Монголии, Тайване, КНР [Труевцев, Труевцева, 2012, с. 245]. Например, трансграничный проект 2014 г. объединил учёных и работников музеев стран Большого Алтая. Тема форума «Актуализация

культурного наследия в странах Азии» привлекла учёных из России, Казахстана, Монголии, Китая, Германии, Тайваня. В проекте участвовала международная группа музеологов, постоянных членов АСПАК. Более 700 специалистов, работающих в музеях, туристических фирмах, высших учебных заведениях, школах, библиотеках, центрах наследия стали участниками форума и получили возможность знакомства с опытом работы лучших музеев разных стран мира, прямого общения с высококвалифицированными специалистами музейного дела [Труевцева, 2013].

Международный молодежный форум 2016 г. «Наследие – музей – туризм: мифы и современные реалии» был организован в России (Республика Бурятия) и Монголии (Эрдэнэт). Программа форума была разнообразной: научные конференции, мастер-классы, выставки книг, презентационная и дискуссионная площадки: «Современные практики в изучении, популяризации и мультипликации наследия: международный опыт», «Наследие и туризм = интеграция? Все "за" и "против"», открытые лекции, серия мастер-классов, семинаров и круглых столов. Особую значимость для всех участников проекта придавала обширная экскурсионная программа, позволившая увидеть масштабы влияния экологии на сохранность объектов природного и культурного наследия. Выступления участников на научной конференции были посвящены актуальным проблемам современности – сохранению и воспроизводству природного и культурного наследия, их музеефикации, реконструкции, реставрации.

Значимым итогом совместной работы специалистов в области наследия является подготовка научных сборников статей, написание монографий, учебных пособий, диссертаций.

Важным каналом обращения музеологов к музейным практикам являются международные музеологические школы. С 2005 г. под эгидой ИКОФОМ в Сибири ежегодно проводятся летние Международные музеологические школы. В качестве преподавателей в школах выступали известные отечественные и зарубежные музеологи: Хильдегард Фиерегг (Германия), Куо-Нинг Чен и Тсуимей Хуан (Тайвань), Ян Долак (Республика Чехия), Априза Хусаинова (Казахстан), Алмакан Найзабекова (Бишкек, Киргизия), М. Е. Каулен, А. А. Сундиева и М. Е. Майстровская (Москва), Л. М. Шляхтина (Петербург), В. А. Ламин и О. Н. Шелегина (Новосибирск), Э. И. Черняк (Томск), Н. А. Белоусова (Кемерово). На Алтай приезжали преподаватели и студенты из Германии, КНР, Тайваня. За тринадцать лет существования ИКОФОМСиб/АСПАК в Сибири было организовано и проведено более двадцати международных музеологических школ, слушателями которых были сотрудники школьных музеев, преподаватели и студенты высших учебных заведений, аспиранты, магистранты, учащиеся школ края, учреждений дополнительного образования. Местом проведения музеологических школ были различные города Сибири: Новосибирск, Улан-Удэ, Кемерово, Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Змеиногорск, Омск, Томск. В некоторых городах проведение школ стало регулярным. Например, кафедрой музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры музеологические школы проводятся один раз в два года. Неоднократно местом проведения музеологических школ (2006, 2012, 2015 гг.) был Музей истории горнозаводского производства им. А. Демидова г. Змеиногорска. Трижды зарубежных гостей принимали музеи рабочего поселка Тальменка. Ежегодными музеологические школы стали в школьном музее с. Власиха. Организаторами школ являются не только ведущие музеи регионов, но и муниципальные, районные, сельские и школьные музеи. Тематика музеологических школ, как правило, связана с изучением историко-культурного и природного наследия, технологии сохранения нематериального наследия. Необходимо отметить, что зарубежные учёные свои лекции читали на английском, немецком, французском языках, что во многом определило дальнейшее стимулирование слушателей к изучению иностранного языка [Труевцева, 2016].

Юбилейная XV международная летняя школа была проведена в трёх регионах: Республике Бурятия, Алтайском крае и Республике Алтай. Маршрут соединил два объекта природного наследия, включённых в Список всемирного наследия ЮНЕСКО – озеро Байкал и Телецкое озеро, расстояние между которыми составляет более 2500 км. Программа включала: видеоконференцию; молодёжный фестиваль «Этностиль – 2013»; мастер-классы, семинары, студенческие проекты. Тема XV музеологической школы была посвящена проблеме «Музеи, исчезающее и воспроизведённое наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия». В выс-

туплениях участников проекта приводились не только многочисленные факты разрушения уникальных памятников истории и культуры, но и примеры по возрождению, реконструкции, реставрации, реституции объектов, включении в турбизнес.

Президент Комитета музеологии Международного совета музеев, профессор Х. К. Фиерегг (Мюнхен, Германия) акцентировала внимание на крупномасштабной музеефикации объектов культуры Германии, рассказала о реконструкции музеев в странах Европы. Профессор Самбалхүндэв Хаш-Эрдэнэ (Улан-Батор, Монголия) рассказал о беспрецедентном примере общенациональной борьбы жителей Монголии за возвращение на родину из США уникального объекта палеоэкологии – скелета крупного двуногого хищника мелового периода тарбозавра Батаар, которого американцы хотели выставить на продажу с аукциона. Директор Центрально-Азиатской Сети по культуре и искусству Алмакан Найзарбекова (Бишкек, Кыргызстан) поделилась опытом по организации ежегодных международных фестивалей ремёсел, способствующих возрождению народных промыслов. Учёные Гайнаньского национального университета культуры и искусств представили современные технологии реставрации произведений искусства и каллиграфии. Директор Института истории СО РАН, академик В. А. Ламин и ведущие научные сотрудники института О. Н. Шелегина и И. В. Сальникова рассказали о новейших технологиях сохранения наследия Академии наук и представили результаты исследований мумии с плато Укок.

Значительный интерес вызвали выступления сибирских учёных и практических работников музеев. Главный хранитель Алтайского государственного краеведческого музея Ю. А. Абрамова поведала о коллекциях горно-металлургической промышленности на Алтае XVIII–XIX вв., хранящихся в фондах музея и о редких моделях, внесённых в реестр федеральных памятников научно-технической мысли России. Выступление П. С. Коваленко, аспиранта кафедры историко-культурного наследия и туризма АлтГПА было посвящено проблеме реконструкции, реставрации и музеефикации уникального памятника архитектуры русской православной церкви в г. Бийске «Архиерейское подворье». Руководители творческого коллектива Детской школы искусств «Традиция» с. Власиха поделились опытом по возрождению и воспроизводству традиций русской культуры. Народные мастера Алтайского края провели мастер-классы с презентацией технологии изготовления предметов декоративно-прикладного искусства. Традиции русского гостеприимства продемонстрировали сотрудники Муниципального образовательного учреждения «Тальменский районный краеведческий музей». В Тальменке же состоялась и встреча on-line с известными музеологами двух университетов Санкт-Петербурга: государственного университета и Университета культуры и искусств. Лекции учёных Петербурга прослушали преподаватели шести Школ искусств и общеобразовательных школ, специалисты районных и сельских музеев Алтайского края. В Барнауле, в выставочном зале «Универсум» Алтайского государственного университета состоялось ещё одно мероприятие – открытие регионального молодежного фестиваля-эстафеты «Этностиль – 2013» [Труевцева, 2013].

Неоднократно Международные музеологические школы проводились на базе музеев академических институтов Сибирского отделения РАН – Института истории в Новосибирске и Института Монголоведения, буддологии и тибетологии в Улан-Удэ, во время которых для музейных специалистов предоставлялась уникальная возможность познакомиться с инновационными технологиями изучения, хранения и представления наследия в академических музеях Сибирского отделения РАН.

В 2015 г. на базе Алтайского государственного педагогического университета и Музея истории развития горного производства им. А. Демидова г. Змеиногорска состоялась международная музеологическая школа по теме: «Привлечение учащихся к сохранению, изучению и воспроизводству культурного наследия». Школа проводилась в форме комплексного научного и социокультурного мероприятия, включающего выставки детского декоративно-прикладного творчества и ремёсел, этнофестиваля, мастер-классов, детской музеологической школы, презентации научных изданий, научной конференции. В ходе симпозиума большое внимание уделялось привлечению детей и молодёжи к сохранению культурного наследия. Специально для преподавателей школ были подготовлены стенды, выставки, мастер-классы, раскрывающие опыт педа-

гогов учреждений образования края. Участники этих мероприятий, а их было более 400 человек, представляющих образовательные учреждения 3-х городов и 16 районов Алтайского края, с большим интересом прослушали выступления директора Музея истории мировой религии профессора Куо-нинг Чен из Тайваня, ректора университета Маргада Цогтбадрах Эрдэнэчулуун и профессора Х. Самбалхундев из Монголии, профессора Х. Фиерегг из Германии, молодых специалистов «Павлодарского Дома географии».

Одним из ярких примеров налаживания международного и межрегионального сотрудничества является проведение ежегодных детских музеологических школ «Наследники традиций» на базе Муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств «Традиция» (с. Власиха). С 2008 г. детские международные музеологические школы в «Традиции» стали ежегодными [Труевцева, 2015].

Итогом многолетней международной деятельности АСПАК стала подготовка электронной версии «Красной книги исчезающих объектов культурного наследия Алтайского края», к участию в которой наряду с известными учёными были привлечены руководители школьных музеев, учителя истории и краеведы края (проект реализован при поддержке Губернатора Алтайского края). Результатом многолетней работы с музейной общественностью Алтайского края стало и создание экспериментальной площадки на базе детской школы искусств «Традиция» с. Власиха, где предусмотрено создание условий, максимально приближенных к этнокультурной среде с целью приобщения участников образовательного процесса к истокам традиционной народной культуры, и на этой основе – развитие творческих способностей и этнотолерантных качеств. Таков далеко не полный перечень мероприятий, осуществлённых совместно учёными и практическими работниками музеев стран Азии и Тихоокеанского региона. Сотрудничество помогло раскрыть богатый потенциал природного и культурного наследия, интересный опыт его сохранения и воспроизводства. Перспективные планы, намеченные АСПАК, внушают оптимизм, твёрдую убеждённость в эффективности сотрудничества музеологического сообщества разных стран.

Список источников и литературы

- Труевцев Н. В., Труевцева О. Н.* История Комитета музеологии международного совета музеев. – Saarbrücken: LAP LAMBERT. Academic Publishing, 2012. – 245 с.
- Труевцева О. Н.* Деятельность Комитета музеологии Сибири по организации международного сотрудничества в области сохранения культурного наследия // Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество. – Улан-Удэ, 2009. – С. 177–185.
- Труевцева О. Н.* Международное сотрудничество в области музеологии и подготовки профессиональных кадров // Анохинские чтения : мат-лы VI научной конференции, посвящённой 140-летию А. В. Анохина. – Горно-Алтайск, 2013. – С. 164–170.
- Труевцева О. Н.* Новый этап международного сотрудничества в музеологии // Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. – С. 16–19.
- Труевцева О. Н.* Музеологические школы – эффективное средство повышения краеведческой подготовки учителей // Институционализация содержания и организации условий инновационной образовательной среды высшей педагогической школы. – Павлодар: БГПИ, 2015. – С. 282–285.
- Труевцева О. Н.* Формы и результаты деятельности международных музеологических организаций (конец XIX – второе десятилетие XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. т. 23. № 1. – с. 102–106.
- Труевцева О. Н., Шелегина О. Н.* ИКОФОМСиб в Азии // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе. – Томск, 2009. – С. 22–35.
- Museology – an Instrument for Unity and Diversity?* International Symposium, organized by ICOFOM and Altay State Academy of Culture and Arts. 6–13 September 2003. – Munchen, 2004. – 209 p.
- Museums, museology and global communication.* ICOFOM Study Series –IIS 38. XXXI Annual International symposium. – Changsha, China, 2009. – 144 p.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЕЛЕУТОВ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «ЧОЛКОЙ»

В статье рассматриваются проблемы сохранения и презентации культурного наследия одного из малочисленных народов Кемеровской области – бачатских телеутов. Раскрываются формы работы с посетителями, основанные на применении метода театрализации, способствующие их включению в проводимые в музейном пространстве действия и освоению уникальных элементов народной культуры.

Ключевые слова: *музей, традиционная культура, историко-культурное наследие, инновации, метод театрализации.*

V. V. Chelukhoyev

Historical and Ethnographic Museum 'Cholkoy'. Bekovo, Kemerovo region, Russia

PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE TELEUTS IN THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC MUSEUM "CHOLKOY"

The article deals with the problems of preservation and displaying of the cultural heritage of one of the small numbered indigenous peoples of Kemerovo region – Bachat Teleuts. The author describes the forms of communication with visitors based on the dramatization method, which contributes to their involvement in the ongoing activities in museum space and their familiarizing with unique elements of ethnic culture.

Keywords: *museum, traditional culture, historical and cultural heritage, innovation, dramatization method.*

В настоящее время актуальными являются вопросы сохранения историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири, одним из которых являются телеуты.

Телеуты – один из тюркских народов южной Сибири численностью около 2500 человек. В настоящее время они в основном проживают в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области. Этот народ известен также под названием «бачатские телеуты», поскольку большая его часть проживает по берегам рек Большой и Малый Бачат. Именно здесь в селе Беково Беловского района в 2000 г. открылся Историко-этнографический музей «Чолкой». Несмотря на то, что музей «Чолкой» является довольно молодым, он стал одним из самых посещаемых музеев Кузбасса. Среди посетителей музея можно увидеть не только жителей Кузбасса и всей России, но и из других стран мира. Заявки на посещение музея принимаются исключительно заранее (зачастую за несколько недель, месяцев) с точным обозначением даты и времени. Такой наплыв посетителей обязан интересному и даже необычному оформлению экспозиций, а также нестандартным методам работы сотрудников музея, которые находятся в постоянном поиске новых форм и методов в своей работе.

Музей «Чолкой» состоит из двух частей. Первая и основная часть музея занимает 700 кв. м второго этажа здания дома культуры. Здесь можно увидеть обрядовый зал, в котором презентуются основные традиционные обряды телеутов, такие как обряд жертвоприношения, захоронения и, конечно, самый яркий и интересный свадебный обряд. А ещё можно побывать в зале природы, зале современной истории и нескольких выставочных залах.

Вторая часть музея – это музей под открытым небом площадью 1,5 га, где воссозданы строения XVII–XX вв. В музее под открытым небом можно ознакомиться с такими экспозициями, как конусная юрта, шестиугольная бревенчатая юрта, плетёная землянка, меновой дом, изба XIX–XX вв., сторожевая башня острога, действующая кузница, юрта с ремёслами, в которой собрана информация о выделке кожи, войлочная юрта. Здесь же можно увидеть разновидности изгородей, выставку окаменелых деревьев и, конечно, любимое место всех юных посетителей – живой уголок, в котором можно увидеть и покормить голубей, кроликов, пони и мула.

Особый интерес вызывают нестандартные формы и методы работы сотрудников музея, в том числе и в плане сохранения нематериального наследия телеутов. Коллективом музея непрерывно ведётся сбор и изучение обрядов и обычаев телеутов. В дальнейшем на основе собранных данных сотрудниками музея проводятся всевозможные мероприятия. Например, в ходе обычных экскурсий посетителям рассказывается про обычаи и обряды телеутов не только в древности, но и про то наследие, которое дошло до наших дней. Также проводится много реконструкций и театрализованных постановок, основанных на настоящих обрядах. Отдельно хотелось бы упомянуть мероприятие 2011 г., на котором директор музея В. И. Челухоев предложил инновационный способ проведения международной конференции, заключающийся во включении её участников в традиционный свадебный обряд телеутов. Это была реальная телеутская свадьба, в структуру которой включен обряд «кяре», и гости приняли в нём участие. Обряд «дарения платьев» стал интерактивным моментом музейной экскурсии: все его участники – гости из разных стран мира получили от родственников жениха подарки в виде традиционных телеутских платьев.

Музей широко практикует использование продуктивного в условиях современности метода театрализации, в основе которой – реконструированные обряды бачатских телеутов. Так, имеет место обряд смены «Сомдор». У телеутов берёза считается священным деревом. По сей день многие семьи с восточной стороны дома устанавливают несколько срубленных молодых берёзок, скреплённых между собой, каждая из которых символизирует определённого духа «пайана». Эта конструкция называется «Сомдор» и служит она семейным оберегом. Весной эти березки принято менять на новые или совершать обряд смены «Сомдор». Когда в музее проводятся реконструкции таких обрядов, посетители становятся непосредственными участниками данного действия. Главная идея таких реконструкций в том, чтобы дети не просто были наблюдателями, а непосредственными участниками и даже главными действующими лицами в обрядах и обычаях своих предков.

Отдельно хотелось рассказать о, казалось бы, самой обычной работе сотрудников нашего музея, которую они совершают при проведении простых ежедневных экскурсий. В музее «Чолкой» любая экскурсия основана на методе театрализации. Театрализованная встреча может меняться, но неизменным остается одно: в каждом таком небольшом представлении вы сможете увидеть фрагменты из жизни, обрядов и обычаев телеутов. Подобный способ встречи гостей в музее «Чолкой» начал применяться с самого начала работы, и он сразу привлек внимание. Огромный интерес людей к такому типу проведения экскурсий не случаен. Как только человек, приехавший в музей, делает первый шаг из автобуса, он словно на машине времени попадает в иную реальность и становится непосредственным участником происходящих в дальнейшем событий. В любое время года встреча гостей проводится на улице рядом с одной из юрт, где горит костёр. А возле костра сидят воины или кайчи играет на тапшуре, или девушки в красивых национальных платьях поют заунывную телеутскую песню. Такая необычная картина, увиденная с самого начала, погружает человека в мир традиционной культуры телеутов. Но экскурсант в этот момент даже не подозревает, что самое интересное ещё впереди, и из наблюдателя он превратится в непосредственного участника дальнейших событий. Следующий нестандартный приём, применяемый при встрече, заключается в том, чтобы приковать всё внимание к дальнейшему представлению. В этом самым действенным является сценарий с воинами. При подходе гостей к месту действия, воины, сидевшие у костра, вскакивают, обнажая клинки с криком: «Стой! Вы ступили на телеутскую землю!». Не менее действенным и интересным является появление телеутского князя верхом на лихом коне. Только из этих первых небольших мимолетных моментов посетитель получает не только впечатления, но и первичную информацию, в частности он видит не только национальный костюм, но и слышит национальную музыку или песню и обращает внимание на огонь, ключевая роль которого раскроется чуть позже. Затем обязательно следует диалог князя и гостей, фактически с этого момента экскурсанты из зрителей становятся участниками. В ходе дальнейшего диалога гости незаметно для себя становятся участниками нескольких обрядов. Прежде всего такой обряд как «кормление огня», в ходе которого происходит кропление огня (молоком, маслом или алкоголем), для того, чтобы задобрить духов огня. Также

Обряд «кормления» огня.

обряд «Алас, алас» окуривание гостей тлеющей можжевельной веткой, чтобы отогнать злых духов. И, пожалуй, кульминационным моментом всей театрализованной встречи является появление шамана, который совершает камлание и просит благословения у «Всевышнего Ульгения». А заключительным обрядом всего этого действия является повязывание ленточек на священное дерево берёзу и при этом можно загадать своё самое заветное желание, но оно обязательно должно быть добрым.

Все вышеизложенные обряды, которые использовались в театрализованной встрече ранее, были изучены сотрудниками музея. Но в театрализованной встрече все эти обряды были переработаны. Прежде всего сокращены по времени, в обрядах оставили только самые яркие и ключевые моменты, это было сделано для того, чтобы уложиться во временной лимит встречи, а также для лучшего понимания экскурсантами, которые не знакомы с культурой телеутов.

Несмотря на то, что обряды в ходе театрализованной встречи показываются фрагментарно, кому-то может показаться, что и примитивно, все-таки это один из действенных методов сохранения и популяризации нематериального наследия телеутов. Крайне важно, что при помощи такого метода подачи музей знакомит огромное количество людей с традициями, обычаями, обрядами такого народа как телеуты.

Таким образом, в настоящее время Бековский историко-этнографический музей «Чолкой» является главным центром сохранения историко-культурного наследия телеутов. Сотрудники музея, используя метод театрализации, презентуют уникальные проявления традиционной культуры телеутов и продолжают искать новые необычные формы работы с посетителем.

О. Б. Шрайбман

*Музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири»
Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия
e-mail: cleveroc@yandex.ru*

**ЭКСПОЗИЦИЯ ОТДЕЛА ПРИРОДЫ И ЭКОЛОГИИ МУЗЕЯ
«АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ СИБИРИ»
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

В статье описывается современное состояние экспозиции отдела природы и экологии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета и ценных научных коллекций. Особое внимание уделено фауне Кемеровской области: в экспозиции размещено 10 видов рыб, 87 видов птиц, 29 видов млекопитающих, а также 191 вид насекомых, обитающих в области. Наглядность экспозиции позволяет в доступной и интересной форме вести образовательную работу со студентами и школьниками.

Ключевые слова: зоологические коллекции, зоологическая экспозиция, музей, экологическое образование, чучела, фауна Кемеровской области.

O. B. Shraybman

*Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University
Kemerovo, Russia*

**EXPOSITION OF THE DEPARTMENT OF NATURE AND ECOLOGY
OF THE MUSEUM "ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA"
IN THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY:
ITS CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF UTILIZATION**

The article considers the current state of the exposition in the Department of Nature and Ecology of the Museum 'Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia' in the Kemerovo State University, and valuable scientific collections. Special attention is paid to the fauna of Kemerovo region: the exposition includes 10 species of fish, 87 bird species, 29 species of mammals, as well as 191 species of the insects living in the region. Prominence of the exposition allows us to conduct educational work with school and university students in understandable terms and in exciting form.

Keywords: zoological collections, zoological exposition, museum, environmental education, effigies, the fauna of Kemerovo region.

Вузовский музей, в отличие от краеведческих и академических музеев, одновременно решает целый комплекс задач: научных, учебных, методических, культурных и просветительских [Скалон, Гагина, 2011, с. 30]. Образованный в 1976 г. при кафедре зоологии Кемеровского государственного университета, музей был призван выполнять все эти функции. Об истории формирования фондов музея написан ряд статей [Гагина, 2002; Белоусова, 2011 и др.].

Современная экспозиция отдела природы и экологии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» была построена в 1989–1994 гг. под руководством Н. И. Белоусова из диорам, имеющих ландшафтно-экологическую направленность. Представители фауны природных зон Кузнецкой котловины и сопредельных территорий сгруппированы в разделы: тайга, степь и лесостепь, горы и др. природные комплексы. При создании экспозиции уделяется внимание не только научной, но и художественно-эстетической стороне оформления музейных экспонатов, в отличие от сухой академической формы многих учебных музеев.

В 1980-е гг. в музей поступали материалы многочисленных экспедиций сотрудников кафедры зоологии и музея по территории Кемеровской области, Казахстана, Туркмении, Чукотки, побережья Японского моря и других уголков страны. Немалую роль в пополнении фондов сыграло сотрудничество с Алма-Атинским зоопарком.

Результатами активного зоологического и экологического исследования Кемеровской области под руководством Т. Н. Гагиной стали организация ООПТ федерального значения государственного природного заповедника «Кузнецкий Алатау» и Шорского национального парка, изучение фауны области способствовало написанию Красной книги Кузбасса 2000 и 2012 гг., дипломных работ, кандидатских и нескольких докторских диссертаций.

Как отмечают сотрудники биологического факультета, в 1990-е гг. в музее начинается период стагнации [Скалон, Ефремова, 2002, с. 193]. К тому же застой в деятельности музея был усугублён уходом Н. И. Белоусова. С 1990 по 2001 гг. зоологические поступления в музей практически прекратились, экспедиционные выезды не проводились. За эти годы изготовлено всего 16 новых чучел, но гораздо больше было утрачено из-за небрежного и неправильного хранения, в том числе и редкие экспонаты, например, чучело детёныша леопарда. Фактически поддерживалась только имеющаяся экспозиция.

Многолетние мониторинговые исследования на биостанции в деревне Ажандарово Крапивинского района легли в основу уникальной остеологической коллекции млекопитающих, собранной под руководством В. Б. Ильяшенко и С. С. Онищенко. Остеологическая коллекция включает черепа и посткраниальные скелеты в основном насекомоядных млекопитающих и мелких мышевидных грызунов из более 200 географических пунктов, ежегодно пополняется. Это одна из наиболее ценных зоологических коллекций Кемеровского университета, обеспечивающая широкий спектр зоолого-экологических и морфологических исследований.

На кафедре также поступают энтомологические сборы ежегодных полевых практик студентов-биологов. Материалы пока не каталогизированы. Изучены только отдельные систематические группы насекомых, по которым проводились дипломные и диссертационные исследования студентов и специалистов кафедры.

Весь этот научный биологический материал требует особых условий хранения и постоянного контроля из-за низкой сохранности (повреждение личинками насекомых и др.). Отдельных кабинетов и специальных шкафов для хранения научных коллекций кафедры в музее нет, а подвалы, где находятся фонды музея, постоянно затапливаются. При создании музея планировалось использовать так называемую пристройку (ныне часть 8 корпуса), которая соединяла бы музей и кафедру зоологии, что было бы удобно для работы с фондами и поступлениями, и были бы дополнительные площади для экспозиции. Так как этого не произошло, музей вынужден максимально использовать имеющиеся площади под экспозицию. К тому же территориальное размещение в разных корпусах вызывает неудобства в работе, а отдавать часть материала для экспозиции у сотрудников кафедры нет стимула. Всё это привело к разделению кафедры зоологии и музея, а перечисленные выше ценные научные коллекции хранятся на кафедре зоологии и экологии.

В 2002 г. с возвращением в музей Н. И. Белоусова и его команды таксидермистов, ситуация меняется в лучшую сторону. Появилась возможность пополнения коллекций, проводится регулярная дезинсекционная обработка и реставрация имеющейся экспозиции. Уровень мастерства специалистов музейной таксидермической мастерской постоянно повышается – использование новых технологий, призовые места на международных чемпионатах по таксидермии. На сегодняшний день это одна из лучших мастерских за Уралом.

В условиях ограниченного финансирования и отсутствия экспедиций работа таксидермической мастерской была основана на взаимобмене с охотниками – шкуры за услуги по изготовлению чучел, что позволило получить ряд шкур животных и птиц. За эти годы экспозиция пополнилась чучелами 44 птиц, 47 млекопитающих, 3 пресмыкающихся и 9 рыб. Появилась новая коллекция рогов копытных – 19 экспонатов. В связи с новыми технологиями изготовления чучел – использования пенополиуретановых манекенов вместо черепов, удалось значительно расширить коллекцию черепов – 64 музейных предмета, преимущественно представителей отряда хищных млекопитающих.

Однако, поскольку экспедиционных сборов материала в настоящее время не проводится, зоологические поступления носят фрагментарный, ненаучный характер. Это в основном случайные приобретения шкур у охотников, дары музею. Такой способ поступления материала не

позволяет точно зафиксировать место и условия сбора (только со слов охотника), паразитов, содержимое желудка и прочие научные данные, то есть возникают сложности в создании научных паспортов, так как поступают часто уже ободранные шкуры. Тем не менее, коллекции чучел позвоночных, как и вся экспозиция, имеет высокий учебно-образовательный потенциал.

Основу энтомологических фондов музея составляют сборы энтомолога, художника-аниматора В. А. Полевода – 2009 экземпляров (1065 видов) беспозвоночных. Часть энтомологических материалов находится в экспозиции: 291 экземпляр (236 видов) членистоногих животных Сибири, Дальнего Востока и мировой фауны. Экспозиция сопровождается схемами и рисунками, имеющими научно-образовательное значение. Наиболее ценной является систематизированная коллекция пяденицеобразных бабочек (*Lepidoptera*, *Geometroidea*) В. А. Полевода – 2040 экземпляров, 506 видов. Многие экземпляры пядениц из проблемных групп снабжены изготовленными препаратами генитальных аппаратов для детерминации видов-двойников. Большая часть коллекции – это пяденицы Кемеровской области: 1110 экземпляров, 296 видов.

В 2009–2010 гг. проведена реконструкция третьего зала отдела природы – приобретены новые витрины, художественно оформлены разделы. Экспозиция дополнена новой био группой «Сибирь», включающей марала, лося, кабаргу, рысь, кабана, соболя, росомаху, колонка, волка, собак-волков, лис, зайцев, осоеда. Отдельный стендово-витринный блок посвящён Алтае-Саянскому региону, где представлена информация о деятельности Всемирного Фонда дикой природы, чучела позвоночных животных и энтомологические коллекции обитателей региона. В зале разместили карту «Особо охраняемые природные территории Кемеровской области». К следующему году, объявленному годом Особо охраняемых природных территорий, планируется дополнить карту информацией и фотографиями по каждой территории. По-новому оформлена и дополнена чучелами био группа «Азия». В раздел мировой фауны приобретены новые экспонаты: 14 голов парнокопытных (7 из них – африканские антилопы и бородавочник, 4 азиатских барана и 3 вида оленя – кабарга, северный и пятнистый, а также 2 чучела мелких антилоп дикдика и дукера), байкальские нерпы, корсак и другие чучела позвоночных животных. Переоформлена витрина морского дна. В экспозиции представлены примеры альбинизма и меланизма – белка-альбинос и черно-бурая морфа лисы.

В 2015–2016 гг. в экспозиции заменены старые схемы-рисунки новыми фото-схемами и подписями, включающими русское, латинское и английское название видов животных. Установлена плазменная панель для просмотра фильмов и презентаций. Удобство проведения занятий студентов в музейной аудитории отмечают сотрудники биологического факультета: экспозиция максимально используется в качестве наглядных пособий, способствует лучшему усвоению материала; таксидермисты предоставляют материал для исследования экто- и эндопаразитов животных [Калягин, Ефремова, 2011, с. 114].

Всего сейчас представлено в экспозиции 258 чучел позвоночных животных (192 вида), 25 черепов, 19 рогов и 324 экземпляра (257 видов) беспозвоночных.

В процессе формирования отношения человеческого общества к окружающей природной среде и к экологическим проблемам в целом, особое значение имеет научно-образовательный потенциал естественнонаучных музеев, в том числе и в учреждениях высшей школы, где научные коллекции становятся основой экологического образования населения. Жители региона плохо знают обитателей области, охраняемые государством виды. Однако именно получение представления о животных, их разнообразии и приспособлении к условиям окружающей среды является первым этапом экологического образования. Роль музея – повышать экологическую грамотность населения, способствовать воспитанию познавательно-эстетического отношения к природе, родному краю. Как справедливо указывают многие педагоги-экологи, знания, полученные в музее, гораздо лучше усваиваются и надолго запоминаются [Введенский, 2002; Гвоздева, 1998; Клюкина, 2000].

Поэтому особое внимание в отделе природы и экологии уделено фауне Кемеровской области. Из списка Кемеровской области в экспозиции размещено позвоночных животных: 10 видов рыб, 87 видов птиц, 29 видов млекопитающих, а также 191 вид насекомых. Наиболее полно представлены отряды хищных и парнокопытных. Собрана коллекция черепов млекопитающих,

рогов парнокопытных. Наглядность экспозиции позволяет рассматривать вопросы экологии, даёт представление о природном разнообразии региона и существующих в ней взаимосвязях. На примере животных, занесённых в красную книгу, мы имеем возможность проанализировать влияние человека на сокращение численности видов (неконтролируемый отстрел, акклиматизация новых видов, не свойственных данному региону, нарушение и загрязнение мест обитания и т. д.). 27 видов позвоночных животных и 7 видов насекомых, представленных в экспозиции, занесены в Красную книгу Кузбасса.

Важным дополнением музея стала биоэколаборатория «Центр помощи диким и экзотическим животным». В ней, помимо экзотических видов, много «отказников» – животных, которых человек заводит, не изучив сложности содержания и кормления (змеи, крокодилы и т. д.), а потом бросает. Периодически появляются «подранки»: раненые птицы – совы, коршуны и др. На этих примерах можно хорошо проиллюстрировать необходимость ответственного отношения людей к животным. И, конечно, лаборатория с ручными животными вызывает массу восторгов и эмоций у посетителей.

Для расширения возможностей доступа населения к музейным ресурсам сотрудниками музея создан сайт. Структура сайта отражает существующий музей, который включает информационный научно-образовательный комплекс с виртуальными экскурсиями. В связи с тем, что природоохранное и экологическое образование в настоящее время является одной из основных задач естественнонаучных музеев, на сайте добавлена информация по охраняемым территориям Алтае-Саянского региона. Пользователь может познакомиться с картой природных зон региона. Страницка по каждой природной зоне включает фотографии, сделанные сотрудниками музея во время экспедиций, описание экологических особенностей данной зоны, список представителей животного мира и наиболее редких видов, даёт ссылки на источники литературы. Каталог остеологической коллекции млекопитающих учебно-научной лаборатории КемГУ, «Зоологическая коллекция» кафедры зоологии и экологии, каталоги энтомологических коллекций музея представлены на сайте, что позволяет специалистам и интересующимся людям всего мира пользоваться имеющимися в музее научными данными. Планируется дальнейшее наполнение разделов.

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета – один из крупнейших вузовских музеев Западной Сибири. Поскольку экспозиция музея университета – единственная в своем роде, она является опорной точкой для учителей и педагогов, позволяет в доступной и интересной форме вести образовательную и воспитательную работу со студентами, школьниками и другими категориями населения. Структура построения экспозиции по археологии, этнографии и природному разнообразию способствует образному восприятию истории с древнейших времен до современности, позволяет проследить использование человеком природных ресурсов, возрастание антропогенной нагрузки на природу.

В музее проводятся обзорные и тематические экскурсии, адаптированные для слушателей разного возраста. Экологические экскурсии охватывают все залы отдела: Кемеровскую область, Сибирь, Ближнее зарубежье, мировую фауну. Рассматриваются фауна природных зон Кемеровской области и Сибири, охотничьи и промысловые животные. Слушателям предлагаются тематические экскурсии по птицам, млекопитающим, включающие в себя сведения по классификации, особенностям строения, приспособления к различным средам обитания, редким видам животных. А для категории одиночных посетителей и для самостоятельной работы студентов в музее созданы QR-коды для отдельных экспонатов, которые можно считывать любым гаджетом, подключённым к Интернету. В научных обществах занимаются школьники, проводятся конференции, практики школьников и студентов.

Специфика работы музея даёт возможность объединить в единое целое информацию по биологии, экологии, истории родного края, рассмотреть с исторической точки зрения особенности местной флоры и фауны. Благодаря этому синтезу, раскрываются связи между развитием живой природы и человеческого общества, объясняется необходимость охраны уникальных природных ландшафтов, мест обитания животных, принципы организации системы особо охраняемых природных территорий [Аксёнова, 2013, с.174].

Площади музея используются под учебный процесс. Проводятся занятия по паразитологии, зоогеографии, музейному делу, на которых используются коллекции музея. Здесь же выполняются курсовые и дипломные работы; результаты научно-исследовательской работы студентов и преподавателей вылились в многочисленные доклады на региональных и международных конференциях

Таким образом, фонды и экспозиции музея востребованы и в образовательных, и просветительских целях. Посещение нашего музея составляет около 18000 человек в год. В это число входят студенты двух вузов – Кемеровского госуниверситета и Кемеровского института культуры, которые обучаются по специальностям «Музейное дело», школьники центров дополнительного образования. Полученные знания они используют на практиках. Контингент посетителей музея разнообразен: школьники, студенты, дошкольники, учителя, пенсионеры, научные работники, иностранцы.

Привитие экологической культуры музейными средствами подразумевает воспитание новой этики, ценностных ориентаций, выработку новых стереотипов поведения общества и каждого отдельного человека в отношении с различными природными объектами и сообществами. Образовательная среда естественнонаучного музея создает благоприятные условия для развития творческой активности личности, способствует воспитанию гуманизма, формированию представлений о нравственно-этических нормах поведения в обществе и природе [Андерсен, 1989, с. 55].

Список литературы

- Аксёнова П. В.* Музейная экскурсия как форма экологического воспитания дошкольников // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2013. Т. 22, № 4. – С. 171–178.
- Андерсен К.* Естественнонаучные музеи: время действовать // Museum. – 1989. – № 160. – С. 53–57.
- Белоусова Н. А.* Основатели музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 9–13.
- Введенский О. В.* Образовательная деятельность естественно-научного музея // Ценностно-смысловые ориентиры естественно-научного образования. Методика как наука и учебный предмет. Вып. 5. – СПб., 2002. – С. 66–73.
- Гагина Т. Н.* Зоологическому отделу музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета 25 лет // Музей и наука: материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2002. – С. 9–12.
- Гвоздева О. А.* Музей как средство экологического просвещения // Экология. Культура. Образование. – Киров, 1998. – С. 19–24.
- Калягин Ю. С., Ефремова Г. В., Зубко К. С.* Зоомузей как база учебного процесса со студентами биологического факультета Кемеровского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 112–114.
- Клюкина А. И.* Естественнонаучный музей как центр формирования экологической культуры: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2000. – 25 с.
- Скалон Н. В., Гагина Т. Н., Ильяшенко В. Б., Онищенко С. С.* Зоологические исследования и зоологические коллекции Кемеровского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 30–34.
- Скалон Н. В., Ефремова Г. В.* Проблемы и перспективы развития эколого-зоологического отдела музея Кемеровского университета // Музей и наука: материалы научно-практического семинара посвященного 25-летию музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2002. – С. 192–194.

**Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии
(проблемы интерпретации и сохранения)
материалы международной конференции**

Научное издание

Отв. редактор: докт. ист. наук, проф. **В. В. Бобров**
Редактор английского текста: канд. филол. наук, доц. **Т. А. Логунов**

Подписано к печати 04.10.2016. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$ Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Отпечатано в типографии издательства «Кузбассвуиздат».
Ул. Ермака, 7, Кемерово 650043. Тел.: (3842) 582934 www.kvi.bip.ru

